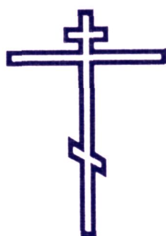

Богословские труды

36

ПОСВЯЩАЕТСЯ 2000-ЛЕТИЮ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Богословские труды

СБОРНИК ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
2001

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

ISBN 5-88017-068-3.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СБОРНИКА «БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ»

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

15—16 апреля 1997 года в Москве, в Свято-Даниловом монастыре, проходила научно-богословская конференция, посвященная 150-летию Русской Духовной Миссии (РДМ) в Иерусалиме. По решению Святейшего Патриарха Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви доклады конференции опубликованы в юбилейном сборнике «Богословских трудов» № 35.

В процессе работы над юбилейным сборником в редакцию поступили уникальные архивные материалы, освещающие историю РДМ. В результате кропотливого труда, связанного с расшифровкой рукописей и составлением комментариев, появился сборник, целиком состоящий из рукописного наследия таких корифеев отечественной науки, как А. А. Дмитриевский, В. Н. Хитрово. Были обнаружены и неопубликованные дневники самого известного начальника РДМ архимандрита Антонина (Капустина). Все эти материалы, публикуемые в сборнике № 36, представляют несомненный интерес и высокую научную ценность.

Редакция рассматривает два эти сборника (№ 35 и № 36) как единое целое, где представлены доклады современных авторов по актуальным вопросам жизни РДМ и прекрасная подборка не публиковавшихся ранее архивных материалов. В силу обстоятельств эти сборники вышли под разными номерами, но идеей, объединяющей их, остался 150-летний юбилей РДМ и неиссякаемый интерес к Святой Земле.

Н. Н. ЛИСОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди людей, которым мы более всего обязаны укреплением и утверждением русского православного присутствия в Святой Земле, одним из первых необходимо назвать основателя и фактического руководителя Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) В. Н. Хитрово.

Василий Николаевич Хитрово родился 5 июля 1834 г. Получив блестящее образование в Александровском лицее, он поступил на службу в Государственный контроль, затем — в Комиссариатский департамент Морского министерства. Позже служил в Министерстве финансов, занимался устройством в России первых ссудо-сберегательных товариществ и руководил ими в течение 20 лет. (См.: Хитрово В. Н. Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Вып. 1. СПб., 1881; Изд. 7. СПб, 1886).

Но подлинное свое призвание он обрел в Палестинском Обществе в работе по изучению Святой Земли и просвещению православных арабов Палестины. «Неутомимой, всегда бодрой энергии Василия Николаевича, его упорной настойчивости в преследовании задач, положенных в основание деятельности Православного Палестинского Общества, и, главное, его горячей до фанатизма, непоколебимой преданности этим задачам Общество почти всецело обязано своим развитием и занятым им ныне прочным положением как в пределах Святой Земли и Сирии, так и в самой России».

При этом В. Н. Хитрово предпочитал оставаться скромным тружеником, не делая из своей ответственной патриотической работы источника доходов или наград и почестей. На годичном собрании ИППО в 1902 году, посвященном двадцатилетнему юбилею Общества, он сказал: «Не в людях была причина успеха Общества, а в его идеале. Не мы одни, но вы, и тысячи рассеянных по Русской земле служат одному и тому же идеалу. Но есть одна, если не причина успеха Общества, то во всяком случае заслуга перед ним его руководителей, его Совета. Заслуга эта заключается в том, что ни разу не были потеряны подходящая минута или условие. Совет был всегда настороже и всегда наготове».

Глубокий духовный интерес к Святой Земле проявился в деятельности В. Н. Хитрово задолго до основания Общества. Летом 1871 года им была совершена первая — еще полутуристическая, полупаломническая — поездка в Палестину. Увиденное во время этого путешествия: тяжелое, беспомощное положение русских паломников и безотрадное состояние православной арабской паствы Иерусалимского Патриархата — произвели на вполне благополучного петербургского чиновника столь сильное впечатление, что весь духовный мир его изменился и вся дальнейшая жизнь его была посвящена делу укрепления позиции Православия на Ближнем Востоке. После того первого путешествия, он еще шесть раз посетил Святую Землю: в 1880 году — собирая материалы для доклада «Православие в Святой Земле», ставшего отправной точкой по мобилизации российского общественного мнения в пользу создания Палестинского Общества. В эту поездку он особенно сблизился с архимандритом Антонином (Капустиным), в котором нашел — во многих, хотя и не во всех вопросах — единомышленника и соратника. Конкретный опыт и неустанный труд отца Антонина по созиданию Русской Палестины стали образцом и примером для В. Н. Хитрово на все последующие годы.

21 мая 1882 года осуществилась его мечта: состоялось торжественное открытие Православного Палестинского Общества, устав которого двумя неделями раньше был Высочайше утвержден императором Александром III. Это было началом каждодневной тяжелой работы В. Н. Хитрово, которую он добровольно принял на себя, — первоначально как почетный член Общества и помощник его Августейшего Председателя, великого князя Сергия Александровича.

В 1884—1885 гг. мы снова видим Василия Николаевича в Иерусалиме, в связи с подготовкой строительства и закладкой храма во имя святой Марии Магдалины; в 1888 г. — в связи со строительством нового подворья, получившего впоследствии название Сергиевского. С 1889 года, когда Обществу были переданы имущества и полномочия прежней Палестинской (Мансуровской) Комиссии и присвоено почетное именование Императорского (с аббревиатурой ИППО) В. Н. Хитрово стал его секретарем, а практически — до самой своей смерти — единственным бессменным руководителем. Уже осенью того же года, облеченный новыми полномочиями, он едет в Святую Землю для принятия от Палестинской Комиссии находившихся в ее ведении Русских иерусалимских построек и имуществ. И надо сказать, по свидетельству самого Василия Николаевича, оба функционировавшие тогда при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме большие подворья — мужское, получившее позже именование Елизаветинского, и женское — позднее Мариинское, — были приняты им из рук Палестинской Комиссии в весьма расстроенном, практически аварийном состоянии: без окон, дверей и самой необходимой мебели. Работа по приведению их в должный порядок была выполнена быстро и эффективно Палестинским Обществом уже под личным руководством Василия Николаевича. Он объехал и осмотрел также 8 школ, открытых к тому времени Обществом для обучения палестинских детей. Просветительская работа среди местного арабского населения — одна из важнейших исторических заслуг Общества и лично В. Н. Хитрово. В 1902 году, уже больной и слабый, он специально ездил в Константинополь, чтобы добиться — с помощью Российского Посольства — официального признания Османской Турцией наших учебных заведений в Сирии и Палестине. Их было тогда 87, а к 1914 году стало 113.

Как видим, должность «секретаря» отнюдь не обрекала ее носителя на кабинетное сидение или исключительно научную работу. Тем не менее В. Н. Хитрово был хорошо известен русскому читателю и своими печатными трудами. Еще в 1876 году вышла в свет его книга «Неделя в Палестине», посвященная впечатлениям от первой поездки в Святую Землю. (Второе издание: СПб., 1879; 3-е, посмертное, — СПб., 1912). За ней последовали: «Палестина и Синай. Часть 1» (СПб., 1876), «Православие в Святой Земле», составившее 1-й выпуск 1-го тома основанного им «Православного Палестинского Сборника» (СПб., 1881), «Раскопки на Русском месте в Иерусалиме» (СПб., 1884), «Научное значение раскопок на Русском месте» (СПб., 1885).

Весьма удачны были и опыты научно-популярного изложения, предназначенного для самого широкого, неподготовленного читателя. Мы имеем в виду очень небольшую, карманного формата, но емкую содержательную книжку «К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника» (СПб., 1884; в 1895 г. вышло уже 7-е издание этой книги), а также несколько выпусков (или «чтений») в изданной ИППО научно-популярной серии «Русские паломники Святой Земли» (Чтения 39 и 40: Иерусалим и его окрестности. СПб., 1896, 1897; Чтение 41: Вифлеем, Хеврон, Горняя. 1898; Чтение 42: Иордан. 1900. Чтение 44: Лавры Саввы Освященного и Феодосия Киновиарха. 1898).

...Россия и Русское правительство всегда были скупы на благодарность своим самоотверженным сынам и подвижникам. Лишь на смертном одре, за неделю до кончины, Василий Николаевич был утешен царским высочайшим рескриптом. В нем говорилось: «Василий Николаевич! Из отчетов, представленных Мне

Августейшим Председателем Императорского Палестинского Общества, Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем, Я с отрадным чувством убедился в выдающемся успехе деятельности названного Общества. Основанные им в Святой Земле подворья для паломников и заведения учебные и врачебные вполне удовлетворяют своему полезному назначению; число православных паломников возросло до десяти тысяч в год; для ознакомления с историей и современным положением Палестины Обществом предпринят целый ряд ученых и общедоступных изданий. Столь блестящие результаты достигнуты благодаря пожертвованиям и постоянным заботам подвизающихся на пользу Общества ревнителей веры и благочестия, в ряду коих вы заняли видное место вашими свыше двадцатилетними плодотворными трудами в званиях Помощника Председателя, члена Совета и Секретаря Общества.

Сердечно сочувствуя возвышенным целям Православного Палестинского Общества, коему вы так много послужили, Я считаю справедливым за изъясненные заслуги ваши объявить вам Мое благоволение.

Пребываю к вам благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: НИКОЛАЙ».

Василий Николаевич умер 5 мая 1903 года в Гатчине, под Петербургом, на 69-м году жизни, на 22-м году существования основанного им Общества. Имя его золотыми буквами на черном мраморе мемориальной доски начертано в Русском Александровском подворье в Иерусалиме, у самого Порога Судных Врат, через которые Спаситель прошел на Голгофу и которые раскопаны были в 1883 году архимандритом Антонином (Капустиным) при самой активной поддержке В. Н. Хитрово.

Деятельность и творческое наследие основателя ИППО нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Особый интерес представляет не опубликованная и не введенная доныне в научный оборот большая статья В. Н. Хитрово «Русская Духовная Миссия в Иерусалиме», сохранившаяся в архиве ИППО, которую мы публикуем в этом сборнике.

Рукопись представляет собой большую, в четвертку, тетрадь, содержащую 84 ненумерованных листа, в картонном переплете, с шифром библиотеки Общества в левом верхнем углу: «ИППО. Н. VII. № 510». На внутренней стороне переплета, также в левом верхнем углу, экслибрис ИППО с тем же шифром.

Ни автор статьи, ни время ее создания не указаны. На корешке переплета золотым тиснением надпись: «Архимандр(итѣ) Порфирий». Но на форзаце, посредине страницы, сохранилась отчетливая карандашная помета: «Хитрово». Кроме этой, не известно кем сделанной надписи, авторство надежно устанавливается из внутренних данных текста. Так, на одной из первых страниц автор говорит: «В статье моей “Православие в Святой Земле” я подробно изложил...» и т. д Речь идет, несомненно, об упомянутой выше работе В. Н. Хитрово «Православие в Святой Земле». Перекликаются обе работы и по содержанию. Стиль, основательность и решительность суждений, критическое, иногда резкое отношение как к светскому, МИДовскому, так и к церковному, Синодальному, начальству почти безошибочно выдают в публикуемой статье твердую и талантливую руку основателя ИППО.

Время написания статьи определяется двумя содержащимися в ней хронологическими указаниями. Говоря о характере первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, «слишком прямом, решительном и своеобычном», автор добавляет: «каким он остался до конца своих дней». Следовательно, работа написана после смерти Преосвященного Порфирия (Успенского), скончавшегося 19 апреля 1885 г. И второе датирующее указание. На одной из страниц рукописи к имени архиепископа Фаворского Иерофея автором сделано примечание: «Скончавшегося в текущем году Патриархом Антиохийским». Очевидно, годом кончины Патриарха Антиохийского Иерофея — 1885 — и следует датировать рукопись.

Статья представляет большой источниковедческий интерес, к тому же написана живо и увлекательно. С некоторыми выводами автора трудно согласиться — особенно в его гиперкритической оценке реального исторического значения и вклада Русской Духовной Миссии (РДМ) и лично архимандрита Порфирия в первый период существования Миссии (1847—1854).

В целом, даже в самых жестких своих оценках, В. Н. Хитрово справедлив и объективен. Другое дело, что для адекватного понимания работы необходимо учитывать и «сверхзадачу» автора — его неустанную борьбу по объединению всех русских усилий в Святой Земле под эгидой Православного Палестинского Общества. Именно этой объединительной тенденцией обусловлена некоторая, скажем так, пристрастность при разборе промахов и неудач как внешнеполитического российского ведомства, так и духовных лиц и учреждений. В 1889 году цель В. Н. Хитрово, как отмечалось выше, была достигнута: Общество получило статус «Императорского», ему были переданы функции и имущественные права Палестинской Комиссии МИДа, через него стало осуществляться финансирование, а отчасти и руководство Русской Духовной Миссией в Иерусалиме.

Ряд конкретных неточностей, указанных нами в примечаниях, объясняется тем, что для автора, по собственному его признанию, «был закрыт архив Министерства иностранных дел». Большая часть относящихся к теме документов не была тогда опубликована, в том числе «Книга бытия моего» — дневники и воспоминания епископа Порфирия (Успенского). Тем важнее то место, которое занимает публикуемое исследование в довольной скудной историографии русского присутствия в Святой Земле. Без учета позиций и суждений В. Н. Хитрово невозможно, на наш взгляд, объективно разобраться в крайне сложном и напряженном контексте развития русского дела в Палестине.

К чести В. Н. Хитрово следует сказать, что, по ознакомлении с неизданным наследием епископа Порфирия (по «Описанию», изданному Сырку), он существенно изменил свое отношение к основателю РДМ, более того — выступил инициатором публикации вышеупомянутой «Книги бытия моего» за счет Палестинского Общества, что и было осуществлено в 1892—1904 гг.

В качестве приложений автор поместил в своем исследовании шесть документов, освещающих деятельность епископа Порфирия и предысторию создания Русской Духовной Миссии (1842—1847 гг.). Три из них были опубликованы П. В. Безобразовым в «Материалах для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы» (СПб., 1910). Мы сочли целесообразным сохранить их в данном издании.

В. Н. Хитрово
(1834—1903)

В. Н. ХИТРОВО

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

Введение

Издревле сношения России с Иерусалимскою Патриархиею носили характер исключительно религиозно-благотворительный. Священные имена палестинских урочищ служили всегда притягательною силою для Православной Руси, они же были причиною щедрой милостыни, которая постоянно пересылалась русским правительством Иерусалимской Патриархии вообще и отдельным ее епархиям в частности. Политическая роль Иерусалимского Патриарха относительно России ограничивалась сообщением о разных политических замыслах Высокой Порты и тем влиянием, которое Иерусалимский Патриарх имел на восточные церковные дела, живя почти постоянно в средоточии их — Константинополе.

Назначение наших резидентов при Высокой Порте и все бóльшее отвлечение нас западною политикою от восточных церковных дел уничтожили с середины прошедшего столетия и то ограниченное политическое значение, которое Иерусалимская Патриархия или, вернее, Иерусалимский Патриарх когда-либо для нас имели.

Для Иерусалимской же Патриархии Россия имела двоякое значение: одно, косвенное, — покровительство православным вообще и заступничество за них, в том числе и за Патриархию; и другое, более осязательное — тот неиссякаемый источник денежных средств, который из России шел ко Гробу Господню и другим святыням Палестины. Денежные средства являлись для Патриархии необходимостью, как единственное оружие для борьбы с турецким правительством, которое отчасти по наущению иноверных общин, отчасти само по стремлению к наживе, видело в этих поборах с Иерусалимской Патриархии весьма выгодное средство для постоянного дохода.

Таким образом, почти половина денежных средств, которыми располагала Патриархия, шла ежегодно на подкуп тех или других турецких чинов, весы которых в противном случае склонялись в пользу латинян и представителей их в Святой Земле — францискан, но другая, бóльшая половина, расходовалась вполне бесконтрольно на нужды Святогробского братства, — и для местной православной паствы не оставалось почти ничего.

Между тем за первые тридцать лет нынешнего столетия положение Иерусалимской Патриархии существенно изменилось. Слишком двухсотлетние предания, которыми она жила под оттоманским владычеством, очевидно стали отживать свой век, уступая влиянию новых обстоятельств. Освобождение Греции, образовав *новый* центр эллинизма, послужило первым поводом к возникновению, под влиянием западных веяний, панэллинизма и разделения Православия по национальностям, столь далекого от основных начал Церкви.

Пожар в 1808 году в храме Гроба Господня и восстановление его, борьба за независимость греков — все это вместе взятое к концу этого периода разорило Иерусалимскую Патриархию отчасти непредвиденными расходами, а еще более уменьшением доходов. Кроме того, затруднительность положения Иерусалимской Патриархии еще усугублялась тем, что, благодаря постоянно усиливающемуся влиянию европейской дипломатии на внутренние дела Турецкой империи, борьба Патриархии с латинянами в Святой Земле становилась с каждым годом затрудни-

тельнее и к вековому врагу присоединился еще новый враг Православия — протестантская пропаганда, опасная не сама по себе, а по заступничеству за нее Англии и впоследствии Германии.

В статье моей «Православие в Святой Земле»[1] я подробно изложил, как возникла иноверная пропаганда, какими средствами и оружием она борется, — не стану здесь вновь повторять сказанного.

Представленные общие черты достаточны, чтобы составить себе понятие об общем положении Иерусалимской Патриархии к концу тридцатых годов (XIX столетия. — *Ред.*). С одной стороны, желание во что бы то ни стало сохранить Патриархию национально греческою, с другой — усиленная борьба с латинянами и новым врагом: протестантами.

Знало ли наше Константинопольское посольство об изменении положения Иерусалимской Патриархии и считало ли оно необходимым принять против этого какие-либо меры, мне, для которого закрыт архив Министерства иностранных дел, неизвестно; но полагаю, что не знало или, вернее, не сознавало ясно, выводя это из самого хода дальнейших событий. Назначение в 1839 году русского Генерального консула в Бейруте, в ведение которого входил и Иерусалим, было вызвано исключительно политическими событиями. К тому же назначение консула в Бейрут, отстоявший в то время на слишком утомительный недельный переезд от Иерусалима, ясно изобличало, что назначение это не имело никакого серьезного отношения к Иерусалимской Патриархии, Патриарх которой жил к тому же почти постоянно в Константинополе.

Еще более наглядным доказательством, что сведение об изменившемся положении Иерусалимской Патриархии исходило не от нашего посольства, служит то обстоятельство, что меры для уяснения этого положения были навеяны на наше Министерство иностранных дел западною дипломатиею. Это подтверждается сопоставлением чисел последующих событий.

Едва в декабре 1840 года последний египетский солдат покинул Палестину, как прусское правительство обратилось 12/24 февраля 1841 года циркулярно к пяти великим державам с несколько фантастическим проектом, в котором предлагало:

1. Освобождение христиан от всех поборов при посещении святых мест.

2. Подсудность их исключительно христианским резидентам.

3. Владение святыми местами переходит к пяти державам за вознаграждение, уплачиваемое нынешним владельцам оных. Сион укрепляется, и в нем помещается гарнизон по 60 человек от каждой великой державы. Гора Мориа оставляется туркам.

4. Христиане образуют четыре общины: католическую, греческую, армянскую и евангелическую.

5. Назначаются три резидента: один попеременно Франциею и Австриею — для католиков, другой Россиею — для греков и армян, и третий попеременно Англиею и Пруссиею — для последователей евангелического вероисповедания.

На это циркулярное предложение прусского правительства Франция совсем не отвечала, Англия отвечала уклончиво, Австрия предоставила себе <возможность> выждать ответы Лондона и Петербурга.

Одна Россия в трех последовательных нотах от 20-го, 25 февраля и 12 марта 1841 года отвечала весьма категорически на прусские предложения.

«Сообщение их, — писал граф Нессельроде[2], — произвело на Государя Императора тяжелое и болезненное впечатление. В Иерусалиме, где на 15 тысяч жителей всего 1 тысяча христиан, созидается status in statu».

---

[1] Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле. СПб., 1881 // Православный Палестинский Сборник (ППС). Т. 1. Вып. 1.

[2] Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — граф, канцлер; в 1817—1856 годах министр иностранных дел.

Военные суда в Яффе, в двух переходах от Иерусалима, не будут в состоянии поддержать в случае надобности Сионский гарнизон. Вражда греков и латинян имеет основанием ненависть и высокомерие латинян, которые препятствуют всякому соглашению. В заключение Русское правительство находило целесообразным принятие следующих мероприятий:

1. Издание нового гатти шерифа, подтверждающего прежние договоры и привилегии.

2. Назначение в Яффе или в Иерусалиме мушира для Палестины, с поручением поддерживать в оной порядок.

3. Положительное запрещение христианскому духовенству продолжать старые споры.

4. Запрещение мулле и кади вымогать подарки у христиан, когда сии последние домогаются освобождения от насилий, которыми они подвергаются.

5. Иерусалимский Патриарх, удалившийся ради своей безопасности в Константинополь, должен возвратиться в Иерусалим для поддержания там дисциплины.

6. Всякое нововведение заранее отвергается. Разрешение спорных вопросов предоставляется смешанной комиссии из местного губернатора, настоятелей латинского и армянского монастырей и греческого комиссара.

7. Церкви и монастыри будут возобновлены.

8. Турецким солдатам, стоящим на страже у христианских храмов, запрещается вход в оные.

9. Русские поклонники пользуются особою защитой.

10. Русское духовенство получает право содержать в Иерусалиме богоугодные заведения и ему передается один из старых монастырей.

Мне кажется, что, может быть, было бы лучше вовсе отклонить прусское предложение, чем отвечать на него таким же фантастическим контрпроектом, доказавшим наглядно, что писавшее его Министерство иностранных дел имело только смутное понятие о положении иерусалимских дел, а поэтому и меры, предлагаемые им, отличались еще большею туманностью, чем даже прусские предложения.

Никогда никто в Иерусалиме не угрожал безопасности Патриарха, а потому и покидать его по этой причине не было у него повода (п. 5). Патриархи Иерусалимские жили в Константинополе, чтобы быть ближе к центральной власти и своим главнейшим доходам с имений Молдо-Влахийских и Бессарабских.

Интересно было бы увидеть, как *практически* осуществилось бы запрещение христианскому духовенству продолжать старые споры (п. 3), а иерусалимским мулле и кадию брать взятки (п. 4). Затем решительно определяя, что всякое нововведение заранее отвергается, русское предложение вслед за этим предлагало коренное нововведение смешанной комиссии (п. 6), проектированный состав которой, с замечательным неведением иерусалимских дел, передавал Православие и православных в руки иноверных общин. Предположим самый обыденный в Палестине спор между латинянами и православными о праве владения теми или другими святыми местами. Кто являлся судьею в этом споре кроме заинтересованных сторон? — Местный же губернатор, неподкупность которого была более чем подвержена сомнению, и вводился новый судья — настоятель армянского монастыря. Но такой в Иерусалиме, где есть армянский Патриарх, едва ли существует, и, во всяком случае, он играет более чем второстепенную роль. Таким образом, если необходимо было вводить новый элемент в бесконечные распри латинян и православных, то следовало бы, выражаясь точно, внести в смешанную комиссию не какого-то неизвестного настоятеля армянского монастыря, а представителя Иерусалимской Армянской Патриархии, который, если бы даже согласился участвовать в чуждых для него спорах, бесспорно, клонился бы в ту сторону, которая представляла для него наиболее выгод. Но замечательнее всего и обнаруживающее наибольшее незнание местных обстоятельств есть введение нового лица — греческого комисса-

ра. Я мог бы понять выражение: представитель Иерусалимской Патриархии, который по турецким государственным законам есть представитель интересов местной православной общины. Я мог бы даже понять: православный комиссар, предполагая избранного местною православною общиною, но греческого комиссара мог предложить только тот, для которого Греческое Королевство и Иерусалимская Патриархия представлялись тождественными или какими-то отвлеченными понятиями.

Не останавливаясь затем на невольно возбуждаемых вопросах, как например: возобновление *каких именно* церквей и монастырей было желательно Русскому правительству (п. 7); *как поступать* в том случае, когда сами христиане принуждены призвать турецкую стражу в христианские храмы для собственной своей защиты (п. 8), как это ежегодно случается в Великую Субботу или случилось в 1873 году в Вифлееме. Нельзя однако же не признаться, что в этом документе проведены некоторые начала, которые дотоле не слышались в наших сношениях с Иерусалимскою Патриархиею.

Эти начала выражаются прежде всего в необходимости ввести в Иерусалимской Патриархии дисциплину (п. 5), в которой, значит, она нуждалась; обеспечение русских поклонников особою защитою (п. 9), так как существовавшая дотоле защита их Иерусалимскою Патриархиею оказывалась, вероятно, недостаточною; сомнение в том, что Патриархия целесообразно употребляла получаемые ею из России средства и, наконец, поручение употреблять их непосредственно представителю или представителям русского духовенства, для помещения которых Иерусалимская Патриархия должна уступить один из принадлежащих ей старых монастырей.

Таким образом, в ноте графа Нессельроде впервые было высказано недоверие к Иерусалимской Патриархии и сознание необходимости иметь в Иерусалиме представителя не дипломатического консула, а специально духовного, и не только временного, а постоянного.

Но, выражая это сознание, Министерство иностранных дел едва ли отдавало себе отчет, в каком положении явится в Святой Земле русское духовенство, которое, как православное, могло явиться и действовать там только при согласии на то Иерусалимской Патриархии.

Добровольного согласия на постоянное присутствие в Иерусалиме русского духовенства едва ли можно было ожидать от Патриархии, для которой оно являлось соглядатаем, к тому же не всегда удобным. Возвыситься до высокого идеала бескорыстного служения Православию Патриархия по историческим судьбам своим не была в состоянии, тем более, что, под наитием западной идеи о национальностях, она начинала мечтать о будущих судьбах Греции и в свою очередь недоверчиво относиться к России. Если добровольного согласия нельзя было ожидать, оставалось, конечно, согласие вынужденное, которое Россия, по своему политическому значению, а еще более по денежному своему влиянию на Иерусалимскую Патриархию, могла бы, конечно, получить, но каково оказалось бы в Святой Земле положение незваного и непрошеного представителя России? Сделать это положение несколько сносным возможно было лишь при постоянной и сильной поддержке его нашими посольством и министерством.

Все это едва ли имел в виду граф Нессельроде, когда писал ноту 12 марта 1841 года, которой суждено было увеличить только число неосуществившихся предположений.

Что касается до прусского предложения, то, потерпев в первоначальном своем виде тоже фиаско, оно привело к евангелическо-англиканскому союзу, которому составители его придавали тогда такое громадное значение и видимым результатом которого оказалось учреждение 7/19 июля 1841 года англиканско-евангелического епископства в Иерусалиме. В ином месте мне пришлось подробно изложить

возникновение и судьбы этого епископства, не стану возвращаться к ним здесь, присовокупив только, так как числа играют некоторую роль в дальнейшем ходе событий, что вновь посвященный епископ Александр в конце января 1842 года торжественно въехал в Иерусалим.

Но и граф Нессельроде не отказался от своей идеи и представил всеподданнейший доклад (приложение 1), в котором не только мусульманское владычество, но главнейшие стремления иноверных пропаганд и недостаточность нравственных и материальных средств греческого духовенства в борьбе против этих пропаганд он считал причинами бедственного положения Православия в Святой Земле. Действительною мерою для поддержания Греческой Церкви граф Нессельроде признавал присутствие в Иерусалиме русского духовного лица, которое по сану своему удобнее светского человека мог бы вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви, послужить ближайшим посредником между Святейшим Синодом (Русской Православной Церкви. — *Ред.*) и Иерусалимскою Патриархиею и иметь хотя поверхностное наблюдение за полезным употреблением собираемых в России для Гроба Господня денег.

Мера эта, писал далее во всеподданнейшем своем докладе граф Нессельроде, не приводилась доселе в исполнение из опасения возбудить подозрение Порты и зависть западных держав, но назначение протестантского епископа в Иерусалим делает осуществление ее необходимою. Но, прибавляет канцлер, в виду разных политических соображений, а также недоверчивости и личных видов самого греческого высшего духовенства, гласное отправление русского духовного лица имеет свои неудобства. Поэтому он полагал отправить в Иерусалим с этою целью, только в виде испытательной меры, архимандрита в качестве поклонника, которому <следовало> поручить войти в доверие тамошнего духовенства, вникнуть в положение Православной Церкви и обо всем этом, а равно и о своих предположениях для поддержания Православия, доносить через посредничество нашего Бейрутского консула, так как сему последнему ближе известны политические обстоятельства, с которыми надлежит сообразовывать духовные дела.

Всеподданнейший доклад этот был Высочайше утвержден 13 июня 1842 года.

Останавливаясь на этом документе как на первом переходе на практическую почву мысли о Русской Духовной Миссии, нельзя не заметить, что вопрос в оном был поставлен правильно. Вникнуть в церковные дела, послужить посредником между Святейшим Синодом и Иерусалимской Патриархией, наконец, иметь наблюдение за расходованием сумм, получаемых для Святого Гроба из России, конечно, ближе и полезнее всего могло и может лицо духовного воспитания, и жизнью к тому подготовленное.

Но, поставив правильно вопрос, нельзя признать предложенный во всеподданнейшем докладе способ практического его осуществления целесообразным. Опасения возбудить подозрение Порты и зависть западных держав, особенно после назначения англиканского епископа, едва ли можно признать серьезными. Оставалось лишь устранить недоверие греческого высшего духовенства, но это, как выше сказано, устранить едва ли представлялось возможным, зато побороть его в то время представлялось весьма легким. Вместо того Министерство иностранных дел прибегло к палмативным мерам, которые даже нельзя признать вполне достойными правительства. Тайная посылка соглядатаем лица духовного, к тому же под личиною поклонничества, едва ли можно назвать приличною. Но кроме сего тут эта мера представляла крупную ошибку потому, что, во-первых, тайное соглядатайство, конечно, тайною не могло остаться ни для кого, а менее всего для греческого духовенства, а во-вторых, потому, что указывала на боязнь <Русского> правительства перед Патриархиею, которая постоянно в нас нуждалась и которой, с полной уверенностью в успехе, мы могли бы в свою очередь предъявлять свои желания.

Кроме того, слышится и в этом первом документе будущей нашей Духовной Миссии *нотка*, с которою нам придется впоследствии еще часто встречаться. Навеяна ли она была нашим Константинопольским посольством, составляла ли она самостоятельно выработанное нашим Министерством иностранных дел основное положение, я затрудняюсь сказать, хотя думаю, что исходила она из Константинополя. Нотка эта — политические обстоятельства, с коими надлежит сообразовывать и духовные дела; иными словами, подчинение наших сношений с Восточными Патриархатами исключительно ведению наших дипломатических агентов. Правильно ли это основное положение или нет, я в настоящее время подробно разбирать не стану. Лично я полагаю, что положение это основано лишь на мелочном самолюбии наших заграничных представителей. Церковь имеет свою историю и свои предания, не знать которые нельзя при решении вопросов, затрагивающих отдельные части ее. Ни этой истории, ни этих преданий наши дипломатические агенты на Востоке знать не могут, к тому <же> разрешать церковные вопросы *может лишь человек, глубоко верующий и с особенным уважением относящийся к Церкви, а этих качеств можно требовать лишь от лица духовного, и они вовсе не составляют необходимости для хорошего дипломатического чиновника.* Хороший диагност-врач может в случае крайней необходимости сделать хирургическую операцию, для которой однако же всегда предпочтительнее призвать врача-хирурга.

Но, возвращаясь после этого невольного отступления к всеподданнейшему докладу, нельзя не заметить, что, правильный в основной мысли, он грешил в практическом применении. Чего именно желал граф Нессельроде? Если иметь точные сведения от лица специально подготовленного о действительном положении Иерусалимской Патриархии, то для сего, если он не доверял своим чиновникам, достаточно было, по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода, избрав подходящее духовное лицо и призвав его к себе в кабинет, сказать: «Мне нужны такие-то сведения, поезжайте богомольцем в Иерусалим и все, что вы узнаете, сообщите мне». Это бы знали в крайнем случае три лица и можно надеяться, что тайна была бы сохранена. Если, наоборот, он желал сделать политический противовес назначению англиканского епископа, то тайна была неуместна, показывая только наше бессилие и нашу боязнь.

Очевидно, графу Нессельроде желательно было последнее, но меры, им принятые для осуществления этого желания, заранее были обречены на бесплодие.

Состоявшееся Высочайшее повеление было заслушано 26 июня того же года в Святейшем Синоде, который постановил возложить это поручение на архимандрита Порфирия (Успенского).

Глава I

Отчего выбор Синода пал именно на него, определить более чем трудно. При этом назначении имелись, может быть, личные соображения, ключ к которым в настоящее время потерян. Преосвященный Порфирий, по крайней мере, лично утверждал, что такое назначение было для него совершенною неожиданностью, и последующие обстоятельства подтверждают сказанное им[3].

---

[3] В июле 1842 года, в Вене, архимандриту Порфирию снился вещий сон. Ему явился император Александр I и сказал: «Ты знаешь, что в первые годы моего правления Грузия присоединена к моему царству?» — «Знаю, Ваше Величество!» — отвечал я. — «Там, на Востоке, — продолжал он, — люди живут как в Авраамов век: им нужно образование». Месяц спустя он получил отношение о вызове в Петербург и лишь там узнал о своей новой, палестинской командировке. (Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. СПб., 1894. Том I. С. 105).

Были ли другие кандидаты для этого поручения и насколько они оказались бы более подходящими, тоже, за неизвестностью их, определить трудно. Можно отвечать только на один вопрос: насколько был подготовлен сам архимандрит Порфирий к предполагаемой для него роли.

Уроженец Костромской губернии, архимандрит Порфирий воспитывался в Костромской Духовной Семинарии и в Санкт-Петербургской Духовной Академии, по выходе из которой в 1829 году он принял монашество и, по рукоположении в иеромонахи, в том же году был определен преподавателем Закона Божьего во 2-й Петербургский кадетский корпус, в 1831 году переведен на ту же должность в Одесский Ришельевский лицей. Здесь провел он почти десять лет, будучи возведен в 1834 году в сан архимандрита с назначением настоятелем Одесского Успенского второклассного монастыря. В 1837 году архимандрит Порфирий был назначен членом Херсонской Духовной консистории, а затем, с преобразованием Ришельевского лицея, утвержден в нем <в 1838 г.> профессором богословия, церковного права и церковной истории. Отсюда назначен был настоятелем посольской церкви в Вене, куда отправился в начале 1842 года[4].

Таким образом, архимандрит Порфирий оказался человеком науки, кабинета, но вовсе не человеком практической деятельности, к которой его не подготовило ни воспитание, ни жизнь, ни сам его характер — слишком прямой, решительный и своеобычный, каким он остался до конца своих дней.

Все эти данные едва ли делали его желанным человеком для возлагаемого на него поручения и не выкупались его бесспорно замечательным знанием греческого языка и церковной истории.

Здесь, в Вене, где он только что был занят, после лета, проведенного в лечении на водах, устройством предстоящей ему жизни, получил он синодский указ, вызвавший его в Россию и представлявший ему в перспективе неопределенное по своей продолжительности пребывание на Востоке, известном ему только по книгам.

Историческая судьба нашего монашества не приучила его к той дисциплине, к которой привыкло латинское монашество и которая составляет силу сего последнего. Нас же, светских людей, очень обыкновенная и нисколько не поражающая вещь невольно приводит в изумление, когда мы ее встречаем среди монашествующих.

Таким образом, совершенно обыкновенное в нашей среде обстоятельство едва не повлекло к отмене состоявшегося предположения. Архимандрит Порфирий, устраиваясь в Вене, задолжал, рассчитывая со временем расплатиться из получаемого им содержания. Неожиданный выезд из Вены, куда он не рассчитывал более возвратиться, заставил его по получении синодского указа просить о выдаче ему пособия в размере 500 рублей для расплаты с долгами преимущественно за купленные книги[5].

Просьба о пособии возбудила прежде всего неудовольствие в Петербурге, а затем, конечно, вопрос, *кто* должен платить эти деньги.

Командировка архимандрита Порфирия исходила из Министерства иностранных дел и только как состоявшееся Высочайшее повеление была объявлена Святейшему Синоду. Цель ее, как выражался граф Нессельроде, была по руководящему

---

[4] Архимандрит Порфирий ушел из Ришельевского лицея в том же 1838 году, так как был назначен ректором Херсонской Духовной Семинарии в Одессе. (Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1891. С. 160), а в Вену отправился в первых числах мая 1841 года. (Безобразов П. В. (ред.) Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1910. Т. 2. Переписка. С. 20).

[5] Письмо графу Н. А. Протасову от 10 августа 1842 года. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 73—75).

Кроме того, слышится и в этом первом документе будущей нашей Духовной Миссии *нотка*, с которою нам придется впоследствии еще часто встречаться. Навеяна ли она была нашим Константинопольским посольством, составляла ли она самостоятельно выработанное нашим Министерством иностранных дел основное положение, я затрудняюсь сказать, хотя думаю, что исходила она из Константинополя. Нотка эта — политические обстоятельства, с коими надлежит сообразовывать и духовные дела; иными словами, подчинение наших сношений с Восточными Патриархатами исключительно ведению наших дипломатических агентов. Правильно ли это основное положение или нет, я в настоящее время подробно разбирать не стану. Лично я полагаю, что положение это основано лишь на мелочном самолюбии наших заграничных представителей. Церковь имеет свою историю и свои предания, не знать которые нельзя при решении вопросов, затрагивающих отдельные части ее. Ни этой истории, ни этих преданий наши дипломатические агенты на Востоке знать не могут, к тому <же> разрешать церковные вопросы *может лишь человек, глубоко верующий и с особенным уважением относящийся к Церкви, а этих качеств можно требовать лишь от лица духовного, и они вовсе не составляют необходимости для хорошего дипломатического чиновника*. Хороший диагност-врач может в случае крайней необходимости сделать хирургическую операцию, для которой однако же всегда предпочтительнее призвать врача-хирурга.

Но, возвращаясь после этого невольного отступления к всеподданнейшему докладу, нельзя не заметить, что, правильный в основной мысли, он грешил в практическом применении. Чего именно желал граф Нессельроде? Если иметь точные сведения от лица специально подготовленного о действительном положении Иерусалимской Патриархии, то для сего, если он не доверял своим чиновникам, достаточно было, по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода, избрав подходящее духовное лицо и призвав его к себе в кабинет, сказать: «Мне нужны такие-то сведения, поезжайте богомольцем в Иерусалим и все, что вы узнаете, сообщите мне». Это бы знали в крайнем случае три лица и можно надеяться, что тайна была бы сохранена. Если, наоборот, он желал сделать политический противовес назначению англиканского епископа, то тайна была неуместна, показывая только наше бессилие и нашу боязнь.

Очевидно, графу Нессельроде желательно было последнее, но меры, им принятые для осуществления этого желания, заранее были обречены на бесплодие.

Состоявшееся Высочайшее повеление было заслушано 26 июня того же года в Святейшем Синоде, который постановил возложить это поручение на архимандрита Порфирия (Успенского).

Глава I

Отчего выбор Синода пал именно на него, определить более чем трудно. При этом назначении имелись, может быть, личные соображения, ключ к которым в настоящее время потерян. Преосвященный Порфирий, по крайней мере, лично утверждал, что такое назначение было для него совершенною неожиданностью, и последующие обстоятельства подтверждают сказанное им[3].

---

[3] В июле 1842 года, в Вене, архимандриту Порфирию снился вещий сон. Ему явился император Александр I и сказал: «Ты знаешь, что в первые годы моего правления Грузия присоединена к моему царству?» — «Знаю, Ваше Величество!» — отвечал я. — «Там, на Востоке, — продолжал он, — люди живут как в Авраамов век: им нужно образование». Месяц спустя он получил отношение о вызове в Петербург и лишь там узнал о своей новой, палестинской командировке. (Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. СПб., 1894. Том I. С. 105).

Были ли другие кандидаты для этого поручения и насколько они оказались бы более подходящими, тоже, за неизвестностью их, определить трудно. Можно отвечать только на один вопрос: насколько был подготовлен сам архимандрит Порфирий к предполагаемой для него роли.

Уроженец Костромской губернии, архимандрит Порфирий воспитывался в Костромской Духовной Семинарии и в Санкт-Петербургской Духовной Академии, по выходе из которой в 1829 году он принял монашество и, по рукоположении в иеромонахи, в том же году был определен преподавателем Закона Божьего во 2-й Петербургский кадетский корпус, в 1831 году переведен на ту же должность в Одесский Ришельевский лицей. Здесь провел он почти десять лет, будучи возведен в 1834 году в сан архимандрита с назначением настоятелем Одесского Успенского второклассного монастыря. В 1837 году архимандрит Порфирий был назначен членом Херсонской Духовной консистории, а затем, с преобразованием Ришельевского лицея, утвержден в нем <в 1838 г.> профессором богословия, церковного права и церковной истории. Отсюда назначен был настоятелем посольской церкви в Вене, куда отправился в начале 1842 года[4].

Таким образом, архимандрит Порфирий оказался человеком науки, кабинета, но вовсе не человеком практической деятельности, к которой его не подготовило ни воспитание, ни жизнь, ни сам его характер — слишком прямой, решительный и своеобычный, каким он остался до конца своих дней.

Все эти данные едва ли делали его желанным человеком для возлагаемого на него поручения и не выкупались его бесспорно замечательным знанием греческого языка и церковной истории.

Здесь, в Вене, где он только что был занят, после лета, проведенного в лечении на водах, устройством предстоящей ему жизни, получил он синодский указ, вызвавший его в Россию и представлявший ему в перспективе неопределенное по своей продолжительности пребывание на Востоке, известном ему только по книгам.

Историческая судьба нашего монашества не приучила его к той дисциплине, к которой привыкло латинское монашество и которая составляет силу сего последнего. Нас же, светских людей, очень обыкновенная и нисколько не поражающая вещь невольно приводит в изумление, когда мы ее встречаем среди монашествующих.

Таким образом, совершенно обыкновенное в нашей среде обстоятельство едва не повлекло к отмене состоявшегося предположения. Архимандрит Порфирий, устраиваясь в Вене, задолжал, рассчитывая со временем расплатиться из получаемого им содержания. Неожиданный выезд из Вены, куда он не рассчитывал более возвратиться, заставил его по получении синодского указа просить о выдаче ему пособия в размере 500 рублей для расплаты с долгами преимущественно за купленные книги[5].

Просьба о пособии возбудила прежде всего неудовольствие в Петербурге, а затем, конечно, вопрос, *кто* должен платить эти деньги.

Командировка архимандрита Порфирия исходила из Министерства иностранных дел и только как состоявшееся Высочайшее повеление была объявлена Святейшему Синоду. Цель ее, как выражался граф Нессельроде, была по руководящему

---

[4] Архимандрит Порфирий ушел из Ришельевского лицея в том же 1838 году, так как был назначен ректором Херсонской Духовной Семинарии в Одессе. (Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1891. С. 160), а в Вену отправился в первых числах мая 1841 года. (Безобразов П. В. (ред.) Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). СПб., 1910. Т. 2. Переписка. С. 20).

[5] Письмо графу Н. А. Протасову от 10 августа 1842 года. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 73—75).

тогда мнению скорее политическая, чем духовная; тем не менее Министерство иностранных дел отказалось принять на себя расходы по этой командировке, которые, как возлагаемые на лицо духовное, по его мнению, должны быть отнесены на счет ординарных расходов Святейшего Синода, на что сей последний и выразил свое согласие.

Уведомляя архимандрита о назначении 500 рублей на уплату его долгов в Вене, обер-прокурор Святейшего Синода делал ему выговор за неуместную просьбу о пособии и торопил его приездом в Петербург ввиду важности и спешности возлагаемого на него поручения. Исполняя эту последнюю часть приказания начальства, архимандрит Порфирий прибыл в начале октября 1842 года в Петербург[6], а 14 ноября того же года последовало Высочайшее повеление об отправлении его в Иерусалим для пребывания там в качестве поклонника ко Гробу Господню.

Но прошло еще слишком полгода, прежде чем архимандрит Порфирий мог покинуть Петербург для исполнения возложенного на него поручения.

Вызов архимандрита из Вены и продержание его без дела шесть месяцев в Петербурге — все это как-то не клеится с таинственностью, которою облекали его командировку. Глубоко убежден, что в Константинопольской и Иерусалимской Патриархиях было известно, для чего вызван, куда и с чем едет архимандрит Порфирий задолго заранее, чем он покинул Петербург[7].

Граф Нессельроде в письме к обер-прокурору Святейшего Синода от 31 марта 1843 года (приложение 2) глухо говорит о политических обстоятельствах, заставляющих отложить на некоторое время отъезд архимандрита и настолько важных, что ввиду их признавал неудобным даже снабдить его письменными наставлениями касательно возлагаемого на него поручения[8]. Но не прошло и двух месяцев, как политические обстоятельства настолько, вероятно, разъяснились, что было найдено возможным архимандриту немедленно отправиться в Одессу, где в ожидании дальнейших распоряжений ему предложено было заниматься новогреческим языком, который оказывался для него крайне необходимым. Но и это одесское пребывание продолжилось еще четыре месяца и только в конце сентября

---

[6] 11 октября 1842 года. См.: Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. СПб., 1894. Т. I. С. 103.

[7] Ни о какой секретности говорить не приходится. Еще до выезда из Вены, а тем более до официального назначения, архимандрит Порфирий был извещен о своем возможном перемещении на Ближний Восток кем-то из одесских (!) своих друзей. В первый день, как только он появился в Петербурге, монахи Александро-Невской Лавры, к его удивлению, «поздравляли его с назначением в Святой Град в сане епископа». (Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. С. 120). Не удивительно, что, прибыв из Петербурга в Одессу, по пути следования в Иерусалим, в июле 1843 года, архимандрит, по его собственным словам, уже был «предметом пререканий». «Одни почитают и называют меня епископом Иерусалимским; другие говорят, что меня посвятят в епископы в самом Иерусалиме, а все единогласно твердят, что я послан в Святой Град по поводу появления там епископа протестантского. Молва о сем, предварившая меня на пути от Петербурга до Киева и оттуда до Одессы, вышла Бог знает как и от кого из столицы и давно достигла до Одессы в преувеличенном виде». (Письмо К. С. Сербиновичу // Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 83).

[8] «На другой день (28 марта 1843 года) я виделся с ним (В. П. Титовым, тогда секретарем Константинопольской миссии), и он объявил мне секретно, что по некоторым неблагоприятным политическим отношениям России и Турции не отправляют меня доселе к месту моего назначения, и что, по всем вероятностям, я должен пробыть в Одессе все лето до сентября. «Вас не хотят, — прибавил он, — поставить в фальшивое положение»» (Порфирий (Успенский). Указ. соч. Т. I. С. 118). Но уже 4 мая директор Азиатского департамента МИД Л. Г. Сенявин сообщал отцу Порфирию: «Сербские дела кончены мирно. Теперь вы можете ехать в Иерусалим» (Там же. С. 119—120). На другой день в Департаменте состоялось совещание отца Порфирия с Л. Г. Сенявиным и В. П. Титовым. Отец Порфирий получил разрешение задержаться в Одессе до «самой осени».

1843 года, через год почти по прибытии в Россию, архимандрит Порфирий мог вновь покинуть ее[9].

Вникая ближе в причины, которые принуждали откладывать изо дня в день в течение почти года командировку архимандрита Порфирия, мы должны сознаться, что едва ли играли в них роль политические обстоятельства, которые к тому же сомнительно, чтоб могли оказать какое-либо влияние на поездку в Святой Град русского архимандрита в качестве поклонника. Мне кажется более правдоподобным, что минутная вспышка под впечатлением въезда английского епископа в Иерусалим успела потухнуть, самое впечатление затмилось другими, более современными, к тому же и самая командировка, задуманная и осуществленная помимо нашего Константинопольского посольства, возбудила недоверие в сем последнем. Что это за духовное лицо, которое шлется из Петербурга с поручением, составляющим прямую нашу обязанность? Ну, а если он разойдется во взглядах с нами или напишет не то, что мы сообщаем, потребуется переписка и отписка? Нет, лучше без него. Такие или им подобные мысли могли придти в голову посольству и тогда началась общая канцелярская уловка, выражение сомнений, опасений, разного рода препятствий. Министерство иностранных дел, которое под первым впечатлением не в добрый час затеяло эту командировку, радо бы было от нее отказаться и о ней забыть, если бы не Высочайшее повеление и неспокойный характер архимандрита, которому скучно было без дела сидеть в Александро-Невской Лавре и который изо дня в день появлялся в приемных то обер-прокурора Святейшего Синода, то директора Азиатского департамента и напоминал о себе. Инструкций ему не давали, с делом его не знакомили и в течение шести месяцев ему удалось только выхлопотать разрешение своему послушнику Ивану Будземскому сопровождать его в предстоящем путешествии. Вопрос о его содержании во время командировки разрешился Высочайшим повелением: отнести его на общий типографский капитал Духовного ведомства в размере 3 тысяч рублей в год — и это в то время, когда ежегодное содержание англиканского епископа было определено в 15 тысяч рублей.

Просьба архимандрита выдать ему и его послушнику вместо дорого стоившего тогда заграничного паспорта таковой из Министерства иностранных дел потерпела полное фиаско. Сие последнее даже испугалось мысли, что при этом может вдруг разоблачиться таинственное поручение архимандрита и не только отказало ему в курьерском паспорте, но, по совету нашего Константинопольского посланника, предписало ему, для отвращения напрасных толкований, не останавливаться в Буюк-дере, а следовать на одесском пароходе прямо в Перу и поместиться в отделении дома нашей Миссии, предназначенного для поклонников[10].

---

[9] Есть основание думать, что об оставленном до осени в Одессе отце Порфирии в Петербурге опять просто забыли. Дальнейший его путь — вновь результат личной инициативы.

10 сентября 1843 года он пишет К. С. Сербиновичу: «Не получая никаких сведений от Херсонского Преосвященного (архиепископа Гавриила) и никакого предписания от высшего духовного начальства касательно выезда моего из Одессы в Иерусалим и рассчитывая, что уже настоит время отправиться на богомолье, я испросил себе заграничный паспорт у одесского военного губернатора и намерен отплыть в Константинополь на пароходе, отходящем туда в 20-й день сентября, о чем уведомляю Ваше Превосходительство». (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. Переписка. С. 87—88).

[10] Буюк-дер — летняя загородная резиденция российского посла. Пера — «европейский» район в Константинополе, где преимущественно жили иностранцы и находились дипломатические представительства, в том числе основные официальные помещения Российского посольства. Позже, в бытность русским послом в Константинополе графа Н. П. Игнатьева, в Буюк-дере была устроена вторая посольская церковь, иконы для которой присланы были из Иерусалима архимандритом Антонином (Капустиным). (Дмитриевский А. А. Граф Н. П. Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909. С. 73—75).

С незначительными денежными средствами, под видом простого поклонника, от которого почти явно отказывалось наше посольство, явился архимандрит Порфирий в Константинополь, где пробыл опять четыре месяца в ожидании обещанного для предстоящего ему труда наставления или инструкции, которая, наконец, была ему вручена нашим посланником только 27 января 1844 года (приложение 3) в своеобычной форме советов[11]. В этих советах прежде всего поражает непосвященного в тонкости дипломатического языка самая форма их. Архимандриту Порфирию советуют избегать всего, могущего обратить на него постороннее внимание, но одновременно чуждаться излишней таинственности; приветливо слушать сознания туземцев, но не тревожить их настойчивыми расспросами; удостоверять восточных иерархов в участии к ним главнейших российских иерархов, называя их поименно, но при этом не столько говорить о России, сколько о Единой Церкви; показывать радушие к лицам других исповеданий, но не входить с ними в короткое обращение; собирать сведения о ходе духовного образования юношества и об употреблении сумм, пересылаемых из России, но удерживаться от всякого постороннего вмешательства. Затем излагается целый ряд отрицательных советов: ограничивать свои речи самыми простыми и доступными истинами, не быть строгим судьею палестинских единоверных иноков, не выходить из пределов поручения и, наконец, не увлекаться собственными соображениями, которые могут быть неудобоисполнимы и бесполезны. При всех этих оговорках, из которых последняя невольно даже в смиренном иноке могла возбудить вопрос: для чего же его вызывали из Вены, а тем более посылали на Восток, советы разрешали ему убедить самых недоверчивых людей, что в возложенном ему поручении не кроется ничего опасного, беспристрастно сообразить, кто главный виновник при взаимных жалобах духовенства разных вероисповеданий, и обдумать меры к упрочению Православия на Востоке.

Сопоставляя два последних документа — письмо графа Нессельроде от 31 марта 1843 года и советы Министерства иностранных дел, переданные нашим посланником архимандриту Порфирию 27 января 1844 года, мы увидим, что в первом из них определяется цель его командировки, а именно: 1) сблизиться с греческим духовенством и вникнуть в его положение и 2) приобрести на месте все нужные сведения, могущие послужить основанием при соображении мер, какие признано будет полезным принять для поддержания Православия на Востоке. Во втором из этих документов излагаются советы, как практически добиться вышеизложенных целей.

И здесь, как и при разборе всеподданнейшего доклада 13 июня 1842 года, приходится сказать, что цель была поставлена вполне правильно, но опасения, недомолвки, противоречия советов скорее могли спутать новичка в таком щекотливом деле, чем преподать ему практические указания к успешному исполнению возложенного на него поручения.

В Константинополе же архимандрит Порфирий, только как простой поклонник русский, представился почти умирающему Патриарху Иерусалимскому Афанасию[12],

---

[11] Архимандрит Порфирий прибыл в Константинополь 22 сентября 1843 года. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 90), отбыл из него 15 октября (Там же. С. 97), 23 октября уже был в Бейруте (Там же. С. 100), а 20 декабря — в Иерусалиме (Там же. С. 113). Что касается инструкции или «советов», о которых говорит В. Н. Хитрово, архимандрит получил их по почте, уже находясь в Иерусалиме. Об этом 14 февраля 1844 года отец Порфирий пишет Константинопольскому посланнику В. П. Титову: «Письмо ваше от 12 декабря с приложением *известной вам выписки* (Курсив наш. — *Н. Л.*), полученное мною 27 января, обрадовало меня много». (Там же. С. 119).

[12] В рукописи ошибочно: «Анфиму».

который едва ли, даже если бы архимандрит не сохранял свое инкогнито, мог быть полезен ему в предстоящем деле[13].

Тогда сообщения были затруднительнее нынешних, и, выехав в последних числах января из Константинополя, архимандрит Порфирий по дороге, в Бейруте, познакомился с нашим генеральным консулом Базили, с которым он затем в течение почти десяти лет сохранял дружеские отношения[14]. Вообще Бейруту посчастливилось относительно русских консулов, и Базили представлял утешительное явление не только своею энергией и тактом, но, что гораздо реже встречается, желанием ознакомиться с тою средою, в которой ему приходится жить. В предшествовавшее пятилетнее пребывание свое в Бейруте Базили успел многому научиться и не отказался поделиться приобретенными познаниями с архимандритом. Он даже сочувственно отнесся к нему, признав в нем полезного себе помощника, хотя, по его мнению, — подчиненного. Архимандрит же Порфирий, как новичок в деле, принял весьма благоразумно такое положение, которого резкость умерялась далеким расстоянием от Иерусалима до Бейрута.

Только к Пасхе 1844 года смиренно прибыл архимандрит Порфирий в Иерусалим, где поселился в Архангельском монастыре с прочими русскими поклонниками. Какое различие с торжественным въездом епископа Александра[15]!

В Иерусалиме прожил архимандрит Порфирий остальные десять месяцев 1844 года[16]; времени, <для> осторожного даже, изучения положения Православия было достаточно, и нет сомнения, что он собрал все желаемые по этому предмету сведения. Но, к сожалению, в доступных для меня материалах мне не удалось найти никаких по этому поводу следов[17].

Единственным официальным памятником первого пребывания в Святой Земле архимандрита Порфирия сохранилась записка о мерах для поддержания Православия на Востоке, переданная им нашему посланнику в Константинополе 6 января 1845 года (приложение 4), накануне его поездки с Высочайшего разрешения на Синай и Афонскую гору, предпринимаемую им исключительно с ученой целью.

---

[13] В письме от 14 октября 1843 года архимандрит Порфирий сообщает обер-прокурору Н. А. Протасову: «В кратковременное пребывание здесь удостоился, как поклонник, два раза видеть Патриархов — Вселенского Германа и Иерусалимского Афанасия, принять их святительское благословение и беседовать с ними (...). Хотя все они уже давно уверены в том, что я послан в Иерусалим от Святейшего Правительствующего Синода, но никто из них не высказал, что им известно мое назначение». (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. Переписка. С. 92—93). Вопреки мнению В. Н. Хитрово, отец Порфирий получил в Константинополе немало ценной информации, в том числе о положении Иерусалимского Престола, которую счел необходимым сразу же сообщить в цитированном письме в Петербург. (Там же. С. 94—96).

[14] Базили Константин Михайлович (1809—1884), русский дипломат и писатель, по происхождению константинопольский грек. Учился в Нежинском лицее в одно время с Н. В. Гоголем, с которым и впоследствии сохранил дружеские отношения. В 1839—1853 годах — российский консул в Бейруте (с 1844 года — генеральный). Автор книги «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях» (Одесса, 1862; 2-е изд.: СПб., 1875; 3-е изд.: М., 1962).

[15] Отец Порфирий приехал в Иерусалим, как мы уже отмечали, 20 декабря 1843 года, поселился не в Архангельском, а в Феодоровском монастыре. (Безобразов П. В. Указ. соч. Т. 2. С. 115), и прибыл хотя, разумеется, «смиренно», как подобает приходить в Святой Град, но «здешнее сановное духовенство выходило за город встречать меня». (Там же).

[16] До августа, то есть восемь (а не десять) месяцев.

[17] Вопреки мнению В. Н. Хитрово, добрая половина первого тома изданных П. В. Безобразовым «Материалов для биографии епископа Порфирия (Успенского)» составляют различного рода записки и отчеты, представленные им в Петербурге в различные инстанции как результат командировки.

Для нашего труда эта записка важнее первой, содержание которой, если она существовала, не представляло, как следует предполагать, что-либо нового, не известного нашим консулу и посланнику, а значит и Министерству иностранных дел. Став в первый раз лицом к лицу с Восточною Патриархиею, архимандрит Порфирий, имея в виду преподанные ему советы, мог только указать на недостаточное материальное и нравственное положение Иерусалимской Патриархии; мог подтвердить недоверие ее к России, которое, вероятно, ему пришлось на себе испытать, и, наконец, как следует предположить по имеющейся у нас записке, выставить бедственное положение местного православного населения, в особенности полное отсутствие учебных учреждений.

Для нас важна поданная им нашему Константинопольскому посланнику записка как *результат* тех мероприятий, которые он, по годовом пребывании на Востоке, считал необходимыми для поддержания там Православия.

При подробном разборе ее нам во многих случаях придется исключить многое навеянное разными опасениями, которые ему приходилось рассеивать, и прибавить многое, на что архимандриту приходилось только намекать, предоставляя развить свою мысль впоследствии, если бы основная мысль была принята.

Основная же мысль его заключалась в том, чтоб образовать в Иерусалиме общежительный монастырь, поручив настоятелю его духовное представительство Святейшего Синода к Патриархиям Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской, и учредить в Иерусалиме русское консульство.

Состав монастыря он предполагал из настоятеля, не выше архимандрита, двух старших и двух младших иеромонахов, двух иеродиаконов, 12 послушников из воспитанников русских духовных училищ как певчих, монаха-пекаря и переводчика. На обязанность монастыря архимандрит предполагал возложить: передачу Святому Гробу всех пожертвований вещами и деньгами, раздачу пожертвований бедным палестинским христианам, нравственный надзор за русскими поклонниками, а равно и право наказывать их в случае надобности, обозрение тех помещений Иерусалимской Патриархии, где живут русские поклонники, и назначение лиц для сопутствия русских поклонников в Назарет и к Тивериадскому озеру.

Кроме этого нельзя не отметить, что одною из главных целей предполагаемого монастыря было устройство при нем иконописной мастерской и училища, в котором продолжали <бы> свое учение 12 русских послушников, а также воспитывались 4 мальчика из туземцев и 4 грека из посвященных Гробу Господню.

Для помещения этого монастыря архимандрит предполагал возможным купить или нанять Архангельский монастырь, если бы не было найдено полезным приобрести древнюю латинскую патриархию, пристроенную к Святогробскому храму, на покупку и переделку которой требовалось тогда до 100 тысяч рублей. На наше консульство, как видно, архимандрит Порфирий предполагал возложить только сношение с местною светскою властью и полицейские обязанности относительно русских поклонников вне монастыря. Как бы предвидя будущее, архимандрит решительно отклоняет всякое вмешательство консульства в дела монастыря, без особого на то приглашения сего последнего.

Монастырь, пишет он, не подчиняется консульству, которое отдает ему должное уважение, не вмешивается в монастырское управление, но хранит неприкосновенность прав монастыря. Ни монастырь, ни консульство, пишет он далее, ни в каких случаях не ищут перевеса друг перед другом в мнении греческого духовенства и действуют так, как бы у них была одна душа и одна воля.

Из юрисдикции, так сказать, Святогробского братства отец Порфирий оттягивал две вещи: предоставленное братству дотоле право наказывать наших поклонников и участие монастыря нашего в *определении* и *смене* игумена и игумении тех обителей Иерусалимской Патриархии, где останавливались наши паломники.

В общем нельзя не согласиться, что предположения архимандрита Порфирия были вполне целесообразны, согласны с достоинством России и с церковными иерархическими отношениями. Но нельзя не сознаться, что иной раз труднее переделать слово, чем самое дело, и от неточного слова страдает нередко дело. Таким образом и архимандрит Порфирий, предполагая образование Духовной Миссии, дал ей название монастыря, хотя его, как духовное лицо, должно было поражать неестественное положение монастыря с периодически переменяющеюся братиею. Но миссия представляла новое, непривычное слово, монастырь же был известен каждому. Таким же образом, если бы он вместо слова *консул*, с которым соединяются известные понятия, употребил бы *драгоман* или *секретарь* начальника Русской Духовной Миссии, то оно было бы точнее и не спутывало понятий.

Таким образом, предложение архимандрита Порфирия, высказанное в его записке, сводится к <образованию> Духовной Миссии или представительства Всероссийского Святейшего Синода перед тремя Восточными Патриархиями по церковным и благотворительным вопросам, причем дела с светскою властью поручаются лицу светскому — секретарю Миссии. В этой форме выраженное предложение имело бы, по моему мнению, лишь один крупный недостаток — это представительство одного лица перед тремя Патриархиями, простирающимися от гор Кавказских до Африканских озер. Очевидно такой круг деятельности был бы не по силам одного человека и, волею или неволею, ему пришлось бы ограничиться одною ближайшею Патриархиею — Иерусалимскою. Этим и следовало, мне кажется, ограничить предложение, выразив его словами: Духовная Миссия Всероссийского Святейшего Синода при Иерусалимской Патриархии по церковным и благотворительным делам и заведующая русскими поклонниками.

Такое предложение не представляет даже чего-либо небывалого. Апокрисиарии, или представители, связующие определенные части Церкви, существовали в Древней Церкви. Опасение, что духовное представительство наше вызовет такое же представительство при нашем Святейшем Синоде Восточных Патриархий, едва ли справедливо, и если бы даже осуществилось на деле, то я вижу в нем менее вреда, чем решение церковных дел лицами, вполне к ним неприготовленными, их непонимающими и относящимися к ним свысока.

Подав разобранную нами записку нашему Константинопольскому посланнику, архимандрит Порфирий отправился, как мы уже говорили, на Синай и Афон, классическое описание которых составляет плод его путешествия. В ноябре 1845 года, находясь на Афоне, он просил о продлении его пребывания за границей для научных трудов, в чем ему было отказано — под тем предлогом, что главная цель данного ему поручения на Востоке уже достигнута. 19 октября 1846 года архимандрит Порфирий вернулся в Петербург и вновь поселился в Александро-Невской Лавре.

Как послесловие к его первой командировке на Восток поднялось в августе 1847 года дело о взыскании с архимандрита 800 рублей за просроченный заграничный паспорт, кончившееся однако благополучно, сложением этого взыскания.

Глава II

Записка, поданная отцом архимандритом в январе 1845 года нашему посланнику в Константинополе, не осталась без последствий. При каких объяснениях она была сим последним препровождена в Министерство иностранных дел, нам неизвестно. Как следует предположить, в общих чертах объяснения эти были не противны предположениям <архимандрита> Порфирия. Тем не менее во все время его странствования по Синаю и Афону, она оставалась без движения. Только возвращение <архимандрита> Порфирия в Петербург дало делу новый толчок и, как следует предполагать, на этот раз почин дела исходил если не непосредственно, то косвенно, от Святейшего Синода.

Во всеподданнейшем докладе министра иностранных дел по соглашению с обер-прокурором Святейшего Синода, Высочайше утвержденном 11 февраля 1847 года, говорится, что архимандрит Порфирий отправляется не в качестве игумена или настоятеля, а поклонника, снабженного дозволением и формальною рекомендациею от русского духовного начальства. При нем в виде поклонников, но ему подчиненных и состоящих под его надзором, посылаются 1 или 2 иеромонаха, 1 иеродиакон и 2 послушника.

Ни о монастыре, ни о братстве, ни о миссии, как видно, во всеподданнейшем докладе не сказано ни полслова — наоборот, опять отправляется в этот раз официальный поклонник с подчиненными ему поклонниками. Мне кажется, эта боязнь придать официальный характер исходила опять из Министерства иностранных дел; Святейший же Синод полагал, что не в названии дело, и согласился на эту уступку, по крайней мере он сам, при отправлении архимандрита, имел в виду Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, о которой в первый раз произнесено точное слово в предложении обер-прокурора 17 февраля того же года Святейшему Синоду.

Инструкция отцу архимандриту составлена была также в Святейшем Синоде, ибо министр иностранных дел от 21 августа 1847 года уведомлял обер-прокурора, что он на оную согласен и находит ее вполне соответствующею тем главным основаниям, кои удостоены были предварительного одобрения Государя Императора. Инструкция эта затем по всеподданнейшему докладу министра иностранных дел была Высочайше утверждена 28 августа 1847 года (приложение 5).

Для нас она была важна в том отношении, что давала материал для суждения, чего именно желало правительство, командируя отца архимандрита в Иерусалим.

Русское братство (п. 10), по словам инструкции, посылается в Иерусалим на три года и должно состоять там не иначе, как в качестве поклонников (пп. 1 и 2). Оно помещается в Иерусалиме, по ближайшему *объяснению* с Патриархом и консулом (п. 11), причем предпочитается Архангельский монастырь. Руководство лиц в братстве (п. 17), наблюдение за поведением и распределение ученых и прочих их занятий (п. 8) предоставляется архимандриту, причем ему с надлежащею осторожностью дозволяется *допуск* к занятиям с русскими послушниками до 6 греческих и арабских юношей (пп. 8 и 9). С благословения и разрешения Патриарха дозволяется членам братства служить на славянском языке, но применяясь к греческим обычаям, и отнюдь не устраняться от служения с тамошним духовенством (пп. 5 и 7). Относительно русских поклонников, право наказывать их, разбирать их дела, наблюдать за их помещением предоставлялось по-прежнему греческому духовенству (п. 12), а русскому — только действовать на поклонников, и то при удобном случае, духовными назиданиями и собственным примером (п. 13). Только в случае нужды дозволялось архимандриту делать изустные дружелюбные представления Патриарху и консулу о том, что он признавал бы полезным для русских поклонников (п. 14). Для сопутствия русских поклонников в Назарет архимандрит мог, по согласию с Патриархом и консулом, в случае особливой нужды отпускать кого-либо из состоящих при нем лиц (п. 19). Архимандриту же предоставлялось присланные ему из Константинопольского посольства или непосредственно ему доставленные пожертвования из России передавать в Патриархию (п. 18), но уведомлять о сем консула (п. 15). Архимандриту строжайше было запрещено принимать участие в делах и вопросах политических (п. 14), и он должен был по долгу христианства и службы отечеству быть с консулом в постоянном единодушии, сообщая ему все, что узнает относительно Православной Восточной Церкви (п. 15), и принимать с должным вниманием его внушения и наставления (п. 16). В свою очередь консул был призван, при должном уважении к духовному сану, передавать ему наставления посланника, делать доверительные внушения для пользы дел Церкви и службы (п. 16) и не принимать жалобы членов братства <ни> на их архимандрита, ни друг на друга (п. 17). Поездки внутри пределов Иерусалимской Патриархии дозволялись архи-

мандриту и состоящим при нем лицам не иначе, как с предварительного разрешения Патриарха (п. 20). Наконец, архимандрит о занятиях своих и своей братии обязан был каждые полгода представлять отчет в Святейший Синод, но не иначе как через нашего Константинопольского посланника и Министерство иностранных дел (п. 12).

При рассмотрении подробно настоящей инструкции, несостоятельность ее невольно бросается в глаза.

Если при поездке одного отца архимандрита нельзя было рассчитывать на его инкогнито под видом простого поклонника, то неужели можно было рассчитывать на такое инкогнито, когда он ехал в сопровождении нескольких лиц и к тому же снабженный формальною рекомендациею Русского правительства? Могло ли не знать об официальной его командировке греческое духовенство, а раз зная, как должно было отнестись оно к этому переодеванию официально командированного Русским правительством лица в личину православного поклонника, — и не одного, а нескольких зараз? Не должно ли было *такое* пребывание послужить источником многих затруднений для самой Миссии, на которую греческое духовенство, не допуская возможности прибегания к подобным средствам Русского правительства, не могло смотреть иначе как на непрошеных русских соглядатаев?

Относительно наших поклонников положение Миссии, по инструкции, оказывалось крайне щекотливым. По жалобам поклонников на притеснения и несправедливости местного духовенства, оно, посланное от Русского правительства и живущее в Иерусалиме, не имело права ничего сделать, кроме изустных дружелюбных представлений Патриарху и консулу, и должно было ограничить свое влияние на массу простолюдинов-поклонников духовными назиданиями, которые едва ли действительны, коли не сопровождаются *более* материальными последствиями. Ко всему этому он должен был на поклонников действовать примером собственного своего жития. Но кто же из знающих Восток не поймет, что это обоюдоострое оружие? Пример собственного благочестивого жития мог только указать на совсем противное в местном духовенстве, а в свою очередь сие последнее едва ли могло бы сносить с удовольствием такое обличение.

При таких условиях Миссия не имела права вмешиваться в политические дела, ничего не смела делать без разрешения и благословения Патриарха, а перед сим последним была поставлена инструкцией в виде даже неофициального соглядатая.

Наконец, даже иерархического положения Миссии инструкция не определяет. Отчет свой Миссия обязывалась доставлять Святейшему Синоду, но не иначе как через посредство Константинопольского посланника и Министерство иностранных дел. От кого же она действительно зависела — от Святейшего ли Синода, от русской ли дипломатии?

В заключение, самое название, данное ей, было в высшей степени туманное. Она не названа ни Миссиею, ни монастырем, а новым, никому не известным именем — Русское братство, которое представляло какой-то странствующий временный монастырь, без постоянного помещения.

Единственное, что этому братству, или вернее его архимандриту, разрешалось инструкцией, были ученые занятия, и не только одному, но ему еще давались в помощь несколько молодых сил. Эта последняя часть инструкции и подкупила в ее пользу отца архимандрита Порфирия. Предположения его об устройстве обители в Иерусалиме, очевидно, не прошли. Он просил, как сказано выше, позволения остаться еще на год для ученых занятий — ему отказали. Теперь ему предлагали осуществление его желаний даже в увеличенном размере; ему оставалось ухватиться за это, сознавая, что все остальные статьи инструкции не имеют никакого практического значения. Он согласился.

Но при этом невольно возбуждается вопрос: отчего самые простые, наглядные вещи, как только касаются Иерусалима, непременно принимают иные, нередко фантастические образы?

С возвращением отца архимандрита Порфирия в Петербург ни Министерство иностранных дел, ни Святейший Синод не в праве были отказываться *незнанием дел* в Иерусалимской Патриархии. Сведениям письменным, а тем более изустным, отца Порфирия они доверяли, ибо иначе незачем было его назначать вторично в Иерусалим. Затем, поневоле возбуждается вопрос: *чего* желалось им в Иерусалиме? Если иметь официального соглядатая, то для этого незачем было посылать *не только одного*, но нескольких духовных лиц, и к тому же монашествующих — это гораздо лучше мог исполнить простой вице-консул. Если оказать помощь местному православному населению против иноверных пропаганд, то об этом и *намека в инструкции нет*. Признавали ли они необходимым принять на себя заботы о русских поклонниках? — но этому именно противоречит п. 13 инструкции. Если, наконец, желали послать ученую экспедицию, то какая была побудительная причина не назвать вещи ее настоящим именем? И вопрос, поневоле — для *чего именно* при принятых условиях состоялась посылка Русского братства в Иерусалим? — так и останется без ответа. И не хуже ли всех возможных затруднений, которые наша дипломатия опасалась возбудить на Востоке, оказались эти недомолвки, эти выказанные страхи, несовместимые с достоинством ни Русского правительства, ни Православной Церкви?

Если мы, ввиду недоверия к Иерусалимской Патриархии, ввиду желания оказать помощь нашим поклонникам и противодействовать иноверным пропагандам, которые никого не спрашивая назначали епископов и восстановляли в действительности не существовавшее в течение семи столетий латинское патриаршество, хотели что-либо сделать посылкою Духовной Миссии, то мы должны были или это провести, или вовсе не подымать вопроса. Мы решились, как часто у нас бывает, *проделать наружно* и собственными руками уничтожить все, что это наружное представляло или должно было представлять.

Между тем в то время, как составлялась, рассматривалась и утверждалась настоящая инструкция, определялся состав самой Миссии и изыскивались средства для ее содержания. Кроме архимандрита Порфирия, поставленного во главе Миссии, при нем, по ходатайству Высокопреосвященного митрополита Новгородского Антония и графа Протасова, были назначены бакалавр Санкт-Петербургской семинарии Феофан[18] и студенты: Петр Соловьев и Николай Крылов. По ходатайству же отца архимандрита был к нему назначен его неизменный послушник Иван Будземский.

Этим и предполагалось на время ограничить состав Миссии. Ежегодный расход Миссии определен был в 7.000 рублей, которые распределялись следующим образом:

Жалованье архимандриту	1.500	1.500
# иеромонаху	1.000	1.000
# 2-м послушникам	1.000	1.000
<Итого>	3.500	
На общий стол		2.000
На вклад (Патриархии) за помещение		300
На наем прислуги		300
На разъезды и вспоможение русским поклонникам		300
На милостыню нищим		100
На содержание церкви		500

[18] Речь идет об иеромонахе Феофане (Говорове) (1815—1894), будущем епископе и Затворнике, знаменитом богослове и духовном писателе.

Эта более чем нищенская сумма, с которою мы мечтали что-либо сделать против тысячных сумм иностранных пропаганд, не может не поразить в особенности тремя своими цифрами. Мы навязывали свою Миссию <Иерусалимской> Патриархии, которая по многим вышеизложенным причинам не могла относиться к ней сочувственно. Задобрить Патриархию или уменьшить ее недоброжелательство возможно бы было, показав ей ту материальную пользу, которую могла бы Патриархия извлечь из Миссии, а эта материальная польза выражалась в 300 рублях за помещение пяти лиц, то есть сумма меньше той, которую бы получила Патриархия от помещения простых поклонников. Не менее поражает цифра милостыни нищим — 100 рублей, и это в стране, где каждый житель рассчитывает на милостыню и по размеру ее судит о значении дающего. Наконец, если мы даже отделим половину назначенной суммы <в> 300 рублей на разъезды, то мы увидим, что на 500 поклонников, приходивших тогда ежегодно на поклонение к Святому Гробу, было назначено вспоможение в 150 рублей, или около 30 копеек <на каждого>, и это <в то время> когда не было ни дарового помещения, ни удешевленного проезда.

Но и эта нищенская сумма возбудила препирательство и толки, на какую смету ее отнести — ни Министерство иностранных дел, ни Святейший Синод не желали принять этот ежегодный расход на свой счет. Кончилось дело тем, что расход этот после долгого спора *был отнесен на суммы Духовного ведомства.*

О ризнице постановлено позаботиться митрополиту Новгородскому, и, как о расходе единовременном, на нее были достаточно щедры, ассигновав 11.578 рублей 36 копеек, из которых половина была отнесена на счет сумм Духовного ведомства, причем 3.500 рублей отнесены на типографский капитал, а 2.289 рублей 18 копеек — на экстраординарные расходы Духовного ведомства.

Наконец, на экстраординарные расходы для переезда Миссии было назначено 4.578 рублей 35 копеек тоже из сумм Духовного ведомства.

Таким образом, и по составу своему, и по денежным на содержание ее средствам, наконец, и по обязательству представления полугодовых отчетов, эту вторую Миссию отца архимандрита Порфирия можно назвать вполне зависимою от Святейшего Синода и им вызванною к жизни.

Когда таким образом все вопросы по нашей Духовной Миссии, казалось, были вполне удовлетворительно решены и ей предстояло только отправиться на место своего назначения, отец архимандрит, памятуя затруднение, встреченное им в первую командировку вследствие требования с него за заграничный паспорт, которое составляло крупный процент его содержания, обратился в Синод, а сей последний — в Министерство иностранных дел с просьбою выдать ему и членам Миссии паспорта наших заграничных агентов, то Министерство испугалось даже такого требования, так как удовлетворение оного нарушило бы инкогнито едущих, а потому предоставило им получить паспорта в Одессе на правах простых поклонников.

Получив отказ в курьерском паспорте, Миссия 14 октября 1847 года выехала из Санкт-Петербурга и 2 ноября была в Одессе. Здесь отца архимандрита не задержали так долго, как в первый раз: 21 ноября он с прочими членами Миссии на казенном пароходе «Херсонес» отплыл из Одессы и 23 ноября был в Константинополе, остановившись в доме коммерческой канцелярии нашего посольства, в квартирах посольского духовенства. По представлении Миссии нашему посланнику, она принимала благословение на Иерусалимском подворье от представителя Иерусалимской Патриархии в Константинополе архиепископа Фаворского Иерофея[19], а затем

[19] К этому имени в рукописи примечание: «Скончавшегося в текущем году Патриархом Антиохийским». Блаженнейший Иерофей был Патриархом Антиохийским с 1851 по 1885 гг. Очевидно, годом его кончины (1885) следует датировать публикуемую рукопись.

от Вселенского Патриарха Анфима VI[20] в присутствии всего Священного Синода его. Прием Миссии Константинопольским Патриархом был вполне радушный, и по его приглашению Миссия присутствовала на богослужении, совершенном Патриархом в день святого Андрея Первозванного. Имея под руками наше посольство, с которым одним он говорил о делах Патриархии, Константинопольскому Патриарху не было причины не оказать радушия к проезжему единоверному духовенству, глава которого был к тому же его старый знакомый.

Пробыв два месяца в Константинополе, Миссия на австрийском пароходе выехала в Бейрут, где, не застав Базили, бывшего в Иерусалиме, выехала 7 февраля сухим путем в Иерусалим, куда прибыла 17 февраля 1848 года и на следующий день вручила Патриарху Иерусалимскому Кириллу письмо митрополита Санкт-Петербургского[21]. Описывая это представление в официальном письме, отец архимандрит говорит: «Мы обрели благодать перед лицом Его Блаженства; по прочтении письма он отвечал, что он с любовью приемлет нас точно так же, как и свое духовенство святогробское, и предложил нам оставаться в монастыре Святого Гроба (Патриархии) до Пасхи, отведя то помещение, которое он сам занимал, будучи наместником, присовокупив, что о постоянном помещении нашем последует совещание и решение в свое время».

Таков был официальный прием, но из сообщения Базили, который в то время был в Иерусалиме, мы узнаем, что Патриарх выражал ему опасения относительно приехавшей Миссии, могущей возбудить неприятности в случае неуместного вмешательства се в дела святогробские или неуместных притязаний, основанных на неопытности в делах иерусалимских. Эти опасения были, прибавляет Базили, устранены моими объяснениями. Знать эти объяснения, конечно, было бы весьма желательно, как проливающие свет на взгляд Базили на нашу Духовную Миссию. Единственное объяснение, могущее успокоить Патриархию, заключалось в признании, что Миссия ничего не значит и ничего не будет делать. Но именно это объяснение, сомневаюсь, чтоб мог дать представитель русского правительства, а поэтому его предположение об успокаивающем действии его объяснений мы должны приписать к некоторому самообольщению.

Как увидим ниже, не это объяснение, основанное на общих фразах, успокоило Иерусалимского Патриарха, а иное, о чем речь будет впереди.

Отец архимандрит находил Иерусалим в этот свой приезд несколько иным против того, чем его оставил. Положение в нем слагалось так, что, при несколько большей энергии, умении и знании местных обстоятельств, действительно, Россия могла бы многое сделать в Святой Земле.

Вместо престарелого Патриарха Иерусалимского Афанасия[22] отцу Порфирию пришлось на этот раз в Иерусалиме встретиться с недавно избранным Патриархом Кириллом[23], с которым начиналась новая эра в Иерусалимской Патриархии. Пока доживал Афанасий, пока в Иерусалиме жили еще старцы, выросшие у Святого Гроба, предания Патриархии сохранялись неукоснительно, а в числе их и, если так можно выразиться, наследственность патриархов (вопрос наследования Патриаршего трона. — *Ред.*). В течение почти трех веков было всего 16 патриархов в Иерусалиме и каждый из них, *чувствовавший* приближение смерти, назначал своего наследника, и не было примера, чтоб назначенный таким образом не замещал

[20] Анфим VI занимал Престол Константинопольского патриарха в 1845—1848, 1848—1852, 1853—1855, 1871—1873 годах, так как несколько раз был смещен и вновь восстановлен турецкими властями.

[21] Имеется в виду митрополит Антоний (Рафальский), первенствующий член Святейшего Синода в описываемое время.

[22] Речь идет о Патриархе Иерусалимском Афанасии V (1827—1845).

[23] Иерусалимский Кирилл II (1845—1872).

умершего Патриарха. Понятно, что Патриарх назначал своим наследником человека, близко к нему стоявшего, знавшего его цели и намерения. Правда, и цели эти были за это время проще и не так многочисленны: бороться с францисканами за сохранение святынь и задаривать с этою целью все мусульманское начальство — от последнего турецкого сторожа в Иерусалиме до султана в Константинополе, а для этих задариваний добывать денежные средства — составляло всю политическую программу Патриархии, начиная с XVI века.

Обстоятельства за последнее время стали изменяться, и одними денежными средствами нельзя было бороться с развивающеюся иноверною пропагандою. Нужно было изменять вековую политику и изыскивать новые средства для борьбы. Между тем, новые обстоятельства стали влиять на предания, и Кирилл первый нарушил наследственность патриархов. Афанасий, умирая, назначил своим наследником архиепископа Фаворского Иерофея — человека, долго проживавшего в России и к ней расположенного. Кирилл, тогда епископ Лиддский, напирая на то, что Иерофей слишком близок к России и, вероятно, сопровождая это обвинение более вескими доказательствами, успел так настроить Порту, что Патриархом оказался он, а не Иерофей. Мы же, если даже и знали обо всем этом, то во всяком случае не отстояли Иерофея, а помирились с совершившимся фактом или, что еще вероятнее, сами поддерживали Кирилла. К такой, если так можно выразиться, узурпации Кириллом Патриаршего престола, старцы иерусалимские не могли отнестись равнодушно и встретили Кирилла довольно враждебно. В свою очередь и Кирилл, показавший пример того, что можно предвосхитить патриаршее достоинство, не чувствовал прочной под собою почвы. В таком положении застала его новоприбывшая Русская Миссия,' и от того положения, которое она займет, зависела будущность Кирилла. Она могла или поддержать его, или сойтись с его врагами.

Не менее враждебное положение царствовало в то время и среди иноверцев. В протестантском мире рознь национальностей выражалась в борьбе английского консула Финна с прусским ставленником епископом Гоббатом — рознь, в то время только начинавшаяся и разыгравшаяся даже арестом Гоббата Финном. В латинском же палестинском мире совершался такой существенный для будущности латинства перелом, который можно было бы сравнить разве со значением Крестовых походов. В этой переживаемой тогда истории латинства в Иерусалиме есть много сходства с нашими отношениями к Иерусалимской Патриархии, и потому позволю себе несколько подробнее на ней остановиться как крайне для нас назидательной, тем более что происходила она на глазах отца архимандрита Порфирия.

Назначение протестантского епископа в Иерусалим и пребывание там русского архимандрита не могли не обратить на Святую Землю внимание латинского мира, представителями которого являлись там дотоле несколько монахов францисканского ордена. После падения латинского Иерусалимского королевства завоеватели, конечно, более сочувственно относились к православным, не менее терпевшим от латинян, чем мусульмане, и в течение целого почти столетия в Иерусалиме не было ни одного оседлого латинянина. Только в первой четверти XIV века появляются в Иерусалиме латинские монахи, и именно францискане, принимающие громкое название — хранителей Святой Земли. Но и тут в течение последующих двух столетий, до завоевания Святой Земли турками, латинян скорее терпят, чем разрешают жить. Только новые завоеватели стали смотреть на всех христиан — православных и латинян — безразлично, с равным презрением, признавая их источником для извлечения денежных средств. С этой поры, поставленные в одно и то же положение, цели и задачи францискан сделались тождественными с Иерусалимской Патриархиею: овладеть наибольшим числом святых мест, а для достижения этой цели — располагать наибольшими денежными средствами. Разница между представителями Православия и латинства заключалась лишь в употреблении избытка этих средств. У первых избыток этот шел на обогащение родственников и близких членов Иеру-

салимской Патриархии, у вторых — более дисциплинированных — он шел на обогащение специально францисканского ордена. Те же вопросы, которые возбудились в 40-х годах (XIX столетия. — *Ред.*) у русского правительства, а именно: целесообразно ли расходуются все присылаемые пожертвования и соответствуют ли этим пожертвованиям достигнутые результаты, — возбудились в то же время и в голове вновь избранного папы Пия IX[24].

Ответы на эти вопросы были, конечно, неудовлетворительные. Мы на них отвечали посылкою Русского братства с отцом архимандритом Порфирием во главе, Римский двор — восстановлением уже в течение трех столетий даже титулярно несуществовавшего <латинского> Иерусалимского Патриарха и назначением им проведшего всю свою жизнь в миссионерской деятельности в Месопотамии и Сирии Иосифа Валерги. Его застал уже в Иерусалиме отец Порфирий по приезде своем, так как в декабре 1847 года, после шести с половиной-столетнего отсутствия, Святой Град вновь увидал в своих стенах латинского патриарха. Но положение сего последнего было крайне неутешительно. Францискане встретили его по наружности радушно, но вместе с тем категорически заявили, что Папа мог его назначить, что они подчиняются решению Наместника Христа, но, на основании папских же булл, они единственные здесь хозяева и, что важнее, — единственные распорядители всех денежных средств, а потому Валерга может делать что желает, но они не уступят ни одно из принадлежащих им святых мест, ни одной церкви и ни одной полушки из получаемых средств. В таком безысходном, казалось, положении застал латинский мир в Иерусалиме и архимандрит Порфирий.

Знаю, что мне могут возразить, что православный мир в религиозном отношении не то, что мир латинский. Здесь францискане и Патриарх — слуги одного и того же распорядителя судеб латинского мира — Папы; там же Иерусалимский Патриарх и Всероссийский Святейший Синод только подчиненные отвлеченной идее — Церкви, которой они равноправные *столпы*. Все это совершенно верно, но *дело в том*, что не забегая вперед, так как конец борьбы между Валергою и францисканами принадлежит другому периоду, *я скажу здесь только,* что Валерга сломил францискан и создал новый латинский мир в Святой Земле не при помощи Папы, оказавшегося бессильным, а при помощи французской императорской дипломатии. На нашей православной стороне в действительности были ключи от денежного сундука, значит, шансы были, скорее, в нашу пользу, а потому видеть в Иерусалимском Патриархе лишь епископа на русском жаловании не представлялось вовсе мифом. Но *там* знали, чего желали, и был Валерга, *здесь* — к сожалению, этого не знали и был отец Порфирий.

После этого отступления, неизбежного для понимания религиозного положения дел в Святой Земле в это время, возвращаюсь к прерванному разсказу о судьбах Русского братства.

Первое, о чем Русская Миссия позаботилась, — было о помещении. Мы видели, что Патриарх Кирилл обязательно поместил ее, состоящую из пяти человек, возле себя, в тех самых келлиях, в которых он один жил как наместник, присовокупив, что о постоянном ее помещении последует совещание и решение в свое время. Это решение, заключавшееся в переводе Миссии в Архангельский монастырь, последовало в конце апреля, причем, по распоряжению Патриарха, приступлено было в нем к самонужнейшим поправкам и починкам. После вечерни 16 августа 1848 года Патриарх с Синодом благословил Миссию водвориться в поправленном

[24] Пий IX (1792—1878) был избран Папой в 1846 году. Восстановление Латинской Патриархии в Иерусалиме стало первым в ряду его мероприятий по укреплению позиций Католической Церкви в мире: конкордаты с Испанией (1851) и Австрией (1855), восстановление католической иерархии в Англии (1850) и Голландии (1853), Ватиканский Собор (1869) и принятие догмата папской непогрешимости (1870).

Архангельском монастыре и совершать в церкви оного службу на славянском языке. Миссия заняла в верхнем этаже 18 комнат и в нижнем 4 — для столовой, кухни и поклажи. В нижнем этаже оставалось еще много комнат, в которых Патриарх разрешил размещать разноплеменных поклонников только духовного звания и преимущественно российского духовенства, на что однако же, имея Патриаршее разрешение, архимандрит не решался, не испросив предварительно на то же разрешения Святейшего Синода. Кроме того, Миссии было великодушно предоставлено пользоваться находившимся при монастыре садом. За эти поправки Святейший Синод разрешил, кроме ежегодно передаваемых через Миссию в Патриархию денег за помещение, выдать Патриархии единовременно 700 рублей. Кроме того, архимандрит ходатайствовал о необходимости отпустить 3 тысячи рублей на отделку церкви в Архангельском монастыре, ссылаясь на существующий в Патриархии обычай, по которому каждый новый игумен, кроме ризницы в обширном значении этого слова, обыкновенно обновлял и самою церковь своего монастыря.

Под первым впечатлением нового помещения архимандрит писал: «Все келлии, кроме приемной, малы, тесны, низки и убоги». Через полтора года своего пребывания в Архангельском монастыре архимандрит 29 октября 1849 года так описывал помещение Миссии нашему Константинопольскому посольству: «Архангельский монастырь был перестроен для кратковременного помещения поклонников. Сообразно с этою целью он загроможден лестницами, террасами, келлиями, кухнями и портомойнями в таком безпорядке, с таким неудобством для жизни и с таким безвкусием, что величайшее терпение ослабевает и вянет. А келлии — одни темны, другие кривы и ниже одна другой, все очень низки, малы, душны и походят более на пещеры и даже на ящики, чем на комнаты. В прошлую зиму (1848/49 гг.) от проливных дождей и от снега они промокли чрез плоские каменные крыши так, что не высохли и летом. Духота от извести и спертого воздуха и сырость повредили здоровью членов Миссии... Нет покоя от прилива, шума и отлива разноплеменных поклонников, помещаемых (Патриархиею) вместе с нами в сей обители. В начале 1849 года, в отсутствии <членов> Миссии, одна армянка, стакнувшаяся с англичанином и надзираемая армянским духовенством, вошла под покрывалом в Архангельский монастырь будто для поклонения, а вышла в другом виде и очутилась там, где ее ожидали для венчания. В Великом посту 1849 года греческий поклонник, задумавший поститься 40 дней, тайно поместился в подземельи сего монастыря и после двадцатидневного подвига ревности не по разуму был открыт и вынесен оттуда полумертвый. Такие и подобные явления могут повторяться в не своем приюте Миссии, без ее ведома, сверх ее чаяния и к ее крушению, и набрасывать на нее чужие тени ввиду многих иноверных соглядатаев ее жизни...» Ввиду всего вышеизложенного, отец Порфирий предполагал построить тут же особый для Миссии флигель, сооружение которого принимал на себя Патриарх, «но, — пишет далее архимандрит, — любовь вызывает любовь, а поэтому справедливо и естественно на щедроты отвечать щедротами, а посему за безвозмездное сооружение он полагал бы давать Патриархии по 2 тысячи рублей в год в течение шести лет».

Этому докладу архимандрита наше посольство в Константинополе поверило только, как оно пишет 30 января 1850 года, когда многие поклонники подтвердили его справедливость о сырости и неудобствах келлий, причем и с своей стороны полагало желательным приступить к постройкам дома для помянутой Миссии, которые Патриарх согласен принять на иждивение Святого Гроба, но в таком случае нужно будет сделать единовременный вклад в 12 тысяч рублей. Святейший же Синод 6 октября 1850 года постановил: о неудобстве здания Архангельского монастыря и необходимости в оном переделок, а также о внесении за оные в кассу Святого Гроба в течение шести лет ежегодно по 2 тысячи рублей, — иметь особое суждение.

Между тем, приближалось второе ненастное время и отец архимандрит, видя что представленное им предположение <предложение> не имеет желанного резуль-

тата, обратился к первоначальному своему предположению, возникшему во время первого его пребывания в Иерусалиме, а именно: возможности приобретения Русским правительством в собственность дома, смежного с храмом Воскресения, а также находившегося на куполе оного мусульманского гарема, причем отец Порфирий полагал, что в случае заявленного о сем Государем Императором желания можно было бы получить его в подарок от султана. Доклад этот заинтересовал и Базили, и наше Константинопольское посольство, чрез которых он был послан и дошел до Государя Императора, который положил на нем следующую собственноручную резолюцию: «У турков я ничего не намерен просить. Денег не щажу. Занять гарем наемным образом».

Это было в конце 1850-го или в начале 1851 года. Такая близость русских к храму Гроба Господня сильно испугала Патриархию и она предложила свои услуги для приобретения дома и гарема. Посольство и консульство ухватились за это предложение и предоставили ведение дела Патриархии. Тогда последняя, с одной стороны, торгуясь и давая невозможно низкую цену продавцу, отклонила его от продажи, а с другой стороны — так разгласила это дело, что иностранные посольства заговорили о нем в Константинополе, и от всего дела осталась только энергическая резолюция покойного Государя.

Но дело о помещении все-таки не подвигалось, и Миссии пришлось еще две зимы прожить в тех душных и сырых ящиках Архангельского монастыря. Даже Базили решился вмешаться в дело и во время пребывания своего в Иерусалиме в марте 1852 года настаивал перед Патриархом о необходимости устройства помещения Духовной Миссии. Патриарх затруднился исполнить это, ссылаясь на Турецкое правительство, которое будто бы не разрешит увеличивать монастырь. На это Базили предложил Патриархии фиктивно уступить на 15 или 20 лет яффскому вице-консулу пустопорожнее место, принадлежащее Патриархии и лежащее к югу от Архангельского монастыря, и на нем в некотором от монастыря расстоянии возвести здание на наши средства. Патриарх отклонился в то время от положительного ответа, но через месяц в Константинополе, где он встретился с возвращающимся из отпуска из Киева архимандритом, между сими последними произошло, по настоянию нашего поверенного в делах, соглашение в следующих статьях:

1. Патриарх предписал заготовлять нужный для постройки материал.

2. Патриарх испросил разрешение на постройку нового страннолриимного дома с северной стороны монастыря, против чего ближайшие соседи с этой стороны — латиняне — не посмеют ничего сказать.

3. Новый дом следует строить как можно дальше от монастыря и никак не на южной стороне из опасения Турецкого правительства.

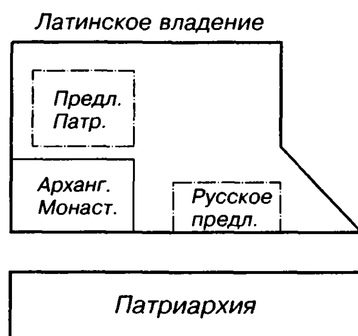
4. Миссии предоставляется и при новом доме пользоваться церковью и садом монастыря и даже сим последним в случае увеличения Духовной Миссии.

«Так как предложения сии делались собственно лицу нашего архимандрита с совершенным добродушием и готовностью, то ему оставалось только согласиться», — пишет наш поверенный. Совершенно верно, отцу архимандриту действительно ничего не оставалось более как согласиться не только с предыдущим, но даже <и с тем> если бы Патриарх потребовал немедленного его отъезда из Иерусалима, так как единственное лицо, могущее его поддержать, — наш поверенный в делах — очень наивно, чтоб не сказать более, верил в крайнее добродушие и искреннее расположение, высказанное Блаженнейшим Патриархом *голосом истины* по поводу *соучастия его к благосостоянию* наших священнослужителей в Святом Граде.

Между тем простой просмотр этих соглашений ясно указывал, что в них не было ни одного слова правды. Так, первая статья, расчитанная на эффект, не вязалась со второю, ибо казалось необходимым прежде испросить разрешение на постройку, а затем уже заготовлять необходимый для нее материал. Если же Патриарх

был так уверен в разрешении постройки, то как же согласить эту уверенность с опасениями, высказанными тем же Патриархом Базили, что Турецкое правительство не разрешит увеличить монастырь.

Что касается до третьей статьи соглашения, то достаточно взглянуть на нижеследующий чертеж,

чтобы понять разницу в предложениях Патриархии от предложений русских. Эти последние, по словам Базили, предполагали выстроить дом для Миссии на улицу, имея, таким образом, независимый выход. Патриархия между помещением Миссии и улицею оставляла Архангельский монастырь, чрез который должен был проходить вход в дом. Кроме того, предложенное Патриархиею место граничило с латинянами, которые, конечно, во-первых, вмешаются насколько возможно, чтоб воспрепятствовать самой постройке, и, во-вторых, никоим образом не позволят ей распространиться за пределы Архангельского монастыря, не продав, конечно, ни пяди земли ненавистным им схизматикам. А что такие предложения витали в голове наших константинопольских дипломатов, то это видно из продолжения того же письма нашего поверенного в делах. «При таком устройстве (то есть вышеприведенном соглашении) оставалась, — пишет он, — утешительная надежда, что в Святом Граде, на месте, признанном самим Патриархом удобным, будет устроена отдельная русская обитель, которая в отдаленное более благоприятное время может расшириться и украситься собственною отдельною церковью, по сломке ближних домов, принадлежащих монастырю Святого Гроба, и по крайней бедности обывателей доступных к приобретению покупкою за весьма незначительную цену... Само собой разумеется, — присовокуплял он, — что таковой взгляд на будущность не был сообщен Патриарху». А сей последний — прибавим мы — должно быть, не догадался. Невольно возбуждается вопрос: кто кого и к чему обманывал?

Необходимым следствием присутствия Миссии нашей в Иерусалиме была потребность иметь для нее приличное помещение. Весь интерес греческой Патриархии поэтому был не допускать ее до такого помещения, потому что, пока его не было, Миссия была только гостьею Патриархии и более ничего. Если мы желали иметь в Иерусалиме Миссию, тогда просто нужно было купить место и выстроить ей помещение, что никто не мог нам запретить, как ясно доказали события последующих лет. Если нам Миссия была не нужна, то незачем было ее навязывать Патриархии, а тем более унижать собственного нашего представителя, делая положение его в Иерусалиме невозможным.

Между тем *комедия* продолжалась далее. В том же письме поверенный наш в Константинополе пишет, что составленный нами план и фасад постройки были одобрены Патриархом, который о каком-либо вознаграждении и слышать не хотел, почитая членов Русской Миссии своими, а не чужими. Такая деликатность глубоко трогает нашего поверенного, который считает необходимым на такую деликатность отвечать другою, а именно: он признавал неловким требовать от Патриархии како-

го-либо акта по постройке, который мог бы возбудить подозрение, а полезнее всего, заключает он свое донесение, ассигнованный на этот предмет вклад переслать в посольство для передачи по назначению.

Между тем и Святейший Синод, решивший, как мы видели, 6 октября 1850 года иметь о постройке или, вернее, об ассигновании на нее 12 тысяч рублей особое суждение, счел нужным для сего, наконец, 11 января и 20 марта 1852 года вытребовать архимандрита в Петербург. Но и это не удалось, ибо Министерство иностранных дел уведомило в июне 1852 года о несвоевременности такого вызова ввиду издания <султаном> фирмана о святых местах и особенной для нас важности иметь во главе нашей Иерусалимской Миссии человека опытного и вполне ознакомленного как с тамошними лицами, так и <с> делами. Хотя, насколько мне известно, до самого объявления Крымской войны никто не счел нужным спросить опытного человека об этих лицах и делах.

Окончив это соглашение, архимандрит Порфирий уехал из Константинополя и прибыл в Иерусалим 6 мая 1852 года. Вслед за сим от 24 мая того же года наш поверенный в делах доносил, «что Патриарх (только что согласившийся) находил необходимым сократить и привести в более укромный вид план и фасад постройки, предложенной нами, из боязни возбудить подозрение Турецкого правительства». И на это мы согласились ввиду крайнего добродушия и искреннего расположения, высказанного Блаженнейшим Патриархом. Мало того, через 10 дней, то есть 4 июня, тот же поверенный наш писал, что Патриарх представил свой план, за что он его благодарил, причем Патриарх объявил ему, что теперь, когда он уверен, что его не заподозрят в неохоте, он приступит к исполнению, и начал с того, что уведомил о сем Иерусалимский Синод, а когда получится благоприятный отзыв местного начальства, тогда <он> войдет куда следует с представлением. Конечно, можно было бы спросить у Патриарха о материале, который он, по 1-й статье соглашения, приказал заготовлять еще в октябре 1851 года, но нашему посольству, жившему на прекрасной русской императорской даче в Буюкдере, было, конечно, безразлично, где помещается Духовная Миссия в Иерусалиме, Бог знает для чего призванная и только напрасно увеличивающая переписку.

Вслед за сим, 11 августа 1852 года последовало и визириальное письмо к паше Иерусалимскому о разрешении постройки, к осуществлению которой затем, кажется, ничего более не могло препятствовать. Но 8 октября архимандрит уведомлял Святейший Синод, что Патриарх, возвратившись в Иерусалим, по переговорам с Базили, решился не строить новый дом, а отделать дом святогробский на противоположной Архангельскому монастырю стороне улицы (ныне новая Патриархия) и соединить его с сим последним крытым через улицу переходом. Дом этот должен быть готов после Пасхи 1853 года. Отделывая же этот дом снаружи, уведомлял далее архимандрит, Патриархия отказывается снабдить его мебелью и рухлядью, на что потребуется до 1 тысячи рублей. Приходится, прибавляет архимандрит, с этим согласиться ввиду мрачного политического горизонта. Но, прибавим мы, пришлось архимандриту и нашей Миссии провести не только пятую, 1852/53 гг., зиму, но и шестую, 1853/54 гг., оставаясь все в тех же ящиках Архангельского монастыря.

Мы остановились на этом эпизоде, далеко не стоящем такого внимания, потому, что он представлялся для Миссии крайне существенным, можно сказать, краеугольным камнем для будущего существования ее и поглотившим в течение 7 лет все ее внимание.

После помещения, конечно, были всего важнее для Миссии денежные средства. Мы выше заметили, как нищенски были ассигнованные ей штаты. Кроме этих 7.000 рублей ежегодных, в течение 6 лет, с 1848 по 1854 годы, было еще ассигновано Миссии Синодом с 1849 года ежегодно по 100 рублей из типографских его сумм на письмоводство; единовременно архимандриту по случаю его поездки в отпуск в Киев на зиму 1851/52 гг. — 500 рублей из 20.000 капитала (но зато удержаны 600

рублей жалованья за это время); и учителям Миссии: арабского языка Сарруфу всего 100 рублей, и новогреческого — афонскому иеродиакону Мелхиседеку — 150 рублей, хотя оба получали содержание не от казны, а из уделяемой самими членами Миссии на то суммы из получаемого ими содержания. Итого, излишне против назначенных по штату в течение шести лет — 650 рублей. Кроме того, послано было разных книг из запасов Синода и разных вещей для ризницы на 1469 рублей 85 копеек, причем еще в сентябре 1848 года поставлено на вид архимандриту в своих требованиях довольствоваться только самым необходимым.

Наконец, в самом составе Миссии произошли за этот период времени только следующие перемены: нанят был на собственные средства Миссии в конце 1848 года в Бейруте собеседник (переводчик) арабского языка Фадлала Сарруф и в 1851 году — такой же собеседник для новогреческого языка, афонский иеродиакон Мелхиседек, а в апреле 1852 года уехал в Россию причетник Миссии студент Крылов, не выдержав более четырех зим в Архангельском монастыре.

Что этот состав Миссии был недостаточен, сознавало даже наше Бейрутское консульство. Базили от 13 апреля 1849 года еще по собственному почину писал: «Архимандрит Порфирий и иеромонах Феофан сознают себя не совершенно способными для исповеди поклонников, к ним притекающих, и было бы во всех отношениях весьма желательно, чтоб поклонники наши находили в Иерусалиме подобающее утешение исповеди у лица, способного наставить и руководить их совестью». При этом Базили находил еще необходимым увеличить состав Миссии двумя студентами, из общего числа которых от времени до времени один мог бы быть командируем в консульство в Бейрут для усовершенствования в греческом и иностранных языках по обширной переписке консульства с духовенством и для ознакомления на опыте с делами восточной Миссии. Это предположение Базили вполне разделял наш посланник в Константинополе, но Синод постановил ожидать о сем представления архимандрита. Но когда в декабре 1851 года архимандрит ходатайствовал об увеличении Миссии одним иеромонахом из греков (имея в виду иеродиакона Мелхиседека) и переводчиком арабского языка (имея также в виду жившего при миссии Ф. Сарруфа) и двумя студентами, то Синод ничего ему не ответил.

Располагая такими ограниченными средствами, такою поддержкою Константинопольского посольства, зная состав Миссии, мы, конечно, не в праве и ожидать от нее каких-либо результатов.

Если не было где самой поместиться, трудно было найти помещение для училища, а в особенности для арабских и греческих пансионеров, хотя увлекающийся отец архимандрит Порфирий еще 21 февраля 1850 года перед отправлением своим на Синай писал Святейшему Синоду: «Изучить зодчество, обряды, церковные обычаи и историю Восточных Церквей с запасом знания языков халдейского, армянского, сирского, арабского, персидского, коптского и ефиопского, для чего потребно 12 питомцев наших семинарий, — такова должна быть задача Русской Духовной Миссии, водворенной в Святой Град». Вся эта задача, о которой никто не дал себе труда подумать и даже ответить, окончилась покупкою в 1851 году отцом архимандритом маленького абиссинца Фрументия, которого Порфирий предполагал приготовить в священники для абиссинян. Но и этот маленький невольник Русской Миссии исчез затем бесследно — умер ли, живет ли в своей дальней родине, вспоминая о Русской Миссии. Кто об этом когда-либо интересовался?

Отец архимандрит Порфирий, если бы даже отдавал себе ясный отчет о задачах Миссии, во главе которой он был поставлен, должен был сознаться рано, что без поддержки извне, из Константинополя и Петербурга, всякая его самостоятельная инициатива повела бы только к тому, что против него восстала бы Патриархия и сделала бы его пребывание в Иерусалиме еще более невозможным. К тому же и личные его вкусы, как было уже сказано выше, влекли его к домашним, кабинет-

ным, ученым занятиям. Весь углубленный в оные, живя в далеком прошлом, он <не взволновался вопросами>, и они проходили перед ним не замеченными или не стоющими его внимания. Вот причины, отчего все его отчеты, представленные им в Святейший Синод, носят на себе характер исключительно ученый[25]. На себя он смотрит как на ученого, посланного с специальною целью изучить древнюю Восточную Церковь, на членов Миссии — как на своих учеников, обязанных помогать ему в его ученых трудах, и занятиями которых он должен руководить.

Но если такова была цель его посылки, то едва ли состав Миссии соответствовал ей: ни один из ее членов не был к ней подготовлен, да и сам отец архимандрит, будучи ученым человеком, едва ли был в состоянии руководить занятиями других — для этого он был слишком исключителен и своеобычен и в трудах членов Миссии видел лишь собрание и подготовление материалов для собственных своих занятий. Понятно затем, что во всех девяти отчетах, доставленных отцом Порфирием, было только и речи о его личных ученых трудах и о занятиях — также ученых — подчиненных ему лиц. Мало того, он считал даже необходимым к этим отчетам прилагать в подлиннике разные переводы и другие исследования членов Миссии. Но напрасно бы искали в них малейших сведений о наших поклонниках и их нравственном и материальном положении, об иноверной пропаганде и ее успехах, наконец, о состоянии Православия и православных в Святой Земле. Еще менее найдется там сведений о том, *что* есть и *чем*, по его понятиям, должна бы быть Русская Миссия в Иерусалиме.

По вопросам современным во все 6-летнее пребывание его в Святой Земле мы имеем от него лишь донесение о Сирийской Православной Церкви за 1848 год, об избрании в 1846 году на Александрийский Патриарший Престол Иерофея и о препирательствах по этому поводу в Константинополе и, наконец, только в 1851 году указание, что он сообщил в первый раз Базили некоторые сведения о положении Иерусалимской Патриархии. Можно ли затем винить кого бы то ни было, что отчеты эти до сих пор лежат в архиве и едва ли не нами первыми были прочитаны? Да и действительно, не это требовалось от Русской Миссии, и это ясно доказал сам Синод, не только прочитав, но и приказав, хотя и в извлечении, напечатать первое его живое слово о положении Сирийской Православной Церкви.

Патриарх Кирилл скоро узнал как отца Порфирия, так и положение нашей Миссии. Если от сей последней нельзя отделаться разом, думал он, то лучше ученый Порфирий, чем кто-либо другой. Имея за себя Бейрутского консула и Константинопольское посольство, Духовная Миссия в Иерусалиме не представляла для Патриархии никакой опасности. Наоборот, отец Порфирий представлял даже в известных случаях приятного собеседника, льстя некоторым слабостям которого, можно было заполонить <его> в свои сети.

Не мудрено после того, что через год по прибытии нашей Миссии в Иерусалим, а именно 13 апреля 1849 года, Базили находил возможным писать нашему Константинопольскому посланнику: «Успех благого учреждения нашей Миссии не только оправдал, но даже превзошел все мои ожидания, судя по краткосрочности годового срока в подвиге духовном. В самом деле, если основною целью сего учреждения должно полагать славу Российской Церкви <там>, где сходится духовенство всех народов, и вящее сближение духовенства нашего с восточными нашими единоверцами, то Миссия наша открыла под самыми счастливыми знамениями свой духовный подвиг, как по внешним своим отношениям к греческому духовенству, к туземцам разных исповеданий, к агентам европейских держав и к иностранному духовенству, пребывающему в Иерусалиме, так и по внутреннему устройству и порядку Архангельской обители и по строгому благочинию церковному в оной. Патриарх

[25] Внимательное изучение жизни и деятельности епископа Порфирия (Успенского), как и многочисленных составленных им трудов, не позволяет согласиться с мнением автора.

Кирилл не может нахвалиться архимандритом нашим... Ныне вместо холодной недоверчивости Патриарх питает более доверенности к нашему архимандриту, чем к своим подчиненным, и охотно с ним совещается о делах... Добрая слава о духовенстве нашем проникла и к мусульманам, знакомые мои приматы-мусульмане иерусалимские сами говорили мне, что если бы духовные лица всех христианских племен следовали примеру иерусалимских *отшельников, то дела Святогробские приняли бы другой оборот*».

Когда Базили писал это письмо, он был уже почти десять лет генеральным консулом в Бейруте, а книга его «Сирия и Палестина» ясно доказывает, что он много лучше своих дипломатических сотоварищей знал положение дел в Святой Земле. Тем более нас вправе удивлять легкомысленный тон этого письма, принимающий *последствия,* или наружность, *не упоминая* о причинах, или сущности. Не в славе Российской Церкви было дело, а в поддержании Православия, гибнувшего в Святой Земле как в самом духовенстве, так и в среде населения. О какой славе Русской Церкви, *но даже* о представительстве едва ли можно говорить, когда эту славу составляли несколько монахов без приличного помещения, достаточных денежных средств и какой бы то ни было поддержки? Мы выше указывали причины, отчего Патриарх Кирилл не мог нахвалиться нашим архимандритом, которому он внешне оказывал некоторое доверие по тем же причинам, а главное вследствие враждебности к нему Святогробского братства. Но насколько это доверие было чистосердечно, лучше всего доказывается вопросом о помещении, ход которого мы изложили выше. *Странно, наконец, слышать от русского консула, что не православные приматы Иерусалима служат для него источником сведений, а мусульманские, и что мнение сих последних для него столь веско.*

Нам в настоящем очерке приходится описывать судьбы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а не Православия в Святой Земле, а тем более православной Иерусалимской Патриархии. Но поневоле приходится касаться сей последней для разъяснения положения самой Миссии — и вот причина, отчего и в настоящее время приходится сделать некоторое отступление, продолжив в кратких очерках изложенные выше судьбы Патриархии. Мы видели, что отступление от существовавших дотоле преданий по избрании Кирилла возбудило против него старцев Святогробского братства и поселило между ними недоверие. Прибытие Русской Миссии являлось для него в начале новою, если не угрозою, то неожиданностью, а между тем иноверная пропаганда выдвигала на очередь новый вопрос — православных туземцев, который представлялся Патриархии гораздо более грозным, чем все остальные.

Дело в том, что до появления в 40-х годах (XIX столетия. — *Ред.*) иноверных пропаганд, как мы видели, все цели, вся деятельность Патриархии были направлены лишь к борьбе с францисканами за святые места, так как францискане собственно пропагандою не занимались. Поэтому православное туземное население не входило вовсе в расчет Патриархии, которая довольствовалась относительно их изредка милостынею и заступничеством перед местными турецкими властями. Этим туземное население было вполне довольно, сравнения с чем-нибудь лучшим ему не представлялось, и в действительности положение его было даже лучше, чем соотечественника мусульманина, у которого даже этой слабой помощи или защиты не было.

Иным дело представилось, когда явились иноверные миссионеры, не интересуясь собственно святыми местами. Их цель была привлечь на свою сторону наибольшее число туземцев, образовать свою паству, совершенно верно понимая, что в *них* вся политическая сила. А так как туземцев-мусульман было бы в то время, да и ныне, опасно затрагивать в мусульманском государстве, они обратили все свои усилия на туземцев-православных. Совращение же последних не представляло особой опасности, ни еще более — благодаря вековому к ним равнодушию Патриархии, — особых трудов и усилий. Следовало открыть им глаза насчет Святогробского брат-

ства, посулить им больше материальных выгод, и успех дела казался обеспеченным. Таким образом, с новыми борцами приходилось Патриархии вести новую борьбу не за святые места, а за паству. Каждое новое обращение из Православия было тяжело и как пример для будущего, а главное — как доказательство собственной слабости.

Патриарх Кирилл был далеко не гением, ни даже выдающимся человеком, но у него было много здравого разума, и потому он не мог не отдать себе отчета в положении и в необходимости принять какие-либо действительные меры. Но, с другой стороны, он был чересчур грек, слишком связан с Фанаром[26], чтоб быть в состоянии оторваться от всех уз, связывающих его, и пойти твердо по новой дороге. А новая эта дорога заключалась в том, чтоб заняться исключительно местным православным населением, а как противовесом Фанара, который, конечно, это бы ему никогда не простил, опереться на Русскую Духовную Миссию.

Если иноверные пропаганды принимались прежде всего за школы, то и Патриарх Кирилл принялся за устройство таковых для православного населения. Но школы, кроме учеников, требуют средства для содержания и учителей. Трата на школы составляла новый расход, без которого доселе Патриархия обходилась, а поэтому непроизводительный, по мнению большинства старцев Святогробского братства. Отсюда новый предлог для вражды и подпольной борьбы против нововводителя — Патриарха. Еще средства, при тогдашнем богатом состоянии Святогробской казны, Патриарх мог найти, но в учителях был совершенный недостаток. Православное население, как и вообще тогда туземное население, было, можно сказать, поголовно безграмотно.

Не в лучшем состоянии образования стояло и местное греческое духовенство, которого опять вековая история приучила ко многому, но не к бескорыстию миссионерства. Приходилось создавать учителей. Патриарх Кирилл полагал возможным одним ударом создать учителей и заместить Святогробских старцев новым элементом образованных монахов, на которых он мог бы положиться. Но при этом именно случае и проявилось, насколько греческие и фанариотские узы связывали Кирилла. Обе цели совместить было трудно: для образования сельских учителей ему нужно было бы основать подготовительную школу, которая года через 3 или 4 могла бы снабжать Патриархию достаточным контингентом сельских учителей. Затем наиболее выдающиеся по своим способностям мальчики могли бы из оной быть посылаемы оканчивать свое воспитание в наши духовные семинарии и академии и наиболее достойные из них могли бы замещать места выбывающих святогробских старцев. При этой программе наша Духовная Миссия могла бы оказать как в Иерусалиме, так и в России незаменимую услугу. Приходило ли это в голову Патриарху Кириллу и архимандриту Порфирию — сомневаюсь, ибо никаких следов подобного предположения не осталось, а Кирилл решил совсем иное: открыть несколько школ для туземных детей, которые, при условии отсутствия учителей и руководства, могли существовать лишь для виду и напоказ, без всякой действительной пользы. Так, открыты были школы в Иерусалиме, Рамлэ, Лидде, Сальте и Бейт-Сауре, к тому же, как самые местности указывают, без всякой системы, а совершенно случайно.

Затем для образования греческого духовенства он решился — наподобие Халкинской высшей школы при Константинопольской Патриархии — открыть таковую при Иерусалимской Патриархии в Крестном монастыре. Не говоря уже о средствах, которые такая школа могла потребовать, нельзя не обратить внимания на то, что Халкинская школа служит рассадником высшего духовенства едва ли не всего православного Востока; Крестная же школа могла служить только для одной Иеру-

---

[26] Фанар — район в Константинополе, где находится резиденция Константинопольского (Вселенского) Патриарха.

салимской Патриархии, а вследствие того была слишком велика и обширна для той цели, для которой она предназначалась. Наполнив ее затем своими родственниками и соотечественниками из Архипелагских островов, Кирилл и этим не ограничился, а отправил многих недоучившихся юношей доканчивать свое учение в университеты: Лейпцигский, Венский и даже Парижский. Можно себе представить, *что* эти полуобразованные юноши вынесли из западных столиц, где были предоставлены собственному произволу. По возвращении они немедленно были возведены в звание архимандритов и архидиаконов и в их руки была передана Крестная школа, сделавшаяся рассадником будущих членов Святогробского братства. Не хочу сказать, чтоб образование в наших семинариях и академиях было бы идеальным, но при всех своих недостатках оно представляется таким для будущих православных монахов в сравнении с воспитанием, которое они почерпнули в западных университетах. Таким образом, и в этом отношении Патриарх Кирилл положил основание новому порядку вещей в Иерусалимской Патриархии. Надломленная палка, на которую он думал опереться, пронзила его же руку и, умирая в изгнании на Принцевых островах, низвергнутый и выгнанный своими же учениками, Патриарх Кирилл нередко, вероятно, раскаивался в том, что сам же вызвал к жизни.

Нам остается сожалеть, если архимандрит не нашел ничего иного предложить в школьном деле; сожалеть еще более, если предлагал, и Патриарх не нашел полезным последовать его советам. Как бы то ни было, но архимандрит с очевидным удивлением сообщал Святейшему Синоду, что Иерусалимский Патриарх по возвращении из Константинополя убедительно просил его 20 сентября 1852 года, как единого из своих и во имя Живоносного Гроба Господня, принять звание и обязанности попечителя (ефора) иерусалимских училищ по одной учебной части. Невольно не верится в такую неожиданную доверенность, особенно если сопоставить с тем, что 8 октября 1852 года Патриарх, как мы видели выше, окончательно отказывался от постройки приличного помещения для Миссии. Нельзя не удивляться и тому, что архимандрит, который недавно перед тем, имея благословение Патриарха пускать в Архангельский монастырь поклонников духовного звания, счел нужным однако же испрашивать на то еще и разрешение Синода, но не счел необходимым спрашивать такого же разрешения в деле, когда имя русского духовного представителя связывалось с делом, польза и исход которого, как и указал позднейший опыт, были более чем сомнительны. Тем не менее отец архимандрит принялся за предложенный ему труд с большою ревностью и занимался им в течение слишком года, до своего отъезда из Иерусалима, посещая Иерусалимскую и Крестную школы, присутствуя на экзаменах и давая свои советы, когда их спрашивали.

Чтоб окончить с деятельностью Русской Миссии, нам остается еще коснуться одного поднятого отцом архимандритом вопроса, а именно: 30 декабря 1849 года архимандрит вошел с представлением о переводе на арабский язык и напечатании духовных творений, для чего просил ассигновать 500 рублей к ежегодному отпуску из остатков сумм наших духовных академий. «Без деятельного участия нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, — писал он, — не предвидится начатие сего благословенного дела со стороны святогробского духовенства, помышляющего более о других делах, чем о духовном просвещении православных арабов». Эта последняя фраза особенно знаменательна из-под пера архимандрита Порфирия как единственное место, где он проговорился о настоящем положении Православия в Святой Земле[27]. Такую типографию, присовокуплял отец Порфирий, можно было купить у Бейрутской митрополии, которой она в тягость. Только через год, а именно 31 декабря 1850 года, Святейший Синод отвечал ему, потребовав сведения: какие книги

[27] Вынуждены и здесь совершенно не согласиться с мнением В. Н. Хитрово. О «настоящем» положении Православия в Святой Земле он многократно и не обинуясь высказывался и в письмах, и в отчетах, и в личных беседах с руководящими деятелями Русской Церкви.

и рукописи предполагается печатать, в каком количестве экземпляров, от кого потребовать удостоверения в правильности перевода и нельзя ли печатать их в Каире. На этом требовании сведений вопрос остановился, архимандрит не отвечал, ибо Патриарх Кирилл и здесь постарался отклонить русское вмешательство, купив указанную типографию и переведя ее в Иерусалим.

Такова была судьба нашей Духовной Миссии в Иерусалиме до начала Крымской войны.

Как известно, разрыв между Россиею и Турциею последовал в октябре 1853 года. Об нем стали говорить на базарах, получены сведения через иностранные газеты, но ни Константинопольское посольство, ни Бейрутское консульство не сочли нужным уведомить о сем нашу Духовную Миссию. Наконец, 18 октября Бейрутский консул, проезжая с своим семейством на французском пароходе мимо Яффы в Ливорно, словесно передал через нашего яффского вице-консула совет Духовной Миссии искать убежища в Греции, если нельзя будет оставаться безопасно в Иерусалиме. Еще более удивилась Русская Духовная Миссия, когда к начальнику ее явился граф Пиццомано, австрийский консул в Иерусалиме, и сообщил, что Миссия, как и в частности русские лица, поступают под его покровительство; и нужно отдать полную справедливость, что граф Пиццомано в течение еще семимесячного пребывания Миссии в Иерусалиме действительно являлся ее защитником и покровителем против козней, возбуждаемых против нее английским и французским консулами.

Но материальное положение Миссии от этого не улучшалось. Без предписаний, известий и средств из России Духовная Миссия принуждена была затратить те небольшие сбережения, которые ей удалось сделать в прежние годы, принуждена была распустить прислугу, оставив только двух человек, и оказалась наконец несостоятельною в уплате <даже> этого незначительного жалованья прислуге и драгоману. Рапорт начальника Миссии от 27 октября 1853 года в Азиатский департамент оставался без ответа. Что было делать Миссии, оставленной без средств на произвол судьбы, среди самых зловещих слухов и опасений?

Не мудрено, что под влиянием этого тяжкого положения твердость отца архимандрита пошатнулась, и он раз за общею трапезою, изобразив бесполезность дальнейших ожиданий, предложил членам Духовной Миссии или удалиться в пустынный Саввинский монастырь, или пробираться в Россию кто как знает, под собственною ответственностью, причем он слагал с себя обязанности начальника. Но это был только минутный упадок духа, остальные члены Миссии подкрепили его, решившись терпеть до конца, пока о них вспомнят в России, и затем для дневного существования обратиться к Патриаршему наместнику Мелетию, так как Патриарх Кирилл был в то время в Константинополе. Действительно, <Иерусалимская> Патриархия пришла на помощь Русской Духовной Миссии, ссудив ей 5.000 пиастров (около 500 рублей).

Только 7 декабря 1853 года Министерство иностранных дел вспомнило о Миссии и уведомило обер-прокурора Святейшего Синода, что по всеподданнейшему его докладу Высочайше разрешено ассигновать на возвращение Миссии 900 червонцев с отпуском половины из Государственного Казначейства и половины из сумм Духовного ведомства, но вместе с тем предписано архимандриту и состоящим при нем лицам оставаться в Иерусалиме, пока обстоятельства не вынудят их к выезду.

Откровенно сознаюсь, что среди многих более или менее странных *предписаний* настоящего рассказа, ни один не возбуждал во мне такого удивления, как сей последний. Оставлять Миссию среди фанатического населения, не облеченную официально в иное звание, как простых поклонников, навязывать их пребывание Патриархии, положение которой всегда является щекотливым при войнах России с Турциею, — это можно было объяснить лишь важностью побудительных причин,

<таких> как средство получать необходимые сведения. Ничего подобного не было. В течение пяти месяцев, в которые Миссия оставалась в Иерусалиме, никто не спросил ее ни о чем, и она ничего не сообщила. Да что могла она сообщить, отрезанная от всего мира, забытая всеми, не получая ни от кого не только сведений, но и денежных средств, которыми она могла существовать?

Но и этот столь нетерпеливо ожидаемый Миссиею наказ достиг ее только 8 февраля 1854 года одновременно с турецким указом, который строжайше предписывал, чтоб все русские подданные непременно покинули пределы Турецкой империи не позже 6 мая 1854 года. Русских поклонников и поклонниц, которых турецкий указ застал в Иерусалиме, было до 17 человек, — все они обратились в Русскую Духовную Миссию, прося содействовать их отъезду из Святой Земли, так как приходилось возвращаться через Турцию, а на путь через Европу ни у одного из них не было средств. Но что для них могла сделать Миссия, которая сама больше полугода не получала своего жалованья и находилась относительно денег не в лучшем положении, чем сами поклонники? Пришлось вновь обратиться за помощью в Иерусалимскую Патриархию и протянуть к ней руку за милостынею. К счастию, и сама Патриархия тяготилась присутствием русских и была рада поскорее от них избавиться. Деньги на проезд до Триеста были даны. На рассвете 8 мая Духовная Миссия в сопровождении 15 поклонников и поклонниц (двое: больная 80-летняя старуха и монах, заблаговременно перебравшийся в Лавру Святого Саввы, остались в Иерусалиме), тайно, почти украдкой покинула Святой Град, а 11 мая на австрийском пароходе в Яффе — и Святую Землю.

В начале 1855 года Министерство иностранных дел, ходатайствуя о награждении членов бывшей Духовной Миссии, писало об отце архимандрите Порфирии, что в семилетнее пребывание в Иерусалиме он, во-первых, оказал особенную пользу склонением Иерусалимского Патриарха к сбережению казны святогробской, последствием чего было то, что Патриарх положил значительное количество денег в российские кредитные учреждения; во-вторых, снабдил семь палестинских церквей ризницею; в-третьих, способствовал основанию учебного управления с правильным делопроизводством, причем учреждены Патриаршая школа в Крестном монастыре и народные училища в Рамлэ, Лидде, Сальте и Бейт-Сауре; и, в-четвертых, его стараниями учреждена арабская типография при Патриаршей кафедре. За эти заслуги Государем Императором 3 мая 1855 года повелено было производить <ему> пожизненно пенсию в 1000 рублей из Государственного Казначейства, иеромонах Феофан пожалован в архимандриты, а Соловьеву, рукоположенному 9 мая того же года в священники, выдана единовременная награда в 500 рублей из сумм Министерства иностранных дел.

Самый этот доклад, написанный, вероятно, вполне сознательно, ясно указывает, что первое десятилетнее существование Русской Духовной Миссии прошло совершенно бесплодно. Наука, конечно, обогатилась замечательными трудами отца архимандрита Порфирия, но этим и ограничился весь результат ее. Положение Иерусалимской Патриархии, отношение ее к местной пастве, происки иноверных пропаганд — все это для России осталось такою же непроницаемою тайною, какою они были и до посылки Миссии. Таким образом, казалось бы, что Миссия была только бесполезна, но в действительности она была вредна, ибо доказала Иерусалимской Патриархии наш страх перед нею, нашу непоследовательность и возможность проводить нас вполне безнаказанно. Насколько затем были достигнуты первоначальные предположения графа Нессельроде 1842 года: вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви, послужить ближайшим посредником между Святейшим Синодом и Иерусалимскою Патриархиею и наблюсти за полезным употреблением собираемых в России для Гроба Господня сумм, и на кого падает ответственность за неосуществление этих предположений — пусть решит прочитавший.

Приложение 1

Всеподданнейший доклад г. Вице-Канцлера графа Нессельроде об отправлении духовнаго лица в Иерусалим[28]

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Быть по сему».

Верно: За отсутствием Директора, Начальник Отделения /подп./ Н. Любимов.

В Александрии, близ Петергофа. Июня 13 дня 1842

Положение Православной Церкви в Палестине постоянно обращает на себя благочестивое внимание *Государя Императора. По воле Его Величества,* Министерство иностранных дел и Миссия в Константинополе прилагают всевозможные старания для доставления греческому духовенству законной защиты и для охранения принадлежащих оному прав. Настояниями нашими оно ограждено до некоторой степени от своевольных и притеснительных распоряжений местных властей. Учреждение же в последнее время особого иерусалимскаго начальника и изданный по сему случаю султаном Абдул-Меджидом фирман признаны были мерами, по обстоятельствам благоприятными для святых мест в Палестине. Но, к сожалению, бедствия Православной Церкви происходят не от одного лишь мусульманскаго владычества, они имеют также причиною: 1) стремление католиков и протестантских миссионеров к распространению своих вероисповеданий; 2) недостаточность нравственных и материальных средств греческаго духовенства для предупреждения пагубнаго их прозелитизма.

При обсуждении мер, какие могли бы быть приняты со стороны Российскаго правительства для поддержания Греческой Церкви, признавалось небезполезным присутствие в Иерусалиме благонадежной и образованной особы из российскаго духовенства. Мысль эта доныне оставалась без действия из опасения, чтобы не возбудить подозрений Порты и зависти других христианских держав. Но теперь приведение ее в исполнение становится более и более необходимым, в особенности со времени назначения в Иерусалим протестантского епископа и при настоящих действиях англиканских миссионеров.

Польза, какая могла бы произойти от присутствия русского духовнаго лица в Иерусалиме, состояла бы в следующем: 1) ему, по самому сану своему, удобнее чем светскому человеку, можно бы было вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви; 2) сим оказано бы было греческому духовенству соучастие единоверной Российской Церкви; 3) греческое духовенство получило бы чрез то одобрение и нравственную опору и, наконец, 4) российское духовное лицо могло бы быть ближайшим посредником между Святейшим Синодом и иерусалимским духовенством, передавать оному советы и внушения для пользы Православной Церкви, иметь хотя поверхностное наблюдение за полезным употреблением собираемых в России для Святого Гроба Господня сумм и т. п.

Но нельзя не сознаться, что гласное отправление духовнаго лица в Иерусалим имеет также и свои неудобства, которые могут проистекать отчасти от разных политических соображений, а отчасти от недоверчивости и личных видов греческаго высшаго духовенства. А потому на первый случай можно бы было ограничиться мерою, так сказать, испытательною. С сею целию надлежало бы избрать кроткого, благоразумнаго иеромонаха или архимандрита, но никак не выше сего сана, и от-

[28] Доклад К. В. Нессельроде был опубликован П. В. Безобразовым: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 5—8.

править его в Иерусалим в качестве поклонника. По прибытии туда он мог бы, исполняя все обязанности богомольца, стараться снискать доверие тамошнего духовенства, постепенно вникать в положение Православной Церкви, сообразить на месте, какие всего удобнее бы было принять меры к поддержанию Православия, доносить о том Российскому правительству чрез посредство консула нашего в Бейруте и, по руководству сего последнего, делать при случаях некоторые полезные внушения греческому духовенству от собственнаго своего имени и с братскою любовию, стараясь притом убедить его в благочестивом соучастии *Высочайшаго Двора* к единоверцам нашим.

Когда же опять укажут <обстоятельства>, что пребывание в Иерусалиме русскаго агента из духовных может действительно принести существенную пользу Православной Церкви, тогда, смотря по обстоятельствам, можно будет продлить его там пребывание под каким-либо благовидным предлогом и снабдить более положительными наставлениями касательно дальнейшаго образа действий. До того же времени необходимо, чтобы он во всем совещался с нашим консулом, ибо ему ближе известны политическия обстоятельства, с коими надлежит сообразовать и духовныя дела.

Приложение 2

Секретное отношение г-на Вице-Канцлера графа Нессельроде к г-ну Обер-Прокурору Святейшаго Синода от 31 марта 1843 г. № 855

Я имел честь лично объясняться с Вашим Сиятельством о причинах, по коим я признавал бы неудобным снабжать архимандрита Порфирия письменными наставлениями касательно возлагаемого на него поручения, а также о политических обстоятельствах, заставляющих отсрочить на некоторое время отправление его в Иерусалим. Принимая в соображение, что архимандрит Порфирий мог бы воспользоваться таковою отсрочкою для приобретения большого навыка в употреблении новогреческаго языка, который для него будет необходим, — я полагаю, что он для сего мог бы ехать теперь в Одессу, с тем чтобы там ожидать предписания для дальнейшаго следования в Иерусалим. Если Ваше Сиятельство изволит согласиться с таковым моим мнением, в таком случае можно бы было пред отъездом отсюда архимандрита Порфирия сделать ему словесные внушения касательно настоящей цели его отправления и круга действий, ему поручаемых.

Цель эта состоит в том, чтобы: 1) сблизиться с греческим духовенством в Палестине и вникнуть в его положение; 2) приобрести на месте все нужные сведения, могущие впоследствии послужить благонадежным основанием при соображении мер, какие признано будет полезным принять для поддержания Православной Церкви на Востоке. Для успешного достижения таковой цели, архимандрит Порфирий должен прежде всего твердо вразумить себя, что он посылается не для каких-либо положительных действий, распоряжений или преподания советов, но собственно лишь для наблюдения всех обстоятельств, касающихся духовных дел. Следовательно, ему надлежало бы твердо внушить, чтобы он не выходил из характера поклонника, строго исполнял все обязанности, с сим характером сопряженные, отнюдь не обнаруживал, что он послан от правительства, избегал вместе с тем всякой таинственности, могущей лишь возбудить совершенно неосновательные подозрения, чтобы он изъявлял греческому православному духовенству, как единоверцам своим, должное уважение и братскую любовь, приобретая мало-помалу доверие оного, не чуждался бы также и иноверческаго духовенства, наконец, собирал бы постепенно и неприметным образом сведения о положении Православной Церкви.

Развитие и изустное объяснение сих главных правил, коими архимандрит Порфирий должен будет руководствоваться, может быть сделано ему здесь, как по распоряжению духовнаго начальства, так и от Министерства иностранных дел, которое сверх того сообщит ему некоторые имеющиеся уже сведения о Палестине. Но окончательные и подробные наставления архимандрит Порфирий, по мнению моему, должен бы был получить при отъезде своем чрез Константинополь от пребывающаго там посланника нашего, которому между тем может быть препровождена отсюда положительная инструкция по настоящему предмету, с предоставлением ему сделать помянутому архимандриту дополнительныя объяснения, сообразныя с местными и временными обстоятельствами, и указать все необходимые для него потребности, дабы он, не зная положения политических дел на Востоке, не увлекался неосновательными соображениями и направлял свои наблюдения именно на те предметы, коих разъяснение может быть полезно в видах поддержания Православия.

Сообщая Вам, милостивый государь, таковое мое мнение, прошу об окончательном решении касательно архимандрита Порфирия меня уведомить. Я же со своей стороны не премину в свое время известить Вас, когда политическия обстоятельства позволят сему духовному лицу следовать в Константинополь и Иерусалим, и буду иметь честь препроводить тогда на предварительное Ваше рассмотрение проект инструкции посланнику нашему при Порте Оттоманской.

Приложение 3

Советы Министерства иностранных дел отцу архимандриту Порфирию 2 ноября 1843 года, переданные ему посланником в Константинополе 27 января 1844 года

Избегать всего могущего обратить на его поступки напрасное внимание, чуждаться равным образом излишней таинственности и обходиться простодушно и ласково со всеми. Таков наш лучший способ убедить самых недоверчивых людей, что если он и в самом деле имеет поручения, то в них не кроется ничего опасного или недружелюбного к кому бы то ни было.

Вникать постепенно в положение Святой Церкви, приветливо слушая рассказы и сознания туземцев, но не тревожа ничьей совести слишком настойчивыми расспросами.

Собрать на месте сведения о действительности притеснений, терпимых Православною Церковью, и беспристрастно сообразить, до какой степени основательны взаимныя жалобы духовенства разных вероисповеданий, кто при каком случае главный виновник и не представляется ли возможным прекращать споры мирным путем.

Стараться удостовериться о степени распространения влияния чужеземных миссионеров и обдумать, какия меры при местных обстоятельствах могли бы повести к упрочению Православия на Востоке.

В беседах с палестинским духовенством ограничивать свои речи самыми простыми и доступными истинами. В приличных случаях удостоверять восточных отцев и собратий в живом к ним участии главнейших российских иерархов, называя их поименно как особ, которых образ мыслей лично и непосредственно ему известны. Вообще говорить не столько о России, сколько о Церкви, Единой и Апостольской.

Одушевляться двумя чувствами: смирением и терпимостью, дабы палестинские единоверные иноки находили в русском архимандрите доброжелательнаго брата, а не строгого судью, и почерпали благие уроки сколько в его примере, столько и в снисходительном духе его речей.

Показывая при удобных случаях вежливость и радушие к лицам других исповеданий, не входить однако же с ними в короткое обращение и не простирать сбли-

жение до такой степени, чтобы оно могло поселить сомнение насчет религиознаго образа мыслей русского духовенства.

Собирать сведения о ходе образования духовнаго юношества и об употреблении сумм, пересылаемых из России, удерживаясь однако же от всякаго постороннего вмешательства, которое было бы вовсе непристойно для частнаго лица, прибывшего для поклонения Гробу Господню.

Не выходить из пределов поручения и не увлекаться собственными соображениями, кои часто могут быть неудобоисполнимы и бесполезны.

Приложение 4

Записка, представленная 6 января 1845 года нашему Константинопольскому посланнику и послужившая поводом ко второй миссии Преосвященнаго Порфирия[29]

1. В Иерусалиме учреждается Духовное посольство Церкви Российской к Церквам Палестинской, Александрийской и Антиохийской, или российский общежительный Святопоклонный монастырь первого класса.

Самое название сего монастыря уже определяет свойство лиц посылаемых и образ их жизни. Все они должны быть монахи и обязаны соблюдать Устав общежития.

Дабы сей монастырь иноверцам казался учреждением богоугодным, а не политическим, для сего пребывающие там монахи объявляются поклонниками и переменяются в определенные времена. Согласно с сим и дается ему название Святопоклоннаго. Он есть такое придворие в Святом Граде, в которое русские иноки приходят на короткое время для поклонения святым местам и из котораго возвращаются, сменяясь другими.

Кратковременное пребывание их там одобряется еще и потому, что оно избавит их от скуки, устранит от монастыря нравственную порчу возможную и, давая место новым инокам, поддержит в нем всегдашнюю свежесть сил и горячность покаяния. А кто в России не захочет покаяться и послужить при Гробе Господнем?

Святейший Синод уведомляет Патриарха Иерусалимскаго о водворении Русскаго братства в Святом Граде и поручает оное молитвам и любви его, изъясняя, что оно водворяется для теснейшаго единения Церквей Российской и Палестинской; для непрерывнаго моления о богоспасаемой России и о царствующем в ней Доме; для передачи милостынь Российской Церкви в казну Святаго Гроба и тайных пожертвований частных лиц в пользу беднейших христиан Палестины; для нравственнаго надзора за русскими поклонниками, но не для совершения над ним Таинств и обрядов церковных, что предоставляется греческому духовенству; для защиты их в случаях надобности совместно с ходатайством за них монастыря Святогробскаго пред местным начальством и, наконец, для ученых занятий.

От Святейшаго Синода посылается братское извещение к Патриархам Александрийскому и Антиохийскому о водворении Русскаго братства в Иерусалиме, с поручением оного молитвам и любви их. (Так поступило английское духовное начальство при водворении своей Миссии в Святом Граде). После этой общительности наши старцы иерусалимские станут ближе к сим Патриархам и будут лучше узнавать состояние и нужды Церквей Египетской и Сирийской.

---

[29] Материалы для биографии. Т. I. С. 146—160. В тексте документа, приводимом В. Н. Хитрово в качестве приложения № 4, имеются некоторые разночтения по сравнению с текстом, изданным П. В. Безобразовым. Прежде всего, В. Н. Хитрово опускает многочисленные, не относящиеся к существу дела «примечания», которыми обильно уснащена «Записка» архимандрита Порфирия.

Российский монастырь учреждается в Иерусалиме с ведома Турецкаго правительства, дабы он имел вес и безопасность в Палестине. Его вес послужит там опорою Православия. А дабы легче вынудить у сего правительства согласие на учреждение его, для того поставляется ему на вид: дозволение русскому духовенству проживать временно в Иерусалиме по примеру других иностранных лиц духовных, нравственный надзор его за русскими поклонниками, разбирательство за них пред местным начальством в отсутствие консулов наших.

3. Богом благословенное величие Российской Церкви, достоинство Иерусалимскаго Престола, потребности Церкви Палестинской и благотворная цель учреждения нашего монастыря в Иерусалиме требуют того, чтобы он в самом начале получил вид прочный, казистый, важный, обещающий много добра.

Управление его вверяется архимандриту с титулом: настоятель Российскаго первоклассйаго Святопоклоннаго монастыря в Иерусалиме архимандрит N.

По причине временного (или летнего) пребывания наших монахов в Иерусалиме настоятельство над ними архимандрита предпочитается священноначалию епископа. Ибо от частой перемены увеличилось бы у нас число непрестольных архиереев. Посмертное же пребывание епископа в Святом Граде несообразно с идеею, по которой учреждается там монастырь. А сменяющихся архимандритов можно определять к миссиям Константинопольской, Афинской, Римской, Венской, в должности ректоров семинарий и академий и настоятелями лучших монастырей первоклассных.

Совет архимандрита составляют два старшие соборные иеромонаха, которые должны иметь академические степени.

Два младшие иеромонаха и два иеродиакона очередные назначаются для богослужения.

Монастырь имеет своего лекаря, но монаха. Ужели в целой империи нашей не найдется подобный избранник?

Все монашествующие пребывают в Иерусалиме не более 7 лет, исключая первого настоятеля, яко устроителя монастыря, и лекаря, который должен остаться там до смерти для пользования ближних.

Перемена настоятелей и двух старших иеромонахов производится так, что они не все вместе выбывают из Святаго Града, а один после другого, спустя несколько лет, дабы не прерывалась опытность в управлении монастырскими делами и наипаче в благоустроении Палестинской Церкви, дабы несменному при Святом Гробе братству Греческому всегда присуще было братство Русское, дабы не прекращалось его практическое знание языков новогреческаго и арабскаго и дабы не изменялся дух и такт нашего монастыря. Посему:

В нем должны настоятельствовать не вновь присылаемые из России архимандриты, а старший иеромонах его, один после другого. Согласно с им прибытием и возведение его в сан настоятельский распределяется следующим образом:

Первый настоятель пребывает в Иерусалиме только пять лет. А при нем два соборные иеромонаха находятся в послушании: один четыре года, а другой — только двенадцать месяцев. Посему тот посылается в Иерусалим во второе лето его начальства, а этот — в пятое. По выбытии первого настоятеля, старший иеромонах, произведенный в архимандриты в Иерусалиме, занимает его место и начальствует три года, потом возвращается в Россию, а сотрудник его послушествует при нем три года, а потом вступает в его должность. Но за год до выбытия второго настоятеля — новый иеромонах из ученых и т. д. Такой порядок выбытия и прибытия настоятелей и помощников его, рассчитанный верно, должен быть признан неизменным. По этому порядку каждому старшему иеромонаху придется пробыть в послушании четыре года и в должности настоятеля три года, всего семь лет. В случае преждевременной смерти какого-либо настоятеля может быть послан на место его прежний архимандрит, дабы не нарушался установленный порядок.

Что касается до прочих иеромонахов и иеродиаконов, то для них должна быть назначена особая семилетняя очередь. Их можно посылать в Иерусалим и назад возвращать всех вместе, лишь бы не прерывалось опытное начальство.

В послушники к настоятелю и старцам назначаются 12 малолетних воспитанников Одесскаго Духовнаго училища с голосами высочайшими и высокими (soprano-alto). Они вместе с старцами читают, поют и прислуживают в церкви. Но пение их должно быть простое, а не искусственное хоровое, которое хотя и нравится для слуха, но осуждается на Востоке как пение латинское. Всякаго же осуждения надлежит избегать. Да и в священнодействиях нашему духовенству подобает применяться к древнему греческому чину.

4. При нашем монастыре Иерусалимском состоит училище для послушников, в котором они получают такое же образование, какое дается в России детям и юношам духовнаго звания с тем дополнением, что они научаются говорить, писать и сочинять по-новогречески, арабски и итальянски.

Училище открывается по совершенном устроении монастыря в третий или четвертый год от учреждения его. Двенадцать питомцев, сверстников по годам, все вдруг поступают в оное и все вместе оканчивают курс наук в течение 10 лет и определяются к должностям. На их место посылаются <другие> в том же числе и на то же время. При таком порядке необременительно для казны ни их отправление в Иерусалим, ни определение к должностям по истечении десятилетий, не требуется много наставников, которые с одними и теми же учениками постепенно будут восходить от низшаго класса до высшаго, нужна только одна классная комната и, что всего важнее, — не укоренится порча нравов.

В случае смерти кого-либо из двенадцати питомцев место его останется не занятым.

Все они носят такое же монашеское одеяние, в каком ходят послушники греческаго монастыря, дабы они не отличались от них внешним видом в глазах магометан и иноверных христиан.

Наставники их суть два старшие иеромонаха и один араб, котораго можно приискать в Иерусалиме или в Дамаске.

Сии воспитанники по окончании учения определяются — одни наставниками в уездные Духовныя училища в России; другие, при отличном знании языков арабскаго, новогреческаго и итальянскаго, — писцами и переводчиками в наши консульства или надзирателями в те учебныя заведения у нас, в которых преподаются эти языки; иные поступают в монахи и остаются в нашем монастыре Иерусалимском помощниками учителей и очередными старцами.

Деньги на содержание их отпускаются из капиталов Духовно-учебнаго управления при Святейшем Синоде.

Но когда одни из них поступят на службу в консульства, другие — в университеты и лицеи, тогда сии ведомства возвращают помянутому управлению всю стоимость содержания <их> в течение десяти лет.

В наше монастырское училище допускаются к слушанию уроков три или четыре посвященца Гробу Господню из греков, и три или четыре юноши из арабов духовнаго звания для приготовления их в наставники на случай открытия Духовнаго училища в греческом монастыре Святогробском и для приучения наших питомцев к разговору греческому и арабскому (один ученик будет нужен нам как переводчик). Таким образом, наш монастырь возжжет свет веры и ведения в Палестинской Церкви и медленно, но надежно приготовит ей надежных деятелей.

Училище при российском монастыре в Иерусалиме не подаст повода к местным толкам неприятным, ибо турки привыкли видеть при церквах обучающихся мальчиков. А латины и протестанты имеют свои школы. Что ж бы они могли молвить о нашем училище, из которого ученики будут выбывать в Россию, тогда как их питомцы остаются в Палестине?

5. По Уставу общежития, все монашествующие и воспитанники получают от монастыря одежду, стол, отопление, освещение, — словом, все нужное. Настоятелю и наставникам производится жалование за управление монастырскими делами и за ученые труды. Но из прочих никому не даются деньги в предотвращении всякаго зла. Сообразно с таким Уставом всего лучше вызывать очередных иеромонахов и иеродиаконов из монастырей общежительных.

Денежный оклад на содержание монастыря должен быть назначен по указанию двухлетнего опыта. Посему на первый раз устроители его посылаются в Святый Град с жалованьем, коим каждый мог бы содержать себя особо.

Русское братство для безопасности, удобства жизни и беспрепятственнаго исполнения обязанностей его помещается в самом Иерусалиме. Для помещения его не годится Феодоровский монастырь, потому что он тесен, худо устроен, наполняется русскими поклонниками. Лучшим приютом для него признается монастырь Архангельский по возвышенности местоположения и по внутреннему простору его и потому, что при нем есть сад. Но его надобно переделать. Теперь самое благоприятное время для устройства его, ибо Иерусалимский Патриарх получил от Порты позволение починить все монастыри свои в течение пяти лет. По соглашению с Его Блаженством, надобно или купить сей монастырь или занять его наемным образом. Но самое лучшее помещение Русскаго братства было бы в древней латинской Патриархии, пристроенной к Святогробскому храму. Тут теперь живет арабское семейство Алемидов. Оно уступит сие здание <за> 500 тысяч пиастров Русскому правительству или Патриарху Иерусалимскому. По приобретении его Храм Господень освободится от гаремнаго осквернения, и райский путь благодати озарит главу того, кто сделает сие доброе дело. На очищение и устройство сего здания потребуется, вероятно, 100 тысяч пиастров.

Примечание. Если бы угодно было испросить у Порты святое место Елеонское и старую латинскую Патриархию для нашего Братства, то постройка нового храма на Елеоне, покупка и устройство сей Патриархии ничего не стоили бы нашему Правительству, ибо можно было бы собрать огромную сумму в России от доброхотных дателей. Кто не пожертвует лепты на храм Елеонский?

Помещение, о котором идет речь, приготовляется прежде отправления нашего Братства в Иерусалим. Посему на первый раз посылается туда настоятель с иеромонахом, иеродиаконом и послушником, и он устрояет избранный монастырь или дом без роскоши, но пристойно и сообразно с климатом.

7. В свое время указывается, к кому монастырь наш должен относиться по делам и с отчетами своими: к Святейшему Синоду или обер-прокурору или к другому какому ведомству или лицу.

Отношения его к Святогробскому духовенству изложены во втором отделении сей записки. Здесь присовокупляется только то, что право наказания русских поклонников, присвоенное сему духовенству, отъемлется от него и предоставляется нашему монастырю и консульству, которых взаимные отношения определяются следующим образом:

Монастырь не подчиняется Консульству, как учреждение духовное, и Консульство отдает ему должное уважение.

Оно не вмешивается в монастырское управление и не принимает жалоб братии на настоятеля или друг на друга. Монастырь судится Синодом.

Все деньги, отпускаемые на содержание его, доставляются Консульством.

Монастырь принимает и отправляет своих старцев и послушников без ведома Консульства.

Духовные завещания братии или опись имущества по смерти кого-либо из них делаются без посредничества Консульства и подтверждаются настоятелем или Советом его.

Консульство защищает монастырь в случае притеснения или обиды или тяжбы какой и вообще хранит неприкосновенность прав его.

Ни монастырь, ни Консульство ни в каких случаях не ищут перевеса друг перед другом в мнении греческаго духовенства и действуют так, как бы у них была одна душа и одна воля.

Монастырь уведомляет Консульство о важнейших происшествиях в Церкви Палестинской, кои требуют или присутствия консула, или его письменнаго сношения с Иерусалимским пашою, либо с наместником Патриархии.

Монастырь принимает от консульства и передает в казну Святого Гроба все пожертвования вещами и деньгами. Ибо это дело духовное.

Консульство не вмешивается в раздачу пожертвований бедным христианам палестинским. Ибо это дело евангельское.

Монастырь, а не Консульство представляет к наградам игумена и игумению тех обителей в Иерусалиме, в которых помещаются наши поклонники обоего пола. Ибо эти лица духовные.

Монастырь имеет нравственный надзор за русскими поклонниками и за неважные вины наказывает их поклонами, заключением в темной келлии и отсылкою на епитимии в Саввинский монастырь. В случае важных проступков консульство отправляет виновных в Россию на основании донесения монастыря без переследования дела, подписаннаго настоятелем и Советом его.

От наших консулов монастырь получает список русских поклонников обоего пола с означением их звания, чина, и времени пребывания в Иерусалиме. Это нужно для того, чтобы настоятель его знал, как с кем обращаться и какие принимать меры к исправлению погрешающих.

Русские поклонники, по словесному приказанию наших консулов, после явки в Святогробский монастырь являются и к настоятелю нашего монастыря.

Он, в отсутствии наших консулов, разбирает взаимные ссоры и неудовольствия русских поклонников и, с помощью Святогробского монастыря, ходатайствует за них пред местным начальством в случае обид, нанесенных им арабами, или выручает их из тюрьмы, если это начальство заключит их в нее по какому-либо поводу. Русский не должен скверниться турецкою тюрьмою, хотя бы он и виноват был. Его накажет монастырь наш.

Греческие обители во имя свв. Феодора и великомученицы Екатерины, назначенные для русских поклонников обоего пола, обозреваются настоятелем нашего монастыря, и он уведомляет высшее начальство о нуждах их. Посредство Консульства в сем деле произвело бы лишнюю переписку.

Но игумена и игумению помянутых обителей определяет и судит Святогробский монастырь, однако при участии нашего настоятеля и консула.

Для сопутствования русским поклонникам в Назарет и Тивериадскому озеру и для надзора за ними посылается один старец и кавас нашего монастыря.

Отправлением сих поклонников в Россию занимается Консульство, а не монастырь.

В случае разъездов настоятеля и братии по Святой Земле монастырь своим именем, без сношения с Консульством, берет дорожные виды у местного начальства и такие же виды по той же надобности испрашивает у него для русских поклонников или путешественников.

8. Настоятелям нашего монастыря дозволяется ездить в Египет и Сирию для узнания состояния и нужд Престолов Александрийскаго и Антиохийскаго. Но лучше и сообразнее с их назначением, чтоб они предпринимали сии поездки уже по окончании ими летней службы своей для богомолья в Синайской обители и в сирийских монастырях. Разъезды же в Палестине с целью ученою или благотворительною делаются ими по доброй воле и по требованию обстоятельств, например, для вспоможения после землетрясений. На сии разъезды отпускается им ежегодно неболь-

шая сумма, например 300 рублей серебром. А на путевые издержки в Египте и Сирии даются особые деньги, по примеру священников посольских, возвращающихся в Россию.

9. При нашем монастыре временно (три или четыре года) находится иконописец и обучает местных арабов церковной живописи для снабжения все церквей Палестинских и Сирии святыми образами[30].

Приложение 5

Инструкция архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим[31]

1. Пребывание архимандрита Порфирия в Иерусалиме и подчиненных ему лиц ограничивается 3 годами, если впрочем Святейший Синод не признает нужным впоследствии сократить или продолжить сии сроки.

2. Как ему, так и подчиненным ему лицам, как то: иеромонахам, иеродиаконам и послушникам, состоять там не иначе как в качестве поклонников.

3. Сначала отправляется с ним самое малое число лиц. Причем отправляемые на первый раз воспитанники духовно-учебных заведений должны исполнять звание послушников.

4. В случае отсутствия или тяжкой болезни архимандрита, заведование имуществом Миссии и начальство над состоящими при ней переходит к старшему по нем, если, по распоряжению высшего духовнаго начальства, не будет назначено для сего особое духовное лицо.

5. По благословению Блаженнейшаго Патриарха Иерусалимскаго относительно места и времени, какие для того избраны будут, Литургия, и прочие требы церковные, отправляются в Иерусалиме самим архимандритом или по его указанию состоящими при нем духовными лицами.

6. Когда при архимандрите будет состоять иеромонах, то сей последний, в случае болезни или отлучки настоятеля посольской в Константинополе церкви, отряжается, по усмотрению начальства, туда для временнаго исправления его должности.

7. Снискав разрешение Блаженнейшаго Патриарха служить Литургию на славянском языке, русские поклонники должны стараться по возможности применяться к древнему греческому обычаю, избегая всего, что может не нравиться тамошнему духовенству и жителям. Сверх того, они не должны ни под каким предлогом устраняться от служения по-гречески вместе с тамошним духовенством, дабы не навлечь на себя упрека в гордости или равнодушии к грекам.

8. Архимандриту поручается наблюдение за поведением и распределение ученых и всех прочих занятий всех подчиненных ему лиц.

9. Кроме того ему предоставляется, с надлежащею осторожностью, допускать к участию в занятиях с русскими послушниками до пяти или шести греческих и арабских юношей, дабы они могли готовиться в преподаватели, а русским пособлять совершенно изучать греческий и арабский языки.

10. Русское братство помещается в самом Иерусалиме; но не запрещается однако архимандриту, а с его разрешения и другим лицам, получив на то благословение Блаженнейшаго Патриарха, проводить время в Вифлееме, в обители Святого Саввы и в других местах, подведомых Иерусалимскому Престолу, когда сего требует здо-

[30] В издании П. В. Безобразова уточнение, почему-то опущенное В. Н. Хитрово: «Высочайше утвержденная 28 августа 1847 г.».

[31] Инструкция опубликована: Материалы для биографии. Т. 1. С. 20—24.

ровье или какая-либо полезная цель, как например: ученые исследования, вспоможение христианам после землетрясений, голода и других бедствий и т. д.

11. Архимандриту Порфирию представляется выбрать в Иерусалиме помещение, по ближайшему объяснению с Патриархом и консулом. Если Архангельский монастырь не будет слишком обширен для ограниченного числа русских духовных лиц, то можно предпочтительно иметь его в виду, с тем чтобы самонужнейшие в нем починки произвести за счет русский, буде Святогробская братия изъявит на то добровольное согласие.

12. Архимандрит за каждые полгода представляет о занятиях своих и своей братии отчеты посланнику в Константинополь для препровождения в Святейший Синод чрез Министерство иностранных дел.

13. Право наказания русских поклонников, разбирательство их дел, зависимость греческих монастырей, ими занимаемых, — все сие остается неизменно на том же основании, как доселе. Архимандрит же и состоящие при нем лица действуют на нравственность русских поклонников, при удобных случаях, одними лишь духовными назиданиями, советами, внушениями, а всего более примером собственнаго своего жития. Равным образом они устраняются от содействия во всех полицейских мерах.

14. Архимандрит не должен принимать ни малейшаго участия в делах и вопросах политических; он может лишь делать, в случае нужды, изустные дружелюбные представления Патриарху и консулу, когда заметит что-либо полезное к улучшению участи и доброму порядку русских поклонников.

15. Архимандриту предписывается по общему долгу христианства и службы Отечеству, быть с консулом в постоянном единодушии. Он сообщает консулу, что узнает особливо важного и требующаго внимания от носителя Православной Восточной Церкви, и содержит его в известности о раздаваемых милостынях и пожертвованиях, и в случае разъездов обращается к его посредству для снабжения себя защитою и видами от местного начальства.

16. Консул, при должном уважении к духовному сану архимандрита, призван однако же передавать ему наставления посланника и делать доверительные внушения для пользы дел Церкви и службы. Архимандрит обязан принимать их со всем должным вниманием.

17. Руководство лиц, состоящих при архимандрите, предоставлено ему вполне, а консул не принимает жалоб их ни на архимандрита, ни друг на друга.

18. Приношения, Святому Гробу из России пересылаемые, доставляются в Иерусалим по усмотрению Миссии в Константинополе чрез посредство или консула или архимандрита. Впрочем, сему последнему не возбраняется вносить таковые пожертвования от имени доброхотных дателей, которые за сим отнеслись бы прямо к нему.

19. Для сопутствия русским поклонникам в Назарет, Тивериаду и для надзора за ними во время пути архимандрит, по соглашению с Патриархом и консулом, отпускает, в случае особливой нужды, кого из состоящих при нем лиц. Консул снабжает оное кавасом и потребным видом местного начальства.

20. Поездки в Египет, Синай и вообще в места, не зависящие от Иерусалимскаго Престола, допускаются не иначе как с предварительнаго разрешения посланника. Для издержек на таковые путешествия Константинопольская Миссия назначает каждый раз особливые денежные дачи, сообразуясь примеру посольских священников, возвращающихся в Россию.

21. Ежели в числе духовных лиц при архимандрите будет кто-либо из сведущих в иконописании, то познания его могли бы быть обращены для снабжения беднейших палестинских церквей пристойными иконами. Причем однако ж вменить ему в обязанность не отступать от древних византийских образцов и не занимать от западного искусства ничего, кроме правильности в чертах рисунка. Тем лучше, если он будет обучать иконописанию единоверных нам греков и арабов.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь[32]

К предположениям об отправлении Духовной Миссии в Иерусалим и о водворении ее там, осмеливаюсь присовокупить мнение мое: не благоугодно ли будет начальству обратить Одесский второклассный Успенский монастырь в ставропигиальный первоклассный общежительный монастырь Иерусалимской Миссии на следующих основаниях и по следующим расчетам:

1. Из сего монастыря монахи посылаются в Иерусалим на служение при Миссии и, по окончании оного, возвращаются в свои места. Этою мерою, между прочим, обеспечивается их успокоение после трудов.

2. В сем монастыре открывается Миссия в случае войны Турции с Россиею и по замирении опять отправляется в Святой Град на дело свое.

3. Сей монастырь служит школою иконописания для снабжения всех церквей Сирии и Палестины святыми образами, и приготовительным училищем для тех, которые вновь назначаются в Иерусалим. Ибо возвратившиеся оттуда будут приучать их к разговору на языках новогреческом и арабском.

4. Сей монастырь заготовляет и отправляет в Святой Град все нужное для Миссии на ее деньги.

5. Он одевает монахов, назначенных в Иерусалим, на счет их жалованья и братской кружки. Посему из окладов Миссии исключается сумма на этот предмет.

6. При помощи штатного жалованья и доходов Одесскаго монастыря со временем уменьшатся и даже совсем прекратятся денежные дачи казны на подъем и путевые издержки Миссии от Одессы до Иерусалима и обратно, как это объясняется ниже (п. 9).

7. Настоятель Одесскаго монастыря есть начальник Миссии Иерусалимской, а в его отсутствие управляет сею обителью наместник его.

8. По возвращении настоятеля из Святаго Града в Одесский монастырь старший член Миссии назначается начальником ее и, по определении предшественника его к другой должности или после перемещения его в другую обитель, утверждается настоятелем сего монастыря. Такое чередование будет последовательно.

9. Жалование, какое по штату назначится настоятелю Одесскаго монастыря, равно как и установленный выдел ему из братской кружки, остаются запасною суммою до возвращения его из Иерусалима. Эта сумма, которая сделается довольно значительною от немаловременнаго отсутствия его и от приращения ее в банках, по особым распоряжениям духовнаго начальства употребляется на подъем и путевые издержки членов Миссии, на том основании, что содержание настоятеля в Иерусалиме обеспечено особым окладом Миссии.

10. Настоятель Одесскаго монастыря, по возвращении из Святаго Града, пользуется как монастырским жалованьем своим, так и выделом из братской кружки до будущаго назначения его.

Если это мнение и это основание и расчеты удостоятся внимания духовнаго начальства, то соображения касательно учреждения нового порядка и общежития в Одесском монастыре и новых отношений его к Святейшему Синоду и к епархиальному начальству могут быть изложены в особой записке.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть.

1847 года 6-го июня

Подготовка текста
и примечания *Н. Н. Лисового*

---

[32] Письмо архимандрита Порфирия написано в рукописи другим почерком и не имеет обычной для статьи В. Н. Хитрово нумерации приложений. Оно помечено лишь карандашной цифрой «6».

С. И. ПОНОМАРЕВ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ХИТРОВО († 5 мая 1903 года)

В наш век, к религии беспечный,
В разгар промышленных идей,
Он неизменно был сердечный
Поборник веры и людей.
Он знал, что русскому народу
Одна отрада — Божий храм,
И нет ему желанней ходу,
Как на Восток, к Святым Местам —
Ко Гробу, на Голгофу, в сень Гробницы
Честнейшей херувим Царицы —
Поплакать искренно при них
О горьких немощах своих.
Он знал, как часто в Палестине
Ея пришельцы и сыны
Страдали прежде, страждут ныне
Без всякой нужды и вины,
И как от гнета своенравья
И необузданных страстей
Там вянет сила православья
И гибнет будущность детей...
С тех пор два помысла благие
Ему на сердце залегли:
Помочь пришельцам из России,
Улучшить быт Святой Земли...
На Царской службе, в светском шуме,
Во дни торжеств, среди поста,
Всегда он был в глубокой думе
О бедной родине Христа.
И, как пророк во время оно,
Провозглашал он день от дня:
«Я не умолкну для Сиона
И для Иерусалима я
Не успокоюсь...» Подвиг славный
Господь судил ему поднять
И вскоре Общество создать
Под сенью милости Державной.
Он стал заботиться о нем,
Как о едином на потребу,
И всякий день, с молитвой к Небу,
Искал он сил в краю родном,
И звал их Именем Христовым

Из келий, хижин и палат,
И увлекал горячим словом
Одних — как сын, других — как брат.
Весь занят Обществом заветным,
Он был в нем творческой душой,
Его вождем авторитетным,
Увлекшим многих за собой.
Порой— препятствия, потери
Смущали нас, и лень росла;
Но он не колебался в вере,
Любовью расширял дела.
Он был немолкнущий будильник
Коснеющим в житейской мгле,
И, словно пламенный светильник,
Идущим в путь к Святой Земле:
Он и по морю и по суху
Им облегчал весь труд благой,
Являл и плоти их и духу
Прямую помощь и покой;
А всем пришедшим к богомолью
Был рад как будто бы родным,
Велел встречать их хлебом-солью
И провожать к Местам Святым.
Он сам поклонник был прилежный —
Семь раз свершил далекий путь,
Чтоб Палестине безнадежной
Надежды светлые вдохнуть.
И всякий раз трудов без счета
Он нес в различные места,
Но пуще всех была забота
О меньшей братии Христа:
На храм, на школу, на больницу
И на убогие шатры,
На прокаженных, на темницу,
И на сирот и на вдовицу
Он лил усердные дары.
Без отдыха людскому благу
Служил он сердцем и умом,
Черпая силу и отвагу
Во всем могуществе родном...
И двадцать лет стоя как воин
На страже дел Святой Земли,
Он все был сердцем неспокоен,
Что мало доброго вдали,
Что силы прежние слабеют,
Не та энергия в груди,
Ряды сподвижников редеют,
А дела много впереди!
Но, полный духом не истомным,
Он на посту своем стоял,
И близких смело ободрял,
И вдаль глядел он взором скромным,
И, как бессменный часовой,

Он зорко видел, где опасно,
И помощь верною рукой
Он слал немедленно и властно.
Успех смиренно он слагал
Всегда к Господнему подножью
И сам, как спелый колос, пал,
И взят в сокровищницу Божью...
Смутились мы на долгий срок,
Сокрывши прах его в могилу.
И весь задумался Восток,
Утратив любящую силу...

Ты слышишь ли, Почивший Брат,
Как ныне, в горести нежданной,
Молитвы о тебе звучат
По всей Земле Обетованной!..
Утешен ими, я дивлюсь
Твоим трудам не без причины:
Там полюбили нашу Русь
Сыны несчастной Палестины,
И поднял голову араб,
Найдя в ней крепкую опору;
И бритт завидует, и шваб
Твоим успехам, ясным взору;
Благоволение Царей
Почтило труд твой исполинский.
Благословенье алтарей
Приникло к скорби Палестинской...
И Сам Христос благословил
России пламенную ревность:
Он ей открыть благоволил
Священную для мира древность —
Порог у Крестного Пути,
По коем Он, окровавленный,
Исшел на смерть, чтоб мир спасти,
Греховной тьмою ослепленный...
Твоим трудом наш русский храм
Близ Гроба Господа явился,
Чтобы молитвы фимиам,
Как дым кадильный, возносился
О всей России, о Царе
Великодушном НИКОЛАЕ,
О жизни, мире и добре
Подвижников в Восточном крае.
Твоим трудом, и в краткий срок,
У самых стен Святого Града
Для русских новый уголок
Расцвел, как лучше быть не надо;
Кто ни придет из наших мест,
Он всей душою умилится,
И православный русских крест
На грудь так радостно ложится.
Там без тревог и всяких смут

Наш путник, словно дома, ходит,
И речь родную, и приют,
И Божий храм родной находит...
И верю я, что наш народ,
Молясь под небом галилейским
И утешаясь каждый год
Добром священным и житейским,
Которым там, со всех сторон,
Трудом Василия, он дышит, —
Я верю: имя это он
Навеки в грамотку запишет;
Слеза смиренная взойдет
На небо жертвою свободной:
И верю я, Господь спасет
Тебя молитвою народной!..
А мы лишь — подражать тебе,
Мы продолжать твою жизнь будем,
Чтоб и своим и дальним людям
Полезным быть во всей судьбе.
И если в эти дни и лета
Не будет полон наш успех,
Пусть светят в памяти у всех
Слова прекрасные поэта:
«Еще лежит на небе тень,
Еще далеко светлый день,
Но жив Господь! Он знает срок,
Он вышлет утро на Восток!»

С. П.

2 августа 1903 г.
(День Ангела В. Н. Хитрово).
Черниговские епархиальные известия. 1903 г. № 17.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из интереснейших и плодовитых историков Палестинского Общества был профессор Киевской Духовной Академии, член-корреспондент Академии Наук Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856 — 1929), крупнейший специалист по исторической литургике православного Востока, великий труженик русской церковной науки[1]. Ученик Н. Ф. Красносельцева, под его руководством начинавший в Казани свой творческий путь, Дмитриевский всегда подчеркивал «сильное влияние», которое оказывал учитель на «всю его педагогическую и учено-литературную деятельность»[2].

Уже магистерская диссертация Дмитриевского «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке»[3], признана «весьма солидным вкладом в науку археологии вообще и археологии православного Богослужения, в частности». 16 декабря 1883 года А. А. Дмитриевский был избран доцентом на кафедру литургики и церковной археологии в Киевской Духовной Академии[4]. С этого времени его дальнейшая научная жизнь связана со старейшей из русских Духовных академий.

Будучи убежденным в том, что богослужение Русской Церкви является во многом «зеркалом Богослужения православного Востока» (это один из главных его тезисов), Дмитриевский обратился в первую очередь к изучению православного литургического наследия, которое хранилось под спудом в малодоступных монастырских книгохранилищах Афона, Патмоса, Иерусалима и Синая. Ученый начинал не на пустом месте. В области исторической литургики он был достойным продолжателем таких крупнейших специалистов, как И. Д. Мансветов (в Московской Духовной Академии), Н. Ф. Красносельцев (в Казанской Духовной Академии), протоиерей Григорий Дебольский. Его сверстниками и коллегами были Н. В. Покровский (в Петербургской Духовной Академии) и А. П. Голубцов (в Московской). Пристальный интерес к литургическому наследию Востока характерен для великих предшественников Дмитриевского: епископа Порфирия (Успенского) и архимандрита Антонина (Капустина)[5]. Но, как справедливо подчеркивает биограф А. А. Дмитриевского, «и наиболее известные из них, заслужившие себе достойную славу собиранием рукописей, их описанием и интересными для науки находками, — в своих занятиях не имели определенного плана. Их занятия носили

---

[1] Сове Б. И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 39—84; Успенский Н. Д. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // Там же. С. 85—89; Священник Л. Махно. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Там же. С. 95—107; о. Михаил Арранц. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120—133.

[2] Дмитриевский А. А. Незабвенной памяти профессоров А. С. Павлова и Н. Ф. Красносельцева // Труды Киевской Духовной Академии. 1899. № 1. С. 59—104.

[3] Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Ч. 1. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. С приложением греческих текстов. Казань, 1884. XVI+434+135+XXIV с.

[4] Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. С. 42 с илл.

[5] Дмитриевский А. А. Поминки Преосвященного Порфирия (Успенского) и профессора Московской Духовной Академии И. Д. Мансветова. (Краткий очерк учено-литературной деятельности их) // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. № 3. С. 331—391.

случайный характер, что не могло не отразиться на результатах их трудов. Они были скорее собирателями, чем исследователями. Дмитриевский же, отправляясь в свое путешествие по Востоку, поставил определенные задачи, которые и стремился выполнить по мере возможности»[6]. Более того, Дмитриевского неоднократно упрекали — одни за то, что он нередко «разбрасывался», отвлекаясь на другие сюжеты; другие за то, что ставил перед собой невыполнимые задачи. «Творчество Дмитриевского остается незавершенным как из-за того, что труды не были изданы, так и из-за того, что рабочая программа, которую наш литургист для себя составил, отличалась, без сомнения, чересчур амбициозным характером и осталась невыполненной; она бы осталась невыполненной даже в том случае, если бы Дмитриевский располагал большими средствами и если бы обстоятельства для его работы были более благоприятными»[7].

К счастью, «разбрасывался» Дмитриевский, как правило, с большой пользой для других областей церковно-исторической науки. В том числе, без этих его «отлонений» и «увлечений» не состоялась бы целая научная эпопея, связанная с его службой в Императорском Православном Палестинском Обществе (ИППО) и трудами по истории русского дела в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Он пришел в Палестинское Общество в 1907 году, но шел к этому, если можно так выразиться, почти двадцать лет. Научный интерес к библиотекам и древлехранилищам христианского Востока сделал его не только скрупулезным археографом (десятки объемистых греческих рукописей были переписаны им собственноручно, с точностью до знака), но и неутомимым путешественником. В 1886 году, в летнее вакационное время, он отправляется в первую свою академическую командировку и проводит несколько месяцев на Афоне. Оценив богатство и многообразие подлежащего систематическому фронтальному обследованию рукописного материала, он подает в Совет Академии прошение о годичной командировке по странам православного Востока (Афон, Синай, Иерусалим, Патмос и др.). Это первое свое большое путешествие по Востоку (1887—1888) Дмитриевский подробно описал в опубликованном Отчете[8].

В Иерусалиме, где он прежде всего познакомился с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонином (Капустиным), им был найден в Патриаршей библиотеке древний «Устав служб Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме» (в копии с рукописи 1122 г.), чрезвычайно важный для истории иерусалимского богослужения. Библиотека Синайского монастыря «дала такое количество богослужебных рукописей, — писал Дмитриевский в отчете о своем путешествии, — какого я не встречал в других восточных библиотеках... Достаточно сказать, что в Синайской библиотеке хранится до 55 рукописных евхологиев, начиная с VIII — IX века, вплоть до XVIII столетия»[9].

По возращении Дмитриевский представил в Совет Киевской Духовной Академии план издания научного «Описания» изученных им литургических памятников. Всё «Описание» должно было состоять из двух частей (трех томов): «Греческие типиконы» в двух томах и «Евхологии» в одном томе. Однако подготовка и процесс издания «Описания» подвигались очень медленно. Между тем, Дмитриевский активно продолжал как педагогическую, так и литературную свою работу в «Трудах Киевской Духовной Академии», в журнале «Руководство для сельских пастырей» и

---

[6] Дмитриевский А. А. Поминки Преосвященного Порфирия (Успенского) и профессора Московской Духовной Академии И. Д. Мансветова. (Краткий очерк учено-литературной деятельности их) // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. № 3. С. 331—391.

[7] О. Михаил Арранц. Дмитриевский: из рукописного наследия. С. 132—133.

[8] Дмитриевский А. А. Путешествие по Востоку и его научные результаты. Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. Киев, 1890. С. 193.

[9] Там же.

других изданиях. В 1889—1890 годах он публикует материалы об открытом им памятнике, характеризующем уставные порядки в древней палестинской Лавре преподобного Саввы Освященного[10]. В 1891 году выходит его книга «Современное Богослужение на Православном Западе», составившаяся из статей в «Руководстве для сельских пастырей»[11], в 1894 году — «Патмосские очерки», представляющие по содержанию продолжение предыдущей работы (описание храмов, богослужения и устава Патмосского Иоанно-Богословского монастыря)[12].

Наконец, в 1895 году выходит первый том («Типики») главного труда жизни А. А. Дмитриевского — фундаментального «Описания литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока»[13]. Рецензенты этого труда (он был представлен в качестве докторской диссертации в Казанскую Духовную Академию) отмечали, что его громадное значение для науки православной литургики можно сравнить лишь со значением, какое имеет многотомный труд митрополита Макария (Булгакова) — для науки Русской Церковной Истории[14].

В первом томе «Описания» помещен почти полностью (с. 1 — 163, V — VIII) Устав Великой церкви, т. е. Софийского собора в Константинополе (IX—X вв.), излагающий богослужение как неподвижного, так и подвижного годичного церковного круга, а также связанные с ним чины вечерни, утрени и Литургии (по рукописи XV века из библиотеки Русского Андреевского скита на Афоне) и Синайский канонарь (X—XI вв.), впервые открытый и опубликованный другим выдающимся исследователем восточных древностей, архимандритом Антонином (Капустиным), и являющийся, как показал А. А. Дмитриевский, одним из памятников древнего Константинопольского Типика. Второй отдел «Типиков» составляют ктиторские типиконы восточных и западных (италийских) греческих монастырей.

Второй том «Описания» — «Евхологии» — вышедший в 1901 году, является продолжением знаменитого в европейской науке труда доминиканца Якова Гоара «Евхологион» (с тех пор и закрепилось за Дмитриевским звание «русского Гоара»)[15]. Третий, и последний из увидевших свет, том «Описания» появился лишь в 1917 году, когда Дмитриевский практически отошел от занятий литургикой и состоял штатным сотрудником Православного Палестинского Общества[16]. Он представлял собой первую (оборванную на полуслове) половину второй части «Типиков» и включал: 1) Иерусалимский Саввинский типикон в различных редакциях, 2) 19 типиконов Афонских монастырей и начало (первые две страницы из подготовленных 70-ти печатных листов «Дополнений» к Типику Великой церкви (т. е. к первому тому «Описания»).

---

[10] Дмитриевский А. А. Киновиальные правила преподобного Саввы Освященного, врученные им пред кончиной преемнику своему игумену Мелиту. (Вновь открытый памятник аскетической письменности 524 года) // Труды Киевской Духовной Академии. 1890. № 1. С. 170—192.

[11] Дмитриевский А. А. Современное богослужение на Православном Востоке. Историко-археологическое исследование. Вып. 1 (вступительный). Киев, 1891. С. 153.

[12] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. (Из журнала «Труды Киевской Духовной Академии» за 1892, 1893 и 1894 гг.). Киев, 1894. С. 310.

[13] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Типика. Ч. 1. Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895. XX+CXLVII+912+XXV с.

[14] Архимандрит Антоний (Храповицкий). Отзыв о магистерской диссертации А. А. Дмитриевского // Протоколы Казанской Духовной Академии за 1886 г. С. 263—300. Цит. по: Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. С. 56.

[15] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 2. Евхологии. Киев, 1901. XII+1058+XXVII+32 с.

[16] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 3 (первая половина). Ч. 2. Типики. Петроград, 1917. VIII+768+IV с.

Выпуская этот том в незаконченном виде, Дмитриевский предчувствовал, что на окончание его капитального труда «надеяться отчаянно». «Увидят ли Божий свет, при жизни автора, материалы, относящиеся к греческому Евхологию, особенно собранные в библиотеках римских, над которыми трудился великий литургист XVII в. монах Ордена Предикаторов Яков Гоар, и будут ли опубликованы материалы для югославянского Евхология, собранные в библиотеках Синая, Афона и других мест, из коих некоторые погибли уже в огне, — всё это ведомо единому Богу»[17].

Мы назвали лишь главный научный труд А. А. Дмитриевского, составивший славу ему и русской литургической науке. Полный список книг и статей ученого включает более двухсот публикаций по самым разным церковно-историческим и богословским проблемам[18]. В последнее время предпринимаются усилия по изданию неопубликованных, хотя вполне готовых к печати трудов ученого[19]. К их числу относится и предлагаемая читателю монография «Архимандрит Леонид (Кавелин) — третий начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме».

Рукопись органично входит в ряд многочисленных научно-биографических публикаций А. А. Дмитриевского о русских деятелях в Иерусалиме и на православном Востоке[20]. По происхождению — это большой неопубликованный раздел из известной монографии «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века»[21]. Рукопись была обнаружена покойным

---

[17] Там же. С. VIII. О рукописном наследии ученого и судьбе неопубликованных им IV и V томов «Описания» см.: О. Михаил Арранц. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия. С. 124—133.

[18] Священник Л. Махно. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 95—108.

[19] См. напр.: Дмитриевский А. А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг: В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / Публикация с комментариями Ф. Б. Полякова и Б. Л. Фонкича // Byzantinorussica 1994. Т. 1. С. 165—197.

[20] Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке. (По поводу десятилетия со дня его кончины. С десятью рисунками и портретом) // Труды Киевской Духовной Академии. 1904. № 11. С. 319—380; Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги в пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока. (По поводу столетия со дня его рождения) // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1905. Т. XVI. Вып. 3. С. 329—361; Вып. 4. С. 457—547. Отд. изд.: СПб., 1906. С. 124; Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба Господня // Сообщения ИППО. Т. XVIII. Вып. 1—4. С. 422—430; Памяти члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. игумена Парфения, убиенного на горе Елеонской // Сообщения ИППО. 1909. Т. XX. Вып. 4. С. 298—308; Граф Н. П. Игнатьев как церковно-политический деятель на Православном Востоке. (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину (Капустину). СПб., 1909. С. 79. (Отд. отт. из «Сообщений ИППО»); Памяти Б. П. Мансурова // Сообщения ИППО. 1910. Т. XXI. Вып. 3. С. 446—457; Мои «незабудки» на могилу о. протоиерея Александра Петровича Попова // Сообщения ИППО. 1912. Т. XXIII. Вып. 3. С. 394—414; Памяти В. Н. Хитрово. 1903—1913 (К 10-летию со дня смерти) // Сообщения ИППО. 1913. Т. XXIV. Вып. 2. С. 263—272; В Бозе почивший митрополит Петербургский Антоний и его сношения по делам церковным с Православным Востоком // Православный собеседник. 1914. № 4. С. 598—606; № 5. С. 920—931; Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович — поклонник Святой Земли. Некролог // Сообщения ИППО. 1915. Т. XXVI. Вып. 3—4. С. 408—416; Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С. И. Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В. Н. Хитрово). Петроград, 1915. С. 57.

[21] Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882—1907 гг. Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества. СПб., 1907. VIII+332 с.

протоиереем о. Анатолием Просвирниным (впоследствии архимандритом Иннокентием) во время работы над научным наследием архимандрита Леонида (Кавелина)[22]. Отец Иннокентий надеялся опубликовать рукопись и успел проделать первоначальную работу по подготовке ее к печати. Но издание не состоялось. В 1997 году иеромонах (ныне игумен) Сергий (Данков) предложил рукопись для публикации в подготовлявшемся тогда юбилейном сборнике «Богословских трудов», посвященном 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Но по соображениям объема публикацию пришлось отложить до настоящего выпуска.

На творческую историю рукописи проливает свет хранящаяся в Архиве внешней политики Российской Империи переписка А. А. Дмитриевского с членами Совета ИППО в связи с работой над упомянутой исторической запиской «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века»[23]. Глубокий и вдумчивый исследователь, А. А. Дмитриевский считал, что историю деятельности непосредственно Палестинского Общества необходимо должно предварить не менее подробной историей правительственных и церковных учреждений, предшествовавших появлению Общества в Святой Земле: Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, возникшей в 1847 году; Палестинского Комитета, созданного в 1859 году; и Палестинской Комиссии при Азиатском департаменте МИДа, существовавшей в 1864—1889 гг. Руководители Совета Общества торопили историка, опасаясь, что разраставшаяся по хронологии и объему рукопись не будет окончена к сроку. Скажем сразу, что так оно и случилось: история Палестинского Общества была доведена А. А. Дмитриевским лишь до 1889 г. — времени его слияния с Палестинской Комиссией. Наиболее существенным для истории нашей рукописи является письмо А. А. Дмитриевского вице-председателю Общества Н. М. Аничкову от 15 мая 1906 г.[24], которое по его важности мы рискуем, несмотря на объем, воспроизвести здесь полностью.

«Ваше Высокопревосходительство, досточтимый Николай Милич!

Ваше *тревожное* письмо и на меня произвело глубокое и, не скрою, тяжелое впечатление. По всему видно, что произошла роковая, хотя, как мне кажется, еще поправимая ошибка. Вы обратились ко мне с предложением написать *историческую* Записку, не будучи знакомы ни с моим характером, ни с моими разнообразными научными трудами, составившими мне известность среди людей науки у нас в России и заграницею. Отец протоиерей И. Л. Янышев и В. В. Латышев, когда рекомендовали меня, то, смею думать, имели в виду мою научную литературную деятельность, и когда говорили Вам: «Ну, теперь Вы можете быть спокойны — Ваше дело в верных руках», то разумели, конечно, мою усидчивость и трудоспособность. Последние мои достоинства, не составляющие ныне тайны и для весьма многих деятелей Палестинского Общества, имевших случай работать со мною в течение двух месяцев прошедшего лета, исключают всякую возможность бить тревогу и опасаться, что принятая на себя задача мною не будет доведена до конца (можно было сомневаться лишь в том, что, при широком плане, историческая Записка не будет закончена к юбилею). И названным весьма почтенным ученым, пред авторитетом которых я преклоняюсь, и мне самому и в голову не приходила мысль, что здесь не последнюю роль должны сыграть *полное беспрекословное* послушание чужой воле, вопреки *исторической* правде, и совершенное отречение от своего я. Писать *историческую* Записку для Общества значит ли писать не то, что имеется в документах и о чем красноречиво говорят факты, а что *благоугодно* современным деятелям Палестинского Общества и не только удалившимся на покой, но еще благополучно здравствующим? — Но это такая великодушная жертва и такое высокое самоотречение, на которые я не был в силах никог-

[22] Свящ. Анатолий Просвирнин. Труды архимандрита Леонида (Кавелина) // Богословские труды. Вып. 9. М., 1973. С. 227.

[23] Архив внешней политики Российской Империи. Ф. РИППО, оп. 873/1, д. 183.

[24] Письмо профессора Киевской Духовной Академии А. А. Дмитриевского Вице-Председателю ИППО Н. М. Аничкову. Киев, 15 мая 1906 г. Подлинник // АВП РИ. Ф. РИППО, оп. 873/1, д. 183, л. 11—14 об.

да, и которые, говоря прямо, претят моему нравственному чувству. Связать свое, доселе безупречное, литературное имя с произведением, по содержанию фальшивым, неискренним, но оплаченным приличным гонораром — это не в моих принципах. Вот с этой-то стороны не знали меня ни Вы, ни почтеннейшие И. Л. Янышев и В. В. Латышев, по рекомендации которых Вы завязали со мною сношения. Человеком долга, чести и правды я был всегда и в этом отношении не уступал ни в чем ни начальству своему, ни своим сослуживцам, ни свои слушателям — студентам. Об этой основной черте моего характера Вы можете узнать и «из достоверных источников» — от профессоров нашей Академии, пребывающих в Петербурге и, очевидно, не из числа моих доброжелателей. Эти «достоверные» свидетели, когда говорили Вам, что взятая мною на себя работа окончится не благополучно и «Общество будет поставлено в самое неприятное положение», то они говорили правду и имели несомненно в виду эту черту моего характера. На иной почве с Обществом у меня неприятностей быть не может, так как Ваши «достоверные источники» о том, что я *принципиальный* «враг» Палестинского Общества в обширных обстоятельных опровержениях не нуждаются. Вам, Николай Милич, достаточно припомнить факты (а историк только и может опираться на эти доказательства). В Киеве существует четыре года отдел Палестинского Общества, и все четыре года подряд *единственным* оратором на торжественных заседаниях являюсь я. Из четырех речей, произнесенных на этих собраниях, две напечатаны в «Сообщениях», а одна издана Обществом особою брошюрою. *Враг* Общества едва ли взял на себя неблагодарную задачу говорить от имени Общества и в его интересах, да и председатели отдела, Преосвященные Платон Чигиринский и митрополит Киевский, едва ли обратились, хотя бы даже из щепетильности и по чувству деликатности пред Обществом и его Августейшим Председателем, к *врагу* Общества с предложением говорить от имени Общества. (Здесь в речах могли быть затронуты щекотливые для Общества, хотя и действительно существующие налицо факты, например, дурное содержание паломнических пароходов, эксплуатация паломников греческим духовенством, невнимание к паломникам консульства и его чинов, — но это все к существу дела не относится. Верность всего этого может отрицать только слепой). По желанию Общества я привлек к работам на пользу Общества даровитого профессора В. Рыбинского; прошедшим постом вел лично и убедил вести (с большими для себя неприятностями и поразительным для посторонних напряжением) своих товарищей-сослуживцев, профессоров Академии, *Палестинские чтения* в нашем религиозно-просветительном обществе, в присутствии 1000 и более слушателей; своего настоятеля, как старосту религиозно-просветительного храма, убеждал говорить проповеди в Неделю Вербную на всенощном бдении и Литургии и дал тарелочного сбору на Палестину 31 р. с копейками; распинался, доказывая сельским батюшкам и киевскому духовенству необходимость жертвы, когда А. П. Беляев разослал подписные листы по церквам с приглашением к пожертвованиям (листы эти встречены весьма не сочувственно), и у себя в храме по листу собрал 7 р. пожертвований и т. д. Sapienti sat. Если у Общества все такие враги, то я могу лишь поздравить и пожелать, чтобы у него было поменьше друзей, сообщающих деятелям его «достоверные сведения».

Вторая ошибка в данном деле кроется в том, что Общество для своей исторической Записки не выработало *наперед строго определенных рамок* и не уяснило, какого *характера* должна быть эта Записка. Когда я прибыл в Петербург и начал вести речь о своей работе, то Вы, Николай Милич, прямо заявили, что нужно коснуться Палестинского Комитета и Палестинской Комиссии как *непосредственных* предтеч Палестинского Общества, и обращали мое внимание даже и в сторону Духовной Миссии. Потом, когда я вошел в комнату, предназначенную для моих работ, то я нашел в ней на полках ряд официальных отчетов Общества и официальных газетных заметок, а на полу *целый ворох за 20 лет не описанных и не приведенных в порядок дел* Палестинской Комиссии. В качестве пособий мне были поданы на стол В. Д. Юшмановым архимандрита Леонида «Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских поклонников в Палестине», отчет Б. П. Мансурова о поездке его в Палестину в 1858 году и его книга «Православные поклонники в Палестине». Всё, таким образом, говорило за то, что *точкою отправления* в моей работе должен быть архив Палестинской Комиссии, к разбору которого я действительно и приступил. После ознакомления с некоторыми документами, я нашел, что 1) русские учреждения в Палестине могут отмечать в 1909 г. *пятидесятилетие* своего существования и что 2) для *связной документальной* истории необходимо ознакомиться с архивом Палестинского Комитета или, по крайней мере, с отчетом Б. П. Мансурова за все время существования Комитета. В этом смысле я и подал Вам докладную записку пред поездкою в Москву. По возвращении из поездки Вы уже мне заявили, что юбилей будет *Общества* и *25-летний*, и что я должен в общих лишь чертах коснуться (это не то же, что в «нескольких

словах») предшествовавших Палестинскому Обществу учреждений, причем и определили характер этого очерка, со слов М. П. Степанова, сославшись на печатный доклад Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу, написанный Хитрово в 1890 г. и напечатанный в количестве 10 экземпляров как рукопись. Я уже оканчивал в это время занятия архивом Комиссии и прочитал рекомендованный мне доклад, написанный горячо и в таком полемическом тоне (против патриарха Никодима и Святогробского духовенства), что я признал для *юбилейной* Записки такой тон *неподходящим*, в чем тотчас же признался и А. П. Беляеву.

Выяснив таким образом только теперь центр тяжести в своей работе, я обратился к истории Палестинского Общества, но здесь сразу же был поражен тем *хаосом*, какой царит в архиве Общества. В данном мне деле «Образование Общества» я встретил несколько печатных объявлений о сообщении В. Н. Хитрово в Обществе любителей духовного просвещения, печатную брошюру В. Н. Хитрово «Православие в Палестине», отчет о школах архимандрита Леонида, письма 1880 г. Головина, Арсеньева 1881 г., список членов-учредителей — и только. С этим материалом уехать далеко нельзя было. *Случай* открыл существование переписки В. Н. Хитрово с архимандритом Леонидом, архимандритом Антонином, графиней Кутятиной и др., и я обратился к этим побочным, но весьма полезным для меня источникам. На изучение этого *неофициального* материала потрачено много времени, и поэтому на ознакомление с протоколами заседаний Совета Общества у меня в распоряжении осталось всего не больше недели: я успел прочесть протоколы лишь до 1889 г., т. е. до срастания Общества с Палестинскою Комиссиею. Проработав весьма усердно целых два месяца, я уехал из Петербурга с надеждою вернуться к празднику Рождества и уже с первою, а (быть может), и второю главами порученной мне Записки, — но человек предполагает, а Бог располагает, гласит народная мудрость.

Считаю не лишним напомнить Вам об одном, по видимости незначительном обстоятельстве, имевшем место во время моего пребывания в Петербурге и оставившем в моей душе неизгладимый след. По просьбе В. Д. Юшманова я согласился свою речь «Современное русское паломничество в Святую Землю» переделать в чтение для народа и издать от имени Общества отдельною брошюрою с заглавием «Типы современных русских паломников в Святой Земле». Когда корректура этой брошюры поступила к Вам на просмотр, то Вы, хотя и весьма деликатно, но *настойчиво* стали просить меня, по соображениям чисто практического свойства, выбросить из нее мои в существе дела *невиннейшие* замечания о нечистоплотности русских паломнических пароходов, о развращении и эксплуатации русских паломниц греческим Святогробским духовенством, о небрежностях в отношении к нашим паломникам чинов иерусалимского консульства и т. п., не отрицая в то же время фактической верности этих замечаний. Так как брошюра предназначалась для простого народа и так как она в цельном виде уже напечатана была в академическом журнале, я уступил, скрепя сердце, Вашему желанию, затаив в душе чувство тревожного опасения за возможность повторения с Вашей стороны новых настойчивых желаний и по отношению к будущей уже серьезной работе. В этом опасении следует искать объяснение причин моего разговора с Вами в присутствии А. П. Беляева, за несколько дней до моего отъезда из Петербурга, по вопросу о цензуре будущей исторической Записки. Если моя Записка будет подвергаться той же беспощадной цензуре, как упомянутая брошюра, и притом по мотивам не научного значения, а лишь в угоду тех или других лиц, принимавших в деятельности Общества важное участие и наделавших ошибок, но почему-либо необходимых Обществу, то, заявил я, *нам лучше расстаться теперь же* и дело составления Записки с фигурами умолчания и в приподнятом дифирамбном тоне поручить безопаснее чиновнику канцелярии, что обойдется для Общества к тому же и *дешевле*. Вы куда-то торопились по делу, замяли этот разговор, и мы расстались с Вами, не договорив до конца.

На Святки я не попал в Петербург, как предполагал, но *не по своей вине*. По ковельской дороге поезда не ходили в силу состоявшейся «забастовки». Я, конечно, мог проскочить в Петербург по московско-воронежской дороге, но в газетах трубили о готовящихся там гражданских беспорядках 9 января и о новой всеобщей забастовке на железных дорогах. Опасаясь не попасть к началу учения в Академии, 10 января, когда только что обнародованными «временными» правилами наши академии настойчиво призывались к деятельности, я решил отложить свою поездку. Это мое решение подкреплялось и тем соображением, что для первой главы Записки новых материалов мне пока не нужно, а *обещанные мне материалы* я ожидал иметь в Киеве в копиях.

На Святках я получил первые тревожные вести о печальной участи моей речи об афонских келлиотах. Статья эта, основанная на официальных данных, неоднократно обнародованных Хозяйственным при Святейшем Синоде Управлением «к сведению русских жертвователей» и на письмах русских людей, адресованных не по секрету в Общество, признана Никола-

ем Миличем не удобною для печати, т. к. в ней якобы задеваются Синод, министерство, посольство и т. д. Статья на самом деле писалась с благим намерением помочь русскому правительству, Палестинскому Обществу и русскому народу разобраться в том, что такое афонские келлиоты и как к ним следует относиться, и в ней, если кто <и> задевается, то это Ф. И. Успенский, директор Археологического института в Константинополе, покровительствующий этим проходимцам (см. «Церковные ведомости», 1906 г., № 16), хотя и платонически (ради получения от них поддержки на школьное дело), но бросающий некоторую неблаговидную тень и на наше Константинопольское посольство, излишне доверяющее его не совсем правильной аттестации келлиотов. Сопоставляя эти новые неблагоприятные для меня вести с моим непосредственным впечатлением по поводу печатания брошюры «Типы русских паломников» и разговором с Вами, с одной стороны, и с другой — имея перед глазами своими первую главу исторической Записки, в которой некоторые деятели блаженной памяти Палестинской Комиссии обрисовываются (не мною, а *фактами* документов) с некрасивой стороны, я глубоко задумался и весьма естественно о судьбе своей работы. Предо мною сам собой встал вопрос: следует ли продолжать работу и не всуе ли я тружусь над нею? Свои сомнения, по свойственной мне откровенности, я высказал в письме и к И. И. Соколову. Не скрою, что и к самой работе начал охладевать. Чтобы избежать всякого рода недоразумений и щекотливостей, я решился вопрос о Духовной Миссии и, в частности, о деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) в Палестине, «беспристрастный рассказ» о котором, по словам отчета Общества («Сообщения», т. III, с.132), если «когда-либо увидит свет, составит бесспорно одну *из мрачных страниц* сношений Востока с нами», выделить в особую самостоятельную речь, которую послать для печатания в «Сообщениях», у меня теперь уже не хватает решимости. Речь о келлиотах — хороший урок.

На основании изложенного Вы теперь можете видеть, что я ни на один день не прекращал работы для Палестинского Общества, и первая глава Записки написана в объеме не менее 25 печатных листов. (Верьте, не буду скорбеть, если она останется достоянием моего портфеля). И если эта глава не доведена до конца, то отчасти потому, что *неоднократно* мне обещанные и *настоятельно* необходимые документы не были доставлены вовремя, отчасти потому, что исчезла уверенность в возможности видеть работу в печати в скором времени и отчасти потому, что подоспела Пасха и обычная суета с экзаменами. Впрочем, судя по последнему письму, работа моя Вас не удовлетворяет, так как «Палестинскому Обществу нужна история *его* 25-летия, а не других (sic!) учреждений, бывших до него». И здесь мне снова приходится решительным образом не согласиться с Вами. Возникло Общество *из протеста* против беспросветного существования Палестинской Комиссии, бок о бок существовало с последнею около *семи* лет и даже энергично боролось с нею, чтобы в конце концов в 1889 году поглотить ее. От Комиссии Общество унаследовало не только задачи, но <и> великолепный храм, приюты мужской и женский, громадные земельные участки, капитал в 130 тысяч и т. п. Эта Комиссия — не «другие учреждения», чуждые Обществу, а свои *родные*, так сказать, *корневые*. И если в биографии знаменитого писателя историк не может не помянуть «несколькими словами» родителей писателя и среду, в которой он рос, то автор исторической Записки сделает *крупную ошибку*, если он началом существования Общества, по Вашему совету, признает дату 21 мая 1882 г. Даже предположим невозможное. Если Ваш историк действительно *отважится*, вопреки исторической правде и наперекор стихиям, взять предметом Записки только одно 25-летие Общества (смею утверждать, что читатели Записки будут поставлены в недоумение по многим вопросам), то и в таком случае исходным для него пунктом должна быть знаменательная дата *1871 г. 12 июля*, т. е. день, когда покойный В. Н. Хитрово в первый раз вступил на берег Палестины (пусть это не забудет Ваш историк, не канцелярист и не протоколист). Вот в силу сейчас сказанного, мне думается, что несколько рискованно «некоторым членам» Совета Общества брать на себя труд *предварительного* ознакомления с Запискою. (Достаточно для сего одного и, конечно, лучше всего председателя ученого отделения Общества и для дипломатии с прибавкою вице-председателя), а правдивому документальному историку не исключается возможность считаться с голыми именами и цифрами (и то, пожалуй, в урезанном виде), изложенными в хронологическом порядке и украшенными несколькими гравюрами... Перспектива не для всякого заманчивая, и на такую работу можно поискать людей и в Петербурге.

Вы почему-то тревожитесь даже по поводу моей поездки на Археологический съезд во Владимир и приглашаете меня в Петербург в начале июня. Год учебный у нас, по случаю бывшей «забастовки», оканчивается только *15 июня*, а, следовательно, покинуть Киев ранее этого времени я не могу. Съезд предполагается к 20—30 июня, и числа 2 или 3 июля я рассчитываю

попасть в Питер, т. е. опоздаю *на две недели.* Но поездка во Владимир обусловливается настоятельною необходимостью — не только научною пользою, но и соображениями практического характера, ввиду поручения от нашего Религиозно-просветительного Общества, где я ревностный деятель и староста храма, привлечь владимирских иконописцев в качестве поставщиков открываемой при Обществе иконной лавки. Тревожиться Вам за эту мою поездку нет необходимости, так как назначенный мне Обществом срок для работы *в 90 дней* («Продолжение каждой поездки Общество рассчитывает *не более 18 дней*») исчерпан будет с избытком: 60 дней (2 месяца) в прошлое лето и 1 $^{1}/_{2}$ месяца в наступающее.

Я дал ответы по совести на все затронутые Вами вопросы. Ваше дело теперь решать — подходящий я для Вас историк Палестинского Общества или Вам следует поискать другого, более уступчивого, — но при этом усердно просил бы Вас не руководиться в своем решении Вашими «личными впечатлениями» и не вполне доверять «достоверным сведениям» каких-то профессоров нашей Академии. Если Вы признаете неудобным иметь дело со мною, то потрудитесь поставить меня в известность хотя бы и через В. Д. Юшманова и в возможно непродолжительном времени. В заключение могу лишь прибавить, что Записка историческая в том объеме и по тому плану, какие мною намечены и *возможны* на основании имеющихся у меня документальных данных (хотя, быть может, без конца), будет готова к предполагаемому времени.

Примите глубокий поклон от моей супруги и передайте наше нижайшее почтение Любови Иосифовне, Вере Николаевне и А. П. Беляеву.

С глубоким почтением и преданностью быть имею Вашим покорным слугою
профессор Алексей Дмитриевский.

P. S. Супруги Соколовы выехали за границу».

Несмотря на достаточно резкий тон письма и размолвку, вызванную им между А. А. Дмитриевским и Н. М. Аничковым, Алексей Афанасьевич благополучно завершил работу над книгой (правда, как отмечалось, в рамках лишь первого периода существования Палестинского Общества), издал ее и был вознагражден на официальном торжественном приеме по случаю юбилея ИППО в Петергофе в 1907 г. В связи с кончиной секретаря Общества А. П. Беляева профессор Дмитриевский был приглашен Советом занять его место. Он оставался секретарем ИППО с 1907 по 1917 год.

В последние свои годы, когда научная жизнь Общества, по независящим ни от кого обстоятельствам, была сведена к минимуму, Дмитриевский продолжил работу над подготовкой критического исследования «Евхологиона» Гоара. В Русско-византийской комиссии АН СССР им было сделано в этой связи два доклада: «О неудовлетворительности издания текстов в «Евхологии» Гоара» (1924) и «Византинист XVII века Яков Гоар» (1926). Третий доклад Дмитриевского в Русско-византийской комиссии (21 октября 1926 г. и 9 июня 1927 г.) назывался «Объяснения к “Уставу” Константина Порфирородного». Это были его последние, оставшиеся неопубликованными, научные выступления... Он умер 10 августа 1929 года.

На основе собственных историко-литургических исследований и 23-летнего опыта преподавания исторической литургики Дмитриевский сумел воспитать целую школу литургистов, включая епископа Гавриила (Чепура), профессора протоиерея Василия Прилуцкого, профессора протоиерея Корнилия Кекелидзе (впоследствии академика АН Грузинской ССР), профессора Н. Н. Пальмова, А. З. Неселовского, В. И. Барвинка и др. К сожалению, его работы по истории Русской Палестины не нашли достойных продолжателей.

Монография об архимандрите Леониде (Кавелине) публикуется нами по рукописи РНБ (ф. 253, № 176), в авторской версии, с модернизацией орфографии. Рукопись имеет лакуны, объясняемые характером ее происхождения (глава, вынутая автором из большой книги и приспособленная им — не вполне последовательно — для отдельной публикации в виде реферата в Совете ИППО). Эти лакуны (практически обрывы текста в начале и конце автоцитаты из большой книги) отмечены нами в публикации. Научный аппарат рукописи сохранен в том виде, в каком он был приведен профессором А. А. Дмитриевским.

А. А. ДМИТРИЕВСКИЙ,
профессор

ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА), ТРЕТЬЕГО НАЧАЛЬНИКА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ, И ЕГО НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА

Глава 1

Лев Кавелин, его воспитание и военная служба

В ряду немногих преданных душею и телом мужественных истинных борцов за русское дело и на пользу Православной Церкви на Ближнем Востоке, без всякого сомнения, должно принадлежать видное и почетное место третьему по счету начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Леониду (Кавелину), закончившему дни своего земного, не краткого и весьма плодотворного бытия, в звании наместника Московской Троице-Сергиевой Лавры. Как начальник нашей Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид оставался здесь около двух лет, и время это в жизни нашей Миссии было самое тревожное, ввиду возникших в ней волнений и беспорядков со стороны подчиненных ему низших членов Миссии, резких столкновений с нашим Иерусалимским консульством и недоразумений с греческою Иерусалимскою Патриархиею; и в его деятельности за это время поэтому трудно указать какие-либо положительные результаты, направленные к поддержанию Православия и улучшению быта наших паломников на Востоке, но эта деятельность имеет неоспоримо важное значение своею отрицательною стороною.

Силою своего недюжинного ума, стойкостью весьма твердого характера, ясным пониманием основных задач и стремлений, с которыми была призвана к своему бытию наша Иерусалимская Духовная Миссия, и неумением идти на копромиссы с людьми сильными и власть имеющими, архимандрит Леонид на собственном своем примере, едва не погубив окончательно свою карьеру, доказал, что «палестинское» или «Иерусалимское дело» — «дело рук человеческих и испорчено с самого начала»

«внимателями дела», «считавшими себя мудрее» других и «продолжавшими портить и кривить дело, ими же начатое»[1].

Архимандрит Леонид, в мире Лев Александрович Кавелин, происходил из дворян Калужской губернии и родился 19 февраля 1821 года[2] в наследственном имении своего отца в деревне Гриве Возельского уезда. Отец его, А. А. Кавелин, родной брат отца известного ученого и публициста К. Д. Кавелина, служил в гусарском Клястицком полку и вышел в отставку штаб-ротмистром; по матери он принадлежал к известной семье Нахимовых, давшей России героя Синопа и Севастополя — адмирала П. С. Нахимова. Происхождением из знатной дворянской фамилии и принадлежностию отца по роду службы к военному сословию уже определились вполне для будущего аскета, кабинетного ученого и знатока Палестины и деятеля на православном Востоке, его воспитание и его служебная карьера. Лев Александрович в 1835 году, на 14-м году своей жизни, был помещен родителями в 1-й Московский кадетский корпус, имея своими сотоварищами покойного военного министра П. С. Ванновского и попечителей округов: Варшавского — А. А. Апухтина и Харьковского — Н. И. Воронцова-Вельяминова. Время, проведенное в Кадетском корпусе, оставило неизгладимый след в душе архимандрита Леонида, и о корпусе он с теплым чувством и умилением говаривал и вспоминал в кругу своих близких друзей даже и на закате уже дней своей жизни. Особенно тепло и сердечно он вспоминал о месте своего воспитания в 1878 году, когда Кадетский корпус праздновал столетний юбилей своего существования, явившись на праздник корпуса и приняв участие в торжественном его Богослужении, а затем описав родной праздник в статье «Празднование столетия Первого Московского кадетского корпуса». Как отличный воспитанник корпуса, Лев Кавелин удостоился чести присутствовать с некоторыми из своих товарищей на примерных Бородинских маневрах, устроенных императором Николаем Павловичем, и потом описал их в своих «Впечатлениях от Бородинских маневров», признанных начальством корпуса за лучшее сочинение, напечатанное затем (это был первый его литературный опыт) в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» за 1839 год. В 1840 году Лев Александрович с отличием окончил курс Кадетского корпуса и поступил прапорщиком в лейб-гвардии Волынский полк, оставаясь в нем целых двенадцать лет, — до 1852 года[3].

Но даровитый гвардейский офицер не пошел по избитой колее своих сотоварищей, отдававших свободное от военной службы время удовольствиям и развлечениям, доступным беззаботной, вполне обеспеченной интеллигентной молодежи, но, чувствуя влечение к литературе, посвящал свой досуг и силы занятиям в ней, в чем ему, кроме прирожденных талантов, помогало и отличное домашнее воспитание, и знание языков: немецкого, французского, английского и даже польского. Лев Александрович сделался сотрудником известного журнала «Маяк», который титуловал себя «журналом современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», и издавался С. О. Бурачком — напечатал несколько переводных повестей с польского и стихотворений, к которым архимандрит Леонид всегда и до конца жизни питал некоторую слабость. О музе его юношеских лет и о том, чем

[1] Из письма архимандрита Леонида к В. Н. Хитрово 1879 г., апр. 9-го. СПб., 1879.

[2] «Сердечно я был порадован, — писал в 1889 году, 29 февраля, архимандрит Леонид В. Н. Хитрово, — получением в день моего рождения 19 февраля (пошел 69-й год) Вашего дорогого письмеца». Следовательно, все биографы отца Леонида в годе и дне рождения (22 февраля 1822 года) ошибаются: Журнал Министерства Народного Просвещения (далее: ЖМНП). 1891, № 12, отд. I. С. 126; Душеполезное чтение (далее: ДЧ). 1891. Ч.III. С. 606: прим. а; Чтен. Общ. истории и древн. Росс. 1892. № 2. С. 4 и др.

[3] ДЧ. 1891. Ч. III. С. 610.

жил молодой офицер Кавелин, один из его товарищей, тоже поэт, в посвящении ему пишет следующее:

«Не ведает она [т. е. муза] людей и свету,
Никто ея не знал и не ласкал...
И право — ну, я истину сказал,
А не подстать элегику поэту,
Который сам себе наперекор
Грустит в стихах, не видит зги под солнцем
И, выменяв ... на червонцы,
Дает хандре и негу, и простор».

Но однако же нас интересуют не эти досуги пера и воображения, коим посвящает весьма часто время беззаботных и идеальных порывов юность, а те его литературно-научные работы в эти годы, в которых уже сказывался будущий «ветхословец», как любил себя называть архимандрит Леонид. Будучи еще гвардейским офицером, он напечатал следующие научно-исторические литературные статьи: «Краткое изъяснение плана древнего города Казани» (Маяк, 1843, т. III), «Сношение Авгаря, царя Эдесского, с Господом нашим Иисусом Христом» (Там же. 1844, т. XIII), «Св. Авраамий, мученик болгарский» (Там же), «Посещение болгарских развалин Петром I и Екатериною II» (Там же, т. XIV), «Взгляд на древнюю Польшу с замечаниями о Литве и России» (с польского) (Там же, т. XV), «Избавление Костромы от татарского нашествия: чудо иконы Феодоровской Божией Матери» (Там же. 1845, т. XIX), «Памятники белорусской письменности» (в иллюстрации) (Там же. 1845, т. XX).

Рядом с этими работами историко-литературного характера из-под пера молодого гвардейского офицера в данное время появляются уже совершенно необычные статьи, а именно: «Враждебные действия злых духов против человека» (Маяк. 1844, т. XVI), «Нечто о сверхчеловеческой магии» (Там же. 1845, т. XX), критико-библиографический отзыв о книге «Жизнь и подвиги схимонаха Феодора» (Там же, т. XXIII) и др. Эти последние произведения пера Льва Александровича Кавелина были бы для нас почти непонятны, если бы в душе его в это время не обнаруживалась уже тоска по идеалам высшего порядка и если бы его религиозное настроение, воспитанное с детства в одной благочестивой семейной атмосфере, незаметно для него мало-помалу не стало увлекать его на иной путь жизни, с первым мало имеющим общего.

В это время у него началось сближение с настоятелем Сергиевой пустыни под Петербургом архимандритом Игнатием (Брянчаниновым)[4], который принадлежал по рождению и воспитанию светскому званию, оказывал громадное влияние на молодежь высших и аристократических кругов, например на Ивана Андреевича Половцева, впоследствии Ювеналия, архиепископа Литовского; Льва Васильевича Краснопевкова, впоследствии Леонида, архиепископа Ярославского, и других. Это сближение не осталось бесследно и для молодого Л. А. Кавелина, который едва было не избрал даже Сергиеву пустынь и местом первых своих иноческих подвигов.

Глава 2

Поступление в монашество. Жизнь в Оптиной пустыни под руководством схимонаха Макария. Служба в Иерусалиме в качестве члена Духовной Миссии

В 1852 году неожиданно для всех, почти накануне Восточной войны, молодой капитан гвардии Лев Александрович Кавелин выходит в отставку и меняет блестящий гвардейский мундир на скромную рясу послушника родной Оптиной пустыни, отдав себя под строгое начало сурового аскета, знаменитого старца пустыни Мака-

[4] Церковный Вестник. 1891. № 44. С. 701.

рия (Иванова); † 1860. «Этот резкий переход из гвардии в монастырь, — говорит лучший из биографов архимандрита Леонида профессор Д. А. Корсаков, — поразил не только однополчан Кавелина, но и большинство его родственников и знакомых, из которых лишь весьма немногие понимали должным образом это превращение. И действительно, религиозностью и благочестием кадета и офицера нельзя еще было объяснить пострижение его в скит. Какая же была ближайшая причина, заставившая Кавелина переменить гвардейский мундир на монашескую власяницу, — это осталось тайною, которую отец архимандрит унес с собою в могилу. Он не любил говорить о ней, а потому и мы не должны излагать печатно те объяснения, которые случалось нам слышать от его родных и сослуживцев, быть может, и ошибочных. Во всяком случае, в личной жизни гвардии капитана Кавелина произошло, по-видимому, нечто весьма серьезное, изменившее всю дальнейшую его судьбу»[5].

Причин, почему в качестве тихого пристанища для себя отец Леонид избрал именно Оптину пустынь, было у него много. Прежде всего, эта обитель была родною для него, так как находилась всего в нескольких верстах от имения его отца — Александра Александровича Кавелина. Эту обитель любили его родители, и в детстве религиозно настроенный юноша нередко молился в ней с своею благочестивою матерью.

О матери архимандрита Леонида и ее замечательной религиозной настроенности мы находим следующие любопытные строки в дневнике Оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) под 23—25 августа 1860 года: «Вторник в монастырской гостинице скончалась госпожа Мария Михайловна Кавелина, супруга Козельского помещика, ротмистра Александра Александровича Кавелина, из рода Нахимовых, двоюродная сестра Севастопольского героя-адмирала и мать постриженца нашей обители, иеромонаха Леонида.

Год тому назад, бывши на краю гроба, она просила старца Макария, по своей вере к нему, помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее для свидания с любимым сыном, отцом Леонидом, который был тогда в отлучке из обители. Старец тогда сказал ей: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе».

Выздоровев, она говорила близким: “Бойтесь моей смерти: с нею связана жизнь старца”.

За благочестивую ее жизнь и кончина ее была мирная. Глубоко благоговела она к обители нашей: во все посты говела и приобщалась Святых Таин в обители. Так было и в теперешний Успенский пост. После приобщения она должна была отправиться на праздник к своему семейству, но почему-то внезапно отложила свой отъезд, сказав старцам: “Что-то не хочется ехать”.

И осталась — и на другой день заболела и с каждым днем слабела, а 23-го, приобщившись Святых Таин за десять минут до кончины, сказала последние слова: “Я не могу вам выразить моей радости: во всю жизнь не чувствовала себя такой покойной, как теперь”. И тут же уснула навеки.

25-го, по Литургии, совершено отпевание ее тела в присутствии супруга и детей: иеромонаха Леонида (Льва — гвардии штабс-капитана); Михаила, отставного поручика, и близких родных. Еще один ее сын служил в Святейшем Синоде, а дочь Александра была монахиней в Борисовском Девичьем монастыре.

Старец Макарий присутствовал при блаженной кончине боярыни Марии, назвав кончину ее “преподобническою” и промолвил: “Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную”. Еще задолго до смерти госпожи Кавелиной, старец часто стал поговаривать ученикам своим: “Пора, пора домой”.

---

[5] ЖМНП. 1891. № 12. С. 128.

Теперь слова эти он стал повторять еще чаще. Но видом был еще, слава Богу, достаточно крепок, хотя ему уже пошел 72-й год от рождения»[6].

Под влиянием привитых с детства любимою матерью живых и глубоко внедрившихся в душу религиозных воспоминаний иной, лучшей пристани для себя, совершился этот перелом в жизни отца Леонида. Это во-первых. Во-вторых, в то время Оптина пустынь снискала себе почетную и громкую известность в нашем Отечестве среди любителей истинно подвижнической жизни строгостью своих монашеских уставов, позаимствованных ею с чтимой русским благочестием народом Святой Афонской Горы, строгою подвижническою жизнию приснопамятных старцев обители — схимника отца Леонида (Наголкина), ученика схимонаха Феодора; Макария (Иванова) — ученика отца Леонида; и знаменитого впоследствии отца Амвросия (Гренкова), ученика сего последнего, и других, привлекавших в стены своей обители всех искавших ответа на запросы «яже к животу и благочестию».

Последнее обстоятельство было новою, не менее сильною побудительною причиною, почему молодой гвардейский офицер ищет для себя мирного приюта именно в Оптиной обители, так как и суровый иноческий подвиг в содружестве таких молодых энтузиастов, каким являлся Иван Андреевич Половцев, в монашестве Ювеналий (скончавшийся в сане архиепископа Литовского), и некоторые другие сверстники из светских образованных людей, не мог казаться тяжелым непосильным игом... Местом иноческих подвигов избрал Лев Александрович пустынный скит Иоанна Предтечи, о котором он с восхищением писал так: «Много в глубине моей души осталось воспоминаний о любвеобильной святыни Оптиной. Там узнал я впервые цену уединения... Тепла здесь была моя молитва, вызванная благоговейным умилительным песнопением иноков... Но особенно пленял меня уединенный скит...» «Благоговею пред тобою, безмолвный скит, люблю тебя, любвеобильная пустыня». Здесь под руководством опытного в духовной жизни любимого им старца Макария, ученика схимонаха Леонида, имя которого впоследствии принял в монашестве Лев Александрович, он проходил суровую школу иноческого послушания, поступив в 1852 году в обитель сначала на испытание и лишь почти через два года, после тяжелого искуса, 27 апреля 1854 года, он был определен в число братий Козельской Введенской пустыни послушником.

«Никогда в жизни я не был так счастлив, — рассказывал отец архимандрит Леонид об этих первых шагах своей иноческой жизни, — как в тот день, когда старцы благословили мне надеть простой пустынный полушубок»[7].

Проходя под руководством отца Макария тяжелый искус иноческого безусловного послушания, отец Леонид был приставлен своими старцами — Макарием и Леонидом — к тому делу, которое сродно его душе, полезно для русского благочестивого народа и славно для обители, ревнующей о духовном просвещении своего Отечества: к научным литературным трудам. На новоначального инока Оптиной пустыни Леонида (Кавелина) возложена была обязанность, совместно с другим же новоначальным иноком Ювеналием (Половцевым), заняться переводом аскетических святоотеческих творений, плодом каковых занятий являются следующие издания обители: «Сочинения Паисия Величковского», «Вопросы и ответы старцев Варсануфия и Иоанна», «Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические» (М., 1854), «Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения в русском переводе» (М., 1856). Любовь к историческим исследованиям побуждает отца Леонида составить «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни» и состоящего при ней скита во имя святого Иоанна Предтечи (СПб., 1857). Нисколько после этого не удивительно, что не любивший праздно расточать своих похвал приснопамятный святитель Московский Филарет,

[6] Нилус С. Святыня под спудом. 1911. Сергиев Посад. С. 192—193.

[7] Церковные Ведомости. 1891. № 44. С. 1558.

когда явилась необходимость, так аттестовал отца Леонида (Кавелина) за этот начальный период его иноческой жизни: «Сей муж, некогда с достоинством находившийся в императорской службе, потом, по отречении от мира, долгое время, также с несомненным достоинством, проходил монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством».

26 февраля 1855 года Лев Кавелин был пострижен в рясофор, а в 1857 году, 14 сентября, — в мантию. «Сегодня, — пишет иеромонах Евфимий в своем дневнике, — за Божественной литургией отец архимандрит Моисей постриг в мантию между прочими (семи) двух нарочитых мужей: Льва Александровича Кавелина из знатных дворян, и из духовного звания окончившего курс Костромской семинарии Михаила Чебыкина († 18 марта 1906 года в Оптиной пустыни на покое в сане игумена). Первому наречено имя Леонид, а второму — Марк. Какая судьба уготована им, то уже дело премудрости и разума Божия, но, мнится мне, незаурядная судьба их. Помоги им Господь скончать течение жизни своей при временной в подвигах добрых, в вере, надежде и любви Божественной»[8].

Событию этому предшествовало прибытие в Оптину обитель Одесского епископа Поликарпа, которого высшее духовное начальство предполагало назначить начальником второй нашей Миссии в Иерусалиме, заменив его в конце концов — молодым инспектором Петербургской Духовной Академии, доктором богословия архимандритом Кириллом (Наумовым), возведенным в сан епископа Мелитопольского. По указанию митрополита Московского Филарета и <совету> паломника-писателя А. Н. Муравьева, епископ Поликарп прибыл в Оптину обитель, чтобы составить штат священнослужителей формируемой им новой Иерусалимской Миссии. Выбор его остановился на Ювеналии (Половцеве) и Леониде (Кавелине), которые, с благословения архимандрита обители и старца Макария, согласились вступить в состав Миссии ее членами[9]. Об этой перемене в своей жизни Лев Александрович сообщил любопытные подробности в письме в Петербург к некоему священнику Степану Онисимовичу[10], подписавшись в нем еще так: «многогрешный монах Лев Кавелин».

Письмо это, полное биографического интереса, мы приводим целиком:

«Давно я не уведомлял Вас о себе, — пишет Лев Александрович, — отчасти и потому, что не имел сказать Вам о себе ничего особенного, разве что еще живу, движусь и есмь, по милости долготерпеливого моего Владыки Господа, как вдруг совершенно неожиданно случилось событие, о котором считаю долгом известить Вас. 5-го числа пополудни прибыл в нашу обитель из Москвы Преосвященный Поликарп, епископ Одесский, с словесным поручением от Московского Архипастыря и письмом от А. Н. Муравьева. Поручение заключалось в том, чтобы избрать в нашей пустыни несколько человек для Иерусалимской Миссии с тою целью, чтобы, взятые из одной обители, они сохранили бы единство духа и цели в предстоящем деле. Владыке было указано прямо на отца Ювеналия и меня. Вам известно, что уже двукратно выпадал мне этот жребий: первоначально приглашал меня отец Ювеналий, но я не решился согласиться на это, хотя видел в этом удобный случай посетить святые места — колыбель христианства, куда часто стремились мои мысли

---

[8] Нилус С. Святыня под спудом. 1911. Сергиев Посад.

[9] В частности, об отце Ювеналии Преосвященный Порфирий сообщил следующее под 30 ноября 1856 года: «Граф Толстой на место мое в Иерусалиме избрал диакона Оптиной пустыни Ювеналия (из дворян) и держит его здесь в доме матери его, дабы при первых переговорах и возобновлении нашей Миссии в Иерусалиме явить его миру, "яко великого постника и молитвенника о душах наших"». (Еп. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. VII).

[10] Ошибка А. А. Дмитриевского. Имеется в виду Степан Онисимович Бурачок, генерал-лейтенант, писатель и публицист, издатель журнала «Маяк». (Примечание Н. Н. Лисового. — *Н. Л.).*

в прежнее время. Другой раз господин обер-прокурор граф Толстой, по отказе отца Ювеналия, предлагал мне ехать в Миссию через князя Оболенского, своего родственника, но как состав Миссии тогда еще не был известен, то, опасаясь попасть в круг совершенно не известных мне и, может быть, не единомысленных людей, — я отказался решительно. Теперь же, когда совершенно неожиданно в третий раз и без всякого отношения к двум первым случаям сделано было мне то же самое предложение, я невольно призадумался, как смотреть на сие дело. Считать ли его званием Божиим или нет? Не смея и не дерзая брать на себя решение этого вопроса, я отвечал на убеждения Преосвященного Поликарпа, что если старцы найдут нужным послать меня, я поеду беспрекословно, но сам решить сего не могу, как по чувству своего недостоинства, так равно и потому, что не достанет сил самому подписать, может быть, вечную разлуку с обителью, старцем-отцом, благодетелями и родиною.

К удивлению моему и общему, отец архимандрит и батюшка отец Макарий благодушно согласились отпустить нас с Преосвященным Поликарпом, успокаивая тревогу сердца нашего тем, что они видят в Преосвященном человека Духа Божия, смотрящего на дело сие очами веры, а не разума, духовно, а не душевно... и нас Преосвященный искренно расположил к себе своею духовною беседою и любвеобительным обращением. Итак, мы согласились, буди воля Божия, и теперь, в ожидании решений нашей участи, крепко молимся: да аще от человек сие дело, да разорится, аще от Господа — да будет над нами Его святая воля — се рабы Его, твори, еже хощеши, в духе мирне. Нашему примеру последовало еще несколько человек из нашей братии. Владыко, видимо обрадованный успехом своей поездки, отправился в Петербург для освещений о необходимых переменах в проекте и составе, средствах и занятиях Миссии.

Бога ради, поспешите познакомиться с Владыкою; ваши опытные советы будут ему полезны весьма. Дело слишком важно, чтобы быть к нему хладнокровным ревнителю Православия, а Владыке нужно, очень нужно участие доброе, пока еще все не утверждено формально.

Любовь ваша к моему недостоинству, дорого мною ценимая, дает мне смелость надеяться, что, по свидании и беседе с Владыкою, вы не оставите меня уведомить о том, как смотрите на сие дело, — и скажете, что думаете, искренно, не обинуясь.

Старец наш свидетельствует Вам и семейству Вашему почтение и благожелание, и от меня прошу передать усердный поклон всем и каждому, а первенцу Вашему в особенности, за его братский привет и писание.

Простите. Поручаю себя отеческой любви Вашей и святым молитвам с почтением и неизменной о Господе любовью есмь и пребуду Ваш недостойный богомолец многогрешный монах

Лев Кавелин»

Хотя назначение в Иерусалим епископа Поликарпа не состоялось, но избранные им иноки Оптиной пустыни сохранили за собой принятое ими место в составе Иерусалимской Миссии и при действительном ее начальнике епископе Кирилле (Наумове). «В Иерусалим, — по словам епископа Порфирия (Успенского), — назначены два иеромонаха из Оптиной пустыни — Леонид и Ювеналий, оба из дворян и оба — любимцы синодального обер-прокурора»[11].

Указом Святейшего Синода 20 октября 1857 года отец Леонид был назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а посему 22 октября епископом Калужским Григорием (Юткевичем) рукоположен в сан иеродиакона, а 29-го того же октября — в сан иеромонаха.

Отец Леонид пробыл в Иерусалиме в качестве члена Духовной Миссии лишь с 1 февраля 1858 года по 20 мая 1859 года, но и этот период затянулся только потому,

[11] Еп. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. С. 45.

что епископу Кириллу весьма нежелательно было отпускать его из Миссии, дабы не подавать повод к кривотолкам в Петербурге и нареканиям на начальника Миссии с одной стороны, а с другой — желательно было и отцу Леониду видеть редкое церковно-политическое торжество в Иерусалиме, «подобного которому, — по словам отца Леонида, — не было в летописях Иерусалима со времени византийского императора Ираклия»[12], — присутствовать при торжественной встрече Августейших русских паломников: Председателя Высочайше утвержденного Палестинского Комитета великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича, его супруги великой княгини Александры Иосифовны и их первенца — младенца, великого князя Николая Константиновича. Высокие гости Святого Града являлись в Палестине не столько для удовлетворения своих религиозных потребностей — поклониться Живоносному Гробу Господню и посетить все достопоклоняемые святые места Иерусалима и его окрестностей, что они и выполняли почти ежедневно с 30 апреля по 9 мая включительно, — но, по воле Государя Императора Александра Николаевича, должны были осмотреть и выбрать в Иерусалиме или его ближайших окрестностях удобные участки земли, на которых Палестинский Комитет предполагал начать постройку русских богоугодных страннолриимных зданий и величественного русского храма. По окончании этих торжеств <прп.> занимаемой должности штатного члена Духовной Миссии и о причислении его снова в число иноков Козельской Оптиной пустыни. Ходатайство это было уважено, причем Святейший Синод 19 марта 1859 года указом своим «за отличную службу» наградил его набедренником.

На пути в Россию в июле месяце он посетил в первый раз Святую Афонскую Гору с целью познакомиться с бытом иночества этой Горы вообще, и русского иночества здесь — в частности. Свои глубокие впечатления он выразил в Книге обители для почетных посетителей в следующих выражениях: «Время, проведенное на Св. Афонской Горе, под гостеприимным кровом Руссика, отцами коего был принят с истинно христианским радушием и любовью, останется одним из лучших воспоминаний моего пребывания на Востоке. Обозрение Афона в аскетическом отношении убедило меня, что он был и доселе остается неугасимою лампадою, в которой горит елей чисто монашеской жизни: здесь, и только здесь, желающий может найти совершенный образец всех родов подвижничества, о коих упоминают свв. отцы, — от благоустроенных общежитий до людей, проходящих жизнь безмолвную, в совершенном безпопечении от всего земного.

Получив душевную пользу и назидание от собеседования и духовного общения с отцами и братиею Русской Обители на Афоне, не могу не выразить сердечного желания, чтобы те из посетителей сей Св. Обители, которые не имеют самонадеянности считать себя совершенно здравыми в душевном отношении, не ограничивались бы одним внешним обозрением святыни Афонской, но, пользуясь более или менее кратким здесь пребыванием, спешили бы вопросить о врачах духовных, на которых им укажет общая любовь и уважение всего братства; в пользе же их душеспасительных советов и растворенных любовию врачеваний пусть каждый убедится собственным опытом. Вкусите и видите, яко благ Господь и не оскудеет благодать Его в творящих волю Его.

Бывший член Иерусалимской Духовной Миссии, многогрешный иеромонах Леонид, убогий оптинец».

Причиной столь быстрого оставления отцом Леонидом службы в нашей Иерусалимской Духовной Миссии было его полное расхождение во взглядах, убеждениях

[12] Б. П. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине. СПб., 1860.

и образе внешней повседневной жизни, чуждого аскетического настроения своего начальника, Преосвященного Кирилла, епископа Мелитопольского. «Архимандрит Леонид, — писал 10 декабря 1865 года обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому митрополит Московский Филарет, — не сторонник своего предшественника (Кирилла, епископа Мелитопольского), потому и вышел из состава членов Миссии по неудовольствию и в России не оказывался его сторонником»[13]. Основания для этого «неудовольствия» указал сам отец Леонид в своих беседах с отцом архимандритом Антонином (Капустиным), когда последний явился в Иерусалим (в 1865 году) для расследования происшедших в Духовной Миссии в 1864 году беспорядков. «По собственному признанию о. Леонида, — писал отец архимандрит Антонин в Святейший Синод, — причиною первого удаления из Миссии было то, что Преосвященный Кирилл, тогдашний начальник Миссии, обещавший ему еще в России духовничество при ней, по прибытии сюда взял на себя сей долг и требовал, чтобы члены Миссии были в духовно-сыновних отношениях к нему»[14].

Чтобы яснее понять причину размолвки с епископом Кириллом и глубоких огорчений, испытанных с его стороны, мы воспользуемся письмом Б. П. Мансурова к Председателю Палестинской Комиссии, князю Д. А. Оболенскому, из Иерусалима от 15 октября 1858 года: «Отцы Ювеналий и Леонид приняли нас, — писал Б. П. Мансуров, — с сердечною радостью и, конечно, нас обворожили. Ты знаешь уже, любезный друг, что они оба недовольны были архиереем за то, что он их не употребляет ни на что, ничего им не доверяет и держит прямо как послушников. Леонид положительно хотел оставить Иерусалим и уже подал об этом прошение Владыке. И его, и Ювеналия мы нашли весьма недовольными архиереем. Оба они знали о дурном впечатлении Владыки в отношении ко мне, слышали о том, что я будто бы пользуюсь в Петербурге большим кредитом, питаю враждебные чувства к архиерею и еду в Иерусалим с желанием и возможностью забрать его в руки и переделать в Миссии все, что нехорошо. Оба добрые, достойные и высоко христианские отцы увидели в этом возможность опереться на меня и на Консульство, чтобы изменить свое положение, как им того хотелось, и поддерживались в своих надеждах сплетническими дамскими и недамскими письмами из Петербурга, откуда им писали, что враги Преосвященного Кирилла сильны и ожидают посредством меня найти случай вызвать его в Россию. Сам Кирилл, раздраженный неизвестностью о моих поручениях, подкреплял в них мысль о его слабости, ибо часто неосторожно и желчно выражал, что если ему присылают обер-прокурора для Миссии, то он бросит Иерусалим. По всем этим причинам первые любезности отцов Ювеналия и Леонида обратились вполне на нашу сторону, и хотя я с первых разговоров объяснил Преосвященному Кириллу, что я приехал ему помогать, а не мешать, однако зная, что у отцов Леонида и Ювеналия есть в России большие связи и, между прочим, что Ю. сильно поддерживает Н. П. Мальцеву, которая с женскою простотою готова ратовать и против Кирилла и пользуется в глазах Владыки огромным влиянием при Дворе, то Преосвященный Кирилл очень озаботился возможным полным переходом Леонида и Ювеналия на нашу сторону будто бы против него.

Я с самого начала узнал и понял тактику обоих отцов, но будучи убежден, что в освобождении Епископа от сплетен подчиненных, единстве и свободе его власти и удержания подчиненных от сплетен и жалоб на Начальника заключается единственное условие успеха и достоинства нашей Миссии, — я (не говоря и не выражая ничего отцам Леониду и Ювеналию) стал прямо на сторону Преосвященного и только частыми разговорами с ним (вовсе не касаясь отцов), а менее частыми — с

---

[13] Архиеп. Савва (Тихомиров). Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 448.

[14] Письмо в копии, писанной рукою отца архимандрита Леонида, найдено в его архиве и сообщено нам архиепископом Никоном, бывшим Вологодским Владыкою.

отцами и удалением себя от выслушивания их жалоб, — бессознательно (ибо я все узнал на себе) отнял у них надежду на поддержку против Епископа...

Опасаясь, чтобы отцы Леонид и Ювеналий не написали в Петербург жалобных писем против него, желая, чтобы Леонид оставлением Миссии не возбудил предположение о несносности характера его, Кирилла, — и опасаясь, из недоверия ко мне, чтобы они не нашли во мне ходатая и поддержки, — Преосвященный, убедившись из моего поведения, что пока ему нечего меня страшиться, вследствие известной тебе и сродной ему хвастливости, начал напропалую любезничать с отцами Леонидом и Ювеналием, убедил перваго отсрочить отъезд в Россию, успокоил второго в вопросах самолюбия, обещая сделать его Начальником будущей где-то Миссии, а обо мне стал говорить, что он пока мною доволен, но что мое личное служебное положение в С. Петербурге в последнее время сделалось очень шатко, ибо и В. К. давал со скуки заниматься Иерусалимским делом; что он, Кирилл, держит меня совершенно в руках и <это заставит> меня самого отказаться письменно от убеждений, выраженных в моей книге, — что в М. И. Д. я имею так мало кредита и поддержки, что я сам говорил ему, Кириллу, что ему стоит написать вообще в Петербург десять строк против меня и заставить вызвать меня из Иерусалима; что я так подлащиваюсь под него, Кирилла, только потому, что от него зависит испортить мою карьеру, и что он более меня не опасается, ибо держит надо мною Дамоклов меч и т. п. в этом духе. Затем по отношению к Консульству и Доргобужинову Кирилл развивал такую же тему, что я вожу Д-а за нос, что сей последний есть нуль по характеру, что Консульство должно быть покорным слугою его, Архиерея, и будет плясать по его дудке, что стоит только всех нас держать в руках и т. д.».

«Ты знаешь, любезный друг, — продолжает далее Б. П. Мансуров, — до какой степени Кирилл словоохотлив и неумерен в речах; с другой стороны, ты знаешь, как святы, добродушны и честны Леонид и Ювеналий. Эти чудные люди, достойные всякого уважения, бессознательно обратились в источники всяких толков и сплетен в Иерусалиме; они желают только добра всем и рвутся из ревности послужить делу иначе, нежели отправлять ежедневно утрени и обедни. Их невозможно не любить и не уважать, но они просто дети в вопросах житейских и дипломатических; гнет Преосвященного Кирилла смущает спокойствие их духа, а нервная лихорадочная особенность Иерусалимской жизни выводит их из своего характера».

«Не могу не сказать тебе несколько слов об отцах Леониде и Ювеналии, — еще раз возвращается Б. П. Мансуров к этому вопросу, — невозможно не любить, не уважать и не почитать этих достойных и чудных людей; в Ювеналия просто можно влюбиться в христианском духе. Оба они производят здесь на всех и на меня самое отрадное впечатление, и трудно было выбрать лучших духовных представителей благочестия и кротости. Из них можно бы сделать чудные орудия для всего, но Преосвященный Кирилл их портит и испортит; на нем лежит большой грех в том, что он не умел снискать любви и доверия в их душе, просящейся на любовь и доверие. В отношении к ним его генеральство выразилось вполне и самым неудачным образом; они просто дети в политических вопросах, но в деле надзора за поклонниками и их назидания нельзя найти им подобных. Он и от этого дела оттер их совершенно, посылает их только изредка к поклонникам для следствия и для передачи срочных приказаний. На поклонников Преосвященный Кирилл действует только с генеральскою строгостью (иногда действительно нужною), следовательно, Леонид и Ювеналий всегда являются только полицейскими чиновниками, а не пастырями и увещателями. Отчего не отдать им доли в исповеди поклонников? Это сблизило бы их с духовными их детьми и заинтересовало бы их в деле нравственного наблюдения за нашими странниками. Леонида и Ювеналия еще нельзя употреблять в делах политических и для дипломатических, ибо они живут только во Христе, — но чего нельзя с ними достигнуть в деле назидания и привлечения сердец?

Посредством их и полицейский надзор за поклонниками обратился бы в благодетельное руковождение. Вместо того наши паломники только боятся нашего епископа и жалуются на его недосягаемое величие. Даже в отношении к нам Преосвященный действует либо сам, либо чрез своего драгомана и кавасов. Здесь именно является в Кирилле отсутствие сердечной теплоты, и очень естественно, что Леонид и Ювеналий его не любят, ему не доверяют, и им не привлечены к себе духом соучастия в святом деле. Это все очень жалко, тем более, что оба эти отца либо сами уйдут, либо выпроводятся епископом для получения вместо их овец бессловесных. Они должны ему мешать тем, что слишком привлекают к себе других. <...>

Видимо, Преосвященный хотел уверить моих подчиненных, что я совершенно в его власти, что он так силен, что все перед ним должно преклоняться, и что консул и я поневоле должны быть его покорными, послушными слугами. Все это вывелось невольно и бессознательно на чистую воду потому, что о. о. Ю. и Л. стали сожалеть о нашем жалком положении и горевать о том, что теперь уже окончательно Преосвященный Кирилл свернет их в бараний рог. Мы этого сперва не понимали, пока они наконец не высказались добродушно и откровенно. Я на это ответил им только то, что они могут выводить какие угодно заключения, но что я сам очень доволен Архиереем, тем более, что он не заставил меня отстать ни от одной из моих мыслей или отбросить какой-либо из моих планов. Ничего не могло их удивить более этого, потому (Преосвященный беспрестанно твердил о том), что заставит меня отказаться не только от моих намерений, но и от моих убеждений»[15].

Но причины разлада с епископом Кириллом лежали не в личных оскорблениях отца Леонида и в неисполнении данных обещаний ему при отъезде из России, а гораздо глубже: в полном несходстве их внутренней духовной настроенности и взглядов на принятые на себя добровольно иноческие обеты и внедрившиеся под воздействием оптинских старцев в его душе аскетические подвиги. Отражение этого мы ясно видим в письме члена третьей Иерусалимской Миссии иеродиакона Арсения от 8 февраля 1865 года на имя русского Иерусалимского консула А. Н. Карцева. «По прежней службе в Иерусалимской Миссии при Преосвященном Кирилле с отцом Леонидом, — пишет он, — мы не сходились в понятиях о произвольной нищете, смирении, молитве, терпении, посте и во многом другом. Отец Леонид всегда оказывался фанатичным формалистом и консерватором буквы. Еще в то время влияние монастыря на о. Леонида было весьма заметно: гладкая манера и отделанные приемы монашеского разговора показывали в нем воспитанника общежительной Оптиной пустыни, где на выделку благоприличной внешности обращено особенное внимание. Взгляды отца Леонида были странны и не сходны с прямыми верованиями православных. Скажу для образчика следующее. Все мы в Иерусалиме при Преосвященном Кирилле кушали говядину, с разрешения Вселенского Патриарха, не смущаясь совести. Отец Леонид не употреблял самой говядины, а только щи и суп из говядины, не желая быть таким же, как мы, грешником»[16].

В письме своем к князю Д. А. Оболенскому от 4 июля 1861 года отец Леонид сам дает яркую картину своих отношений к Преосвященному Кириллу и взглядов

---

[15] Цитированное письмо Б. П. Мансурова к князю Оболенскому мы имели в копии, переписанной рукою архимандрита Леонида и хранившейся в посмертных бумагах его. Любезно сообщено нам это в высокой степени интересное письмо архиепископом Никоном, бывшим Вологодским, которому мы обязаны, как душеприказчику покойного отца архимандрита Леонида, доставлением нам и других ценных писем к архимандриту Леониду (Кавелину), напр. с Афона, от отца архимандрита Антонина и других лиц. Считаем нравственным своим долгом выразить Его Высокопреосвященству архиепископу Никону нашу глубокую благодарность за высокое доверие и просвещенное содействие в деле собирания полезных материалов для настоящего предпринятого нами труда.

[16] Архив Святейшего Синода.

на деятельность последнего в Иерусалиме в качестве начальника Миссии. «Из Иерусалима имею известие от 8 числа текущего месяца, — пишет отец Леонид, — это письмо о. Ювеналия, который уезжал оттуда с грузом самых неприятных впечатлений и, описывая состав «архиерейского дома» (Миссия уничтожена), выражается так: "а Фадлала (драгоман) и Василий Андреевич (Левинсон) в качестве советников великого дипломата за обедами, ужинами и прочими подвигами достойного предводителя когорты. Увы, увы, — прибавляет он, — достойный плача и горького смеха духовный Иерусалим". Не знаю, так же ли будет говорить о. Ювеналий по приезде в Петербург, потому что он и сам немножко дипломат, а потому сообщаю Вам его настоящий отзыв, которым прошу поделиться с тем, кому еще сколько-нибудь дорога будущность Иерусалимского дела, которое вместо того, чтобы сделать честь России, ныне бесславит ее, и в чьем же лице?.. Но кто виноват, если у нас ничему и никому не верят, полагая, что "святость жизни" есть принадлежность сана, из чего и выходит, что "барыни наши" самыми грешными людьми считают пономарей и дьячков, а самым святым — Кирилла, ими возведенного в сан архиерейский, ими же поддерживаемого в его вышепомянутых подвигах, на которые он ежегодно еще получает средства от щедрот (разумеется, Государыня). Можно ли так нагло обманывать? Грустно и больно знать это, и неужели нельзя ожидать никакой благоприятной перемены в близком будущем»[17].

Но как ни тяжела была нравственная атмосфера, окружавшая его, как ни ограниченна была сфера его деятельности, время, проведенное отцом Леонидом в эти годы в Иерусалиме, не пропало даром и было им употреблено для той цели, которую он поставил себе при отъезде из России: изучать историю и жизнь восточного монашества. «Иеромонах Леонид, — писал 17 апреля 1858 года обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому в своем отчете Кирилл, епископ Мелитопольский, — имеет поручение изучать здешнее монашество как человек, знающий толк в деле и весьма интересующийся делом иночества. Надеюсь, что его наблюдения принесут нам впоследствии весьма много пользы, особенно тогда, когда Господу благоугодно будет положить правительству на мысль озаботиться судьбою наших русских обителей»[18].

Как питомец Оптинских старцев, известных своею духовною жизнью — отцов Леонида, Макария и Амвросия — он, по поручению епископа Кирилла, принял на себя обязанности духовника русских паломников, а как любитель иноческой жизни и «интересующийся делом иночества», охотно принялся в Иерусалиме на практике за изучение современного восточного монашества, которое ему известно было доселе лишь в теории, по аскетическим творениям древних подвижников; и, как «ветхословец» и человек, склонный к литературным занятиям, он «успел познакомиться довольно подробно со всеми святыми местами» и составить весьма любопытную книгу об Иерусалиме «Старый Иерусалим и его окрестности». (Из записок инока-паломника. М., 1873), не утратившую своего научного и практического интереса и до настоящего времени. «Проживая в Иерусалиме, свободное от церковнослужебных обязанностей время (по званию члена Иерусалимской Духовной Миссии) употреблял я, — пишет отец Леонид о происхождении названной книги, — частью для беседы о святых местах с людьми, близко знающими оныя, частью для посещения сих святых мест с целью основательного изучения оных; во время же поездок по окрестностям Святого Града и дальним святым местам, каковы Иордан и Галилея, я старался не столько следовать указанию западных писателей, сколько повторять драгоценные сказания нашего первого паломника "монаха Даниила", и имел приятный случай убедиться, что эти сказания "мужа свята, ветха деньми и

[17] Дело Палестинского Комитета № 20 (по Азиатскому департаменту № 923). Л. 12 об. — 13.

[18] Протоиерей Ф. И. Титов. Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Киев, 1902. С. 131.

книжна вельми, жившего в Галилее 40 лет и в Лавре Св. Саввы 20 лет", вполне согласны с преданиями греческими и во многом опровергают показания латинских писателей, основанные на показаниях францискан и разных "чичероне" из "Казанова", владельцы которой, соперничая постоянно с греками в обладании святыми местами, успели исказить и затмить многие православные предания о святых местах, что, к сожалению, отразилось на сочинениях некоторых из наших новейших паломников»[19].

В это первое пребывание в Иерусалиме отца Леонида произошло у него духовное сближение с настоятелем Саввинской Лавры отцом Иоасафом, «достойным подражателем преподобных отцов-пустынножителей, хорошо изучившим местность пустыни Святого Града и все предания и сказания о ней, которые живо сохраняются в его светлой памяти»[20]. Он был избран им в свои духовники, в руководители в новой для него обстановке среди греческого святогробского духовенства и палестинского монашества и опытным путеводителем по святыням Иерусалима и при посещении им развалин пустынных Иорданских обителей[21].

По возвращении в Россию из Иерусалима, направляясь в родное гнездо — в мирную Оптинскую пустынь, иеромонах отец Леонид в Москве виделся с митрополитом Московским Филаретом, принимавшим горячее, живое участие в делах нашей Миссии на православном Востоке, и, несомненно, выяснил пред ним истинное положение этой Миссии в надлежащем свете, умея сохранить к себе внимание столь высокого и авторитетного покровителя и заручиться его сильною поддержкою для своей энергичной деятельности на все последующее время своей жизни. Когда отец Леонид пожелал для своих целей побывать в Петербурге, то митрополит Филарет написал о нем 29 сентября 1859 года иеромонаху Троицкого Санкт-Петербургского подворья следующее любезное письмо: «Дайте Оптиной пустыни иеромонаху Леониду помещение в келлиях подворья приличное и, по возможности, удобное. Долг гостеприимства требует, чтобы хозяева, если нужно, потеснили себя, чтобы доставить удобство гостю»[22].

Глава 3

Возвращение в Оптину пустынь и назначение начальником Иерусалимской Духовной Миссии. Сборы в Палестину и путешествие туда

Возвращение отца Леонида в родную Оптину пустынь было встречено с радостью его старцем Макарием, приветствовавшем его так: «Бог вернул Вас помянуть нас»[23]. И эти слова в устах прозорливца оказались пророческими. Отцу Леониду пришлось вскоре пережить две утраты «для нежного и родственного чувства» и оказаться «полным сиротою по чувствам сердечным». В 1860 году 23 августа на его руках в обители скончалась горячо им любимая мать, Мария Михайловна, а через две недели за нею последовал и «достоблаженный» старец схимонах Макарий, оплаканный им и восторженно прославленный в «подробном жизнеописании» («Последние дни жизни старца Макария». 1861), рассмотренном в рукописи и одобренном великим почитателем сего старца, митрополитом Московским Фила-

[19] Архим. Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. М., 1873. С. 2.

[20] Там же. С. 454.

[21] Там же. С. 1.

[22] ДЧ, 1885. Ч.III, С. 501.

[23] Письмо к А. С. Норову отца архимандрита Леонида от 2 ноября 1865 г. (Архив Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Цит. 13, 1881; № 44. С. 158).

ретом, который назвал автора жизнеописания «любящим учеником незабвенного старца»[24].

В этой мирной пристани на отца Леонида, как хорошо знакомого с положением иерусалимских дел и нуждами наших русских паломников, возложено было в том же, 1860 году, поручение написать «Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине». «Я выехал из Иерусалима в мае 1859 г. (21 мая был на острове Хиосе, сие очень помню); писал же "Отчет" этот, — говорит архимандрит Леонид в письме к В. Н. Хитрово 20 ноября 1888 г., — по настоятельному приглашению великого князя Константина Николаевича в Оптиной пустыни в 1860 г. (Б. П. Мансуров считает местом его написания Иерусалим, 1859 г.), остальные переданы мне не Б. П. Мансуровым, а покойным Д. А. Оболенским (заведующим делами Палестинского Комитета), с которым мы были дружны.

В этом "Отчете" мне принадлежит лишь одна историческая часть[25], все остальное, т. е. современное оному положение дел Палестинского Комитета заимствовано мною буквально из доставленного мне чрез того же Д. А. Оболенского материала, который, по всем вероятиям, есть дело рук Бориса Павловича, он и в ответе[26].

Поэтому-то я не пожелал, чтобы имя мое красовалось на сем "Отчете", ибо он мой лишь наполовину, что и обозначено в книге Бориса Павловича (т. е. "Базилика Константина")»[27].

По поводу другого поручения великого князя Константина Николаевича отец Леонид задумал было даже посетить вторично Иерусалим совместно с известным

---

[24] Архиеп. Савва. Указ. соч. Т. V. М., 1887—1888. С. 33. Архимандрит Леонид называет митрополита Филарета «отцом и благодетелем вообще всех учеников достоблаженного старца иеросхимонаха Макария». Письмо отца Леонида к митрополиту Филарету от 1868 г. (Из бумаг митрополита. № 21).

[25] В одном из первых своих писем к В. Н. Хитрово по поводу выхода в свет книжки его библиографического характера «Палестина и Синай» (СПб., 1875) архимандрит Леонид писал об этом отчете несколько иначе. (№ 49. Мансуров Б. П. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта православных поклонников в Палестине). «Сочинение это, приписанное Вами Мансурову, принадлежит не Б. П. Мансурову, а всецело мне, написано же по поручению Его Высочества великого князя Константина Николаевича». (Письмо о. архим. Леонида к В. Н. / Хитрово от 10 сентября 1876 г.).

[26] Брошюра эта, по словам Б. П. Мансурова, «составлена в одной части отцом архимандритом Леонидом, бывшим в то время членом Духовной Миссии в Иерусалиме, в другой части — мною. Брошюра эта во многих тысячах экземпляров была распубликована в конце 1862 года, причем главнейшие редакции газет и журналов приняли на себя труд даровой рассылки этих экземпляров своим подписчикам». Архимандриту Леониду принадлежит 1-я глава: «Историческое начало благочестивого обычая посещения св. месту (Мансуров Б. П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме. М., 1886. С. 17-18).

«Печатают глупые и бессовестные (sic) книжонки, — писал об этом Отчете епископ Кирилл из Иерусалима в Петербург к своим родным 28 декабря 1851 года, — преисполненные лжи самой наглой и едва ли имеющие возможность надуть кого-нибудь. Оскорбительным молчанием обходится самое имя первой Благодетельницы наших краев (т. е. Императрицы Марии Александровны, Августейшей Супруги Александра II), не говоря уже о других, и таким образом ставят в такое положение, что приходится делать выбор только между молчанием до времени и перепискою, которая снова поднимет там войну, высший гнев и какие-нибудь выдумки, горшие первых, нелепейшие и вреднейшие. Видится, что в организме дела есть дурные соки; пусть сделают нарыв и злокачественная материя соберется в одно место. Если нужно будет сделать надрез, так уж разом, чтобы разом выгнать гной. Не всегда хватает терпения, но ведь и чудес творить не умеем. Надобно ждать». (Письмо сообщ. прот. Ф. И. Титовым, проф. Киевской Духовной Академии). Но книжка эта усердно распространялась Палестинскою Комиссиею среди наших богомольцев и русских людей через губернаторов, через монастыри и церкви (Дело Палестинской Комиссии 1864 г. № 1) и иногда приносила значительный доход Палестинскому Комитету (там же — смета).

[27] Письмо отца архим. Леонида В. Н. Хитрово от 20 ноября 1888 г.

паломником А. С. Норовым и подал по этому поводу в Палестинский Комитет прошение следующего содержания: «Его Императорскому Высочеству благоугодно было поручить мне составление "Путеводителя для русских паломников Св. Гроба"[28]. Собираюсь в путешествие на Восток и заранее знаю, что мои заметки будут похожи на свиток, в котором вписано "Жалость и горе", но все-таки лучше, по слову Премудраго, быть в дому плача, нежели в доме безумного веселья, и потому предпочитаю путешествие по скорбному, многострадальному Востоку катанию по железным дорогам веселой Европы»[29]. Расход в 500 руб. на это путешествие был разрешен великим князем и Палестинским Комитетом, и деньги эти даже получены отцом Леонидом на руки, но потом были возвращены, так как поездка эта «по независящим от него обстоятельствам» не состоялась и отъехать в преднамеренный им в текущем году заграничный отпуск для посещения святых мест не предоставилось возможным.

По поручению того же Палестинского Комитета отец Леонид занимался «составлением славянских надписей на иконостасы и другие церковные принадлежности русских церквей в Иерусалиме» и «составлением рисунков для внутренних украшений сих церквей, и за свой труд, по представлению Б. П. Мансурова, получил из Комитета 150 рублей[30].

Кроме названных трудов, в эти годы своего отдыха в обители иеромонах Леонид отдавался мирным кабинетным ученым занятиям, посвящая им весь свой досуг, остающийся от исполнения своего иноческого долга, и сосредоточивая свое внимание то на покинутом им Святом Граде и его святынях, то на преданиях и уставах своей обители, то, наконец, углубляясь в изучение истории монашества и любимых им памятников глубокой старины. За это время из-под пера отца Леонида вышли статьи: «Взгляд на исторические судьбы Святого Града» (Домашняя Беседа. 1860. № 30), «Место моления о Чаше» (Духовная Беседа. 1860. № 38), «Великий Пост в Св. Граде Иерусалиме» (Душеполезное Чтение. 1863. Кн. II—IV), «Путешествие в Иерусалим священника Лукьянова (начало)» (Калуж. епарх. вед., 1863); «О святых местах Палестины (Иерусалим)» (Издание редакции журнала «Чтение для солдат», девять рисунков. СПб., 1861)[31]; «Последние русские пустынножители (материалы для истории русского монашества)» с биографическими очерками (Домашняя Беседа. 1862. № 20—26); «Собрание писем иеросхимонаха Макария в двух томах (1862—1863)»; «Голос в защиту писателей Печерского Патерика — св. Симеона, епископа Владимирского и Суздальского, и пр. Поликарпа, арх. Киево-Печерской Лавры» (Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. 1860. Т. IV, смесь. С. 116—126); «Село Николо-Гостунское с его древностями» (Там же. 1861. С. 187—198); «Обозрение Калужского Оптинского монастыря и бывших в нем до начала XVIII века храмов» (Калуж. епарх. вед., 1861), «Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входящих с начала XV и до конца XVII стол. в состав Крутицкой и частью Суздальской епархии» (Чтения в Московском обществе истори и древностей российских. 1862. Кн. II, исслед. I—VIII и 1—156, 1862), «Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии» (Там же. 1863. Кн. I. Исслед. I—VIII, 1—170), «Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии» (Там же. 1865. Кн. IV, смесь. С. 1—115) и др.

---

[28] Палестинского Комитета № 20 по Азиат. департаменту. (Архив Госуд. № 931. Л. 4-5).

[29] Там же. № 923. Л. 13 об.

[30] Там же. № 14, а по Азиатск. д-ту № 931. Л. 19.

[31] Дата издания указана ошибочно. Соответствующей работы о. Леонида нам разыскать не удалось. — *(Прим. Н. Л.)*.

Мирные учено-литературные занятия отца иеромонаха Леонида были прерваны назначением его вторично на службу в нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, но уже в качестве самостоятельного начальника Миссии, каковое назначение состоялось в Святейшем Синоде 29 ноября 1863 года с возведением его в сан архимандрита, происходившее в декабре 6-го числа того же года. Выбор на высокий и ответственный пост в Иерусалиме в качестве начальника Миссии пал на отца архимандрита Леонида (Кавелина) по рекомендации приснопамятного митрополита Московского Филарета, который от 9—10 июля 1863 года писал о нем обер-прокурору Святейшего Синода следующее: «Для Иерусалимской Миссии, по моему мнению, первым кандидатом может быть оптинский иеромонах Леонид и вторым — архимандрит Ювеналий. Оба они были уже в Иерусалимской Миссии под начальством епископа Мелитопольского. Первый более основателен и опытен, второй — оборотлив»[32].

В записке, поданной Святейшим Синодом в 1866 году на имя Государя, о Миссии говорится: «При назначении архимандрита Леонида Святейший Правительствующий Синод руководствовался не только известностью его как инока честных правил и безупречной жизни, но и близким его знакомством с делом Миссии и с разнообразными местными особенностями и условиями по прежней его службе при сей Миссии, в бытность ея под начальством епископа Мелитопольского Кирилла»[33].

<Экскурс по истории Русской Духовной Миссии при предыдущем начальнике епископе Кирилле (Наумове)>

«Личная ловкость и опытность все значит, — по словам «Записки» Б. П. Мансурова, — в деятельности на таком далеком пункте, как Палестина, что к деятелям и распорядителям народного достояния необходимы “доверие” и “вперед неизбежная доля личного произвола”, с одной стороны, а с другой — “полное и неограниченное доверие во всех подробностях финансового дела”[34] с “ответственностью нравственною”, при отсутствии всякого бюрократического стеснительного официального контроля»[35]. И, несмотря на такой общенародный источник средств для «церковных дел в Палестине» с ничтожною прибавкою в год в 20.000 из своих солидных дивидендов, «Русское Общество пароходства и торговли» устами своего уполномоченного не стесняется открыто заявлять, что оно — благодетельница нашего правительства и якобы «почти даром» дает ему все необходимое на Востоке, неся на это дело к тому же с своей стороны «жертвы». «Общество, — пишет в своем докладе Б. П. Мансуров, — на первых шагах встречается с вопросами поклонничества, извлекает из оных денежную выгоду и принуждено не пренебрегать оными, потому что поступая иначе, оно вредит своим делам и уступает победу опасным соперничествующим предприятиям. Таким образом, общество вполне вводится во все интересы поклонничества и силою вещей принуждается для своих выгод (sic) отыскивать тех же результатов, которых правительство наше должно отыскивать для целей государственных. От такого единомышленного стремления выиграет (sic) и то, и другое, но правительство еще более (?!) общества, потому что последнее должно непременно сеять для собрания жатвы и делать пожертвования, в которых

---

[32] Савва. Письма Филарета, митрополита Московского, к Высочайшим особам и другим лицам. Т. II. С. 188.

[33] Архив Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 154 и 212.

[34] Мансуров Б. П. Записка, представленная великому князю Константину Николаевичу. 1859. С. 98—99.

[35] Там же. С. 132.

первое может затрудняться (sic). Одним словом, посредством общества правительство почти даром может приобрести то, что стоило оному жертв»[36].

В чем же на самом деле заключаются благодеяния Общества «затрудняющемуся» русскому правительству, предлагаемые якобы «почти даром»?

Для православных русских паломников в Иерусалиме необходимы богоугодные заведения, построенные по требованиям их привычек и условий жизни, и русский православный храм. «Все это, — по словам «Записки», — может быть сделано легко без противодействия со стороны Порты и западных держав, потому что Общество будет действовать в коммерческом духе, означенное дело примет вид спекуляции, которое может быть покровительствуемо нашею дипломатией открыто и настоятельно, потому что Порта обещала содействовать развитию коммерческого предприятия, представляющего выгоды для нее... Церковь устроится сама собою (sic) без расходов от казны, сиречь на деньги, жертвуемые народом.

Уже давно и настойчиво заявляют наши деятели на православном Востоке о необходимости иметь своих консулов, и в частности в Иерусалиме, чтобы под его защиту поставить наших бедных поклонников, беззащитных и обездоленных, так как Генеральный консул в Бейруте, ведению которого подчинен и Иерусалим, — редкий гость в Иерусалиме. Общество пароходства и торговли сулит на «Востоке сильных и богатых консулов» и «готово принять на себя часть необходимых на то расходов посредством соагентов», но с тою целью, прежде всего, чтобы «ближе ознакомить с нашими торговыми отношениями» и сделать через это «покровительство дипломации действительнее для себя».

В Константинополе чувствуется настоятельная потребность в страннориемном приюте и больнице для наших поклонников. Общество пароходства и торговли «в видах спекулятивных» не прочь в «доме для агенции, магазинов и угольных складов учредить» род гостиницы для русских богомольцев. Здесь же (это в скученной-то и грязной палате!) «можно и необходимо устроить небольшую больницу для посещающих Царьград».

В Смирне, Бейруте и Александрии не имеется «русского церковного представительства». Общество «поставляется в необходимость начать это дело из расчетов коммерческих».

Яффа, как порт для наших поклонников в Иерусалиме, всегда и доныне, «в течение всего дурного времени года», «труден и опасен». При высадках на берег Общество пароходства и торговли с легким сердцем и без жалости и сострадания к нашим паломникам указывает им на ничтожную и мизерную в коммерческом, но удобную в географическом отношении пристань в соседней Кайфе, заставляя наших паломников совершать тяжелый и опасный сухопутный переход в Иерусалим в течение нескольких дней. «В торговом отношении, — по словам Б. П. Мансурова, — Кайфа составляет для <пароходного> общества весьма важный пункт, потому что оно может вывозить отсюда неограниченное количество груза (sic), доставляемого земледельческими промыслами Киссонской и Ездрелонской долин»[37]. Для поклонников в паломнический сезон с сентября по март здесь созидается приют и «ради коммерческих интересов» учреждается «правильное русское консульство», соединяющее в себе и обязанности агенций пароходного общества, в виду чего <оно> не прочь даже «принять на себя все расходы по сим предметам»[38].

Трактуя, в частности, об учреждении «отдельного русского консула для всей Палестины» как предмете «первостепенной и неотложной необходимости», цитируемая нами любопытная «Записка» Б. П. Мансурова находит «необходимо и гораз-

[36] Там же. С. 103—104.

[37] Там же. С. 124.

[38] Там же. С. 136.

до выгоднее теперь же приобрести в Иерусалиме здание для консульства и вместе для пароходной конторы», причем, по мнению автора «Записки», расходы на приобретение здания «могут быть разделены между правительством и <пароходным> обществом, если, впрочем (уступка более чем странная), нельзя обратить оные на сборы в пользу поклоннических учреждений по тому уважению, что все вышеозначенное устраивается для наших поклонников». «Агенции общества в Иерусалиме можно соединить с канцелярией консульства для того, чтобы скорее развить деятельность обеих и предоставить консульству большие средства и большее число сотрудников под видом коммерческих агентов. Конечно, Иерусалимский консул не должен быть явным агентом общества (sic) и участником спекулятивного предприятия — такая роль повредила бы его политическому значению, — но ничто не препятствует ему принять на себя главное руководство делами общества и быть даже ответственным лицом пред сим последним (sic)»[39].

Не проходит молчанием «Записка» и важный фактор нашей деятельности на Востоке — Духовную Миссию, но не старается задобрить обещанием собственного помещения для жительства и поручением наших будущих странноприимных заведений «главному руководству начальника Миссии и русского консула», но с условием: «в деле управления оным должно участвовать и пароходное общество, как для придания приюту менее политического и более коммерческого характера, так и потому, что общество будет участвовать в значительной мере в содержании и построении заведения»[40]. Чтобы все эти три фактора «в достижении общей цели помогали друг другу и не могли спорить между собою о преимуществе прав в власти», «Записка» старается заранее разграничить их деятельность. «Политическое покровительство и помощь в делах гражданской общественной жизни, — по словам ее, — будет относиться к обязанности консула; попечение о нравственности и религиозной деятельности поклонников должно лежать на прямой ответственности Духовной Миссии; наконец, заботливость о материальных нуждах и благосостоянии поклонников возлагаются на Духовную Миссию совместно с агенциею пароходного общества (sic), ибо в этой стороне дела заключается его собственная выгода и более доступная для него обязанность»[41].

В заключение нельзя не отметить, хотя бы ради курьеза, ту мысль, что русское Общество пароходства и торговли, стремившееся затушевать наше правительство на Востоке и прикрыть его своим коммерческим спекулятивным флагом, предлагает «маскировать по возможности роль правительства в новой деятельности» и в Петербурге и серьезно считает это даже «необходимым». Автор «Записки» свое желание формулирует в такой странной даже фразе: «одним словом, нужно облечь все дело в Петербурге в форму частного благотворительного предприятия, образовавшегося по указанию коммерческих выгод пароходного общества, но покровительствуемого правительством ради богоугодной цели и “ради сочувствия его к успехам общества”»[42].

Мы не без намерения долго сравнительно остановили ваше просвещенное внимание на главных положениях этой любопытной «Записки» — отчета Б. П. Мансурова о своей поездке в Палестину в 1857 году, так как она была встречена в Петербурге акционерами Общества пароходства и торговли с полным восторгом, и автор ее был признан самым подходящим человеком для осуществления проектируемых им мер и учреждений в Палестине, с желательными для нее полным доверием и с расчетом на его «личную ловкость и опытность». Неудивительно поэтому, что из-

---

[39] Там же. С. 140—142.

[40] Там же. С. 142—151.

[41] Там же. С. 151.

[42] Там же. С. 152.

ложенные руководящие идеи этой «Записки», как они целиком были положены в основу нашей деятельности на православном Востоке, с настойчивостью и даже редким упорством проводились так называемым Палестинским Комитетом, преобразовавшимся в 1864 году в Палестинскую Комиссию, в жизни стирая и уничтожая все, что стояло на пути в этом движении вперед, с служением двум господам: Богу и мамоне, Церкви и спекуляции. Под напором этого упрямства погиб в Иерусалиме талантливый и преданный делу Миссии епископ Кирилл, таков почти конец был и другого нашего в Иерусалиме деятеля — отца архимандрита Леонида (Кавелина котором мы, несмотря на краткость его пребывания там, намерены повести нашу речь в настоящем собрании.

В начале 1858 года создался с Высочайшего утверждения Палестинский Комитет под председательством великого князя Константина Николаевича, имевший целью заботиться об улучшении положения наших паломников в Палестине, а в конце того же года учреждены «кружки для сбора подаяния на улучшение быта Православия в тех местах, откуда разлились лучи истинной веры на весь свет, то есть принесение посильной вещественной лепты на святое дело и принятие некоторыми избранными лицами подвижничества в деле богоугодном»[43]. Расчет оказался вполне верным. Из отчета Палестинского Комитета с 1858 года по 15 апреля 1860 года видно, что поступило за это время пожертвований вместе с кружечными сборами в количестве 176.623 рубля 37 коп., наросло процентов на собранный капитал 7.000 рублей; русское Общество пароходства и торговли, сулившее в вышецитированной нами «Записке» ежегодно по 30.000 рублей серебром, в конце концов ассигновало на Иерусалимское дело 30.000 руб., но «со взносом всей суммы в течение трех лет» и, наконец, из личных средств Государя Императора пожаловано на то же дело 500.000 руб. В руках Палестинского Комитета быстро накопилась, таким образом, солидная сумма пожертвований, на которую уже можно было начинать приобретение необходимого земельного участка и возведение на нем русских странноприимных богоугодных заведений. Для окончательного решения этого важного вопроса в жизни русской колонизации в Палестине ожидался предположенный приезд в Иерусалим председателя Палестинского Комитета, великого князя Константина Николаевича, который должен был личным осмотром одобрить выбор подходящего участка для задуманных сооружений. Приезд этот, как известно, состоялся в конце апреля, с пребыванием в Иерусалиме до 9 мая, когда все предположения Б. П. Мансурова и его сотрудников, прибывших в Палестину заранее до приезда великого князя, получили одобрение и утверждение. Во все это время оставался в тени и как бы в пренебрежении лишь бывший главный распорядитель судьбами наших поклонников в Иерусалиме начальник Миссии епископ Кирилл, если не иметь в виду любезного личного внимания великого князя и Высочайше ему пожалованных наград.

Такое игнорирование нашего начальника Миссии тем более странно и непонятно, что из Иерусалима уже шли горячие жалобы и протесты на невозможные отношения между начальником нашей Миссии и агентом русского Общества пароходства и торговли в роли консула в Иерусалиме и что об этих дрязгах и жалобах сделалось уже известно и Государю Императору, положившему на письме к министру иностранных дел от 17 марта 1859 года следующую резолюцию: «Буду ждать, что брат мне напишет...»[44].

В августе 1858 года Палестинский Комитет командировал в Иерусалим «чиновника морского министерства, никогда не занимавшегося ни Палестиною, ни церковными, ни восточными делами», В. И. Доргобужинова[45], без всякой дипломати-

---

[43] Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1858. С. 105.

[44] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. 1858. № 389.

ческой школы, взятого из канцелярии для исполнения обязанностей агента Русского пароходства и торговли с правами русского консула.

Новый деятель в Палестине прежним хозяином и распорядителем наших здешних дел епископом Кириллом встречен был, весьма естественно, с недоверием и с недоумением относительно своего настоящего «неясного нового положения». «Распоряжения министерства, сведения из Константинопольского посольства посредственные через посольство от г. Мансурова, без всяких предварительных извещений, без всякого объяснения, касающихся моего назначения и положения перемен, ставят меня, — писал 19 июня 1858 года епископ Кирилл Е. П. Ковалевскому, директору Азиатского департамента, — в крайнее смущение. Читая и перечитывая инструкции и соображая их со вновь полученными сведениями, я, наконец, совершенно теряюсь, не зная, за что взяться, не понимая, для чего я существую здесь. Доселе я понимаю две вещи, которые однако ж сами по себе тоже не очень ясны. Во-первых, вижу некоторую перемену принципа, на котором утверждается существование моей Миссии. Нас предполагают покрыть фирмою Общества пароходства и торговли. Но или я совершенно отупел или, в самом деле, есть нечто неясное в новом принципе, только во всяком случае я не вижу свету около себя, сколько ни напрягаю свой умственный взор. Среди различных открытых и независимых учреждений религиозных самостоятельная русская Миссия заняла почетное место и, храня свое достоинство, успела заслужить общее доверие и уважение. Я полагаю, что только в этом виде она может оставаться достойною представительницею Русской Церкви и — позвольте досказать мысль сполна — только под этим уставом она может существовать, по крайней мере, в теперешнем ее составе с архиереем во главе. Скажу больше: пароходно-торговые учреждения, весьма уместные по прибрежью Средиземного моря, явившись в поклонническом городе Иерусалиме, скорее удивят свет и возбудят наибольшие подозрения: что это, скажут, Россия все укрывается за поклонниками? Для поклонников устроила Духовную Миссию, для поклонников учредила торговое общество»[46].

Впрочем, Преосвященный Кирилл встретил представителей «нового принципа» в Иерусалиме Б. П. Мансурова и его ставленника Доргобужинова на первых порах любезно, не скрывая однако же своих тревог «за возможность некоторых поводов к недоразумениям». Послу нашему в Константинополе А. П. Бутеневу 7 октября 1858 года епископ Кирилл уже прямо заявлял, что он «предвидит даже зарождение этих вопросов»[47]. И действительно, ожидать предполагавшихся конфликтов между старыми хозяевами в Иерусалиме и новыми пришлось весьма недолго. «Все, чего только когда-либо я мог опасаться в отношении к делу нашему на Востоке от смешения начал, — писал епископ Кирилл в отчете своем 19 февраля 1859 года, — все это вышло наружу, именно наружу, что плачевнее всего. Не только поклонники наши, но и греки, и турки бросались ко мне после моего приезда (из Дамаска) <с> восторженными изъявлениями своей радости о моем возвращении, а вместе с громким ропотом на консула за то, что он действует против меня... Оказалось, вопрос был о самом принципе, о представительстве в Иерусалиме, о значении консула в связи с Архиереем — начальником Миссии. Не знаю, в какой степени убедился г. агент общества, управляющий консульством, в истине высказанного ему мною положения, что меня нельзя ставить на одну доску с последним поклонником в Иерусалиме, что если флаг "покрывает всех русских, то меня только защищает"... не знаю, до чего мы дойдем дальше, но теперь дела наши в Иерусалиме идут весьма нехорошо. Крайне неосмотрительный образ действий г. управляющего консульст-

[45] Хитрово В. Н. Неделя в Палестине. (Из путевых впечатлений). СПб., 1876. С. 62.

[46] Протоиерей Ф. И. Титов. Преосвященный Кирилл Наумов... С. 400—401.

[47] Там же. С. 404.

вом более и более поддерживает в Иерусалимском обществе мысль, что мы с ним идем не по одной дороге; отношения наши натянуты до того, что я боюсь выйти из дома, боюсь взяться за какое-нибудь дело даже о поклонниках, опасаясь вновь поднять какой-либо вопрос, которого мы не порешим, или подать повод к подозрениям, которыми раз был уже оскорблен совершенно незаслуженно...» «Следствия не прекратятся, — заключает епископ Кирилл совершенно основательно, — доколе причина будет существовать, и это уже крайне худо для нашего дела на Востоке. Как агент общества, г. Доргобужинов идет со мной уже не по одной дороге, не под одним начальством состоим мы, не одно дело делаем, а если и одно, то совершенно с различными видами, что еще хуже. Я имел успокоительные уверения г. Мансурова насчет вмешательства общества в наше дело; дело теперь говорит яснее слов и оправдывает мои давнишние опасения более, чем уверения Его Превосходительства. Слияние званий в одном лице г. Доргобужинова не уничтожило в нем различия стремлений по службе в двух ведомствах: начало действительного разделения здесь, и разделение это не кончится ни с переменою лиц, ни с течением времени. Могло бы оно обнаружиться не так рано и не так грустно, но это уже небольшое зло.

Усвоив себе многочисленные цели, не весьма соприкосновенные с делом торговли, Общество пароходства и торговли дало своим агентам идею какого-то полуявного, полутайного представительства на Востоке и назначение быть наблюдателями за ходом дел политических и церковных по всему Востоку. Агенты введены, таким образом, в круг деятельности чиновников Министерства иностранных дел и, получив для большей представительности денежные средства, естественно, претендуют на деятельность: столкновение здесь неизбежно, разве со временем все консульские места перейдут в руки агентов общества»[48].

Но представители «нового принципа», прибывшие в Иерусалим, постарались тесно сплотиться воедино, имея душею своею главного деятеля палестинских русских дел Б. П. Мансурова, с целью нанести чувствительный удар прежнему принципу и старому хозяину — начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Образовался, таким образом, единодушный «триумвират»[49], как называет этих деятелей автор «Воспоминаний поклонника Святого Гроба» В. Каминский, — «триумвират», состоящий из Б. П. Мансурова, В. И. Доргобужинова и главного строителя наших построек академика-архитектора М. И. Эппингера. Второстепенные наши деятели, принимавшие участие в сооружении русских богоугодных заведений, вполне естественно, как люди зависимые и подчиненные, группировались вокруг своих принципалов и поддерживали «названный триумвират». Члены «триумвирата» постарались всеми зависящими от них силами захватить распоряжение нашими делами в Палестине в свои цепкие руки и устранить всякое вмешательство в них начальника Русской Духовной Миссии епископа Кирилла, крайне стеснявшего их своим высоким саном и тем авторитетом, который он приобрел своею предыдущею весьма плодотворною и почтенною деятельностью в Палестине. Устроя новые приюты для русских паломников в частных домах города Иерусалима на деньги, хотя и собранные в кружки русских православных храмов, но попавшие в их полное распоряжение, по своим планам и вкусам, деятели «триумвирата» во главе с Б. П. Мансуровым постарались поставить эти приюты и их обитателей, наших паломников, вне всякого даже косвенного влияния на них своего опасного для них соперника — начальника Миссии. Занятые приисканием удобных земельных участков для устроения проектируемых русских богоугодных заведений внутри города и прилегающих к нему пригородных местностях, члены «триумвирата» ни разу не постарались, хотя бы из приличия, пригласить в свои собрания начальника

[48] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. 1858. № 889.

[49] Триумвират этот г. Каминский называет «умным и полезным». (Записки поклонн. Св. Гроба. Ч. III. Л. 40).

Миссии епископа Кирилла, несмотря на то, что одновременно с устройством странноприимных приютов шла речь и о создании величественного русского Свято-Троицкого собора.

Ничего поэтому нет странного и в том, что, когда появился в Иерусалиме с паломническою и иными целями председатель Палестинского Комитета великий князь Константин Николаевич, деятели «триумвирата» не сочли для себя полезным вмешать в задуманное предприятие нашего начальника Миссии и постарались всячески отвлечь внимание Августейшего поклонника от этой резко бросающейся в глаза анормальности, предоставив последнему выражения знаков личного своего внимания и передачу Высочайше ему пожалованных наград. Ловко обойдя для себя этот щекотливый и трудный вопрос во время пребывания великого князя в Иерусалиме, Б. П. Мансуров и его товарищи, по отъезде князя, уже свободно могли приступить к постройкам без всякого участия в них епископа Кирилла, пригласив его лишь на церковную церемонию при закладке собора. Неудивительно, что этот антиканонический, неестественный и непонятный для людей непредубежденных акт невежливости по отношению к русскому епископу возбудил полное недоумение со стороны митрополита Московского Филарета. «Агенция Общества пароходства и торговли в Иерусалиме, городе не приморском, не торговом, — писал Владыка в Петербург по поводу отчета епископа Кирилла за 1858 год, — так анормальна, что сама не может не чувствовать себя в довольно неловком положении без товарищей, без дела. Нет ли здесь неправды? Что делает или что хочет делать пароходное общество? Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не более ли принадлежит Духовной Миссии, нежели Обществу пароходства и торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, Общество пароходства и торговли имеет в своих руках и заботится, как бы и впредь в большем количестве получать в свои руки. Иностранные правительства употребляют сотни рублей на агентство, чтобы обеспечить движение и приобретение тысяч; что если мы, истратив на агенство тысячи, не приобретем и сотен»[50]. Но этим печальным фактом полный разлад среди русских деятелей в Палестине с явным пренебрежением к начальнику Русской Духовной Миссии не исчерпывается. По отъезде из Иерусалима великого князя члены «триумвирата» сделались в своих действиях еще более сильны и решительны. Г<господин> Доргобужинов, опираясь на поддержку Б. П. Мансурова, отобрал у епископа Кирилла и последний опорный пункт его влияния на паломников — русский госпиталь, созданный старанием начальника Миссии на средства, пожертвованные на этот предмет в его руки и полное распоряжение Государынею Императрицею[51].

Однако же неудовлетворительным ходом русских дел в Палестине и личным желанием Государя Императора, до сведения которого, как мы знаем, были доведены неблагоприятные слухи о положении этих дел в Палестине, наши палестинские деятели вызывались к настойчивой необходимости издать специальные меры, которые точно разграничивали бы в Иерусалиме сферы деятельности наших представителей: начальника Миссии и агента Общества пароходства и торговли с обязанностями русского консула. Едва ли нужно прибавлять, что и в этих мерах, Высочайше одобренных «к исполнению» 11 декабря 1859 года, Палестинский Комитет постарался всячески сохранить свой основной принцип свободы действий неприкосновенным.

«На обязанность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, — говорится в журнале Комитета, — возложить нравственное и духовное назидание всей русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, управление делами Миссии, пастырское наблюдение за нашими поклонниками и всеми нрав-

[50] Архиеп. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 348.

[51] Протоиерей Ф. И. Титов. Преосвященный Кирилл (Наумов)... С. 417-418.

ственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в деле призрения наших богомольцев, передачу консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников.

Подчинить все русские странноприимные заведения в Палестине заведыванию власти гражданской, т. е. русского императорского консульства, в обязанности которого относится все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управление — все приобретения земель и домов, все хозяйственное заведывание приютами, госпиталем и строениями на основании инструкции Министерства иностранных дел»[52].

Палестинский Комитет исправил затем свою первую важную ошибку агента пароходства и торговли с правами консула и чиновника морского министерства г. Доргобужинова, возбудившего против себя недовольство и недоверие начальника Миссии, заменил чиновником Министерства иностранных дел К. А. Соколовым, а за его смертию, вскоре воспоследовавшею, А. Н. Карцевым, уже служившим до того времени на Востоке.

Желание Миссии иметь настоящего консула в Иерусалиме из чиновников Министерства иностранных дел таким образом осуществилось, но с заменою агента консулом дела Иерусалимские не пошли лучше. А. Н. Карцев, сохранивший в своем лице с званием дипломатического агента и обязанности агента Общества пароходства и торговли с вознаграждением за это из средств Палестинского Комитета добавочных 2.000 рублей, прибыл в Палестину хорошо уже осведомленным в делах наших и получил в Петербурге от лиц, близко стоящих к Комитету, весьма обстоятельные инструкции на счет образа действий здесь. Существовавший дотоле и заправлявший всеми делами «триумвират» получил лишь замену одного лица другим, но остался по-прежнему в полной силе, причем приобретение чиновника-нигилиста, «без всякой веры и нравственности», как характеризовал А. Н. Карцева архимандрит Леонид, отразилось самым плачевным образом на дальнейшем ходе наших дел в Палестине. Консул Иерусалимский, опираясь на свои связи, бюрократические и аристократические, пустил в ход все средства: и инсинуации и злословие, и клевету и сплетни, чтобы дискредитировать личность начальника Духовной Миссии епископа Кирилла и сделать дальнейшее его пребывание в Иерусалиме рядом с собою невозможным.

В донесении от 19 мая 1863 года в Азиатский департамент «о безнравственном поведении начальника Русской Духовной Миссии» консул «умного и осторожного, умеющего обворожить архипастырскими добродетелями», — так он характеризует епископа Кирилла, — не стесняется обзывать человеком «с актерскими способностями», обвинять в алкоголизме «до припадков белой горячки» и считать «бессловесным и покорным орудием» в руках греков, якобы «дозволяющих ему невозмутимо предаваться всем слабостям и страстям». В частном письме к Константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву в своих инсинуациях г. Карцев идет еще дальше. Епископ Кирилл, по его словам «скоморох», пьяница, любитель прекрасного пола и т. д. и т. д. Но сочность всех этих красок необходима для Иерусалимского консула лишь для того, чтобы в конце концов убрать из Иерусалима нежелательное для него высокопоставленное духовное лицо. «В заключение, — пишет А. Н. Карцев в донесении в Азиатский департамент, — если Императорское министерство благоволит принять настоящее мое доношение во внимание и сделать распоряжение об отозвании из Иерусалима епископа Кирилла, то я считал бы более полезным для единства наших действий и русских интересов в Палестине новым начальником Духовной Миссии назначить не епископа, а архимандрита, известного не одними только умственными способностями, но и добрым, честным поведением и строгою примерною жизнью; на это необходимо обратить особое внимание при выборе

---

[52] Дела Палестинской Комиссии. 1884. № 44. Л. 74.

главы для Духовной Миссии, которая местом пребывания своего имеет город Иерусалим»[53].

Заключение это ни в какой связи не стоит с сущностью донесения и, конечно, не дело светского лица — консула — указывать высшему духовному чиноначалию, а вкупе и своему ближайшему высшему начальству — Министерству иностранных дел — в каком сане оно признает более полезным для дела послать нового начальника нашей Миссии в Иерусалим — в епископском или архимандричьем. Дело не в сане, а в личных достоинствах будущего начальника, но в этом сказалась затаенное давнишнее желание наших русских деятелей в Палестине отделаться раз и навсегда от представительного сановника Русской Церкви около себя, стеснявшего их своим высоким иерархическим положением, и заменить его более скромным по титулу в иерархии лицом. К чести Министерства иностранных дел нужно отнести, что оно к инсинуациям Иерусалимского консула отнеслось не с полным доверием и горячо вступилось за своего избранника в начальники Миссии — епископа Кирилла. Министерство, основываясь на донесениях своих агентов, и по политическим соображениям не признало пребывание епископа Мелитопольского Кирилла в Иерусалиме «излишним и тем менее вредным», и самый вопрос — «необходимо ли заменить его другим лицом», совершенно резонно и основательно предоставляло «решить высшему духовному начальству», а замещение епископа архимандритом в Иерусалиме, по мнению Министерства, даже «представит много неудобств» и при настоящих обстоятельствах «будет иметь вид резкого, слишком крутого оборота дела»[54].

Но кому это было интересно и желательно, те постарались инкриминирующее донесение консула А. Н. Карцева довести до сведения Государя Императора Александра II, который, по прочтении его, написал на нем следующую Высочайшую резолюцию: «Крайне грустно, если все это правда. Но и слухов сих было бы достаточно, чтобы не оставить его на месте».

В Святейшем Синоде епископ Кирилл не имел никакой поддержки в данное время, а митрополит Московский Филарет и обер-прокурор А. П. Ахматов относились к нему весьма неблагосклонно, и судьба епископа Кирилла была решена. 22 июня 1863 года он был смещен с должности начальника Миссии в Иерусалиме и назначен в ведение Казанского архиепископа[55]. Дальнейшая печальная судьба епископа Кирилла, ожидавшего формального суда с целью оправдания себя пред Святейшим Синодом и возбудившего к себе самые искренние и горячие симпатии и в местном святогробском духовенстве, и среди туземных христиан, и турецких местных властей, и даже у предстоятелей западных вероисповеданий, нас уже не может интересовать, так как прямого отношения к предмету нашей речи не относится, но мы не можем игнорировать "Записки" от лиц близко стоящих к Палестинскому Комитету и поданной в Святейший Синод с целью определить максимум требований к будущему начальнику нашей Духовной Миссии. <прп.>

«Главные качества, которые будут требоваться от настоятеля странноприимной лавры в Иерусалиме, — по мнению этой «Записки», — должны быть: строгое благочестие, твердость характера, умение обращаться с русским простым народом и опытность в деле монастырского хозяйства. От такого духовного лица не нужно вовсе требовать ни выспренней учености, ни умения вынести условие общительности с иностранцами, ни даже познания греческого и арабского языка. Настоятель будет иметь дело исключительно с русскими поклонниками в пределах русской обители, следовательно, главное условие заключается в умении управлять поклонниками и

[53] Архив Святейшего Синода по Канцелярии обер-прокурора. 1863. № 160.

[54] Архив Святейшего Синода. 1857. Дело № 4214.

[55] Архиеп. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 401.

хозяйством на том же основании, как это делается в монастырях в России. Все местные сношения с греческим духовенством и иерусалимскими властями останутся уделом дипломатического представителя правительства, т. е. консула (sic) и отчасти начальника Духовной Миссии»[56].

Далее в «Записке» напрягаются все усилия доказать, что «слишком высокое значение» по своему сану начальника Миссии, несмотря на то, что простолюдины богомольцы «легко подчиняются власти духовного характера», мешает ему принять на себя ежедневные заботы о благосостоянии материальных нужд поклонников», а поэтому проектируется особая духовная должность — настоятеля наместника или игумена, который состоял бы на общем основании непосредственно под властью Святейшего Правительствующего Синода, и прямо через консула отчитывался бы в деньгах пред Палестинским Комитетом, от коего он будет получать суммы на содержание приютов»[57]. Анализируемая нами «Записка» подверглась со стороны митрополита Филарета серьезному критическому разбору «в особом мнении», и мудрым Владыкою по делам Иерусалимским высказано совершенно справедливое заключение: «Российская Духовная Миссия в Иерусалиме и построение там церковных и странноприимных зданий, которые по предмету и цели должны составлять одно, произведены двумя действователями: 1) духовным начальством с согласия Министерства иностранных дел и 2) Иерусалимским Комитетом, составленным из светских особ. Сии действователи шли каждый своим отдельным путем, и неудивительно, если не пришли к единству... Трудно удовлетвориться и тем, что существует, и тем, что предполагается»[58]. Назначение начальником вместо епископа архимандрита митрополит Филарет, в частности, признавал для нашей Миссии хотя и «видом падения», а не «восхождения от силы в силу»[59], однако же уступил настойчивому желанию наших деятелей в Палестине и рекомендовал, как мы знаем, в начальники Миссии «первым кандидатом» иеромонаха Леонида (Кавелина) как человека «основательного и опытного».

<Конец экскурса>

Указом Святейшего Синода от 29 ноября 1863 года иеромонах Оптиной пустыни Леонид, с Высочайшего соизволения, назначен начальником Духовной Миссии в Иерусалиме с возведением в сан архимандрита и с присвоением степени настоятеля первоклассного монастыря[60]. Вызванный из Курска в Петербург, 25 июля он прибыл на «свой счет» и был рассчитан здесь прогонными деньгами: две лошади в 63 руб. 39 коп., суточных по 30 коп. за 36 суток — 6 руб. 90 коп., а всего 70 руб. 29 коп., и на содержание в столице по сентябрь месяц 105 руб., а всего 180 руб.[61]. 6 декабря того же года отец Леонид был возведен в сан архимандрита, причем ему Высочайше пожалованы были 23-го декабря месяца митра и золотой наперсный крест с драгоценными камнями из Кабинета Его Величества[62].

Таким образом, сбывались мечты деятелей Палестинского Комитета насчет замены в Иерусалиме епископа архимандритом. Об этом говорит обстоятельно «Записка» от 15 апреля 1860 года, заслушанная в Комитете и представленная великому князю Константину Николаевичу. «При восстановлении в 1857 году Русской Ду-

[56] Там же. С. 401.

[57] Там же. С. 398—400.

[58] Там же. С. 420.

[59] Там же. С. 421.

[60] Архив Св. Синода. (Дело А. А. Дмитриевским не указано. — *Н. Л.).*

[61] Там же. С. 110.

[62] Там же. С. 163.

ховной Миссии в Иерусалиме, — читаем мы в этой «Записке», — во главе ее был поставлен, вместо бывшего прежде архимандрита, епископ. Дело сие было решено и инструкция Иерусалимской Миссии составлена без сношения с митрополитами Московским и С. -Петербургским. Теперь опыт показал и почти все духовенство и многие государственные мужи убедились, что назначение начальником Миссии епископа, а не архимандрита было ошибкой. Со стороны Духовного ведомства в этой ошибке виновен один обер-прокурор Святейшего Синода, который был приглашаем в Азиатский департамент Министерства иностранных дел для прочтения инструкции, после чего инструкция сия была прислана в Святейший Синод уже высочайше утвержденною для зависящих от него распоряжений.

В Высочайше утвержденном Комитете для принятия мер к устройству богоугодных заведений в Палестине 11 декабря 1859 года под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Генерал-Адмирала Константина Николаевича, вопрос о сем возникал при рассуждении о необходимости прекратить недоразумение между Преосвященным Кириллом и действительным статским советником Доргобужиновым, получившее столь печальную огласку.

При сем все члены Комитета и, между прочим, обер-прокурор Святейшего Синода, который и тогда признал свою ошибку, приписывали сии недоразумения преимущественно неправильному положению русского епископа в Иерусалимском Патриархате.

Долговременное пребывание и самостоятельное действование епископа в чужой епархии представляется как бы нарушением уважения местной иерархии, противно церковным канонам и допускается только Латинскою Церковью, в которой так часто видим смешение церковных дел с политическими расчетами. Посему члены Комитета находили, что епископский сан начальника нашей Миссии дает представителям других держав ошибочное понятие о самой цели Миссии и возможность чистосердечно или лукаво придавать нашему епископу такое же значение, какое имеют в святых местах инославные епископы, цензоры и враги Православной Греческой Церкви.

По сим причинам члены Комитета полагали, что единственное верное и коренное средство отвратить на будущее время недоразумения между нашею духовною и гражданскою властию в Иерусалиме состоит в том, чтобы начальником Миссии по-прежнему назначить архимандрита вместо епископа. Такое мнение было согласно с мыслью, вынесенною из Иерусалима Августейшим поклонником, Великим Князем Генерал-Адмиралом Константином Николаевичем.

В записке статс-секретаря Мансурова до Духовного ведомства касаются предположения об увеличении состава Миссии и о построении отдельного соборного храма. Предположения сии имеют видимою целью познакомить православных жителей Востока с теми особенностями, которые с течением времени появились в нашем богослужении.

Не говоря об увеличении расходов, которое бы потребовалось для приведения в исполнение сих предположений и которое составляет лишь второстепенное неудобство, укажем на другие обстоятельства, которые необходимо в сем случае принять в соображение.

В делах Церкви и богослужения большое и малое получает достоинство и привязывает к себе православный народ по мере своей древности. Можно утвердительно сказать, что в противность прочим мирским делам, совершенствование церковных установлений должно состоять в возвращении к первым векам христианства, а не к удалению от них. В этом отношении Греческая Церковь имеет неотъемлемое преимущество, купленное, может быть, ее угнетенным положением: преимущество древности и самого крайнего стремления к сохранению древних обычаев. Так, например, в духовном пении она заботится только о том, чтобы напевами не заглушать ни одно слово молитвенных песней; еще в недавнее время появились особые

Патриаршие послания о воспрещении вводить Венский напев в греческих церквах. В других подробностях, при чтении Евангелия при малом и большом входе, Греческая Церковь также сохранила древность, которая дорога нашим поклонникам. Посему нет никакой причины нам в Иерусалиме выставлять на вид наши богослужебные особенности, тем более что в настоящее царствование и в самой России, к отраде всех православных, мы стремимся заменить в музыке и живописи западные новизны восточною трезвенностью.

Сверх того, мысль о построении нового благолепного храма, кажется, не вполне согласуется с мыслями и чувствами, которые влекут поклонников к земле смирения и Гробу Искупителя. Не перетолкуется ли сие как нашими западными врагами, так и нашими соплеменниками, при настоящем возбуждении страстей, знамением некоторой отдаленности от общего корня всей Вселенской Церкви? Мысли сии, если бы они были и ошибочны, так тесно связаны с соображениями чисто церковными, что, без сомнения, признано будет членами Комитета необходимым испросить предварительно по этим предметам мнения митрополитов, если не всех, то, для сокращения времени, Московского и С.-Петербургского»[63].

Новый начальник Духовной Миссии иеромонах Леонид 23 сентября 1863 года представил обер-прокурору Святейшего Синода князю С. Н. Урусову докладную записку по вопросу о том, что «необходимо для духовного и материального устройства Иерусалимской Миссии». В этой записке мы находим весьма много важных мыслей и характеристик для уяснения последующих печальных событий в этой Миссии. Вот ее дословный текст:

«1. Для устройства Миссии в духовном отношении существенно необходимо переменить наличный состав оной, как вовсе не соответствующий своему назначению.

В настоящее время Миссия состоит из трех членов: двух иеромонахов, одного иеродиакона и <кроме того> 6 певчих[64]. Наличные члены Миссии, удовлетворяя не вполне своему назначению в духовно-нравственном отношении, вовсе не имеют тех способностей для служения в Миссии, которые составляют существенную необходимость для членов малой общины, долженствующей, по силе обстоятельств, нравственно и материально держать себя изолированно как от иноверцев (католиков и армян), так и от единоверцев (греков) и, что всего труднее, от самой той среды (обор.), которой должна служить духовно, разумея среду наших паломников; об испорченности же этой среды довольно всем известно из официальных и частных сведений. При таком положении очевидно, что чем члены Миссии более будут сближены нравственно между собою, тем и дело Миссии пойдет успешнее, а этого-то сознания и единства недостает нынешней Миссии, составленной из лиц разнородных и собранных совершенно случайно, без должного внимания к их внутренним достоинствам и внешним способностям. От этого и произошло, между прочим, то, что Духовная Миссия, в которой положено по штату быть шести певчим, ныне не имеет вовсе певчих в прямом смысле этого слова[65], на что справедливо сетуют посетители святых мест, а некоторые заявляли о сем и печатно.

---

[63] Дело Архива Святейшего Синода. (Номер дела не указан. — *Н. Л.*).

[64] Из лиц, составляющих нынешнюю Миссию, при увольнении их из оной, кажется, имеют неотъемлемое право на пособие к возвращению в Россию лишь четверо: иеромонах Христофор (из Калужской епархии), иеродиакон Анастасий (из Одессы) и двое студентов: Михаил Якиманский и Иван Крылов (из Петербурга), а остальные, как поступившие на службу по собственной просьбе из среды богомольцев, могут просить единовременное пособие как милости, но не по праву.

[65] В числе певчих состоят: два студента, вовсе не имеющие голоса; дьячок с спавшим и неприятным голосом; два монашествующие: иеродиакон Максим и монах Даниил, удаление которых необходимо по известным причинам.

2. Относительно материальных нужд. Миссии, по близкому знакомству с местными (лист 4) обстоятельствами, можно бы сказать многое, но, при недостатке финансовых средств, необходимо ходатайствовать лишь о том, чтобы и для новой Миссии был сохранен настоящий бюджет ее.

При известной и ежегодно увеличивающейся в Иерусалиме дороговизне первых жизненных потребностей, при необходимости выписывать многое из России, для начальника Иерусалимской Духовной Миссии не представляется возможным удовлетворять из личного жалованья неизбежные расходы представительства, как то: ежедневный прием туземных посетителей, сопряженный по восточному обычаю с угощением каждого, содержание лошади и саиса, наем лошадей для членов Миссии и певчих при встречах и проводах Патриарха и др. значительных особ и путешественников, поездки для служения и посещения окрестных святых мест, канцелярские расходы и отправка корреспонденции до Яффы и, наконец, неизбежные бакшиши — подарки за всякую услугу, большую и малую. На все это Преосвященный Кирилл имел в своем распоряжении (обор.) кроме 3.500 руб. жалования особые суммы. Консул же получает добавочное содержание от Палестинского Комитета в 2.500 руб. серебром. Ввиду вышеупомянутых издержек, вынуждаемых особенностью местных обстоятельств и предзанятым положением начальника Миссии в Иерусалиме в отношении представительства, необходимо к жалованию начальника Миссии добавить особую сумму (500 руб. серебром) на «экстренные надобности», чем хотя отчасти покроются те издержки.

Таким образом, нынешний бюджет Миссии (14.650 руб.) может быть распределен между членами оной в следующем виде:

Начальнику Миссии Архимандриту жалование	2.000 руб.
На экстренные надобности	500 руб.
2 иеромонахам (по 1000 рублей)	2.000 руб.
1 иеродиакону	500 руб.
Драгоману из местных христиан	600 руб.
6 певчим вольнонаемным, каждому по 500 руб.	3.000 руб.
Наемному пономарю из монашествующих	300 руб.
На наем прислуги	500 руб.
На содержание церкви	1.000 руб.
На общий стол[66] для начальника Миссии 1.000 руб., 2 иеромонахам и 1 иеродиакону по 500 руб. каждому, а драгоману и 6 певчим по 250 руб. каждому, всего	4.250 руб.
	Итого: 14.650 руб.

3. Относительно певчих должно заметить: опыт и время показали, что в Иерусалимской Миссии, при условии ежедневной службы для богомольцев, невозможно в выборе певчих достигнуть той свойственной цели (с которой [обор.] положено было по штату иметь певчих из студентов)[67] без увеличения численного состава Миссии. А как по финансовым затруднениям о сем не может быть и речи, то в настоящем случае остается лишь содержать при Миссии хор певчих из шести положенных по штату

[66] При сем необходимо иметь в виду, что члены Миссии из монашествующих не должны употреблять мясного стола, дабы не соблазнять сим богомольцев; по местным обстоятельствам края необходимо все потребное для монашеской трапезы выписывать из Одессы, через что расходы на содержание общей трапезы увеличиваются почти вдвое.

[67] В прежнюю Миссию с научными целями было взято в числе певчих трое студентов: один вскоре выбыл по собственному желанию, а о двух остающихся там и доселе Преосвященный Кирилл, пригласивший их в Миссию, вынужден был отозваться в письме к г. обер-прокурору от 17 апреля 1858 года, что при настоящем составе Миссии они не приносят той пользы, какую от них можно было ожидать.

человек, которые бы по своему выбору удовлетворяли существенно двум главным условиям: были люди благонадежные по поведению, хорошие певчие по голосам и знанию пения. Собрать певчих исключительно из монашествующих, хотя было бы весьма желательно (лист 6) это, но представляет непреодолимые затруднения, если принять во внимание, как наши иноческие обители дорожат хорошими певчими и с каким трудом образуют и поддерживают свои небольшие хоры. По всем этим соображениям возможно лишь одно: не выходя из пределов штатного содержания, составить для новой Миссии небольшой хор из шести (вольнонаемных) певчих.

Время и опыт также доказали, что каков бы ни был состав певчих, они как лица, не составляющие собственно Миссию, а лишь принадлежащие к ней по необходимости, должны быть отличены от членов Миссии и по личным своим правам, чтобы увольнение неблагонадежных и неспособных и замещение их новыми (из среды богомольцев) зависело бы непосредственно от начальника Миссии, не заставляя его прибегать к продолжительной о сем переписке. В видах же поощрения одних и побуждений других не излишне также было бы предоставить начальнику Миссии право распределения между певчими содержания по степени способности и усердия каждого, равно также и штрафовать за небрежение к своим обязанностям единовременными вычетами из жалованья (с возвращением удержанного по исправлении). Одним словом, необходимо вменять в обязанность начальнику Миссии содержать при оной не менее положенного числа певчих, с отпуском положенной на содержание их штатной суммы (4.500 руб.) в его полное распоряжение, с правом как самого распределения между ними этой суммы, так и увольнения и замещения одних лиц другими по его личному усмотрению. Через это, кроме нравственной гарантии относительно того, чтобы поведение певчих (будут ли они состоять из (лист 7) монашествующих или из светских лиц) не бросало невыгодного света собственно на Миссию, приобретается еще и та выгода, что при таких условиях увольнение оказавшихся неспособными или неблагонадежными не будет на будущее время сопряжено ни с какими издержками для правительства; необходимость вышеозначенной меры сознавал и Преосвященный Кирилл, о чем и входил с представлением к Министру иностранных дел 17 ноября 1860 года, в коем, между прочим, писал: "для избежания затруднений, какие встречал и доселе продолжительной перепиской о членах Миссии, я бы осмелился просить себе права отстранять по крайней мере певчих и заменять по нужде новыми лицами, не дожидаясь особых разрешений начальства".

4. Для ограждения материальных интересов Миссии необходимо устранить потерю, проистекающую от нынешнего порядка высылки ей жалования не звонкою монетою, а векселями (обор.), причем Миссия теряет от 10 до 15 % из суммы, назначенной на содержание, что при дороговизне первых по трудности жизни в Иерусалиме не может быть не ощутительным.

При отправлении к месту служения нужно предоставить и ныне те же самые средства и пособия на необходимые издержки, какие получали члены прежней Миссии, согласно со сметою единовременных издержек по отправлению Духовной Миссии в Иерусалиме, Высочайше утвержденной в 30 день марта 1867 г.»[68].

«Записка о лицах, из которых предполагается образовать Иерусалимскую Миссию нового состава.

I. Члены Миссии

1. *Иеромонахи*

а) Смоленского Архиерейского Дома иеромонах Иоанн, родом из дворян, по фамилии Бойко, пользуется особою доверенностью и личным расположением Пре-

[68] Дело Святейшего Синода № 1563 (по Архиву № 4355).

освященного Антония и с духовной стороны известен мне лично по своим способностям и нравственным свойствам. Если Бог благословит, желал бы приготовить из него преемника себе по Иерусалимской Миссии, который мог бы заменить меня в случае болезни, смерти, отозвания и т. п. случайным обстоятельствам, а в настоящее время, кроме служения, будет помогать мне в письменных занятиях и употребляться для поручений по внешним делам Миссии духовно-политического характера. Имею уведомление телеграммою из Смоленска, что Преосвященный Антоний на служение Миссии благословляет его.

б) Задонского Богородицкого монастыря иеромонах Гедеон известен мне лично как по своим нравственным качествам, так и по способностям, существенно необходимым для Миссии по ее ограниченному составу: он знает хорошо (обор.) Церковный Устав, по распорядительности и хозяйственной части может заведывать общею трапезою Миссии, быть духовником для богомольцев и надзирать за благочинием в самом доме Миссии, где предполагается помещать богомольцев из белого духовенства и монашествующих. Относительно о. Гедеона имею сведения, что если он будет удостоен от Св. Синода назначения в члены Миссии, то он примет беспрекословно изъявление о нем воли Божией.

2. *Иеродиаконы*

в) Козельской Введенской Оптиной Пустыни иеродиакон Досифей был бы полезен Миссии в оной, весьма ответственной по местным обстоятельствам, должности ризничного, к чему имеет особую способность и подготовку; по нравственным своим качествам известен мне с отличной стороны. Относительно назначения имею сведение, что если будет удостоен онаго Святейшим Синодом, примет беспрекословно и притом с удовольствием, ибо был предназначаем и в первую Миссию Преосвященным Поликарпом.

г) Состоящий при С. Петербургской Духовной Академии иеродиакон Арсений, бывший в числе членов Иерусалимской Духовной Миссии до 1860 г. (л. 10), мог бы быть полезен Миссии знанием церковной службы на греческом языке, особенно при частых общих служениях с греками, которые, в видах церковного общения, успели обучить своих иеродиаконов службе на славянском языке, ожидая того же взаимно и от нас. Способен также вести счетную часть по общему хозяйству Миссии. По любви к св. местам, прося меня принять его в число членов Миссии, о. иеродиакон Арсений обещает исправить некоторые, бросающиеся в глаза, недостатки, или, лучше сказать, странности, которые, по моему замечанию, проистекают от недостатка правильного руководства в начале его иноческого пути и потому легко могут быть исправлены при желании подчинить себя этому руководству на будущее время, на что о. Арсений изъявляет полную и искреннюю готовность. Вообще же он известен мне за человека скромного и способного к занятию языками.

Сверх того прошу позволения взять с собою в Иерусалим для состояния при мне келейником известного мне лично по своим способностям и нравственным качествам (обор.) рясофорного монаха Гавриила, имеющего увольнительный вид из Иркутского Архиерейского Дома, каковой вид для перемены на другой для поклонения св. местам при сем представить честь имею.

II. Певчие

Для составления певческого хора я пригласил пять вольнонаемных певчих и для управления ими в качестве регента из придворных певчих Сергея Вознесенского с званием псаломщика и предоставлением ему по службе тех прав и преимуществ, которыми пользуются псаломщики других наших заграничных Миссий.

При таком составе певческого хора (из певчих, в числе которых один с званием псаломщика будет регентом), я надеюсь на первое время, до поступления в ведение

Миссии обширного Троицкого собора, не затрудняться исправлением соборных ежедневных богослужений и доставить нашим богомольцам утешение услаждать свое религиозное чувство стройным и благоговейным пением при правильном и неспешном чтении.

Примечание. Означенные в сей записке (л. II) лица принадлежат к след. епархиям: иеромонах Иоанн — к Смоленской (при Архиерейском Доме); иеромонах Гедеон — к Воронежской (в Задонском Богородицком монастыре); иеродиакон Досифей — к Калужской (Козельской Оптиной Пустыни); рясофорный послушник Гавриил — к Иркутской епархии; иеродиакон Арсений (в С. Петербургской Духовной Академии); певчий Сергей Вознесенский находится здесь (в С. Петербурге).

Если поименованные лица будут удостоены назначения в Миссию, то я предполагал бы отправить их из места настоящего их пребывания прямо в Одессу, где, соединясь с начальником Миссии, они отправятся вместе с ним в дальнейший путь.

В заключение имею честь присовокупить, что дальнейшее пребывание в Иерусалиме прикомандированного к Миссии профессора Левинсона, по отношению к Миссии более чем безполезно по известным (обор.) конфиденциально причинам, с чем также согласно Министерство иностранных дел»[69].

Другая записка от того же числа отца Леонида касалась хора певчих для Миссии и, в частности, назначения регента этого хора С. Вознесенского «с правами и преимуществами коронной службы».

«Имея в виду, — говорится в этой записке, — что одна из причин неудовлетворительного состояния нынешнего певческого хора при Иерусалимской Духовной Миссии состоит в том, что хор этот не имеет такого регента, который бы как по знанию искусства пения, так и по своему благонравию мог бы руководить ими в обоих этих отношениях, я, для восполнения сего недостатка, пригласил на служение в Иерусалимскую Миссию нового состава для управления хором певчих, придворной певческой капеллы певчего Сергея Вознесенского из духовного звания, кончившего курс наук в Московской Духовной Семинарии, который известен мне с отличной стороны как по своим познаниям в пении, так и по примерному благонравию, через что он может иметь нравственное влияние на остальных певчих. Соглашаясь по моему приглашению поступить на службу в Иерусалимскую Духовную Миссию, для чего он предварительно должен был выйти и вышел в отставку из хора придворных певчих, С. Вознесенский с своей стороны предъявил лишь одно условие (обор.): чтобы он, состоя в Миссии, продолжал пользоваться правами и преимуществами коронной службы. А посему, имея в виду ту пользу, которую может принести нашей Миссии приобретение для управления хором певчих столь искусного и благонравного регента, я считаю своим долгом усерднейше просить о зачислении г. Сергея Вознесенского на службу Миссии с званием псаломщика и с предоставлением ему тех прав и преимуществ, какими пользуются псаломщики других наших заграничных Миссий. Бумаги, представленные г. Вознесенским вместе с его прошением о зачислении на службу Иерусалимской Духовной Миссии, при сем представить честь имею».

Назначение в состав Миссии регента, окончившего курс Московской Духовной Семинарии Сергея Вознесенского, по штату не положенного, вызвало со стороны отца Леонида ходатайство перед Палестинским Комитетом о назначении ему содержания 600 руб. жалованья, 250 руб. столовых с выдачею ему вперед из этого содержания 150 рублей из средств сего Комитета. Несмотря однако на то, что Б. П. Мансуров находил, что «благоустроенный хор певчих составляет один из тех предметов, коими наши паломники дорожат всего более, и что это дело прямо входит в разряд мер, касающихся улучшения быта православных поклонников в Иеру-

---

[69] Там же.

салиме», со своей стороны «полезным удовлетворить», тем не менее оно не было уважено Комитетом, не было уважено в виду резолюции от 26 сентября 1863 года Председателя его, статс-секретаря Головина, следующего содержания: «Вследствие известного Высочайшего положения, в котором ясно выражено, что Палестинский Комитет есть учреждение временное, об управлении коего следует составить соображение по окончании Иерусалимских построек, я не считаю вправе разрешать расходы постоянные, которые должны повторяться ежегодно»[70]. Выдано было из Комитета лишь 150 руб. г. Вознесенскому «в счет платы по найму его с 1 сентября», причем и эта выдача была мотивирована тем, что г. Вознесенский «как регент, должен был отправиться в Иерусалим ныне же и по необходимости воспользоваться возможностью взять в эту должность надежное лицо»[71]. Обратное нечто произошло в Комитете, когда отец Леонид возбудил вопрос о назначении единовременных средств на отправку в Иерусалим певчих и членов Миссии. Несмотря на согласие Председателя Комитета принять эти расходы на его счет, Б. П. Мансуров известил князя С. Н. Урусова, что «на суммы Комитета не могут быть отнесены расходы на путевые издержки членов Духовной Миссии и что Комитет может принять на себя только такие расходы, которые прямо относятся до улучшения быта православных поклонников в Палестине и до устройства возводимых там русских зданий»[72]. Чтобы выполнить данное отцу Леониду обещание, Председатель Комитета, министр народного просвещения, отношением от 28 августа 1863 года за № 794 на имя министра финансов Рейтерна, после всеподданнейшего доклада, известил, что Государь Император «разрешить соизволил выдать иеромонаху Леониду на сей предмет единовременно 5.000 руб. из Государственного казначейства в том случае, если министр финансов признает это возможным», причем указал даже и источник для сего — из остатков, предназначенных на открытие Новороссийского университета, отложенное в 22 день августа месяца «до будущего года». Министр финансов 31 августа выразил свое согласие. 11 ноября письмом на имя Б. П. Мансурова отец Леонид, извещая о том, что он «должен немедленно приготовиться к отъезду, а потому имеет надобность в деньгах как лично для себя, так и для певчих»[73], просил выдать эти деньги, которые и были получены отцом Леонидом. Все вышеуказанные предположения и ходатайства отца Леонида, согласно определению Святейшего Синода от 21 октября — 1 ноября с. г. за № 2481, были доведены обер-прокурором Святейшего Синода до Высочайшего сведения и в 18-й день ноября месяца удостоились Государя Императора утверждения с тою, однако, разницею, что на отправление в Иерусалим новых членов Миссии и на отозвание прежних назначено 8.000 руб., «на основании Высочайшего повеления 22 декабря 1862 г. по равной части на счет сумм, ассигнованных на экстраординарные расходы по духовному ведомству и на суммы из Государственного казначейства»[74].

В ноябре 1863 года архимандрит Леонид перед Палестинским Комитетом ходатайствовал о назначении из сумм его: 1) от 1.000 до 1.500 руб. на содержание вновь устроенной церкви, ризницы, помещения ее и на наем пономаря и церковных сторожей, 2) об увеличении на 500 руб. сумм на наем прислуги и на содержание дома Миссии, 3) о высылке одного или двух комплектов облачений и о пополнении старых комплектов, 4) о приобретении второго напрестольного Евангелия для ежедневного употребления, креста напрестольного, купели, брачных венцов и полного круга богослужебных книг. Члены Комитета, «приняв во внимание, что в распоря-

---

[70] Дело Палестинского Комитета № 43; по Азиатскому департаменту № 957. Л. 1.

[71] Там же. Л. 2, 6.

[72] Дело Палестинского Комитета № 29; по Азиатскому департаменту № 931. Л. 16—17.

[73] Там же. Л. 16 об.-27.

[74] Архив Святейшего Синода № 4355, а дело Св. Синода № 1563 (4355 — по Архиву). Л.

жении отца архимандрита Леонида находятся суммы, отпускаемые ежегодно от Ее Императорского Величества Государыни Императрицы для удовлетворения различных нужд Духовной Миссии (главным образом для выдачи пособий бедным туземцам и их храмам), отказали в средствах на содержание храма и улучшения ризницы, наем пономаря и церковных служителей, предоставив ему делать <это> на сумму, собирающуюся из «кружечного сбора», ходатайство о новых ризах и церковной утвари повергнуть на всемилостивейшее усмотрение Государыни Императрицы через ее секретаря г. Морица, а круг богослужебных книг просить безмездно через обер-прокурора Святейшего Синода князя Урусова у Святейшего Синода»[75].

В тех же видах «существенно необходимого» улучшения материального быта Русской Духовной Миссии в Иерусалиме отец Леонид поднял вопрос перед Министерством иностранных дел о том, чтобы деньги на содержание Миссии высылались в Иерусалим не векселями, а звонкою монетою и что расходы по пересылке и страхованию этой монеты он признает выгоднее Миссии принять на бюджет ее, чем «те потери, которые она несет при размене векселей у местного банкира-монополиста». Пересылка на общих основаниях может совершаться через пароходы Общества пароходства и торговли[76]. Но, несмотря на согласие Министерства, дело это, как увидим ниже, осталось без выполнения на практике и деньги по-прежнему посылались векселями.

Продолжая заботы об устроении дел вверенной его попечению и руководству Миссии, отец Леонид возбудил 7 мая 1864 года и вопрос об учреждении при Миссии «первоначального училища для бесплатного обучения местных туземцев грамоте с назначением наставником при оном состоявшего певчим при означенной Миссии студента Крылова», коего он предполагал было возвратить на родину. Свои соображения по этому вопросу весьма обстоятельно изложил отец Леонид в особом представлении в Святейший Синод, заслушанном в заседании 19/28 августа 1864 года.

«В Инструкции, присланной мне от Святейшего Синода, между прочим, сказано, — говорится в этом представлении, — что в числе мер к успешному действию на туземное, большею частью бедное и угнетенное народонаселение, для его просвещения бесплатное обучение его детей грамоте, без сомнения, было бы мерою самою лучшею и наиболее надежною, но, к сожалению, такого училища при нашей Миссии еще не заведено, посему рекомендуется начальнику Миссии войти в соображение на месте, не может ли быть открыто при Иерусалимской Миссии подобное училище, на каких началах, в каком размере и каких потребовало бы оно на свое содержание ежегодных издержек, и свои по сему предмету предположения представить г. обер-прокурору Святейшего Синода. <...>

Для осуществления выраженного здесь желания Святейшего Синода необходимо, — по мнению архимандрита Леонида, — прежде всего озаботиться приобретением учителя, русского по происхождению и православного по вере, который, при практическом знании туземных (арабского и греческого) языков, соединял бы способность к школьному обучению на сих языках детей туземцев начальным предметам народных школ: чтению, письму, Закону Божию, счетоводству и церковному пению. Найти такого учителя готового и согласить его ехать в Иерусалим трудно и дорого, а приготовить — надобно время и средства.

В настоящее время в составе прежней Миссии лично известный ему, архимандриту Леониду, и удовлетворяющий всем необходимым для сего условиям человек — студент (обор.) семинарии Иван Крылов, который, как певчий, не приносит Миссии никакой существенной пользы при весьма слабом голосе, не способен и для громкого церковного чтения по врожденной застенчивости, но к учительской

[75] Дело Святейшего Синода.

[76] Там же.

должности весьма способен, восточные языки (арабский и греческий) знает хорошо и поведение доброе и честное. А как об отчислении его вместе с прочими певчими из состава Миссии состоялось ходатайство начальника Миссии единственно оттого, что при ограниченном числе певчих (6 человек) при ежедневной службе положительно невозможно содержать в числе певчих хотя одного человека, не удовлетворяющего главным условиям: отчетливому знанию церковного пения и чтения и готовности исключительно посвятить себя этому занятию, то ныне, усмотрев из преподанной Инструкции (л. 185), что желание Святейшего Синода о заведении при Миссии первоначальной школы не может быть осуществлено иначе, как заблаговременным приобретением для оной способного и благонадежного учителя, архимандрит Леонид ходатайствует, дабы благоволено было студента Крылова, как уже отчисленного от Миссии, во внимание вышеизложенных причин, оставить при оной сверх штата для заведения первоначальной школы, в звании смотрителя и учителя оной: 1) с сохранением по службе тех прав и преимуществ, которыми он пользовался доселе в звании штатного певчего Миссии, 2) с присвоением ему того самого содержания, которое он получал доселе по званию певчего, т. е. 500 руб. жалованья и 250 руб. оклада, который получал из сумм Духовного ведомства состоявший при Миссии для учебных занятий профессор Левинсон, 3) на заведение и ежегодное содержание первоначальной школы в таком размере, какой по местным обстоятельствам признан будет возможным и удобным, назначить остальные 750 руб. (из того же вышепоказанного оклада Левинсона)».

К сему начальник Миссии присовокупляет, что на Востоке заведение школы не ограничивается одним внешним ее устройством и приглашением родителей посылать их детей в новоустроенную школу, но состоит главным образом в привлечении детей бедных родителей к бесплатному обучению путем материальных пособий их бедным семействам, почему при всех местных школах: греческой, православной, католической, протестантской и армянской — имеются кухни, снабжающие детей даровою пищею, которую они по выходе из классов уносят с собою домой и делят там со своими бедными родителями, братьями и сестрами, избавляя тем свои семейства от труда заботиться о дневном пропитании. Сверх того ученики каждой из этих школ получают от оных бесплатно все учебные пособия и, в виде поощрения и конкуренции с другими, частые подарки, имеющие целью также обеспечение главных материальных нужд их и их семейств: т. е. денежные пособия или вещи — белье, платье и т. д. Посему означенную выше сумму на ежегодное пособие школ — 750 руб. еще нельзя считать вполне достаточною, она может лишь послужить к тому, чтобы положить начало будущей школе, развитие и успех которой будет зависеть от той нравственной и материальной поддержки (обор.), в которой, вероятно, не откажут ей люди, сочувствующие высокой цели, выраженной в желании Святейшего Синода о заведении подобной школы, потребность которой действительно давно ощущается туземным православным населением. До получения решения Святейшего Синода касательно сих предположений, на случай одобрения оных, для избежания излишних издержек для казны, начальник Миссии намерен пригласить студента Крылова отсрочить свой отъезд из Иерусалима; если же он будет оставлен при Миссии, то сумма, назначенная ему на путевые издержки (400 руб. серебром) может быть зачтена ему в полугодие прошлого, 1864 года.

Примечание. Из дел Хозяйственного Управления видно:

1) бывшему ординарному профессору (л. 187) С. Петербургской Духовной Академии, надворному советнику Левинсону, состоявшему при Иерусалимской Миссии, положено было содержание в количестве 1.500 рублей из специальных средств Духовного ведомства;

2) Высочайшим Его Императорского Величества повелением, последовавшим в 20-й день июля 1864 года, разрешено производить профессору Левинсону за свыше чем 24-летнюю усердную его службу и особые труды, подъятые им для пользы

Церкви и духовного просвещения, пенсию по 1.000 рублей серебром в год из духовно-учебного капитала. <...>

Хозяйственное управление, принимая в соображение: 1) что, за назначением профессору Левинсону 1.000 рублей в пенсию, от прежнего жалованья его остается всего 500 руб., между тем как начальник Миссии просит (обор.) о ежегодном отпуске на содержание училища 1.500 руб. и притом сумму эту он признает недостаточною; она может служить, по его мнению, только для начала школы; 2) что при ограниченности средств успех школы может быть сомнителен, а закрытие ее впоследствии, после учреждения, произвело бы более неблагоприятное впечатление, нежели несуществование; и 3) что в Иерусалиме существует уже православная греческая школа, — полагает: предположение об устройстве школы при Миссии отложить до более благоприятных обстоятельств, но, в видах поддержания нравственного влияния Миссии, из остающихся от содержания профессора Левинсона 500 руб. предоставлять часть, в виде единовременного пособия, существующей уже греческой православной школе, по представлениям каждый раз начальника Миссии. <...>

Предположение об учреждении в Иерусалиме училища для бесплатного обучения детей бедных было сообщаемо на рассмотрение Палестинской Комиссии, и выраженное по сему предмету мнение членов Комиссии вполне согласно с изложенным здесь заключением Хозяйственного Управления, а посему Святейший Синод оставил это предположение без уважения»[77].

Другое ходатайство отца архимандрита Леонида о высылке для Миссии полного круга богослужебных книг из 117 наименований (в том числе Миней месячных) на сумму 114 руб. 93 коп., позаимствованных из бывших в наличности сумм в количестве 318 руб. 89 коп. «за поднесные книги Членам Императорской фамилии, назначенных, по Высочайшему повелению, для снабжения книгами православных церквей в турецких владениях» было уважено Святейшим Синодом, так как Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде «по неимению в виду других источников» признало законным отнести расход именно на эти средства[78]. Заключение это Хозяйственного Управления тем более странно, что отец Леонид 22 августа 1863 года подавал «Список книг (славянской печати), которые желательно бы иметь в распоряжении начальника Иерусалимской Духовной Миссии для раздачи нашим единоверцам славянского языка, посещающим ежегодно Святой Гроб в числе 7000 человек и более» в Палестинский Комитет, который не нашел для его удовлетворения средств и получил на себе помету руки Б. П. Мансурова: «Иметь в виду, когда будут необходимые деньги»[79]. Наименований в этом списке значилось 24 и среди книг, между прочим, названы: «Первое учение отрокам», «Начальное обучение человека» епископа Димитрия Ростовского — 20 книжек, св. Тихона Задонского и Воронежского «Слово о исходе души», «Алфавит духовный» — 12 книжек, «Цветы из сада» св. Ефрема Сирина, св. Геннадия о вере, «Начатки христианского учения», «О должностях христианина», и разные богослужебные книги и последования.

16 марта 1864 года, по указу Святейшего Синода, был возбужден вопрос об увольнении со службы вместе с прочими прежними членами Миссии и сверхштатного драгомана Миссии Фадлалы Сарруфа, в 1862 году награжденного чином коллежского регистратора[80], но архимандрит Леонид признал его службу в Миссии полезною и просил оставить его на прежнем месте и в письме на имя Н. П. Игнатьева

---

[77] Архив Святейшего Синода Л. 183—188.

[78] Архив Святейшего Синода. № 1563.

[79] Дело Палестинского Комитета № 925 (4355); по Азиатскому департаменту № 936. Л. 11—12.

[80] Архив Святейшего Синода № 1563/4355.

от 24 июня 1865 года аттестовал его с отличной стороны. «Я, — писал архимандрит Леонид, — по долгу совести должен сказать, что г. Сарруф делает свое дело честно и ведет себя совершенно прилично, занимаясь в свободное время своими учеными трудами[81].

Пока формировались штаты новой Миссии и изыскивались меры к духовному и материальному улучшению быта ее, в Министерстве иностранных дел и в Святейшем Синоде вырабатывались новые инструкции для начальника ее с тем, чтобы точнее очертить круг его обязанностей по отношению к управлению Миссией, в отношении к Патриарху, туземному арабскому духовенству и населению, к русскому консулу и к русским паломникам. Инструкции эти надолго оставались руководящими для начальников Миссии, а посему естественно ближе познакомиться с их содержанием в полном объеме. Нам неизвестен автор инструкции Министерства, но составление инструкции Святейшего Синода принадлежит митрополиту Киевскому Филарету, а замечания на нее принадлежат перу митрополита Московского Филарета и некоего П. И. Соломонова.

Февраля 27-го дня 1864 года <за> № 686 была выпущена инструкция начальнику Духовной нашей Миссии в Иерусалиме архимандриту Леониду из Министерства иностранных дел и в ней говорится: «По случаю назначения Духовным Начальством Вашего Высокопреподобия начальником нашей Д. Миссии в Иерусалиме, МИД считает нужным, в дополнение к тем указаниям, которые будут Вам преподаны от Св. Синода, объяснить, в чем, по его мнению, будет заключаться круг возлагаемых на Вас обязанностей.

По распоряжению Правительства, забота о новых постройках для обеспечения приютов нашим богомольцам, как надзор за всеми возведенными для этой цели зданиями, а также и попечение о материальных нуждах богомольцев возложены на особых лиц по усмотрению Палестинского Комитета. Императорское Консульство, по самому существу своих обязанностей, сносится с местными властями, заботится о безопасности и интересах наших подданных, разрешает возникающие между ними споры и т. п. Затем круг действий Духовной Миссии заключается, кроме отправления богослужения и удовлетворения духовных нужд наших подданных, равно как и тех православных всех народностей, которые обратились бы для сего к начальнику или членам Миссии, в поддержании дружественных сношений с местным духовенством, в передаче по принадлежности присылаемых из России пожертвований, а также и в содействии нашему Консульству в тех случаях, когда оно обратится к посредству Миссии.

К сему Министерство Иностранных Дел долгом считает присовокупить, что, по мнению оного, посредством благоразумного распределения предоставляемых в распоряжение Миссии пожертвований, Ваше Высокопреподобие можете удобно поддерживать добрые отношения к православному духовенству и вообще к православным, вникать в истинные нужды наших единоверцев, оказывать благосклонное содействие к устранению и прекращению тех враждебных отношений, которые, к сожалению, часто возникают между Греками, Армянами, Арабами, Сирийцами и прочими. При этом Вам необходимо неуклонно стараться, чтобы Ваши действия не возбуждали подозрения и ревности высшего Греческого Духовенства и не имели бы вида какого-либо вмешательства в их права.

В тех случаях, когда Ваше Высокопреподобие будете нуждаться в каких-либо распоряжениях местных властей, Вам следует обращаться с просьбою о том в наше Консульство, которое не преминет, по мере возможности, удовлетворять Ваши ходатайства.

Если Св. Синоду угодно будет принять во внимание Ваше ходатайство о снабжении Миссии книгами духовного содержания для продажи их церквам и учили-

[81] Архив Министерства иностранных дел в Москве. (Номер дела не указан). С. 39—40.

щам, равно как и частным лицам, по уменьшенной цене, то это даст Вам новое средство следить за развитием православных школ и входить в дружественные сношения с местным духовенством и с нашими единоверцами».

Вице-канцлер князь А. Горчаков
Директор Генерал-Адъютант Игнатьев

Указ Св. Правительствующего Синода
Начальнику Иер. Духовной Миссии Архимандриту Леониду. № 1143.

(дата не указана)

«По указу Е. И. В-а, Святейший Правительствующий Синод по поводу отправления Духовной Миссии нашей в Иерусалим приказали: снабдить Ваше Высокопреподобие следующею инструкциею.

1. По избранию Св. Синода вверяется Вам начальство над Духовною Миссией, в Иерусалиме находящеюся.

2. Существо возлагаемых на Вас по сему званию обязанностей в главных чертах изъяснено в инструкции, Высочайше утвержденной по докладу Министерства Иностранных Дел 21 декабря 1863 года.

3. Не выходя из начертанного в оной круга действий Ваших по званию Начальника Иерусалимской Миссии, Вы должны неуклонно озаботиться о поддержании духовного единения с Иерусалимским духовенством и укрепления в нем чувств уважения, доверия и любви к Церкви Российской, как единоверной с Иерусалимскою.

4. К Вашей заботе относится также при удобном случае оказывать возможное в Вашем положении содействие Греческому Духовенству в борьбе с Римскою и Протестантскою пропагандами и в распространении между туземными племенами просвещения в духе православия.

5. В числе мер к успешному действию на туземное, большею частью бедное и угнетенное народонаселение, для его просвещения, бесплатное обучение детей его грамоте, без сомнения, было бы мерою самою лучшею и наиболее надежною; но, к сожалению, такого училища при нашей Миссии еще не заведено; почему рекомендуется Вам войти в соображение на месте, не может ли быть открыто при Иерусалимской Миссии подобное училище, на каких началах и в каком размере, и каких потребовало бы оно на свое содержание ежегодных издержек, и свои по сему предмету предположения представить Господину Об. Прокурору Св. Синода.

6. Во время служения Вашего во Св. Граде Вы будете состоять в сношениях с находящимся там Имп. Росс. Консульством. Сохраняя в сих сношениях достоинство, духовному лицу приличествующее, Вы не оставите наблюдать притом должное единодушие и христианское согласие и не упустите из виду, что Консул есть официальный представитель нашего Правительства в Иерусалиме и орган всех сношений с местными светскими властями.

7. Удовлетворение духовных нужд русских поклонников составляет один из главных предметов попечения Миссии. В сем отношении Миссия должна всем, ищущим ее покровительства и руководства, оказывать радушие, внимание и сочувствие; она, конечно, озаботится также доставлять русским поклонникам возможно частые случаи слышать на св<ятых> местах богослужение на славянском языке; желающим она сообщает в устных беседах сведения и изъяснения о всех местных обычаях, знание коих для паломника полезно или необходимо, и о всех св<ятых> местах, чествуемых христианами; желающим посещать св<ятые> места в сопровождении опытного спутника Миссия оказывает зависящее от нее возможное содействие.

8. Разделяя заботы о русских поклонниках с состоящими в ведении Вашей членами Миссии, Вы должны стараться духовными назиданиями, советами, внуше-

ниями и примерами собственной жизни располагать их к благоговейному образу поведения. В случае же если кто из поклонников, дозволив себе явно соблазнительную жизнь, презрит совершенно Ваши пастырские предостережения, Вам остается тогда предупредить о том доверительно Консула.

9. При существовании в Иерусалимокой Миссии иных вероисповеданий, могут быть случаи встреч с лицами, принадлежащими к оным. Желательно, чтобы в сих и других случаях иноверное духовенство выносило убеждение, что Российская Церковь, заботясь о непреложном сохранении своей первобытной чистоты и целости, не престает питать ко всему христианскому миру те возвышенные чувства любви, участия и веротерпимости, которыми издревле красуется история России.

10. В порядке внутреннего управления Миссия наблюдает правило, что, в случае отсутствия куда-либо или тяжкой болезни начальника Миссии, заведывание имуществом оной и начальство над состоящими при Миссии переходит к старшему по нем, если по какому-либо особенному распоряжению высшего Духовного Начальства не будет назначено особое духовное лицо.

11. Вам, как начальнику Миссии, поручается наблюдение за поведением состоящих при оной лиц, распределение между ними обязанностей и занятий, и вообще руководство их, почему на Вашей обязанности лежит устранять возникающие между ними неудовольствия, если бы таковые случились, разбирать их жалобы, и производить беспристрастное законное удовлетворение.

12. В порядке высшего управления Миссия состоит в ведении Св. Синода, пользуясь в нужных случаях содействием Министерства Иностранных Дел.

13. Соответственно сему Начальник Миссии, в случаях, превышающих его власть, разрешения и распоряжения получает от Св. Синода.

14. Начальник Миссии с своей стороны в означенных случаях входит в Синод донесениями и представлениями.

15. По вступлении в управление Миссиею, Вы должны представить Синоду подробные описи всего принятого Вами имущества Иерусалимской Духовной Миссии, донося затем в конце года об изменениях в имущественных описях, если таковые помещения последуют.

16. В течение пребывания Вашего в Св. Граде Вам поручается собирать, по мере возможности, сведения о ходе церковных дел, о религиозных движениях и всяком примечательном в церковном отношении событии на Востоке, и своевременно представлять оные чрез посредство г. Синодального Обер-Прокурора. Сим же порядком представляются Вами сведения о тайных проделках иноверных пропаганд, коль скоро оне каким-либо путем Вам сделаются известны, о чем Вы должны тщательно заботиться, угрожающих опасностью совращения чад Церкви Православной, и о мерах, какие, по Вашему мнению, необходимы к ослаблению или разрушению оных, и вообще о всем, что в тесном кругу Вашего управления и в разноплеменной среде, Вас окружающей и к Вам соприкасающейся, будет происходить сколько-нибудь или почему-либо замечательного, но такого, что, по свойству своему, не может войти в официальное донесение Св. Синоду.

17. По прошествии каждого года, Вы должны представлять Св. Синоду отчет по управлению вверенной Вам Миссии. В состав сего отчета должны входить сведения о составе Миссии и ее действиях с указанием последствий деятельности Миссии; о числе русских поклонников; о пожертвованиях, посылаемых в Миссию как на ее нужды, так и на нужды местных христиан и в пользу Святогробской казны.

18. К годовым отчетам, в виде особых приложений, присоединяются сведения о составе лиц Греческого Духовенства и иноверных миссий, об отношении их к нашей Миссии, о состоянии духовного просвещения в Антиохийском, Иерусалимском и Александрийском Патриархатах и т. п.

19. Равным образом, в конце каждого года Вами представляются Св. Синоду вместе с собственным формулярным списком таковые же о службе членов Иеруса-

лимской Духовной Миссии, а также отчет в употреблении суммы, по штату отпущенной на Миссию.

20. В заключение всего, не излишне будет заметить вообще, что никакая инструкция не может и не должна обнимать всех случайностей, какие могут неожиданно встретиться в известной сфере действующему на пути его стремлению, иначе она слишком бы стеснила его свободу и во многих случаях повредила бы самому делу. Посему разумно действующий, имея в виду главную цель свою и путь к ней, в общих чертах обозначенный, может иное дополнить в ней и своим соображением, лишь бы только не уклоняться от цели, ему указанной, и не выходить из круга, ему предначертанного. Этим же правилом в нужных случаях можете руководствоваться и Вы. С приписанием каковой инструкции, для надлежащего исполнения, и в потребных случаях руководства, Вашему В-ию и послать указ. Марта 23 дня 1864 г.

Обер-Секретарь Н. Сергиевский
Секретарь Мих. Никольский»

Инструкция Св. Синода была дана ему при Указе от 23 марта того же года за № 1143.

Но отец архимандрит Леонид отлично понимал, что писанных инструкций, какими бы они ни были исчерпывающими и точно регламентирующими деятельность не автомата, а живого человека с здравым умом, горячим сердцем и твердою волею, — мало, а необходимо еще договориться и столковаться и с теми людьми, с которыми ему придется в своей деятельности встречаться постоянно и действовать, нередко уступая их взглядам и убеждениям. Ко времени водворения третьей Миссии в Иерусалиме Высочайше утвержденный Палестинский Комитет уже выполнил свою задачу, построил здесь предположенные богоугодные странноприимные здания. Августейший Председатель его, великий князь Константин Николаевич, получил назначение в Варшаву наместником Царства Польского и выбыл из Петербурга. В апреле 1864 года на смену Комитета появляется Высочайше утвержденная Палестинская Комиссия, состоящая при Министерстве иностранных дел. Членами ее, по Высочайшему указанию, были назначены, в качестве представителя от Министерства иностранных дел — директор Азиатского департамента, от Духовного ведомства — обер-прокурор Святейшего Синода или его товарищ, и хорошо осведомленный в иерусалимских делах Б. П. Мансуров. Председательство в Комитете было возложено на министра народного просвещения Головина. Так как члены Комиссии по своим сложным обязанностям не могли уделять много времени иерусалимским делам в Палестинской Комиссии, то фактическим распорядителем и вершителем этих дел и в Петербурге и даже в Палестине являлся Б. П. Мансуров, которого в Палестине прозвали «Мансур-пашею», а в Петербурге члены Комиссии большею частью писали в протоколах: «с мнением Б. П. Мансурова согласен. Такой-то». Естественно поэтому было отцу архимандриту Леониду перед отъездом в Палестину побеседовать с этим влиятельным членом Комиссии и получить от него необходимые указания по вопросам предстоящей своей деятельности. К этому его побуждало и личное знакомство с ним по первому своему пребыванию в Иерусалиме.

Но свидания и разговоры по вопросам иерусалимским мало принесли утешительного и отрадного для отца архимандрита Леонида. Это свидание убедило самым ясным образом, что для деятелей Палестинской Комиссии начальник Духовной Миссии в сане архимандрита, в котором счастливо сочетались и «строгое благочестие», и «твердость характера», и «уменье обращаться с русским простым народом», и «опытность в деле монастырского хозяйства», чего искали деятели Комитета в «докладной записке», поданной ими в Святейший Синод, с «ученостью, правильнее — с любовью к науке и с уменьем вынести условия общительности с иностранцами», благодаря знанию им языков французского, немецкого, английского, поль-

ского, отчасти греческого, латинского и сербского, что ставилось в условие предшественникам отца архимандрита Леонида Министерством иностранных дел, — все это было лишь одними красивыми словами, а на деле они, видимо, не были довольны новым выбором Высшим духовным начальством в начальники Миссии архимандрита Леонида и даже не стеснялись ему в глаза выразить это свое неудовольствие.

Об этих своих впечатлениях от бесед с Б. П. Мансуровым в Петербурге отец архимандрит Леонид живо вспоминал в письме к В. Н. Хитрово от 9 апреля 1879 года, когда дошли до него огорчительные слухи об уничтожении Иерусалимской Духовной Миссии: «...хотя я, — писал архимандрит Леонид, — давно уже предвидел это, а потому и не мне быть подобно вам удивленным таким исходом сего дела. *Всяк сад, его же не насади Отец Мой Небесный, искоренится* (Мф. 15, 13). Вся же эта затея была делом рук человеческих и испорчено с самого начала. Сколько ни говорили о сем вчинателям дела, они ничего слышать не хотели, считали себя мудрее нас, и продолжали портить дело, ими же начатое. Поставить начальника Миссии в подчинение безусловное консулам, зря назначаемым, — была их основная мысль. Один из главных деятелей по палестинскому делу, с нервным негодованием на мои почтительные, но твердые и сильные доводы о невозможности построить на этом гнилом основании прочное здание, воскликнул: "Да, я вижу, что надо сделать. Прогнать отсюда монахов (а я именно говорил, что надобно устроить бы странноприимные монастыри — мужской и женский) и назначить сюда попа с 12 человек детей — и тогда все будет хорошо". Ну вот, теперь к этому концу и сводится. Попомните мое слово, что и капеллан генерального консула из иеромонахов удержится недолго, и последнее слово мудрой программы исполнится буквально. Что же вы хотите с такими убеждениями? Не забудьте притом, что генеральное консульство будет продолжать одно: безконтрольно распоряжаться суммами, собираемыми со всего русского народа через церкви, тогда как монастыри странноприимные могли бы содержаться с малою поддержкою от правительства сами, добровольными приношениями. Но кому до сего дело. Было бы дело устроено по известному шаблону, а до остального нет никому никакого дела. Суди, Господи, обидящим нас»[82].

В записке «О происшествиях, случившихся в Иерусалимской Духовной Миссии со времени возвращения консула», поданной в Святейший Синод в 1865 году, и в письме к митрополиту Филарету 20 августа 1866 года эта беседа с Б. П. Мансуровым передана в фразе довольно резкой: «я вижу, что в Иерусалиме тогда только пойдет хорошо дело, когда на вашем месте будет пешка»[83]. Не обошлось без разговоров при этом и по вопросу об отношении начальника Миссии к нашим паломникам в Иерусалим, но, к удивлению, взгляды Б. П. Мансурова на этот вопрос более чем оригинальны, чтобы не выразиться сильнее. «Иерусалим, — говорил архимандриту Леониду Б. П. Мансуров, — все равно что Лондон и Париж, и потому, что бы ни делали в нем наши богомольцы, начальство духовное и гражданское может смотреть на это равнодушно»[84]. Одним словом, не подлежит никакому сомнению, что собеседники произвели друг на друга весьма неблагоприятное впечатление и расстались с полным убеждением, что добра ждать в Иерусалиме от

---

[82] В письме к В. Н. Хитрово от 1 января 1879 года архимандрит Леонид говорит то же самое, но с небольшим вариантом. «Консулу угодно, — пишет архимандрит Леонид, — разыгрывать роль полного хозяина не только в имущественном отношении, распоряжаясь бесконтрольно сбором, через церкви производимым, но и честью членов Миссии и ее отношениями».

[83] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156; Христианское чтение. 1900. Ч. I. С. 226.

[84] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

совместной их деятельности едва ли можно. Уже это одно не много хорошего предвещало архимандриту Леониду в его начинающейся самостоятельной службе в Иерусалиме в качестве начальника Миссии.

Из Петербурга архимандрит Леонид отправился в Иерусалим через Москву и Константинополь. В Москве он пожелал получить напутственное благословение от своего покровителя митрополита Филарета, который в молитвенную память архимандриту Леониду подарил молитвослов <выпуска> 1861 года с собственноручною надписью: «Даяй молитву молящемуся. Господи, даруй благоугодную Тебе молитву рабу Твоему, архимандриту Леониду, да обретет благодать пред Тобою и по благодати Твоей да ходит. В Москве. Марта 16. 1864 г.»[85].

Зная хорошо, что взгляды Б. П. Мансурова разделяются и Иерусалимским консулом А. Н. Карцевым, как главным проводником всех распоряжений бывшего Палестинского Комитета и нарождающейся Палестинской Комиссии, и притом лицом, пользовавшимся за свою «замечательную бережливость и редкое благоразумие» в ведении хозяйственных дел Комитета и признаваемого человеком не только достойным уважения, но еще и аттестованного «блистательно хорошим» за свои отчеты, отец архимандрит Леонид не без смущения принимал на себя обязанности начальника Миссии и, при свиданий с послом Н. П. Игнатьевым в Константинополе, не преминул выразить ему свои опасения насчет возможности столкновений с г. Карцевым. «Смею напомнить Вашему Превосходительству, — писал 25 мая 1865 года архимандрит Леонид Н. П. Игнатьеву, — и то, что, при самом моем назначении, я заявил Вам конфиденциально мое опасение, что, судя по дошедшим до меня сведениям, как дерзновенно действует г. консул в отношении моего предместника, я не могу ожидать от него ничего доброго в отношении ко мне. Вы ответили мне на это успокоительным обещанием, что г. Карцев пробудет в Иерусалиме недолго. Мои опасения сбылись вполне. Упоенный легкостью победы над моим предместником и задавши себе целью в моем лице окончательно поработить себе Духовную Миссию, но встретив сопротивление в том, на что менее всего рассчитывал, увлекшись личностью, он вступил в союз с греческою патриархиею (с которою был доселе во вражде по делу Преосвященного Кирилла) и, видя мою неохоту и неискусство (в чем не стыжусь признаться) бороться против интриг равным оружием, действует с бесцеремонностью, которой справедливо удивляются даже и посторонние наблюдатели, говоря, что так можно поступать с русскими духовными лицами, которые не имеют ниоткуда поддержки»[86]. Но и в лице Н. П. Игнатьева, как мы знаем хорошо из откровенной его переписки с отцом архимандритом Антонином и Карцевым, архимандрит Леонид не встретил мощной поддержки, так как он всецело стоял на стороне г. Карцева и всегда относился к нему покровительственно, считая его умным и деловитым дипломатом.

Перед отъездом на Восток архимандрит Леонид, кроме инструкций, получил от Святейшего Синода и рекомендательные письма к Патриархам: Вселенскому — Софронию и Иерусалимскому — Кириллу, так как Миссия должна следовать «через Константинополь, место пребывания» названных Патриархов; и к патриаршему наместнику в Иерусалиме Мелетию, митрополиту Петры Аравийской. Из этих грамот наибольший интерес представляет грамота к Блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому Кириллу. Так как этот святитель выразил готовность, в бытность в Иерусалиме великого князя Константина Николаевича, присутствовать при освящении наших богоугодных зданий в Иерусалиме лично, и так как постройки эти приближались к концу и летом 1864 года предполагалось освятить домовую церковь Миссии во имя святой царицы Александры, на что и новому начальнику Миссии указывалось обратить свое внимание прежде всего, то в Министерстве

---

[85] ДЧ. 1891. Ч. III. С. 616.

[86] Архив Министерства иностранных дел... (Номер дела не указан). С. 32.

иностранных дел и возникал вопрос о приглашении на это торжество Главы Иерусалимской Церкви. Не встречая препятствий к приглашению Блаженнейшего Кирилла принять участие в церемонии освящения строящихся в Иерусалиме русских богоугодных заведений[87] и находя, что с нашей стороны было бы даже некоторым упущением не предуведомить Его Блаженство о предстоящем окончании работ и освящении наших богоугодных зданий, Министерство иностранных дел однако же находило «необходимым», чтобы «приглашение на участие Его Блаженства в освящении было выражено таким образом, чтобы впоследствии Иерусалимский Патриарх не извлек из оного право на непосредственное вмешательство в дела наших богоугодных заведений[88]. Ввиду этого Святейший Синод в грамоте Патриарху Кириллу писал следующее: «Заповеданная Начальником и Совершителем веры нашея Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом всесовершенная любовь, искони живущая во Святой Соборной и Апостольской Церкви Кафолической, не престанет видимо являть себя во взаимных отношениях Церкви Иерусалимской к много любящей Сестре ее, Церкви Всероссийской. Сей непреложной и поистине священной любви Ваше Блаженство явили новый знак, выразив Государю великому князю Константину Николаевичу, в бытность Его Высочества в Палестине, боголюбезное желание принять участие в освящении сооружаемых близ Св. Града церквей и зданий для приюта россиян, прибывающих в Иерусалим на поклонение св. Живоначальному Гробу Господню. С радостью о Христе приняли мы сие благое намерение Вашего Блаженства, тем паче, что оно поистине составляет и желание сердца нашего. Ныне же, известясь, что устроение некоторых из вышеупомянутых зданий, а также домовой церкви во имя св. великомученицы царицы Александры приближается к окончанию, мы к радостному воспоминанию об изъясненном намерении Вашей братской любви присоединяем нашу неизменную молитву ко Господу о сохранении Вашего здравия и благоденствия, дабы Ваше Блаженство тем беспрепятственнее могли, во исполнение общего нашего желания, призвать благословение Ваше на устрояемые близ Иерусалима русские богоугодные заведения при открытии оных... »

Архимандриту Леониду, кроме того, поручалось, при личном свидании с Патриархом Кириллом, повторить приглашение Патриарху от имени Святейшего Синода, и, «если со стороны Его Блаженства будут выражены какие-либо затруднения, изъяснять, что Св. Синод, в виду сих затруднений, конечно, будет признателен, если Его Блаженство сочтет возможным поручить наместнику своему в Иерусалиме, Преосвященному Мелетию, совершить освящение означенных построек»[89]. В поручительном или рекомендательном письме Иерусалимскому Патриарху Святейший Синод извещал кратко, что на место епископа Мелитопольского Кирилла «для того же смотрения и попечения о посещающих Св. Град во Христе чадах наших «избрал арх. Леонида», известного ему по своему благочестию и добрым качествам ума и сердца», и «препоручал» его «благорасположению» и «мудрому руководительству» Патриарха[90]. Рекомендательное письмо для отца архимандрита Леонида к митрополиту Петры Аравийской Мелетию, по желанию Святейшего Синода писал Исидор, митрополит Петербургский.

Проездом через Константинополь архимандрит Леонид выполнил в точности возложенные на него поручения Святейшего Синода, виделся с обоими Патриархами, и если судить по ответным письмам Патриархов — Вселенского Софрония и

[87] Дело Архива Святейшего Синода. 1864. № 763. (Лист не указан).

[88] Там же.

[89] Там же.

[90] Дело Архива Святейшего Синода 864. № 921.

Иерусалимского Кирилла к нашему Святейшему Синоду, то принят был ими радушно и любезно.

Патриарх Константинопольский Софроний в своем послании от 2 мая 1864 года в Святейший Синод заявлял, что он «снабдил надлежащими наставлениями достойного и доблестного арх. Леонида» и что он «и впредь не оставит в подобных случаях оказывать ему возможное содействие по долгу братского расположения к досточтимым братским вашим достоинствам»[91].

Патриарх Иерусалимский Кирилл, отказываясь от любезного приглашения на торжества в Иерусалиме по случаю открытия и освящения наших богоугодных заведений, дал в своей грамоте Святейшему Синоду и мотивированные основания для отказа, не лишенные исторического интереса. «Возлюбленнейший мой Священноархимандрит господин Леонид вручил нам два божественные Ваши послания, — писал 3 июня 1864 года Патриарх Иерусалимский Кирилл. — С живейшей духовною любовью мы облобызали их и радостно приняли, от души воссылая Благодателю Спасителю Нашему благодарение за то, что Он сохраняет Вас в святой Своей благодати здравым по душе и телу. Снабдивши священноархимандрита сердечными благопожеланиями, мы предпослали его во Святой Град Иерусалим, куда прибывши, по милости Божией, здравым, он принял уже на себя дела порученного ему служения, которое, конечно, и будет проходить достойно, так как он жил уже там прежде и явил пример нрава доброго и поведения безукоризненного, состоя под начальством Преосвященного собрата нашего епископа Мелитопольского. Напоминание же об обещании, данном нами благочестивейшему великому князю Константину Николаевичу, делаемое нам Вашею любовью в братском Вашем письме, относительно освящения уже устроенной домовой малой церкви в русской страннориимнице в Иерусалиме, мы приняли благодушно, и положили при удобнейшем случае доказать самым делом ту безграничную признательность, какою патриарший наш престол обязан в отношении к благодетельствующему Российскому Императорскому Дому. Но, к несчастью (как не безызвестно и Вашей во Христе любви) страшные бедствия, постигшие всю Восточную Церковь со стороны придунайских княжеств, еще и теперь ставящие нас и всю Церковь в самые тяжкие затруднения, не дают нам возможности предпринять ныне же путь в Иерусалим. Посему, со скорбию отлагая исполнение нашего обещания до времени устроения, при помощи Божией, большого храма, мы поручили наместнику нашему, Преосвященному митрополиту Петры господину Мелетию, совершить освящение малой церкви, когда он будет приглашен к тому святым архимандритом господином Леонидом. Святыми Вашими молитвами, в силу которых мы верим и которых от сердца просим, возлюбленные братья, да освободится Святая Христова Восточная Церковь от неправедных гонений и да владеет подобающим ей, при содействии и покровительстве державнейшего защитника православия, христолюбивого и светлейшего Императора, на которого после Бога возлагает надежды вся пораженная скорбию Православная Восточная Церковь. Благоденствующий же и обильный виноград, над которым благодать свыше поставила Вас, божественные иерархи, да сохранит Господь и Спаситель наш неповрежденным во веки и да распространяется он больше и больше, сияя славою благочестия к утешению и вспоможению Православных Церквей, отягчаемых бедствиями. Святейшего и Богом сохраняемого Вашего собрания смиренный во Христе брат и готовейший к услугам Патриарх Иерусалимский Кирилл. Константинополь. 3 июля 1864 г.»[92].

Приведенную грамоту Патриарха Кирилла нужно считать официальным выражением суждений о новом начальнике нашей Миссии как о человеке «нрава доброго и поведения безукоризненного», но имеются у нас и другие данные, тоже офи-

[91] Там же.

[92] Дело Архива Святейшего Синода. 1864. № 763 и 921.

циальные, хотя и попавшие в документы случайно, из коих можно видеть, что Патриарх Кирилл был недоволен назначением архимандрита Леонида начальником нашей Миссии и добра от этого назначения не чаял. «Очень может быть, — писал архимандрит Антонин (Капустин) в своем следственном донесении 1865 года в Святейший Синод по поводу беспорядков в Миссии, — что и предшествовавшая размолвка (1858 год) отца Леонида с Преосвященным Кириллом Мелитопольским и, вследствие ее, невыгодные рекомендации о нем последнего (к слову заметить, пользовавшегося симпатиями и расположениями всего святогробского духовенства) пред Патриархом, способствовали неблагорасположенности к новому начальнику Миссии членов Иерусалимской Патриархии. По крайней мере мне памятно, что в октябре 1863 года, когда уже известно стало в Константинополе о назначении отца Леонида начальником Иерусалимской Миссии, Его Блаженство отзывался при мне, что от сего «добра не будет». О тогдашнем отзыве своем, как некоторого рода пророчестве, он напомнил мне теперь здесь, когда я в первый раз представлялся ему 11 сентября» (т. е. 1865 года)[93].

Следовательно, и здесь также надлежит искать одну из причин неудачи, постигшей нашу третью Духовную Миссию в Иерусалиме.

Глава IV

Первые шаги отца Леонида в качестве начальника Миссии. Освящение домовой церкви во имя царицы Александры. Столкновение с греческим духовенством, деятелями и сотрудниками по сооружению богоугодных русских заведений в Иерусалиме Палестинской Комиссии. Консул А. Н. Карцев и столкновения с ним. Конфликт с членами Духовной Миссии

Архимандрит Леонид прибыл в Иерусалим 12 мая 1864 года и поселился со всеми членами Миссии не в греческом Архангельском монастыре, как было раньше с первыми нашими двумя Миссиями, а прямо в собственном помещении, уже оконченном постройкою, — в русских богоугодных зданиях, сдав немедленно Патриархии бывший во временном владении Миссии Архангельский монастырь и совершая богослужение то на Голгофе, то в Гефсимании у гроба Богоматери, то иногда даже в новых покоях Миссии, и мало-помалу подготовляясь к предстоящему освящению домовой миссийской церкви.

28 июня было назначено днем освящения русских богоугодных зданий и домовой церкви во имя святой царицы Александры. Накануне этого дня в миссийской церкви совершена была торжественная великая вечерня в присутствии Патриаршего наместника Мелетия, митрополита Петры Аравийской, приглашенного на это торжество по желанию Святейшего Синода начальником Миссии. Во время вечерни пели певчие русские и греческие. Приглашенные на торжество клирики Патриархии остались ночевать в Миссии. В час ночи 28 июня зазвонили к заутрене, а в 2 часа началась утреня. После пения *Слава в вышних Богу* митрополит Мелетий со всем духовенством вышел из храма с литаниею, трижды обходя дом Миссии и читая всякий раз против западного входа Евангелие. По окончании крестного хода начался чин освящения храма и затем следовала Литургия, на которую собрались толпы богомольцев разных национальностей: присутствовали русские, болгары, греки, арабы, копты, абиссинцы. Богослужение, исполненное, как и накануне, певцами греческими и русскими, окончилось в 9 часов утра.

В 12 часов дня в мужском поклонническом приюте состоялся торжественный обед на 125 человек. За длинными сервированными столами во главе поместился

---

[93] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

митрополит, имея по правую сторону пять греческих архиереев, а по левую — начальника Миссии и представителей греческого духовенства. Против митрополита занял место секретарь консульства Т. П. Юзефович, за отсутствием консула исполнявший обязанности хозяина; по сторонам его сидели служащие в консульстве, принимавшие участие в постройках, генерал В. В. Волошин (Волошинов) и много других почетных гостей. «О гостеприимстве русском и притом царском[94], — замечает участник этих торжеств, автор «Воспоминаний поклонника Св. Гроба» В. К. Каминский, — нечего и говорить, оно было так удовлетворительно, как только возможно, несмотря на то, что день этот принадлежал к Петрову посту и, следовательно, трапеза была постная, которая в Иерусалиме с большим трудом устраивается. В конце обеда Т. П. Юзефовичем предложены были тосты за Государя Императора, щедрого жертвователя на русские богоугодные заведения, на что присутствующие ответили восклицанием «ура», а певчие исполнили народный гимн. Начальник Миссии архимандрит Леонид возгласил тост в честь Блаженнейшего Патриарха Кирилла, митрополита Мелетия, Патриаршего наместника Иерусалимского Синода, всего православного духовенства, присутствующих гостей, создателей богоугодных заведений — Б. П. Мансурова, архитектора М. И. Эппингера и его ближайших сотрудников, причем певчие всякий тост сопровождали пением «многая лета». Исполнением греческого гимна певцами греческими обед закончился, и гости стали расходиться по домам»[95].

В том же помещении был потом накрыт второй стол для поклонников, пребывающих в Иерусалиме, служащих на наших постройках, и рабочих в количестве 73 человек. «Все они также угощены были, — по словам В. Каминского, — щедрою царскою трапезою, и с веселием разошлись». Многие, впрочем, оставались на русских постройках до вечера и присутствовали на всенощном бдении во вновь освященном храме по случаю праздника в честь апостолов Петра и Павла[96].

Из представленного нами описания торжеств по случаю освящения домовой миссийской церкви во имя царицы Александры ясно, что главный хозяин русских богоугодных построек, консул А. Н. Карцев, отсутствовал на этих торжествах, пользуясь отпуском с мая месяца по декабрь 1864 года. Между тем с осени начали функционировать и приюты, мужской и женский, на наших богоугодных постройках, принимая приезжающих из России богомольцев. Пользуясь положением единственного хозяина на постройках и руководствуясь имеющимися у него инструкциями Министерства иностранных дел и Святейшего Синода, архимандрит Леонид обратил серьезное внимание на порядки, существующие в наших приютах, особенно женском. По свойству своего решительного и настойчивого характера и по своим ригористическим монашеским воззрениям, архимандрит Леонид пожелал подтянуть всех насельников русских богоугодных заведений, подчиненных ему членов Миссии и случайно проживающих здесь с целью урегулировать внутренний нравственный быт их соответственно святости данного места и добровольно принятого на себя подвига паломничества. Эти благие намерения нового начальника Миссии не пришлись по сердцу случайным обитателям русских богоугодных заведений. Но мы предпочитаем говорить словами самого отца архимандрита Леонида: «С прибытием новой Миссии в Иерусалим и водворением ее в среде наших построек, я, — писал отец архимандрит в 1865 году в Святейший Синод, — не касаясь материальной сто-

---

[94] На подготовку церкви к освящению израсходовано 3.196 пиастров, или 159 р. 81 к., а расходы по освящению, включая сюда восковые свечи для раздачи богомольцам, деревянное масло и обеды для почетных гостей и служащих — первый и второй, равнялись 13.291 пиастров. или 664 р. 561/4 к. (Дела Палестинской Комиссии. 1864. № 80 выход. 1865. № 23).

[95] Духовное торжество по случаю освящения храма.

[96] Сообщение Императорского Православного Палестинского Общества (далее: ИППО). Т. XII. С. 68—72.

роны дела, порученной консульству, счел своим пастырским долгом обратить особое внимание на духовно-нравственную сторону дела. Личная наблюдательность, поверенная распросами у людей, живущих здесь постоянно, скоро показала мне, что убеждения главного деятеля иерусалимского дела г. Мансурова, выраженные мне лично словами, будто Иерусалим все равно что Лондон и Париж, и потому, что бы ни делали в нем наши богомольцы, начальство духовное и гражданское может смотреть на это равнодушно, — не были простыми словами. Эти личные убеждения были приняты в основу действий местных исполнителей воли г. Мансурова. Так, например, в женский приют лишь незадолго до моего приезда был запрещен свободный вход мужчинам, а в течение первых месяцев по его открытии туда ходили свободно проводить время даже консульские кавасы. Начальницей приюта была поставлена монахиня Магдалина, женщина строгая к себе и потому и к другим. Узнав ее ближе и убедясь в ее готовности честно исполнять свои обязанности, я стал через нее вводить в женском приюте нравственный порядок, соответственно назначению этого учреждения[97]. Между прочим, совершенно случайно открылось, что ближайшая помощница смотрительницы приюта, поставленная консульством, занималась постыдным ремеслом «сводницы», за что и пользовалась общим вниманием г. г. служащих в наших так назыв<аемых> странноприимных заведениях. С ужасом узнав об этом, я просил г. консула отставить ее от должности и выслать из Иерусалима. Он хотя видимо смутился моим открытием, но показал вид, что он находит справедливым исполнять мою просьбу, прося лишь об одном — чтобы эта женщина была выслана по его отъезде в отпуск. <...> По слухам, эта бесстыдная женщина, озлобившись на меня за потерю места и выгодного ремесла, в проезд через Константинополь явилась к Его Блаженству Патриарху Иерусалимскому и принесла на меня жалобу от лица русских поклонников за воздвигнутые будто бы мною и матерью Магдалиною гонения против них в Иерусалиме и тем смутила Его Блаженство».

Но этим дело не ограничилось. Архимандрит Леонид продолжал держать под своим «постоянным и бдительным надзором» женский приют и после, в чем ему оказывала свое полное содействие, по страху Божию, его духовная дочь мать Магдалина, изъявившая «полную готовность не допускать во вверенном ее управлению месте ничего противного христианскому долгу и совести». «Это, — пишет архимандрит Леонид, — возмутило против меня и всех служащих при наших заведениях и состоящих под протекциею г. Мансурова, и они стали вести против меня интригу, направленную, как заметно, издали, рукою меткою и искусною (что весьма возможно при их деятельной переписке с Петербургом), обнаружившуюся решительными действиями лишь с приездом консула».

Следует помнить, что с выбытием из Иерусалима главного строителя, архитектора М. И. Эппингера, награжденного чином и деньгами, иерусалимский «триумвират», так энергично и единодушно действовавший в деле борьбы с епископом Мелитопольским Кириллом, хотя и потерял одного из видных своих представителей, но не распался. С успехом место выбывшего в «триумвирате» занял помощник главного архитектора, архитектор В. А. Дорогулин, «неразлучный друг г. консула», как его характеризует архимандрит Леонид, имея своими единомысленниками и сторонниками архитектора М. Ф. Грановского, доктора русской больницы Мазараки и его супругу, а также бывшего учителя военно-учебных заведений, писателя-паломника В. Каминского, — людей, весьма облагодетельствованных Б. П. Мансу-

---

[97] Митрополит Филарет не вполне одобрил образ деятельности архимандрита Леонида. «Настоятель Миссии не говорит, — замечает митрополит Филарет по этому поводу, — обратил ли внимание на порядок мужского приюта, чем был бы охранен и женский, но с усилием проникает в нечистые тайны последнего и обнаруживает их». (Архиеп. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 424).

ровым и ему весьма преданных. Первые два, прямо полагать, были из числа тех, против которых были направлены главным образом суровые прещения ригориста — начальника Миссии, с целью прекратить их посещения женского приюта, и уже несомненно эти люди любили пожить и повеселиться, устраивать у себя по вечерам сборища певчих «для пения песен и романсов» и «обильных попоек», на коих злословию и сплетням не было конца. Не по сердцу им пришелся суровый аскет — начальник Миссии, и они стали все усилия напрягать, чтобы отделаться от него.

«Г. г. служащие здесь, — пишет архимандрит Леонид, — высказывают твердое намерение не терпеть среди себя ни одного мало-мальски не безгласного свидетеля их действий. Кто же, зная это, решится вести борьбу бессильную и бесплодную и притом вредную великим нашим интересам — и политическим и духовным; а с другой стороны, кто из людей, не потерявших стыд и совесть, решится быть безгласным свидетелем того, что здесь делается, чего именно и желают г. г. служащие на постройках?»[98] В частности, г. Мазараки встал во враждебные отношения к архимандриту Леониду из личных своих рассчетов, опасаясь потерять выгодное место при русской больнице, оплачиваемое квартирою и жалованьем в 2.250 руб. (впоследствии русские врачи, выписываемые из России, получали содержание только в 1.500 руб., так как архимандрит Леонид взял с собою из Петербурга воспитанника медико-хирургической академии сирийца Сарруфа в качестве миссийского драгомана, вопреки желанию Б. П. Мансурова, наметившего на эту должность другого человека, и так как в Иерусалиме ходила молва, что Сарруф займет со временам и должность врача при нашем госпитале Мазараки).

В. К. Каминский, бывший воспитанник Нежинского юридического лицея и учитель военно-учебных заведений, приобрел себе известность в литературе своими «Воспоминаниями поклонника Св. Гроба» (СПб., 1859), из коих в свет доселе появилась лишь одна первая часть, три же другие части, приготовленные к печати, остаются в рукописи и хранятся в библиотеке Православного Палестинского Общества без надежды, впрочем, в целом своем виде когда-нибудь видеть свет Божий. Последнее объясняется отсутствием у автора специальных сведений по вопросам палестиноведения, затрагиваемым в его «Воспоминаниях» довольно часто, а равно крайнею страстностью и даже желчностью, какими проникнуты его «Воспоминания», когда он касается современных палестинских деятелей и пишет свои непосредственные впечатления, наблюдения и характеристики. Так как В. К. Каминский принимал горячее участие в иерусалимских миссийских беспорядках как человек, вполне расположенный к «членам мансуровской партии», придавая всем доносам членов Миссии на отца архимандрита Леонида «литературную форму», и в обвинительных доносах на отца архимандрита Леонида упоминалось, что «ожесточенным преследованием» последнего «этот поклонник якобы доведен, как многие здесь (т. е. в Иерусалиме) убеждены, до гроба», то мы остановим внимание на этой личности несколько подробнее, благо мы располагаем ценным материалом для его беспристрастной характеристики в упомянутых неизданных его «Воспоминаниях».

«Много читал, — пишет в своих воспоминаниях о себе В. К. Каминский, — много размышлял, многое усвоил себе и многим пользуюсь; много делаю, по-видимому, доброго, и все сам как-будто уничтожаю; все плоды мои гибнут от моей раздражительности, вспыльчивость моя потемняет светлость ума (sic) и расстраивает меня и поставляет в опаснейшее положение»[99]. «Нервы мои, слабые от самого рождения, — говорит г. Каминский о себе в 1852 году, — совершенно расстроились

[98] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[99] Воспоминания поклонника Святого Гроба. Рукопись библиотеки ИППО. Ч. IV. Л. 60—61.

(sic), потерял сон, аппетит и весь сделался болен без всякой определенной болезни. Через три с половиною месяца я близок был к тому, чтобы слечь в постель и не встать уж более <...> на долголетие я никак не смел рассчитывать; здоровье мое было очень непрочно»[100].

Итак, это был дегенерат, больной физически и нравственно человек, не знавший, куда преклонить свою бедную одинокую голову и не имевший определенной сознательной цели, но околачивавшийся постоянно в пространстве между Черниговым и Иерусалимом и попавший всецело в руки наших деятелей на русских постройках во главе с Б. П. Мансуровым. Неудивительно поэтому, что он находился во всегдашней оппозиции и к епископу Мелитопольскому Кириллу и к его преемнику — архимандриту Леониду, которого он характеризует в своих воспоминаниях в самых неправильных чертах[101].

Смерть г. Каминского не была неожиданностью ни для кого, а тем более для самого Каминского, и в ней архимандрит Леонид повинен лишь постольку, поскольку она случилась именно в его бытность в Иерусалиме, и только недобросовестные клеветники могли ставить эту смерть в причинную связь с характером архимандрита Леонида. «И теперь мне, — пишет архимандрит Леонид в письме Н. П. Игнатьеву от 24 июня 1865 года, — положительно сделалось известным, что письма писались на меня от лица поклонников, сочинялись по заказу покойным Каминским, человеком до того мнительным (он еще до приезда Миссии писал в Петербург жалобы, что его свои хотят отравить, хотят женить его насильно, чтоб воспользоваться его пенсией и т. п. мечтания) и раздражительным, что его все боялись. Но, пользуясь этими, всем известными его болезненными свойствами, состоявшаяся против меня коалиция так восстановила его против меня, что он не будучи почти вовсе знаком со мною, был готов вредить мне чем только может как личному злейшему врагу. Умирая, он прислал мне сказать, что он ничего против меня не имеет, я же, зная о его беспричинной ненависти ко мне и желая с ним проститься по-христиански, т. е. простить ему лично его злобу на меня, для успокоения его души хотел навестить его, но он отказался принять меня. За такой антихристианский поступок, конечно, большая часть вины падает не на г. Каминского, а на тех, которые, зная болезненное его расположение духа, лукаво пользовались этим для своих темных целей, без всякой мысли о том, сколько тем повредили ему душевно»[102].

Архитектор В. А. Дорогулин и его помощник М. Ф. Грановский, «состоящие под протекцией г. Мансурова» и привыкшие жить в Иерусалиме, не сдерживая ни своих свободных нравов, ни горячего темперамента, когда встретились с суровыми ригористическими пресечениями их вожделений по отношению к женским приютам, возмутились против него и решились повести против него самую низкую интригу. С этою целью они привлекли на свою сторону не только миссийских певчих, которых «для этой цели они стали собирать по вечерам у себя для пения песен и романсов», оканчивая эти вечера «обильными попойками, за которыми осуждали

[100] Там же. Ч. III.

[101] «Новый начальник нашей Миссии, — пишет В. Каминский, — отравил всех и каждого спокойствие и вообще жизнь окончательно. Этот человек своими гнусными страстями: деспотизмом, властолюбием, гордостью, корыстолюбием, честолюбием, самолюбием, выражающимися в нем с неистовством и бешенством, сопровождаемым иногда лукавством и проч., и проч., превзошел всех прежде бывших и настоящих в католическом мире инквизиторов. Он требует себе нагло безусловной и ни на волос незаслуженной покорности, старается поработить себе каждого, овладеть душею и совестию всех, под предлогом духовности, и потом чтобы извлекать из кого только можно свои интересы, в противном случае готов стереть с лица земли; поднял всеобщее гонение на поклонничество, чтобы не засиживались в Иерусалиме и чтобы не могли разгадать его злобную коварную душу (Там же. Ч. IV. Л. 29.).

[102] Архив Министерства иностранных дел... (Номер дела не указан).

действия начальника, бранили его». В числе недовольных против архимандрита Леонида были привлечены и члены Духовной Миссии — иеромонахи Иоанн и Анатолий и иеродиакон Арсений, над чем потрудилась со рвением, достойным лучшего применения, семья доктора Мазараки и, главным образом, его набожная, но легковерная и словоохотливая супруга, русская по рождению, хорошо осведомленная со всеми мелочами иерусалимской жизни. Нужно однако сказать, что значительная доля вины в этой интриге помимо подчиненного ему клира лежит и на совести самого отца Леонида, который выбор сотрудников признавал своею «величайшею ошибкою».

Как только стал известен выбор новых членов Духовной Миссии, бывший начальник архимандрит Порфирий (Успенский) дал о членах этих такой отзыв: «В Иерусалим на место Мелитопольского епископа Кирилла назначен архимандрит Леонид (Кавелин) (из военных), а этому епископу велено ехать в Казань и жить там в каком-то монастыре. Леонид подобрал под свою масть иеромонахов, иеродиаконов и певцов из среды самой необразованной. Итак, третья Духовная Миссия наша во Св. Граде ноль»[103]. Эта характеристика человека желчного и крайне обиженного невниманием духовного начальства к его трудам в Духовной Миссии, несомненно, преувеличена, так как среди назначенных членов Миссии был иеромонах Иоанн из дворян, отец иеродиакон Арсений — кандидат богословия Петербургской Академии, регент Вознесенский, окончивший курс Духовной семинарии и придворный певческой капеллы, — но в конечном результате этой Миссии архимандрит Порфирий оказался пророчески правым. Архимандрит Леонид, несомненно, в рекомендациях своих при назначении в Миссию новых членов оказался неосторожным и в этом ему пришлось горько раскаяться. Отец иеромонах Иоанн, например, при назначении «с духовной стороны» известный отцу архимандриту Леониду «лично по своим способностям и нравственным свойствам», «полезным помощником в письменных занятиях» и «для поручений по внешним делам Миссии духовно-политического характера» и даже человеком, который мог бы заменить его в случае болезни, смерти, отозвания и т. п. случайным обстоятельствам» и из которого он «желал бы приготовить преемника по Иерусалимской Миссии»[104], по его докладной записке в Святейший Синод и послу в Константинополь Н. П. Игнатьеву, оказывается, «еще в бытность в гостях в Оптиной пустыни, при первом с ним знакомстве, в разговоре сознался о. Леониду, что, находясь при Смоленском архиерейском доме, по своей молодости ощущал великий душевный вред от неизбежных встреч и сношений с женским полом и желал бы посему удалиться оттуда»; человеком, принявшим назначение в Миссии «с видимым удовольствием и благодарностью, обещаясь быть искренно послушным и духовно-преданным сыном, но по приезде в Иерусалим «с первого же дня обнаружившим к нему чувства совершенно противоположные, т. е. злобу и ненависть, которые дошли до крайних пределов и привели его к действиям поистине безумным». Причина огорчения и неудовольствия иеромонаха Иоанна на архимандрита Леонида заключается в том, что, по приезде в Иерусалим, последний, в видах его же душевной пользы, воспретил ему исповедывать и принимать женщин[105], тогда как г-жа Мазараки «трубила по всему городу о его высоких достоинствах» (едва 30 лет, в монашестве с 1860 г.), и он сам «по высокому о себе мнению», вопреки запрещению, «стал принимать богомолок в своей келлии и входить с ними в знакомство под предлогом духовных назиданий, в которых он сам имел неотложную нужду, не сознавая, впрочем, этого».

---

[103] Архимандрит Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. СПб., 1902. Т. VIII. С. 56.

[104] Дело Святейшего Синода № 1563, по Архиву — № 4355. Л. 2.

[105] Там же.

Назначение в Миссию членом иеромонаха Иоанна «ошибкою, исправить которую было поздно», признавал и палестиновед А. Н. Муравьев[106].

Иеромонах Гедеон в представлении в Святейший Синод «лично известный» отцу архимандриту Леониду как «по своим нравственным качествам, так и по способностям, существенно необходимым для Миссии» как «знающий хорошо Церковный Устав» и «хозяйственную часть» и «могущий быть духовником для богомольцев и надзирать за благочинием в самом доме Миссии, где предполагается помещать богомольцев из белого духовенства»[107], по докладной записке в Синод и посланнику, оказался человеком, которого отец архимандрит Леонид «коротко не знал, а решился взять с собой по нужде, основываясь на рекомендации людей», по видимому благонамеренных, как о человеке способном, а по малочисленности настоящего состава Миссии, при ежедневном богослужении не мог не обратить внимания на силы, лета и способности к внешним послушаниям» и, как признавался откровенно с глубоким сожалением, «вопреки нравственным свойствам, которые необходимо бы поставить на первый план»[108], вел себя в отношении архимандрита Леонида «двоедушным» и, по ложно понимаемому духу товарищества, «колеблющимся» в своих отношениях к нему.

Иеродиакон Арсений, бывший член Духовной Миссии (до 1860 года), аттестованный в представлении в Святейший Синод с хорошей стороны как человек, полезный Миссии «знанием церковной службы на греческом языке», «способный вести счетную часть по общему хозяйству Миссии», «хотя и не без некоторых «странностей»», проистекающих от недостатка правильного руководства в начале его иноческого пути и легко исправимых при желании подчинить себя этому руководству»[109], а в докладной записке иеродиакон Арсений является уже перед нами постоянно «смущенным и неустроенным по своей жизни», принятым в состав третьей Миссии «по его усиленной просьбе» и из сострадания к его тесному положению в академии».

О регенте миссийского клира, окончившим курс Московской Духовной Семинарии, Сергее Вознесенском, в представлении обер-прокурору Святейшего Синода князю С. Н. Урусову, архимандрит Леонид говорит, что «он известен ему с отличной стороны как по своим познаниям в пении, так и по примерному благонравию, чрез что он может иметь нравственное влияние на остальных певчих[110], а в докладной записке о том же регенте говорится уже, что «он ведет себя нехорошо; пьет запоем по временам» и самый хор признается нуждающимся «в переформировании», так как «после подачи доноса певчие делают, что хотят, считая своим настоятелем консула»[111].

Все эти лица легко могли соорганизоваться и сговориться по вопросу о том, как повести атаку против энергичных действий нового начальника Миссии. Одни в эту коалицию вошли из личной мести, другие — из ложного оскорбленного самолюбия, а третьи — просто по ложно понимаемому духу товарищества. Для начала выступления необходимо было выждать благоприятное время, каковым и был признан приезд в Иерусалим из отпуска консула А. Н. Карцева, состоявшийся 7 декабря. 12 декабря, после всенощного бдения, консул уже имел первую конфиденциальную беседу, которую архимандрит Леонид в докладной записке в Святейший Синод и послу Игнатьеву воспроизвел «по возможности» подробно. «На вас все жа-

[106] Дело Архива Святейшего Синода 1865. № 3156.

[107] Дело Архива Святейшего Синода № 1563, по Архиву № 4355. Л. 2.

[108] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[109] Дело Святейшего Синода № 1563, по Архиву № 4355.

[110] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[111] Там же.

луются, — так начал консул свою беседу. — «Кто же эти все, вопросил я, — пишет архимандрит Леонид, — и на что они жалуются?» — «Да все», — было ответом. — «Я повторяю вам, что это слишком голословно, а если удостоите наименовать жалующихся и объяснить, на что именно они жалуются, то я по-братски готов вам отвечать». На это ответа не последовало.

Говоря по своей обычной манере шуточно о самых серьезных вещах, он вдруг перешел в другой тон и как будто мимоходом спросил: «Вот вы говорили обо мне секретарю, что вам не нравятся мои ночные отлучки в город и что я лучше бы сделал, если бы женился». Я на это отвечал: «Да, я по своему духовному долгу, при совете его со мною касательно его жениться, точно говорил ему, что лучше жениться, чем жить нечисто, но употреблено ли при этом указание на вас, не помню». На это консул уже с запальчивостью и цинизмом отвечал: «Так знайте же раз и навсегда, что я ваших убеждений на этот счет знать не желаю. Я не могу обойтись без женщин и потому привез с собою одну венгерку[112]. И предупреждаю, что вам не должно быть никакого дела до того, что будет делаться в моем доме». Я на эту выходку отвечал холодно: «Я, г. консул, знаю все, что вы говорите мне, как новость, и пользуюсь этим случаем по долгу совести и лежащей на мне пастырской обязанности заявить вам, что содержанка ваша, которую вы привезли с собою, уже успела заявить в городе, что вы обещали поместить ее в консульском доме, т. е. внутри русских богоугодных заведений, и даже обещались сделать директрисой женского приюта. На это я скажу вам прямо, что я не могу допустить такого явного соблазна, и если вы добровольно не откажитесь от вашего намерения, должен буду довести о сем до сведения тех лиц, которые могут вам это запретить». Стараясь скрыть видимо волновавшую его беседу, <он> опять перешел в шутливый тон и, между прочим, сказал: «Я ведь располагаю пробыть здесь недолго, не более двух лет». На это я отвечал: «А если так пойдут дела, как они поставлены теперь, желал бы пробыть и того менее». На это он с увлечением отвечал: «Да, но тогда уже начальника Миссии здесь не будет, но останутся два иеромонаха, из которых один за старшего»[113]. После этого напряженного разговора А. Н. Карцев поспешил сблизиться с низшими членами Духовной Миссии и их привлечь на свою сторону и сделать им визиты. В Миссии этого только и ждали, чтобы начать компанию против своего начальника. 29 декабря на имя консула была подана первая жалоба на архимандрита Леонида, которая, будучи наполнена фактами мелочными и даже иногда малоправдоподобными, не может однако быть пройдена молчанием, так как в ней взводятся на о. архимандрита Леонида такие жалобы, которые аналогичны с жалобами клириков Константинопольской церкви, о чем у нас будет речь впереди. Нужно поэтому допустить, что некая доля правды имеется в этой жалобе.

1. «Состояние о. Леонида кажется нам неестественным, — пишут в своей жалобе члены Миссии, — лицо его по временам багровеет, то раздуваясь, то опускаясь попеременно, а глаза совершенно делаются желтыми... Тогда взгляд на его лицо приводит в невольный ужас. В этом состоянии он иногда бегает по коридору в спальном костюме и ломится, сколько есть силы, (обор.) кулаками в двери своих подчиненных с криками и ругательствами. Встреча с ним в это время небезопасна, потому что он весь бывает проникнут в это время желанием наносить оскорбления.

2. Во время Божественной литургии — рассеян и забывчив, так что часто бывает нужно подсказывать ему возгласы. Часто служит в тревожном состоянии духа; опи-

---

[112] См. отв. лист: Н. П. Игнатьев хорошо знал веселый характер своего любимца -консула А. Н. Карцева, и снисходительно смотрел на его юношеские, нецеломудренного характера похождения, прощая их ради его талантливости на дипломатической службе после поездки в Париж А. Н. Карцева в 1866 г. и «успешного окончания возложенного на него поручения щекотливого».

[113] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Отд. II, по Архиву № 231.

рается на Св. Престол руками и допускает очень важные ошибки, о которых не упоминаем здесь. Во время Литургии одного чередного иеромонаха о. Леонид нарушает тишину Св. алтаря и невольно развлекает внимание служащего разными звуками, похожими на пение, занимается разговорами, дергает за облачение с желанием что-то поправить и, наконец, делает начальнические замечания, большею частью самые неосновательные и несправедливые, отдает разные домашние распоряжения и рассказывает новости. И все это не от простоты, которой не видно в о. Леониде, но от нескрываемого неуважения к святости места. Во время же богослужения во святых местах: у Гроба Господня, на Голгофе, в Гефсимании, о. Леонид, так сказать, поглощен суетливостью: бегает от своего места, грубо разговаривает с богомольцами (л. 4), толкает их своими руками или тащит с одного места на другое. Однажды, при архиерейском служении в алтаре храма Воскресения, во время пения Херувимской песни, о. Леонид привязался к служащему иеромонаху из прежней Миссии и завел с ним ссору. А перед временем приобщения он поклонился иеромонаху в ноги, прося прощения. Иеромонах же движением руки делал ему вразумления в виду всех служащих, которых было очень много. После вразумления и примирения о. Леонид подошел к Первенствующему архиерею с жалобою и претензиею на того же иеромонаха.

3. Однажды, перед самым моментом приобщения, о. Леонид призвал в алтарь Миссийской церкви и мирил мнимых врагов, не сказавших до того друг другу ни одного оскорбительного слова, и заставлял иеродиакона Арсения просить прощение у регента Вознесенского. Вместо того дело кончилось кратким объяснением недоразумения, причиной которого, как после оказалось, был сам о. Леонид. По окончании же Литургии, будучи раздражен простою формою объяснения, с криками и ругательствами, неожиданно вбежал в квартиру иеродиакона, и вне себя произнес богохульство. Об этом происшествии, особенно о последнем слове, будет написано (обор.) в отдельном письме от иеродиакона, потому что свидетелем этого слова о. архимандрита был только младший член Миссии, о. иеродиакон. Раз перед служением в Гефсимании о. Леонид спросил иеродиакона Арсения, исповедывался ли он вчера, чтобы сегодня приступить к причащению? И на ответ иеродиакона, что исповеди не было, но что он не имеет грехов, устраняющих от причащения, о. Леонид решительно объяснил, что он и сам не будет служить Литургии и его не допустит до служения, пока этот последний не исповедается. Затем предложил себя духовником и исповедовал иеродиакона в волнении, без епитрахили, почему и разрешительную молитву должен был прочитать после в церкви. Неожиданные принуждения к исповеди иеродиакона Арсения повторялись неоднократно, с целью удалить его от давнишнего духовника, Высокопреосвященнейшего Мелетия, когда прямые запрещения и угрозы не исповедоваться у Его Высокопреосвященства оказались недействительными.

4. Неоднократно о. Леонид бесчестил и злословил Высшую Греческую Иерусалимскуго иерархию: клеветал нам на святителей, полных благодати и духа, и делал смиренным архипастырям Иерусалима оскорбления, которые тяжело ложились на наше сердце, стыдом (л. 5) покрывали лицо и вызывали слезы; запрещал русским богомольцам останавливаться в греческих монастырях с целью, между прочим, отнять у греков доходы; вмешивался в управление греческих монастырей, порицал их благочиние, лично бранил игуменов монастырей, злословил игумений, внушал богомольцам делать копеечные пожертвования на св<ятых> местах, перетолковывал в другую сторону древний обычай поклонников ночевать в храме Гроба Господня. Во время соборной архиерейской службы в храме Воскресения занимается местничеством в виду народа и служащих архиереев; своими руками выводил иеромонахов Миссии с мест, назначенных экклисиархом, и ставил выше греческих игуменов, к явному неудовольствию греков и соблазну народа, уважающего нрав и распорядки местной иерархии.

5. О<тец> Леонид не позволяет членам Миссии читать в своей церкви поучений, а народ, между тем, — цветок русского благочестия, наполняющий храм более четырехсот ежедневно, уподобляется земле жаждущей, просит иеромонахов напоить их водою жизни — благодатным учением Христовым в Иерусалиме, свободных (обор.) от всех житейских попечений, и по вниманию к трудам их дальнейшего странствования. Родители, приехавшие с детьми, просят поучить миссионеров детей Закону Божию, но о. Леонид запрещает это миссионерам на том основании, что мальчиков не следует пускать к монахам из опасения — стыдимся говорить — содомского греха. Это говорит начальник Миссии, архимандрит, Миссионеру-Академику, прямая обязанность которого распространять свет слова Божия и тем вознаградить траты Церкви на его воспитание. Впрочем, кажется, не в этом главная причина запрещения, что высказана о. архимандритом, а в ненависти его к монахам, кончившим курс в духовных заведениях, особенно в Академиях.

6. О<тец> Леонид требовал от старшего иеромонаха Миссии о. Гедеона, чтобы тот не исповедовал чиновников и всех служащих при Консульстве и русских постройках, а отсылал бы их к нему. Когда же те не соглашались исповедоваться у о. Леонида, а желали <исповедоваться> у иеромонаха, то о. Леонид позволял себе делать им после неприятности, а иеромонаху выговаривал. Богомольцев, постоянно живущих в Иерусалиме, особенно заслуженного и (л. 6) ученого профессора г. Каминского, известного своим сочинением и незаменимого в Иерусалиме по его полному историческому изучению географии Обетованной Земли и в настоящее время неусыпным трудам по составлению указателя Палестины, — теснит, оскорбляет и гонит всевозможными мерами из Иерусалима. Других преследует подозрениями в худом поведении и нередко приходит в их келлии с тяжелою бранью. Много мы видели богомольцев, плакавших слезами глубокой горести, и слышали, как они называли нашего начальника именами, слишком тяжелыми для нашего духовенства. С членами Миссии о. архимандрит обращается надменно и презрительно, устраняет от всякого участия в делах Миссии и в то же время употребляет все усилия, чтобы членов Миссии перессорить между собою. О<тца> иеродиакона Арсения три раза называл в глаза скотиной и подлецом, один раз при иеромонахе Миссии и певчих, другой раз — при регенте, третий раз — в квартире иеродиакона немедленно после своей службы, и удивительно то, что все это злословие было без всякого повода со стороны его жертвы. Такое обращение решительным образом потрясло и без того слабое здоровье иеродиакона, прибывшего в Иерусалим со следующим докторским свидетельством, предъявленным уже и Вам. Иеродиакону Арсению запрещал служить более двух раз в неделю, хотя тот мог бы и чаще (кажется, для того, чтобы иметь возможность просить второй штат иеродиакона и сослаться на факт, что одному иеродиакону ежедневное служение и приобщение невозможно). Потом намеревался представить его, против его воли, к иеромонашеству, чтобы таким образом без особого распоряжения Св. Синода (л. 7) исключить иеродиакона из Миссии, потому что третьего иеромонаха в штат Миссии не полагается. И вот ныне, после Вашего приезда, на днях уговаривал г. регента писать фальшивый донос на иеродиакона Арсения; обещал за это лжесвидетельство г. регенту свою дружбу и покровительство. Об этом г. регент уже заявил Вам в присутствии певчих Миссии. Незадолго до Вашего приезда второму иеромонаху о. Иоанну читал свое письмо в СПб., с уведомлением, что иеродиакон и некоторые из певчих заболели от неудобных и сырых квартир. Это совершенно несправедливо: квартиры наши со всеми удобствами и все мы помещением довольны. Певчих Миссии не удовлетворяет заслуженным жалованием. Они жалуются на невыдачу им обещанных подъемных и прогонных денег. Сумму денег получает от Правительства на 7 певчих, 4-м — по 750 р. и 3-м — по 500 р., а налицо всего певчих пять (не достает одного певчего со старшим окладом и одного с младшим). За недостающих певчих наличные певчие исполняли должность шесть месяцев в очевидный ущерб своему здоровью;

обращается с ними негуманно и грубо; корит их именами вольнонаемных, называет их в глаза свиньями, животными, подлецами и мышами, которых он всегда легко может раздавить.

7. Удержал у себя столовые деньги членов Миссии за декабрь месяц 1863 г. и не возвращает. Рассчитал прежнюю Миссию из жалованья членов и певчих новой Миссии, ничего не удержав из своего жалованья, и до сих пор удержанной суммы нам не возвращает, хотя мы и слышали давно о высылке этих денег о. Леониду для возвращения по принадлежности. Членам Миссии также известно, кому раздавались и раздавал ли о. Леонид деньги, полученные от Императорской фамилии для раздачи бедным: но мы не один раз видели, что о. Леонид гнал от себя без милосердия с обидными словами действительных бедняков, обращавшихся к нему с просьбою о пособии. Церковными суммами, весьма значительными, — свечною, кошельковою и кружечною, — распоряжается или произвольно и своекорыстно, или вовсе без ведома членов Миссии, которых даже просил, чтобы скрывали о существовании этих сумм от Консульства, объявил свое намерение представить отчет о расходе штатных сумм (на церковную прислугу, экстренные расходы и пономаря) в самых общих чертах, вероятно, с целью скрыть большие, известные нам, остатки. В удостоверение всего вышеприсанного честь имеем подписаться Вашего Благородия, Милостивого Государя покорнейшие слуги, члены Иерусалимской Духовной Миссии:

иеромонах Гедеон, иеромонах Иоанн, иеродиакон Арсений.
29 декабря 1864 г. Иерусалим»[114]

За этою жалобою последовали и другие жалобы и донесения: 31 декабря — донесение о произвольной ревизии церковных сумм и о захвате в свое распоряжение храма Миссии, и от 6 января 1865 года — жалоба на архимандрита Леонида о неправильном его доносе на членов Миссии, принятые консулом А. Н. Карцевым и пущенные затем для достижения задуманной цели, — удалить из Иерусалима архимандрита Леонида. Затем, когда члены Миссии отказали своему начальнику в повиновении и он был вынужден на время прекратить даже участие в богослужении миссийского храма, последовал рапорт от 3 января на имя преосвященного митрополита Петры Аравийской Мелетия от членов Миссии и случайных богомольцев об оставлении церкви отцом Леонидом вследствие неудовольствия на ризничного, не пожелавшего переменить поручи на лучшие, и др. Как эти жалобы, так и другие, следовавшие на архимандрита Леонида потом от лиц, совершенно к нему не имеющих никакого отношения, как например, серба Евфимия или немца-булочника Р. Лентгольта, консул принимал «благосклонно» и давал понять жалобщикам, что он «принимает их под свое покровительство» и «препровождал по назначению», то есть в Константинополь послу Н. П. Игнатьеву, а оттуда они шли в Министерство иностранных дел и в Святейший Синод.

В Миссии благодаря этому появилась «полная деморализация» среди ее членов, о которой 31 декабря 1864 года архимандрит Леонид вынужден был подробно донести в Константинополь послу, так как надеялся, что оттуда «скорее мог быть восстановлен порядок, нарушенный вмешательством консульства столь бесцеремонно».

7 января 1865 года члены Миссии подали жалобу на архимандрита Леонида и. о. обер-прокурора Святейшего Синода князю С. Н. Урусову, подкрепив ее новым доносом в письме на его же имя от 21 января того же года.

В объяснении отца архимандрита Леонида по этой совершенно неправильной жалобе рисуются перед нами любопытными чертами внутренний быт Иерусалимской Духовной Миссии при ее прежнем начальнике.

---

114 Архив Святейшего Синода № 224/3156.

«Имея своею обязанностью устроить продовольствие служащих в Миссии монашествующих и певчих таким образом, чтобы отнять у них повод к посещению городских трактиров (локанд), я, — пишет отец архимандрит Леонид, — по примеру прежней Миссии, нанял повара-маркитанта (турецкий подданный, русский по вере и происхождению), Сильвестра Иванова, с платою ему из суммы, положенной на наем для Миссии служителей (500 р. серебром в год, 225 пиастров в месяц) и помощнику его 90 пиастров в месяц, предоставя ему при казенной посуде и дровах содержать на кухне Миссии стол для монашествующих и певчих с платою с каждого из монашествующих за обед по 15 р. сер. в месяц, а с певчих — за обед и ужин по 12 р., а за один обед по 10 р. сер. в месяц. Притом, чтобы со стороны певчих не было в ущерб ему задержки в плате, взял на себя уплачивать из их столовых денег следующую сумму вперед за каждый месяц, что и делал до 1 января текущего года (а с января месяца каждый платил маркитанту лично). Кроме членов Миссии и певчих, по просьбе маркитанта, я дозволял ему продовольствовать, на каких он хочет денежных условиях, богомольцев духовного звания, а также секретаря консульства г. Юзефовича и служащего в наших заведениях чиновника М. Ф. Грановского»[115].

Беспорядки в Миссии между тем продолжали расти, и 16 января члены Миссии письмом на имя архимандрита Леонида отказались совершать с ним богослужение в домовой церкви Миссии. Письмо это гласило следующее:

«Встреч с нами Вы избегаете; двери Ваших комнат для нас закрыты; единственные встречи у нас с Вами у престола Господня. Не правда ли, о. Архимандрит, что это весьма неестественно, противно духу христианского благочестия и канонам нашей Православной Церкви о Св. Таинстве Евхаристии? А когда проясним ненормальность Вашего Высокопреподобия во время Святейшего Богослужения, подводящую нас под ответственность, и когда размыслим, что Вы немедленно после службы и приобщения Св. Христовых Тайн позволяете себе делать несправедливые доносы и высказывать неосновательные жалобы на своих сослужащих, то уже не остается сомнений, что наша совокупная служба есть дерзкое оскорбление Господа. Почтим страхом Божиим своего Творца и Искупителя. Не будем служить вместе до более счастливого времени, когда Господь осенит миром свыше Ваше сердце и когда мы не будем опасаться при служении смертного греха. Итак, Ваше Высокопреподобие о. Архимандрит, возьмите на себя болезненный труд приглашать себе сослужителей откуда-либо, кроме нас, на день, когда угодно Вам служить Литургию. Молим Господа, чтобы это поистине плачевное состояние нашей Миссионерской Общины продлилось недолго.

16 января 1865 г.
Иеромонах Гедеон, иеромонах Иоанн, иеродиакон Арсений»[116].

На это дерзкое письмо членов Миссии 25 января архимандрит Леонид ответил «докладной запиской о мерах к скорейшему восстановлению законного порядка в Иерусалимской Миссии», рекомендуя Святейшему Синоду всех бунтовщиков удалить из Иерусалима и на их место назначить новых членов. «Восставшие против меня по наущению партии г. Мансурова и под покровительством г. Консула члены Миссии сами же и предрешили затеянное ими дело как самочинными действиями, так и тем, что рассказывают всем и каждому, что дело это может иметь лишь один исход: или мы выживем отсюда начальника Миссии, или же, если он останется, уедем сами. И действительно, после открытого восстания, за которым следовал ряд действий поистине неслыханных, каковы: завладение церковью, церковными сум-

[115] Донесение от 31 марта 1865 г. Архив Министерства иностранных дел. Л. 15 об.

[116] Архив Святейшего Синода № 224/3156.

мами и имуществом и продолжающееся до сего дня самовольное распоряжение, далее отлучение меня от сослужения с ними актом (вроде соборного определения), множество дерзостей, деланных совокупно и отдельно, не только у меня в квартире, и в храме Божием, перед самым богослужением, открытого неповиновения, доведенного до крайности на соблазн всем, пренебрежение власти, — дальнейшее служение в Миссии ни мне с ними, ни им со мною сделалось положительно невозможно.

И потому, если Высшему Начальству угодно будет на основании их совокупных доносов отозвать меня, то после всего претерпевшего и терпимого мною от них доселе, я приму это увольнение как награду за скорбь в терпении, посланную свыше. Если же Высшему Начальству угодно будет для восстановления порядка отозвать восставших и самовольно низвративших законный порядок членов Миссии, то считаю долгом совести указать, как можно устроить все сие без новых издержек для правительства (обор). На место двух нынешних иеромонахов рекомендую:

а) Состоящего при Миссии (на певческой вакансии) Московской епархии Николо-Угрешского монастыря иеромонаха Анатолия, которого знаю с отличной стороны, ибо жил с ним в скиту при Оптиной пустыни в течение 12 лет; он, как инок духовной жизни, может быть особенно полезен в звании духовника.

б) Находящегося в настоящее время на богомолии (до Пасхи) в Иерусалиме, живущего на покое в Киево-Печерской Лавре игумена Димитрия, который может принести особую пользу Миссии, как отличный знаток церковного пения, и способствовать реформированию нынешнего певческого хора, приведенного происшедшим беспорядком в расстройство. Тем более, что нынешний регент, уклонившись в нетрезвую жизнь, не может быть более терпим здесь.

в) На место нынешнего иеродиакона Миссии о. Арсения, отказывающегося, по мнимой болезни, а в сущности — по лености и упрямству, от всякого послушания, кроме церковных служений, постоянно смущенного (страстью сребролюбия), прекословного и ропщущего, и имеющего по этим качествам самое вредное влияние на певчих (как людей одного с ним звания: он их возмущал, писал им доносы и т. п.), можно пригласить на временное служение при Миссии (с производством положенного по штату содержания) из Греческой Патриархии иеродиакона Гавриила, хорошо знающего службу на славянском языке; он племянник Митрополита Мелетия и потому приглашение его будет приятно грекам и послужит к укреплению духовной связи с ними. Этот иеродиакон может служить при Миссии или до появления на богомолье человека, способного к занятию этой должности, или до прибытия кого-либо по моему приглашению и на мой собственный счет.

Таким образом, определение новых членов Миссии (если решено будет до Пасхи), вполне заменяющих нынешних по своим способностям и качествам, обойдется без всяких новых издержек. Касательно же увольнения отказывающихся от всякого повиновения и действиями извративших законный порядок, должно заметить, что так как они будут уволены не по какой-либо посторонней уважительной причине (болезни и т. п.), а именно за стачку и восстание против начальника, то их не будет несправедливо снабдить на дорогу денежными средствами лишь в таком размере, какой действительно необходим для возвращения туда, куда будет им назначено, на что полагаю вполне достаточным: иеромонахам — по 400, а иеродиакону — 300 р. сер. На этот предмет можно употребить: 1) 15%-билет в 500 р. сер., хранящийся в кассе Миссии и пожертвованный в ее пользу частным лицом; 2) 304 р. сер. из певческой суммы, имеющиеся в наличности (от накопления по случаю оставления одного певчего в Одессе за болезнью). А недостающие 300 р. сер. предлагаю дополнить из моего жалованья, ибо я один виноват в вызове таких лиц, хотя по сказанному в Писании: «никто не знает человека, только дух человека, живущий в нем».

По высылке главных смутьянов, певчие, возбужденные ими, легко успокоятся; кто же из них пожелает сам уехать, держать нет причин, ибо после Пасхи особой нужды в них нет целое лето, а через игумена Димитрия легко выписать к зиме нужные голоса на те деньги, которые Ваше Превосходительство по моей усиленной просьбе ассигновали в пользу певчих и которые, согласно моему представлению, должны будут послужить в обеспечение условий, заключенных мною с вольнонаемным певчим на 7 лет.

По восстановлении законного порядка необходимо воспретить г. Консулу вмешиваться во внутренние дела Миссии не только по личности и интриге (как это подробно объяснено в моей докладной записке) для уничтожения в Св. Граде вовсе Духовного представительства, но и не по какой другой причине, ибо по местным обстоятельствам, при ежедневном соприкосновении с беспорядочной поклоннической средой, при неустанных интригах извне и извнутри, начальнику Миссии, кто бы он ни был (обор.), без полного к нему доверия со стороны высшего начальства, нет никакой возможности держать в должном повиновении и благочинии своих подчиненных, если они будут надеяться выйти из повиновения и найти себе явную (как это случилось ныне) опору в другой власти, руководящей делами и воззрениями вовсе не духовными.

Тем более, что место консула в столь важном по своему значению пункте, по несчастью для Миссии, занимает человек молодой, неопытный, преданный всем страстям до цинизма, который, будучи упоен своим легким успехом в борьбе с моим предместником и желая после этого властвовать здесь нераздельно и безгранично, не может терпеть рядом с собой человека не вовсе безгласного и ничтожного, и потому желает уничтожить не только меня, но и самое место начальника Духовной Миссии, передав оное своим протеже.

Иерусалим, января 1865 года»[117]

В письме на имя посла в Константинополе, давая подробные объяснения по поводу жалоб членов Миссии на него за неправильную выдачу им жалованья, о. Леонид повторяет мысли своей докладной записки в Святейший Синод с просьбою или его отозвать из Иерусалима, или удалить возмутившихся членов Миссии.

В Иерусалиме однако интрига продолжала свою коварную работу. Консул А. Н. Карцев, как видно из письма иеродиакона Арсения на его имя от 8 февраля 1865 года, продолжал «любопытствовать узнать все события, выходящие из ряда обыкновенных, все равно, относились ли они к целому обществу или к отдельной личности, и неоднократным напоминанием о моем обещании ускорил и его решимость исполнить это обещание». «Прекрасным финалом громкой партитуры, разыгранной перед консулом по его возвращении из России хором разнородных страдальцев», по словам отца иеродиакона Арсения, и было его «огромное» письмо на имя А. Н. Карцева. Неудивительно поэтому нисколько, если, как выражается этот красноречивый сочинитель доносов, начальник Духовной Миссии стал *притчею во языцех* в прямом смысле фразы. «Можно сказать, — добавляет отец Арсений, — языком священной поэзии, что стогны Иерусалима наполнились славою о. архимандрита, о нем беседуют празднолюбцы, сидящие при вратах; о нем пустословят друзья пиршеств, пиющие вино. Турки начали называть червонных королей (в картах) уже не королями, а русским архимандритом»[118].

Положение архимандрита Леонида в Иерусалиме было в высшей степени тяжелое в это время. Переживая глубокие нравственные потрясения и нуждаясь в по-

[117] Источник цитаты А. А. Дмитриевским не указан. — *Н. Л.*

[118] Источник цитаты А. А. Дмитриевским не указан. — *Н. Л.*

стороннем совете, он конфиденциально сообщил о событиях, происходящих в Миссии, Патриаршему наместнику митрополиту Мелетию, который дал такой совет: «Если бы консул был на вашей стороне, то, конечно, смирить их было легко. А теперь мой совет вам молчать и терпеть». С большою сердечностью и теплотою отнесся (11 января 1865 г.) к архимандриту Леониду его духовник, «смиренномудрый настоятель лавры пр. Саввы Освященного, 70-летний старец авва Иоасаф, которому, как духовному отцу и руководителю, были известны не только все его действия, но и самые чувства и мысли, так же, как и покойному его старцу» (Макарию). «Вспомни, — утешал авва Иоасаф архимандрита Леонида, — слова Спасителя: *Если Меня изгнали, то и вас изгонят; если слово Мое соблюдали, то и ваше соблюдут*... Кто был пр. Савва Освященный? А в житии его читаем, что его два раза изгоняла из обители, им устроенной, братия, им же собранная, и настоятельно требовали у патриарха себе другого начальника, клевеща на преподобного. Но приведены были в смущение вопросом: «Вы ли его избрали, или он вас?» Так и с тобою: тебе досаждают, запрещают и изгоняют те самые, которых ты же избрал и указал на них начальству. Что делать... Молчи и терпи, пока начальство разберет дело»[119].

О своем безотрадно тяжелом положении жаловался отец Леонид и константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву, который, к глубокому сожалению, восхищаясь личными и дипломатическими дарованиями А. Н. Карцева, стоял не на стороне архимандрита Леонида и не проявлял, нужно сказать правду, в этом деле должного беспристрастия и корректности. «Я, — писал архимандрит Леонид посланнику от 4 февраля, — будучи тесним со всех сторон: лично враждебными против меня действиями консула и его подчиненных и моими бывшими подчиненными, которые, в ожидании обещанных им благ, сделались покорными орудиями в руках первых, — я нахожусь в положении командира в заграничном плавании, против которого взбунтовался экипаж и, связав его, бросил в каюту до прибытия к порту. Так и я, будучи нравственно связан по рукам и ногам, т. е. поставлен в невозможность и нравственно, и физически исправлять возложенные на меня обязанности, должен был, уступая насилию и чтобы не усилить неприятности и озлобления (дошедших до крайних пределов под влиянием страстей), устранился от официальных обязанностей начальника Миссии до восстановления законного порядка, низвращенного до корня, и, будучи действительно нездоров, сижу в своей квартире безвыходно, в ожидании, пока Господу угодно будет положить предел этой неслыханной дерзости и своеволию...»

«Трудно изобразить словами, — говорится в этом письме далее, — беспорядки паломнической среды, при отсутствии всякой заботы о нравственной стороне дела со стороны консула и при положительной невозможности мне в моем настоящем положении противодействовать злу не только тайному, но и явному. (Все пути сношения моего с богомольцами пресеклись). Никто не осмеливается ходить ко мне явно, ибо такого под каким-нибудь предлогом обзовут шпионом и вышлют вон из Иерусалима, а некоторые приходят в сумерки. На вопрос же мой: «Что значит посещение в такое время»? — отвечают: «Вы сами знаете...» Остается, по совету опытных, терпеть и молчать, пока Господу угодно будет или извести из этой нравственной тины душу мою, или укротить бурю, восставшую против меня грехов моих ради, хотя и не тех, в которых обвиняют меня водимые гордостью и самочинием доносчики, но, к сожалению, не слепые и сознательное орудие хитрой и злобной

---

[119] «Отец Иоасаф, которому, когда бывало поведаешь свои скорби и недоумения, он, — вспоминает архимандрит Леонид, — улыбнется своею неземною улыбкою и скажет: «потерпи малко (немного), будет лучше. Есть Бог». Что может быть проще сих слов, но какой бальзам они проливали на сердце, жаждущее иной пищи, иных утешений, чем те, которые предлагает нам изолгавшийся мир». (Из письма архим. Леонида к В. Н. Хитрово от 24 декабря 1887 г.)

интриги честолюбцев. Впрочем, Господь силен, если Ему будет угодно, развязать и этот новый узел так называемого «Иерусалимского дела», ко славе святого Своего имени. Я же, предавая себя и дело это всецело воле Божией, всегда благой и совершенной, спокойно ожидаю распоряжений высшей власти, моля лишь Господа сократить время соблазнительного для меня своеволия»[120].

Упование и глубокое сознание своей правоты отца архимандрита Леонида не были тщетными. Высшее духовное начальство на действия консула в Иерусалиме посмотрело неблагосклонно и назвало их «непонятным домогательством для поддержания беспорядка в среде духовного состава Миссии и духа своеволия и неповиновения недостойных ее членов», а вышепоименованное нами письмо иеродиакона Арсения назвало «длинною статьею, содержания которой достало бы на несколько нумеров «Колокола» (Герцена) или «Искры»» (юмористического журнала), о чем 11 марта 1865 года отношением за № 1279 и. о. обер-прокурора Святейшего Синода было и доведено до сведения товарища Министра иностранных дел.

Нелишне здесь отметить и резолюцию на этом отношении, вышедшую из-под пера высшего светского начальства, принявшего, очевидно, сторону консула, следующего содержания: «Очень может быть, что выставляемое Арсением требование г. консула не более как выдумка с его стороны, чтобы показать духовному начальству, что будто бы представитель правительства на стороне бунтующих против начальника. По словам Арсения и действиям можно признать это сбыточным»[121]. В Святейшем Синоде, уже до получения этого письма иеродиакона Арсения, состоялось еще 15 февраля решение иерусалимского вопроса и постановлено было: «1) г. Синодальному обер-прокурору войти в сношение с Министерством иностранных дел и просить распоряжения оного о немедленном отправлении иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения в Одессу; 2) поместить их в монастыре вверенной ему епархии впредь до дальнейшего относительно сих лиц распоряжения; 3) предоставить начальнику Иерусалимской Духовной Миссии архимандриту Леониду до времени замещения иеромонашеской и иеродиаконской вакансий при Миссии для отправления при оной священнослужения приглашать монашествующих из числа поклонников или местного духовенства, об определении же на сии вакансии новых членов Миссии войти в Святейший Синод с особым представлением»[122].

Решение это Святейшего Синода было препровождено в Министерство иностранных дел при отношении обер-прокурора Святейшего Синода от 10 марта с. г. за № 56, в коем, осуждая действия иерусалимского консула, сей последний пишет товарищу Министра: «Ваше Превосходительство изволите согласиться, что для сохранения достоинства Русской Церкви в Святой Земле необходимы два условия: предоставление ее представителю исполнять духовные обязанности, возложенные на него Святейшим Синодом, совершенно самостоятельно и независимо, и такой образ действий со стороны представителя нашего правительства в Иерусалиме, который бы клонился к поддержке, а не к расстройству Духовной Миссии. Между тем из действий г. Карцева, судя по собственным словам его (письмо от 10 января), можно заключить, что консульство наше действовало под влиянием, по-видимому, совершенно иных соображений... Консульству не только не следовало бы принимать жалоб на архимандрита Леонида от лиц, непосредственно ему подчиненных, и подавать им советы изложить ему их претензии письменно, но следовало немедленным внушением и наблюдением принять меры

---

[120] Архив Министерства иностранных дел. (Номер дела не указан) Л. 55—56

[121] Там же. Л. 13

[122] Там же. Л. 19.

к обращению возбужденных и возмутившихся на путь законного подчинения. До получения ответа (от правительства) он всегда мог своим влиянием поддержать порядок и тем избегнуть неминуемых порицаний нашей Церкви и народности, соблазна для поклонников и единоверцев и торжества для иноверцев, быть может, и для греков. Вместо того г. Карцев принимает от членов и певчих Духовной Миссии подаваемые на его имя письменно и словесно жалобы на прямого и непосредственного начальника, хотя эти жалобы подавались скопом от всех членов или певчих Миссии, и уже по тому одному не должны были по закону иметь никакого хода.

Не трудно было предвидеть, что принятие этих жалоб, естестественно, подает недовольным повод думать, что консульство берет их под свое покровительство... Нельзя, думаю, отрицать влияния на последние иерусалимские события, во-первых, прискорбного обстоятельства смены Преосвященного Кирилла, подавши мысль о домогательстве уничтожения Духовной Миссии; во-вторых, неудачного выбора наших представителей по неопытности и недостатку серьезного авторитета, не удовлетворяющих строгим условиям трудного во Святом Граде положения; и, в третьих, личных ошибок и недостатка такта со стороны отца архимандрита Леонида как при выборе людей, им взятых, так и при отношениях к среде, его окружающей...»[123].

«Я, — прибавил обер-прокурор Святейшего Синода, — не принимаю на себя безусловной защиты действий настоящего начальника Иерусалимской Духовной Миссии. В виду моем, как и Министерства иностранных дел, одна цель — сохранение достоинства Российской Церкви и русского имени, — цель, пред которой личности исчезают. Но желание достижения этой именно цели приводит к необходимости поддержать значение начальника Русской Духовной Миссии»[124].

Вполне естественно было со стороны отца архимандрита Леонида желание выйти из этого положения, крайне оскорбительного лично для него и унизительного для Русской Церкви, представителем которой он являлся в Иерусалиме, и горячая просьба освободить его от занимаемого места. «Что касается до меня, — писал Н. П. Игнатьеву архимандрит Леонид в письме от 20 января 1865 года, — то я, будучи в последнее время не более как почетным узником в наших странноприимных заведениях, осужденным без суда и прямой вины, так отягчен печалью от всего, что вижу и слышу вокруг себя, что, если угодно будет уволить меня отсюда, приму это известие как отраду, посланную Богом за потерпевшие скорби, тем более, что, оставаясь здесь, ничего не предвижу хорошего: цель искусно веденной интриги вполовину уже достигнута — это поставить меня в глазах всех в положение, унизительное для моего звания и сана, и тем самым парализовать в начале и в корне ту деятельность, на которую я позван волею духовного начальства... Усердно прошу, ради Его Святого Имени, поспешить избавить меня от настоящего, унизительного не для моей личности, открытой для всех ударов, но и для Церкви, которой угодно было почтить меня званием своего представителя во Святом Граде. А между тем едва ли кто из низшего клира нашей иерархии в настоящее время подвергся такому опозорению и поруганию, как я. И кто же все это сделал? Люди, мною приглашенные, получившие через меня честь, которой до этого не пользовались, средства к жизни, о которых и мечтать не смели, но люди молодые, неопытные, и потому легко сделавшиеся, с помощью льстивых обещаний, орудиями темной интриги, имеющей свои собственные цели».

«Я, — повторяет отец Леонид в письме к нему же от 21 мая, — с удовольствием готов уступить свое место кому угодно и считаю несчастнейшим в своей жизни тот день, в который решился принять за послушание высшей иерархической власти

[123] Там же. Л. 109—111.

[124] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Отд. 11. № 231.

место, окруженное столькими интригами и от своих, и от лжебратии, льстивой, по словам нашего историка, даже до сего дня. Веря сердечно Промыслу Божию, не сомневаюсь, что время откроет истину, а правосудие Божие не оставит без наказания тех, которые ныне, при напоминании о сем, отвечают неистовым глумлением и смехом»[125].

Глава V

Патриарх Иерусалимский Кирилл и его отношение к архимандриту Леониду. Запрещение священнослужения на святых местах в Страстную и Пасхальную седмицы. Участие в этом деле консула Карцева, посла Н. П. Игнатьева, митрополитов: Московского Филарета и Петербургского Исидора, Министерства иностранных дел и Святейшего Синода

Но наши иерусалимские деятели добивались не просто удаления архимандрита Леонида из Иерусалима, а уничтожения самого звания начальника Миссии, вместо которого тогда и останутся при консульстве два иеромонаха, из которых один за старшего, чего не без вожделения ожидали и возмутившиеся члены Миссии — иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений — и что было весьма на руку Иерусалимской Патриархии. Вот почему консул и <Иерусалимская> Патриархия объединяются в своих дальнейших действиях, направленных к тому, чтобы дискредитировать окончательно личность архимандрита Леонида и указать русскому правительству лиц, достойных, по их мнению, заменить архимандрита Леонида. Из письма консула А. Н. Карцева к нашему послу в Константинополе от 6 марта 1865 года видно, что при встрече Патриарха 18 февраля в Риме, по его возвращении из Константинополя, консул слышал от Патриарха о каких-то «предосудительных поступках» архимандрита Леонида, якобы «требовавших церковного наказания, т. е. временного отлучения от священнодействий». По этому письму консула можно было думать, что архимандрит Леонид не выехал на встречу Патриарху с намерением, а не с выбытием своим в Лавру преподобного Саввы; что Патриарх накануне Недели Православия, когда явился к нему для аудиенции архимандрит Леонид, «отказал» ему в том и на другой день после процессии в святогробском храме, на приеме «был в обращении весьма сух»; что при посещении Патриархом русских построек и церкви с целью указать место для патриаршего трона архимандрит Леонид «заперся в своей квартире, откуда выслал даже келейника, говоря, что ему ничего не нужно, что он болен и не отопрет дверей для кого бы то ни было»; и что при прощании с ним, консулом, Патриарх не скрыл своего негодования на архимандрита и выразился, что «редко встретишь в одном лице такое сочетание бестактности и невежества»[126].

Правда, из письма архимандрита Леонида к посланнику в Константинополе от 18 марта 1865 года видно, что все это представлено консулом в извращенном виде. «Патриарх, — пишет архимандрит Леонид, — на аудиенции своей накануне Недели Православия, принял меня весьма благосклонно и с участием расспросил об окружающих меня обстоятельствах. Выслушав меня, он сказал: “Где пренебрежено послушание, там один шаг до дерзости. Мой совет вам — уступить силе, уклониться от официального исполнения ваших обязанностей (чтобы не представлять другим соблазнительное зрелище разделения) до восстановления порядка высшею властью”. При этом я просил у Его Блаженства извинения, что, к крайнему моему огорчению, я не мог быть на официальной встрече Его Блаженства как начальник

[125] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. С. 30.

[126] Там же.

Миссии, открыто восставшей против своего начальника, чтобы не представлять единоверцам и иноверцам соблазнительного зрелища разделения и своеволия, и что по той же причине лишен буду утешения встретить Его Блаженство так, как бы желал и должен был (при нормальном положении дела) во время посещения нашей домовой церкви. Его Блаженство утешил меня отеческою внимательностью, повторил совет: терпеть молча, пока не будет восстановлен законный порядок».

Но Патриарх, видимо, был неискренен с отцом архимандритом Леонидом и в душе таил против него нерасположение за те сообщения Н. П. Игнатьеву о святогробском духовенстве, какие он сделал, по просьбе посла в письме, которое ему было показано последним перед выездом его из Константинополя. За это нам говорит ясно письмо Патриарха к Н. П. Игнатьеву в Константинополь от 11 марта 1865 года, рисующее перед нами, между прочим, довольно яркими штрихами замечательное единодушие и единомыслие в данном случае русского консула А. Н. Карцева и Иерусалимского Патриарха. Сообщая о благополучном достижении Святого Града и своей встрече «с полнотою духовного веселия» «со всем христоименитым православным обществом и со всем священным братством» и о совершении 21 февраля Торжества Православия, во время которого возносились молитвы за русский царствующий дом и за семью посла, «торжественно защищающего и предстательствующего священные интересы Святейшей Матери Церкви», Патриарх Кирилл продолжает: «засим, давши истомленному телу нашему малое успокоение, в течение нескольких дней занимались менoю обычных визитов, принимая поздравительные приветствия всех здешних, из коих в особенности сохраняем (л. 79) по сих пор в слухе нашем живым и сладким сердечный поздравительный голос возлюбленного нам по духу сына, русского консула А. Н. Карцева, с которым в частые вступали сношения по поводу неприятного столкновения между Вашими, имевшего место здесь недавно. С сердечною скорбию удостоверившись собственным слухом и от своих единомышленников и от чужих насчет того, о чем мы разговаривали с Вашим Превосходительством устно в Константинополе относительно Настоятеля (раз только бывшего у нас до нынешнего дня) здешней Миссии Духовной, всячески желая сохранения согласия, которое пред глазами различных здесь народностей необходимо требуется между Императорским Консульством и здешнею Духовною Миссиею, для славы славного имени русского, мы думаем, что следует предотвратить продолжение подобного состояния, и мы уверены, что сколько Императорское Правительство, столько же и Святейший Синод, чрез посредство (обор.) благоразумия и политической мудрости Вашего Превосходительства, поспешит сделать нужное исправление, восстановив требуемый порядок и согласие, ради чего и наше отеческое сердце восчувствует великое духовное радование.

О том, что прежде сего писано было Вашему Превосходительству здешним архимандритом Леонидом, мы не оставили сделать надлежащее исследование пред Священнейшим собратом нашим Митрополитом Петрским Мелетием, который отечески молится о Вашем Превосходительстве.

Его Священность предъявил нам письменный документ Высокопреосвященного Митрополита Петербургского, которым одной поклоннице Петербургской дается позволение по ее пламенному желанию отправиться во Святой Град и облечься в монашеский образ на Святой и Страшной Голгофе, вследствие чего Его Священность и приступил к совершению обряда. О сем документе имеет сведения здешний русский консул г. Карцев, да и сам архимандрит Леонид.

Вот что об этом. Многое и другое рассказал нам по поводу сего Священнейший собрат наш Св. Петрский митрополит относительно поведения Его Высокопреподобия к монастырю нашему здесь, о чем устно представим Вашему Превосходительству, когда, с Богом, увидимся».

В письме от 18 марта архимандрит Леонид сообщает послу и о новых возмутительных действиях консула против него. «Узнав от своих единомышленников, —

пишет он, — что некоторые из богомольцев духовного чина, вопреки тайных и явных запрещений, осмеливаются навещать меня, г. консул поселил состоящего у него чиновника особых поручений М. Ф. Грановского при самом входе в дом Миссии (внизу) с поручением наблюдать за всеми, кто ходит ко мне, и одних просто прогонять, а других увещевать, чтобы не ходили; в то же время стороною дали знать некоторым из духовных лиц, у меня бывающих, что если они будут продолжать посещать меня, то под разными предлогами будут с бесчестием высланы из Иерусалима. (На все это я имею доказательства). Сверх того, по дошедшим до меня (секретно) сведениям, во время отлучки моей из Иерусалима в монастырь преподобного Саввы для исполнения христианского долга, члены Миссии, подобрав ключи к моему кабинету (для чего, как говорят, подкупили моего служащего), вошли в него и перерыли все бумаги, ища в них опоры для прежних и новых доносов»[127].

18 числа марта месяца было получено в Иерусалиме письмо из Петербурга[128] от митрополита Киевского Арсения, в котором он извещал архимандрита Леонида о том, что Святейший Синод возмутившихся членов Миссии удаляет из Иерусалима. Так как письмо это попало в руки консульства и было вскрыто, то содержание его сделалось тотчас известным в консульстве, в Патриархии и лицам заинтересованным, среди которых это известие весьма естественно произвело «страшное смятение». Чтобы не упустить случая досадить архимандриту Леониду, возмутившиеся члены Миссии представили Патриарху копии секретных писем архимандрита Леонида.

«Патриарх, с самого своего приезда возмущенный против меня г. Мазараки (в особенности) и некоторыми из своих, прочтя мои секретные донесения о ходе дела его Патриархии, об отношении греков к нам и в особенности об отношениях греческого духовенства к нашим поклонникам и поклонницам[129], пришел в

[127] Там же.

[128] Указ Святейшего Синода от 20 февраля был получен в Иерусалиме только 29 марта.

[129] «Доведенная до совершенства система эксплуатирования наших богомольцев, — писал архимандрит Леонид в 1866 году митрополиту Филарету, — есть дело одной партии, которая раскинула свои сети чуть не на всю Россию. Она ежегодно рассылает во все концы ее сборщиц на Святой Гроб, снабдила их вместо вида форменными расписками (за печатью и подписью митрополита Мелетия, так наз. обычно св. Петра), в том, что привезенные им из России вещи получены исправно; этим негласным посольством и объясняется, как я дознал, возвращение в Иерусалим некоторых запасных богомолок по три и четыре раза; другие, благонамеренные, и обременяются этими поручениями, но не смеют прослушать св. Петра, о котором три его племянника (молодые диаконы, нарочито отлично обученные русскому языку) внушают грешным простодушным поклонницам, что он и есть тот самый св. Петр, который имеет у себя ключи рая и ада; продажа разрешительных молитв, которым тоже негласно придается полное значение римских индульгенций, в последнее время усилилась еще более. Я сам удостоверился, что продаются они не только лично, но и на родных отсутствующих. Так, один поклонник хвалился, что он купил на всю семью: деду, отцу, матери и дядям по золотому за штуку. Св. Петр тайно постригает наших богомолок, но теперь лишь таких, которые могут хорошо заплатить ему (так, одна, окончившаяся на моих руках старушка-схимница заплатила ему за это несколько тысяч). Утаить это вполне трудно, а потому, по его примеру, и другие занимаются этим промыслом, так что из приезжающих ежегодно 600 женщин довольно являются домой с перемененными именами, не изменяя ни в чем своей соблазнительной и во Святом Граде жизни. Если представитель Русской Церкви в Иерусалиме сделается для нашего простонародия тем же, чем Париж для образованных классов, и теперь уже «русские безобразия» никому не в диковинку, а все нравственные меры, какие бы можно и должно было принять против разлива этого зла, греки считают посягательством на их доходы и ставят им непреодолимые препятствия, поощряя умышленно «мнимую свободу» для умножения числа мнимых богомольцев, в тысячном числе которых едва одна десятая часть заслуживает этого почетного названия». (Христ. Чтение. 1900. Ч. 17. С. 227—228).

страшное негодование и, как говорят, дал слово всеми мерами содействовать отозванию отсюда. В особенности не понравилось Его Блаженству письмо, писанное мною от 4 октября прошлого года к Высокопреосвященному Митрополиту Исидору, в котором, сделав верное (основанное на фактах) обозрение состояния нашего поклонничества и отношения к нему греческого духовенства, я просил у Его Высокопреосвященства советов, как мне действовать в окружающих меня обстоятельствах. Я хорошо понимаю, что картина, нарисованная мною в этом письме прямо с натуры, хотя и неискусною кистью, не могли понравиться Блаженнейшему, а тем более его наместнику, о котором шла речь. Что же мне делать, если стать скрывать правду от тех, которые для узнания ее и удостоили меня своего доверия».

20 марта, когда архимандрит Леонид решился просить через своего драгомана аудиенции и благословения «участвовать в предстоящих церковных процессиях Страстной седмицы, то Патриарх объявил, что он «недоволен архимандритом» и прямо указал как на причину на письма, в которых архимандрит Леонид «очернил всех нас и в особенности оскорбил моего наместника, а в лице его и меня самого»», в частности, на содержание письма от 4 октября к митрополиту Петербургскому Исидору. «Пусть теперь остается все как есть, а когда получится указ Святейшего Синода, то я потребую у архимандрита объяснения и затем посмотрим», — сказал Патриарх драгоману Миссии; драгоман заметил, что синодальный указ касается «внутренних дел Миссии», но Патриарх прекратил всякий дальнейший разговор.

26 марта архимандрит Леонид добился личной аудиенции у Патриарха, который, по-видимому, принял его благосклонно. На вопрос отца архимандрита, о каких письмах Его Блаженство упоминал в разговоре с драгоманом Миссии, Патриарх заявил, что при отъезде из Константинополя он читал у нашего посла письмо отца архимандрита «с некоторыми нареканиями на Патриархию». Архимандрит Леонид не только не отрицал существования такого письма, но даже пытался доказывать, что к нареканиям на Патриархию он имеет достаточно оснований, потому что «Патриархия в лице его наместника постоянно тайно и явно поддерживает восставших против него членов Миссии, чем поддерживается и питается беспорядок». Свидание это хотя и закончилось «по видимому ласково», но в тот же день от иеромонаха Гедеона, при поддержке доктора Мазараки, Патриархом была принята жалоба на архимандрита Леонида, однородная по содержанию с тою, какая раньше подана была им же Патриаршему наместнику.

В субботу на шестой Неделе секретарь консульства, по поручению консула, объявил архимандриту Леониду от имена Патриарха, что «до окончания дела он запрещает ему посещать его и участвовать в церковных церемониях и служениях Страстной седмицы».

Нам в настоящее время известно по этому делу любопытное письмо консула А. Н. Карцева к послу Н. П. Игнатьеву от 3/20 апреля 1865 года. «В Лазареву субботу, 27 марта, — пишет г. Карцев, — Патриарх прислал ко мне утром диакона своего Парфения с просьбою передать отцу Леониду, чтобы он во время предстоящих служений Страстной недели и Пасхи не приходил в храм для священнодействия, так как он воспрещает ему совершение таинства, а просит меня передать это архимандриту во избежание скандала публичного перед целым собором наложения на него запрещения, в предупреждение отца Леонида, который распустил слухи, что в Вербное воскресенье он явится на Литургию. Несмотря на все желание мое быть в стороне от этих духовных распрей, я должен был исполнить волю Патриарха, и предупреждение было сделано в тот же день через секретаря

вверенного мне консульства, так как в то время архимандрит отказывался меня принимать»[130].

Пытался было это распоряжение Патриарха архимандрит Леонид получить «точными словами» на бумаге, но в этом консульство ему отказало, ссылаясь на то, что приказ дан был словесно, через «третьи руки», и что оно «за точность слов ручаться не может». Между тем, к вящему оскорблению и унижению архимандрита Леонида, к церемониям Страстной седмицы в святогробском храме через доктора Мазараки были приглашены Патриархом все остальные члены Миссии. «Слух о запрещении, наложенном Патриархом на начальника Русской Духовной Миссии, не замедлил облететь весь Иерусалим и повториться с разными прибавлениями и пояснениями». Жестокою болью в сердце архимандрита Леонида отозвалось это незаслуженное новое оскорбление: «представитель Русской Церкви лишен в такие священные дни священнослужения и отлучен, как злодей или преступник, от церковного служения»[131].

29 марта получен был синодальный указ об удалении из Иерусалима возмутившихся членов Миссии против своего начальника и содержание его было сообщено консулу, который, как оказалось, уже имел копию с него, присланную из Азиатского департамента. Это обстоятельство усугубило нравственные страдания архимандрита Леонида, так как консул не воспрепятствовал отозванным уже членам Миссии жаловаться на него Патриарху и передавать от последнего запрещение в священнослужении «до окончания дела». «От вас прошу, — писал архимандрит Леонид обер-прокурору Святейшего Синода 30 марта 1865 года, — одной защиты: исполнить желание враждующих на меня скорейшим моим отозванием отсюда. Время же не замедлит и сказать, для чего это им было нужно. Принося Вашему Превосходительству поздравление с праздником Светлого Христова Воскресения, прошу милостиво вспомнить, что последний служитель алтаря в нашем отечестве проведет этот великий день радостнее, чем начальник Духовной Миссии в Иерусалиме, которому по интригам искусных в них запрещено священнодействие. Но где же сила, равняющаяся этому наказанию? Простите скорбному слову. Повторяю: «прискорбна душа моя даже до смерти»»[132].

В письме от 20 апреля на имя посла Н. П. Игнатьева архимандрит Леонид, приветствуя его со Светлым Праздником Пасхи, пишет, что для него этот великий

---

[130] Русский Архив. 1913. Кн. 3—4. С. 583. Из письма Н. П. Игнатьева к консулу Карцеву от 26 мая 1865 года мы узнаем, что посол находил объявление Иерусалимского Патриарха о запрещении архимандриту Леониду совершать богослужение в храме Святого Гроба «обидным как для него, так и для всего русского духовенства, и просил по этому поводу объяснения» (Карт. № 293. Архив Министерства иностранных дел 1865. Л. 33). Припертый к стене А. Н. Карцев, изворачиваясь на разные лады, объяснял свой нетактичный поступок утомлением после бессонной ночи, проведенной при возвращении с Иордана, отсутствием свободного времени до начала церковной службы в Святогробском храме видеться с Патриархом, чтобы переговорить с ним по поводу такого «неприятного поручения», на которое он будто бы даже высказал посланному Патриарха свое неудовольствие, присовокупляя, что если это крайнее решение Патриарха, то оно могло бы быть передано начальнику Духовной Миссии «помимо его» и что посланный будто бы заявил, что «Блаженнейший Кирилл решительно не желает иметь никакого дела с отцом Леонидом и что это предупреждение он счел полезным сделать мне, щадя лишь достоинство Русской Миссии, и дабы дать мне возможность спасти его от публичного скандала» (Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 37). Из рапорта архимандрита Леонида в Святейший Синод от 20 апреля мы узнаем, что им особым письмом потребовано было от консула подтверждение «запрещения ему до окончания дела участвовать в церковных церемониях и служениях Страстной седмицы и Пасхи» и что консул отказал ему в этом.

[131] Там же.

[132] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

праздник, «благодаря нашему консулу и его сотруднику доктору Мазараки, будет самым скорбным в его жизни»[133].

В эти-то тяжелые дни душевной муки, покинутый и оставленный всеми, отец архимандрит Леонид спешил под сень мирной обители преподобного Саввы Освященного, почерпая в жизни сего великого подвижника утешительные уроки терпения, а у ее «смиренномудрого» старца аввы Иоасафа в его бесхитростных, исходящих от сердца и сопровождаемых «неземною улыбкою» беседах, — «целительный бальзам» на страждущее сердце. «Отец Иоасаф, духовник всего иерусалимского освященного собора, — пишет митрополиту Филарету архимандрит Леонид, — не скрывал ни от кого своего сочувствия ко мне. Он знал, за что именно так возненавидел меня русский консул, а о Патриархе он отзывался так: «наш Патриарх человек добрый, но излишне доверчивый, он неограниченно верит своим приближенным, чем они пользуются. А как на тебя клеветал ему, как сам знаешь, кроме вашего консула, человек, к нему близкий и ему нужный (главное действующее лицо в интриге против меня, союзник г. консула и любимец г. Мансурова, доктор русского госпиталя г. Мазараки), то он и поверил всему без поверки». «Заносчивый поступок Патриарха с тобою, — говорил тот же старец, — не одобряется всеми теми, кому дорог мир церковный, все порицают его неуместное вмешательство в твои отношения к консульству». Касательно отношений моих к богомольцам, которые я тоже не раз поверял советам старца, он говорил: «наши никак не могут расстаться с мыслью, что русские богомольцы должны вполне принадлежать так же, как и прежде, когда число это не превышало 200 человек в год. Этого нельзя!»[134].

В письме архимандрита Леонида к обер-прокурору Святейшего Синода от 25 марта 1865 года мы находим нелестную характеристику консула как представителя России, и указания на средства водворить порядок и мир в русских богоугодных заведениях. «Если нет надежды (как обещал Н. П. Игнатьев), — писал архимандрит Леонид, — на замещение консульского места в Иерусалиме человеком семейным, солидным и с нравственно-религиозным взглядом на дело, то нет и надежды на улучшение дела. Нынешний же консул, по своим нравственным свойствам, не потерпит ни в чьем лице товарища, ему нужны и любезны льстецы и угодники, которыми он и окружен. Честь русского имени для него ничего не значит, и когда я заметил ему по поводу его действий, что надобно поберечь ее, он засмеялся мне под нос, как будто бы я сказал величайшую нелепицу. Нравственные кодексы его действий легко выражаются в следующих словах: “положим, я вас ненавижу и делаю все, что от меня зависит, для того чтобы повредить вам, но в официальных отношениях это не мешает, по моему мнению, быть нам друзьями”. Признаюсь откровенно, что с человеком таких убеждений я не желал бы встретиться не только в Святом Граде Иерусалиме, но и на большой дороге. Посудите, каково же иметь с ним дело, имея многочисленные опыты, что по силе этих убеждений человек готов для достижения своих целей на самые низкие средства (что доказывает весь ход дела, мною вам подробно описанный)»[135].

С несколько иной стороны освещается личность консула в письме архимандрита Леонида к Константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву. «Вы, — пишет отец архимандрит Леонид, — изволите отзываться об Иерусалимском консуле с лестною для него похвалою. Не отрицая его достоинств, как ловкого дипломатического чиновника и светского образованного человека, я ныне, по вашему приглашению, серьезно обдумав перед лицом всевидящего и всезнающего Бога, отношения ко мне Андрея Николаевича Карцева, не могу, к сожалению, отказаться от горькой

[133] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 15.

[134] Христ. Чтение. 1900. Ч. I. С. 226, 227.

[135] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

жалобы на то, что он действовал и до сего дня продолжает действовать против меня как против своего личного врага и притом с забвением всего, что, казалось бы, так естественно было помнить: т. е. что мы русские и православные, оба принадлежим по происхождению к одному сословию, оба имеем общих уважаемых и уважающих нас знакомых, находимся на чужбине и имеем одно общее дело. Гордясь праздным титулом друга турецкого паши, наш г. консул не стыдится открыто заявлять о своей ненависти к начальнику Русской Духовной Миссии, думая видеть в нем одного из лиц, описанных в Mandite и других произведениях французской литературы. С декабря месяца прошлого, 1864 года, и до сего времени главная деятельность Андрея Николаевича устремлена на одно — во что бы то ни стало удалить меня из Иерусалима, и, что особенно тяжело видеть, — все средства, ведущие к этой цели, кажутся ему, как человеку нетвердому в христианских убеждениях, хорошими. Теперь я ясно понял, что значат однообразные вопросы, с которыми не раз обращались ко мне в Азиатском департаменте. Да, Вы ближе знаете Андрея Николаевича. О, если бы я знал его так близко, как теперь, то ничто не в силах было бы заставить меня служить с ним!!! — как человека ненавидящего от души интригу и хитрость всякого рода. Вы изволите предполагать, что мы не сошлись с г. консулом по недоразумению по каким-нибудь интригам. Нет, он воздвиг на меня систематическое гонение, единственно по самолюбию, из мести за мнимую обиду.

Смелость и бесцеремонность, с которыми все это делается, превосходят всякое описание, а уменье маскировать это где следует доказывает лишь, что г. Карцев, как умный человек, будучи хорошо застрахован от всяких случайностей своими светскими связями, считает себя вполне безопасным, как бы он ни действовал в отношении «простого архимандрита» (сладив недавно с хитрым архиереем), у которого нет другой защиты, кроме Бога и Его святой правды, но до этого, как и до всего святого, Андрею Николаевичу мало дела. Говоря это, я не говорю неправды и не упраздняю его неоспоримых достоинств как дельного чиновника, умного (и верующего только в свой ум) и образованного по-светски человека; но русским по душе назвать его не могу, ибо не вижу в нем коренных свойств русской души — прямоты и великодушия — даже и в отношении действительного врага, а его врагом не был и быть не желаю, тогда как он поступает со мною, как со врагом, которого положил себе уничтожить (по своим понятиям) "во что бы то ни стало"»[136].

В письме к митрополиту Московскому Филарету отец архимандрит Леонид еще раз возвращается к личности консула и рисует его нравственный облик во всю величину.

«В Иерусалиме, называясь представителем высшей духовной власти нашей, на деле я, — писал архимандрит Леонид митрополиту Московскому 20 августа 1866 года, — был почти подчинен совершенно не такому лицу, каков, например, г. посланник и министр в Константинополе, а чиновнику-нигилисту, без всякой веры и нравственности, который, пользуясь отдаленностью места и опираясь на свои аристократические и бюрократические связи в столице, увидав, что я не намерен быть его покорным орудием и слугою, воздвиг против меня формальное гонение, начав с того, что посредством своих агентов лично возмутил клир, обольстив их, как людей неопытных в жизни, такими обещаниями (управлять Миссиею вместо начальника), против которых они не могли устоять; подучил составить донос, который им исправлен и в его канцелярии переписан, руководил и дальнейшими их действиями до самого конца, получал и подкупал поклонников и в особенности поклонниц писать клеветнические письма в Константинополь к Патриарху (сочиненные одним и тем же лицом, т. е. В. Каминским); и, наконец, в довершение всего, в мое отсутствие выкрадены из моего кабинета с помощью двойных ключей иеродиаконом Арсением, в сообществе с состоявшим при консульстве господином (т. е.

[136] Карт. № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 19—20 и 23.

М. Ф. Грановским), секретные бумаги, с которых сняты копии и потом прочитаны Патриарху, чем и достигнута конечная цель интриги, ибо Его Блаженство едва успел прибыть в Иерусалим, <как> обрушил на меня свой гнев, не удостоив ни спросить, ни выслушать от меня никаких объяснений. Причем выразился открыто, что ему не нужна никакая Духовная Миссия, и что богомольцы должны удовольствоваться вполне духовным о них попечением Греческой Патриархии как единоверной им.

Дерзость г. консула и его уверенность в безнаказанности его действий против меня доходили до самой цинической бесцеремонности. Так, он позволил себе задерживать мои письма и вскрывать их, запретил служащим в наших заведениях исповедываться у меня, угрожая лишением места, запрещал богомольцам ходить ко мне под угрозою высылки с бесчестием из Иерусалима, наконец, сам не посещал и запрещал чиновникам Миссии посещать церковь Миссии во время моего служения. Однажды, разгорячась, позволил себе сказать мне в глаза: "я справился с архиереем, а с вами мне справиться нетрудно", "не забывайте, что я служу в таком ведомстве, где принято за правило защищать своих во что бы то ни стало". На эту циническую выходку мне не оставалось ответить ничего иного, что я считаю себя счастливым, что служу в таком ведомстве, где это правило не существует... Совокупное искание Греческой Патриархии и консульства о том, чтобы на мое место был назначен настоятелем простой иеромонах, с указанием и лица, показывает, какою ценою купил г. консул соучастие в своей интриге Греческой Патриархии»[137].

Все волнения в среде русских людей в Иерусалиме, возмущение членов Русской Духовной Миссии, препирательства с Духовною Миссиею и недоразумения архимандрита Леонида с Патриархом Кириллом и членами Святогробского братства в преувеличенном и одностороннем освещении А. Н. Карцева не могли не волновать нашего посла в Константинополе Н. П. Игнатьева.

В письме от 25 марта на имя архимандрита Леонида он со свойственною ему прямотою и решительностью, «не зная о которых, по словам самого отца архимандрита Леонида, он бы никогда не решился променять свое уединение на тяжелый крест Иерусалимской службы, службу Единому Богу на службу не одному, а многим господам», поставил отцу архимандриту Леониду «с благородным негодованием» вопрос: «Неужели не для прославления Православной Церкви, не для утверждения доброго мнения о русских, о представителях ее за границей, о русском духовенстве, о единодушии русских людей, ужели не для водворения мира, тишины, согласия и любви заехали Вы во Святой Град, а для явной ссоры». «С искренностью и доверием к тем благородным побуждениям, которые Вам внушили этот вопрос, отвечаю: «Да, Бог мне свидетель, что с этими благими намерениями, для достижения этих самых добрых целей решился я, — откровенно заявил в своем ответе архимандрит Леонид, — поднять на свои слабые плечи столь важное дело, но в то же время не скрывал ведь ни от себя, ни от Вас всю трудность предлежащей задачи, потому что, как не безызвестно и Вам: 1) первоначальное предположение мое о самом существенном преобразовании Миссии, то есть о придании ей монастырского устройства для ограждения раз навсегда прочности ее внутреннего порядка, — оставлен без исполнения; 2) с водворением новой Миссии в Иерусалиме и «Иерусалимское дело» вошло в новый фазис своего существования, вследствие чего не замедлили явиться и новые недоразумения и неудобства, которых прежде не было и нельзя было предусмотреть; 3) прошу, наконец, милостиво припомнить, что ведь мне не пришлось продолжать дело, благоустроенное сколько-нибудь моими предместниками: хозяйства какого-нибудь не было и следов, и мне пришлось чуть не со дна добывать или выпрашивать как милости самого необходимого для материального (обор.) устройства Миссии, что и вооружило на меня еще в Петер-

---

[137] Источник цитаты не указан. — *Н. Л.*

бурге тех, чье косвенное влияние и при нынешнем устройстве странноприимных заведений еще не лишилось своей силы. Что нашел я в нравственном отношении? Тоже полный хаос. Отношение к прежней Миссии консульства и Греческой Патриархии Вам известны и, кажется, не заслуживают подражания ни пути, ни средства, которыми шли постоянный разлад с первой и дружба — со второй. До последнего дня пребывания моего предместника в Иерусалиме он находился с консульством (в разъединении, очевидно?), а греческое духовенство, по своей исконной политике, старалось всеми силами поддерживать это выгодное для них разъединение; политики этой они продолжают держаться и теперь и, скажу с уверенностью, будут держаться ее постоянно, пока в русской среде есть такие люди, как г. Мазараки, ибо никому так не кажется опасным (опасности ложные, порожденные предубеждениями), как грекам, единодушие между Миссиею и консульством; они хорошо знают блестящую будущность, ожидающую здесь русское дело и влияние, когда во главе обоих учреждений станут люди, проникнутые теми высокими чувствами, которые выражены в Вашем письме, и есть слишком много доказательств того, что греки более всех не желают русскому делу этой будущности по своекорыстию...»

«Вы изволите упрекать меня, что я поставил Вас с безвыходное положение относительно дела, — продолжает отец Архимандрит, — а мне кажется, если кто в этом деле поставлен в безвыходное, т. е. трудное положение (ловкою интригою), — так это я один. Для дела же всегда найдется приличный выход: один — согласно настоятельному домогательству г. консула отозвать меня, о чем я просил Ваше Превосходительство при самом начале интриги (в декабре месяце), и чего, конечно, не сделал бы такой человек, каким хотят меня выставить мои недоброжелатели (ищущие одного: безмятежного спокойствия для себя). Другой выход тоже в Вашей воле: это — примирить меня с консулом. Я уже писал Вам, что все попытки мои к этому в настоящее время встречают непреодолимое препятствие в сделанном г. консулом на весь Иерусалим заявлении: во что бы то ни стало удалить меня из Иерусалима, причем моим добрым намерениям дастся толкование такое: «что, струсил, голубчик, смотрите, боится потерять место» (а боюсь ли я этого, Вы знаете), но Вы, если пожелаете, можете легко примирить нас. Для этого Вам стоит лишь написать нам коллективное письмо с увещанием к примирению, адресовать его на имя консула. Он позовет меня тогда к себе, и я готов по-христиански (без всяких, ни к чему не ведущих, объяснений), в удовлетворение его самолюбия, просить у него христианского прошения во всем, в чем он считает меня против него виноватым и дружески чистосердечно протянуть ему руку на содействие в общем нам деле. Вам же могу дать честное слово русского православного человека, что примирение мое будет полное и искреннее, с совершенным забвением прошлого. Консул же со своей стороны может доказать искренность свою и загладить прошлое тем, если постарается помирить меня с Его Блаженством, так как к этому нет других препятствий, кроме его интриги, в которой главная роль принадлежит г. Мазараки, ожидающему за это награды, которую легко обещать и за противоположное действие...»

«Доверительное письмо Ваше от 9-го имел честь получить в Иерусалиме 21-го числа сего июня месяца. Не скрою, — писал Архимандрит от 24 июня послу Н. П. Игнатьеву, — что меня всего более огорчило в Вашем письме высказанное Вами в его начале мнение, будто бы заочным увещанием нельзя водворить мир в Иерусалиме, тогда как в пользу этого благородного желания сделало так его и все смягчающее время. Не только теперь, когда пишу эти строки, но с половины мая месяца, когда, наконец, отсюда отчисленных от Миссии по указу Святейшего Синода, разводимое ими по злобе волнение стихло. В Миссии водворилась желаемая тишина и ни с консульством, ни с Греческою Патриархиею не было никакого открытого неудовольствия (со Святой недели), потому что я твердо решился ограждать себя от всех неприятностей внешних — молчанием и терпением, в чем имею

свидетелями своих сослужителей: иеромонаха Гедеона и Анатолия. Я уже писал Вашему Превосходительству, что по получении Вашего предыдущего письма первым душевным движением моим было: немедленно пойти к г. консулу и искренно протянуть ему руку, прося забвения всего, что нас разъединяло доселе, — но удержался от этого единственно потому, что он, задавшись мыслью изгнать меня из Иерусалима "во что бы то ни стало", не оценит благородного побуждения моего поступка, а припишет его другой, маскировочной причине, а потому я и вынужденным нашелся отложить это намерение до времени, прося Вашего благодетельного посредства. Патриарх, как я уже писал Вам, давно смягчился, принимает меня ласково и любовно, но удерживается высказать мне полное прощение лишь силою тайного союза с консулом, заключенного против меня через г. Мазараки. Не сомневаюсь, что несколько Ваших строк к нам (т. е. ко мне и консулу) с приглашением обоих нас к искреннему примирению во имя всего, что должно быть равно дорого нам обоим, могут покончить вполне это и здесь уже заметно всем действующим лицам наскучившее дело, которое затем, конечно, и не (об.) повторится, потому что Промысл Божий дал в нем каждому свой урок. Я, например, вовсе не думаю оправдывать себя в том, что, очутившись лицом к лицу с застарелым злом (нашей поклоннической среды), я, не соразмерив своих сил и средств, вступил в открытую с ними борьбу, тогда как с этим злом тесно связаны личные денежные интересы греческого духовенства (но не Патриархии как общины). Я надеюсь вполне раскрыть это Вам доверительно в особой записке для получения определенного совета, что именно можно и должно принести в жертву главному принципу — сохранению мира с греческим духовенством»[138].

«Повторяю, что время сделало так много в пользу устранения добрых отношений, что благородное желание Вашего Превосходительства вполне умирить нас с консулом «заочным увещанием» совершенно исполнимо, если только Вам угодно будет принять на себя высокую роль посредника-миротворца тем способом, на который я осмелился указать Вам (в предшествующем письме), вполне сочувствуя Вашему примирительному взгляду и будучи готов сделать с своей стороны все, что от меня зависит, для достижения указанной Вами цели»[139].

Но это обращение к послу Н. П. Игнатьеву — поднять на себя посредничество в примирении консула с архимандритом Леонидом — осталось «гласом вопиющего в пустыни» и не имело желаемого успеха. Посол слепо верил Иерусалимскому консулу и продолжал иерусалимскими донесениями с необыкновенною щедростью делиться с Министерством иностранных дел, а через него и со Священным Синодом; а в частном письме от 20 июня 1865 года на имя директора Азиатского департамента Стремоухова позволил себе сделать по адресу отца Леонида несколько иронических замечаний. «Архимандрит Леонид беспрестанно пишет из Иерусалима, — говорится в этом письме, — изъявляя желание жить со всеми в мире, прося открытого письма от меня для примирения с Карцевым и пр. Когда прочтешь его письма, исполненные христианского чувства смирения и проч., то невольно приходишь в недоумение касательно его душевных качеств и характера. Не верится, чтобы человек, толкующий все о чести, честности, правде и т. п., мог быть корыстолюбивым до такой степени, как о нем рассказывали. Архимандрит Леонид утверждает, что прошедшее послужит ему хорошим уроком и что, если ему суждено остаться в Иерусалиме, он никогда ссориться ни с кем не будет. Странный человек, почему же он не говорил этого раньше? Верно почуял беду... Про архимандрита Андрей Николаевич рассказывает баснословные вещи. Удивляться надо, как выбрали такого индивидуума. Карцев утверждает, что Леонид и Сарруф, если бы и ужились с

[138] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 39—40.

[139] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. 1868.

консульством, то не могут остаться в Иерусалиме по отношениям к местному духовенству, потому что заплеваны всеми, а в особенности нашими поклонниками»[140].

При письме от 18—20 мая Н. П. Игнатьев доставил из Иерусалима на имя вице-канцлера князя А. М. Горчакова собственноручное письмо Патриарха Кирилла с характеристикою личности и поведения архимандрита Леонида. На это письмо Патриарха, служившее дополнением послания по тому же поводу к российскому Святейшему Синоду, возлагали большие надежды и в Иерусалиме, и в Константинополе, и, как увидим ниже, не без основания.

«Архимандрит Леонид, заступивший за год перед сим место настоятеля здешней Церковной Российской Миссии Преосвященного епископа Мелитопольского Кирилла, — писал Патриарх Кирилл послу в Константинополь, — стал своим беспорядочным и неправильным поведением и обращением не только соблазном между благоговейными русскими поклонниками и между самыми членами означенной Церковной Миссий, но, что всего прискорбнее, причиною неограниченного упрека Русскому имени со стороны с ненавистью следящих за нами и окружающих нас различных иноверческих народов и общин. Прибыв недавно в сей Святой Град из Константинополя, мы употребили разные способы для успокоения раздражения, овладевшего духом Русских поклонников нынешнего года, которые и частным, и общественным образом объявили нам клятвенно о поведении означенного архимандрита Леонида, который беспрерывно находится не только в холодных и спорных отношениях к членам Иерусалимской Церковной Миссии, состоящей под его настоянием, но и к самому Императорскому Российскому консульству, что производит наихудшее впечатление на всех, посещающих сей Святой Град со всех краев вселенной. Не терпя того, чтобы такое прискорбное положение дел продолжалось долее на наших глазах, мы пишем сего дня, движимые чистым чувством братской во Христе любви к Св<ятейшему> Правит<ельствующему> Синоду, и, изложив кратко сюда относящееся, повергаем на его рассмотрение, как меру действительную для исправления такого положения, замещение означенного архимандрита Леонида другим лицом, достаточно способным для достойного представительства со всеми различными здешними гражданами и Церковными властями. Сие мнение наше почли мы нужным сообщить по преимуществу и зарекомендовать сим отеческим письмом Вашему Сиятельству, так как Ваше известное глубокомыслие и политическая прозорливость, без сомнения, достойно взвешивают политическое значение Святого Града Иерусалимского по отношению к миру Европейскому, в уверенности, что таким путем будет оказано самое быстрое и твердое исцеление дурного положения дел, что обрадует в высшей степени и наше отеческое сердце, из которого посылаем Вашему Сиятельству отеческие благожелания и благословения, умоляя Царя Небесного, да пребудут драгоценные лета Ваши в здравии и благоденствии»[141].

К счастью, для пользы дела, на защиту достоинства Русской Православной Церкви и доброго имени архимандрита Леонида явились в Святейшем Синоде сильные словом и влиянием мощные защитники в лице незабвенного в летописях нашей иерархии Первосвятителя Московской Церкви митрополита Филарета и обер-прокурора Святейшего Синода А. П. Ахматова и его преемника графа Д. А. Толстого, находившихся в своих суждениях по «вопросу иерусалимскому», несомненно, под влиянием воззрений и взглядов Московского Владыки. Обер-прокурор А. П. Ахматов, ознакомившись с содержанием бумаг по вопросу о беспорядках в Русской Иерусалимской Духовной Миссии, доставленных послом Министерству иностранных дел до февраля 1865 года, сделал довольно веские, обличительного характера, замечания по адресу Иерусалимского консула А. Н. Карцева и замолвил свое доброе слово в защиту архимандрита Леонида. «Из моего отношения от 20 февраля за

[140] Дело Архива Святейшего Синода № 224/3156. Л. 187.

[141] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

№ 15, — писал он товарищу Министра иностранных дел, — Ваше Превосходительство изволите знать о мерах, признанных Святейшим Синодом необходимыми для восстановления порядка в Миссии, потрясенного дерзостью и своеволием ее членов, восставших против своего непосредственного начальника. От времени надобно будет ожидать указание, что следует предпринять далее. Ныне же я позволяю себе представить вниманию Вашего Превосходительства некоторые мои мысли по поводу положения, принятого нашим консулом в Иерусалиме в отношении к случившемуся. Ваше Превосходительство изволите согласиться, что для охранения достоинства Русской Церкви в Святой Земле необходимы два условия: предоставление ее представителю исполнять духовные обязанности, возложенные на него Святейшим Синодом, совершенно самостоятельно и независимо; и такой образ действий со стороны представителя нашего Правительства в Иерусалиме, который бы клонился к поддержке, а не расстройству Духовной Миссии. Между тем из действий г. Карцева, судя о них по собственным словам его (письмо от 10 января), можно заключить, что консульство наше действовало под влиянием, по-видимому, совершенно иных соображений. С обнаружением неудовольствий служащих при Миссии лиц на ее начальника, по моему убеждению, для консульства был единственный законный способ действования. При первом проявлении этого обстоятельства, одного из немногих могущих служить поводом вмешательства светской власти во внутренний быт Духовной Миссии, консульству не только не следовало принимать жалобы на архимандрита Леонида от лиц, непосредственно ему подчиненных, и подавать им совет изложить ему их претензии письменно, но следовало немедленным внушением и наблюдением принять меры к обращению возбужденных и возмутившихся на путь законного подчинения. При этом за г. консулом всегда оставалось право и прямая обязанность правительственного агента, не подавая о том вида на месте, донести или министру о всем, что, по его убеждению, должно было подлежать сведению, вниманию и решению Правительства. До получения же ответа он всегда мог своим влиянием поддержать порядок и тем избегнуть неминуемых порицаний нашей Церкви и народности, соблазна для поклонников и единоверцев и торжества для иноверцев, а тайно, быть может, и для греков. Вместо того г. Карцев принимал от членов и певчих Духовной Миссии подаваемые на его имя письменно и словесно жалобы на прямого и непосредственного их начальника, хотя эти жалобы подавались скопом от всех членов или певчих Миссии и уже по тому одному не должны были по закону иметь никакого хода. Нетрудно было предугадать, что принятие этих жалоб, естественно, подает недовольным повод думать, что консульство берет их под свое покровительство. При более же правильном и осторожном способе действования со стороны консульства можно было бы ожидать иных последствий. По крайней мере бунтующие, по всей вероятности, не зашли бы так далеко, как ныне, когда они вынудили архимандрита Леонида своими действиями совершенно устраниться от священнослужения, самовольно захватили в свое распоряжение церковное имущество и суммы и отказывают своему начальнику даже во внешних знаках уважения. Нельзя, думаю, отрицать влияния на последние Иерусалимские события: 1) прискорбных обстоятельств смены Преосвященного Кирилла, подававших мысль о домогательстве уничтожения Духовной Миссии, 2) неудачного выбора наших представителей по неопытности и недостатку серьезного авторитета, не удовлетворяющих строгим условиям трудного в Святом Граде положения, 3) личных ошибок и недостатка такта отца архимандрита Леонида как при выборе людей, им взятых, так и при отношениях к среде, его теперь окружающей.

Из этих слов Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что я не принимаю на себя безусловной защиты действий настоящего начальника Иерусалимской Духовной Миссии; в виду моем, как и Министерства иностранных дел, одна цель — охранение достоинства Русской Церкви и русского имени, цель, перед которою личности исчезают. Но желание достижения этой именно цели приводит к необхо-

димости поддержать значение Начальника Русской Духовной Миссии. Одни только эти соображения обусловили последние распоряжения Святейшего Синода и эти мысли, которые я счел обязанностью представить ныне Вашему вниманию. Министерству иностранных дел не может быть безызвестно, что во всей России жалобы духовных лиц на иерархическое начальство не могут быть принимаемы никакими ни судебными, ни административными местами или лицами, не исключая и обер-прокурора Святейшего Синода, ближе всех из числа правительственных деятелей поставленного к церковным учреждениям. Без этого условия не было бы Церкви, и я не принял бы ныне занимаемого мною места. В инструкции, данной архимандриту Порфирию при первоначальном учреждении Духовной Миссии в Иерусалиме, весьма правильно было сказано: § 17. Руководство лиц, состоящих при Миссии, предоставляется ему вполне, а консул не принимает жалоб их ни на архимандрита, ни друг на друга. Не знаю, почему этот § был исключен из последующих инструкций; можно думать, что это было сделано по предположению общеизвестности этого правила. К сожалению, такое предположение не оправдалось и сделалось поводом к весьма прискорбным событиям. Принимая прошение возмутившихся членов Духовной Миссии на их начальника, г. Карцев, может быть, думал, что отказом он лишит их возможности довести их жалобы законным путем. Если так, то он ошибался, ибо списки всех поданных членами и певчими Миссии прошений и писем ими присланы сюда по почте и с добавлением таких, которые неизвестны г. консулу или им еще не представлены Министерству. Весьма жаль также, что г. Карцев не предотвратил щекотливого обстоятельства обращения русских подданных и членов Русской Церкви к Патриаршему наместнику Митрополиту Мелетию с жалобою на свое начальство. Этот факт был уже последствием, и последствием понятным, полного в виду всех отвержения ими законной власти, над ними поставленной. Я позволил себе передать Вашему Превосходительству мой взгляд на положение нашего иерусалимского дела с той откровенностью, которую внушают мне еще более личное мое к князю Александру Михайловичу и Вам глубокое уважение и сочувствие, чем официальные отношения, зная, до какой степени Министерство иностранных дел всегда одушевлено патриотическим желанием содействовать зависящими от него способами ограждению интересов Православия и Русской Церкви, представляемой в Святом Граде нашею Духовною Миссиею»[142].

В дополнение к этому письму на следующий день обер-прокурор А. П. Ахматов по тому же адресу, имея в виду письмо иеродиакона Арсения к консулу А. Н. Карцеву, «любопытствовавшему узнать все события, выходящие из ряда обыкновенного» в жизни Духовной Миссии и могущие, по словам А. П. Ахматова, дать подходящее содержание для «Колокола» и «Искры»», уже обвиняет иерусалимского консула «в домогательстве для поддержания беспорядков в среде духовного состава Миссии и духа своеволия и неповиновения в недостойных ее членах», отказываясь в то же время от «суждения о нравственности действий г. консула»[143].

В мае 1865 года получено было в Святейшем Синоде послание Иерусалимского Патриарха Кирилла от 13 апреля 1865 года следующего содержания:

«Святейший Правительствующий Всероссийский Синод, во Христе Боге возлюбленный и вожделенный брат и сослужитель нашей мерности. Ваше возлюбленное нам Высокопреосвященство, братски в Господе объемля во святой любви лобызаем и сердечно приветствуем.

Когда назад тому более года послан был сюда начальником Русской Духовной здесь Миссии, на место Преосвященного собрата нашего во Христе, господина Кирилла, епископа Мелитопольского, Высокопреподобнейший архимандрит г. Леонид в сопровождении нового личного состава, мы приняли его Высокопреподобие, как

[142] Там же.

[143] Там же.

снабженного рекомендательными к нам письмами Святейшего Правительствующего Синода, как должно, — с отеческою любовью и сердечною радостью, и, временно находясь тогда в Константинополе, в том же духе рекомендовали его нашему наместнику, Преосвященному Митрополиту Петры Аравийския, господину Мелетию, питая себя приятными надеждами, что вновь определенные лица поставят для себя целью сохранять необходимую связь дружества и благорасположения в отношении к находящимся здесь духовным общинам и достойно представлять Российскую Церковь.

Но, к несчастью, наши надежды обманулись. Еще в бытность нашу в Константинополе мы слышали от разных русских благочестивых поклонников Всесвятого Гроба много жалоб на здешнюю Российскую Духовную Миссию, и особенно на поведение ее начальника архимандрита Леонида. О нем мы со скорбию говорили с Превосходительным посланником г. генералом Игнатьевым по поводу дошедших до Его Превосходительства донесений о разных сплетнях, имевших своим источником главным образом беспорядочное поведение Его Высокопреподобия. А когда, назад тому несколько времени, мы прибыли во Святой Град, нам принесены бесчисленные устные жалобы весьма многими русскими поклонниками обоего пола и, между прочим, клириками Духовной Миссии, на бесчинное и беззаконное поведение и действия архимандрита Леонида, на которого поступили также жалобы и в императорское российское консульство, с которым Его Высокопреподобие находится в открытом разрыве. Всеобщее неудовольствие русских поклонников против него и клятвенно удостоверяемые обвинения против него такого свойства, что вынудили нас, в видах укрощения общего раздражения, в силу принадлежащей нам патриаршей власти, воспретить Его Высокопреподобию принимать участие в священнодействиях, совершаемых на всесвятых местах.

Со смертельною скорбию в нашем отеческом сердце о таком положении дел мы исполняем ныне долг искреннего братолюбия, доводя о вышеизложенном до сведения Святейшего Правительствующего Синода, отчасти потому, что уступаем общему, обращенному к нам, голосу пришедших в нынешний год на поклонение Всесвятому Гробу благочестивейших русских поклонников, а отчасти по уверенности, что Святейший Правительствующий Синод, по благоразумию и благорассудительности своей, вполне озаботится положить конец такому худому положению дел, заменив сказанного архимандрита Леонида каким-либо другим лицом, так как Его Высокопреподобие своим дурным поведением не только в русских поклонниках возбуждает неудовольствие и нерасположение, но и находящимся в нашей области иноверцам дает повод к нареканиям против чести славного русского имени, о которой мы никогда не переставали и не перестанем заботиться.

В заключение рекомендуем вашей отеческой любви преподобнейшего иеромонаха г. Иоанна и преподобнейшего иеродиакона г. Арсения: оба эти члена Духовной Миссии незаслуженно страдают от несправедливой в отношении к ним жестокости сказанного архимандрита господина Леонида, и мы братски просим Ваше Высокопреосвященство быть милостивыми к ним и отечески даровать им прощение, если и они, как люди, погрешили. Нимало не сомневаюсь, что Ваше Высокопреосвященство оценит как должно важность написанного нами, прекращаем слово, прося вам от Бога дней долгих, здравых, спасительных.

Вашего превожделенного нам Высокопреосвященства во Христе Боге возлюбленный брат и всецело преданный Патриарх Иерусалимский Кирилл»[144]

Во Святом Граде Иерусалиме 13 апреля 1865 г.[145]

[144] Архив Святейшего Синода. № 139.Л. 133, 134.

[145] Грамота, в подлиннике и в переводе, имеется в деле Канцелярии Святейшего Синода. Отд. 2 , 1 ст. по наст. реестру № 119. (По рукописи непонятно, к какому месту относится эта сноска. — *Н. Л.).*

Послание это митрополит Московский Филарет назвал «немилостивым», «немирным» и «неприятным» и рекомендовал от 21 мая 1865 года через обер-прокурора «отвечать на него не от Святейшего Синода, а, по его поручению, через первенствующего члена оного «объяснительно и умиротворительно», «в самых скромных выражениях»»; а чтобы «яснее показать сию мысль», приложил и свой проект письма, «что и как можно написать Патриарху». Ответ этот составлен в следующих выражениях: «Блаженнейший Владыко, высокочтимый Архипастырь. Святейший Правительствующий Всероссийский Синод, обыкши принимать от Вашего Блаженства и простирать к нам слово мира и взаимного братолюбия и желая сохранить сие утешительное с Вами, Блаженнейший Владыко, общение неомраченным никакою постороннею тению, предоставил мне произнести перед Вами слово глубокой скорби, с которою он выслушал в послании Вашем изъявление весьма неблаговолительного воззрения на начальника Российской Духовной Миссии во Святом Граде Иерусалиме, архимандрита Леонида.

К скорби присоединилось удивление, что сей муж, некогда с достоинством находившийся в императорской службе, потом, по отречении от мира, долгое время, также с несомненным достоинством, проходивший монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством, в короткое время пребывания его в Иерусалиме подвергся обвинению в бесчинном и беззаконном поведении, впрочем без определенного указания: кем он обвиняется, какие позволил себе беззаконные действия, и подкреплены ли обвинения законными доказательствами.

Святейший Синод имеет на документах основанные сведения, что иеромонахи Иоанн и Гедеон и иеродиакон Арсений представили в консульство на архимандрита Леонида жалобы и доносы, частью такие, которые не могут быть рассматриваемы светским начальством, частью не заключающие в себе никакой действительной вины, частью обнаруживающие их противозаконное вмешательство в дела, для них посторонние, и, следственно, обвиняющие их самих: Архимандрит же ни в чем законным образом не обличен. Важнейшая же вина означенных двух иеромонахов и иеродиакона есть та, что они самовольно устранили архимандрита Леонида от начальствования и приняли на себя власть. Чтобы не обременить здесь Ваше Блаженство подробностями, но чтобы яснее доставить Вам удостоверение в истине, при сем прилагается выписка из имеющегося в Святейшем Синоде дела.

Святейший Синод не сомневается, что Ваше Блаженство, если бы имели в виду сии сведения, на несомненных документах основанные, то, с свойственным Вам великодушием и предусмотрительностью, удержались бы от решительного осуждения архимандрита Леонида до приведения дела в законную ясность.

По-видимому, к сему могло расположить Вас и то обстоятельство, что архимандрит Леонид есть духовный сын Преосвященного Мелетия Петрского, наместника вашего Престола. Сей досточтимый муж, без сомнения, не решился бы иметь духовным сыном человека «бесчинного и беззаконного поведения».

По всему, здесь изложенному, Святейший Синод нашел справедливым предоставить мне благопочтительнейше просить Вас, Блаженнейший Владыко, не лишать архимандрита Леонида Вашего милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность.

Святейший Синод не допустит, чтобы пред лицом Вашим был кто-нибудь из священнослужителей Российской Церкви, действительно недостойный Вашего милостивого воззрения.

Ваша Благость и яже о Господе любовь не попустит, чтобы погрешности меньшей братии пали хотя бы пылинкою на чистую вековую взаимную любовь Священноначалий и Церквей.

26 мая 1865 г.»[146]

---

[146] Архив Святейшего Синода, опись. Л. 13; докум. № 18 и 24.

Послание это от имени Святейшего Синода имело длительную и не лишенную интереса историю[147].

В Константинополе «на пути» послание это было «остановлено» и это обстоятельство со стороны Митрополита Московского Филарета вызвало недоуменный вопрос (16 сентября 1865 г.) к обер-прокурору Св. Синода Толстому: «Неужели не должно Святейшему Синоду справедливым ответом со всею скромностию отнестись к защищающему несправедливую сторону и небережливость служащих в чужом пределе»[148], а из Святейшего Синода последовал к послу Н. П. Игнатьеву даже «официальный» запрос, «куда девалась грамота (митрополита Новгородского Исидора) и почему ответа нет до сих пор»[149]. В действительности же произошло следующее: Иерусалимский консул А. Н. Карцев, прибыв на короткое время в Константинополь «для личных объяснений по делу о. Леонида», по словам Н. П. Игнатьева, «пришел в отчаяние от содержания ответа Синода Патриарху, говоря, что последний «обидится и рассердится». Для успокоения консула посол «утешал его надеждою», что «письмо (послание), вероятно, не достигнет прежде получения в Иерусалиме разрешения (вопроса) об отзыве Леонида». Эту свою «надежду» Н. П. Игнатьев основывал на телеграмме директора Азиатского департамента Н. П. Стремоухова: «остановить синодальное послание Иерусалимскому Патриарху». В письме на имя директора Азиатского департамента от 20 июня, высказав свое недоумение относительно замечаемой им в этом вопросе непоследовательности и колебания, Н. П. Игнатьев ясно выразил свою «надежду» и свой взгляд по этому вопросу так: «Я очень рад, если это письмо заменят письмом более удачным и согласным с обстоятельствами»[150].

Но причина появления в Константинополе телеграммы Н. П. Стремоухова «об остановке на пути послания» и недоумения посла Н. П. Игнатьева разъясняются без затруднений. Доверительное письмо Н. П. Игнатьева товарищу Министра иностранных дел от 18/30 мая 1865 года, сообщенное Святейшему Синоду, хотя и дало несколько иной вид делу Иерусалимской Духовной Миссии, но «неясный» и «не довольно убеждающий». «По собранным мною сведениям от здешнего временного наместника Патриарха Иерусалимского, а также от нескольких русских поклонников, возвратившихся на этих днях из Иерусалима, оказывается, — писал в этом письме посол Константинопольский, — что Патриарх и не думал налагать запрещения на архимандрита Леонида, а, считая себя оскорбленным действиями начальника нашей Духовной Миссии, дозволил только ему участвовать в богослужении на святых местах, непосредственно зависящих от Патриарха. По существующему обы-

---

[147] К этому времени относится сочувственное письмо архимандрита Антонина. «Приношу Вам усердное благодарение за Ваше доброе письмецо, — писал отец архимандрит Леонид от 12 апреля 1865 года, — и выраженное в оном участие к моему положению, о котором если полюбопытствуете узнать подробнее, то рекомендую Вашему боголюбивому вниманию подателя сего письмеца, отца игумена Димитрия, которому, как моему дорогому приятелю, известно многое яже о мне. Хотя и недостоин, но скажу словом великого Святителя: «Слава Богу о всем, ибо искушение соделывает искусство», и проч. Я хотя и немощен монах, но келлии не боюсь и считаю ее желанный край; честь мне знакома с ее терниями и потому проститься с нею могу без боли, ибо не искал и не желал, а поискан бых. Но унижать в своем лице достоинство духовной власти и жить в мире со злом, лукаво отговариваясь невозможностью и трудностью борьбы с ним, — не согласен, егда готов на все, и уверен, что никто из благомыслящих не в состоянии ничего сделать здесь, если не будет иметь своим товарищем человека мало-мальски с пониманием духовных интересов дела.., а здесь идет дело об одном: поработить и унизить духовное влияние во что бы то ни стало, с забвением чести русского имени и всего, что дорого и свято в глазах человека благомыслящего».

[148] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 444.

[149] Из письма гр. Н. П. Игнатьева к архимандриту Антонину от 29 декабря 1869 г.

[150] Дело Архива Святейшего Синода № 3113.

чаю никто из русских духовных лиц никогда не служит на святых местах, не испросив предварительно благословения патриаршего. Иначе, впрочем, и быть не может, по церковному чину. Архимандрит уже пригласил нескольких духовных лиц взамен уволенных Святейшим Синодом членов Миссии и совершает богослужение беспрепятственно в церкви русского приюта».

Обвиняют архимандрита Леонида, по словам Н. П. Игнатьева, в ненасытном явном корыстолюбии, грубости, непомерной вспыльчивости и заносчивости, беспокойном стремлении во все вмешиваться и забрать все и всех в свои руки, в обидном, недостойном монашеского звания, обращении с подчиненными, с поклонниками, с членами консульства и с самим консулом. Основательный повод (sic) заставляет подозревать архимандрита в неправильной раздаче денег, пожертвованных Государынею Императрицею и доставленных в Иерусалим г. Дохтуровым. Чиновник же здешней почтовой конторы Николаевский, возвратившийся также из Иерусалима, утверждает, что начальник Миссии «требует с лиц, которым выдает жалованье или пособия, расписки, не выдавая полностью следуемых им денег». Отношения архимандрита Леонида к Патриарху и греческому духовенству, по словам Н. П. Игнатьева, отличаются «необузданною ненавистью», его драгоман Сарруф «деятельно занимается возбуждением варварского населения против греческого духовенства», причем архимандрит Леонид «поддерживает его в этом направлении и старается вытеснить доктора Мазараки[151] из русского госпиталя преимущественно для того, чтобы определить туда медика Сарруфа и завладеть госпиталем».

Напротив, невиннейшем незлобивым агнцем и жертвою служебного долга изображается в письме посла Н. П. Игнатьева иерусалимский консул А. Н. Карцев. «Русские путешественники, — пишет генерал-адьютант Н. П. Игнатьев, — отдают полную справедливость консулу нашему и признают, что он, несмотря на выходки отца Леонида, продолжает оказывать ему подобающее наружное почтение и удовлетворяет внешними отношениями своими к Духовной Миссии самым придирчивым

[151] Несколько позже с личностью и нравственным обликом Иерусалимского дельца доктора Мазараки ближе познакомился и Н. П. Игнатьев, когда 1868 году, по поручению Патриарха Иерусалимского Кирилла, г. Мазараки приезжал в Константинополь хлопотать по вопросу о святогробских имениях в Румынии.

«Вот, не могу сказать «спасибо» за коварный совет Ваш, — писал отцу архимандриту Антонину в 1869 г. Н. П. Игнатьев, — Мазараки ехать в Константинополь. Пусть едет куда-нибудь в трущобу, а то здесь, пожалуй, мне греков помутит» (Письмо от 14 марта 1869 г.). Во время объявления «болгарской схизмы, когда Патриарх Иерусалимский Кирилл не подписал протокола константинопольского собора и был низложен с престола, ярым его противником оказался г. Мазараки». «Патриарх Кирилл держится молодцом, несмотря на разразившуюся над ним бурю. Вообразите, — пишет И. П. Игнатьев иерусалимскому консулу Юзефовичу, — во главе иерусалимской оппозиции, кроме заинтересованных духовных лиц, находится известный Вам Мазараки, бесстыдно заявляющий желание свое отомстить России за удаление свое из госпиталя (он был, по мысли Н. П. Игнатьева, заменен русским врачом) и неполучение каких-то денег, ему следовавших (будто бы, Мазараки облагодетельствовал Россию, женат на русской, обласкан был великим князем Константином Николаевичем, имеет несколько родственников в русской службе, но остался ярым греком в душе и ненавистником России и славянства). Он человек ловкий, умный, письменный, а потому опасный». (Письмо от 12/24 ноября 1872 г.). Питавший весьма недружелюбные чувства к семье Мазараки, архимандрит Леонид дает не лишенную интереса характеристику супруги г. Мазараки. После того как стало известно отцу Леониду, что «возвращение доктора с докторшей на постройки стало невозможно» (письмо архимандрита Антонина к архимандриту Леониду от 22 февраля 1869 г.), архимандрит Леонид пишет следующее отцу Антонину: «Посрамление низкого интригана Мазараки есть еще малое возмездие за то зло, которое он в течение нескольких лет наносил «русскому делу» в Иерусалиме.... Да, его Иезавели не пройдет даром ее ехидство, разумеется, если не покается, чего ей удобнее достигнуть вне русских построек». (Письмо от 18 февраля 1869 г.).

требованиям (?). Не допуская никакого лицеприятия и не стараясь оправдать консула нашего, который мог бы, может быть, более искусными действиями предупредить подобный соблазн, я считаю себя однако обязанным повторить Вашему Превосходительству мое глубокое убеждение, что дальнейшее пребывание отца Леонида в Иерусалиме не может быть терпимо и не соответствовало бы ни политическим, ни нравственным интересам нашим, ни достоинству Православной Церкви, ни чести русской, ни нашему доброму имени на Востоке. Чем скорее прекратится безобразное положение, в котором находится Русская Миссия в Иерусалиме, тем лучше».

Посол Н. П. Игнатьев в конце концов предлагает по телеграфу вызвать архимандрита Антонина <Капустина>, настоятеля посольской церкви в Константинополе, находившегося в это время в научной поездке по Румынии, чтобы отправить его в Иерусалим «для приведения в некоторый порядок Духовной Миссии нашей, для укрощения порывов о. Леонида и для личных переговоров с Патриархом»; о подчиненных отцу архимандриту Леониду членах Миссии посланник, в частности, прибавляет, что они отказываются возвратиться в Россию до получения ответа Преосвященного Херсонского на письма, с которыми они обратились к своему нынешнему начальнику, прося отпуска ко святым местам, и решается «приказать консулу выслать непослушных монахов с кавасами силою», хотя и признает, что эта крайняя мера «произведет значительное впечатление между местным духовенством православным и иноверным»[152].

Предложение посла Игнатьева о командировке архимандрита Антонина в Иерусалим для улажения «Иерусалимского вопроса» было встречено сочувственно и в Министерстве, и в Святейшем Синоде, рассчитывавшим личными переговорами уладить все недоразумения между Патриархом и Русскою Православною Церковью. С сомнением по этому вопросу и, как оказалось, не напрасно, остался лишь Московский Митрополит Филарет.

«Если послан будет в Иерусалим архимандрит Антонин, — спрашивал 9 июля в своей записке в Святейший Синод митрополит Филарет, — то с каким поручением? Если в качестве посредника и примирителя, то можно ли ожидать успеха? Действуя скромно и мирно, решится ли он притом сказать некоторые твердые слова Патриарху, чтобы разрешить его предубеждения против архимандрита Леонида, и консулу, чтобы изъяснил ему неправильность принятия доносов, переданных от него и следствия? Будет ли иметь довольно силы, чтобы сделать послушными возмутившихся монахов? — Трудно решиться утверждать сие. Надежно ли определить архимандрита Антонина на время начальником Миссии, а Леонида на то же время перевести на его место? В сем случае жребий Леонида не будет отягощен, неудовольствия Патриарха и консула лишены пищи; Антонину надобно будет только принять Миссию и управлять сю, извлекая из несчастного опыта предшественника правила осторожности»[153].

Указ Святейшего Синода, посланный архимандриту Антонину 16 июня как «временно заведующему Иерусалимскою Духовною Миссиею в Иерусалиме», предписывал, чтобы он: 1) приняв от архимандрита Леонида в возможно непродолжительное время дела, имущество и суммы Миссии, занялся, по ближайшему указанию посланника, приведением в должный порядок всего того, что окажется нужным к благоустройству Миссии; 2) в отправлении обязанностей, возложенных на начальника Миссии, равно и в сношениях с местным консульством и греческим духовенством, руководствовался инструкцией, данной от Святейшего Синода начальнику Миссии архимандриту Леониду; 3) в делах, кои будут подлежать неотложному сведению или потребуют немедленного распоряжения Святейшего Синода, входил в оный непосредственно рапортами или относился к г. обер-прокурору

[152] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[153] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов ... С. 440—441.

Святейшего Синода, и 4) собирал на месте возможно обстоятельные и достоверные сведения о происшедших в Миссии неустройствах, каковые сведения с беспристрастным мнением представлял в Святейший Синод». В указе архимандриту Леониду от того же числа приказывалось сдать архимандриту Антонину дела, имущество и суммы Миссии и «немедленно отправиться в Константинополь и оставаться при тамошней посольской церкви впредь до особого распоряжения»[154].

В дополнительном указе от 6 июня, когда в Синоде стало известно, что иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений уже выехали из Иерусалима[155] и прибыли в

[154] Дело Архива Святейшего Синода № 224/3256. Л. 165.

[155] Иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений, несмотря на приказ Святейшего Синода от 20 февраля, не покинули Иерусалима и продолжали пользоваться благоволением Патриарха и консула. Последний находил возможным не спешить их отправлением в Россию, так как через него они подали на имя архиепископа Херсонского Димитрия прошение о невозможности им покинуть Палестину и вернуться на родину. «Я обязан, — писал иеромонах Иоанн, — исполнить свой данный мною обет у Гроба Господня поклониться всем Святым Местам в Палестине, чего, за послушанием при Миссии, доселе я не мог исполнить, и, страдая ревматизмом в ногах, я, по совету доктора, должен прожить настоящее лето в лазарете для купания на теплых ключевых водах».

Архиепископ Димитрий, во исполнение указа Святейшего Синода, отобрал от присланных к нему членов Миссии допросные пункты и, аттестовав их очень хорошо, предложил иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения определить, по их желанию, в какой-нибудь монастырь в России, а последний даже, по его мнению, «мог бы быть употреблен не без пользы и к училищной службе». За учиненные ими беспорядки в Иерусалиме строго обвинять их нельзя: «они объясняются не каким-либо недобрым намерением с той и другой стороны, а взаимным недоразумением, непониманием надлежащим образом друг друга», а посему благостный архиепископ рекомендовал ограничиться лишь «надлежащим внушением за произведенный делом их соблазн». (Дело Архива Святейшего Синода № 224/3156. Л. 176—177).

Что касается архимандрита Леонида, то Димитрий, архиепископ Херсонский, в том же донесении Святейшему Синоду за № 1340 признает, что архимандрита Леонида «определить настоятелем монастыря внутри России полезнее», но от «возвращения в Иерусалим всячески остеречься, так как он поставил себя в весьма неприятное положение с греческим духовенством», кроме дела своего со своими подчиненными, и возвращение это «не сделает ни чести Святейшему Синоду, ни пользы делу Миссии». «Для устройства Иерусалимской Миссии, — по его мнению, — необходимо задержать там года на два — на три отца архимандрита Антонина, который в настоящем случае решительно незаменим. К нему нужно избрать иеромонаха из бакалавров Академии или из инспекторов Семинарии, который под руководством отца Антонина мог бы хорошо не только ознакомиться, но и свыкнуться со всем, изучить язык, обычаи и порядки и потом благонадежно заменить отца Антонина. Другого иеромонаха или двух надобно выбрать хотя из простых, но добрых, благоговейных и благочестивых старцев, которые могли бы быть духовниками русских поклонников. В таком составе Миссия, можно надеяться, будет не только мирна сама в себе, но и способна к выполнению своего назначения».

В параллель не лишне привести здесь взгляд на постановку Иерусалимской Миссии в нормальное положение отца архимандрита Леонида, высказанный им с присущею ему откровенностию в письме к А. С. Норову от 2 ноября 1865 года: «Из всего, что мне сделалось известно в Иерусалиме о нашем русском деле, я вывожу горькое заключение, что нет на нем благословения Божия как на таком деле, в основу которого легла ложь и интрига, продолжающая ему вредить и доселе. Поправка состоит в одном: назначить туда консулом человека, во-первых, семейного; во-вторых, русского вполне, разумея, что не только русским не может называться человек «без веры и правил», каков настоящий консул, уверяющий всех своих, что русское влияние в Иерусалиме день ото дня укрепляется более и более тем, что он проводит ночи в безобразном кутеже и в карточной игре с пашей. Если этот искренно верит, то судите сами, как верен наш взгляд на Иерусалимское дело. Когда отложу более, что имел для этого времени доселе, то еще раз вернусь к Иерусалимским впечатлениям, чтобы нарисовать Вам грустное состояние Православия в Святом Граде и чего можно ожидать от такого состояния не в далеком будущем».

Одессу, где им назначено пребывание: иеромонаху Иоанну — в Архиерейском доме, а иеродиакону Арсению — в Успенском монастыре, то, «рассмотрев изложенные в последнем отзыве Министерства иностранных дел обстоятельства и по соображении оных с предшествующими, вообще с отношением для Иерусалимской Духовной Миссии нашей», Святейший Синод признал необходимым вместе с посланником нашим в Константинополе Н. П. Игнатьевым вызвать архимандрита Леонида из Иерусалима и послать туда архимандрита Антонина «не для одного только умиротворения и увещания непослушных членов Миссии нашей в Иерусалиме и личных переговоров по этому делу с тамошним Патриархом». «Отозвание архимандрита Леонида из Иерусалима оказывается необходимым, сверх изъясненных генерал-адъютантом Игнатьевым надобностей, и в видах предотвращения возможных столкновений с архимандритом Антонином, при исполнении возложенных на него поручений»[156].

Решение Святейшего Синода от 23 июня было, по просьбе Н. П. Игнатьева, сообщено ему по телеграфу, и он тут только «в первый раз сказал о мысли своей» отцу архимандриту Антонину, который от этой неожиданности «сильно струсил»[157]. Но, несмотря на телеграмму графа А. П. Толстого, указ о командировке отца Антонина был задержан в Святейшем Синоде. Причина сего заключалась в том, что Н. П. Игнатьев известил Святейший Синод в своем отношении от 10 августа, что он, «воспользовавшись кратковременным пребыванием в Константинополе консула нашего в Иерусалиме, убедил его содействовать примирению, по крайней мере, наружному, осязательному, между Патриархом и архимандритом Леонидом, дабы, в случае вызова сего последняго[158], не была приписана общественным мнением происшедшим прошлою весною неудовольствиям. Для достижения этого примирения, имеющего целью ограждение достоинства и власти Святейшего Синода, потребно однако некоторое время»[159].

«Если примирение может состояться, то, — совершенно справедливо заметил Митрополит Московский Филарет, — оно должно совершиться еще во время пребывания архимандрита Леонида в Иерусалиме, ибо иначе оно бы не имело значения и не произвело бы желаемого впечатления. Посему надлежало бы не очень спешить отбытием архимандрита Леонида из Иерусалима»[160].

Отсюда и заминка в Святейшем Синоде с отсылкою указов по назначению. Но так как «Синод замешкался решением командировки Антонина и участи Леонида, то придется первого, по словам Н. П. Игнатьева, задержать здесь до 30-го августа» по случаю высокоторжественного дня.

Любопытно, что Николай Павлович [Игнатьев] в частном письме на имя директора Азиатского департамента от 20 июня считал «необходимым разъяснить, что именно следует ему объяснить Леониду, когда он прибудет в Константинополь», то есть в каком положении он здесь будет находиться, что архимандрит Антонин «не согласится совсем перебраться в Иерусалим» и что следует «обе Миссии подчинить ему». Повторяет он этот свой вопрос «касательно окончательного назначения архимандрита Леонида и в отношении на имя исп<олняющего> должн<ость> товарища Министра иностранных дел от 10-го августа, уже по получении синодальных указов о перемещении архимандритов Антонина и Леонида одного на место другого».

---

156 Архив Святейшего Синода.

157 Дело Архива Святейшего Синода № 3153.

158 Там же.

159 Дело Архива Святейшего Синода № 224/3156. Л. 187.

160 Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 442—443.

«Своевременное о сем извещение, — писал посол, — избавило бы отца Леонида от долгого пребывания в Константинополе в неопределенном положении и доставило бы ему возможность до зимы еще предпринять дальнейшее путешествие». В постскриптуме посол добавляет: «Остаюсь при желании, чтобы неопределенное положение отца архимандрита Леонида в Константинополе не продолжалось, а, напротив, чтобы дальнейшее назначение было решено окончательно».

Для путешествия архимандрита Антонина встретились новые затруднения: пароходы Русского общества прекратили рейсы по случаю холеры и предстояла печальная необходимость ему во многих портах высиживать по несколько недель карантин. «Теперь такая сильная холера, — писал Н. П. Игнатьев в Азиатский департамент, — что человека болезненного, как Антонин, грешно отправлять в далекий путь. Притом везде учреждены продолжительные карантины и, по глупости Турции, один и тот же пароход заставляют выдерживать карантин во всех портах, куда он заходит. Прежде чем доберется Антонин до Яффы, может быть более месяца пройдет»[161].

Глава VI

Приезд архимандрита Антонина в Иерусалим и первые встречи с архимандритом Леонидом, консулом А. Н. Карцевым и Патриархом. Прием Миссии и отъезд из Иерусалима отца архимандрита Леонида. Первые распоряжения архимандрита Антонина для устройства Иерусалимского клира. Донесение в Святейший Синод о беспорядках в Иерусалимской Духовной Миссии. Неудовольствие в Святейшем Синоде и митрополита Филарета донесением архимандрита Антонина. Переписка по этому поводу между послом Н. П. Игнатьевым и отцом Антонином. Объяснение А. Н. Карцевым причины, почему Патриарх не написал ответа Святейшему Синоду и его послание. Переписка обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого с вице-канцлером князем А. С. Горчаковым по поводу обещания Н. П. Игнатьева убедить Патриарха Кирилла написать письмо Святейшему Синоду. Побудительное письмо Н. П. Игнатьева к отцу Антонину дополнить свое донесение в Святейший Синод о беспорядках в Миссии частным письмом на его имя и побудить Патриарха Кирилла дать ответ на послание Святейшего Синода. Письмо отца Антонина на имя посла от 4 апреля и послание Патриарха Святейшему Синоду от 24 апреля. Крайнее неудовольствие на отца Антонина со стороны обер-прокурора Святейшего Синода за письмо от 4 апреля и в Святейшем Синоде — вторым посланием Патриарха Кирилла. Критика послания митрополитом Филаретом, который, отвергнув авторство Патриарха, предложил проект ответного послания Патриарху. Всеподданнейший доклад Государю Императору и. о. обер-прокурора Святейшего Синода о беспорядках в Иерусалимской Духовной Миссии и по делу об отлучении Патриархом отца архимандрита Леонида от совместного служения на святых местах. Критический разбор этого всеподданейшего доклада со стороны директора Азиатского департамента Н. П. Стремоухова. Отказ обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого продолжать полемику с Министерством

[161] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

иностранных дел и мысль его о закрытии Иерусалимской Духовной Миссии. Доводы митрополита Филарета в пользу сохранения Миссии. Жертвы со стороны посла Н. П. Игнатьева: удаление из Иерусалима любимого и, по его мнению, незаменимого консула А. Н. Карцева на Корфу, потеря навсегда для Константинополя архимандрита Антонина, оставленного начальником Миссии в Иерусалиме, и удовлетворение Святейшего Синода по делу архимандрита Леонида. Настойчивые и неоднократные письма Н. П. Игнатьева к отцу архимандриту Антонину добиться от Патриарха Кирилла извинительного письма и оставление их без ответа. Попытка архимандрита Леонида завершить «Иерусалимский вопрос» и ответ по сему из Святейшего Синода. Грамота Патриарха Кирилла в Святейший Синод и назначение начальником Иерусалимской Духовной Миссии архимандрита Антонина и недовольствие последнего ответом на эту грамоту

Указ о назначении отца архимандрита Антонина временно заведующим Иерусалимскою Духовною Миссиею был помечен 16 июня 1865 года, вступил же он в Иерусалим и поселился на Русских постройках в комнатах, «назначенных для важных посетителей Святого Места» лишь 11 сентября. «Точно перестает быть пустынею Град возлюбленный и неоставленный, — описывает свои первые иерусалимские впечатления архимандрит Антонин в дневнике. — Налево в стороне виднеется большое здание американских миссионеров, а впереди высятся красивые здания русские. Все промежуточное пространство раскуплено и начинает застраиваться частными лицами разных народностей и вероисповеданий».

Встреча прибывшему новому начальнику Миссии была устроена торжественная, как за городом, так и в храме Миссии. Архимандрит Леонид по-братски встретил своего преемника и следователя, угостил обедом, и вечером они, по словам архимандрита Антонина, «сидели с о. Леонидом далеко за полночь, перебирая мыслью и языком тысячу вещей и поминутно возвращаясь к главному предмету». Консул А. Н. Карцев сделал прибывшему визит, а на другой день устроил обед в честь его вкупе с архимандритом Леонидом... «Постный стол оказался таким тучным и обильным, что не знаю, право, что подумать о столе скоромном, — заметил архимандрит Антонин в своем дневнике об этом обеде. — Возвратившись, долго сидели с аввою, упражняясь в словоречии».

Об отношении архимандрита Антонина к Иерусалимскому консулу довольно выразительно, по нашему мнению, говорит одно из замечаний в его дневнике. По прочтении документов о куполе, он заметил: «честь уму и деятельности г. консула. Николай Павлович Игнатьев должен быть доволен им».

Консул А. Н. Карцев, после своего первого знакомства с личностью отца архимандрита Антонина, был в положительном восхищении от него и писал послу Н. П. Игнатьеву: «Я так убежден в беспристрастии отца Антонина, что заранее объявляю себя виновным во всем, в чем только он признает справедливым обвинить меня перед Вами»[162].

В отношениях с Патриархом Кириллом на первых порах дело не обошлось без недоразумений. «Старец, — по словам архимандрита Антонина, — огорчился тем, что я во время визита к нему все время молчал и ничего не прибавил к его обвинительному отзыву об отце архимандрите Леониде. Обидело его и то, что я не привез к нему никакой рекомендательной бумаги от Святейшего Синода».

[162] Русский Архив. 1913. Кн. 3-4. С. 587.

С 15 сентября архимандрит Леонид приступил к сдаче Миссии новому начальнику, причем оказалось, что и отчетность ее была найдена в образцовом порядке. «За полночное сидение у хозяина, — говорится в дневнике, — и принятие от него тех да других сумм все золотыми червончиками: австрийскими, китайскими, русскими и французскими — это значительно побольше будет, чем в Царьграде». Пересмотрена была разница. 17-го числа принят архив, 18-го — визит обоих архимандритов к армянскому Патриарху: 19-го архимандрит Леонид простился с Патриархом Кириллом и Владыками и ночевал у Святого Гроба, 20-го передал в дар Миссии свою библиотеку, а 21 сентября, после братской трапезы, архимандрит Леонид простился с архимандритом Антонином и выехал из Иерусалима.

«Оставляя Святой Град Иерусалим, я, — писал о своем отъезде из Иерусалима архимандрит Леонид А. С. Норову от 2 ноября 1865 года, — конечно, по долгу христианскому, простился со всеми, начиная с Блаженнейшего, и был весьма утешен тем искренним приветом и откровенным выражением сочувствия ко мне от всех благонамеренных лиц греческого духовенства, в особенности Преосвященного Никифора и Фаворского отца Иоасафа и всего Святогробского братства. Все русские поклонники с моим братством и отцом архимандритом Антонином провожали меня до Поклонной горы с благожеланиями и благословением».

Так закончила краткие дня своего злополучного бытия третья Русская Духовная Миссии в Иерусалиме.

Переселившись «в начальническое отделение и усевшись в малой зале, где обычно заседал, грыз перья и отгрызался от своих и чужих мой злополучный предместник», архимандрит Антонин приступил к выполнению своей срочной работы и к чтению архивных бумаг.

8 октября отец Антонин донес послу в Константинополе об отъезде туда из Иерусалима бывшего начальника Миссии архимандрита Леонида и о том, что он, во исполнение указа от 16 июня, донес 26 сентября Святейшему Синоду, что он вступил «во временное заведывание делами здешней Духовной Миссии», и с следующей почтой надеется представить «изложение того, в каком виде он нашел дела Миссии и что он находит нужным сделать для водворения в ней прочного порядка». Поблагодарив в этом же письме посла за назначение на иеродиаконские вакансии афонских монахов Виссариона и Мартирия[163] к Афинской миссийской церкви, о процветании коей по старой памяти он заботился, просил посла назначить певчих иерусалимской Миссии — Козубокого и Белавина — на их место в Афины. Отец Антонин при этом выразил и свой взгляд на певческие места при Миссии, какой он намеревается провести и в будущем донесении в Святейший Синод, что он считает более целесообразною «замену вообще всех принадлежавших к Миссии лиц светского звания монахами»; ходатайствует далее пред послом о награждении иеромонаха Анатолия, 60-ти лет, как лица, весьма пригодного для духовничества» и «оказавшего немалую услугу здешней церкви, заменив собой вполне и даже с из-

[163] Назначение этих лиц на диаконские вакансии состоялось даже вопреки аттестации арх. Петра, настоятеля Афинской Миссии, который писал о них 1 февраля 1866 года обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому следующим образом: «Певчие нашего хора, монахи Виссарион и Мартирий, по своей необразованности и соединенным с нею нравственным недостатком, по милости только терпимые в хоре и в качестве певчих, отнюдь недостойны занять диаконские места при церквах заграничных, где от каждого члена причта, для чести духовенства Российского, требуется своего рода представительность, т. е. приличное образование и жизнь не только честная, но и нравственно искусная». (Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 98). Отцы Мартирий и Виссарион поступили потом на штатное место иеродиаконов в Иерусалимскую Духовную Миссию, причем отец Виссарион пользовался здесь все время отличною репутациею среди русских паломников и был деятельным и преданным сотрудником отца архимандрита Антонина до последних дней своей жизни, оконченной в Иерусалиме.

бытком выбывшего иеромонаха Иоанна»; и, наконец, о назначении в штат Миссии весьма давно здесь известного лица, духовника иеромонаха Вениамина[164], о котором «кроме одних благоприятных отзывов он не слыхал здесь ничего». Отец Антонин прибавил: «На мой взгляд, отца Вениамина не только можно, но и необходимо нужно причислить к Миссии, чтобы парализовать тем стороннее духовническое влияние на поклонников наших в Иерусалиме».

18 октября донесение в Святейший Синод было переписано набело и с недоуменным вопрошанием: «А что из него выйдет — Бог весть» — сдано на почту.

Архимандрит Антонин хотя и не обнаружил в этом своем донесении о беспорядках в Миссии полного беспристрастия, но старался всячески никого не обидеть и каждому лицу, так или иначе причастному к делу беспорядков в Иерусалимской Миссии, сказать угодное и приятное. Это отчасти и вполне понятно, если принять во внимание, что он в конце концов «соглашался быть настоятелем Миссии и к чему, по словам Митрополита Филарета, "не имел для себя затруднений ни со стороны консула, ни со стороны Патриарха"».

«Отец архимандрит, — доносил Святейшему Синоду архимандрит Антонин об архимандрите Леониде, — имел похвальную ревность о нравственности, добром имени и интересах бывающих и проживающих здесь русских. Г. консул не менее того заботился о их спокойствии, довольстве и безопасности, и более всего о мире. Отец архимандрит печалился о чести, достоинстве и истинных пользах Патриархии; не менее того и г. консул оказывал и ежедневно оказывает Патриархии добрые услуги своею ласковостью, почтительностью и отличным вниманием, так что, отдавая дань справедливой хвалы одному, не имеем в то же время причины похулить

---

[164] Молдаванин по происхождению, добившийся из обер-офицерских детей иеромонашеского сана на Афоне (1842 г.), будучи зачислен в 1840 году в число братства малороссийского Ильинского скита, отец Вениамин некоторое время служил во время осады в Севастополе при Крестовоздвиженской общине; в 1861 году, по представлению епископа Кирилла, был определен членом Миссии и состоял в этом звании до 1863 года, когда был уволен из ее состава. Увольнение это последовало после отзыва о нем нового начальника Миссии архимандрита Леонида, который аттестовал его так: «Не касаясь его нравственных качеств, по отношению к делу должен сказать, что неразвитость и ограниченность как для внешних служений по делам Миссии, так и для внутренних на пользу своей малой общине (напр., по части хозяйственной), делает это лицо вовсе несоответствующим моему назначению старшего члена Миссии заграничной». При увольнении ему назначено было единовременное пособие в 100 рублей и предоставлено самому заботиться «дальнейшим своим устройством». В 1864 году архимандрит Леонид жаловался в Святейший Синод, что отец Вениамин не уехал на Афон и продолжал жить в Иерусалиме, пытаясь «набросить тень на наших новых членов Миссии и посеять подозрения против них и их намерений в греческом духовенстве. Не ограничиваясь этим, из корыстных видов принимает к себе поклонниц для исповеди и беседы и, встречая поклонников, убеждает их не останавливаться в русских зданиях, страшая строгостью правил, там заведенных». К прежней своей характеристике отца Вениамина архимандрит Леонид прибавил нечто новое: «Это человек, предавшийся на служение мамоне, т. е. собиранию денег и приобретению наград окольными путями». В характеристике архимандрита Леонида значительная доля истины. Таким, по крайней мере," этот деятель нашей Миссии известен был и нам на закате дней своей жизни, в конце 80-х годов прошлого столетия, но он имел себе горячих защитников в лице посла И. П. Игнатьева, который характеризовал отца Вениамина человеком «незловредным, а только оклеветанным», имеющим полное право оставаться в Иерусалиме, в городе, в котором всякий ищет спасения души, — и отца Антонина, рекомендовавшего его на должность члена Миссии, в таких выражениях: «долг справедливости требует возвратить человеку без вины отнятое у него место». (Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 2. С. 4—6). Отец Вениамин окончил дни своей жизни в Иерусалиме, оставив по себе незабвенную память среди престарелых русских паломниц, доживающих здесь свой век, пожертвованием довольно обширного приюта для бесплатных квартир для них. Приют этот передан отцом Вениамином в Православное Палестинское Общество и носит наименование «Вениаминовского подворья».

другого. Разумеется, политический круг зрения консула был обширнее, чем духовно-служебный начальника Миссии, отчего и взгляд их на одни и те же предметы, естественно, не мог быть совершенно тот же. Кроме различия во взглядах, надобно предполагать и характерное несходство людей, призванных помогать друг другу и в большей части случаев сочувствовать. Отец архимандрит казался тяжелым, резким, подозрительным, бестактным и чуть не горделивым г. консулу, а сей в свою очередь представлялся первому недостаточно солидным, искренним и доброжелательным». «При разговорах с разными лицами, принадлежащими к Патриархии, хотя ни в ком мне не случалось встретить сочувствия к отцу архимандриту, все однако же отзывались с искренним уважением к его жизни, истинно иноческой». «Можно желать от всего сердца, чтобы его достоинство (т. е. архимандрита Леонида), как истинного инока, и его ревность, святая и досточтимая, нашли себе вполне открытое невозбранное поприще. Везде, где иноческая жизнь потребует себе у нас в отечестве устроителя, исправителя, обследователя, отец архимандрит может быть почитаем отлично пригодным деятелем».

Не лишены интереса мысли отца архимандрита Антонина о внутреннем устройстве нашей Миссии в Иерусалиме. «Было бы наилучшим делом возвратиться нам, — пишет он, — к первоначальному, самому удобному и естественному, и для Востока наиболее привычному и приличному, плану, — дать Духовной Миссии вид чисто монашеского учреждения, не делая на первый раз из нее ни общежития, ни так называемого у нас штатного монастыря, а просто обитель иноков с своеобразным уставом, приспособленным к условиям места, к роду службы. Можно бы думать, что при одушевляющей и влекущей идее «иерусалимского братства» и при блестящей материальной обстановке быта обители, а главное при установившемся нравственном и административном порядке вещей, она наполнится избранниками русского общества, людьми глубокого благочестия с неложным стремлением к тихой созерцательной жизни. Исподволь совершенствуясь и слагаясь в наисообразнейший состав, обитель наша, без всякого напрасного шума, могла бы стать некогда действительно Миссией, и не только Миссией, но и пропагандой Православия. Это, конечно, максимум желаний и предположений наших. До него надобно стремиться достичь, но и не достигая, есть возможность держать малую обитель иерусалимскую в полном и желанном чине, признавая за нею один общий аскетический характер и заселяя ее простецами в слове и разуме»[165].

«Начальство Миссии, если не навсегда, то в виде опыта можно соединить с существующим уже довольно видным и важным местом настоятеля посольской церкви нашей в Константинополе. Сей начальник по преимуществу будет представлять в себе характер миссионерский, закрываясь, где и от кого нужно, своим настоятельством. Часть года (напр., зимою, в период паломнический), он может проводить в Иерусалиме, а другую часть в Константинополе. В Иерусалиме же постоянно будет жить его наместник — иеромонах, еще случится — игумен, муж духовной жизни и административной опытности, не подавляющий своим весом местного консула и не раздражающий своим официальным начальством самолюбия Патриархии Иерусалимской. Остальное братство обители иерусалимской может состоять из двух иеродиаконов, семи певчих (с регентом) и двух псаломщиков, — всех с начальником 15 человек. Чтобы сколько возможно менее выходить из существующих теперь положений на содержание обители, можно отпускать ту же самую сумму годичного оклада, распределив ее наиболее соответственным образом».

---

[165] При назначении духовно-начальствующих лиц на места с политическим значением и разнообразными мирскими отношениями не было бы найдено терпимым жертвовать некоторым образом «достоинствами строгого иноческого подвижничества в пользу практической мудрости жизни».

«Нынешнему нашему консулу в Иерусалиме, — говорит в своем донесении отец Антонин об А. Н. Карцеве, — могло бы быть предложено другое равночестное место, частию во свидетельство того, что мы умеем следовать той всеобщей политике благоразумия, по которой не считается делом особенно похвальным своему соединиться с чужим для порабощения своего, а, напротив, внушается прекращать соблазн между своими, чтобы всячески отстранить вмешательство чужих; частию в предотвращение развития между иностранцами убеждения, если не основательного, то все же весьма распространенного, что у порабощенной будто бы Русской Церкви нет оправдания духовному лицу; частию, наконец, для того, чтобы дать возможность, как говорится, талантам засидевшегося на одном месте чиновника блеснуть на ином поприще».

Пытаясь выяснить действительную причину возникших столкновений между консульством и начальником Миссии, архимандрит Антонин в своем донесении, по нашему мнению, весьма близко подошел к истине и довольно ярко выставил ее на вид.

«В 1857 году, бывши в Иерусалиме, — писал архимандрит Антонин, — вместе со многими другими я находил, что положение бывшей там до войны Русской Миссии не представляло в себе надлежащих ручательств ее спокойствия и ожидаемого от нее благотворного действия на край. Оттого, по возвращении в Афины, я говорил и писал, кому мог, о том, чтобы в Иерусалиме учреждено было независимое от бейрутского русское консульство в помощь Миссии (sic) при ее сношениях с местными властями и при ее служении поклонникам. Нам точно нужен был свой флаг в Иерусалиме, который бы прикрывал и защищал здесь стольких беспомощных пришельцев от всяких непредвиденных случайностей, так легко возникающих в беспокойном крае. И желанный флаг (sic) явился. Но вместе с тем явилась и новая власть, поставленная об руку с начальством Миссии. Вначале наш иерусалимский консул действительно имел как бы одно только указанное выше значение и, со всем подведомым ему кругом прав, действий и сношений, примыкал к Миссии, как часть к цельному (здесь некоторая фактическая неточность), служа ей главным образом в качестве посредника, почти что драгомана при Миссии 2-го периода (Преосвященный Кирилл) [Примеч. А. А. Дмитриевского]. На сановной важности начальника ее могло несколько времени держаться такое, как бы подчиненное, отношение консула к начальнику Миссии. Но и тогда уже заявлены были многократные попытки консула стать действительно тем, чем он был по своему имени и по своему значению в кругу консулов других наций, т. е. высшим и, следовательно, единственно властным представителем своего правительства в чужом крае.

При Миссии 3-го периода (отца Леонида) о подчиненном значении консула уже не могло быть и речи. Но также не следовало бы идти речи и о подчиненном положении начальника Миссии. Между тем, если не официально, но тем не менее действительно, подчиненность сия явилась сама собою вследствие особых обстоятельств. Одновременно с учреждением консульства стали устрояться в Иерусалиме и русские поклоннические приюты и обширные заведения, требующие сложного, нарочно приспособленного управления. По соображениям правительства оказалось, что такого рода управление удобнее в руках консула, нежели начальника Миссии. Мера необходимости — без сомнения, а потому и самая лучшая. Однако же последствием ее было то, что и вся Миссия с ее начальником [так как дом Миссии составляет одну только часть (пятую) так называемых общим именем «построек»], с передачей в хозяйство консульства всех русских заведений в Иерусалиме, — Миссия, дотоле считавшаяся если не собственницею, то распорядительницею всего, что было наше здесь, — вдруг увидела себя без собственности, без прав, без власти, без силы, даже без совещательного голоса в устройстве наших дел палестинских. Она как бы сама стала на постой в консульство и, естественно, начала

сознавать, что она не Миссия более, а менее чем одна из посольских церквей. Такой переворот во взаимных отношениях двух ведомств естественным образом должен был возбуждать в одной стороне жаление об утраченном значении, а в другой — некоторую долю надмения им. Отсюда взаимная холодность двух властей».

«Затем ежедневный опыт показал, что решительной черты, определяющей круг действий консульства и Миссии, несмотря на все инстанции, не проведено, и что возможны столкновения в правах той и другой стороны и все прискорбные последствия двух разновластных, несогласных распоряжений. Наконец, так как среда, в которой суждено действовать обоим ведомствам, состоит главным образом из поклонников, которые, по существенному характеру своего временного звания, склоняются более к духовной стороне, а своим материальным положением здесь поставляются в прямую зависимость от светской, то междоусобие первых легко распространяется и на массу поклонников, преимущественно же тех, которые избрали себе Иерусалим местом постоянного жительства. Отсюда интриги, тем удобнее возникающие и размножающиеся, что ограниченность и пустота жизни скученного и отставшего от прямого дела здешнего общества русского находит в них себе пищу и усладу. К самому большому сожалению, поприще, на котором возможны столкновения двух ведомств, не ограничивается стенами русских заведений, а простирается до других стен — Иерусалимской Патриархии, с которою при всяком случае легко устанавливаются с той и другой стороны особые сношения, при разладе сносящихся <и> ни к чему столько не ведущие, как к ускорению и развитию интриги, ибо легко понять: ни Миссия с своею церковью и своим богослужением, ни консульство с своими промахами не составляют предмета, особенно радушного для Патриархии, и всякое замешательство в них, как в чужом лагере, естественным образом должно быть приятно ей, отстаивающей прежде всего и паче всего свое, как от врагов, так равно и от друзей».

Вполне естественным считает архимандрит Антонин и столкновение нашей Миссии с Патриархиею. При несколько более деятельном или даже только прямом и искреннем характере действий Миссии, по словам его, она как бы неизбежно должна входить в разлад с Патриархией. Один блестящий вид нашего богослужения здесь, даже один строгий порядок церковный у нас, естественно, должен казаться уже неприятным Патриархии, поставляемой им как бы в тень и в невыгодное сличение с нами. Что же сказать о возможных попытках с нашей стороны учить греков церковному порядку, как это рекомендовано было начальнику Миссии 1-го периода (отцу Порфирию)? Оттого не поладить нам здесь с Патриархиею и легко и не должно казаться непростительною виною».

Далее, «как бы ни старались мы закрыть от греков свои намерения контролировать их действия здесь, того значения, которое раз было усвоено начальнику нашей Миссии здесь (православному <нрзб.>, как злошуточно выражались греки о Преосвященном Мелитопольском), они не могут забыть и не чувствовать ежедневно. Напрасно было бы думать, что, ставя Миссию (только на основании признания ее) в отношении «равного к равному» с Патриархией, можно ожидать от последней благосклонного взгляда на первую. Патриарх Кирилл, не обинуясь, говорит, что он не признает здесь никакого стороннего начальника, что единственный тут православных начальник — он сам. В сем мнении своем о начальнике в нашей Миссии Его Блаженство сомнительно чтобы когда-нибудь, по крайней мере вскорости, изменился».

Выясняя таким образом возможные причины происшедших беспорядков в нашей Духовной Миссии при архимандрите Леониде (Кавелине), архимандрит Антонин нисколько не думает вину за них взвалить на плечи злополучного архимандрита Леонида; напротив, он оправдывает образ его действий, по крайней мере, по отношению к Патриархии, и высказывает горячие пожелания, чтобы и преемники архимандрита Леонида следовали его образу действий в этом отношении, имея за

собою поддержку у нашего духовного и светского правительства. «Подобные отцу архимандриту Леониду ревнители своего начальнического значения, преемники его, — по словам архимандрита Антонина, — не только возможны, но и желательно чтобы чаще появлялись, ибо ничто так не порекомендует нас в настоящее время здесь, как настойчивое следование одной и той же системе, даже если бы она и не признавалась, наконец, удовлетворительною... Начальник Миссии нашей, даже номинальный, имеет весьма важный смысл для Востока. Даже систематически ослабляя его власть и силу вследствие тех или других правительственных соображений, надобно прямо стараться показывать, что мы им дорожим и на за что не поступимся. Ибо мы не для одного Патриарха, даже и не для одного Патриаршего престола заступили действующими лицами на Востоке. У нас в виду должно быть развитие Православия вообще, противодействие пропагандам, борьба за нравственное влияние, восточный вопрос, наконец. В первый раз мы выступили на политическое поприще под знаменем (давно желанным) чисто духовных интересов и чисто церковного значения, столько завоеваний доставивши на Востоке, и чуть выступили, сейчас же, устрашившись чего-то, спешим свергнуть его, и вместо него выставить флаг консульский».

Если, «вопреки видимому желанию Иерусалимской Патриархии уменьшить вес начальника нашей Духовной Миссии, наше правительство поддержит его значение и даже усилит, чтобы она поняла, что высокомерное обращение ее с ним и неблаговидное запрещение ему служить на святых местах не оставлены русским правительством без вниманий, то тогда раз навсегда мечта, высказываемая Патриархиею откровенно и даже несколько обидно: «не удалось с архиереем; не удалось с архимандритом, попробуем обойтись с простыми священниками», т. е. сделать членов Миссии и ее начальника, как выразился митрополит Филарет, «всем попрание», с одной стороны, а с другой — усиленное стремление консульства иерусалимского из нашей Миссии «создать в некотором роде приходскую церковь поклонников» — отойдут навсегда в область напрасных несбыточных мечтаний».

Как явствует из анализа этого весьма обширного донесения в Святейший Синод о беспорядках в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин пытался в нем всячески щадить самолюбие каждого причастного к этому вопросу деятеля и посвятить ему так или иначе несколько любезных и приятных строк, с одной стороны, а с другой — благодаря давнему своему прекрасному знакомству с церковными вопросами на Востоке и у нас, в России, высказать со всею откровенностью свои выношенные в душе мысли и планы о лучшей постановке нашей Духовной Миссии на Востоке и наших сношений с Восточными Церквами. Злосчастная судьба архимандрита Леонида и порученное ему Святейшим Синодом расследование всех подробностей этой печальной истории в жизни Иерусалимской Миссии служили для него лишь благоприятным поводом для сего. Вот почему чтением этого донесения остался недоволен митрополит Московский Филарет, принимавший благоприятный исход дела отца Леонида близко к сердцу. «Чтением сего донесения оставлено во мне чувство скорби, — писал митрополит Филарет обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому, — и о том, что неприятное дело не выходит из запутанности, и о бедном архимандрите Леониде, на которого одного обрушивают всю тяжесть этого дела, — много виновных более его; и, наконец, о самом архимандрите Антонине, служащим с признаками достоинства и с надеждою более значительного и более полезного служения, но в настоящем деле представившем опыт, не соответствующий его достоинству[166]. «Надобно показать, что Святейший Синод донесение архимандрита Антонина найдет неудовлетворительным и примет меры к дальнейшему открытию истины дела. Ближайшею по самому порядку дела и небезнадежною мерою было бы обстоятельное вопрошение находящихся

[166] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 445-446.

уже в России непокорных членов Миссии порознь, по вопросным пунктам, внимательно составленным»[167].

Митрополит Филарет пытается дать и объяснение, почему это донесение архимандрита Антонина вышло «неудовлетворительным». «Таким образом оказывается, — по мнению Владыки Митрополита, — что по важнейшим частям дела надлежащих сведений не собрано и предписание Святейшего Синода не исполнено. Это было бы слишком неожиданно от лица, уже долгое время пользующегося добрым именем и доверием начальства, если бы не объяснялось отчасти действием его глубокого уважения к отзывам лиц высокопоставленных, которое закрыло пред исследованием неблагонамеренных, искусно проведенных внушений, со стороны недоброжелательствующих архимандриту Леониду членов Миссии»[168].

Иными словами говоря, митрополит Филарет остался при том первоначальном, выше нами приведенном, мнении, какое он выразил по поводу письма Н. П. Игнатьева при отправлении архимандрита Антонина в Иерусалим на следствие, т. е. что архимандрит Антонин едва ли решится сказать «некоторые верные слова» Патриарху и консулу, которые могли бы рассеять предубеждение одного и сознаться в неправильных своих действиях другого.

Весть о недовольстве донесением отца архимандрита Антонина в Святейший Синод митрополита Филарета быстро достигла и Иерусалима и смутила автора его, который в письме к Н. П. Игнатьеву выразил ему откровенно свою тревогу и даже опасение. «Помните, отец архимандрит, как я, — писал Н. П. Игнатьев, — Вас уговаривал, в бытность Вашу еще в Константинополе, перед поездкой на Афон, не писать самому о соединении двух Миссий под одним Вашим началом, предсказывая впечатления и отзывы знакомого? Видно, я его, и вообще Ваших начальствующих, лучше знаю, нежели монашествующие. Я предпочитаю вести это дело через Мин<истерство> Ин<остранных> Д<ел> от моего имени, а когда получил длинное донесение Ваше в Святейший Синод, то отгадал, что именно там знакомому не понравится. Чем же я погубил Вашу головушку, как Вы выражаетесь? Напротив, я Вас выручил, насколько мог. То-то подняли бы Вы бурю, если бы послали из Константинополя проектец. Если бы я был с Вами в Иерусалиме, конечно, я постарался бы уговорить Вас некоторые вещи выпустить из донесения. Но Вы такой храбрый, что просто беда».

На отца архимандрита Антонина теперь всею своею трудностию легла другая порученная ему Святейшим Синодом в дополнительном указе и послом при отъезде из Константинополя обязанность — пояснить Патриарху Кириллу тяжесть и неправильность наложенного на архимандрита Леонида публичного отлучения от духовного общения с ним в служениях на святых местах, а вместе с тем склонить мерами личных переговоров и убеждений дать ответ Российскому Святейшему Синоду на послание митрополита Новгородского Исидора сообразно с достоинством Русской Церкви. Послание Новгородского митрополита Исидора еще в августе было принято Иерусалимским Патриархом Кириллом и прочтено им с неудовольствием, а посему и оставлено без ответа.

Из конфиденциального письма консула в Иерусалиме Карцева к посланнику Н. П. Игнатьеву от 16—28 января 1866 года мы узнаем, что Патриарх Кирилл получил письмо митрополита Исидора в исходе августа месяца и счел его «ответом на его послание в Святейший Синод». «Если в послании том Блаженнейший Кирилл, по словам консула, решился почтительно сделать Святейшему Синоду некоторые представления касательно образа действия архимандрита Леонида, то к этому он нимало не был побужден какими-либо личными неудовольствиями против отца Леонида, а единственно только желанием мира и устранения всяких соблазнов и

---

[167] Там же. С. 456.

[168] Там же. С. 454.

дальнейшей любовию к Российской Православной Церкви, которой честь так близка Его Блаженству». В этом же письме консул заявил послу, что Патриарх Кирилл, если бы был уверен, что Святейший Синод исполнит его просьбу, то ходатайствовал бы «об утверждении отца архимандрита Антонина в должности, которую он уже более 4 месяцев исполняет здесь к полной чести Православия», но, не имея этой уверенности и опасаясь упреков в желании вмешиваться в дела Русской Церкви, «ограничивается только теплою молитвою у Святого Гроба Господня, чтобы Глава Церкви нашей Христос Спаситель внушил Святейшему Синоду благую волю утвердить отца Антонина в Иерусалиме»[169].

«В предупреждение всяких недоразумений и зная вполне мнение по этому делу Святейшего Синода, я, — писал по поводу этого письма консула обер-прокурор Святейшего Синода г. Министру иностранных дел, — вменяю себе в непременную обязанность почтительнейше сообщить Вашему Сиятельству, что Святейший Синод вовсе не смотрит на письмо митрополита С. Петербургского, как на ответ на послание Синода Патриарху Иерусалимскому, и давно ожидает отзыв Блаженнейшего Кирилла для окончательного обсуждения дела. Буде этого отзыва не получится, то, по всей вероятности, Святейший Синод вынужден будет принять зависящие от него меры, так как действия, допущенные Патриархом относительно представителя нашей Миссии, не могут быть оставлены без последствий нашею Церковью.

Что касается до архимандрита Антонина, то Святейший Синод дал ему только временную командировку в Иерусалим для обследования дела архимандрита Леонида, а вовсе не имеет в виду назначать его на эту должность».

«Предварительно предложения Святейшему Синоду имею честью поставить о сем в известность Ваше Сиятельство с тем, не найдете ли возможность поручить посланнику нашему в Константинополе убедить Блаженнейшего Кирилла окончить это дело, как и сам генерал Игнатьев предлагал прежде, сообразно с достоинством Русской Церкви, или в случае невозможности, заявить о сем положительно в непродолжительном времени, дабы Святейший Синод был в состоянии приступить к окончательным распоряжениям, какие он признает необходимым сделать в сношениях своих с Патриархом Иерусалимским»[170].

В письме на имя вице-канцлера от 15 февраля обер-прокурор Святейшего Синода, в подкрепление своих соображений приводит из письма посла Н. П. Игнатьева его предложение и слова по этому делу. «В письме своем к г. Стремоухову от 11/23 мая 1863 года, сообщенном моему предместнику, — пишет граф Толстой, — он (т. е. Игнатьев) говорил: "Пусть поручат мне лично объясниться с Патриархом, когда он возвратится в Константинополь, и я берусь уладить дело". В частном письме своем к Вашему Сиятельству от того же числа он повторяет то же самое, а именно: "Я надеюсь, что Патриарх скоро возвратится в Константинополь, и тогда я могу достигнуть соглашения о нем". Судите, князь, достаточно ли ясно подобное обещание? Основываясь на нем, Святейший Синод сделал распоряжения и указания нашим министрам, ибо вот что г. Игнатьев писал 18/30 мая г. Муханову: "Если, паче чаяния, Святейший Синод замедлит вызвать отца Леонида, то не разрешено ли будет мне по телеграфу пригласить от имени Святейшего Синода архимандрита Антонина отправиться в Иерусалим для приведения в некоторый порядок Духовной Миссии нашей, для укрощения порывов отца Леонида и для личных переговоров с Патриархом. Оказывается, что этот архимандрит в своем весьма пространном донесении Святейшему Синоду даже не упоминает о переговорах своих с Патриархом». Итак, очевидно, что генерал Игнатьев имел только в виду выслать из Иерусалима архимандрита Леонида и заменить его Антонином, и что ни одно из его обещаний не было исполнено".

---

[169] Архив Святейшего Синода.

[170] Там же.

«Я счел обязанностью изложить Вашему Сиятельству подлинные слова г. Игнатьева, дабы объяснить затруднительное положение Святейшего Синода в этом несчастном деле, которое может иметь гораздо важнейшие последствия для обеих Церквей, чем как это полагает наше Константинопольская Миссия. Поэтому я желал бы видеть это дело поконченным как можно скорее, сообразно с достоинствами нашей Церкви, которое так близко моему сердцу, и с устранением всякого прискорбного столкновения с Патриархом Иерусалимским».

По поводу этого требования обер-прокурора Святейшего Синода, адресованного чрез Азиатский департамент, Н. П. Игнатьев пишет «совершенно доверительное» письмо к архимандриту Антонину в Иерусалим от 9 марта 1866 года. Письмо это любопытно, между прочим, и потому, что оно характеризует перед нами с полною откровенностию взгляд Н. П. Игнатьева на данный, по его мнению, чисто случайный, конфликт между Патриархом Кириллом и нашим Святейшим Синодом; на его личные отношения и симпатии к Патриарху Кириллу, много ему помогавшему в «болгарском вопросе, выродившемуся в «схизму»»; и вообще на его воззрения по вопросу об отношениях Русской Церкви к Восточным Православным Церквам. «Петербург (из учтивости не хочу сказать «Духовное Ведомство»), — пишет в этом письме Н. П. Игнатьев, — мудрит, путает и конца, конечно, нашему делу не будет. То как будто пойдет на лад, то опять все перепутает. А Вы ожидаете телеграфического извещения, придется черепашью почту послать с Синодским Указом, в котором нам, светским людям, и толку не добраться. А. Н. Карцев объяснит Вам, почему я не мог писать Вам с прежними пароходами, а также почему сегодня отвечаю на несколько писем Ваших разом. Письма, от Вас получаемые, передаю и пересылаю исправно. То же сделал с замечательною и любопытною статьей Вашею о Рождественском торжестве. Мастер Вы писать и ученое, и глубокое, и занимательное, и дипломатическое. Размышления Ваши (в письме от 14 января) о странном образе действий Святейшего Синода и об иерусалимских обстоятельствах — верны, основательны. Что скажете Вы теперь о новом мудром заявлении обер-прокурора и Азиатского департамента?

Я просил Карцева показать Вам официальное мое отношение к нему и передать мое мнение. Не из тучи гром. Шутка сказать, чем грозятся: разрывом с Греческою Церковью, закрытием подворья, высылкою греческих монахов из России, прекращением денежных пособий и доходов и т. п. Подавай им письмо Патриарха с полною повинною и обещанием быть умным на будущее время. Я отгрызался, но духовная власть стоит на своем, а Вы знаете мое правило... Точно дети с огнем играют. Вы, конечно, помните переписку мою с Петербургом, которую я Вам показывал прошлою весною, когда речь шла о Вашей поездке в Иерусалим, в половине мая, для предупреждения столкновения между Святейшим Синодом и Патриархом и неприятной между ними переписки касательно происшедшего в Иерусалимской Миссии, а главное — запрещения, наложенного на отца Леонида, выставлявшего в донесениях своих поступок этот как обдуманное оскорбление Русской Церкви. Я предлагал в частном письме поручить мне, по возвращении Патриарха в Константинополь, объясниться с ним лично и доверительно, а вслед затем напомянуть, что с Вами могли бы быть личные переговоры с Патриархом при продолжении ссоры с отцом Леонидом. Мне ничего на это не отвечали. Вскоре объяснилось, что Патриарх не налагал общего церковного запрещения на отца Леонида, а не дозволил только некоторое время служить на святых местах, и что отец архимандрит продолжает священнодействовать в нашей Русской Церкви. Патриарх прислал даже ему диакона для благолепия служения. Я, конечно, более не возвращался к этому, чисто церковному, или скорее сказать, личному вопросу. Вы, вероятно, убеждены столько же, сколько и я, что Патриарх в мысли не имел оскорбить Русскую Церковь, — силу и крепость Православия.

К концу лета получена была ответная грамота Святейшего Синода и дело приняло другой оборот. Наконец Святейший Синод командировал Вас в Иерусалим, снабдив письменною инструкциею (указом). Я думал, что дело кончено, улажено, и со дня на день ждал только решения касательно будущего устройства Иерусалимской Миссии. Теперь снова поднимается вопрос, потому что обер-прокурор начинает дело, законченное между Патриархом и Святейшим Синодом. До окончательного разъяснения легкомысленного поступка Патриарха касательно отца Леонида и определения будущих отношений Его Блаженства к Русской Духовной Миссии г. обер-прокурор считает невозможным решить предоставленное нам дело миролюбно и предполагает, что Святейший Синод "приступит к окончательным распоряжениям в сношениях своих с Патриархом Иерусалимским", если дело о запрещении не будет окончено "сообразно с достоинством Русской Церкви". Всего забавнее, что я никогда ничего положительно не предлагал и, разумеется, и не думал предлагать ни Святейшему Синоду, ни тем менее Министерству иностранных дел, до которого вопрос этот не должен бы касаться, сообразно с моими правилами: не вмешиваться в дела духовенства и пр. Одно решился я предложить, как Вам известно, это — соединение двух Миссий под одно начало для предупреждения местных столкновений.

Придумайте, почтеннейший и уважаемый отец, исход из этого щекотливого дела, который бы мог удовлетворить Ваш Святейший Синод. За границею что-то очень и очень требовательны и взыскательны преимущественно с греческим духовенством. Не знаю, как дома поступают. Вы, конечно, лучше меня знаете затруднения задачи г. обер-прокурора и в какой степени надо действовать осторожно и осмотрительно в настоящем случае, в особенности при объяснениях с Патриархом. В ответе на отношения недоразумения я сообщил, что хотя и сомневаюсь в возможности представить желанный ответ Патриарха, но передам Вам и консулу требование Святейшего Синода для удовлетворения, по мере возможности, приличных доверительных переговоров с Его Блаженством.

Теперь важное дело в Ваших руках. Убежден, что Вы сделаете возможное для ограждения достоинства Русской Церкви, дорогой для Вас не менее, как и для г. обер-прокурора. Пособите окончить несогласие, могущее иметь самые дурные и неожиданные для обер-прокурора последствия. Желаю Вам от души успеха и да поможет Вам Бог. Пишите откровенно и подробно мне о впечатлении на Вас, произведенном нынешнею выходкою Петербурга по Вашему мнению».

Совершенно доверительно. «Дошло до моего сведения, что на меня негодует Святейший Синод и г. обер-прокурор за то, что при отъезде вашем из Константинополя я не дал вам формального поручения (sic) требовать удовлетворения (как при дуэлях мирских — прости, Господи!) от Патриарха (?) Русской Церкви, оскорбленной в лице своего представителя отца Леонида. Вами также недовольны за то, что Вы сами не догадались переговорить о том с Патриархом и не придумали никакого удовлетворения, ни решения (канцелярским языком — недостаточно одной бумаги, чтобы сдать дело в Архив). Упрекают вас в том, что в "длинном донесении" вы ничего не сказали Святейшему Синоду о столкновении, происшедшем между Патриархом и отцом Леонидом, о запрещении служить на святых местах и о ваших объяснениях Патриарху, об его отзыве касательно щекотливого обстоятельства и пр. Не помню, было ли упомянуто о том в Вашем прекрасном и замысловатом донесении, Вам лучше знать; если нет, то жаль, действительно. Вы отлично разъяснили бы недоразумение, придумали бы на все объяснения, успокоили бы взволнованные низости (видно, в Духовном ведомстве их больше, нежели в нашем, так и лезут на драку) и предупредили бы тем столкновение, легкомысленно вызываемое. Умиротворение в настоящем случае — особая заслуга перед Православной Церковью. Соблазн будет большой, если дать ссоре личной между Патриархом и отцом Леонидом разрастись до разрыва между Синодом и Патриархом. Чтобы пособить

беде пока есть еще возможность, не признаете ли Вы возможным, в виде дополнения к донесению Вашему в Святейший Синод, написать мне (действую поневоле вопреки правилам, Святейший Синод меня впутывает в дела Церкви) такое письмо, которое я мог бы послать в подлиннике в Петербург. Чтобы связать письмо это с общею перепискою, Вы могли бы начать ваше послание примерно таким образом: "Вы меня спрашиваете, случилось ли мне говорить с Патриархом о запрещении, наложенном на отца Леонида, и почему не сообщил я в донесении Святейшему Синоду ничего о переговорах моих по этому предмету с Его Блаженством, а также — какое может быть дано окончание этому несчастному вопросу сообразно с достоинством Русской Церкви и пр." Желательно было бы, чтобы сказали, что Вы говорили о том с Патриархом и с различными личностями, и выразили Ваше мнение о прискорбном обстоятельстве и об окончательном исходе. Я отправлю письмо Ваше с добавлением своих замечаний для подкрепления. Для Вашего сведения считаю полезным предупредить Вас, что я тотчас же по получении копии с письма обер-прокурора, где мне выразили упреки по поводу Вашего молчания, ответил кн. Горчакову, что нахожу странным, что Духовное ведомство насильно хочет меня вмешать, как une attaere de descipline ecclesiasxigue, и что меня делают ответственным за молчание архимандрита, имеющего особое поручение от Святейшего Синода (одним словом, задал порядочный урок); что однако же на этот раз вот что могу я сделать — это спросить вас в частном доверительном письме о причине замеченного молчания о сказанном обстоятельстве и о мнении Вашем касательно наилучшего окончания дела. К этому добавил я, что хотя причина молчания Вашего мне до сего времени, разумеется, неизвестна, но что, по всей вероятности, Вы сочли бесполезным возвращаться к неприятному вопросу, который Вы, может быть, считали решенным распоряжением Святейшего Синода. Надеюсь, что письмо Ваше будет написано с тактом, обычным вам искусством, что выгородит и меня, и вас, и достоинство Русской Церкви, и Патриарха и прольется как ушат морской воды на читающего в Петербурге.

Не оставьте советом и наставлением Вашим Карцева, чтобы из лишнего усердия не наделал нам новых хлопот. Теперь Андрей Николаевич сожалеет, что не предупредил ссоры, принявшей размеры неожиданные в Иерусалиме»[171].

Отец архимандрит Антонин близко принял к сердцу совет Н. П. Игнатьева, данный ему в «совершенно доверительном» письме, и немедленно отправил в желательном для него духе письмо на его имя от 4 апреля 1866 года следующего содержания:

«Ваше Превосходительство позволили предложить мне в последнем письме Вашем, — писал отец архимандрит Антонин, — три вопроса: "Случилось ли мне говорить с Его Блаженством Патриархом Кириллом о запрещении, наложенном им на отца архимандрита Леонида? Сообщал ли я Святейшему Синоду о переговорах моих по означенному предмету с Его Блаженством? Какое может быть дано окончание прискорбному делу о запрещении, сообразно с достоинством Русской Церкви?" Спешу ответить Вашему Превосходительству на любезно предложенные мне вопросы, благодаря Вас за эту честь и за то доверие, которым меня удостаивают.

В ответ на первый вопрос могу Вам сказать следующее: вскоре по прибытии моем в Иерусалим, при вторичном моем свидании с Его Блаженством, я попросил у него позволения поговорить с ним наедине. Оставшись со мною вдвоем, Патриарх, угадывая мое намерение, заговорил сам о происшедших между ним и бывшим начальником Миссии неудовольствиях, сам начал свою жалобу на отца архимандрита Леонида, укоряя его в неприличном обращении в церкви, в недружелюбии к своим сослуживцам, в деспотизме в отношении поклонников, и в частности поклонниц, в нехороших отзывах его о Патриархии, в возбуждении против нее всех

[171] Из письма Н. П. Игнатьева к отцу Антонину от 9 марта 1866 г.

русских, в запрещении им делать пожертвования на Святой Гроб. Патриарх раздражался с каждым словом и, заметив, что я хочу вступить в более обстоятельную беседу с ним о случившемся, сказал отрывисто: "Оставь его, пусть едет с Богом (отец архимандрит был тогда еще в Иерусалиме). Не был он для здешнего места, не был". Я не считал себя вправе ни в тот, ни в другой какой бы то ни было раз возобновлять свой допросный разговор с Его Блаженством. Я не только не был уполномочен Святейшим Синодом допрашивать Патриарха, но даже не был ни тем, ни другим ведомством официально рекомендован ему как следователь. Вследствие указа Святейшего Синода от 16 июля 1865 г., № 1178, руководясь инструкциями Святейшего Синода и Министерства иностранных дел, данными начальнику Миссии в 1864 году, а равно и следуя советам Вашего Превосходительства, я прежде всего озаботился здесь восстановлением мира между Патриархиею и Миссиею, в чем нашел несовместимым принимать на себя тон судьи над той или другой, убежденный вполне, что между Его Блаженством и Святейшим Синодом ведутся прямые сношения по делу нашей Миссии, долженствовавшие выяснить все, что бы пожелала знать та или другая сторона.

То, что вкратце передано было мне Патриархом и его наместником, Преосвященным Мелетием, в виде обвинения на отца архимандрита Леонида, я не преминул сообщить Святейшему Синоду в своем донесении от 18 октября 1865 г., № 6.

В конце февраля или начале марта месяца Его Блаженство по поводу полученного им от действительного тайного советника А. С. Норова письма в первый раз определенно высказал предо мною причину своего отказа отцу архимандриту Леониду в служении с ним на святых местах. Он сказал, что не желал иметь молитвенного общения с человеком, который в своей церкви допустил соблазнительный беспорядок; причем слабый намек сделал на то, что в самый день приезда его в Иерусалим отец Леонид уехал в монастырь святого Саввы нарочно, чтобы не встречать его. Из сего можно было заключить, что Патриарх в числе неудовольствий на отца Леонида имеет и личную с его стороны обиду. О сем отзыве Его Блаженства я недавно упомянул в своем письме к г. обер-прокурору Святейшего Синода.

На предложенное мне Вашим Превосходительством имею честь выразить свое мнение относительно наилучшего исхода дела, возникшего между Патриархом Кириллом и Святейшим Синодом. По поводу употребленных первых против отца архимандрита Леонида мер, я с прискорбием вижу себя вынужденным ответить Вам полным молчанием, в котором и прошу себе у Вас извинения»[172].

В дополнение к своему письму от 9 марта Н. П. Игнатьев писал отцу Антонину от 3/15 мая следующее.

«Чтобы возвратиться к порученному Вам следствию (sic), объясните мне, на кого метит знакомый Ваш, указывая, что Вы обвинили предместника из угождения одному значительному лицу. Не меня ли подразумевает смиренный знакомый? Вы знаете мнение мое по несчастному делу этому. Я вовсе не желаю объяснения, а безотлагательного прекращения постоянных столкновений и бесполезной, если не крайне вредной, личной борьбы, сплетен и т. п. Решительно отказываюсь понимать, почему Святейший Синод так упорно противится соединению двух так наз<ываемых> Духовных Миссий. Надо полагать, что по получении ответа Патриарха, вопрос тотчас решится, — так или иначе знакомый пересолил. Хотя желательно окончательное решение, но при таком настроении я предпочел бы большую проволочку до моей поездки в Петербург. Побывав лично в Москве, я, может быть, и уговорил бы, пользуясь прежним знакомством»[173].

Выполнено было отцом архимандритом Антонином 26 мая и другое поручение Н. П. Игнатьева: уговорить Патриарха дать ответ Святейшему Синоду на его посла-

[172] Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 2120. Л. 78—79.

[173] Письмо Н. П. Игнатьева к архимандриту Антонину от 3/15 мая 1866 г.

ние от 26 мая 1865 года, писанное от лица первенствующего члена Святейшего Синода, митрополита Исидора. В этом деле поработал с присущим ему усердием Иерусалимский консул А. Н. Карцев, заготовивший для Патриарха, как справедливо догадывался митрополит Филарет, и проект ответного послания русскому Святейшему Синоду. Это второе послание Патриарха Кирилла следующего содержания.

«Высокопреосвященнейший и Досточтимейший Митрополит Новгородский и С. Петербургский, Председатель Святого и Священного Российского Синода, во Христе Боге возлюбленнейший и превожделенный Брат и Сослужитель нашей Мерности, Господин Исидор. Ваше Досточтимейшее и Богохранимое Высокопреосвященство братски в Господе объемля от всей души, лобызаем лобзанием святым, и с живейшим удовольствием приветствуем.

Как ни приятно было нам получить братское к нам письмо Вашего Досточтимейшего и Богохранимого Высокопреосвященства от 25 июня минувшего года, но, прочитав оное с должным вниманием и как представляющее Вашу братскую главу, мы были поражены глубокою скорбию. Мы никак не думали, что при нашей искренней и безграничной преданности, которую издавна питаем к единоверной Церкви державной России и духовным вождям ее, оказали неуважение к Святейшему Российскому Синоду тем, что, в заботах о достоинстве и добром имени пребывающего в Святом Граде русского общества, а также о сохранении евангельской любви к единомыслию с ним, мы признали полезным содействовать прекращению открывшегося перед тем положения здешней Российской Миссии чрез удаление стоящего во главе ее Высокопреподобия отца архимандрита Леонида, относительно которого все посещающие Святой Град богобоязненные русские поклонники думали, что он был единственным виновником зла и главным источником происшедшего соблазна.

По поводу этого столь прискорбного обстоятельства, за которое нам надлежало бы ожидать себе одобрения, так как мы поступили по-евангельски в видах прекращения обнаружившегося волнения, делавшего большое бесчестие здешнему русскому обществу, мы, сверх ожидания, на себя навлекли нерасположение Святейшего Российского Синода и, как видим, подвергаемся опасности подпасть осуждению и за наше умеренное действование и исполнение обязанности столько же немногоценной, сколько драгоценна и досточтима царица всех добродетелей — любовь, служащая основою отношений человека, созданного по образу Божию, к своему ближнему.

По возвращении нашем из Константинополя во Святой Град в феврале прошлого года, мы нашли, возлюбленный во Христе Брат, что Его Высокопреподобие бежал перед тем в Священную Лавру преподобного и Богоносного Отца нашего Саввы Освященного, покинув управление вверенной ему Духовной Миссии. В подтверждение тех известий, какие до нас доходили прежде, мы узнали, что этот человек находится в полном разрыве с русскими поклонниками и членами сказанной Миссии. В Святом Граде до слуха нашего достигли бесчисленные заявления против Его Высокопреподобия и множество горьких жалоб со стороны находящихся в Иерусалиме благочестивейших русских паломников. Ни одна душа не приходила к нам без того, чтобы не высказать против него горьких жалоб: один обвинял его в раздражительности, другой — в ругательстве, третий — в унизительном обращении, четвертый — в угрозах, пятый, наконец, в оскорблении святыни — храма Божия, где иногда он, облаченный в священнические одежды, выбегал, как сумасшедший, с прерывающимся голосом, с проклятиями на устах, бросаясь то на того, то на другого, что и отдаляло русских поклонников от желания присутствовать при богослужении в русском храме во все остальное время пребывания здесь господина Леонида.

В виду такого волнения, в виду общих жалоб, что должен был делать духовный вождь Иерусалимской Церкви, к которому все обратили свои взоры представительства и защиты, ища у него правосудия, внимания к своим жалобам, помощи и удовлетворения? Без сомнения, он должен был удовлетворить враждующих и положить конец смущению. Но это было уже невозможно, так как зло уже задолго до того времени достигло крайних пределов, и против Его Высокопреподобия было заметно всеобщее отчуждение и безмерное отвращение. Что же следовало ему делать? Стать на сторону одного и попрать ногами жалобу целого народа? Пренебречь общим мнением и заградить слух от голоса народа? Что следовало ему делать? Смело оттолкнуть от себя многих и принять в свои объятия одного и священнодействовать с ним к большему увеличению соблазна и к большему смущению совести всех? Мы не знаем, как мы должны были бы поступить в столь затруднительном случае и братски просим Святейший Синод разрешить нам это недоумение. Следовало бы (ответят нам, может быть) писать самому Синоду. Но что же другое мы и сделали, как именно написали ему, чтобы сменить этого человека, который возмутил общее спокойствие и причинил столько соблазна в среде здешнего благочестивого русского общества.

Если, действуя в духе справедливости и в видах сохранения достоинства и доброго имени русских, мы навлекли на себя гнев Святейшего Синода Российского, то насколько больше мы потерпели бы, если бы по человеческой немощи впали бы в действительную ошибку, подав хотя малый повод усилиться неудовольствию против этой духовной власти. И если бы господин Леонид был образцом добродетели, то каким образом стали бы так много писать и говорить против него, начиная от времени предместника Его Высокопреподобия, блаженной памяти епископа Мелитопольского. Почему теперь не пишется и не говорится ничего укоризненного против доброго и действительно добродетельного мужа, Высокопреподобнейшего Святого Архимандрита господина Антонина? Если бы господин Леонид был таким же по своему поведению и образу действий, кто осмелился бы возвысить против него свой голос.

Теперь дела Антонина — мед и млеко; совершенное согласие и любовь царствуют между благочестивейшими русскими поклонниками, членами Миссии, Императорским консулом и Его Высокопреподобием, который заслуженно пользуется любовью, добрым именем и почетом не только от своих, но и от всех иноверцев и иностранцев; поистине, по началу виден человек.

Святейшая и досточтимая Матерь всех Церквей никогда не переставала братски, в союзе веры, любить и чтить Сестру свою — Святую Православную Церковь державной России, и не престанет никогда до скончания веков. Она непрестанно молится за нее ко Господу, тридневно воскресшему из Всесвятого и Жизнедательного Гроба, и эту светлую и неложную истину передайте, Святый Собрат, Вашему Святому и Священному Синоду. Первородная Христова Церковь желает также, чтобы предстоятелями здешней Российской Миссии были люди истинно благочестивые и по своему образу действий почтенные, каков ныне Высокопреподобнейший Святый Архимандрит господин Антонин: мягкий, кроткий, мирный, добродетельный, богобоязненный, братолюбивый, добролюбивый, которого и мы отечески любим и чтим, и весь мир. Этот муж своими добродетелями, талантами делает честь и себе, и своему правительству, и Церкви, к которой принадлежит и которая весьма хорошо сделала, если бы, приняв в уважение наши отзывы о Его Высокопреподобии и общее доброе мнение и любовь, коими он пользуется, назначила его во Святой Град Начальником Миссии, за что и все, здесь пребывающие, и мы сами были бы весьма благодарны.

Вот что имеем мы, Святой Собрат, ответствовать на Ваше к нам письмо от 25 июня прошедшего года. Ваша братская любовь к нам и Ваш Святейший Синод да рассудят по справедливости и со свойственной Вам мудростию, худо ли поступили мы, вызвав удаление отсюда человека, произведшего здесь всеобщий соблазн.

Не имея сказать ничего более, мы возобновляем выражение искренних братских чувств наших к Богохранимому Вашему Высокопреосвященству и ко всему Святому и Священному Синоду Вашему, прося Вам у Господа долгоденствия, здравия и полного счастия.

Во Св. Граде Иерусалиме 1866 г. апреля 24-го. Вашего Богохранимого Высокопреосвященства Возлюбленный во Христе брат и всецело преданный Патриарх Иерусалимский Кирилл»[174]

Но надежды Н. П. Игнатьева на успокоение умов в Петербурге и особенно в Москве не сбылись. На дополнительном частном письме архимандрита Антонина к Н. П. Игнатьеву от 4 апреля имеется следующая ироническая резолюция г. обер-прокурора Святейшего Синода: «Хорош ответ». В записке его от 5 июля на имя директора канцелярии Святейшего Синода для представления Товарищу обер-прокурора Н. В. Толстому выражается уже неприкровенно неудовольствие обер-прокурора. «Игнатьев и Карцев, — говорится в этой записке, — не исполнили предписания вице-канцлера и намеренно уклонились от дела, допустив Патриарха написать весьма раздражительное письмо Митрополиту. Архимандрит Антонин, состоящий под их влиянием, не только не исполнил поручения Синода, но даже уклонился от ответа»[175].

В частности, по поводу Патриаршего ответа от 24 апреля Митрополит Московский Филарет писал обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому: «Вопрос трудный, — говорит московский Владыка, — не потому, чтобы трудно было видеть правду, но потому, что представленная уже и доказанная правда встречена немирным противоборством, а после такого опыта новое отправленное представление правды может обещать не успех, а только увеличение несогласия. Российская же иерархия, несомненно, расположена, по Апостолу, блюсти единение духа в союзе мира, как бы ни была расположена иерархия Иерусалимская. Но, с другой стороны, не должно предать правду. Не должно беззащитностью правды доставить преобладание неправде, вредной и теперь, и на будущее время.

К ограждению достоинства Патриарха надобно полагать, что он подписал послание 24 апреля по избытку доверия к внушившему и составившему оное. На представленную в послании первенствующего члена Святейшего Синода правду и доказательства ее в послании Патриарха не обращено никакого внимания». Представив затем Святейшему Синоду «образцы языка и содержания Патриаршего послания», митрополит Филарет говорит, что «послание не может быть оставлено без ответа, и что ответ не должен быть раболепно уступчивым, но, при возможном миролюбии, оправдательным для Святейшего Синода»[176].

Чрез и. о. обер-прокурора Святейшего Синода Ю. В. Толстого представлена была на благовоззрение Государя Императора обстоятельная записка в августе месяце 1866 года относительно всех неустройств и столкновений, возникших в Иерусалимской Миссии за последнее время управления архимандрита Леонида, и копии с переписки по этому поводу с Патриархом Кириллом, в которой от лица Святейшего Синода выражено было намерение на послание Патриарха от 21 апреля, признанное «неудовлетворительным», ответить письмом к Его Блаженству «в словах скромных, но с настоянием» и подтвердить Патриарху «справедливость требований Святейшего Синода, указав на нескромность употребленных им выражений», архимандриту Антонину «поручить непременно и неуклонно представить ему всю непритязательность требований Святейшего Синода»[177].

---

[174] Архив Святейшего Синода. № 1356.

[175] Дело Архива Святейшего Синода № 232. Л. 150—151.

[176] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 457—458.

[177] Из бумаг митрополита Филарета в Архиве Святейшего Синода.

Ответное послание Святейшего Синода, составленное Митрополитом Московским от имени Новгородского митрополита Исидора от 26 июня 1866 года, гласит так: «Блаженнейший Владыко, высокочтимый Архипастырь. Послание Вашего Блаженства встречено мною с глубоким уважением и с надеждою, что из него воссияет свет совершеннего мира между двумя Православными Священноначалиями, столь благопотребного для совершенного мира Православных Церквей. Но, с подобающею служению нашему искренностию, должен исповедать перед Вами, Блаженнейший Владыко, что свет сей открылся мне не свободным от некоторых печальных теней.

В послании Вашего Блаженства с выражением глубокой скорби сказано, что Вы никак не думали, что оказали неуважение Святому Российскому Синоду. Позвольте мне изъяснить и принести оправдание. Ни Всероссийский Синод не поручал мне писать, ни я не писал в моем послании того, что Вы оказали неуважение Всероссийскому Синоду. В послании моем изложено было на дело архимандрита Леонида воззрение Всероссийского Синода, неодинаковое с Вашим воззрением, что нередко случается в делах, без нарушения взаимного уважения двух сторон, имеющих различные воззрения. В заключение, по поручению Синода, благопочтительнейше я просил Вас, Блаженнейший Владыко, не лишать архимандрита Вашего милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность. Действованием Всероссийского Синода очевидно, управлял дух мира, благоговение к Святому Иерусалимскому Престолу и совершенное уважение к Вашему Блаженству.

В послании Вашем упоминается об архимандрите Леониде, что он бежал от Вашего присутствия. Если удостоите внимания приложенное при моем послании, в особой записке обстоятельное изложение дела, то изволите усмотреть, что он не бежал безрассудно, а уклонился по предосторожности, чтобы его подчиненные, вышедшие из повиновения, не обнаружили противоборства против него перед лицом Вашим и не причинили соблазна в торжественном собрании, и на такое уклонение решился он по совету Вашего наместника, митрополита Мелетия. Если же к Вашему наместнику архимандрит Леонид имел такое уважение, что подчинялся руководству его, то не может быть сомнения, что сохранил должное благоговение к Вашему Блаженству.

С трудом покоряюсь необходимости произнести еще слово, встреченное в послании Вашего Блаженства: Вы приписываете Всероссийскому Синоду гнев. С твердостию свидетельствую, что не было ничего подобного ни в расположениях Святейшего Синода, ни в моем смиренном послании. В прискорбных обстоятельствах естественно чувство скорби, но сколь далек Всероссийский Синод от того, чтобы допустить гнев в участие своих действий, столь же неожиданно и то, что он подвергается такому обвинению. Синод знает слово Апостола, что гнев мужа правды Божия не соделывает.

Чтобы не утруждать более Вашего внимания моими объяснениями, ограничусь признанием, что я нахожусь в недоумении, полезно ли будет предложить послание Вашего Блаженства Всероссийскому Синоду, или не полезнее ли будет, чтобы я один понес на себе бремя скорби, и, в надежде совершенного слова мира, сохранил обеим Священноначалиям мир молчания.

Впрочем, я уверен, что, во всяком случае, Всероссийский Синод не допустит возвращения в Иерусалим архимандрита Леонида, который имел несчастие лишиться Вашего благоволения, и оставит архимандрита Антонина в Иерусалиме, по крайней мере до тех пор, когда усмотрен будет другой, соответствующий требованиям тамошнего служения.

Смиренно полагаю сие дело и сии сношения к подножию ног Высочайшего Архипастыря Господа нашего Иисуса Христа, Который есть источный мир, и молю Его, дабы Своею вседействующею благодатию Матерь Церквей — Иерусалимскую Церковь, и Всероссийскую, непрестанно сохранял в совершенном единении мира и

любви до скончания века. С сею мыслию и глубоким к Вашему Блаженству уважением (каковые чувства разделяет со мною и весь Всероссийский Синод) имею сердечный долг и утешение быть и пребыть неизменно.

26 июня 1866 г. »[178]

Но несмотря на то, что Святейшим Синодом, по выражению митрополита Филарета, были приняты «твердые заключения к охранению достоинства и силы церковного управления под щитом державного защитника Православной Церкви благочестивейшего Государя Императора[179], Министерство иностранных дел, в лице директора Азиатского департамента, подвергло эту всеподданнейшую записку исп<олняющего> обяз<анности> обер-прокурора Святейшего Синода самому беспощадному критическому разбору и выступило горячо на защиту Иерусалимского Патриарха и действий Константинопольского посла и Иерусалимского консула, назвав прямо послание это запиской «одностороннею, написанною с целью доказать правильность архимандрита Леонида» и неосновательность обвинений его противников.

Взгляд Министерства до противоположности несогласен о воззрениями Святейшего Синода: так, например, Патриарх отказал архимандриту Леониду в сослужении с собою на святых местах, по мнению Министерства, потому, дабы нежелание это «не привело к совершенному исключению членов Русской Церкви от сослужения прочих членов Миссии». Следовательно, отец архимандрит Леонид являлся, так сказать, козлом отпущения. Далее: «Мнение о нанесении оскорбления Патриархом Русской Церкви в лице представителя архимандрита Леонида, по мнению Министерства, нельзя также признать основательным, так как Начальник Иерусалимской Духовной Миссии не может быть признаваем за представителя Русской Церкви, которая сама не имеет права представительства. Это право составляет исключительное достояние Его Императорского Величества. К тому же такое представительство невозможно по смыслу канонических правил Православной Церкви, подчиняющих до известной степени всякое приезжее духовное лицо местному епархиальному начальству, что несоответственно званию представителя». В-третьих, трудно допустить, по словам защиты, чтобы Патриарх признал свои действия «опрометчивыми» после того, как он письменно выразил свое «неодобрительное мнение о поведении Леонида», а сице труднее допустить, чтобы он за себя и своих преемников поручился, что он никого из русского клира — виновного «не отрешит от сообщения в восхвалении имени Господня».

Министерство, затрудняясь требовать от Патриарха извинения, разделяет мнение Святейшего Синода относительно предостережения Патриарху на будущее время, — «предотвращать возможность повторений подобных прискорбных событий» и рекомендует в отношении к греческому духовенству Начальнику Миссии руководиться указаниями, данными 23 марта 1857 года первой Миссии; на архимандрита Антонина, посылаемого в Иерусалим, не возлагать никаких щекотливых поручений, так как Начальник Миссии не имеет «характера представителя Русской Церкви». Коснувшись, наконец, некоторых соблазнительных выражений Патриаршего послания и тяжелого положения Иерусалимского Престола ввиду его затруднений материального свойства в случае лишений доходов с имений Молдаво-Валахии и постоянной его борьбы для Православия с западными миссиями: католическою и протестантскою, Министерство заключает эту свою апологию Иерусалимского Патриарха так: «Охлаждение и возможный разрыв с Патриархом Кириллом, пользующимся уважением на Востоке за святость своей жизни и постоян-

[178] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 458—460.

[179] Арх. Савва. Указ. соч. С. 463.

но доказывающим свою благоговейную преданность к России, не могли бы не иметь самые неблагоприятные для нас последствия и в политическом отношении, а кроме того могли бы повредить и усиленному окончанию дела о возобновлении купола над Святым Гробом. Ввиду изложенных соображений, по мнению Министерства иностранных дел, было бы весьма желательно, чтобы и наше главное духовное начальство, в видах соблюдения важнейших интересов Православной Церкви и находя в особенной затруднительности теперешнего положения Иерусалимского Престола новый и сильный повод к великодушию и снисхождению, согласилось бы вовсе не продолжать переписки, ограничиваясь, для предотвращения в будущем возобновления столь прискорбных событий, мерами, выше сим Министерством предложенными. Не подлежит сомнению, что такой умеренный образ действий, соответствующий братской любви и христианскому снисхождению, будет вполне оценен Патриархом и действительно предупредит в будущем соблазн и раздор»[180].

Утомленный бесплодностью переписки с Министерством иностранных дел, с Константинопольским послом и Иерусалимским Патриархом по делу о беспорядках в Иерусалимской Духовной Миссии и относительно ответа Патриарха Святейшему Синоду, сообразного с достоинством Русской Церкви, обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой в письме своем от 4 октября 1866 года на имя Митрополита Московского Филарета выразил довольно ясную мысль о закрытии Иерусалимской Духовной Миссии[181]: «Церковь бессильна пред авторитетом Министерства иностранных дел» — писал граф Толстой.

Мудрый Московский Первосвятитель не нашел, однако же, возможным разделить эту точку зрения на Иерусалимскую Миссию обер-прокурора и отстоял ее дальнейшее существование по следующим, весьма уважительным, основаниям:

1. «В сем случае мир иерархии, со стороны Патриарха нарушенный, остался бы невосстановленным.

2. Патриарх, который свое действование поставил несколько выше братских отношений к Всероссийскому Синоду, в уничтожении Духовной Миссии увидел бы свою силу и свою победу, а это, конечно, не вело бы к улучшению отношений между иерархиями, и к поддержанию достоинства Всероссийского Синода пред лицем Патриарха.

---

[180] Из бумаг Митрополита Московского Филарета.

[181] Мысль о закрытии Иерусалимской Миссии или о преобразовании ее в «подворье» или в монастырь высказывал потом и посол Н. П. Игнатьев.

«Надлежало бы для прекращения неопределенного положения, в котором находится наша Духовная Миссия в Иерусалиме, — писал Н. П. Игнатьев от 28 мая 1868 г. (№ 165 в Азиатск. деп.), — преобразовать оную в монастырь наподобие существующих в России греческих подворий, или же вовсе упразднить, назначив к странноприимным заведениям нашим. находящимся близ Святого Града, иеромонаха и иеродиакона для исполнения треб наших там — консульства и поклонников. В сем последнем случае эти духовные лица, оставаясь в стороне от управления и административных забот о странноприимных заведениях, могли бы находиться в том же положении, в каком состоят настоятели и причты Посольских и Консульских церквей наших заграницею. В случае же, если Святейший Синод предполагает образовать при странноприимных заведениях наших в Иерусалиме Русский монастырь, можно бы поручить архимандриту Антонину войти в соглашение с нашим Консулом, кол. советн. Кожевниковым, для совместного представления подробного проекта». (Архив Святейшего Синода № 1976/377. Л. 20).

«В Палестине надо нам, — писал в то же время Н. П. Игнатьев, — или устроить Русский монастырь, отделив, разумеется, строения, нужные для Консульства, или же оставить (по мысли Карцева) иеромонаха или священника с подлежащим причтом для совершения треб. Иначе недоразумений и столкновений между Духовной Миссией, Консульством и Патриархом не оберешься». (Архив Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 210).

3. Иное дело не учреждать Миссии, а иное — учрежденную уничтожить. Первое пред неблагосклонным воззрением может подвегнуть и тяжкому упреку в недостатке деятельности; второе имело бы неприятный вид падения.

4. Западная завистъ к России, которая не оставляет в покое и Православной Церкви (чего недавний пример представляет разглашения о унии будто бы Константинопольского Патриарха с Римом), в уничтожении Российской Духовной Миссии в Иерусалиме нашли бы для себя счастливый случай к неблагоприятным для православия, оскорбительным и вредным толкам.

5. Если бы Духовная Миссия в Иерусалиме была уничтожена, что же было бы с церковью, там для нее устроенной с большими издержками и великолепием? Сия церковь была бы печальным памятником падения Миссии.

Что, наконец, делать в безысходном состоянии дела? Едва ли найдется что лучшее, как оставить еще Миссию в нынешнем переходном состоянии, в ожидании лучшего времени, так как архимандрит Антонин, хотя неудовлетворивший объяснению по делу, не имеет для себя затруднений ни со стороны консула, ни со стороны патриарха.

21 октября 1866 г.»[182]

Обманувшийся в своих ожиданиях благих результатов для улажения «Иерусалимского вопроса» от дополнительного письма архимандрита Антонина и грамоты Патриарха Кирилла, Н. П. Игнатьев понял, что здесь необходимы с его стороны жертвы, и в числе таковых на первом месте стояло удаление из Иерусалима любимого им консула А. Н. Карцева. «Никак не ожидал, — писал Н. П. Игнатьев от 7/19 октября 1866 года, — что Святейшему Синоду потребуется столько времени для обсуждения и решения немногосложного дела. И конца не видать. Думаю, что решат не прежде получения видимого удовлетворения удалением Карцева... на лучшее место в Корфу»[183]. И сам посол, и Патриарх Кирилл шли на эту уступку крайне неохотно и с большим сожалением, опасаясь, что его преемник, консул Кожевников, по словам Николая Павловича, «умный, благонравный и спокойный» не заменит талантливого А. Н. Карцева, мечтавшего вырваться из прискучившего ему Иерусалима[184].

---

[182] Архив Святейшего Синода. Оп. № 13, докум. № 43-44.

[183] Из письма Н. П. Игнатьева к отцу Антонину от 7/19 окт. 1866 года: «Желаю Вам, — писал Н. П. Игнатьев А. Н. Карцеву от 18/30 января 1867 г. уже по случаю назначения его в Корфу, — лучшего на Новый год. Пожелать ли Вам окончательного избавления от плена... иерусалимского и скорейшего перенесения в рай земной — Корфу». (Русский Архив. 1913. Кн. 3—4. С. 622).

[184] «Блаженнейший заботится, чтобы Карцев был оставлен непременно в Иерусалиме, пока перестройка купола не окончена будет и все последствия этого предприятия не выяснятся. По всей вероятности, подобное решение не соответствует желанию самого А. Н. Карцева, желающего выбраться поскорее из Палестины. Подобно Патриарху, и я опасаюсь будущих козней французского консула и латинского духовенства. Нужно нам ухо остро держать, чтобы избегнуть подкопов». (Письмо графа Н. П. Игнатьева к архимандриту Антонину от 17/29 января 1867 г.).

«Знаете ли, — писал Игнатьев А. Н. Карцеву от 29 декабря 1865 года, — о существующем предположении назначить Вас в Корфу? Как ни жалко будет мне расстаться с таким консулом Иерусалимским, как Вы, но, очевидно, оставлять Вас вечно в Святом Граде значило бы мешать Вашей карьере. Состоится ли это предположение или нет, но я убежден, что Вы увенчаете славным окончанием мудреного купольного вопроса пребывание Ваше в Иерусалиме». (Русский Архив. 1913. Кн. 3—4. С. 603).

«Верить не хочу, — восторженно писал ему Игнатьев от 2 марта 1866 г., — чтобы Вам не удалось достигнуть всего». (Там же, с. 610). «Я уверен, что мне было бы достаточно намекнуть на эту мысль (вопрос о святогробском куполе и французских проектах), чтобы Вы по-

Второю жертвою со стороны Н. П. Игнатьева была потеря навсегда «душевно любимого» им отца архимандрита Антонина, которого он всегда горячо обнадеживал видеть около себя в Константинополе как незаменимого для него пособника и советника по вопросам церковного характера и которого однако же в конце концов «оттягал» у него Иерусалимский Патриарх Кирилл для нашей Иерусалимской Духовной Миссии.

Третья и наиболее тяжелая для Н. П. Игнатьева жертва его — умиротворение Святейшего Синода путем доставления во что бы то ни стало от Патриарха Кирилла ответной грамоты в желательном для нашего Святейшего Синода духе.

Но все попытки Н. П. Игнатьева в этом направлении были бесплодны пред упорством «упрямого» (так его характеризует Н. П. Игнатьев) старика Патриарха Кирилла[185] и полным умолчанием на его запросы «дипломата» архимандрита Антонина.

Попытки удовлетворить Святейший Синод со стороны посла были и после 1866 года, но все они не давали результата. Эти попытки любопытны лишь со стороны взглядов на иерусалимский вопрос посла Н. П. Игнатьева. «Берег близко, — писал

стигли все ее значение в дальнейших переговорах и навели на все ловким образом, Вам свойственным, Патриарха Кирилла». (Там же, с. 589). К Карцеву посылает/Николай Павлович Кожевникова «учиться у него уму-разуму» и направлению на «надлежащий путь». (Письмо его же к отцу Антонину от 7/19 октября 1866 г.).

[185] В судьбе отца архимандрита Леонида и в примирении Российского Святейшего Синода с Иерусалимским Патриархом Кириллом в свое время приняли горячее участие наши известные паломники-писатели А. Н. Муравьев и А. С. Норов. Вмешательство их в «Иерусалимский вопрос» не понравилось ни Патриарху Кириллу, ни Константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву. Последний вмешательство эпитропа Святого Гроба А. Н. Муравьева назвал «неуместным» и сообщил архимандриту Антонину, что Патриарх оставил его письмо «без ответа». (Письмо Н. П. Игнатьева от 29 декабря 1865 г. к архимандриту Антонину). По поводу «вмешательства» А. С. Норова мы имеем сведения в письме отца архимандрита Антонина к обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому от 26 марта 1866 г. Письмо А. С.) Норова, по словам архимандрита Антонина, «по-видимому, глубоко оскорбило Патриарха. Он не признавал за писавшим права учить его, хотя и отдавал полную справедливость его ревности ко благу Церкви. Ему показалось весьма обидным выражение «увлекшись, поступили запальчиво, опрометчиво», а заключающаяся в конце письма угроза Патриарху прекратить присылку из России приношений Святому Гробу вызвала у него совершенно равнодушное замечание, что он оставляет г. Норову свободно делать, что ему угодно и восставить против Иерусалимского Престола всю Россию, если силен сделать это; что г. Норову естественно защищать отца Леонида, который ловко воспользовался слабою стороною человека, наговорив ему тысячу вещей о своей присной молитве о его усопшей супруге и пр. Воспользовавшись случаем, Патриарх сказал, что относительно архимандрита Леонида он действовал не по влечению, но с полною и холодною обдуманностию, и что в свое время оповещал о происшедшем и Министерство (вероятно, раздел нашего посланника в Константинополе), и Святейший Синод. В доказательство слов своих он тут же велел своему секретарю принести кодекс Патриарших грамот, из которого и было прочитано вслух нам письмо Его Блаженства г. Игнатьеву в Константинополь. Патриарх отозвался при этом, что неприличные поступки отца архимандрита Леонида побудили его не желать видеть такого иерея в своей церкви и в служении с собою». (Дело Архива Святейшего Синода. Отд. II. № 212. Л. 102—104). Об А. Н. Муравьеве писал Н. П. Игнатьев от 21 мая 1866 года вице-канцлеру князю А. С. Горчакову: «Дело с Иерусалимским Патриархом устраивается. Если он, как я надеюсь, — говорит Игнатьев, — напишет, то Святейшему Синоду не следовало бы уже продолжать поддаваться внушениям А. Н. Муравьева — обижаться тем, что Патриарх Иерусалимский не хочет признавать его попечительства самозванного над Восточною Церковью. Полагаю, что лучший исход, самое верное предостережение от будущих столкновений, самое экономическое средство, — это соединить обе Духовные Миссии, по моему расчету, под одно начало, как я предполагал. Очень жаль будет, если отца Антонина захотят оставить в Иерусалиме. Пусть лучше оставят его нам в Константинополе. Жаль будет расстаться с таким почтенным и отличным человеком). (Там же, л. 114).

Н. П. Игнатьев от 10/22 апреля 1868 года отцу архимандриту Антонину[186]. — От Вас зависит достигнуть прибытия Вашего в Константинополь. Прежде всего скажу Вам по секрету, что граф Толстой (обер-прокурор) и Новгородский митрополит Исидор продолжают по-прежнему сердиться на Патриарха Иерусалимского за отлучение отца Леонида и за переписку с Синодом (неприличную, по выражению наших), а на Вас — сетовать «за католические» указы, за дипломатическое донесение и за упрямство Патриарха. Решено было: 1) Вас оставить, во всяком случае, в Иерусалиме, пока Патриарх не извинится перед Святейшим Синодом, Российской Церковью за оскорбление ее в лице «Леонида»; 2) арх<имандрита> Леонида оставить в Константинополе, а Вас — в Иерусалиме в нынешнем неопределенном положении.

Я сделался по убеждению и влечению сердца Вашим адвокатом. После многократных споров мне обещано освободить Вас от Иерусалима, если Ваше здоровье заставит пожелать Вам вернуться в Константинополь или если Вы предпочитаете быть в Византии. Вопрос о представителе Русской Церкви при Вселенском Престоле подвинулся значительно. Мысль наша об образовании в Иерусалиме русского монастыря взамен нынешнего нелепого и неопределенного устройства Миссии также принимается. Чтобы облечь эту мысль в определенную форму и дать ей официальный ход, необходимо, чтобы Вы мне доставили полное соображение Ваше, не забыв разностороннего обсуждения и материальной части, т. е. распределение построек между монастырем и консульством, указания потребных денежных средств и т. п. Вызов же отца Леонида окончательно, разрешение неопределенного положения Вашего и Ваше сюда возвращение подчинены одному условию, преодолеть которое я не успел: обер-прокурор настаивает на том, чтобы Иерусалимский Патриарх воспользовался первым случаем (уведомлением о получении денег, высланных ему Синодом и т. п.), чтобы хотя вскользь, но определительно, выразить сожаление, “что могли возникнуть недоразумения между Иерусалимскою и Русскою Церковью и что Его Блаженство мог возбудить неудовольствие Святейшего Синода своими поступками касательно отца Леонида, тогда как ему и в голову придти не могло оскорбить нашу Церковь, и проч.” Мне обещано, что если самое слабое извинение в этом смысле будет найдено в письме Патриарха, то наши самолюбивые иерархи (и в особенности громоносный Прокурор) смилостивятся и тотчас снимут с отца Леонида звание начальника Иерусалимской Миссии и распорядятся окончательным устройством дел наших двух расстроенных Духовных Миссий. Неужели, со свойственным Вам красноречием, силою убеждения, тихою вкрадчивостью и несомненным дипломатическим талантом, Вы не ухитритесь убедить Патриарха, при удобном случае, положить конец несносному для него и для нас делу. Что ему стоит черкнуть несколько примирительных слов, тем более, что он постоянно заявлял именно то, что его просят выразить на бумаге, т. е. что у него не было в домысле оскорблять Русскую Церковь и что необдуманный поступок его относился не к Синоду, а лично к отцу Леониду. Одним словом, Ваше возвращение в Константинополь в Ваших собственных руках. Теперь пеняйте на себя, если будете сидеть дольше в Иерусалиме и если ссора с Патриархом разрастется в разрыв между Святейшим Синодом и Иерусалимскою Церковью. Между нами сказано, раздражение обер-прокурора было таково, что речь шла о немедленном закрытии Иерусалимских подворий в России и об изгнании греческих монахов. Я с трудом доказал неуместность подобных распоряжений. Само собою разумеется, что Вы сумеете внушить Патриарху мысль письменно о включении желаемых фраз с уведомлением о получении денег, так что он даже и не заметит отсюда, почему и как совет этот дан»[187].

---

[186] Из письма графа Н. П. Игнатьева от 10/22 апреля 1868 г.

[187] Там же.

Из письма Н. П. Игнатьева от 18/30 июня к отцу архимандриту Антонину мы узнаем, что последний «отказался убеждать Патриарха» писать извинительную грамоту, а равно и составлять проект Русского монастыря в Иерусалиме. «Если наш брат, светский деятель, борется со всевозможными препятствиями и неудачами, не охладевает к делу, не падает духом, то как же не стыдно Вам, монаху, — ободряет своего уважаемого отца архимандрита Антонина Николай Павлович, — пастырю и духовному ратоборцу, впадать в апатию, в индефферентизм и не делать возможного для содействия к достижению общей нашей цели. Стыдно и нехорошо, о. архимандрит, от Вас я этого не ожидал. Впрочем, я человек незлопамятный, и надеюсь с будущей почтой доставить, в виде целебного пластыря приложить и залечить рану, нанесенную отцом Леонидом и Святейшим Синодом Иерусалимскому Патриарху, только письмом канцлера от имени Государя. Я внушил эту мысль, чтобы порадовать старика и ответить на его привет к царскому юбилею. Надеюсь, что хотя на этот раз Ваш упорный старик скажет мне спасибо. Неужели Вы и этим не воспользуетесь, чтобы огладить шероховатость между Патриархом и Синодом указанным мною способом. Вы мне намекали, говорили о фальшивом положении, в котором находится Духовная Миссия относительно консульства. Кто же виноват в продолжении этого положения, как не Вы сами? Случай представляется сделать попытку учредить монастырь, выйти из настоящих положений и т. п., а Вы пальчика не хотите приложить. К несчастью, у нас в большей части случаев так поступают, как Вы: жаловаться, критиковать, считать себя за "пария", угнетенного, — сколько душе угодно, а пособить, устроить как следует дело и понести за свое мнение ответственность — нет. "Моя хата с краю"»[188]. Но и на это увещательно-укорительное письмо посла архимандрит Антонин ответил молчанием.

В определении Святейшего Синода от 14 августа 1868 года, в ответ на ходатайство посла Игнатьева о возвращении архимандрита Антонина в Константинополь и об отпуске отца Леонида на Афонскую Гору для поправления здоровья и для научных трудов, говорится, что «Святейший Синод, находя неудобным уволить архимандрита Леонида, согласно его прошению, от возложенного на него служения в Константинополе, тем более, что пребывание его там может быть нужно и для ближайших сношений с архимандритом Антонином по порученному сему последнему иерусалимскому делу, вместе с сим признал невозможным отозвать архимандрита Антонина из Иерусалима впредь до исполнения им во всей точности поручения Синода»[189]. Указ этот был получен в Константинополе в бытность там отца Антонина гостем архимандрита Леонида и посла Н. П. Игнатьева.

Таким образом, с получением указа, мечты отца архимандрита Леонида своими лично усилиями положить конец неопределенному положению в Константинополе потерпели неудачу. Но развязка запутанного дела явилась оттуда, откуда ее и следовало ожидать прежде всего и скорее всего. В июле месяце 1868 года, еще до отъезда в разрешенный ему отпуск в Константинополь, архимандрит Антонин получил из Святейшего Синода 22.457 рублей церковного кружечного сбора в храмах Империи на Святую Землю для передачи их Иерусалимскому Патриарху Кириллу. Исполнив с полным удовольствием для обеих сторон это синодальное распоряжение, отец архимандрит Антонин счел благоприятным для себя поводом обратиться к митрополиту Новгородскому Исидору с обширным, весьма любопытным по содержанию, письмом, в котором он изобразил и значение Миссии, и ее насущные нужды, и те тревоги души своей, какие он переживал в Иерусалиме со времени своего приезда сюда.

«Считаю долгом своим выразить перед Вашим Высокопреосвященством живейшую признательность, — писал архимандрит Антонин, — за принятие Святейшим

---

[188] Из письма гр. Н. П. Игнатьева от 18/30 июня 1868 г.

[189] Дело Архива Святейшего Синода № 1563/435. Л. 220.

Синодом новой и давно желанной Миссиею меры: передачи разных, предназначаемых для здешней Патриархии сумм, через руки начальника Миссии. Его Блаженство Патриарх Кирилл, столько времени не получавший от нас сборных на Святой Гроб денег и легко понимавший причину того, не скрывая ни от кого, выразил свое горе и огорчение на нас. Его выражение: "не любят нас русские", слышалось в устах его чуть не ежедневно, сопровождаемое вздохами и иными внешними знаками, свойственными человеку раздраженному. Соразмерно с этим, и радость, с которою он встретил врученный мною (19 июля с. г.) ему вексель на 22.457 рублей, была необыкновенная, похожая на детскую. Он уверял меня при этом, что давно уже находится в положении безвыходном, не имея на что купить ни хлеба для Патриархии, ни масла для храма.

Еще прежде сего благоприятного обстоятельства Его Блаженство, осведомившись от меня о имеющем быть юбилейном празднике Высокопреосвященнейшего Митрополита Московского Филарета, выразил свою готовность почтить редкий в летописях христианства день особенным образом. Упомянутое выше обстоятельство еще более одушевило его к сей решимости. И точно, 5 августа он сам, совокупно с Миссиею, отслужил Божественную литургию на Святой Голгофе, причем, кроме честного имени 50-летствующего во святительстве, поминаемы были все русские архиереи, весь освященный чин и весь христолюбивый народ благочестивейшего Царства Русского. В тот же день Патриарх отправил поздравительное письмо к Московскому Владыке. Да будет позволено выразить надежду, что после сего взаимного непринужденного шага к сближению Святейшего Синода и Патриарха, окончится временное неудовольствие между двумя Церквами к общей радости православия, и моей — в частности.

Засим прошу позволения свесть речь на собственное мое лицо и дело. Присылка денег Патриарху через начальство Миссии, помимо Консульства, имевшая недавно место, приятно убедила меня, что мои представления в Святейшем Синоде о делах здешних начинают удостаиваться его благоволительного внимания. В течение двухлетнего почти пребывания моего здесь это было первое для меня утешение в сказанном смысле. После немаловременного служения моего за границей, совершенно неожиданно для себя я имел несчастье лишиться доверия своего начальства. Горькое убеждение в том заставляло меня не учащать своими представлениями в Святейший Синод, по-видимому, ни к чему другому не ведшими, кроме умножения для меня неприятностей и дальнейшей проволочки дела. При всем том, узнав (частным образом), что изложенный в донесении моем в Святейший Синод (от 18 окт. 1865 г.) проект нового устройства Миссии найден неисполнимым, я поспешил в письме своем к Вашему Высокопреосвященству изложить мысли свои о том же предмете в другом виде. Но и так, по-видимому, не сделал угодного пред очами своей Церкви. По крайней мере, до самого последнего времени я не видел ниоткуда никакого знака, могшего уверить меня в том. Но и получив теперь знак сей, я вовсе не думаю обольщать себя многократно несбыточною надеждою и считаю необходимым по-прежнему докучать Вашему Высокопреосвященству своими предложениями, в чаянии, что хотя одно из многих удостоится Вашего одобрения.

Из того обстоятельства, что Святейший Синод искал однажды внушить (стороною) Патриарху Кириллу необходимость вторичного письма от него в Святейший Синод (для чего, к сожалению, признано было уместным прибегнуть к посредству той же самой пререкаемой личности, консула г. Карцева), я должен был заключить, что Святейший Синод имеет в виду совсем оставить меня в Иерусалиме, так как подобное обстоятельство предлагаемо было Его Блаженству в виде повода обратиться с письмом своим к Святейшему Синоду. Боясь, чтобы не последовало в самом деле такое относительно меня распоряжение, вопреки изложенному в Донесении моем (18 окт.) проекту устройства Миссии и новым предположениям моим насчет того же предмета, изъясненным в доверительном письме моем к Вашему

Высокопреосвященству, я думал предупредить оное формальным прошением в Святейший Синод о возвращении меня в Константинополь, но удержался от того частью из опасения навлечь на себя новое неудовольствие своего начальства, частью же потому, что Патриарх, несмотря на просьбы и внушения консула, отказался писать вторичное письмо, объявив, что он в прежнем письме своем изложил все, что считал долгом своим сказать перед Русскою Церковью, выразив притом ясно и определенно и свое желание видеть меня здесь при Миссии, вследствие чего и я, видя отсроченным, а может быть, и совсем отмененным свое окончательное закрепление здесь, не счел нужным хлопотать о том, чтобы оно не состоялось. Если бы и в настоящее время я знал, что подобное намерение действительно есть и готово исполниться, то я снова обратился бы к Вам, Милостивейший Отец и Архипастырь, с покорнейшею просьбою возвратить меня в Константинополь на настоятельствование Посольскою церковью.

К сожалению, не получая ниоткуда никакого положительного известия о намерениях Святейшего Синода, я в то же время смущаюсь частным слухом о том, что Миссии грозит полное подчинение Патриархии как окончательный исход здешнего (мнимо) запутанного дела. Невероятное это предположение до того тяжело слышать, что, готовый дать ему веру, я вынужденным себя вижу говорить о нем как о деле серьезном. Не могу представить, чтобы кому-нибудь в Святейшем Синоде (или другом каком ведомстве) могла казаться желательною подобная мера. Достигши так легко, при Миссии Преосвященного Кирилла, нелегкого дела независимого положения Миссии, ужели мы теперь вдруг, без всяких вынуждающих обстоятельств, сами откажемся от приобретенного права. Напротив, теперь-то и видится благоприятная возможность закрепить его за собою более прежнего. Патриарх рад будет возобновлению добрых сношений с Святейшим Синодом на условиях, наименее льстящих его самолюбию. Теперь можно не только удержать за Миссией ее полную независимость, но и востребовать от Патриархии большей против прежнего свободы ее действий; так, напр<имер>, можно потребовать определенно установленных дней в неделе и в году русского богослужения на святых местах, чтобы не было стеснительной надобности каждый раз идти (непременно к самому Патриарху) и вымаливать у него позволения служить на том или другом из святых мест (каких считается три: Святой Гроб, Святая Голгофа и Святая Гефсимания), и давая ему тем случай воображать, или показывать вид, что он делает нам всякий раз снисхождение и одолжение»[190].

В Иерусалиме за это лето произошли следующие события: Патриарх Кирилл, с радостию принявший вексель на 22.457 р. от архимандрита Антонина, признал для себя это событие благоприятным моментом, чтобы возобновить с Святейшим Синодом Русской Церкви временно нарушенные братские сношения и прорвать натянутость и взаимное охлаждение, которые длились между этими Церквами с 1865 года в течение нескольких лет. К этому примирительному шагу и письменно, и через архимандрита Антонина, всячески располагал и склонял Патриарха Кирилла и посол Н. П. Игнатьев, весьма дружески расположенный к нему и с своей стороны оказавший множество немало полезных для Иерусалимской Церкви услуг. Длить дольше пререкания с Святейшим Синодом из-за инцидента с отцом архимандритом Леонидом было бесцельно, но и так как настойчиво добивавшийся повторительного письма Патриарха с повинением перед русским Святейшим Синодом и мощный покровитель и защитник архимандрита Леонида Митрополит Московский Филарет 19 ноября 1867 года отошел в вечность, а с ним, естественно, ослабела в Святейшем Синоде и острота «иерусалимского вопроса».

Эта грамота Патриарха Кирилла весьма любопытна по содержанию и заслуживает особенного внимания.

---

[190] Архив Святейшего Синода.

«Высокопреосвященнейший и Пречестнейший Митрополит Новгородский и С. Петербургский и прочие члены Святейшего Правительствующего Синода Русского.

Приветствуем Ваше превожделенное и досточтимое для нас Высокопреосвященство во Святом Духе сердечным братским лобзанием, возлюбленные во Христе братие и сослужители нашей мерности. Всегда высоко ценя братское единодушие и единомыслие всех Святых Божиих Церквей и непрестанно всеми способами стараясь поддерживать и укреплять духовное их единение и крепкий во Христе союз, насколько это от нас зависит, мы ощущаем величайшее душевное удовольствие и радость всякий раз, как представляется нам случай к сношению с Вашим превожделенным и досточтимым для нас Высокопреосвященством и к изъявлению нашей глубокой сердечной признательности за те предупредительные и щедрые услуги, которые оказываете нам Вы и прочие боголюбезные члены Святейшего Правительствующего Синода, считая это священным и братолюбным долгом. При таком нашем искреннем сердечном расположении к Вашему досточтимому братскому Первостоятельству, находя представившийся нам случай к сношению и обмену мыслей благоприятным, мы чрез настоящее наше послание мысленно поспешаем веселыми ногами к особе Вашего Высокопреосвященства и приветствуем Вас сердечным братским во Христе лобзанием, воссылая пламенное благодарение Всевышнему, Церковь Свою Святую целу и невредиму от всякого временного обстояния Своею Божественною благодатию сохраняющему, и все, к ней относящееся, всемогущим и премудрым Своим Промыслом устрояющему.

Но, превожделенные во Христе братие, Мать Церквей, которой духовное управление и временное попечение вверено нам от Бога в эти печальные и чреватые искушениями дни, находя постоянно среди своих напастей величайшее утешение и подкрепление в родственном участии и любви, с такою готовностью всегда обнаруживаемою святою сестрою ее — Православною Русскою Церковью, считаем своим священным долгом изъявить свою глубочайшую признательность к ее благорасположению не только за благодеяния, искони оказываемые ею в нужде, но и за те, которые она до самого последнего времени продолжает оказывать, горя, как свидетельствует опыт, благочестивою ревностию к Церкви Иерусалимской и покланяемым здесь Святейшим Местам. Прекраснейшим и боголюбезным доказательством этого теплого участия и бескорыстной готовности к жертвам на пользу Сионской .Церкви со стороны сестры ее, Церкви Русской, служит ежегодно высылаемая и теперь за несколько только дней полученная и переданная нам от Вашего Высокопреосвященства через посредство проживающего здесь Высокопреподобнейшего архимандрита Русской Церкви и нашего по духу возлюбленнейшего сына, архимандрита Антонина, милостыня, составившаяся из пожертвований, собранных в России в кружки, учрежденные на пользу Всесвятого Гроба, находящийся под непосредственным милостивым покровительством Вашего Высокопреосвященства, доказательством, обязывающим нас по долгу к вечной благодарности Вашему Высокопреосвященству, прочим членам Святейшего Синода и всему православному Христоименитому множеству чад Сестры нашей — Православной Русской Церкви.

Но, возлюбленнейшие во Христе братие, — пишет Патриарх в своем послании от 16 июня 1868 года, — не одно присланное вами в тяжелые минуты испытаний материальное вспоможение пробудит в глубине нашей души неизреченное духовное веселие и вечную благодарность к Вашему досточтимому для нас Высокопреосвященству. Нет, эти чувства еще в большей степени возбуждены были в нас убеждением, что этим действием Святейший Правительствующий Всероссийский Синод снова братолюбно простирает руку к Церкви Иерусалимской с кротостию и братскою во Христе любовию предает вечному забвению, что совершилось недолжного, по действию ненавистника всякого добра, и что на некоторое время возмутило и охладило существующие между ними единодушие и во Христе единение. Но

да будет благословен Бог за все и, между прочим, премудрое о нас смотрение. Се снова и еще яснее воссияет братский во Христе мир благоволением и силою истинного Бога и Спаса нашего Христа и воцарится между нами с Богом Содетелем Божественная любовь, что, по неложному изречению нашего Господа, служит ясным признаком истинных и верных Его учеников, с одной стороны, к славе миротворца Бога, обетовавшего бытие со Святою Своею Церковью до скончания века; с другой — к преспеянию всех православных христиан и ограждению всегда вожделенных великих благ в Богохранимой нашей Церкви. Вследствие этого, досточтимейший наш во Христе Брат, и Иерусалимская Церковь, всегда пламеневшая желанием поддерживать непосредственное сношение и общение с своею Сестрою — Русскою Церковью, возрадовалась неизреченною радостию, когда за несколько лет пред сим увидела у себя водворение Русской Церковной Миссии, и братолюбно подала ей руку, чтобы общими усилиями охранять и поддерживать интересы обеих Церквей, равно как и существовавшее между ними братское единение во Христе и единомыслие навеки неразрывно и невредимо.

Среди таких благоприятных обстоятельств с давних уже пор пребывающая у нас постоянная Русская Церковная Миссия под благоразумным и опытным управлением проживающего у нас Высокопреподобнейшего архимандрита Антонина преисполняет нас глубокою признательностью к Вашему Высокопреосвященству и в то же время дает нам основательное право братолюбно предложить на усмотрение Вашего Высокопреосвященства и прочих членов Святейшего Правительствующего Синода от чистого сердца и глубокого убеждения внушенное нам ходатайство, не признано ли будет возможным умиротворенную и приведенную в порядок здешнюю церковную Русскую Миссию поручить окончательно разумному и опытному управлению и настоятельству архимандрита кир Антонина, да таким образом радость наша навсегда исполнится и справедливая наша к Вашему Высокопреосвященству и прочим членам Святейшего Богохранимого Синода признательность навеки останется неизменною.

Ныне же, воздевая молебные руки к воскресшему тридневно из Богоприемного Гроба Спасителю нашему, да сохранит Ваше Высокопреосвященство до глубочайшей и бодрой старости славным и именитым в духовном управлении вверенным Вам свыше словесным стадом, прочим же членам Святейшего Синода, купно со всем священным русским клиром, да дарует безболезненное здравие и лета Мафусаиловы и да ниспошлет из Всесвятого и Живоприемного Гроба Господня благодать и благословение благочестивейшему и державному Императорскому Дому, великодушному Сионской Церкви защитнику со всем остальным Христоименитым русским народом, мы заключаем слово, испрашивая всем вам от Бога всего полезного и спасительного для тела и души.

Во Святом Граде Иерусалиме 1868 году Июня 16. Вашего Высокопреосвященства во Христе возлюбленный Брат Патриарх Иерусалимский Кирилл»[191]

По получении приведенной нами грамоты, согласно выраженному в ней ходатайству Патриарха Иерусалимского Кирилла, Святейший Синод, ознакомившись с ней через Новгородского митрополита Исидора, который представил его грамоту при рапорте от 23 августа того же года, указами своим от 19 апреля и 27 мая 1869 года за № 709, известил, что «в должности настоятеля Миссии нашей в Иерусалиме утвержден находящийся ныне в Иерусалиме, по особому распоряжению Святейшего Синода, настоятель Миссии нашей в Константинополе архимандрит Антонин», «а настоятеля нашей Миссии в Иерусалиме, временно оставленного в Константинополе, архимандрита Леонида переместить на должность ставропигального Воскре-

---

[191] Дело Архива Святейшего Синода № 1563/435. Л. 226—228. Июнь 1868 г.

сенского, «Новый Иерусалим» монастыря, причем обер-прокурору Святейшего Синода предоставлялось о переменах в составе наших Миссий в Иерусалиме и Константинополе довести до сведения Министерства иностранных дел «для зависящих со стороны Министерства распоряжений», а первенствующему члену Святейшего Синода митрополиту Исидору «на послание Патриарха Иерусалимского ответствовать грамотой, каковую, по подписании оной Преосвященным Митрополитом Исидором, передать в Канцелярию обер-прокурора для доставления по назначению»[192].

Во исполнение постановления Святейшего Синода от 27 мая, митрополит Новгородский отправил в Иерусалим следующего содержания послание:

«Блаженнейшему Кириллу, Патриарху Иерусалимскому здравия, мира и о Господе радоватися.

Святейший Правительствующий Синод Православной Всероссийской Церкви, братское о Христе целование посылая, приветствует Ваше Блаженство и поспешает уведомить Вас, досточтимого Брата и Сослужителя во Христе, что мы признали полезным утвердить ныне пребывающего в Иерусалиме архимандрита нашего Антонина в должности настоятеля Православной Русской Миссии при автокефальном Престоле Вашего Блаженства. Святейший Всероссийский Синод радуется, что таковое назначение согласно с желанием и Вашей мерности, изъясненным в боголюбезнейшем послании Вашего Блаженства, а с тем вместе прося святых и действенных Ваших к Богу молитв о Церкви Всероссийской, хранит несомненное упование, что Ваша превожделенная нам во Христе любовь не откажет в благопотребном содействии архимандриту Антонину к тому, чтобы он достойно проходил вверенное ему служение ко славе и возвеличению святой православной веры и в тщательном соблюдении единения духа в союзе мира и любви Церквей Иерусалимской и Всероссийской.

Мысленно целуя Вас целованием святым в единомысленной к Вам о Господе любви, пребываю Вашего Блаженства благожелательнейший Всероссийского Правительствующего Синода первоприсутствующий член Исидор, митрополит Новгородский и С. Петербургский.

СПб. 1869 г. 4 июня»[193]

Хотя указ Святейшего Синода удерживал терминологию послания Патриарха Кирилла, тем не менее архимандрит Антонин, получив указ Святейшего Синода с утверждением его в настоятельстве якобы «нежданно-негаданно», как он писал отцу архимандриту Леониду, остался им весьма недоволен и выразил это энергично в своем дневнике. Его обидело выражение «настоятель» вместо более лестного для него «начальник», с одной стороны; и с другой — полное умолчание о денежном пособии (в указе говорится о прогонах только для отца архимандрита Леонида) на путевые издержки из Константинополя в Иерусалим, о чем ходатайствовал перед Министерством иностранных дел и посол Н. П. Игнатьев.

В письме к отцу архимандриту Леониду по поводу этого своего назначения в Иерусалиме отец Антонин излил свои чувства в более пространной и пластичной форме.

«Святейший Синод, — пишет архимандрит Антонин, — прислал через консульство грамоту Патриарху о моем назначении «Настоятелем Российской Православной Миссии при автокефальном Престоле» Его Блаженства. Итак, уже в Миссии нет начальника и она уже перестает быть Духовной. Что это? Описка или нововведение? Решить не могу, ибо еще не получил ни указа, ни какого бы то ни было уве-

---

[192] Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 21—23.

[193] Там же. Л. 234—235.

домления ниоткуда. В грамоте просят Патриарха «оказывать мне благопотребное содействие к тому, чтобы я достойно проходил свое служение». Точно вчера выступил на службу, и при всяком поводе удобном окажусь недостойным своего звания. А ведь уже 25 лет служу Святейшему Синоду. Ничего. Что же делать? Терпение, говорил блаженной памяти «Св. Петр»»[194].

Так закончились дни служения на православном Востоке русскому делу злополучного третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и официально открывалась плодотворная, энергичная и многополезная деятельность четвертого начальника той же Миссии архимандрита Антонина, начавшаяся в Святой Земле фактически несколькими годами раньше, и для личности отца архимандрита Антонина не такая чуждая терний и скорбей.

Подготовка текста:
архимандрит Иннокентий (Просвирин),
игумен Сергий (Данков)

---

[194] Письмо архимандрита Антонина к архимандриту Леониду. Июль 1869 г. («Св. Петр» митрополит Петроаравийский Мелетий. — *Н. Л.)*.

Н. Н. ЛИСОВОЙ

«ЖАЛЬ МНЕ ДО СМЕРТИ ВСЕГО ПРОШЕДШЕГО...» (Из дневника архимандрита Антонина)

О читатель XX столетия!
Всмотрись в черты лица моего.

Дневник, 29 марта 1870

О Андрей, Андрей!
Не выживешь тебя никак из Антонина.

Дневник, 12 января 1881

Полная история Русской Палестины, уникального культурно-исторического феномена, созданного трудами Русской Духовной Миссии (с 1847 года), Палестинского Комитета (1858—1864), Палестинской Комиссии (1864—1889), Императорского Православного Палестинского Общества (с 1882 года), еще ждет своего исследователя. В настоящем издании представлена лишь малая часть огромного, мало пока изученного архивного материала, который, будем надеяться, поможет составить более цельную картину русского православного присутствия на Ближнем Востоке.

Одним из интереснейших церковно-исторических памятников второй половины XIX века, источниковедческий ресурс которого доныне не использован, является дневник архимандрита Антонина (Капустина), начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1865—1894 гг., более других потрудившегося для ее укрепления и расцвета.

...Одна из тетрадей дневника открывается следующим своеобразным «летосчислением»:

«Новый 1881 год,
Жизни моей — 64-й
Дневника сего — 49-й
Службы моей — 37-й
Монашества — 36-й
Выбытия за границу — 31-й
Палестинства — 16-й
Владельчества — 15-й
Сего затишья — 12-й
Сих седин — 10-й
Сих очков — 9-й» — Полная автобиография в нескольких словах.

Действительно, родился Андрей Иванович Капустин (так звали в миру автора дневника) 12 августа 1817 (кириопасхального) года, службу начал (преподавателем Киевской Духовной Академии) 25 октября 1843 года. Монашество принял 7 ноября 1845 года, за границу был послан (настоятелем русской Посольской церкви в Афинах) в 1850 году, в Иерусалим прибыл 11 сентября 1865 года. Первое земельное владение (в Бет-Джале, близ Вифлеема) приобрел в феврале 1866 года, утвержден в должности начальника Миссии («затишье») в 1869 году. Пожалуй, только с очками

«летописец» ошибся. Как явствует из того же дневника, «очконосцем» он сделался уже в октябре 1870-го, сразу по возвращении с Синая, где окончательно испортил зрение за работой над каталогом.

Но нас, собственно, больше интересует свидетельство о начале дневника. Первый из сохранившихся томов его действительно начинается с 1832 года, в полном соответствии с авторским «счислением»[1].

По завещанию отца Антонина от 19 марта 1894 года[2], дневник поступил на хранение в библиотеку Святейшего Синода с тем, чтобы публиковать его можно было не ранее, чем через 40 лет. В настоящее время он хранится в Российском Государственном Историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, в собрании Синода (ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1118—1134), и представляет собой 14 объемистых томов (от 280 до 900 страниц каждый). Описание рукописей было сделано в свое время М. А. Салминой[3], и мы не будем его повторять. Для нашей темы важны последние семь томов комплекта: том 8 (335 л.), содержащий дневник за 1865—1868 годы; том 9 (300 л., 1869—1873 годы); том 10 (336 л., 1873—1876 годы); том 11 (325 л., 1877—1879 годы); том 12 (315 л., 1880—1882 годы); том 14 (410 л., 1887—1890 годы) и том 15 (300 л., 1891—5 января 1894 года). Четырех лет не хватает. Отсутствующий том 13 должен был включать дневниковые записи 1883—1886 годов.

Вскоре после доставки рукописей в Петербург для Императорского Православного Палестинского Общества были сделаны копии, сохранившаяся часть которых (за 1866, 1868, 1874 и 1881 годы) и была использована для настоящей публикации.

Списки, сохранившиеся в архиве Палестинского Общества, в отличие от оригинала, находящегося в РГИА, переплетены погодно — каждый год в отдельном томе. На корешке каждого — надпись золотым тиснением: «Дневник архимандрита Антонина 1866» (аналогично на каждом из переплетов указан соответствующий год). В левом верхнем углу, на лицевой крышке переплета, — наклейка с шифром библиотеки Палестинского Общества. На внутренней стороне той же крышки, также в левом верхнем углу, — наклейка с экслибрисом Общества (переплетенные буквы П и О). Под экслибрисом каждого тома повторен чернилами от руки шифр библиотеки и указаны даты: «11/III 96» (для томов за 1866, 1868 и 1870 годы) и «26/X 96» (для тома за 1881 год). Рядом с датой — карандашные пометы, означающие, видимо, цену переплета: «1 р. 75 к.» в первых трех томах, «1 р. 50 к.» — в четвертом.

Том за 1866 год включает 163 страницы дневника, писарской рукой, и 27 страниц указателей (А. Имена личные; Б. Имена географические), в два столбца машинописи. Том 1868 года состоит, соответственно, из 220 писарских страниц дневника и 32 страниц указателей (по-прежнему машинопись, в два столбца). Том 1870 года — из 250 страниц дневника (писарская копия) и 24 страниц машинописных указателей. Наконец, том 1881 года полностью перепечатан на машинке (228 страниц дневника и 18 страниц единого общего указателя). Похоже, что дневники

---

[1] В. Н. Хитрово утверждает, что отец Антонин «оставил после себя собственноручные записки, в которых ежедневно, в течение слишком 60 лет, записывал пережитое, виденное и слышанное им с августа 1830 года по 5 января 1894 года. Записки эти представляют драгоценный сборник сведений о событиях и личностях православного Востока последних 40 лет». (Сообщения ИППО. 1899. Т. 10. № 1. Январь—февраль. С. 9). А. А. Дмитриевский (и повторяющие его дословно, как говорится, «с точностью до неточностей», архимандрит Киприан Керн и митрополит Никодим Ротов) датируют начало дневника ошибочно 1841 годом.

[2] Завещание известно только в пересказе А. А. Дмитриевского. (Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандрит Антонин // Труды Киевской Духовной Академии, 1904, ноябрь), который и цитируют позднейшие историки Русской Духовной Миссии.

[3] Салмина М. А. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 420—430.

60-х годов переписывались более тщательно, с сохранением всех греческих внутренних цитат отца Антонина, в сравнении с записями 1870 и 1881 годов, где греческие вставки, как правило, отсутствуют (об их наличии в оригинале можно судить лишь по карандашным пометам на полях).

О сделанных для ИППО копиях впервые упоминает (в цитатах из переписки секретаря Общества В. Н. Хитрово с известным библиографом Степаном Ивановичем Пономаревым) А. А. Дмитриевский в работе, посвященной памяти последнего: «Сколько удовольствия доставили вы мне дневниками о. Антонина! Мало того, я готов просить вас, умолять вас, присылайте мне Антониновское все до единой строчки. И этого мало: я готов даже сам переписывать их для вас совершенно безмездно», — писал Пономарев В. Н. Хитрово в письме от 9 сентября 1895 года[4]. И в другом письме — от 4 ноября 1898 года: «А вы, как видно, не пожалели средств на переписку и переплет их»[5]. «Несомненно, живой интерес к дневникам архимандрита Антонина со стороны Степана Ивановича, — считал А. А. Дмитриевский, — послужил причиною и того, что эти дневники не только были целиком переписаны, но и составлены к ним подробные алфавитные указатели»[6].

Более того. Похоже, что решительный В. Н. Хитрово готов был пойти даже на прямое нарушение завещания автора дневника. Вопрос о целесообразности его публикации обсуждается в переписке с С. И. Пономаревым уже через год после смерти архимандрита Антонина, в 1895 году. Позже несколько отрывков из дневника действительно были напечатаны[7]. Правда, в целом В. Н. Хитрово соглашался с мнением С. И. Пономарева о нецелесообразности полной публикации дневников отца Антонина.

Что касается их содержания, дневники отца Антонина полностью соответствуют понятию этого эпистолярного жанра.

Совершенно не думая о будущих публикациях, он поверяет своим тетрадям каждодневный рассказ о прожитом дне, сообщая о своих недомоганиях, прочитанных книгах, написанных статьях, увиденных людях, обследованных археологических памятниках, снах, наконец. Тем и ценны дневники, что день за днем мы не только узнаем из них о жизни конкретного человека, но и, как бы складывая кусочки этой мозаики, видим цельную картину жизни русской православной общины в Палестине, формирование и развитие отношений между церковными, дипломатическими и научными учреждениями православной России и Иерусалимского Патриархата.

Более всего сведений содержится о конкретных деятелях Русского Иерусалима — об архитекторах Русских построек М. И. Эппингере, В. А. Дорогулине и М. Ф. Грановском, о консулах и драгоманах Русского Консульства (А. Н. Карцеве, В. Ф. Кожевникове, А. И. Яковлеве и др.), о многолетнем бессменном враче Русской больницы Харлампии Мазараки и его жене, «первой даме Иерусалима» Елизавете Алексеевне (а она действительно была «первая» дама, если вспомнить, что Харлампий Васильевич приглашен был на работу еще Б. П. Мансуровым в 1857 году), о матушке Магдалине (Эберн), смотрительнице Русского женского при-

---

[4] Дмитриевский А. А. Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С. И. Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В. Н. Хитрово). Пг., 1915. С. 51—52.

[5] Там же. С. 30.

[6] Там же. С. 43.

[7] Из автобиографических записей бывшего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандрита Антонина // СИППО, 1899. № 1. С. 9—29; Несколько летописных данных из первых дней существования Русских подворий в Иерусалиме // СИППО, 1901. Т. 12. № 1. С. 73—75; Описание освящения Троицкого собора 28 октября 1872 года. Из дневника архимандрита Антонина. Низложение Иерусалимского Патриарха Кирилла. (Из дневника покойного архимандрита Антонина) // Там же. С. 75—84.

юта в Иерусалиме, и о первопоселенках («скитянках») будущего Горненского монастыря — Павле, Леониде, Ольге Чайке (в монашестве Марии).

С большой любовью — и всегда с добродушным юмором — пишет отец Антонин о своих ближайших сподвижниках и помощниках: архимандритах Вениамине и Парфении, и особенно о Якубе — Якове Егоровиче Халеби, драгомане Миссии, вдохновителе и организаторе Антонинова «владельчества» в Палестине. («А землю-то на что будем покупать?» — укоряет Якуб расточительного начальника за книжные траты 11 апреля 1866 года).

Дневник — единственный и очень откровенный свидетель личной жизни отца Антонина. Мы имеем в виду и повседневную благотворительную помощь его русским паломникам и всем нуждающимся, и трогательную историю многолетних забот о сестрах-сиротках Софии, Екатерине и Евпраксии, каждое утро прибегавших к нему за благословением (а часто и за деньгами), и, наконец, упомянутые сны.

Кое-кто из хорошо знавших отца Антонина и читавших впоследствии его дневники «соблазнялся» излишним для монаха вниманием, которое автор дневника будто бы уделял фиксации своих сновидений. Скажем прямо: мы не видим ничего «соблазнительного» в записи старым архимандритом снов, даже не вполне целомудренных. Скорее наоборот, усматриваем в этом свидетельство постоянного аскетического самоконтроля и самопреодоления. Есть в дневниках и сны высокого символического и пророческого значения. Укажем, например, «венчание Антонина с Афиной» (в ночь на 21 июня 1881 года), живо напоминающее известный эпизод из жития святого Константина Философа (обручение Константина с Софией, Премудростью Божией). Или «огромную великолепную церковь», приснившуюся ему 9 ноября 1870 года после дня Ангела, проведенного у любимого Мамврийского Дуба. (Русская церковь в Хевроне будет построена только в 1913 году и освящена в 1925 году).

Имя определяет судьбу и характер человека. В дневнике наслаиваются один на другой — как, очевидно, и в личности автора — различные имена и соответствующие «личности» разного возраста: от совсем еще младенческого воспоминания о Гане Высоконосом (так, Гавриилом, хотела назвать его, новорожденного, мать) до образа святого мученика Антонина, «плюнувшего в глаза» императору Юлиану (дневник от 7 ноября 1870 года). Любопытна — не только с филологической, но и с психологической точки зрения — история многочисленных псевдонимов отца Антонина, многие из которых рождались впервые также на страницах дневника.

Для настоящей публикации мы избрали шесть цельных фрагментов, дающих представление о широте занятий начальника Русской Духовной Миссии и, соответственно, о разнообразии материалов дневника.

Первый фрагмент — описание Страстной и Светлой седмиц 1866 года по живым впечатлениям от пасхальных торжеств в Иерусалиме, на которых впервые присутствовал тогда отец Антонин. Автор дневника был отлично знаком с тонкостями греческого богослужения (еще к 1859 году относятся замечания митрополита Филарета на записку архимандрита Антонина «О разностях между Греческой и Русской Церквами»): его порой удивленными, порой саркастическими замечаниями о греческом духовенстве пронизан весь дневник. Удивляет излишне лаконичное для современного читателя описание схождения Святого Огня в Великую Субботу. «Невиданное, неописанное и невообразимое зрелище», — только и отметил автор дневника. Это объясняется целомудренным и сдержанным отношением к литании Святого Огня, свойственным в целом русским богословам и церковным историкам XIX столетия.

Седмицы Страстей Христовых и Пасхи 1868 года (фрагмент 2) описаны более полно в части русского богослужения, и кратко — в части греческого. Это не удивительно, ведь первые впечатления уже улеглись и даже были изложены в пуб-

ликации 1867 года. О раздаянии Благодатного Огня отец Антонин пишет все так же кратко.

Дневник является незаменимым источником для восстановления «трудов и дней», то есть биобиблиохроники отца Антонина. Хронология работы над отдельными статьями может быть прослежена по дневниковым записям почти день в день. О некоторых его трудах мы вообще узнаем только из дневника. Так, известно, каким тщательным археографом был автор дневников. Еще в 1859 году он занимался изучением рукописных и книжных сокровищ древних монастырей на Афоне. В 1870 году составил свой самый известный каталог — Синайского монастыря, с описанием 1348 греческих и славянских рукописных книг (о пребывании на Синае см. дневник за июль—сентябрь 1870 года). Между тем, нигде не упоминается об аналогичной и достаточно трудоемкой работе, проделанной им по составлению каталога библиотеки Лавры Саввы Освященного (неизвестен и сам каталог: А. А. Дмитриевский, работавший с саввинскими рукописями в 1887 году уже в Патриаршей библиотеке в Иерусалиме, о нем не знает). Мы сочли необходимым опубликовать фрагмент дневника, связанный с работой неутомимого археографа в Мар-Сабе в июне—июле 1868 года.

Как известно, не опубликован ни один из составленных отцом Антонином каталогов. Нас могут ждать и другие встречи с его неизвестными работами. Дневник того же, 1868 года свидетельствует, например, об активной работе начальника Иерусалимской Миссии по исследованию и переводу древних актов Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Благодаря их совместным усилиям, русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев смог в результате отстоять перед Вселенским Патриархом право русских иноков на вечное владение своей обителью.

Широкую благодарную память принесли архимандриту Антонину его неустанные труды по устроению Миссии, расширению русских владений в Палестине путем приобретения для Русской Церкви ряда замечательных библейских памятников Святой Земли. Одной из первых и, может быть, самой впечатляющей — по богословскому значению — покупкой стал участок с Мамврийским, или Авраамовым Дубом в Хевроне — тем самым дубом, что изображается на рублевской иконе Троицы за плечом среднего Ангела. Мы публикуем дневниковые записи, относящиеся лишь к заключительной части долгого процесса по приобретению Дуба, начатого еще зимой 1868 года (фрагмент 4).

Весть о цареубийстве 1 марта 1881 года, потрясшая Россию, дошла до Миссии лишь три дня спустя, и то не по официальным каналам, что еще раз продемонстрировало более чем прохладное отношение государства к Миссии в Святой Земле. Понятное в данной ситуации подавленное настроение отца Антонина не мешает ему высказать свое отношение к Александру II, как «будто не самодеятелю и даже не самодержцу, а только как бы наместнику Николая» (фрагмент 5). В стихотворной форме отец Антонин выразился (в эпиграфе к апрельскому дневнику 1881 года) еще резче, усматривая в гибели царя «месть» за нарушение им супружеской верности по отношению к императрице Марии Александровне, умершей годом раньше и особо почитавшейся автором.

Дневник содержит уникальные сведения о паломничестве в Святую Землю известных церковных и государственных деятелей — архимандрита Николая (Касат-(Касаткина), ныне равноапостольного, создателя Японской Православной Церкви (в декабре 1870 года); архимандрита Павла Прусского, известного обличителя старообрядчества (17 сентября — 17 октября 1881 года); врача и антрополога А. В. Елисеева (3—15 июня 1881 года). И, конечно, прежде всего, великих князей Сергия и Павла Александровичей и Константина Константиновича в мае 1881 года.

Вполне объяснимое волнение архимандрита при встрече высоких гостей сменяется гордостью за свою работу. Отцу Антонину есть что показать: Мамврийский Дуб, Елеон, Горнее, Яффский сад, Иерихонское подворье, любимица Бет-Джала.

Отец Антонин как бы отчитывается перед будущим председателем Православного Палестинского Общества в своей деятельности и находит с его стороны полное понимание, участие и поддержку.

Восхищение отца Антонина великими князьями оказывается взаимным, насколько это позволяет придворная субординация. Великому князю Сергию Александровичу в беседе наедине отец Антонин дает совет «не привязываться всем сердцем к военной службе, замыкающей человека в слишком тесный кружок обязанностей, мыслей и дел, и вовсе ненужной членам Царствующего Дома, а все свое внимание устремить на помощь Государю и быть его ангелом-хранителем». Великий князь Павел Александрович исповедуется у отца Антонина перед Причастием в храме Гроба Господня, а Константин Константинович просит его молиться о том, чтобы ему попалась жена православная.

Добрые отношения, установившиеся у начальника Миссии с великими князьями, были, пожалуй, самым важным итогом их общения — важнее всех подарков, наград и пожертвований. А возникновение в 1882 году Императорского Православного Палестинского Общества во главе с Сергием Александровичем не только спасло Русскую Палестину от недальновидных интриг петербургских недоброжелателей, но и укрепило в дальнейшем статус Миссии, дав возможность тысячам православных паломников приобщиться к святыням Палестины.

Текст печатается с сохранением авторской орфографии. В составлении комментария использованы алфавитные указатели к каждому году, составленные С. И. Пономаревым и В. Н. Хитрово.

Архимандрит Антонин (Капустин)
(1817—1894)

ИЗ ДНЕВНИКОВ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)

1. Страстная и Светлая седмицы Страстей Христовых 1866 года

Великий Понедельник, 21 (марта)

Чудная погода. Припоминаются Афины с королевским садом и всею обстановкою минувшей жизни. Моление. М. Ф. с письмом из Верх-Исетского, не веселым и не печальным. У брата Александра[1] точно чахотка, и именно — бугорчатка! Ох-о-хо! Служба. Чтение еще 3-х писем. Вошел в терку наш беспардонный о. Акакий[2], и уже называет меня своим «добрейшим настоятелем», о голубчик сизый! Видно, на чужой-то стороне действительно назовешь и ступу матушкой и пест — батюшкой! Письма Ник. П-ча[3] дают снова в руки мне старую задачу зашивать прореху, не мною учиненную. Сидел по тем же делам у консула. Дома то перечитывал письма, то лакомился «Северною Почтою»[4]. По забвению, обедал. Поскучал отчего-то. Ночью служба без вчерашних слез. Господи, не лиши меня Твоих небесных благ!

Великий Вторник, 22 (марта)

Во сне разбирал пергаменные, разрозненные листы старых книг. В 9 часов служба. Чай. Сарруфовы рассказы о делах прошлой зимы (см. сон). Писание ненужного документа. Гости: патриарший библиотекарь[5] с бомбейским жителем Маврокардатом и женой онаго. Показывание им заведений наших. Обед, поправка холерной диссертации. Не веселость глубокая. В сумерках малый отдых. Служба. Чай. Поправка, дремота. Сон. Молитва. Писание сего. О, день достоплачевный! О возлюбленный наш и ненаглядный и ненаслушный, всякой цены дрожащий родитель! Уже целый год, как нет тебя!.. Ах, ах, ах! Забыл сказать, что после обедни служили сегодня панихиду по рабам Божиим, новопреставленном епископе Кирилле[6], иерее

---

[1] Капустин Александр Иванович — брат архимандрита Антонина, священник села Батурины, Пермской епархии.

[2] Акакий (Заклинский) — иеродиакон Русской Посольской церкви в Константинополе в то время, когда настоятелем ее был отец Антонин (1860—1865 гг.).

[3] Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — граф, русский посланник в Константинополе в 1864—1876 гг.

[4] «Северная Почта» — петербургский журнал, в котором отец Антонин сотрудничал в 1866—1868 гг.

[5] Надпись по-гречески.

[6] Кирилл (Наумов) — епископ Мелитопольский, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1857—1864 гг. Смещен по клеветническим доносам и интригам чиновников Иерусалимского консульства и отправлен в Казань настоятелем одного из монастырей — фактически в ссылку. Умер 10 февраля 1866 года в Казани.

Иоанне[7], Николае[8] и Иоанне[9], т. е. голубчике Ванюшке, которому послезавтра двухлетняя память. О, сколь ран уже нанесено сердцу! 1/2 второго. Ночь.

Великая Среда, 23 (марта)

Служение. Чтение. Сидение в гостиной ради мытственных дел. Кир Спиридон[10] с приглашением от Его Блаженства служить завтра с ним и быть представителем апостола Петра. Протоиерей из Балты. О. Василий Родзяновский. Утреня. Готовленье.

Великий Четверток, 24 (марта)

Встал с рассветом. Зашел к Патриарху и учился «действию». Служили в храме Воскресения, один Патриарх и 10 священников. Омовение ног гораздо полнейшее, чем бываемое у нас. Очень уж театрально, и притом же беспорядочно: и не более того. Оба наши и оба православные консула стояли на эстраде. Патрикий[11] говорил слово о смирении по-турецки, и возвеличил султана, и прочие «штуки». После обедни «селям» у Патриарха. Чай дома. М. Магдалина[12]. Обед с о. протоиереем. Утреня с 13 (sic!) Евангелиями.

Великий Пяток, 25 (марта)

Во сне нам с о. Леонидом[13] дают по ордену. Брат[14] говорит обо мне: грудь, предназначенная (или пригодная) для Отца и Сына и Св. Духа, украшается ... ленточкой. Великолепное место близ Иерусалима с густыми березовыми аллеями и древностями. Хочу купить оное ... и пр. Часы Великие, и непосредственно за ними литургия. Служило всех нас 10 священников и 2 диакона. Мой бедовый о. протоирей, вышед раздавать антидор, внезапно обратился к народу с речью и выбранил тех, кто не думает сейчас же ехать домой после Пасхи. А. Н.[15] со словом во очищение совести. А. Е.[16] с самым очищением. А. И.[17] с чисткою юбилейных рублей. В 2 часа вечерня, и вслед за нею утреня. Статьи пели и читали по давнему моему

[7] Капустин Иоанн Леонтьевич — отец архимандрита Антонина, умерший 22 марта 1865 года.

[8] Капустин Николай Иванович — брат архимандрита Антонина, умерший в 1865 г.

[9] Капустин Иван Платонович — племянник архимандрита Антонина, умерший 24 марта 1864 года. Сам отец Антонин умер в тот же день, ровно через 30 лет, 24 марта 1894 г.

[10] Архимандрит в Иерусалимской Патриархии. Речь идет о ежегодно совершаемом на площади перед храмом Гроба Господня чине умовения ног. По неписаному обычаю, начальник Русской Духовной Миссии — в знак особого уважения к Русской Церкви — изображал при этом апостола Петра (см. также ниже запись о Чистом Четверге 1868 года).

[11] Патрикий — митрополит Акрский.

[12] Магдалина (Эберн) — монахиня, смотрительница женского поклоннического приюта в Иерусалиме.

[13] О. Леонид (Кавелин) — начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1863—1865 гг.; с 1865 г. — настоятель Русской Посольской Церкви в Константинополе. В описываемое время обменявшиеся не по своей воле местами служения отец Леонид и отец Антонин оба пребывали в положении и. о., так что последний не оставлял надежды вернуться в Царьград.

[14] Капустин Платон Иванович — московский протоиерей, брат архимандрита Антонина.

[15] Карцев Андрей Николаевич — русский консул в Иерусалиме в 1861—1867 гг.

[16] Васильевский Александр Егорович — секретарь Русского консульства в Иерусалиме с 1866 года.

[17] А. И. (Андрей Иванович) — одно из самообозначений архимандрита Антонина в дневнике.

порядку. Плащаницу обносили кругом дома Миссии. Все шло добрым порядком. В 9 часов отправился в храм Воскресения. Сириане. Копты. Греки... Великолепная служба окончилась в 3 ч. утра.

Великая Суббота, 26 (марта)

В 9 часов литургия. Чай. Три письма. Отправление на «благодать». Невиданное, неописанное и невообразимое зрелище — раздаяние священного огня. Для этого одного стоит быть в Иерусалиме... Дома принатуженный отдых. Молитва. В 10 часов я опять был уже у Св. Гроба. Слушал звон в доску, било, колокола и гонг, любовался освещением и пр.

ПАСХА

Магдалина Мария притече ко гробу, и Христа видевши, яко вертоградаря вопрошаше

Воскресение, 27 мар(та)

По прибытии во храм Его Блаженства часов около 10 ночи, началось пение: *Волною морскою*[18], мерное и довольно сносное, которому вскоре стали подзванивать в такт в железное било. После третьей или четвертой песни, священники начали принимать благословение у Деспота[19], а вслед затем облачаться. Мне пришлось немало времени стоять полуодетому в ожидании «истинной» ризы, такой тяжелой и неудобной, что мой vis-a-vis, примерив ее, немедленно уволил себя от такой чести. На 8-й песни облачились архиереи, а на 9-й — сам Патриарх. Перед самым выходом из алтаря, Его Блаженство сказал мне: «Будешь литургисать на Святом камне в Кувуклие»[20]. Вышли свещеносящи в храм, и из него ко Гробу, который обошли трижды, поя: *Воскресение Твое, Христе Спасе* и пр. После обхождения стали все у входа во Св. Гроб. Патриарх прочитал, стоя на северной лавке преддверия, Воскресное Евангелие от Марка, возгласил: *Слава Святей и Единосущней* и т. д.[21], и началось пение: *Христос воскресе из мертвых*[22]. Раз пропет был всерадостный тропарь и по-славянски тем же греческим напевом. После ектинии, большинство с пением Пасхального канона ушло в храм Воскресения, а мы, 5 священников со своим «Владыкой», остались служить Бож. Литургию в самом Гробе Господнем. Удостоился сей великой чести и радости, хотя и не могу похвалиться особенно благонастроенностью души, рассеянной от тысячи впечатлений минувшего дня. Апостол и Евангелие читаны были на 4-х языках: греческом, славянском, валахском и арабском. Пение также часто слышалось русское. Какими-то судьбами оказался тут присущим наш Ник. Ив-ч, который и поддержал честь своего отечества. К удивлению моему, обе литургии кончились в одно время, т. е. около 2 $^{1}/_{2}$ часов. У Патриарха легко разговелись, и на рассвете возвратились домой. Сон до 9 часов. Прием братий и иных многих. Около полудня церемониальное шествие из Патриархии.

Вечерня с Евангелием, чтенным на разных языках вразброд. По окончании службы христосование с архиереями, ставшими в ряд от царских дверей к южному выходу из церкви. Возвратившись домой, поздравлял консула и доктора. Служил другую вечерню в своей церкви вместе с утреней, на которой пет был канон любез-

[18] В оригинале по-гречески.

[19] Кирилл II — Иерусалимский Патриарх (1845—1872).

[20] В оригинале по-гречески.

[21] В оригинале по-гречески.

[22] В оригинале по-гречески.

ного Пермского напева, умиливший меня до слез. Господи! Прости мне мое утреннее бесчувствие. Обед с о. Василием (Родзяновским. — *Ред.*), секретарем[23] и гармонофлютом. Недолгое вечерование. Мысленное *Христос Воскресе* со всеми, близкими сердцу.

Св(етлый) Понедельник, 28 м(арта)

В 8 часов служение великим собором. Визиты к своему драгоману, к Мелетию[24], к Газскому[25], к Никифору[26], к Серафиму[27], пребывающему в храме, к епископу Коптскому Василию, к Прусскому консулу барону Розену, к епископу Сирианскому, к епископу Англиканскому[28] и к Реверендиссиму[29] братьев Св. Франциска. Добрался до дома уже около 6-ти часов, обедал, напрасно пытался заснуть хотя на полчаса. В 10 ½ малый колокол оповестил время отправления в церковь. Ожидание у двоих ворот. Невпопадное начало службы нашей в приделе Ангела. Утреня. Литургия на Св. Гробе, во всем подобная вчерашней.

Св(етлый) Вторник, 29 м(арта)

Из храма вышли около 2-х часов ночи. Зашел на квартиру г. Сарруфа[30], где была уже приготовлена для меня постель. С час заснул. Звон Патриаршей утрени разбудил меня. На восходе солнца пришел Осман[31], и мы отправились на коптскую литургию. Пришли еще очень рано. Ходили по двору Абиссинского подворья, прослушали в Коптской церкви утреню, видели торжественное шествие Святейшего и Божественнейшего и Богоизбранного митрополита Св. Града Иерусалима и всея Палестины, Сирии, Аравии, Заорданья, Каны Галилейской. ... Литургия совершалась наиторжественнейшим образом, и длилась часа два. Едва можно узнать в ней ход нашего богослужения. Много странного и дикого. Узнав, что я в церкви, пришел туда же и Сирианский Владыка. Было и занимательное посвящение в диакона, или иподиакона. Во всяком случае, любопытно было видеть все это необычное для глаза богослужение. После обедни сидение у архиерея и ученые расспросы. Дома чай и сон. Во время вечерни приходил Reverendissimus с Дон Карлосом[32]. Разговаривали по-латински. Вечером обыкновенности.

Св(етлая) Среда, 30 м(арта)

На восходе солнца ушел в храм. Служил с Патриархом на Голгофе Бож. Литургию. На панихиду выходили все архиереи. Пели Пасхальный канон, и после каждой песни говорили заупокойную ектению. У Патриарха кофе и поправка стереоскопа. Великий обед у печального сына. Смеха куча. Нашествие иерархическое на дом миссии. Сидение у доктора[33]. Вечерня. Коптский Владыка. Вечер так себе. В Москве юбилей.

---

[23] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[24] Мелетий — митрополит Петры Аравийской, наместник Иерусалимского Патриарха.

[25] Прокопий — митрополит Газский.

[26] Никифор — архиепископ Севастийский.

[27] Серафим — скевофилакс храма Гроба Господня в Иерусалиме.

[28] Гоббат, Самуил — англиканский епископ Иерусалимский в 1847—1879 гг.

[29] Серафино Милани да Каррара.

[30] Сарруф Георгий Спиридонович — драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[31] Осман — кавас Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[32] Дон Карлос — викарий начальника францисканцев в Иерусалиме.

[33] Мазараки Харлампий Васильевич — доктор Русского госпиталя в Иерусалиме.

Св(етлый) Четверток, 31 марта

Поход с Османом к сириянам, к старому Хури[34], в монастыри: Евфимиев, Екатерининский, Димитриевский. Дома чай и отдых. Визиты. Сирианский Владыка. Вечерня. Бурса с улицы Rivoli. Кончина месяца Марта.

АПРЕЛЬ

Забудь про зимну мятель.
Садись под душисту ель,
Возьми в свои руки свирель,
И воспой превосходный апрель.

Федор Черепанов[35]

Св(етлый) Пяток, 1 апр(еля) 1866

Отказал нам Патриарх в удовольствии помолиться в Гефсимании. Не согласился ни за что, чтобы пение было русское — под тем предлогом, что греческие паломники могут оскорбиться этим. А русские — не могут? И что же вышло из запрещения? Все-таки слышалось большею частию русское пение, устроенное кое-как поклонниками, и любезная хасмодия[36], неизбежная при всяком греческом богослужении, сияла во всей красе своей. После обедни делал визиты всем своим и некоторым чужим. Прошатался до самой Всенощной. Баня.

Св(етлая) Суббота, 2 апр(еля)

Служили еще раз большим собором обедню, и тем закончили священную Пасху. И завтра нам отказано в служении на Малой Галилее. Одним словом: не дают нам хода. Остается обращаться с просьбами к Паше. Ничего нового, кроме Вифлеемской прискорбной истории. Экое безобразие, подумаешь.

Антипасха, 3 апр(еля)

Служил вместо меня о. протоиерей Родзяновский. Чай. Консул. Жалоба оному на отказ в Малой Галилее. Писание латиномудрственной статьи[37]. Обед. Вечерня. Воспоминание о 3-м апреля 1840 г. Вечерование с обычным нервным стрелянием в ушах и позевотою. Бетжальская институтрисса[38], расшедшая по пути с двумя курьерами. По словам ее, работы в школе ее идут скверно. Апология Мастера. Совещания с архитектором и пр. Телеграф известил, что «Олег» пришел, но Эппингера[39] не принес.

---

[34] Хури старый — священник в Иерусалиме.

[35] Одно из авторских самообозначений архимандрита Антонина в дневнике.

[36] Греческий термин, означающий одновременно и «зевание», и «зияние» — т. е. скопление гласных в тексте песнопений.

[37] Имеется в виду статья архимандрита Антонина: Латинское богослужение последней недели Великого Поста в Иерусалиме // Христианское чтение. СПб., Т. 12. 1866. С. 468.

[38] Бодрова Елизавета Федоровна — начальница Русской школы для девочек в селении Бет-Джала (под Вифлеемом), учрежденной архимандритом Антонином в 1866 г.

[39] Эппингер Мартын Иванович — профессор архитектуры, надворный советник, член Императорской Академии художеств, главный архитектор Троицкого собора и других Русских построек в Иерусалиме. «Грозный Мартын», как называл его в своих дневниках отец Антонин.

2. Страстная и Светлая седмицы 1868 года

Лазарево воскресенье, 23 марта

Дождь проливный. Служил дома, а гость[40], несмотря ни на что, отправился на Масличную гору, где промок до костей, зато читал *Верую* и даже пел, кажется. Почта принесла только Allg. Z-tung.[41], а письма ни единого. Обед с икрой, по положению. Снабдила оною стол наш madame[42] легко угадываемая. Всенощную предоставлено было служить мне одному. Пальмы и свечки придали богослужению весьма торжественный и занимательный вид. Помазание елеем продолжалось за конец службы. Писать статьи сегодня не удалось совершенно.

Неделя Ваий, 24 марта

До свету встал и отправился в храм. С Патриархом служили все 8 архиереев. В алтаре стояли два американских священника, и целая партия американок ходила потом в процессии. По окончании обхождения Патриарх читал Евангелие дневное перед Гробом Господнем, и пр. Я не пошел угощаться там наверху, а поспешил к своему самовару, под сенью которого и сидел с о. Феодором[43], который нашел в одном путешествии их (т. е. грузинского. — *Ред.*) какого-то митрополита семисотых годов, что два были Гроба Господня, ибо Первосвященники, не доверяя Пилату и его страже, перенесли тело Господне из Иосифова гроба в другой (нынешний). Курьез. Кто это рассказал такую вещь здесь поклоннику писателю? Книжка напечатана в Тифлисе при Воронцове[44]. Чтение немецкой газеты. Обед с ухою из свежей рыбы по Уставу. Гость не почтил оной своим вкушением, ибо обедал у Патриарха. Всенощную правил сам Владыка. Американки любовались нашею службою, а несчастная оная припадочная расстраивала ее своими ужасающими криками. Вечером успел позаняться статьею. Забыли с м. Магдалиной и о сегодняшнем и завтрашнем чае поклонническом. Хороши старатели бедного люда!

Великий Понедельник, 25 (марта)

С 8 часов начали служить, а к 11-ти кончили. Все шло порядком. У консула чай и почта, в последней «Gumelle Duchess» и пропасть писем, одно с Урала свадебное. Обед без рыбы. Чтение. От 6 до 8 ч. служба.

Вел(икий) Вторник, 26 (марта)

В 6 часов пискливый звон к Евангелию. Архиерей служил и успел прочесть двух первых Евангелистов. Крепкая грудь и мужественный дух! А я и чаем не угостил труженика за таковой его подвиг, и вместо обеда предложил ему одни сухие плоды! При закате солнца опять служба, а после нее чай и кое-какое чтение. Выдано сегодня жалованье братии, а у «отца» Ивана[45] удержано.

Вел(икая) Среда, 27 м(арта)

По вчерашнему, с 6 часов началось чтение Евангелия, и продолжалось часа полтора. Потом была последняя литургия Преждеосвященных с последнею Ефремовою

---

[40] Александр (Павлович) — епископ Архангельский в 1857—1860 гг.; Полтавский — в 1860—1862 гг. Скончался на покое в 1874 г.

[41] Влиятельная немецкая политическая газета, выходившая в Аугсбурге (Бавария). Постоянно выписывалась, читалась и подшивалась отцом Антонином.

[42] Мазараки Елизавета Алексеевна — жена доктора Х. В. Мазараки.

[43] Священник из Грузии.

[44] Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф. Наместник на Кавказе в 1845—1854 гг.

[45] Певчий Русской Духовной Миссии.

молитвою. Служил и я с Владыкой. Узнав, что он «вчера ничего не ел», я предложил ему сегодня безъелейный обед, после которого он ушел в храм, оставив нас одних служить здесь. Приглашение Блаженнейшего быть завтра Петром[46]. Внесение в алтарь Креста, поправленного М. Ф-чем[47]. Служба. Чай. Мытье ноги, уготовляемой для завтрашней церемонии. К утру — дождь.

Вел(икий) Четверток (28 марта)

К восходу солнца отправился к Патриарху. Служил с ним обедню в церкви Апостола Иакова. Умовение происходило на площади при полном сиянии солнца. В облачениях мы вышли потом в Патриархию, где и угостились обычном образом. Письмо к Сарруфу II[48]. Обед с маслом и вином. Утреня с архиереем, выносом креста и грузинским Евангелием[49]. Кончили все часам к 8-ми, так что имели еще довольно времени сходить в баню.

Вел(икий) Пяток, 29 (марта)

В 8 ч. правили Царские Часы с вчерашним торжеством и великолепием. Евангелия читал сам Владыка. Церковь была полнехонька народу. В час служили вечерню одни без протоиерея, и вынесли Плащаницу. При сем явилось уже две припадочных поклонницы. Ходили ради сего к консулу. От 5 до 8 правилась утреня. Обошли чуть не бегом однажды дом Миссии. Архиерея тоже не было.

Вел(икая) Суббота, 30 (марта)

В 7 часов обедня. Чай с о. Иоасафом[50]. Почта без писем. Хождение на Св. Огонь. Должность Мутран-нура[51] исправлял на этот год сам Патриарх. Я участвовал в обхождении. Шум и речь неописанные. Дома обед. В церкви Акафист Воскресению. Приготовлéние.

ПАСХА

Христос Воскресе, смерть поправый и мертвыя воздвигнувый. Людие, веселитеся

Светлое Воскресение, 31 м(арта)

Отправились в храм в половине 10-го часа. В 10 начался внутренний звон, за ним — великосубботний Канон, длившийся до безмерности. С полчаса мы стояли, вышедши из алтаря и ожидая, пока окончат латинцы свою утреню или что-то другое такое же с обхождением вокруг Кувуклия[52]. Чуть они кончили, двинулись мы, и троекратно обошли, едва переступая с ноги ни ногу, «светлейший всякого чертога царского» Гроб Христов. Пели песнь Воскресения не менее, как на 10 отделов или хоров.... Жаль, что нельзя было стоять вне и слушать эту несравненную, восторжен-

---

[46] То есть представлять апостола Петра при совершении Чина умовения ног в Чистый Четверг.

[47] Грановский Михаил Феофанович. См. выше.

[48] Сарруф Георгий Спиридонович. См. выше.

[49] В связи с участием в богослужении грузинского духовенства.

[50] Иоасаф — игумен обители Св. Саввы Освященного († 1874).

[51] Мутран-нур — дословно «митрополит света». Так именовался по-арабски иерарх, возглавляющий литанию Святого Огня в храме Гроба Господня в Великую Субботу.

[52] В текстах XIX века для часовни Гроба Господня общеупотребительным именованием было «кувуклий» (муж. рода), а не «кувуклия» (жен. рода), как мы пишем сегодня.

ную разноголосицу. Патриарх со скамейки прочел Евангелие от Матфея, кончив словами: «промчеся слово сие до сего дне». Затем вошел с архиереями внутрь Гроба Господня... Раздался звон, зашумели вращающиеся хоругви, все всполошилось и просияло радостью:

Христóс Анéсти!

Чуть пропели трижды эту, ни с чем несравненную песнь над местом всеславного и всеспасительного события, мы, русские, подобно мироносицам, побежали от Гроба передать блажайшую весть своей России. В половине 1-го часа заблаговестил и наш колокол. Запели и мы свое: *Волною морскою*, обошли и мы кругом своего образного Гроба Христова однажды с пением на два лика предварительной песни воскресения, и в северном притворе возгласили:

Христос Воскресе!

Служащих было, со мною вместе, 13 человек, да 2 иеродьякона. Евангелие читали по-гречески, по-русски, по-грузински и по-славянски. Кончили службу к восходу солнца. У консула разговелись. Потом сон, за ним — чай, а к 11-ти часам уже снова пешеходство в Святой Гроб. У Патриарха пождали около часа начала церемонии. Туземцы зевали, иноземцы (американцы) рассматривали драгоценности патриаршего облачения. Блаженнейший, обнимая окаяннейшего[53], не удержался и заметил, что сей оставил онаго утром и бежал... Имеяй уши слышати да слышит! Наконец мы облачились, иереи же и первосвященницы, и торжественно отправились в храм.

Служба шла часа два, да столько же времени длилось христосование. Поцеловавшись со всеми святителями, и приложившись золотыми устнами к диску Кириллову, я бродил по храму коротая время, затем с Якубом[54] и Османом[55] взошли на террасы Патриархии, и долго там шатались семо и овамо. Взбирались даже на верхушку большого купола. Любуясь панорамою города, я слушал и два звона, соседний безалаберный, и наш хороводный, перенесся мысленно в дальний север — в Батурщину, в Пермь и в Москву, и посылая всем живым и усопшим мирное: *Христос Воскресе,* не по праздничному погрустил. Спустившись на Голгофную террасу, еще долго смотрел на город, Элеон и весь восток. Придется ли еще провести здесь светлый день Воскресения Христова, Господь ведает. Дождавшись конца христосования, которое зрел из окна надголгофного, я сошел вниз, и примкнул к кортежу патриаршему. Моя палка с топазом сияла в руках сияющего довольством Патриарха. Мы вышли к нему, угостились водовареньем, получили по три писанки, и отправились восвояси. Дома немедленно начали править свою вечерню, к которой присовокупили, по русскому неуставному обычаю, и утреню. Умилительно было слышать и пение: *Плотию уснув*, но сладких слез минувших лет при том уже не было. Архиерей не присутствовал при нашей службе, равномерно отказался и от моего обеда, накушавшись того сего урывками то у консула, то у доктора. Помышлял об отправке реляции г. Морицу[56], но и еще раз не успею сделать к почте этого настоятельного дела. Утомился сегодня, и ложусь спать сию минуту.

---

[53] То есть архимандрита Антонина, автора дневника.

[54] Халеби Яков Егорович — драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[55] Кавас Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[56] Мориц Петр Алексеевич (1817—1898) — секретарь императрицы Марии Александровны, неизменно оказывавшей покровительство Русской Палестине.

АПРЕЛЬ

И письменно и устно
  Воспел бы я апрель
Да, право, что-то
  грустно...
На ум нейдет свирель.

Светл(ый) понедельник, 1 ч(исло)

В 6 часов мы начали служить обедню, и в 7 1/2 уже шли на армянский праздник. Архиерей и все чиновство наше уже были там. Я пришел к Великому Входу, т. е. к переносу даров из придела Святого Апостола Иакова на большой престол. Нас поставили на самом виду, на левой стороне «хора», а на правой стоял губернатор с детьми. Рев и вой соседних певцов, раздиравший уши, стоит того, чтобы кого-нибудь выдрать за уши. Владыка заболел и вышел, а мы выстояли всю службу до конечного конца ее. В крестном ходу участвовало до десяти священников (в чалмах и пр.), до 10 иеромонахов (в митрах), 13 вартабетов (с посохами), два архиерея и последний — Патриарх. Блеску, сколько хочешь, а реву даже больше, чем хочется. В Патриархии угощались. Самоблаженнейший пожаловался, что я, со времени его возвращения из Египта, не виделся с ним. ... Я заверил Его Святыню, что ношу его в самом центре своего сердца... на что он отозвался, что иногда то, что кроется в сердце, выходит наружу... Мне оставалось добавить, что в сердце человеческом есть такие глубины, из коих уже ничто не вынырнет. Прощаясь потом, он еще делал рукою спиральный знак около сердца. Бедовый мастер своих дел. Возвращался с Ив. Мих. Лексом[57], у которого потом еще сидел около часа. Экой отличный господин! Визит М. Ф-чу[58] и больной супруге его[59], доктору[60] и здоровой супруге его[61]. Обед без гостя, продолжающего чувствовать себя не ладно. Вечерня с утреней. Визит Магдалины[62], канцлера[63] и чай у Madame[64] .

Св(етлый) вторник, 2 апр(еля)

Архиерей служил в храме Воскресения по какому-то своему случаю. Вся Миссия там же. Дома у нас, потому, службы не было совсем. Ходил и я в храм, и стоял в разных местах, слушая наше пение, увы, вовсе непригодное для огромных церквей. Возвратился домой Дамасскими воротами. Читал «Русского» и в нем статьи об Иерусалиме г. Погодина[65]. В 9 часов собрались к консулу, и в 1/2 11-го отправились все к губернатору, а от него в Эль-Сахр и в Эль-Акса[66] , к колыбели Христовой, к Золотым Воротам, к смешному Трону Соломонову и больше никуда. Идя по

[57] Лекс Иван Михайлович — паломник.

[58] Грановский Михаил Феофанович. См. выше.

[59] Грановская Екатерина Никитична.

[60] Мазараки Харлампий Васильевич. См. выше.

[61] Мазараки Елизавета Алексеевна. См. выше.

[62] Монахиня Магдалина (Эберн). См. выше.

[63] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[64] Мазараки Елизавета Алексеевна. См. выше.

[65] Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк и писатель. В 1867—1869 гг. издавал в Москве газету «Русский», в которой печатал свои корреспонденции архимандрит Антонин.

[66] Речь идет о посещении горы Мориа — мусульманской священной зоны Старого Города, с мечетями Куббет-аль-Сахра («купол над скалой»), именуемой обычно «мечеть Омара», и Аль-Акса («Удаленнейшая»).

Крестному пути, зашли к Сестрам Сионским[67] и в новоосвященную церковь. Между малою и большою аркою на камне видны (греческие) букв. Ясное дело, что арка не римского происхождения. Если бы Ирод или кто другой выстроил ее в честь какого-нибудь кесаря, то, верно, учинили бы надпись латинскую. Не принадлежит ли, потому, арка Маккавейскому периоду?[68] Продолжая путь, зашли к «Стражу Св. Земли»[69], который передал мне ответ из Рима относительно рукописи жития Св. Николая Чудотворца[70], и к Monsignor Vincenzo Bracco (а не braccae) Vescovo, Avsiliare e Vicario Generale del Patriarca Latino[71], у которого взглянули в библиотеке на Acta Sanctorum[72] . Оказалось, что в Париже недавно перепечатаны все тома Антверпенского издания, и что все издание доведено уже до 28 числа октября. У меня значит недостает томов 10 или 12. Нехорошо это. Дома обед. Вечерня. Патриарх со всем собором, чтение Русапета[73] и сидение у Мартына Ивановича[74] часу до 11-го.

Св(етлая) среда, 3 апр(еля)

Ну, после шампанского чтобы не случилось какого-нибудь там расстройства, это уже было бы слишком хорошо. Обедню служил о. Виссарион всю по-грузински. На чаю сидела писательница[75], выслушавшая от меня немало колючих приветствий. Подите же, имею сочувствие к ее дарованию, и начинаю принимать участие в ней и ее «скорбях». Отличную инокиню преследует весь мир!... Уже хочет распустить слух, что выезжает в Россию и поселится incognito в Харалампиевском монастыре вместе с сыновьями — отлично хорошими людьми на ее взгляд.. Бой баба! От 10 часов и далее делали с Преосвященным визиты всем архиереям — здешним, Синайскому и Египетским, заходили и к Патриарху, остававшемуся все еще под впечатлением свидания с ним г. Лекса. Дома отдых, обед, служба, визит армянского Патриарха, сперва обещания, а потом отказ быть на вечере у консула, под предлогом желудочного расстройства, чтение и дремание.

---

[67] Речь идет о монастыре Сестер Сиона и храме Ecce Homo, воздвигнутом на месте, куда Пилат вывел Иисуса (Ин. 19, 5), и освященном за несколько дней до визита архимандрита Антонина — 21 марта/3 апреля 1868 г.

[68] Мнение архимандрита Антонина о датировке арки временем Маккавеев оказалось ошибочным. По данным современных археологов, арка построена Адрианом в 135 г. и представляет собой восточные ворота Элии Капитолины. Вопреки воле императора-язычника, думавшего своим строительством уничтожить в Иерусалиме память о Распятом, история судила иначе: именно монументы, воздвигнутые им на местах евангельских событий, помогли сохранить их для будущего.

[69] «Кустод Святой Земли» — именование главы францисканцев в Палестине. (Он же, в дневниках Антонина, Reverendissimus). В 1863—1873 гг. им был Серафино Милани да Карра.

[70] Интересовавшую его рукопись из Ватиканской библиотеки архимандрит Антонин получил и опубликовал ее в своем переводе с комментариями: Святой Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской Духовной Академии, 1869. № 6. С. 445—497.

[71] «Епископ, Помощник и Генеральный Викарий Патриарха Латинского». Титул Патриарха Латинского был восстановлен папой Пием IX в 1846 г., в самый канун учреждения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[72] «Деяния святых» — знаменитое агиографическое издание, начатое Иоанном Болландом в 1643 году и продолженное его преемниками, болландистами. Архимандрит Антонин в 1868 году намеревался приобрести полный комплект.

[73] Газета «Русский». См. выше.

[74] Эппингер Мартын Иванович. См. выше.

[75] Мелетия (Нарожницкая), монахиня, автор «Путешествия в Иерусалим».

Св(етлый) четверток, 4 апр(еля)

На свету отправился в храм. Служили с Владыкой на Святой Голгофе обедню и молебен с коленопреклонением. У Серафима[76] угощались. Затем я заходил в Архангельский монастырь, в магазин Мурата, в таковой же — Клименка, и наконец водворился дома. Тут чай, «Русский», два Исаака, приходское духовенство Иерусалимское, профессор Мухлинский и пропасть других посетителей и просителей. Успел впрочем написать письмо к завтрашнему имениннику[77]. Обед. Вечерня с утреней. Крепкое утомление. Отбывающий Lex[78].

Св(етлая) пятница, 5 апр(еля)

Праздник в Москве[79] и разрешение вина и елея. Служили с Владыкой всей Миссиею в Гефсимании на Гробе Божией Матери. Обзор латинской пещеры «страдания». Возвращение к самовару, прощание с Яфиоткою[80], глупые ожидания паши. Упражнение в чтении. Стихарная история Палладия с Иваном[81], обличаемом тем в воровстве при содействии собственной его племянницы, разливающейся по сему поводу в слезах... и прочие подробности. Обед без гостя, где-то инде откушавшего. Антики. Служба с архиереем, но без Ивана, заболевшего зубами, проще же рещи, кумекнувшего. 10 экз. «Путешествия в Иерусалим», 2 славянские рукописи... Пошло уже все на книги сегодня!

Светлая суббота, 6 апреля

В 8 часов служили с Владыкою. Дьякон был один, иереев только 2 пары, пение мизерное. Расклеились что-то все. Ждал почты с нетерпением, ибо видел давеча во сне какую-то великолепную чушь на свой счет. Действительно, получил с газетами письмо от брата, но нового в нем ничего, кроме болезни Алеши[82] с признаками недуга Ванюши[83] покойного. Приготовление письма халдейскому отроку Афонскому[84]. Бетжалиотка[85] и множество иных чужестранцев. Андрей[86] за паспортом и аттестатом. Саждение пальм. Сарруф III[87] с письмом от Сарруфа II[88] о Сарруфе I. Всенощная все еще без Ивана[89],

[76] Скевофилакс храма Гроба Господня в Иерусалиме.

[77] Капустин Планон Иванович. См. выше.

[78] Лекс Иван Михайлович. См. выше.

[79] В Москве — именины протоиерея Платона Капустина. Назван в честь прп. Платона, исповедника Студийского (празднуется 5 апреля).

[80] Яфиотка — жительница Яффы (отец Антонин писал название города с одним «ф»). Имеется в виду Мелетия (Нарожницкая). См. выше.

[81] Иван Полтавский — певчий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[82] Капустин Алексей Платонович — племянник архимандрита Антонина.

[83] Капустин Иван Платонович. См. выше.

[84] Азария — инок Русского Свято-Пантелеимонова на Афоне монастыря, которому архимандрит Антонин помогал в подготовке к печати древних актов: Акты Русского на Святом Афоне монастыря святого великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.

[85] Бетжалиотка — жительница Бет-Джалы (отец Антонин писал название этого селения — Бетжала). Имеется в виду Бодрова Елизавета Федоровна.

[86] Певчий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[87] Сарруф III Федор Спиридонович — временный драгоман с 1867 г.

[88] Сарруф II Георгий Спиридонович. См. выше.

[89] Певчий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

обещающего уйти в больницу. Архиереевы рассказы об архиерейском служении. Молитва.

Антипасха, 7 апреля

Служили мы одни. Народу было значительно менее против прежних разов. Возвращаемся к будничному порядку жизни. Патриарх не совсем здоров и не служил сегодня. Погода сумрачная. Пожалуй, и пароход сегодняшний не зайдет в Яффу. «Родственница»[90] оная с словом о пособии. Обед одинокий. Эппингеровы книги. Андрей с прощальным поклоном. Боюсь, что парня перетянут к себе некрасовцы[91]. Неугомонная собачонка. Поминутный стук то в те, то в другие двери. Жорж[92] с неким Ксанфопулом Смирниотом. Абуна Салиб[93] и его рассказы о притеснениях Коптских, и пр. и пр. Вечер. Напрасная мысль соснуть немножко. Возня с антиками, длившаяся часов до 2-х пополуночи. Гость собирается в путь-дорогу.

3. Описание рукописей в библиотеке Лавры св. Саввы Освященного (29 мая — 21 июня 1868 г.)

Среда, 29 мая

Мгла в воздухе, а потом и дождь. Чай. Две сестры-голубки. О. Гедеон[94] за золотом. О. Савва[95]. Муса[96]. О. Вениамин[97]. Французская почта с «Le Nord» и «Illustration». Бумага из Хоз. Управления о регенте и прочем. Софья Павловна[98]. Мать Магдалина. Сборы. А. Е-ч[99]. Чижик в лодочке[100]. 1 час. Пора собираться в путь-дорогу. В два часа обедал. Потом еще полчаса толокся, ожидая о. Вениамина[101]. Наконец все было готово. Осман, я, о. Вениамин и провизионный осел составили караван. Якуб с братом провожали до Яффских ворот. Неспешно переехали горный путь, и на закате солнца были уже в монастыре. Звон. Встреча. Пение. Угощение. Сидение над пропастью. Духота.

Четверток, 30 мая

Почти не заснул до самой утрени. Зато после утрени часа два спал по всем правилам. Ракогликонеро. Чай. Отправление в Юстинианову башню с о. Вениамином и разбор старых книг, длившийся до 2-х часов пополудни. Отобедав и отслушав вечерню, я вторично отправился на башню и сидел там до захождения солнца. Во все это время веял ветерок. Возвратившись, сидел на террасе и читал «Le Nord», предаваясь абсолютному покою. Первый день прошел, как следует. От пресловутого саввинского зноя не задохся, хотя порядком изнемог от подъема в башню.

---

90 Мелицина Марфа Алексеевна, родственница — просительница.

91 Видимо, речь идет о старообрядцах-некрасовцах, переселившихся в пределы Османской империи в XVIII в.

92 Сердис Георгий Герасимович — аптекарь русской больницы в Иерусалиме.

93 Абиссинский митрополит.

94 Иеромонах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

95 Иеродиакон, поклонник.

96 Муса — подрядчик на строительстве русской школы в Бет-Джале.

97 Иеромонах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

98 Янчуковская С. П. — поклонница из Киева.

99 Васильевский Александр Егорович. См. выше.

100 Мориц Петр Алексеевич. См. выше.

101 Грузинский священник, паломник в Иерусалиме, помогавший отцу Антонину с описанием грузинских рукописей.

Пяток, 31 мая

Ночью было однако же душно. Кое-как спал и даже видел во сне, что был в Москве и целовал у маменьки руку, говоря ей, что еще раз приехал увидеться с нею. Утреня. Луна. Вторичный сон. Чай. Сидение в башне до 3-х часов. Обед — не саввинский, приготовленный самоучным поваром о. Вениамином. Добрый старец! Опять башня. Житие Св. Феодоры. Такое же Св. Андрея Христа ради юродивого. Возвращение вниз. Справка в славянских книгах. Чай. Сличение житий. Прибыл гость, арх. Дионисий. Ничего — и сегодня. Пребывание кажется не только сносным, но даже приятным. Что дальше будет, не ведаю.

IYNIЙ

Суббота, 1 июня

Утреня. Сон, и в нем сличение двух телескопов, сего и онаго. Антидор. Св. вода. Чай. Утомительное путешествие в башню и занятие в ней до 3-х часов. Вечерня Дионисиевская с аниксандариями и литией в честь новомучеников. Ветер бедовый. Занятие на террасе, потом здесь. Чай. Иду спать.

Воскресенье, 2 июня

Спускался вниз к обедне, после которой угощался с братством на низкой террасе. У себя пил чай, и целый день потом занимался дома описанием Евангелий, нарочно вчера принесенных из башни. Этак работать сподручнее. Неожиданное явление Османа с рабою и немедленное возвращение его восвояси. Обед. Вечерня. Сидение с книгами сперва на террасе, а потом здесь, т. е. в светелке у окна церковного. Комары. Крики дерущихся лисиц. Чай. Жар.

Понедельник, 3 ч(исло)

Письмо от Морица, во сне — разумеется, и в нем два малых крестика Аннинских с драг. камнями. Дурной знак! Рано до чаю ушел в башню, и поселился на верху оной. Человек Божий принес туда чаю. Шум и гам отправляющегося на Иордан каравана. Печение солнца и продувание ветра. К 3-м часам водворение в архондарике. Обед рыбный (беззаконие) с гостем арх. Дионисием. Напрасное ожидание Сарруфа с почтою. Терраса. «Le Nord». Рассказы Дионисиевы про княжества и про наше воинство. Разбор Евангелий. Ветер или точнее — ветерочек, имеющий стихнуть совершенно к полуночи, и оставить нас на жертву духоты.

Вторник, 4 ч(исло)

Сплю с открытыми окнами и тем спасаюсь от жара. Сквозьсонная утреня и полусонная обедня. Чай. Занятие дома. Прибытие Кир Феодоро с Османом, хлебом, астаком и проч. Спуск в Юдоль Плачевную[102] и гулянье по ней до самого конца ее, иже к востоку. Бедуины — иерихонские, так и просящиеся в фотографию. Возвращение восвояси. Сидение на террасе. Чай. Та же работа, а за нею позевота.

Среда, 5 июня

Уж какая там утреня! После чаю, ушли с S в башню, и до часа пополудни занимались отыскиванием и переводом арабских надписей и заметок. Жарко и душно. Утомление. Спуск к своим пенатам. Обед. Благовестное било, и вслед за ним

[102] Юдоль Плачевная — долина Кедрона, ущелье в Иудейской пустыне, на склоне которого расположен монастырь Св. Саввы Освященного. Неподалеку от монастыря Кедронский поток впадает в Мертвое море.

Осман с почтою. Отношение Хоз. Управления о снятии с покойного о. Гавриила[103] его долга. Статья Солодянского[104] . Письмо к о. Леониду[105] . Папа — Анфим с рассказами о Заиорданье и о двух искушениях на Сорокадневной горе: одном — с золотом, другом — с демонами. На террасе рассказы в другом роде о. Дионисия. Чай. Разбор арабских заметок.

Четверток, 6 (июня)

Пальма оная не шелохнется. Солнце не только печет, но и допекает. Сидели с К. в церковной библиотеке до 2-х часов, и слушали вещания Герасима многоглаголивого. Обед. Зной. Внимание вечерне сверху. Духота невыносимая, и несмотря не нее все-таки самовар и жгучий чай — своим порядком! Занятие Минеями, ограничивающееся почти одною чисткою их. Уф! Зной африканский. Часов около 9-ти ветерок, но и он тоже знойный. Ни писать ни читать нет сил.

Пяток, 7 (июня)

В полночь колокол, за ним другой, третий и т. д. Это значит, что производится сегодня печенье хлеба. С полночи начался истинный ветер, который к утру сделался ветрищем. Соснув, как следовало, я встретил на рассвете прохладу и несказанно был утешен ею. Рако-чай. До двух часов перетрясали церковную библиотеку. К обеду явилась Якубова икра. Прощание с о. Дионисием. Внос книг в башню, вынос из башни. Сидение над Юдолию. Поверка списанного Синаксаря о чуде Архангела Гавриила, что в Дохиаре. Чай с купанием в поту и нелестное намерение заснуть.

Суббота, 8 июня

Ночью в церкви Святителя Николая был окрещен один эфиоп, присланный вчера из Патриархии. Слушал конец утрени и обедню. Затем шла работа в нижней библиотеке. Разбирали печатные книги. Много оказывается их из XVI в. Поспешили обедом, чтобы на вечерню сойти вниз. Ветерок. Террасное благополучие. Самовар. Работа чуть не до самой заутрени.

Воскресенье, 9 июня

Во сне видел, что ласкал девочку, — ту, у которой пьянствующая мать, и надел ей на шею ожерелье. Утреню и обедню то слышал, то нет. Такая непроходимая сонливость. Чай. Начали с компаньоном составлять каталог рукописной библиотеки монастыря. Уж не это ли и есть оное ожерелье? Трудились внизу до самой вечерни. Переписали книг с 50. Довольно для начала. После обеда спустились в другой раз в Юдоль, и гуляли по противоположной стороне ее, осматривая бывшие пещерные келии подвижников, скит Софии и таковый же преп. Иоанна Колонийского. Первый мне захотелось восстановить (ожерелье?...). На террасе чтение газет, а потом продолжение дневных работ.

Понедельник, 10 (июня)

Проспал и утреню и обедню. Внизу продолжали каталожное дело, прислушиваясь к каждому звуку в монастыре. Около часа пополудни прозвучал деревянный

[103] Иеромонах Русской Посольской церкви в Константинополе.

[104] Вероятно, имеется в виду статья архимандрита Антонина, подписанная псевдонимом «А. Солодянский» (т. е. Андрей с реки Солодянки): Письмо из Иерусалима // Северная Почта. СПб., 1868. № 94.

[105] Архимандрит Леонид (Кавелин) — настоятель Русской Посольской церкви в Константинополе. См. выше.

звон у башни. Решили, что это Осман с почтою. И точно, это был он. Письма московского впрочем по-прежнему не было. Зато Сарруф II утешил своими несчетными страницами. Обед. Вечерня с литией Варфоломея и Варнавы — двух монастырских именинников. Вечером там же и та же работа. Сотрудник мой начал жаловаться на какую-то недобрую болезнь.

Вторник, 11 ч(исло)

Спускался вниз к обедне. Потом обычным образом работали внизу до позевоты. Неофит[106] привез из города вести о том, что убит сербский князь Михаил, и что мы взяли Бухару, разбивши наголову Эмира. После обеда сидели и работали там же до самого огня, а потом перешли в свое жилище и не оставляли занятия своего, пока я прямо не заснул над рукописью.

Среда, 12 июня

Товарищ упорно жалуется на недуг, а потому я и присоветовал ему ехать в город, и проводил его туда. Работа пошла не в пример ленивее. А тут еще и глаз правый отказывается служить. Поправлял отупление его сном, и худо не добро работал до обеда. Возвратившийся Осман привез французскую почту, киноварь и другие вещи. Пот и пот! Дремство. Чай. Работишка малая и вялая. Сон уже в 12 часу.

Четверток, 13 (июня)

Проспал всякую службу. Иорданские пилигримы привезли святой воды; укрепивши оною зрение, работал над Eummikta[107], не выходя из комнаты. Несмотря на все мое усердие, дело подвигается медленно. А тут то и дело подносят из келий разные патерики без начала и конца, о которых не знаешь, что сказать и подумать. Добиваются от Герасима[108] заведомо взятых им рукописей, но напрасный труд! Бедовый старик. В поту и прении прошел целый день.

Пяток, 14 июня

Проспал и пророческую обедню, если таковая была[109]. По понедельникам и средопятницам тут идет порядок великопостный, только без великих поклонов. Читаются даже междочасия. Ходил в мастерскую о. Анфима[110], у которого вчера для Бетжальской школы приобрел икону Св. Саввы. Сидел в нижней библиотеке, а более дома. Так и день прошел бесцветно и безмятежно, но не беспотно. Вечером сличал и описывал Синаксари.

Суббота, 15 июня

Именины покойного дядюшки[111]. Обедня была у Св. Николая, по монастырскому уставу. Ради спасения глаз, занимался а архондарике. Около полудня возвратился желанный компаньон. Работа вдруг пошла ахиллесовыми шагами. Вечерню слушали сверху. Работали и при свечке.

---

[106] Неофит — инок Лавры Св. Саввы Освященного.

[107] Сборники смешанного содержания (греч.).

[108] Инок Лавры Св. Саввы Освященного.

[109] По случаю памяти св. пророка Елисея (празднуется 14 июня).

[110] Инок Лавры Св. Саввы Освященного.

[111] Преосвященный Иона (Капустин), епископ Екатеринбургский (1846—1859). Умер в 1866 г.

Воскресенье, 16 июня

Проснулся уже в конце утрени. Сошел вниз к обедне. Служил Папа-тасо, нацепивши на себя ипогонатий, чем и соблазнил смиренномудрого Вениамина нашего, близящегося быстрыми шагами к последнему пределу жизни. Чуть ли не повредил ему рыбий жир, присланный нашею заботою из города. Занимались с товарищем то дома, то внизу, а архимандрит наклеивал на книги билетики. Положили кончить все дела к пятнице. Параскеви, сделался девизом нашей деятельности. Да уже и надоедать стало беспрерывное прение и потение.

Понедельник, 17 (июня)

После чаю ушли в башню, и занимались там все втроем с ревностью, достойною. Около полудня соседняя доска простучала весть о прибытии мусафира. «Осман», — сказали мы в один голос. Но взошедший наверх авва обратил в ничто наши поспешные заключения. Вместо Османа оказался яффский хаваджа, иначе: Якуб. Парню надоело сидеть у отца-матери, и он прыгнул из Средиземного моря прямо в реку огненную. Вместо русской почты привез только письмо из Афин, в котором нас уведомляют, что Димитрий Михайлович[112] с 3-го числа сего месяца есть уже Дидактор, т. е. доктор прав! Страшно подумать. Поздравлял голубчика. Занимались до 3-х часов. Спустившись домой, обедали, а потом долго ночью ставили №№ на рукописях нижней библиотеки. И это окончательное дело идет тоже не быстро. А все-таки есть предел.

Вторник, 18 (июня)

О<тец> Вениамин объявил, что он не будет дожидаться «Четверга» и улизнет с первым ослом из сей пещи огненной. За то мы выжимаем из него последний сок. Просидели в башне до самой вечерни, и даже несколько долее. Жарко, да нечего делать. Обед готовил уже хаваджа, вознамерившийся посрамить прежнего магира, но куда ему! После обеда уже не поднимались наверх. Работали дома до упаду.

Среда, 19 июня

На место междочасий чуть ли сегодня не полиелей в монастыре ради именин о. Паисия[113] . Был я по сему случаю у обедни в церкви. Наскоро напившись чаю, отправились по обычаю в башню вдвоем, ибо изменник оный еще ночью во время заутрени утек на прохладу. Занимались насколько с ревностью, столько же и с позевотою. Нумерация книг доставляет впрочем некое развлечение в скучном деле ученого описания их. Прошли сегодня чуть не все богослужебные книги. Вечером дома пересматривали нумерацию книг. Вместо тетарти (среда) теперь уже слышится: параскеви (пятница), но никак не далее. Ибо уже и Осман с животными заказан на полдень в пятницу. Какое это благополучие будет — перестать потеть хотя на одну минуту. У бедняка Вениамина сегодня жар. Чуть ли это не чахоточный пароксизм.

Четверток, 20 (июня)

Доканчивали нумерацию книг внизу, что продолжалось до самого неожиданного прибытия Османа с подводами, т. е. до вечера. Спешный авва наш турнул его чуть не целым днем ранее надлежащего времени. Вчерашний зной умерился сегодня ветерком. У сотрудника возобновились нехорошие оные боли. Я еще раз рис-

[112] Мангель Димитрий Михайлович — адвокат в Афинах, духовный сын архимандрита Антонина.

[113] О. Паисий — иеромонах в Лавре Св. Саввы Освященного.

кую спать с открытыми окнами и даже дверью. Пароксизм оказался простым лихорадочным. Якуб надулся по поводу того, что никто не позаботился ему привести коня из Иерусалима. Больной при имени Иерусалима качает печально головой.

Пятница, 21 ч(исло)

Последние поты. Службы не слыхал. Впрочем по обычаю встали до солнышка. После чаю, отправились еще раз в нижнюю библиотеку. Покончив с нею совсем, закусили дома и поднялись в башню для последней работы. Трудились вплоть до 4-х часов, и таки с Божьей помощью покончили все. Всех пересмотренных и описанных рукописей оказалось 536, а с «Коридалеями»[114] и иными будет всего-навсего 648. Поблагодарив Бога, поставили все книги на место, заперли библиотеку и спустились в жилище свое, где уже нас ожидал самовар. Сходили, простились с нижней библиотекой, выпили по чаю на террасе, передали ключи от книжниц о. Анфиму и простились с гостеприимным кровом обители и с братством ее, при звоне всех колоколов великих и малых. Было около 7 часов, когда мы двинулись в путь. Радующая прохлада неслась нам навстречу с каждой высшей точки дороги, а перед Иерусалимом она превратилась в сырой и холодный ветер. Прибыли восвояси в половине 11-го часа. А. Е-ч[115] с почтою ожидал меня уже более 2-х часов. Немедленно последовала баня, смывшая с меня слои потной грязи: какое счастье, подумаешь, заснуть на прохладе! Почта не содержит ничего знаменательного.

4. О приобретении участка в Хевроне

Суббота, 2 ноября

Обедня. Послушник Георгиевскго монастыря с артом. М. Магдалина, приглашающая завтра ехать в Бетжалу на праздник ее новоселья. Кропание статьи[116], которой и конец сегодня воспоследует. M-r W. По случаю адмиральского часа. Приношение охотника, он же и Первелис. Обед. Вожделенное возвращение от Дуба нашего сих дел мастера Якуба (стихи). Дело хотя еще и не кончено, но идет успешно, и Бог даст, Мамврийский Дуб будет наш, т. е. русский. Всенощная. Рассуждение о Дубе и о наполеонах, которых потребуется целых 300. Чтение. Зевание и видимое отхождение в тот мир.

Воскресенье, 3 ч(исло)

Набег сновидений ни с чем несообразных. Хотел было уйти на праздник в Георгиевский монастырь, да усрамился поста своего. И сегодня не видел Меркурия. Небо было немножко облачно, впрочем. Литургия. Чай с гостями. Консул не едет в Бетжалу. Ergo и я. Ибо ради его милости и вся эта история сочинена. Малый дождь. Человек Божий Иоасаф[117]. Koniglich privilegliche Berlinische Zeitung. Однако же обед своим порядком. Матфей Никифоров[118] и Герасим Протопапа[119] и плач над Критом по сему случаю. А тут и вечер. Дети. Переписка статьи. Сие и ...

---

[114] На полях поставлен «?».

[115] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[116] Очевидно, имеется в виду статья архимандрита Антонина: Дуб Мамврийский (Письмо к редактору) // Всемирная иллюстрация. СПб., 1869. № 42.

[117] Греческий паломник.

[118] Никифоров Матфей — паломник.

[119] Преподаватель училища в Крестном монастыре, впоследствии Патриарх Антиохийский и затем Иерусалимский.

Понедельник, 4 (ноября)

Авве Саратовскому[120] многолетие. Во сне кто-то рассказывал (Гагарин[121] как будто) шлется послом к неизвестному царю в неизвестное государство. Вероятно, что-нибудь новое принесет сегодняшняя почта. Меркурия, разумеется, нет на небе. «Sirius», видно, заврался немножко. Молитва. Чай. Консул с вестью, что он едет на неделю в Константинополь.... Иоасаф, бетсахурский батюшка. Муса Бетжальский. Snaps. Почты все еще нет. 3 $^1/_2$ часа.

Вторник, 5 ноября

Якуб и вместе с Османом, отправились опять в Хеврон. Мы остались одни с Ханной[122]. После вздумал было переписывать статью, да оказалось нужным порыться наперед в Acta Sanctorum. Тем временем А. Е-ч[123] принес почту. 6 писем и одно повеление прижать еще раз несчастного Каллистрата[124]. Журналы, газеты и проч. Ходил к консулу, сидел у канцлера, который представлен к переводу в Константинополь на драгоманский пост при консульстве. Весьма нехорошо это. То же занятие. Обед. Вечерня, угощение детей чаем. Чтение газет новых. Позевота.

Среда, 6 ноября

Не придется служить ночью сегодня на Господнем Гробе. А кто виноват в том? Занимался весь день перепискою статьи. Сколько ни думал улизнуть куда-нибудь на весь завтрашний день, ничего не придумал. Благо впрочем, что никто не знает о высокоторжественности онаго. Вечером сидел и ловил рыбу в Мертвом море «хитры-ы-й» Жорж. А в Хевроне что-то деется?

Четверток, 7 ноября[125]

23 года моему монашеству и вместе тезоименитство. Встал со светом и отправился в Гефсиманию. Здесь выслушал параклис и литургию и приложился к гробу Божией Матери. Ходил на место моления Христова, прошелся по Масличному саду. Какие все места! Еще, через 23 года вперед, празднуя где-нибудь на сугробах снега свои именины и перечитывая сии строки, сколько пролью слез над ними! Возвратился домой городом. Заходил в храм Воскресения, и обошел там все святые места. Небольшой дождь смочил землю. Дома чай. Сарруф. Переписка. Обед. Всенощная в бархатных ризах[126]. В Михайловский монастырь никто не пригласил служить. Никаких известий от Якуба.

Пятница, 8 ноября

Служение с молебном. Ожидание малых. Визит малейшему из именинников, таковый же — старейшему. Угощение детей-сироток чаем. Визит третьему имениннику. Мать Мария (кажется) Саратовская. Четки ихнему архиерею. Выход навстре-

[120] Преосвященный Иоанникий (Руднев), епископ Саратовский, впоследствии митрополит Московский и Киевский.

[121] Гагарин Лев Григорьевич — первый секретарь Русской миссии в Афинах.

[122] Повар Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[123] Васильевский Александр Егорович. См. выше.

[124] Архиепископ Синайский.

[125] Фраза в оригинале выделена киноварью. 7 ноября 1845 г. Андрей Иванович Капустин пострижен в монашество с именем Антонин, в честь Антонина, мученика Анкирского, празднуемого в этот день.

[126] Имеется в виду Патриаршее богослужение по случаю Михайлова дня.

чу Патриарху. Ожидание его у второй башни, длившееся часа полтора. Отличнейшая погода. Бесстыдный феллах с скверными русскими словами и сквернейшими телодвижениями. Некому вас научить уму разуму бедняков. Здорованье с Его Блаженством, прибывшим по обычаю верхом на своем сивке, а не в фуре. Возвращение восвояси. Конец утрени. Обед. Чай с детьми. Переписка. Во сне видел давеча, что получил (от консула) много пакетов, и все были... тряпки. Думал, что Якуб привезет разные бумаги, но сего не случилось. Вообще, сны давно уже совсем изоврались.

Суббота, 9 н(оября)

Во сне вместо многих и плохих бумаг, кто-то вручил мне большую белую и чистую одну бумагу... Обедня. Чай. Прибытие хевронцев с хидже в руках... мамврийский дуб принадлежит России![127] С чем и поздравляемся. Писаная цена ему 143 наполеондора, а неписанная дойдет может быть и до 200. Приобрели пока только оба дуба и принадлежащую им землю. Ключ выгораживается из нашего владения. Всей земли будет около 1/3 того количества, какое занимают наши здешние постройки. Довольно! Торжеству конца не было[128]. Известил о радостном событии своих. Приготовление почты. Всенощная. Баня.

10 ч(исло)

Служение. Приготовление почты до самых 4-х часов. Прошу архимандритов трех Лавр русских помочь во имя Троицы чем-нибудь Дубу. Истомление полное. Обед. Чтение. Гулянье на верху. Чудный вид облаков. Еще чтение и...

Понедельник, 11 н(оября)

Помолившись Богу, отправился к Патриарху и как бы ненароком залучил от него благословение своему Мамврийскому делу. Дома редкое явление — бетжальская Директриса[129]. Чай. Отправление с консулом к губернатору. Опасливый человек просил нас на купленном месте ничего пока не строить, ни даже ограды не ставить, даже деревянной каливы[130] не перевозить туда, а прежде испросить через посольство у турецкого правительства дозволения... и прочие безумные глаголы. Раскаиваюсь, что решился действовать перед ними напрямик и начистоту. Досадно было, да нечего делать! Возвратившись домой, виделся с о. Вениамином и другими, сорадующимися мне о Дубе. Немецкие газеты. Переписка. Обед. Чтение. Вечером сидение у консула со иным братством. Дома сборы.

Вторник, 12 ч(исло)

От мысли, что нужно вставать в 2 часа не заснул ни на одну секунду. В три часа ночи выехали 6 всадников из построек, и через три часа на рассвете достигли Соломоновых прудов, а еще через три часа были уже в Бет суре у доброй воды. К 10 часам достигли *своего* Дуба. Места *нашего* оказалось видимо-невидимо. Ибра-

---

[127] В оригинале слова «принадлежит России» выделены киноварью.

[128] «От очевидцев пришлось слышать о встрече его (Якуба) с о. Антонином в Иерусалиме. О. архимандрит ожидал приехавшего Халеби у входа в зал на лестницу в здании Миссии. Как только Яков Егорович увидел еще снизу фигуру о. Антонина, он радостно взбежал на лестницу, помахивая кушаном и крича: «Дуб — русский, дуб — русский!» О. Антонин широко раскрыл ему свои объятия и, радостно обняв его, расцеловал». [Архимандрит Киприан (Керн). О. Антонин Капустин. Архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. (1817–1894 г.г.). М., 1997. С. 168].

[129] Бодрова Елизавета Федоровна. См. выше.

[130] Келлия.

гим Эфенди. Закусывание 1-е. Обзор границ нашего владения. Закусывание 2-е или чай. Гулянье по виноградникам. Лежание на полянке и собирание мамврийских желудей. 3-е закусывание. 30 златниц (из коих 5 русские) переходят из кармана в мешок. Собираемся домой. Прощай, заветное: мамвра! В 3 без 1/4 едем. Addio, Ибрагим Эфенди![131] В 4 часа, после 5 кругозоров, достигли воды, а в 5 $^{1}/_{4}$ поравнялись с развалинами. Только часам к 7 увидели Хавузы Соломоновы, а 8 прибыли в Бетжалу. Отогревшись, немедленно предались вожделеннейшему сну мертвецкому.

5. Поездка на Синай. Работа над каталогом рукописей Синайского монастыря (1870 г.)

Суббота, 1 авг(уста) 1870 г.

Выспавшись вчера днем на судне, рано проснулся. Любовался туманными очертаниями высоких гор, ища между ними Синая. О. Пантелеимон указал мне его. Снял карандашом ту часть великолепной панорамы, на которую указали. После восхода солнца гулял по берегу, собирая раковины и камешки причудливого моря. Дошел до бывшей крепости или Тора (Tour?). По возвращении нашел уже опустошенным ночлег свой. У епитропа Костанди[132] — дяди нашего Ханны — в доме пили чай и покупали разные морские диковинки. Затем обозревали Раифу, ее церковь увыйную и поклоннический приют неописуемой жалости. В ожидании обеда прохлаждались с шутником в тени палатки. Обедали и продолжали закупать произведения Понта Чермного. Меж тем привели десятка четыре верблюдов. При виде их упало сердце. Как это я поеду на таком чудовище? Часа два орава шумела и вопила. Наконец животных навьючили и пришло время садиться... Оказалось, что у страха глаза велики. Ничего! Сел себе и поехал, как быть следует. Произошло же событие в 2 часа по полудни. Приятно было оставить позади себя мизерную Раифу. Дул слева жгучий ветер. Через час пути остановились у одного пальмового сада и Бог весть зачем простояли тут часа два. Вторично шум и гам оравы. Уже на закате солнца удалось кое-как выбраться на путь-дорогу. Ехали 2 часа и, по восходе луны, свернувши с дороги влево, расположились в чистом поле ночевать. Якуб немедленно приготовил чай и пр.

Воскресение, 2. авг(уста)

Во сне сдавал экзамен. Попался легкий билет о Каине и Авеле. Кончив его, я вздумал еще продолжить что-то, но уже не так удачно. Дело кончилось тем, что экзаменатор послал ко мне двух геркулесов, которые, взяв меня за шею, хотели сбросить откуда-то куда-то. Как бы не пришлось сегодня слететь с верблюда. Встали в 2 часа ночи и в 3 отправились дальше. Аббасова дорога прямою стрелою идет к горам. Надоела она нам. На восходе солнца мы достигли гор и въехали в юдоль Гебрань. Камни с надписями. Горы высокие грязного цвета. Камни-и! Незаметный подъем. Давно невиданные кустики, наконец и пальмы, а при них и вода. Зигзаги без конца. Пешешествуем. Снова качаемся на уроде. В 8 ч. отдыхаем в тени пальмы, едим финики и пьем чай, снимаемся с якоря в 11 часов. Пальмы исчезают. Горы по бокам выше и выше, суше и суше. В полдень опять показались пальмы. Остановка ради воды. Падение Кир Николы. Через полчаса показалась впереди гора двуверхая, рисованная в Раифе. Значит, близко уже Синай. На час она скры-

[131] Ибрагим Шаллуди — прежний владелец участка, приобретенного архимандритом Антонином.

[132] Костанди — эпитроп Синайского монастыря в Раифе, дядя Ханны — повара Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

лась, а мы продолжали зигзажничать. Она снова явилась с столповидным приростом от востока, а мы вместо прямой дороги взяли налево и потащились по узкой и скучной другой некоей юдоли, обставленной теми же грязными кряжами и какими-то земляными стенами при самой дороге. Скоро мы вошли в каменистое ущелье и опять слезли с верблюдов. Начался переход из долины Хебранской в Славскую (Славянскую?). Лезем в бесконечную высоту и, озираясь, видим позади себя багровые высочайшие кряжи горные, которые, видимо, стараемся объехать. На переносье открылся впереди нас громаднейший Зербал. Спускаемся в новую юдоль, тоже пешие. Длится эта история до самого заката солнца. Наконец improbus labor omnia vicit и мы расположились ночевать на широком ложе Славской долины, посреди манных кустов. Утомление общее. Подкрепились чаем и иным кое-чем. Впереди высокою стеною стоят зубчатые кряжи, которые синаиты назвали уже своими.

Понедельник, 3 авг(уста)

Встали в половине второго и через час оставили ночлег свой. Может быть, около часу ехали широкою долиною, потом опять пустились в зигзаги и только к рассвету выбрались опять на широкое поле, заслоняемое с юго-востока высочайшею стеною гор. Оставив восточное направление, мы взяли на юг, имея справа гору пятиглавую, а слева оную стену с выемкой посередине в виде ворот, обставленных по сторонам башнями, из коих на одной видится 1, а на другой 7. Отец дикей[133] нам сказал, что до монастыря только 3 часа. Решились, не останавливаясь, продолжать путь. Добрались до ущелья, забросанного каменными глыбами, и пошли пешие по проложенной синаитами дороге. Тешились свержением в пропасть камней и изумевали перед поражающим величием вылитых из гранита стремнин. Ехали ущельем часа два и у дикой смоковницы подкрепились водой и водочкой. Горы несколько раздвинулись, земля стала мягче. Взобравшись на одну возвышенность, мы увидели, наконец, *хорив* и на восточной подошве его Синайский монастырь. Тащились до него еще около часу времени. Последовали со стен обители пушечные выстрелы. Мы сошли с верблюдов, кое-как приукрасились и вскоре встречены были всем братством обители. Священники были в облачениях. С пением вошли в монастырь и прямо направились в церковь. Там отправлена была лития, после чего нас повели по худящим лестницам в гостиничные покои. Последовало угощение вареньем, водкою и чаем. Было 10 часов утра. Слава Богу, донесшему нас благополучно до цели нашего странствования. Отдохнувши, обедали, потом были у вечерни, после которой поклонились месту *неопалимой купины*, посетили Настоятельские комнаты и Успенскую церковь, а затем и библиотеку, и дивились на златописанное «Феодосиево» Евангелие. Кончили обзор свой посещением о. скевофилака и кавалера Анны 2-й степени иеромонаха Григория. Это было уже в сумерках. Дома пили чай, вели беседы и приготовлялись к завтрашнему восхождению на Синай и на гору св. Екатерины. Экскурсия продолжится без малого два дня.

Вторник, 4 авг(уста)

Встали на рассвете. После долгих сборов, взяли батожки в руки и вышли за монастырь. С нами пятерыми (у Сарруфа недуг) отправились дикей, Николаки, два монаха и трое улядов, несших на спинах своих наш багаж и пр. Через полчаса пути дошли до воды цангаря (сапожника), где выслушали его предивную историю. Еще 1/4 часа и мы остановились у церкви Богоматери Икономовой. Вторая

[133] Дикей — выборная монастырская должность, наместник игумена монастыря — Архиепископа Синайского и Раифского, пребывавшего в XIX в. преимущественно в Каире. В описываемое время синайским дикеем был иеромонах Корнилий (†1894).

дивная история. Еше мало и мы минули первые ворота, называемые Исповедническими. Через 3/4 часа другие ворота. Показался на высоте радующий кипарис. Мы вышли на большую площадь, обставленную вокруг голыми и несчетными скалами. Место напомнило один из лунных кратеров. Малый садик, и возле него церковь св. пророков Илии и Елисея над сугубою пещерою. Не заходя в нее, мы потянулись на одну из скал к югу, вышедшую мысом на площадь. Дорога стала несравненно круче. Я поминутно отдыхал. Не менее как через полчаса мы достигли, наконец, горной церкви Преображения. Это было на вершине *синая.* В церкви готовилась Божественная служба. Служил один иеромонах. Пели и читали мы. Да приемлет Бог Синаин, велий и страшный и хвальный зело, возсылаемую ему хвалу, как жертву! После обедни обозревали пречудную и престранную панораму игловидных гор полуострова, снова напомнившую мне пустые и безжизненные горы Луны. Подкрепившись чаем и финиками и благодаря Господа, спустились к кипарису, но не доходя до него, направились по площади диагонально на запад, прошли мимо кельи-пещеры Преподобного Стефана, перевалились за скалу и стали спускаться по крутому откосу в юдоль Леджа. Карабкались, кто как мог. Было, пожалуй, и опасно. Я ушел вперед и благополучно достиг монастырского сада, чтимого именем 40 мучеников. Под тению большой орешины (саждение Иоасафа Филадельфийского) мы принялись отдыхать, пережидая полуденный жар, и в сладость соснули. Потом кое-что закусили, и, осмотрев все заведение, отправились домой, не решившись идти на гору Святой Великомученицы Екатерины, которая тут уже приняла название Леджи или Арбаим. Ущелье между нею и Хоривом напомнило нам вчерашнее оное. Впрочем, почти беспрерывно тянутся садики монастырские по ней над потоком воды до самого выхода на площадь Раха. По пути видели мнимый «камень пререкания» и, обогнувши всю северную подошву Хорива, добрались уже на закате солнца мирной обители, выслушав предание о золотом тельце, разбитых скрижалях и холме Скинии Свидения. Дома отдых и ужин с чаем.

Среда, 5 авг(уста)

Во сне какая-то мать и какая-то дочь девочка с ненужными ласками. Ходил к утрене. Опять спал. Трясение в ногах и боль в бедрах. Чай. Чтение. Беседы. Отец дикей с приглашением на завтрашнюю службу. Обед. Сон. Праздничная вечерня с благословением хлебов и винограда. Вкушение перед вратами церкви от тех и другого. Возвращение неустрашимого Василья из путешествия на гору Св. Екатерины. Ходил один с мальчиком-арабом. Кир Феодор продолжает болеть. Я читаю о. Порфирия. Видели обе библиотеки и многие параклисы.

Четверток, 6 авг(уста)

Храмовый праздник обители. Утреня началась во 2-м часу ночи. Несколько рассеяло скуку и дремоту пение второго псалма Полиелея. После Великого Славословия я сошел в придел Купины и рассматривал все его достопримечательности. Литургию служил о. Архимандрит Филарет[134] с дикеем, о. Анатолием[135] и двумя иеромонахами. После обедни заходили на чай к скевофилаку[136] на кофе к Иконому

[134] Архимандрит Филарет (Филаретов; 1824—1882) — ректор Киевской Духовной Академии; с 28 июля 1874 г. — епископ Уманский, викарий Киевской епархии; с 31 декабря 1877 г. — епископ Рижский и Митавский. Известен научными трудами по библеистике и церковной истории.

[135] О. Анатолий — иеромонах, член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме до декабря 1870 г.

[136] Скевофилак (правильнее скевофилакс, «ризничий»), иконом (эконом) и дикей (см. выше) — главные административные лица в обители.

и на поглядение в Дикееву квартиру. Дома отдых. Потом обед в трапезе братской. Ожидание верблюдов, писание эпистолии к Киевскому Владыке[137]. Вечерня. Чай. Беседы. Письмо к здешнему Деспоту[138].

Пятница, 7 ч(исла)

Во сне целовался с самой высокой на свете личностью и жаловался ей на кривую и бестактную политику России, вследствие которой мы объявили войну чехам и постыдно победили их. У заутрени и обедни не был. После чаю у соседа сборы, а у меня письмоводство. 3 верблюда. Двухчасовые сборы. Когда извещено было, что все готово, мы спустились в церковь. Отъезжающий гость[139] приложился к мощам Великомученицы и поклонился месту Купины и глубоко тронутый простился братски со мною. Мы провожали его всем обществом далеко за монастырь. Бог да будет присным помощником его во всяком деле блазе! Возвратившись в келью, я еще следил за ним трубою полчаса времени. Отдохнув, обедал, занимался чтением и просидел в библиотеке часа два, ознакамливаясь с ее сокровищами. Насчитал 33 Евангелия древнего письма. Вечером чай и чтение, и сие писание.

Суббота, 8 ч(исла)

Ходил к утрене и к обедне, которая правилась в приделе Купины. За чаем кончил переговоры с дикеем и скевофилаком о каталоге и сейчас же отправился в библиотеку, где просидел до часу с Николаем и псалтом Афанасием, рассматривая октатевх и профитологи. То же повторилось и после вечерни. Каталог, таким образом, благополучно начался.

Воскресение, 9 ч(исла)

Простоял утреню до Канона. Дома спал. Был на обедне. После чаю засели опять книжники в библиотеку и продолжали переписывать Псалтыри. Тем же самым занимались и после обеда, и к закату солнечному кое-как покончили отдел Псалтырный. Не перенося духоты, я двукратно мочил в библиотеке голову холодной водою и простудился. Теперь она болит и лопается. Давече видел во сне, что возобновляется прекрасный дом как бы в Цареграде, в котором будут жить Посол[140], о. Филарет и я. На душе было весело от сего. Кстати виделось и Буюкдере[141].

Понедельник, 10 ч(исла)

На ночь затворил окна и тем поправил несколько голову. Сновидения продолжаются. Сегодня получаю пакет Синодальный. Приказывают ехать в Америку непременно. Нечего делать. Стал собираться[142]. После чаю занятие в Панагии. После

---

[137] Имеется в виду митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Москвин; 1796—1876; на Киевской кафедре с 1860 г.).

[138] Здешний Деспот (т. е. Владыка) — Архиепископ Синайский и Раифский Каллистрат III (1867—1885).

[139] Архимандрит Филарет.

[140] Российский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев — друг и покровитель архимандрита Антонина. Игнатьев (а как видно из записи, и сам отец Антонин) еще надеялся на возвращение последнего в Константинополь, на пост настоятеля Посольской церкви.

[141] Буюкдере — загородная резиденция российского посольства в Константинополе.

[142] 29 марта 1870 г. архимандрит Антонин получил телеграмму из Святейшего Синода о предполагаемом назначении его епископом Алеутским и Аляскинским, но отказался — формально по состоянию здоровья. См. дневник за 29 марта 1870 г.: «Потомок! Можешь представить мое озлобление! En Amerique!!! Это ведь подалее Камчатки, которою я когда-то пугал Маменьку, желавшую видеть меня Владыкой».

обеда в верхней библиотеке. Помогал Фед. Спир.[143]. Проработали до сумерек и все-таки Евангелий не покончили. Вижу, что дело затянется, и о возвращении в Иерусалим к Царскому празднику не надо и думать[144]. Горло болит, но голова свободна.

Сходил к утрене. Заснув потом, пел на каком-то богослужении: «плачу и рыдаю». Иерусалимская Катерина. Московский поклонник и др. разности. Переписывали Евангелия до часу. А с 3-х до вечера занимались ими же в Панагии. Рассмотрели и Феодосиево золотое Евангелие. Вечером чай и рассматривание двух старых, из прошлого 1000-летия, Синаксарей до полночи. Надобно передать их к общему сведению.

Среда, 12 авг(уста) 1870 г.[145]

54-й год. Недаром вчера и третьего дня крошился зуб. Старость незаметно подходит, а с ней и много других гостей... Проспал утреню. После чаю переписывали в библиотеке Праксапостолов и кончили их к чаю. В 3 я снова отправился туда же, но около часа дожидался молодежи и обошел крытыми ходами монастырь с двух сторон — с севера и востока. В библиотеке прежде всего случайно напал на житие Св. Николая Младшего, к сожалению, еще раз не конченного. Рад был находке безмерно. Занятие шло плохо. Переписали 5-6 часословов и только. Чай. Беседы об Ибрагим-паше[146]. Перевод оных синаксарей.

Четверток, 13 ч(исла)

Лег спать в 1-м часу. Чуть задремал, открылся кашель, мучивший меня более часу. Во сне видел любезного родителя, уговаривавшего меня возвратиться в мир. После чаю работа в библиотеке. Кончив, пересмотрел славянские рукописи. Их 13 на коре и 20 на бумаге. После обеда нас ввели в третью библиотеку, переполненную рукописями. Я растерялся при таком зрелище. Греческие, арабские, грузинские, сирианские, коптские, абиссинские и м. б. даже армянские. Есть одна глаголическая книжка. Видел Косму Индоплавателя, папирус грузинский и пр., и пр. Ай да Синай!

Пяток, 14 авг(уста)

Ради предпразднства был у заутрени. Потом до 2-х почти часов сидели в Панагии, занимаясь разбором вновь открытых книг. Экое несравненное старье! После обеда следовала вечерня с литией и сидением перед церковию. Потом еще просидели над книгами около 3-х часов. Ночью писали старый минолог. Ожидал, что предложат служить завтра, но сего не случилось. Дощечка папирусная тоже, вопреки изъявленной на нее претензии, осталась на низу...

Суббота, 15 авг(уста)

Был у заутрени. Обедню стоял у Неопалимой Купины. У скевофилака пили чай и разговелись молоком. Потом до часу и более сидели в Панагии, описывая Еван-

[143] Фед. Спир. — Сарруф Федор Спиридонович, драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, преподаватель арабского языка в Крестном училище.

[144] Царский праздник — перенесение мощей святого Александра Невского (30 августа), день тезоименитства императора Александра II.

[145] Дата — день рождения архимандрита Антонина — выделена в рукописи киноварью. Отец Антонин родился 12 августа 1817 года.

[146] Ибрагим-паша (1789—1848) — вице-король Египта, приемный сын Мохаммеда Али, выдающийся военачальник и флотоводец. Завоеватель и правитель (в 1831—1840 гг.) Сирии и Палестины.

гелия и Тетраевангелия. Люди пошли к вечерне, а мы опять присели к книгам. В том и день прошел. Ночью разбирал вновь найденные листы палимпсеста Евангелия IV или V века. Жаль, что их немного.

Воскресенье, 16 ч(исла)

Чуть лег спать, поднялся кашель, терзавший меня с полчаса. У утрени не был. После обеда и после чаю занимались в Панагии, считая Псалтыри стародавние. Любо смотреть на них. То же и после обеда. Часам к 5-ти кончили псалтырное море. Остальное время разбирали листы Минейные. Дома чай и перевод.

Понедельник, 17 (августа)

... Пил чай и отправился в Панагию на работу. Отыскалось еще несколько Псалтырей, Профитологов и запоздалых Евангелий, за ними просидели все до обеда. После обеда переписывали Часословы. Дома вечером продолжал переводить старый Канонарь[147].

Вторник, 18 ч(исла)

Та же история. Утром перенесли из библиотеки в Панагию все минеи, октоихи, триоди, анфологии и пр., разобрали их и разметили по родам и видам. Учинив это, приступили к пересмотру миней. Работа не оказалась такою хлопотною, какою представлялась прежде. Тем же делом занимались и после до вечера и даже ночью при огне. В келье я разбирал разрозненные листы минейные и, кончив это, с жадностию кинулся на захваченные с ними тетради житийника XI века, содержащие в себе «Житие и воспитание, и чудеса Преподобного Николая, Епископа Мирликийского». Оказывается значительная разница его с Ватиканским. Святитель посвящен в епископа (умолчано: Пинарского) с преемничеством на Мирскую кафедру и пр. Просидел за этим делом до двух часов за полночь[148].

Среда, 19 августа

От впечатлений долго не мог заснуть, а потом хотя и слышал колотанье к утрене, не мог уже встать. Зато сходил на свету к обедне, совершавшейся в нижней церкви Панагии. После чаю занимались по обычаю перепискою рукописей. Работа шла вяло. Мне зевалось. Также и после обеда она шла получше. Впрочем, покончили с минеями и перешли к анфологиям. Чуть пришел домой, лег спать. После чаю переводил канонарь опять за полночь.

Четверток, 20 ч(исло)

Выспался вдоволь. Высматривал с террасы ожидаемый халиб. После чаю, направился по знакомой дорожке. Скоро разделались мы с немногими анфологиями и выплыли в море разных и разнообразных аколуфий, измучивших нас в течение 4-х или 5 часов. К утешению нашему скевофилакс отрыл где-то еще целый зимбил кожаных тетрадей и листов. В восторг пришел я от сего зрелища, но, увы, продолжения жития оного не нашел. Обедали уже в 3-м часу. Соснув, снова занимались тою же работою и почти кончили бедовые аколуфии. Сидели часов до 8. Дома чай и писание под диктовку жития оного. Даскал[149] взялся во что бы то ни стало списать его. О, если бы попал в руки столь искомый «не подчищенный» конец его! Ведь с чего-нибудь списывал же в XI веке оное неизвестный трудолюбец. Посмот-

---

[147] См.: Архимандрит Антонин. Древний канонарь Синайской библеотеки // Труды Киевской Духовной Академии. 1874. № 5. С. 189—216; № 6. С. 458—497.

[148] См.: Архимандрит Антонин. Еще о Святителе Николае Мирликийском // Труды Киевской Духовной Академии. 1873. № 12. С. 241—288.

[149] Николай (в иночестве Никандр) — даскал, позже монах Синайского монастыря.

рим, подождем. Уже не раз случалось со мною, что на ловца и зверь бежал. В послеобеденном сне виделось что-то грустное, батуринское[150]. Родитель рисовался в трогательных и величественных чертах.

Пяток, 21 авг(уста)

То же самое занятие в те же часы. Переписываем анфологии и разные службы. После обеда иконом угощал нас лукумьем и кофе. Истомила меня сегодняшняя работа. Возвратившись домой, разбирал несчастные листы бедствующего Тропология, т. е. Цветной Триоди. За чаем получил письмо от праведного Филарета из Суеца, доставленное возвратившимся Евстратием[151]. Чтение газет и жаление о стольких тысячах погибших[152]. Переписка жития за полночь.

Суббота, 22 ч(исло)

Спим до пресыщения. Видим во сне разные штуки в образе старых букв и пр. После чаю, по обычаю отправляемся в Панагию. Несмотря на нездоровье Кир Николая, удалось пересмотреть десятка два параклитик, из коих самую старую взял с собой в келию для особенного исследования. К обеду иконом прислал винограду, что здесь в пустыне надо считать редкостию. Со вчерашнего дня пьем кипрскую «Командерию», тоже от монастыря. Вообще, процветаем. То же занятие с 4-х по 8 часов. Сегодня было-таки не шутя жарко. Ветру совсем нет. Переписываем с даскалом житие. Кашелек.

Воскресение, 23 авг(уста)

... Пришел в церковь. Кашель поминутный. Хочу принять регалю капель 5. Действительно, перед чаем принял. До часу сидели в Панагии за своею бесконечною работою. После обеда, под предлогом писания писем, «не ходили в класс». Я же действительно написал и отправил к икoному два письма в Иерусалим и в Москву. Завтра отправляются калогиры в Каир. Вечером чай и переписка жития.

Понедельник, 24 (августа)

Еще вчера вечером находил всякий род сидения неудобным. Сегодня встал утром с дисурией. Это навеяло на меня тоску. Впрочем, пил чай и занимался обычным делом по-прежнему. На обед взял с собою сгнившие клочья старого уставного письма и разбирал их. Обедал с насилием себе. Впрочем, часа два проработал в Панагии. Возвратился домой еще засветло, не имея духа заниматься более. С полчаса лежал у окна и почувствовал позыв... вышел на галерею, но тут меня скрючило. Возвратился в келью, уже схватившись за бока и чуть не вопя. Повторилась памятная история. Метался по сей комнате с стоном и воем, ища спасения от обышедшей беды. Весь желудок и правый бок болели страшно. Якуб (благослови и спаси его Господь!) принялся тереть больное место спиртом, мазать маслом от лампады с Великомученицы, ставить пиявки, жечь кирпичем. Ничего не помогало[153]. Так провел в ужасных страданиях напролет всю ночь.

Вторник, 25 (августа)

Около полночи принял три Моррисоновых пилюли. Последствия никакого не оказали. С полночи истомленный Якуб сдал меня на руки Ф. Сп.[154]. На рассвете

---

[150] Батурина — родное село архимандрита Антонина (Пермская область).

[151] Евстратий — синайский монах.

[152] Имеются в виду события франко-прусской войны 1870 г.

[153] Архимандрит Антонин страдал каменной болезнью.

[154] Сарруф Федор Спиридонович. См. выше.

боль ушла из желудка в бок и можно было говорить. Принял касторова масла и с солнышком немного ободрился духом. Симптомы, правда, похожи, но не те же. Слава Богу. Визиты дикея, скефолака и иконома. Вчера потеряли совсем голову. С действием чистительного стал поправляться и спал целый день. Вечером кой-чего поел, и уже мог диктовать своему борзописцу житие.

Среда, 26 авг(уста)

Встал с постели, хотя и слаб, но без всякой боли. Дисурийное ощущение впрочем продолжается. На общем совете порешили, не теряя даром времени, продолжить наше занятие. Ко мне в комнату притащили целый ворох старья и мы с Николаем принялись за старое дело, как бы и ничего не случилось. Благодарение Господу, еще раз помиловавшему меня! Обедал в обрез. Вообще стал бояться своего любезного врага, т. е. брюха, как огня. Занятие шло и после обеда и даже весьма успешно. Переписали около 50 книг. К вечеру приехал из Раифы о. Поликарп[155], закупавший хлеб в Верхнем Египте. Хлеб стоил 500 наполеондоров. А где их взять? — говорят невеселые отцы.

Четверток, 27 авг(уста)

Во сне спасал Александра I-го от каких-то заговорщиков. Доктор Якуб не позволяет пить с чаем молоко. Что с ним будешь делать? Утром переписывали Литургийные свертки в числе 23-х. После обеда разные филлады. По временам поднимается такой ветер, что грозит совсем снести дом наш. В воскресенье на небе были облака. Вообще, видно, приближается осень.

Пятница, 28 ч(исла)

Думал начать сегодня работу с Типиков, а из библиотеки принесли еще целую кучу литургий. Просидели за ними до обеда. К вечерне я не пошел, боясь вспотеть в малой церкви Предтечевой и простудиться. К 9 часам вечера все-таки переписали 8 номеров Типика, т. е. Устава. После чаю продолжали переписывать житие, что длилось за полночь. Как уже хочется возвратиться в свой дорогой Иерусалим! Все воображаю, что сижу в Лавре Святого Саввы и через три часа пути буду у себя в доме. Эх, когда бы так! ..

Суббота, 29 авг(уста)

Слышал все звоны, при каждом собирался встать, и все спал да спал. Впрочем, у обедни был. Правилась она у Неопалимой Купины ради субботы. Получил приглашение служить завтра. После чаю, с Николой кончили типики и отправились в библиотеку за панигириками. Завалили ими целый угол моей комнаты, но до них не добрались в течение дня. Нашлось для работы еще штук с 20 мелочи. Всех рукописей в библиотеке и в Панагии остается около 260. Ходил к вечерне, после которой, ради Царского дня, была Лития с хлеболомлением. Кончили к потемкам аколуфии и больше уже не занимались до сей самой минуты. Что-то пощипывает изредка в спине. Оно... оно все это выкидывает штуки, злокозненное брюхо!

Воскресение, 30 авг(уста)

Во сне какая-то желтенькая птичка носилась предо мною. Два раза я ловил ее и прижимал к груди своей. Знамение вестей. В 3-м часу началась утреня. По окончании ея, мы впятером служили Бож. Литургию, а после нея и молебен. Домой шли с пением, при звоне колоколов. У меня происходило угощение братства. Хотелось соснуть потом, но не удалось. В 9 $^1/_2$ отправились парадно в трапезу. Обед состоял из

[155] О. Поликарп — синайский монах.

двух блюд с абрикосами и арбузом. Отец дикей произнес рацею перед вкушением вина. Раздались звуки колоколов и пушечные выстрелы... славно. После стола певцы пропели еще самохвалебный гимн Архиепископу и наичестнейшим из братий. У скевофилака пили потом кофе. Иконом принес пачку писем и газет, доставленных приезжими французами. С жадностию кинулся люд наш на новости. Последние известия от 22 Августа. Французы ни разу не одержали победы. Истребление людей страшное. У победителей уже выбыло из строя 200000 человек! Базен совсем отрезан от Парижа. Немцы уже в 20 милях от столицы. Парижане уже сожгли Булонский лес. О Наполеоне ни слуху, ни духу. Маленький Наполеон отправлен в Англию, а Плон-Плон[156] удрал в Италию. Царь будто бы вмешался, но Прус[157] сказал: в Париже покончим с Банипарте. Чуть мы водворились в келиях своих, прибыл Граф или Барон, Господь его знает. С ним получены новые вести. Наполеон в плену. Мак-Магон убит[158]. Остатки корпуса его бежали в Бельгию. Во Франции провозглашена еще раз Республика... После всего этого оставалось лишь лечь спать. В 4 часа мы сделали экскурсию на «Моисееву гору» и видели оттуда верхушку Синая. Не поразила меня. Не вышла столбом, как я ее воображал. Дома нашли, что гости убрались спать под палатки. Экие догадливые! Старцы приходили на совещание по делу с своим прежним Игуменом. Чай. Выписка и переписка. Кончили Житие Св. Николая.

Понедельник, 31 авг(уста)

Встал уже после солнышка. Наполеон не приснился. Перед чаем принял пилюлю. Переписывал нечто из жизни Св. Григория Агригентского. Простился с отцом дикеем, пожелав ему счастливого пути в «мир» и отчасти позавидовав ему. С Николой начали переписывать Жития Святых. За обедом письмо от о. Филарета из Александрии. Утомившись, спал до самой вечерни. Занятие обычное до 9-ти часов ночи. Более пока ничего. Конец бедовому А в г у с т у и Богу слава!

Вторник, 1 сент(ября)

Никакой звон и стук не в состоянии был разбудить меня и завлечь в церковь, ради старого новолетия. Ходил с полчаса по террасе, воображая, что занимаюсь молитвою. После чаю следовало на целый день обычное занятие. Начали сегодня переписывать святых отцов. Набралось 7 Дионисиев, 7 Ефремов, 4 Василия, но все это совершенное ничто с морем Григориев и океаном Златоустов. Австрийцы не пришли сегодня и, верно, не придут совсем. Стал болеть зуб.

Среда, 2 сент(ября)

То же самое и прибавить нечего. Желание возвратиться восвояси возрастает исполинскими шагами. Работа беспрерывная. Притащили сегодня в комнату всех о т ц о в. Златоуст образовал целую гору. Благополучно миновали Ефрема и завтра подступаем к Богослову. В обители тоже целый день возятся с принятием, ссыпкою и мытьем пшеницы.

Четверток, 3 (сентября)

То же хождение на угловой террасе. Чай с молоком. Пересмотр Богословов. Есть фолиант с бесподобными рисунками и есть миниатюрец с микроскопическим

---

[156] «Плон-Плон» — Наполеон Жозеф Шарль Поль, французский принц.

[157] Прус — прусский король Вильгельм I (1797—1888), с 18 января 1871 г. германский император.

[158] Слух не оправдался. Маршал П. Мак-Магон (1808—1893), командовавший французскими войсками под Седаном, был позже президентом Французской Республики (1873—1878 гг.).

письмом и всеми 51 словом св. отца. В промежуток делал надписи на книгах. Приходил один из «англичан» с визитом. Сегодня отправляются в Палестину сухопутьем. Счастливцы. Искал праздничной вечерни, но она ушла из Собора на юго-восточный угол. Якуб отыскал еще одно мембранное житие Св. Георгия арабское, год упоминается с Задианосом и Диоклитиан. Любопытные вещи!

Пяток, 4 сент(ября)

К обедне все-таки сходил в церковь св. пророка Моисея. Писание билетов. Чай. Борьба с громадными хрисостомами, продолжающаяся до сих пор. Впрочем, остались уже одни эклоги из него или наши «маргариты» покойной памяти. Федор Спиридонович нашел рукопись бумажную с 6417 (909) годом! Вероятности ни на волос, а факт перед глазами. В одном Златоусте видели сегодня прекрасные изображения Константина Мономаха и двух Август: Феодоры — молодой и Зои — пожилой.

Суббота, 5 сент(ября)

Весь день работа. Святые аскеты труднее отцов и возни с ними немало[159]. Отдышное время употребляю на строчение надписей. До того втянулся в дело, что забыл дни. Слушая сегодня красный звон, не мог объяснить себе, что за праздник завтра.

Воскресенье, 6 сент(ября)

Заутреню, конечно, проспал. После обедни, не теряя т. ск. ни секунды, принялся за работу. Есть такие подвижники, что от них не добьешься ни одного слова и, 10 раз перелистнувши книгу, остаешься все-таки в неведении, чье и какое оно произведение. Нового ничего. Едим ежедневно сладкие дыни... и раифскую рыбу.

Понедельник, 7 (сентября)

Каллиопа спрашивает, отыскал ли я ея мать, а я лгу безбожно, что искал, да не нашел. Жалуется на Софию[160], что та пристает к ней за деньгами и прочая чушь снится. Книги и книги без числа и меры. Признаться, уже очень стало хотеться возвратиться в Иерусалим. За вечерней мозаики.

Вторник, 8 ч(исла)

Просидевши за полночь, не соберешься с силами встать и пойти к заутрене. Обедню служили в одном из приделов правой стороны собора. Думал, что покончил с аскетами. Не тут-то было. Их еще оказалось столько наверху в библиотеке, что стало на целый день работы. Ничего более не придумаю записать. Все обстоит благополучно.

Среда, 9 сент(ября)

Занимались целый день кириакодромами и иными сборниками слов и бесед. В области этой царствуют Патриарх Филофей и Максим Пелопонесский. Болезнь Ф. Сп. смущает меня. Надобно поскорее выбраться отсюда туда, где есть доктор. Чуть ли не решусь в следующий понедельник выехать, наскоро покончив свою, несколько уже опостылевшую работу. И пора, давно пора.

---

[159] «Аскеты труднее отцов»: традиционное противопоставление «отцов подвижников» (авторов аскетических сочинений) и «отцов богословов» (авторов сочинений богословско-догматических). «Труднее»: в смысле атрибуции рукописей.

[160] София — София Константиновна Апостолиди, воспитанница и духовная дочь архимандрита Антонина в Иерусалиме. Каллиопа — ее мать.

Четверток, 10 с(ентября)

Утром положили готовить подводу к понедельнику, чтобы выехать рано во вторник. До обеда все возились с разными апоминариями аскетными и кириакодромными. К вечеру разобрал кипу законоправильников и ночью успели с Николой описать 5 из них самых старых мембранных. Сегодня же прошли и исторический отдел, весьма, впрочем, скудный. Есть Кедрин, Никифор, Манасеи, Глика и один безымянный. За полночь сидели над мнимым Фотием, обратившимся в давно искомаго Зонару.

Пятница, 11 сент(ября)

Ночью и утром стало уже довольно прохладно. Первым делом было разделаться с Евсевием. Потом принялись за <в ркп. пропуск> и покончили их к обеду чуть не все. Вечером переписывали <в ркп. пропуск>. Спать намерен лечь пораньше, труда ради грядущего. Ничего не бывало. Досидел до полночи.

Суббота, 12 сент(ября)

Встали на свету, и отправились с посошками на Синай. Шли ровно два часа. Передышка происходила раз 30. Водворившись наверху, устроили темную лабораторию и принялись снимать виды. В ожидании солнышка, сидел в малой пещерке и снимал старую греческую надпись некоего Космы, м. б. Индоплавателя. Опять фотографированье, длившееся до двух часов. В 2 с 1/4 — простились с Богошественною горою. По дороге искали камней с деревьями, видели простые скалы Аббас-паши[161]. Обозрели церковь св. пророка Илии. Закусили у кипариса. Домой пришли уже в 5 почти часов. Курьер из Суэца. Привез о. Григорию[162] разрешение ехать. Рассматривание славянских книг. Потом до полночи переписка нотных стихирарей.

Воскресение, 13 сент(ября)

Утреню, конечно, проспал. После обедни, в Панагии, клали надписи на книги. Обед. Вечерня. Та же работа часов до 10. Нет, не уехать нам ни завтра, ни послезавтра.

Понедельник, 14 (сентября)

Ради нас, немощных, утреню начали часа в три. Почти во все продолжение ея читал молитвы. Облачился на Хвалитных, но отказался от церемонии выноса и воздвижения Креста. По окончании службы спустились к Неопалимой Купине. По входе происходил постриг. Из Николая вышел брат Никандр. Шли с свечами к геронде новопостриженника, и угощались там чаем и пр. Через полчаса опять мы были уже в Панагии и строчили надписи, расставляя между делами книги по рангу. Доработали там незаметно до 3-х часов. Вечером опять собрались и сидели до 9 часов. Устали крепко. Через час дремоты я решился не мучиться, оставить пьмо и — <в рукописи пропуск>.

Вторник, 15 (сентября)

День предполагавшегося выезда. Принял пилюлю. До 4-х часов разбирали книги. Что за хаос! Нет, нумера нам будут стоить дорого. Простудил левую щеку и стали болеть зубы. Никандр наш так покрикивает на свою братию, что уже теперь высматривает будущим Синайским Деспотом... А верблюды наши со вчерашнего дня ждут нас. Эх!

---

[161] Аббас-паша — вице-король Египта в 1848—1854 гг.

[162] Иеромонах Григорий, скевофилакс Синайского монастыря.

Среда, 16 ч(исла)

Вчера к полночи перенумеровали 300 книг. Сегодня надеемся дойти до... Посмотрим. Холодное утро. Чай. Нумеровка. Даже до 250 не дошли. Зубы и вся щека болят. С 6 часов опять сидение за полночь. Бердевсья мегали. Кончили на 860 нумере. Завтра кто говорит выедем, кто — нет. Нетерпению меры нет.

Четверток, 17 (сентября)

Боль с челюсти перешла в горло. Глотать трудно. Чаем да движением она скоро уменьшилась. Засели за свои номера и к двум часам дошли до 1015. Боль спустилась в брюхо. Обедал со страхом. За вечерней списывал надписи. Потом обошли на прощанье 5-6 параклисов и посетили кладбище. Усыпальница в состоянии поразить кого угодно. Целая гора мощей с неразложившимися руками, ногами и даже целыми остовами представилась глазам нашим. Один, бывший вратарь, сидит с скрещенными руками и поджатыми ногами, в положении, как скончался. Кости Преп. Максима точат влагу. Господи! Что за зрелище! Кости Констанция черные. А какого-то иерея голова, черная, с бородою, ужасна. Впечатление глубочайшее оставило во мне это посещение. Ходили по саду. Зашли к скевофилаку и иконому, и потом до 11 часов, в последний раз сидели в Панагии и кончили перенумеровку. Слава Богу! Устал крепко и, выпив стакан чаю, поспешил на место ночлега.

Пятница, 18 (сентября)

Боль как бы совсем прошла. Переписывали и перенумеровывали певческие книги. Отцы пришли с прощальным словом. Половина 12-го. Послал Никандра с старыми листами к скефолаку. Идем обедать. Все уже готово к отъезду. Прости, гора Святая, Богошественная, и обитель славная! Дай Бог всем нам всего благопотребного. Аминь. После обеда о. Григорий принес листы, но вытянул из числа их тот, что был с крупным письмом. Ходили в Панагию и библиотеку отыскивать отобранные книги, нашли их и взяли с собой[163]. В ожидании отправки перелистывали Порфириев атлас. Позвали в церковь. В алтаре служили молебен Св. Великомученице и приложились еще раз к ея главе и руке. У Купины я помолился прежде. Положил свои 25 лепт на блюдо и одну на престол и простился с церковию. За оградою долго ожидали скевофилака. Уже и солнце скрылось за Хоривом. Наконец появился и «сфилакс». Шли до камня пешком в сопровождении всего братства. В тени онаго выпили по чарке мастики, закусили фиником и дружественно простились с отцами, пожелав им процветания обители и монашеского правила. Пошло затем качание на верблюде. Минули Хорив, поднялись на высь ущелья и поклонились исчезавшей обители. Ехали ущельем часа два, а потом уже, в сумерках, с полчаса шли пешком. Спустившись на равнину, сели опять на верблюдов и, мало-немного проехав при свете луны, расположились ночевать. Явился немедленно самовар и прочее утешение.

6. Переговоры о приобретении участка в Горней (1870 г.)

Суббота, 18 июля

Спали ничего себе. Встав, обозревал с Мусой[164] прикупленную землю и возводимую на ней стену. Со временем будет великолепная штучка. Жаль, что школа не занимает наивысшего пункта земли нашей. Праздничные совещания с госпожой. Подобно Патриарху, она начала уже прямо и просто просить денег. Принужден был ей заметить, что Школа наша не богадельня. Одного хлеба, говорит, выходит в

[163] Имеются в виду Киевские глаголические листки (католический миссал) — древнейший из сохранившихся памятников старославянской письменности, подаренный о. Антонином в 1872 году Киевской Духовной Академии.

[164] Муса Бетжальский — подрядчик.

Рис. 1. Первоначальный вид Горней, с только что построенной церковью Казанской Божией Матери. 1883 г.

месяц 60 батманов (мукою). После чаю, отправились далее. Почти целый час объезжали хребет Рас-Она, пока спустились к Филиппову Источнику. Напились тут воды и пропели тропарь Апостолу. Затем не менее часа употребили на подъем и спуск через хребет Камр к селению Жора и, наконец, к давно желанной пещере Крестителя. Тут остановились, помолились и закусили чем Бог послал. Сходили к гробу Праведной Елисаветы, покушали тамошнего винограда и простились с местом. С час времени ехали потом до Magnificat, нашли двери его запертыми, посмотрели на развалины из сада Ханны-Карла[165], воззрели на будущее Московии, и пешие прошли к Францисканскому монастырю. Был полдень и добрые отцы спали. На стук наш отвечали предложением подождать с час времени, пока кто-то там проснется. Вероятно, наши не дали маху и пугнули отцов именем Московского Мутрана. Нам отворили врата Церкви, и мы невозбранно поклонились Святым. Опять подъем на гору Али и длинный переезд по уади Махриорг. Спасибо, ветерок парализовал силу палящего солнца. Крестный Монастырь, окруженный масличною рощею. Последняя высота. Чей-то звон к вечерне. Иерусалим. Московие и перед ним неуместный цирк полотняный с Италианским флагом. Водворение у себя. Сладкое farniente. Всенощная. Обед, который признан был излишним и, несмотря на то, пошел в дело. Беседы. Дремота неумолимая, молитва неуловимая.

Среда, 28 окт(ября)

Скука — каждое утро писать одно и то же. С началом сей страницы изберу другую систему в таком, например, роде. Обедни не было, несмотря на среду. На Элеоне место вышеупомянутое куплено (120 наполеондоров), несмотря на безденежье. 600

---

[165] Джелляд, Ханна Карло — бывший драгоман французского консульства в Иерусалиме.

полуимпериалов отданы Его Червонству г. Валеро[166], несмотря на страх потерять оные и т. д. В свое время чай, в свое — обед. К последнему подошел бывший Благочинный Миссии. Приглашал его ехать завтра вместе в Горнюю, но получил отказ.

Вечером писание статьи и искание плана домов Ханны Карло, имеющих поступить в русское владение.

Четверток, 29 ч(исло)

Было обещано, что встанем до свету, напьемся чаю до солнышка и выедем до Е., а вышло, что выехали в 8 часов почти. Взяли путь на Колонию, а от нея повернули прямо к Горней. Дорога эта во всех отношениях лучше т. наз. прямой. Только при подъеме в Айн-Карим представляется трудность. Поклонились месту Magnificat и отрекомендовались г-же Карло. Осмотрели сперва большой дом, потом перешли в меньший, угощены были там кофем, проведены по границе владений оного, закусили на террасе ровно в полдень и потом предприняли обход всех владений почтенного драгомана Французского консульства. Всего купить не придется, а что именно выбрать, не вдруг решишь. Западная половина во всех отношениях лучше, но на нее одну, как она теперь есть, не хватит 18 т. бумажных рублей. А сколько придется делать перемен! Откуда взять деньги? Часа в 2 простились с хозяйкой и отправились через горы в свою Бетжалу, куда прибыли часа через полтора. Зрелище упавшей стены нашей школы поразило меня в сердце. Очевидно, что ее свалили дожди и ветер, а плут Муса сваленную сваливает на злонамеренность жителей Бетжалы и втянул нас в историю — негодяй! От неприятностей я не остался и ночевать, а поспешил домой. Пишу письмо в Питер.

Пяток, 30 окт(ября)

Обедня. Продолжение корреспонденции. Якуб с Ханной Карлом. Тщедушный и чуть не безголосый старичок, по всему видно, не очень податлив в делах денежных. Он рекомендует нам купить оба дома, а на мое заверение, что мы свыше 18000 рублей не имеем в своем распоряжении ничего, не обратил никакого внимания. Видал виды человечек. Впрочем, обещался объявить цену как той, так и другой половины своих владений отдельно каждой. Продолжение письма. Обед. Всенощная.

Суббота, 31 окт(ября)

Обедня. Записка от Х. Карло, в коей объявляется цена западной половины 5000, а восточной 3000 наполеондоров. К записке приложена тайная писулька, советующая Якубу убедить меня взять все вместе и обещающая не забыть его. Старый плутище! О. Гедеон за жалованьем. Бак в 200 наполеонов. Визит к консулу и известие о начавшейся бомбардировке Парижа, полученное здесь еще третьего дня.

НОЯБРЬ

Народов давка,
И крови ток,
И папе срок,
И мне отставка!

Воскресенье, 1 н(оября)

В самом деле, чтоб не случилось отставки. Видел сегодня во сне, что брожу где-то по квартире. Служил Бож. Литургию. Дамаскин[167] не отстает. Поют умилительно. Народу набирается уже довольно. За чаем дети. Г-жи Муханова[168] и Анна Яковлев-

---

[166] Валеро — банкир в Иерусалиме, через которого осуществлялись финансовые операции Русской Духовной Миссии и Императорского Православного Палестинского Общества.

[167] О. Дамаскин — «Тивериадец», иеродиакон.

[168] Муханова Надежда Афанасьевна — г-жа, поклонница, 1870 г.

на[169]. Строчение писем. Бетжальский даскал. Ростовский поклонник, вроде покойного Федора Петровича[170], с газетами из Одессы. Екатеринославская поклонница с письмом и рублями от Петра Мулева[171], бывшего моего товарища по семинарии. Кончина кровельного мастера, упавшего с месяц назад тому с купола нашей церкви. Обед. То же писание вплоть до 10 часов вечера. Два письма от бедной Стеллы Ангелопуло[172]. Разбор пачки с газетами.

Понедельник, 2 н(оября)

Проснулся поздно. Управившись с первыми делами, шил газету, толковал с драгоманом своим о делах арабских. Купил у Диаманти[173] золотого императора Анастасия (30 ф.), срисовывал план домов в Горней. Возвратившийся из города Якуб нашел продавца несколько сговорчивее, и объявил ему нашу цену за западную часть 2500, и за восточную 1500 наполеондоров, на что никоим образом кощей бессмертный не соглашается. Вифлеемцы распилили большой брус для навеса над церковным колодцем, а мастер Василий кладет под столбы новые большие камни. После обеда ездил на Элеон и принял (мысленно) во владение прикупленную землю. Хороший кусочек. Две старые цистерны. Множество старых больших камней и бездна мозаических камешков. Предлагают и еще прихватить кусок тоже с востока за 20 золотых. Возвратился домой в сумерки. Хотел пописать статьи своей, да дремота одолела.

Вторник, 3 н(оября)

Несмотря на столько храмовых праздников в городе, не пошел никуда на обедню, ни дома таковой не было. Занимался пустяковейшими делами, поручил драгоману навесть справки об арабской духовной современной литературе. Принял от Бака 200 наполеонов, а других 200 принес «хрещеный жид». По поводу сего долго предавался счетному делу. Обед. Вечерня. Вечерованье и скудное статьи писанье.

Среда, 4 ноября

Якуб видел во сне какие-то бумаги, подписи, печати и прочие привычные ему явления и заключил из сего, что дело «Горнее» пойдет хорошо. Обедня. Известие о желании Ханны Карла видеть меня. Прибытие почтенного желателя и ведение тонких бесед, кончившееся тем, что он согласился отдать оба дома со всею землею при них за 4000 наполеондоров при условии, sine qua non, чтобы ему выхлопотан был русский орден и именно Св. Анны. Ударили по рукам и на том распрощались. Признаться, было очень весело. Забравши план будущих владений своих в Горней, я отправился к Консулу, рассказал ему всю историю и через него послал телеграмму П. П. Мельникову[174], гласившую: Quatre mille napoleons et decoration, comme condition? Quelle est votre opinion? Обед. Чтение. Вытаскивание телескопа. Наблюдение Сатурна, Юпитера, Орионова пятна и Урана, длившееся за полночь.

---

[169] Анна Яковлевна, назареянка, в Иерусалиме.

[170] Черепанов Федор Петрович — земляк о. Антонина.

[171] Мулев Петр Авксентьевич — екатеринославский священник.

[172] Ангелопуло,Стелла — вдова коммерсанта из Смирны.

[173] Диаманти — продавец антиков в Иерусалиме.

[174] Мельников Павел Павлович — член Гос. Совета, бывший министр путей сообщения.

Пятница, 6 н(оября)

Положено было выехать на свету, а выехали в половине 8-го. Напросился и Осман[175] вместе с нами. Караван составился из 4 ослов и одной лошади. Ехали весело. Не было жарко, да и холодно не было. У прудов закусили. Комендант крепости угостил нас кофеем. Высматривал пригодного места для промежуточной станции Дубных поклонников наших, но такового не оказалось. У ключика вторично останавливались на полчаса. Прибыли к Дубу часа в три. Устроение палатки, оказавшейся весьма приглядною и нарядною. Обозрение места. Самовар. Укрывательство от ветра. Le Nord. Позевота. Ужин. Дремота, ничуть не уступающая иерусалимской. Кое-какая молитва.

Суббота, 7 ноября

Св. Мученик Антонин не был здесь, но мучитель его, в бытность свою в Палестине (362 г.), вероятно, приезжал в Хеврон, симпатизируя жидам. Его, оплеванные Мучеником, глаза может быть устремлены были и к маститому дереву, у которого вот уже в другой раз я справляю свои безвестные именины. Спалось хорошо, но виделось во сне какое-то непотребство, неприличное празднику. Встал с солнышком и даже, пожалуй, раньше его. Ходил по всем границам наших владений, читая мысленно воображаемую молитву. Прибытие мастеров. Чай. Закладка сторожевого дома. Под краеугольный камень я положил 10, 15 и 20 коп. серебром на память будущим родам. Гулянье на вершину Сибты. Сидение у места работы. Чтение. Дремство и сон. Ибрагим-Эффенди. Ветер и пр.

Воскресение, 8 ноября

Во сне был в дому отчем и умилился до слез видом столько памятной «избы» и тужил о нем, как все там жило и живилось в былые дни. Есть родственные отношения между ним и Авраамом, между Батуриной и Дубом. Это несомненно. Даже и не спится под Дубом, точно, бывало, дома, по приезде на вакацию. Ходил по всем углам Мамврийским, пил чай, смотрел на работу каменщиков, поджидал Меджлис Хевронский, получил неудачные снимки надписей, находящихся внутри Авраамовой мечети. Около полудня отправились в Дер-Баха, или к источнику большого монастыря, поднялись от него на гору Хирбет-Хакура, отдохнули и закусили в тени одного большого харупье (рожкового дерева), откуда смотрели в трубу на Средиземное море с двумя пробегавшими кораблями, прошли по всему хребту горному до «Пещеры Пророка» и возвратились восвояси к 4-м часам. Меджлис, с самим почтительным Кади, сидел в палатке и ожидал от нас барана. Мы же приготовить его не догадались. Так и вышло ни то, ни се. По отбытии гостей, обед — он же и ужин. Гулянье около хаты, чтение под шум неумолкающий широколиственного исполина-ветерана растительного царства и сладкое дремание.

Понедельник, 9 н(оября)

Огромная и великолепная церковь с высоким куполом, едва различаемым сквозь какой-то решетчатый временный потолок, пленила меня в сновидении. Встал до солнца. Те же занятия и в том же порядке. Абдалла[176], возратившись из Хеврона, сказал, что ослов не нашли там, ибо их с раннего утра угоняют на работы. Решились, скрепивши сердце, еще провести здесь ночь, зато уже завтра прямо поедем в Иерусалим, не заезжая в Бетжала. Разные посетители, в числе их и некто Дервиш-Эффенди, шейх нашего околотка и тесть Муфтия. Пекущее солнце и

[175] Осман — кавас Миссии.

[176] Абдалла, Абалла — Хевронский шейх.

холодный ветер. Сидение у Св. Сарры с газетой. Уборка преждевременная палатки. Помыслы прикупные, искание места для большого дома. Охаяние работ. В сем и день прошел.

Среда, 11 ноября

Ханна Карло призвал Якуба и сказал, что он стоит на своем слове, хотя его и бранит за продажу большого дома жена. Он, впрочем, не прочь продать нам (за 1500 нап.) и один меньший дом, а Якуб требует, чтобы куплены были оба. Ненасытный господин. В городе только и речей, что о войне Москвы с Падишахом. На стороне последнего будут Англия и Италия, Австрия же не мешается ни во что, равномерно и грозная Эллада.

Пятница, 13 н(оября)

Novum nil. Гарем паши сегодня был в нашей церкви, начав таким образом свой пост наилучшим из дел человеческих — молитвою в Храме Бога Истинного.

Суббота, 14 ноября

Досветный иеродиакон. Обедня. Чай. Василий с просьбою об отыскании для него русско-греческой грамматики. Поиски по сему случаю в библиотеке. Обретение глаголической азбуки и усилие разобрать письмо принадлежащих мне 7-ми пергаменных глаголических листков. Посетители разные, в числе их и русский князь поклонник Шиканский или Шиковский, как-то эдак. Приготовление писем. Обед с заговенным quasi — пуддингом. Всенощная и во время ея телеграмма из С. Петербурга, гласившая тако: Conditions achats admissibles. Intercederai pour decoration, affaire Benjamin aussi. Vous avez pension mille roubles. Felicite. Melnicoff. 11/23 Novembre[177]. 5 часов и 20 минут вечера. После такой вести, поистине, молитва на ум не шла. Итак, вот тебе и пенсия, Антонин! Допросился!

Среда, 18 ноября

Никола возвратился из Бетжалы, окончив там все работы свои. В Яффе дом окончен совсем постройкою. Остается штукатурить его. Боковой сад с пещерами будет куплен всенепременно. Из Хеврона сведений не имеется. Над Горнею пока еще лежит мрак неизвестности. Военных новостей нет.

Пятница, 20 ноября

Еврей принес книги, в числе их и глаголический отрывок, над которым я и просидел опять немалое время. В 2 часа хоронили какого-то грека. Обед. Всенощная, кончившаяся уже ночью. Еще раз занятие глаголицей. Так и кажется, что это кириллица на готический лад.

Воскресенье, 22 ноября

Служил Божественную Литургию, угощал детей и выдал золотой на приближающийся праздник. Другой золотой пошел Абиссинцам, которым Армянский монастырь отказал в хлебе и супе. Посылают депутацию к Кане с жалобою на обиду. Но тщетная надежда бедняков на помощь. Касса-то эта, кажется, совсем пустая. Консул известил, что паша получил телеграммы две. В первой говорится, что Бисмарк предлагает конференцию для окончания русского дела на Востоке. Во второй время и место сей конференции глаголется неизвестным. После обеда ездили с Якубом на Элеон и производили измерения на нашем месте. Подъехали туда же

[177] Условия приемлемы. Буду хлопотать о награде — и о деле Вениамина тоже. Вы получаете пенсию в 1000 рублей. Поздравляю. Мельников. 11/23 ноября.

Консул с Консульшей. Заходили по дороге в «Pater-noster» герцогини Бульонской, наследницы первого царя Иерусалимского. В числе разноязычных переводов Молитвы Господней есть и «Moscovite», а не Russe... Экая рожа! Застрял по дороге на чай у Консула. Дома чертил план Элеонскаго Московие и пожелал видеть старые арабские рукописные книги, взятые из церкви Святого Апостола Иакова, над коими и сидел часов до двух ночи. Жребий сказал: нет...

Вторник, 24 ноября

После обедни заходил к князю и отсутствующей имениннице. С состоящим при оной ходил в собор[178] смотреть на тамошние работы. Еще недели две-три и настилка пола будет кончена. Останется постановка иконостаса и освящение. Дома еще чай.

Понедельник, 7 дек(абря)

Под вечер еще доставлен был пакет из Константинопольского посольства с книгами и двумя письмами. Эти письма заставляют меня призадуматься. Оба они утверждают, что вскорости мне придется ехать в Петербург, а оттуда опять в Царьград на апокрисиариатство. О, Господи! Удержи меня здесь без всякой передвижки. Сидел вечером у Консула, от коего получил и давно ждомый вексель в 17825 р. Или в 2293 фунта стерлингов, 2 шиллинга и 3 пенса. Ночью гроза с сильным громом и проливным дождем. Venit Valerga[179].

Вторник, 8 декабря

Переживаем самые короткие дни, да и те — еще урванные пачемерным сном. Воображаемая молитва. Чай. Коптская депутация за митрой. Совещания с драгоманом о деле Горней.

Среда, 9 декабря

От Дуба пишут, что камень для круга готов и ждут мастера. На Элеоне работа идет своим чередом.

Четверток, 10 дек(абря)

Молитва, чай, чтение. Ханна Карло. Разговор с ним на французском диалекте. Угораздило драгомана моего обещать ему прибавку за большой дом в 200 или 300 наполеондоров сверх 2500. Теперь нельзя поправить дела. Приготовление закопченного стекла. Обед. Доктор. Ожидание начатия затмения с половины второго часа. Гости и гостьи. Сидение на террасе. Извлечение из библиотеки телескопа. Ожидание-е. В 2 ч. 45 м. Жорж[180] открыл первое пятнышко на солнце. Вечерня (не для нас)... Дальше сего не пошло дело. С 5-ти часов небо западное покрылось облаками. Очевидно, что представление надобно было считать поконченным. Я убрал телескоп и хотел пойти к вечерне, как навстречу мне поднялась с лестницы еще целая орава гостей, предводимых Консулом. В числе их был и граф Кабога[181], дал-

---

178 Троицкий собор — главный храм Миссии — был построен еще в 1860—1864 гг. (по проекту архитектора М. И. Эппингера), но работы по внутреннему убранству затянулись, и храм был освящен лишь 28 октября 1872 г., в присутствии находившегося тогда в Иерусалиме великого князя Николая Николаевича Старшего.

179 Прибыл Валерга (латинский патриарх Иерусалимский).

180 Сердис Георгий Герасимович (Жорж) — аптекарь на Русских Постройках.

181 Кабога-Духинский, граф, австрийский консул в Иерусалиме. Пройдет 11 лет, и о. Антонин 22 декабря 1881 г., простившись с телом умершего накануне от дифтерита Кабоги, запишет вечером в дневнике: «Плачевное зрелище усопшего, положенного на полу и украшен-

матинец и заклятый фанатик Папизма и Австризма. Посидели у меня, походили на верху на террасе и ушли уже по захождении все еще ущербного солнца. Топление печки. Чтение. Ленивое писание.

Пятница, 11 дек(абря)

Вместо церкви ушел в город. Искал Вениамина[182]. Заходил в храм, где совершалась (на Голгофе) большая панихида по покойном Митрофане. Поздравил Патриарха с приездом и передал ему вексель. Старец был в восторге от денег, извинился передо мною за случай 4-го декабря, взвалив всю причину скандала на игумена Никольского, пригласил меня на архиерейское рукоположение послезавтра, и пр. Возвратившись домой, обрел Якуба, сообщившего, что в Табита начали уже копать ямы для посадки дерев, что прикупить место с пещерами не легко, что александрийская телега похожа на колесницу фараонову и пр. Чтение. Обед. Письмо в Питер к г. Кумани[183]. Вечерня, и пр. Пушки.

Понедельник, 14 д(екабря)

Все как и всегда, начиная от погоды до кашля, неизменно появляющегося каждое утро. В полночь сознание вреда от лежанки, не могу отстать от нее и тем, вероятно, усиливаю свой кашель. Байрам продолжается и сегодня. Пушки в определенные часы дают знать о том. Слух, что завтра будет посвящение «Иорданского»[184]. Ожидание посвящения. Чтение. Обед. Отправление с Якубом и Порфирием[185] на Элеон. Искание греческих надписей в гробницах Пророков. Обозрение своего места. Возвращение домой уже ночью при луне. Запоздалое приглашение патриаршее.

Пятница, 18 д(екабря)

Напившись чаю, после звона к обедне отправились с Якубом в Горняя через Колонию. Прибыв в Айн-Карим, остановились в большом доме г. Ханны Карла. После чашки чаю и тысячи любезностей, пошли с хозяином осматривать место. Показалось мне оно теперь не таким огромным, каким воображалось. Но все-таки, чтобы обнести его оградой, требуется много и премного золота. У меньшего меня ожидало нечаемое разочарование. Старый плут отрезал себе значительный кусок продаваемого там места и отгородил его новою стеною. Скверное дело, а впрочем, может быть и полезное нам. В 12 часов обед. Потом опять обзор границ. Никакого моря не видно с будущих границ наших, вопреки уверению настоящего владетеля оных. Запало в голову отказаться совсем от большого дома и за малый предложить 1000 наполеонов, благо есть предлог к тому. Расстались, впрочем, друзьями, хотя старик видимо был сконфужен открытием его проделки. Возвращались тоже через Колонию другим, длиннейшим путем. Встреча Паши, двух Жоржев и почтенного Бака[186], разносящего кредиторам условленные проценты по случаю окончания 1870 года.

ного декорациями (орденами. — *Сост.*) разными. Точной живой, только с закрытыми глазами, готовый вдруг разразиться тысячью острот. Бедный неугомонный деятель во имя идеи, давно отжившей... Нашего поля ягода! Прощай, прощай — недюжинное явление времени нашего. Грустно вообще».

[182] Вениамин — архимандрит Крестного монастыря, секретарь Иерусалимского Патриарха с 1870 г.

[183] Кумани Алексей Михайлович — русский дипломат; в 1880—1881 гг. — Ген. консул в Софии (Болгария); в 1896—1901 гг. — посланник в Пекине.

[184] Феоклит, игумен Гефсиманский, с 15 декабря 1870 г. — епископ Иорданский.

[185] Порфирий Александрович Белавин — певчий при Миссии.

[186] Бак — служащий местного коммерсанта Спиттлера.

Суббота, 19 декабря

Та же мгла. Та же сушь и те же мысли в голове — непременно отказаться от большого дома и выстроить вместо него приют на Элеоне.

Воскресенье, 20 дек(абря)

Немножко заморозило было утром, но надежда на дождь на сбылась. Служил. Угощал чаем и талерами гостей своих. Составлял с драгоманом проект отказного письма Ханна-Карлу, тараторил с Консулом.

Понедельник, 21 дек(абря)

Болит плечо, да и только. После первых дел, рассматривал доставленных вчера Ассемана[187] и Адрихомия[188]. Осман принес только одну пачку газет, и ничего более. Родственник Ханны Карла, пожаловавший к нам прямо (!) из Вифлеема. Недипломатический прыжок Якуба в беседе с ним. Ох, уж мне эти драгоманы! Просмотр и сшивание газет. Обед с рыбником. О. Виссарион с письмом Гашинским[189]. Тот же родственник с устным ответом на письмо, гласящим лаконически, что там стоят неизменно на прежнем решении. Еще бы не стоять! Вечерня. Проходка. Трение регалем. Чтение и писание, и не знаю, что еще более. Бьет 1 час пополуночи и музыка играет. Небо до отчаяния ясно. Плечо продолжает ныть.

Вторник, 22 декабря

Был у обедни. За чаем получил письмо от г. Марабути[190] с вестью, что прибудет в сей же день сюда о. Арх. Николай (Касаткин)[191], начальник Японской Миссии. Уготовление ему комнаты. Письмо от Ханны Карла с ответом на мое письмо. Весьма жалеет, что дело разладилось. Почта с указом синодальным об увольнении о. Анатолия[192] и письмом от г-жи Тимофеевой Константинопольской[193]. Ожидание гостей. Выход на ограду к систерне и собору. Встреча миссионеров. Их оказалось двое. Кроме начальника, еще священник о. Григорий из казанских студентов. Оба очень молодые люди. Добро пожаловать! Мих. Феоф.[194] с фотографиями от о. Иоиля и отношением Хоз. Управления, подслащенным денежным векселем, содержащим 1129 фнтов стрлингов 5 шллингов и 5 пенсв, т. е. жалованье Миссии на первое полугодие 1871 года. Вечерня. Обед. Сидение с гостями у Консула.

Воскресенье, 27 дек(абря)

Служение, угощение детей чаем и деньгами. Приготовление кое-каких бумаг к почте. Отправление Якуба с остальными бумагами к Ханна Карло. Чтение. Визит Его Блаженства[195] с Эпитропом, Секретарем и драгоманом. Хождение с ними в собор и осмотр иконостаса. В сем день и прошел.

---

[187] Ассемани Иоанн Симон — ориенталист, 1687—1768 гг.

[188] Андрихомий — писатель палестиновед.

[189] Гашинский Иван Степанович — агент РОПИТ в Пирее.

[190] Марабути Николай Степанович — русский вице-консул в Яффе.

[191] Николай (Касаткин; 1836—1912) — архимандрит, впоследствии архиепископ. Начальник Русской Духовной Миссии в Японии, основатель Японской Православной Церкви. В 1970 г. причислен Русской Церковью к лику святых.

[192] Анатолий — иеромонах, член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме до декабря 1870 г.

[193] Тимофеева Екатерина Дмитриевна — жена секретаря Русского посольства в Константинополе.

[194] Грановский Михаил Феофанович. См. выше.

[195] Его Блаженство — Патриарх Иерусалимский Кирилл II.

7. О цареубийстве 1 марта 1881 г.

Воскресение, 1 марта

Царица времен началась непогодой, вовсе не соответствующей царской службе. Службу мы начали в половине 6-го, и напрасно спешили с нею, оставивши даже царский молебен. Пришли в воскресенский храм еще во время пения Херувимской. С Патриархом служили 4 архиерея все in partibus. Из повстанцев даже в церковь никто не заглянул. Литания своим чередом. Обошли Гроб Господень четыре раза — не знать, зачем и почему. У Патриарха «освежение». Дома — обсушение, чай и все прочее. Обед с оладьями и патриаршей икрой и даже октаподом[196]. Вот вам и *великий* Пост! Большая вечерня. Чтение. Чай, разумеется, у консула[197]. Ничего благого и отрадного из Царя-града. И паша[198], и Patrimonio[199] доносят, что мы подкупом распространяем православие, интригуем, бунтуем... Еще пара шельмецов!

Понедельник, 2 марта

Наконец-то начинается, кажется, настоящее тепло. Не служим, конечно. KS[200]. Лекарство, молитва. Якубовы сборы с несчетными препятствиями. Анастасия Иерихонская[201]. Псковитянка с 2 рублями. Визит гостям и гостьям в Дворянский приют. Первых не оказалось налицо. Воображаемая чиновница тайной полиции действительно — не клади пальца в рот. Дома то да се. Переоблачение престола малой церкви. Якуб из города с векселем от Валеро[202] и разными закупками. Обед. Архимандрит Кирилл[203], будущий скевофилак, не одобряющий первого пункта Святогробской Конституции, повелевающего избирать членов Синода не Патриарху, а всему (о боги!) братству. Dr. Kumberg[204], на этот раз вошедший в свое русло. С ним осмотр обсерватории и библиотеки. Саввинский игумен. О. Парфений[205] получил свой «Красный Крест». Почты Ллойдовой нет. Нашей, значит, уже и ждать нечего. Расплата за три месяца в количестве 2421 пиастра, разные домашние, и всякие иные расходы, и (954+1678+918) 3550 пиастров по столу. Вот так objora! Дивлюсь, как Чернышев[206] не выставил это обстоятельство на позор всей России! На чаю консул с секретарем[207]. Небо ясное и светлое. Як(уб) завтра едет всенепременно.

---

196 Осьминог.

197 Илларионов Н. А. — русский консул в Иерусалиме.

198 Реуф-паша — турецкий губернатор в Иерусалиме.

199 Patrimonio — ироническое прозвище, данное о. Антонином французскому консулу в Иерусалиме.

200 Екатерина Константиновна и Софья Константиновна Апостолиди.

201 Анастасия — помощница смотрительницы русским паломническим приютам в Иерихоне.

202 Валеро — банкир.

203 Кирилл (Афанасиади) — архимандрит Святогробский.

204 Кумберг Фердинанд Фомич — доктор, поклонник.

205 О. Парфений — иеромонах. Член Русской Духовной Миссии, главный помощник архимандрита Антония. Убит 15 января 1909 г., похоронен у алтаря Спасо-Вознесенского собора Русского монастыря на Елеоне, «у ног отца Антонина», как он сам завещал.

206 Чернышев А. Ф. — паломник в Иерусалиме, издавший по возвращении в Россию (под псевдонимом Ю. Добрынин) клеветническую, направленную против о. Антонина книгу: Пейс-паша и его консорты. Мозаики, камеи и миниатюры из любопытных раскопов в трущобах Святой Земли. СПб., 1881.

207 Яковлев Александр Гаврилович — секретарь Русского консульства в Иерусалиме.

Вторник, 3 марта[208]

Снятся во множестве рассылаемые куда-то узкие и длинные пакеты или открытые письма. Я принял их за новую проделку нечестивой компании, но содержание их не касалось меня. Якуб уже собирается. Совсем по-весеннему на дворе. Моцион в Малую церковь[209]. Чай. Шум и гам, снабжение и провожание отъезжающих. 10 ч. Вифлеемцы новокрещенцы. Наверху тура два. Тут писание и вдруг...... о Господи! Мой Господи!

Приходит о. Вениамин и говорит: Слышали новость? — Нет! Какую? — Государя убили... — Что вы? Господь с вами! — Да! Мне в аптеке сказали, что получено известие. — Да не может быть. Сходите к консулу и узнайте. Чуть только вестоносец повернулся, чтоб идти, влетает Шихашири[210] с телеграммой в 8 строк от Новикова[211], гласящей, что в воскресенье, когда Царь возвращался с парада, в карету его брошена была бомба (орсиниевская, конечно). Государь остался невредим, и вышел из кареты, но тут к ногам его пала другая, разорвалась и раздробила Его Величеству ноги. Бесчувственного, Его перенесли во Дворец, а в 3? часа пополудни он уже скончался, не пришедши в чувство. Вот и вся потрясающая история! Одурела Русь наша, окончательно ошалела. Такого доброго, такого благонамеренного, такого славного Государя гнать и преследовать на смерть, и, наконец-таки убить... что такое? Где объяснение такому дьявольскому ожесточению? Никогда мы, русские, такими не были в своей истории. Шалопаи стали сила России, с которою отселе придется считаться всякому честному человеку. Господи, помилуй нас! Ходил соутешиться к консулу, в больницу, в Дворянский приют. Петербургжанка сваливает вину на кроткие меры Правительства (Лорис-Меликова) относительно политических преступников, закоренелых злодеев, возвращаемых нераскаянными в общество из ссылки. Ей, конечно, виднее дело. Дома тяжесть и уныние. Распоряжения кое-какие. Письмо с повторением утренних жалоб на беспутство яко бы Пчаровы[212]. Поклонница 84-летняя, желающая поселиться на Элеоне и оканчивающая просьбою об «одолжении». Другая из Сергиева Посада с одними обещаниями без вымогательств пока. О. Виссарион[213] с образчиками материи, жертвуемой Марьей Ивановной[214] больничной на завесу в Соборную церковь[215]. Малое утешение перед обедом. Оный Анастасия[216] с крепом. Марья Гавр.[217] с галуном. Вечерня — утреня с торжественно печальною картиною панихиды по Царе родном, благодетеле и мученике. Много слышалось воздыханий, всхлипываний и стенаний. Ведь половина молившихся выросли и состарились с заветным именем Александра Николаевича, расстаться с которым теперь им значило как бы расстаться с своим собственным прошедшим. И я переживаю уже третьего Царя! Самые лучезарные воспоминания мои относятся еще к царствованию Александра Благословенного. Вся свежесть жизни приурочивается к дням Николая Крепкого. С монотонным периодом отцветания связывается, но как-то несущественно, и больше как бы только

---

[208] В оригинале вся запись в дневнике от 3 марта заключена в траурную рамку.

[209] Домовая церковь Русской Духовной Миссии в Иерусалиме во имя святой мученицы царицы Александры, освященная в 1864 г.

[210] Шихашири Михаил Осипович — драгоман Русского консульства в Иерусалиме.

[211] Новиков Евгений Петрович — русский посол в Константинополе.

[212] Пчаро — Халеби Яков Егорович. См. выше.

[213] О. Виссарион — иеродиакон. Член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[214] Хроме Мария Ивановна (до присоединения к Православию — Каролина) — сестра милосердия в Русской больнице в Иерусалиме. О ее крещении см. ниже.

[215] Русский Свято-Троицкий собор в Иерусалиме, освященный в 1872 г.

[216] Анастасия — см. выше.

[217] Змирова Мария Гавриловна — ризничая Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

исторически, бесцветное имя Александра II Освободителя, Преобразователя и пр., но на мое чутье как будто не самодеятеля и даже не самодержца, а только как бы наместника Царя Николая... Скоро 9 часов. Печка. Чай. Грусть и тишина. А что-то там? Воображаю, какая суматоха всеобщая!

Среда, 4 марта

Перед моментом пробуждения видел себя в некоей убогой церкви. Направо выход на балкон, ветхий, с дырами в полу. Перед глазами широкая дебрь, с потоком немногой воды. Спрашиваю имя реки. Отвечают: Кермайя. Половина шестого. Звон к часам. В 8 ч. окончили службу. Писанье в Риху. Чада. Путешествие в город. У Патриарха сидение и воздыхание. 9 ч. Идем церемониально в храм Воскресения, переполненный народом. Облачение в алтаре. Выход среди церкви. Перемена места священнодействия. За страшною теснотою на площадке перед Гробом Господним, предпочли служить панихиду внутри собора. Патриарх с архиереями стал впереди Св. врат лицом на запад. Ряды священников тянулись к западу. У Патриаршего места стояли губернатор и консула. По-русски пели немного, всего три раза. Дело шло вообще хорошо. Народ с зажженными свечами виделся повсюду, на всех высотах. Точно это была Великая Суббота. По окончании службы, прохлаждение у Его Блаженства, где также были и консула все, за исключением французского лемперера[218]. Телеграмма от Никодима[219] из Москвы о воцарении Александра III. Возвращение восвояси, чай, почта немецкая с письмом из Женевы и «Церковным Вестником» без малейшей статьи отшибихинской[220]. Чтение и обед с своими ради великого события. Батурина. Абиссинцы с соболезнованием. Тоже и коптских два священника. Наверху на мал час. Чтение. Кумберг[221]. Показывание ему неба. Писание в Женеву. Чай. В полночь еще Кумберг. 2-й час уже давно. Глаза слипаются. От Якуба письмо. Работы пошли.

8. Паломничество в Святую Землю Великих князей Сергия и Павла Александровичей с Константином Константиновичем

Понедельник, 18 мая

С раннего утра начались сборы к путешествию[222]. Ожидание Николиной[223] коляски. Распоряжения разные по дому. Окончательное приготовление номеров 14-го и 16-го для ожидаемых гостей, а равно и моих апартаментов. Извозчики из города с уведомлением, что колясок нет и не будет, ибо паша в Яффе задержал все сущие под свиту Их Высочеств. Приискивание верховых лошадей. Отказ Порфирия[224] ехать с нами. Отправка Османа вперед верхом на нашей лошади. Прибытие снизу одной тележки. Условия — 50 фр. в руки сейчас же. В полдень подхватываю Виссариона[225] и ех

---

[218] L'empereur — император (фр.). Очевидно, насмешливое прозвище, данное о. Антонином французскому консулу. См. выше Patrimonio.

[219] Архимандрит Никодим — представитель Патриарха Иерофея в Москве, с 1881 г. архиепископ Фаворский.

[220] Отец Антонин ожидает публикации своей статьи, напечатанной под его новым, очередным псевдонимом «Отшибихин» (по деревне Отшибиха на родине о. Антонина): Святогробские заметки // Церковный Вестник. СПб., 1881. № 9.

[221] Кумберг Фердинанд Фомич. См. выше.

[222] Поездка в Яффу для встречи Высочайших гостей.

[223] Никола — Халеби Николай Егорович, брат драгомана Русской Духовной Миссии Я. Е. Халеби, почтальон.

[224] Белавин Порфирий Александрович — певчий.

[225] Иеродиакон Виссарион: см. выше.

promptu Симона[226], садимся и едем, укрываясь под полотняным тентом. Ветерок навстречу. Живо и весело. Колония[227]. Айн-Карем вдали с церковью и колокольнею, хорошо различаемою в трубу[228]. Абу Гош. Баб-эль-уади. Закуска под деревом и часовый отдых. Несемся далее со всяким благополучием. Встречные коляски, полные евреев, обличают ложные слухи о задержании их в Яффе. Рэмли. Пиво в гостинице «Frank». Гигантский подсолнечник. Мчимся далее. Закат солнца и сумерки. Достигаем Св. Тавифы[229] уже при огнях... Гликонеро. Чай и даже обед с ухою несказанною. Гулянье и молитва на террасе дома и у воды. 10 ч. Спать.

Вторник, 19 мая

Отличный сон. Умовение у вала наверху. Чай. Поездка в город, в Русский приют. Свидание с консулом. Там же г. Марабути[230], оба Сарруфа, Юсеф-эфенди[231] и пр. Визит Елизавете П(авловне). Закупка кое-чего в магазинах и возвращение на своем Пегасе в свой рай. Чтение газет. Осмотр всего сада. Обед. Ожидание гостей обещавшихся, и прибытие неожиданных, а именно Реуфа-паши[232] с Кригером[233] и Юсефом-эфенди, составлявшего компанию посланцу султана генералу Риза-паше[234]... Дивление такому визиту. Ясно, что нам делают от имени Великой Порты ревизию. Угощение посетителей чаем и плодами. Беседы об астрономии (NB) и о многом другом почти до сумерек. Затем еще чтение, хождение по террасе дома при мерцании лунной краюшки. Планирование комнат *второго* этажа. Чай и скорое затем переселение в тот мир.

Среда, 20 мая 1881

Раным-раннее вставанье. Высматривание на море дыма. Стакан чаю или вернее воды, и отъезд в город. В греческом монастыре *отдание Пасхи.* Владыка Сарафаний[235] сияет на кафедре и благословляет. У о. игумена Григория[236] сидение на балконе со многими оными и тщательное высматривание желанного дымочка. Первый усмотрел его я. Вместо Нордвеста, он показался на Александрийско-рейсовой линии. С полчаса прошло, пока стали различаться три мачты корабля в мою трубу, и еще добрый час прошел, пока он мог быть виден во всей ясности. Я поспешил к консулу, и встретил его уже выходящим из дома в полной форме. Прибрался и я, елико мог, и поспешил в приемные покои Патриархии. Корабль был уже совсем близко, и на большой мачте его различался штандарт, но клипера при нем не было. Не дожидаясь, пока он бросит якорь, мы отправились в трех больших лодках от берега в волнующееся море. В полверсте от него различили надпись на его корме:

---

[226] Сердис Семен (Симон) Герасимович — механик.

[227] Колония — евангельский Эммаус.

[228] Имеется в виду Русский Казанский храм с колокольней в Горнем (по-арабски Айн-Карем).

[229] Имеется в виду русский участок с гробницей св. Тавифы в Яффе, приобретенный архимандритом Антонином в 1869 году. Позже на этом участке им был построен храм во имя апостола Петра и праведной Тавифы (освящен 16 января 1894 года, за два месяца до смерти отца Антонина).

[230] Марабути Николай Степанович — русский вице-консул в Яффе.

[231] Юсеф-эфенди — каймакам в Яффе.

[232] Реуф-паша — губернатор Иерусалимский. См. выше.

[233] Кригер — драгоман губернатора Иерусалима.

[234] Риза-паша, состоявший при Великих князьях во время их паломничества.

[235] Имеется в виду Высокопреосвященный Епифаний, архиепископ Иорданский (с 1881 года).

[236] Настоятель греческого Георгиевского монастыря в Яффе.

«Герцог Эдинбургский». На кормовой палубе стояли две белые высокие фигуры, и серенькая низенькая с боку их... Ясно, кого они представляли собою. С большим трудом мы попали на трап, и очутились на крытой палубе. Немедленно консул, а за ним и я представились Их Императорским Высочествам Вел. Князьям Сергию Александровичу и Павлу Александровичу, оказавшимся, вопреки моему предположению, не юношами, а полными мужами, в полном расцвете сил и замечательной красоты[237]. Поцеловались со мною рука в руку, но не удостоили меня ни одним вопросом, занявшись беседою с консулом. Я помялся с ноги на ногу, и тихонько улизнул из каюты. После меня представлялись паши оба со свитою, а за ними и Епифаний, заучив со слов моих наизусть: «Цесть имею приветствовать Ваши Высоцества от имени Е. Бляженства, Патриарха Иерофея[238], с благополюцным приездом (sic!)». В долгом ожидании консула, погрузившегося в дела, не знали мы — бездельные — чем заняться и куда укрыться, и торчали без толку на палубе. Наконец в отчаянии сделали нападение на капитанскую каюту, и водворились в ней, познакомившись тут с полковником Михаилом Петровичем Степановым, alter-ego Их Высочеств, которого и просил представить нас со владыкой Иорданским третьему Вел. Князю. Такой же высокий, стройный, светлый и прекрасный, не замедлил явиться к нам и Его Высочество, В. К. Константин Константинович[239]. Экая троица ангеловидная! Тут же познакомились и с «батюшкой» фрегатским, которым оказался памятный паломник Иерусалимский и часовщик о. Агафангел[240]. По окончании всех переговоров, компания наша оставила корабль и возвратилась на берег. Златоносцы отправились в Русский приют, а мы, черноризцы, — в Русский сад. Впрочем, Виссарион с Симоном застряли в некоей локанде у знакомого грека, а мы с драгоманом подхватили свою кароцу, и укатили в Св. Тавифу, полные удовольствия и пота. Вел. Князья ступят на Святую Землю в час пополудни, и немедленно сядут в коляску. Ночуют у Латруна, и завтра между 9-ю и 10-ю часами будут в Иерусалиме. Отдых и обед. Сборы всякие. Ненужные презенты стариковы фруктами и пр. Возвращение локандцев с известием, что Их Высочества уже уехали. Бахшиши многие. Отъезд из рая сладости в 3 часа с лишечком. Не жарко и очень весело. Удобный бы момент для нашего Пифагора, да вместо него носится перед взором что-то в роде мандрагора... В Рэмли на прежнем месте стакан пива, и марш вперед. В потемках уже проехали мимо великокняжеского лагеря, и часам к 9-ти достигли Баб-эль-уади.

Четверток, 21 мая

Под памятною смоковницею постлали рогожку, и расположились на ней отдыхать на полтора часа, разумеется, не обошлось при сем без закуски. Попотчивали на беду свою и Herr'a Kutscher'a шнапсом, да потом едва могли стащить его с Ноева ложа. Медленно поднимались в горы, и только к свету достигли кое-каких своих построек. Сон до 8-ми часов. Ревизия всего дома и инструкции всем и каждому. В 9 часов отправляюсь в город, и встречаю Севастийского[241], уже приветствовавшего Их Высочеств в Колонии. В алтаре храма и потом в ризнице ожидание благостного звона. Патриарх в дремоте и в видимой заботе о своей речи высоким гостям. Наконец «едут» и «идут»! Принимаем Их Высочеств у дверей

[237] Великим князьям Сергию Александровичу (1857—1905) шел в описываемое время 24-й год, Павлу Александровичу (1860—1919) — двадцать первый.

[238] Блаженный Иерофей — Патриарх Иерусалимский (1875—1882).

[239] Великий князь Константин Константинович (1858—1915) впоследствии, с 1889 года — Президент Петербургской Академии наук, поэт, автор стихотворной драмы «Царь Иудейский», литературный псевдоним «К. Р. »

[240] Агафангел — иеромонах. Паломник в 1873—1874 гг.

[241] Никифор — архиепископ Севастийский.

Рис. 2. Свято-Троицкий собор в Иерусалиме. 1872 г.

храма. Патриаршее им приветствие, читанное по тетрадке. Поклонение Камню Помазания и Святому Гробу. Наш Русский молебен перед Кувуклием святым Константину и Елене по случаю тезоименитства одного из Князей. Обхождение под руку с Патриархом, при греческом пении, кругом собора, к месту Обретения Креста и на Голгофу. В первом наши певчие пели: «Кресту Твоему...», а на второй я прочел Евангелие о распятии по-славянски. Затем был визит Патриарху с 5-ю сортами угощения с его стороны. Спешное возвращение на свои постройки, и принятие дорогих гостей в соборной церкви с возглашением литии и многолетия. Дома всяческая суета по приему разных персонажей из свиты Вел. Князей и пр. В 3 часа поездка с ними на Элеонскую гору ради сегодняшнего праздника Вознесения Господня. Были при сем в Гефсимании, на месте Моления о Чаше, в садике, у Стопы Христовой[242], в нашей территории[243] и, при возврате, на месте пророчества Христова об участи Иерусалима. Возвратились домой уже на закате солнца. Перекусив кое-чего на скорую руку, мы с миссией отправились в храм, и служили на Голгофе всенощную, во время которой Жибраил Фотич[244] принес известие, что 150 матросов будут приобщаться за литургией. После службы молитвы и генеральная некая исповедь моряков. К 1-му часу подошли Их Высочества. Обедня была заупокойная с панихидой ради годовщины кончины Государыни Императрицы[245]. К 4-м часам все было кончено, и мы — преутомленные — возвратились домой.

---

[242] В часовне Вознесения, у камня, на котором отпечаталась стопа Возносящегося Спасителя.

[243] Имеется в виду территория будущего Русского Вознесенского монастыря на Елеоне. Спасо-Вознесенский собор, который архимандрит Антонин начал строить еще в 1876 году, был к этому времени уже полностью завершен. (Освящен лишь в 1886 году).

[244] Самури Жибраил Фотиевич — сын драгомана русского вице-консула в Яффе.

[245] Мария Алексадровна (1824—1880) — супруга императора Александра II, покровительница архимандрита Антонина и всей Русской Палестины.

Рис. 3. Интерьер Свято-Троицкого собора

Пятница, 22 мая

В 9 часов чай, визит командира клипера «Жемчуг» с просьбою служить для его команды ночью на Гробе Господнем и приобщить ее Святых Тайн. Синодальный пакет с почты. Регулирует Святейший Синод совместно с Министерством несвоих дел отношения Миссии к консульству, отдавая все, не исключая и дома Миссии, в распоряжение консула, и запрещая мне сноситься с турецкими властями. Относительно же недвижимостей Миссии требует от меня объяснений. Спасибо, что хотя не уничтожает Миссии. Г. Степанов с приглашением идти после обеда с Вел. Князьями в мечеть Омара и инуды. Обед. В 2 часа идем с канцелером[246] в город. От Дамасских ворот до конака паши дорога усыпана песком

[246] Яковлев Александр Гаврилович. См. выше.

и людьми. Ожидаем Их Высочеств. Тут же на помощь явился и Hr. Schik[247]. Проходим Красными воротами среди великого шума и движения народного. Мечеть Омара. Подземелье мечети Эль-Акса. Самая мечеть. Переход к аркадам. Спуск в них и осмотр их до самого крайнего юго-западного предела. Золотые ворота, в которые Реуф отсоветовал проникать по страху падения сводных камней... Лукавец! К Гефсиманским воротам, мимо Овчей купели. Церковь Св. Анны. Развалины одного из 5 притворов Вифезды, по мнению латинцев местных. Капелла Бичевания. Претор. Ecce Homo. Крестный путь. Поворот с него к югу. К плачущим жидам. Возвращение к Дамасским воротам, и оттуда пешеходство домой. Малый отдых и опять в храм на всенощную службу... Бывший дядька Их Высочеств, Димитрий Сергеевич Хренов «и кавалер» доставил мне пакет с 7.000 франков билетами французского банка от графа Григория Сергеевича Строганова, обещанными мне на окончание работ на Елеоне. Спасибо отличному человеку. А в консульство прислал вместо обещанных десяти, двенадцать тысяч, да Патриарху одну тысячу. Три лишние эти тысячи урезаны от Елеонского капитала. Да будет сие ведомо бумажке сей.

Суббота, 23 мая

День кончины дорогого дружка Алеши[248]. Кончив утреню на Святой Голгофе, духовники наши с помощью Божиею исповедали всю команду клиперную. К обедне подошли опять все три Высочества. Что за прекрасные личности! Все шло, как и вчера. Только панихиды не было. Дома сон до 9 часов. У В. Князей визитаторы всякого чина и звания. О. Иерофей[249] настаивает служить завтра большую заупокойную обедню о родителях Их Высочеств. Полковник и я отговариваем их от сего. Увы! Поездка их к Дубу не состоится. В пятницу непременно выезжают в Яффу. Сегодня собирались в Горнюю, но визиты помешали сему делу. Отложили поездку до завтра. На Иордан едем во вторник. Первая смена фрегатской команды сегодня ушла домой. Вторая придет в понедельник. После обеда немедленно отправились в гости, под моею командою, на Сион. Шейхи-дервиши тамошние угостили, после обзора их святыни, Вел. Князей шербетом, при чем назвали себя потомками Давида царя! Дом Кайяфы. Гнойные ворота. Спуск к Силоамскому источнику, нижнему и верхнему. Подъем на Силоам. Гробница Фараонитки. Пещера троглодитов. Захария, Иаков, Авессалом[250]. Последний[251] исследовали по всей внутренности. Подъем к угловой башне стен. Камни Соломонова времени. Золотые Ворота. Кладбище. Ворота Госпожи Марии, Хавуза, северо-восточный угол. Возвращение на постройки[252]. Немедленно у нас всенощное бдение, а за ним радость радостей — баня.

Воскресенье, 24 мая

Решено нам идти в храм в шесть часов, а Высочествам — в семь. Пришлось однако подождать их там полчаса лишних. Служба началась самым началом, т. е. земными поклонами священства, одним — пред Богом и двумя перед человеком. За обычным облачением Его Блаженства архиепископы Севастийский и Фаворский подводили поочередно Великих Князей к Патриарху, читавшему над ними молит-

---

[247] Шик К. — немецкий археолог в Иерусалиме.

[248] Капустин Алексей Платонович — племянник архимандрита Антонина. См. выше.

[249] Иерофей — инок Святогробского братства в Иерусалиме.

[250] Имеются в виду гробницы св. праведного Захарии, апостола Иакова, Брата Господня, и Авессалома, сына царя Давида.

[251] То есть мавзолей Авессалома.

[252] «Русские постройки», т. е. территория Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

ву, и возлагавшему на них кресты с Животворящим Древом на широкой голубой ленте с бантом. Литургия шла обычным порядком. Певцы наши пели: «Милость мира» по-гречески, а вместо «Причастна» — Троичные Самогласны. После обедни, тут же в Соборной церкви, была и панихида по покойным Государе и Государыне. Из храма Их Высочества отправились в Армянскую патриархию, а мы наверх пить воду, ликер и кафес (кофе). Дома чай и сборы в Горнюю. В 2 часа торжественный выезд опять под моею командою, при отлично хорошей погоде. Крестный монастырь. Церковь. Библиотека. Фотий[253] не photis[254]. Прямиком на запад. Аммоновы рога. Mare. Айн-Карем. Трезвоны наш и ихний. Монастырь латинский[255]. Источник Богоматери[256]. Magnificat[257]. Роздых в Большом доме с чаем и оладьями[258]. Осмотр Малого дома[259] и новостроющейся церкви[260]. Обещанное поликандило. Келья матери Павлы[261]. Отъезд, напутствуемй звоном. Веселое возвращение восвояси. Галоппирование охотников, увлекшее и моего коня... Все осталось позади. Ай да лошадка шестинаполеонная! Водворение у себя. Военное приветствие у крыльца Миссии отставшим Высочествам, ответом на которое был прыжок В. К. Сергия Александровича чуть не в объятия мои с буцефала своего и краткая беседа в сенях Миссии относительно предстоявшего богослужения. Экая любезность настоящая царская! У себя чай и вычитывание вечерни-утрени, кончившееся часов в 10. Потом молитвы. Утром сегодня мною представлен был проект великокняжеских экскурсий, совмещавший в себе и поездку к Дубу, но не удостоился апробации вероятно потому, что приходилось бы всей компании дважды ночевать не дома, раз в Вифлееме и раз у Дуба. А жаль, поистине, что наша Хевронская Московия не будет известна таким гостям. Остается похвалиться им Иерихоном и Бетжалою.

Понедельник, 25 мая

Не оставалось времени для отдыха. Третья ночная служба эта была по желанию Его Высочества Константина Константиновича, хотевшего помолиться о своем

[253] Фотий — архимандрит, ректор Богословской школы, основанной при Крестном монастыре по инициативе первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископа Порфирия (Успенского) в 1849 году.

[254] Не просвещенный (греч.).

[255] Францисканский монастырь на месте Рождества Иоанна Предтечи.

[256] Источник, на который ходила, по преданию, за водой Пресвятая Дева, гостившая в Горней у праведной Елизаветы. Над источником — мечеть, закрытая после 1948 года, когда арабское население было изгнано из Айн-Карема.

[257] Францисканский монастырь, приписанный к монастырю Рождества Иоанна Предтечи и расположенный на месте встречи Богородицы и Елизаветы, где Пресвятая Дева воспела Свой хвалебный гимн «Величит душа Моя Господа». (Magnificat в переводе с латинского «величит»). В современном виде храмовый комплекс, включающий Верхнюю и Нижнюю церкви (со Святым колодцем в крипте), построен в 1938—1955 гг. по проекту итальянского архитектора А. Бурлуцци. На стене клуатра размещены керамиды с текстом молитвы «Величит» на 42-х языках — в том числе и по-церковнославянски.

[258] «Большой дом» — если идти по склону холма, как шел о. Антонин со своими спутниками, находится справа, т. е. к западу от Magnificat' а, окруженного со всех сторон территорией Русского участка (прежнего Горненского монастыря).

[259] «Малый дом» расположен соответственно слева, т. е. к востоку от францисканского участка.

[260] Речь идет о строительстве Свято-Казанского храма в Горней, законченном в 1882 году. Храм освящен архимандритом Антонином (малым освящением) 13 февраля 1883 года. Горненский женский монастырь, основанный им, официально утвержден Св. Синодом в 1898 году.

[261] Одна из «первопоселенок» Русской Горненской обители — «скитянок», как называл их о. Антонин. Память о ней и сейчас свято хранится в монастыре.

покойном брате Вячеславе[262]. Заказывал он ее о. Агафангелу[263], но я протестовал против такого афронта Миссии, и дело осталось за нами. В 12 часов мы с Якубом и коливом отправились в город паки и паки, но зашедши к консулу узнали, что Вел. Князья уже уехали в церковь. Другая коляска подхватила нас и довезла до Яфских ворот. В храме мы застали Их Высочеств Сергия Ал. и Константина Кон., выходящими из Кувуклия. Я провел их к гробам Иосифа и Никодима, которых они еще не видели. Затем, спешно облачившись в числе 6-ти священников и 3-х иеродиаконов — всех русских — служили Божественную литургию на Голгофе со всем великолепием и благим порядком. Вместо «Причастна» пето было «Непорочнии в путь...» По-гречески — ни слова! Их Высочества молились с глубоким умилением и умилили меня. В 3 часа возвратились домой при свете 4-х планет. Сон до 8 часов. Чай. Приказ быть готовым к отъезду в Вифлеем в 1 час пополудни. Наши бетжальские приготовления. Письмо от г. Степанова с извещением, что ночью у Св. Гроба приобщаются Высокие гости наши, что Павел Ал. просит меня быть его духовником, а другие Вел. Князья просят меня назначить им духовных отцов «из самых простеньких»... Быть посему! В 12 часов я один отправился верхом в Бетжалу, чтобы все там привести в наилучший порядок. От спешности раза три несся во весь мах и успел дать всему нашему заведению самый приличный вид. Возвратился на большую дорогу как раз во время прибытия экипажей к памятнику Рахили. Но тут вышел неожиданный поворот в распоряжениях. Его Высочество, Сергий Ал. решительно отказался терять время *только* на осмотр школы и ничего другого в неисторической Бетжале и, заметив мое уныние от сего, просил через полковника не сердиться на него и от «души благословить» его прямое путешествие в Вифлеем. Нечего было делать. На конь, и галопирую впереди всех, чтобы успеть принять участие в встрече Высоких Посетителей у Св. Вертепа. В городе неописанное волнение народа, особенно на храмовой площади. Местный Архиерей и Епифаний встретили гостей перед вратами базилики, а Патриарх в самых дверях. Прямо провели Их Высочеств в Вертеп правою стороною, при пении тропаря Рождеству Христову. Немедленно ектения по-гречески и чтение Евангелия самим Патриархом — тоже греческое — от Матфея. Оно же по-славянски было прочитано вслед затем митрополитом, присовокупившим к нему и речь Их Высочествам, не худо составленную и кончившуюся прошениями. Восход в палаты владычные. Угощение всех чаем. Alter-ego[264] делает мне запрос, доволен ли я останусь, если Вел. Князья оставят мне на мои дела 10 т. франков... Вот как пошло! Через полчаса осматриваем Молочный грот[265], еще базилику без народа, проходим латинские катакомбы[266], и оставляем храм, а затем к Иерусалиму. Я был последним, но гарцующая юность, паче же глупость унесла меня скоро далеко вперед всех. Соперником оставался только г. Дондуков[267], моряк, столкнувшийся со мною перед Рахилью[268] и поддержавший меня от неминуемого падения, так как правое стремя мое оторвалось, и я потерял равновесие. Затем все ехал уже шагом. Компания заезжала на минуту по пути к Кабоге[269], но не застала его дома. Осталось бы времени и для моей Ефра-

[262] Великий князь Вячеслав Константинович (1862—1879), младший сын великого князя Константина Николаевича, первого августейшего паломника в Святой Земле.

[263] Агафангел — см. выше.

[264] Имеется в виду М. П. Степанов.

[265] Пещера неподалеку от Вифлеемского храма Рождества Христова, в которой, как думают, отдыхало Святое Семейство на пути в Египет. Получила свое название от капель молока, разбрызганных, по преданию, в момент, когда Богородица кормила Младенца.

[266] Имеются в виду пещеры блаженного Иеронима, Павлы и Евстохии, имевшие в описываемое время прямое сообщение с Вертепом Рождества и Пещерой Младенцев.

[267] Морской офицер из свиты Великих князей.

[268] То есть перед гробницей Рахили, на пути между Иерусалимом и Вифлеемом.

[269] Кабога — австрийский консул в Иерусалиме.

фы[270], но... Возвратились домой часов в 6. Чуть я сел за стол, как явился Вел. К. Сергий Ал. Один, с визитом, совсем неожиданно. Осмелился я просить Его не привязываться всем сердцем к военной службе, замыкающей человека в слишком тесный кружок обязанностей, мыслей и дел и вовсе ненужной членам царствующего дома, а все свое внимание устроить на помощь Государю, и быть Его ангелом-хранителем и пр. и пр. Проводил редчайшего гостя за двери дома Миссии. В 9 часов снова вся миссия уже в храме. Высокие говельщики явились все в белых одеждах, с единственным украшением на груди — Животворящим Древом. Какой богоприличный такт! Мы пели им все самое лучшее из нашего церковного репертуара, не забыли даже прибавить к канону Вознесения катавасии Великой Субботы. После утрени я прочитал исповедные молитвы. Во время правила Их Высочества исповедывались, Константин Константинович у своего о. Агафангела, Сергий Ал. по указанию моему у о. Парфения[271], а Павел Ал. — у моего убожества. Равно и г. Степанов. Более 200 матросов из второй смены фрегата и клипера исповедывались потом в течение полутора часов. Молитвы причастные читал я сам. Оставив Парфения доканчивать исповедь, мы, остальные, спешили начать обедню, но католики, трубившие и рычавшие у Св. Гроба, задержали порыв наш минут на 10. Наконец, все там угомонилось, и мы начали свою службу получасом ранее обыкновенного.

Вторник, 26 мая

От умиления не дремалось и не зевалось. Пение было скорое. Приобщение моряков наших длилось более получаса и истомило меня. В 3? конец всему. Возвращение домой, и сон глубокий до 10-го часа. Вставши, нашел, что Якуб скудается боком и все-таки готовится ехать на Иордан, укладывает вино, пирожки, бананы и тому подобное. Едва успеваем к 2-м часам все собрать, уложить и в путь направить. Аккуратно в назначенный момент выезжаем из консульских ворот, я держусь поначалу прибочного положения, но за углом города уже делаюсь предводителем каравана и направляю его прямо на Елеон в Вифсфагию и в Вифанию. Спуск в могилу Св. Лазаря. Пение там тропаря, и литийца малая, и слово некое о тлении и о прочем. Великий спуск к «Источнику учеников». Бесконечное виляние по длинной Уади-Ход. Остановка с чаем и пирожками у гостиницы Доброго Самарянина. Вперед от заходящего солнышка. Пикеты солдат там и сям, вовсе ненужные. Niveau de l' OcCan[272]. Сумерки. Дебрь Хозевитская[273]. Спуск в равнину Иорданскую. Наш приют[274]. Палатки в саду. Размещение гостей по комнатам. Скорый ужин. Сон на скамье под открытым небом.

---

[270] Ефрафа — древнее библейское название Вифлеема. Говоря о «моей Ефрафе», отец Антонин горюет, что не смог показать Великим князьям приобретенный еще в 1866 году и обустроенный им участок в Бет-Джале, возле Вифлеема, где была им основана школа для девочек, переданная позже Православному Палестинскому Обществу и преобразованная последним в женскую учительскую семинарию.

[271] Иеромонах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. См. выше.

[272] Указатель с отметкой «Уровень моря» на Иерихонской дороге. Долина Иордана лежит почти на 400 м ниже уровня моря, Иерусалим — почти на 800 м выше уровня моря.

[273] Ущелье Хузива (современное арабское название Вади-Кельт), где находится монастырь преподобного Георгия Хозевита. Восстановлен незадолго до описываемого времени игуменом Каллиником, который по благословению Патриарха Иерусалимского Иерофея поселился отшельником среди древних развалин в 1878 году.

[274] Имеется в виду «Иерихонская Московия» отца Антонина — приобретенный им земельный участок в Иерихоне, площадью более 15 тысяч кв. м, с двухэтажным домом для паломников, часовней и садом. До недавних пор участок принадлежал Русской Православной Церкви за рубежом, в настоящее время руководством Палестинской Автономии возвращен России.

Среда, 27 мая

Всякого рода шум и гам, продолжавшийся всю ночь, мешал заснуть мне надлежащим образом. В 3 часа уже все были на ногах. Я, конечно, был готов ранее других и попрежнему ехал впереди за кавасами. За мною скороход нес на палке горящую смолу. 4 планеты смотрели нам прямо в глаза. Пока доехали до Святой реки, совсем рассвело. Немедленно мы устроили плотик на воде, тот самый, который служил нам 6-го января, и начали водосвятие. Пели Виссарион, Козубский и Дмитрий. Чуть мы кончили службу, из поставленной при самой воде палатки стали выбегать нагие фигуры и погружаться в Иордане. Все происходило живо и спешно. Затем — чай, за ним — крещение одной сестры милосердия, католички, венгерки Каролины Ив., г-жи Хроме, нареченной Мариею[275]. Восприемником был Е. И. Высочество В. К. Сергий Александрович. Чуть кончилось это, караван снялся с места и разделился на две партии. Оба Царевича направились в Иерихон, а Великокняжич поехал с небольшою свитою на Мертвое море. По призыву Аркадия[276] и Симеона[277], я предложил было Их Высочествам заехать в монастырь Предтечи, но согласия на то не получил. Благополучно, еще до жару, возвратились мы в свою Московию[278]. Под тысячным деревом пили чай, и презентировали при сем публике кисть бананов, только что срезанную, в пуд весом. Затем следовал отдых на рогоже под лимонами до самого полудня, к которому возвратился и третий Великий Князь, искупавшийся вторично в Иордане. Обед в Salon'e с мороженым, исполнившим радостию сердце мое. Потом глупейшая пляска феллахов и феллахинь, длившаяся около часа, и паки отдых. Приказ ехать домой в 4 часа. Но в самый момент отъезда его отсрочили еще на час, посвященный моей беседе с Их Высочествами наедине в их комнате, обращенной на обсуждение разных пунктов Евангельской истории. Чистые, благие и святые души Царевичей пленили меня. Это несомненно она, высокая боголюбица и смиренная христианка[279], возрастила и сохранила их такими в усладу и похваление всем ревнующим о духе, небе, Боге. Мир духу ЕЯ! В 5 часов садимся на коней, посылаем мысленный поклон Сорокадневной горе[280], и едем обратно вчерашним путем в Иерусалим. Солнышко лезло в глаза. Пот катил градом. Ведется разговор с В. К. Константином. Просит, чтоб я помолился Богу, чтоб ему попалась жена православная, и когда это ему удастся, он напишет мне о том и еще раз вместе с нею приедет ко мне в гости... Я отвечаю, что м. б. и приедет, только уже не ко мне, ибо я старый человек и ближусь к своему термину... Нет, нет, нет, возражает с трогательною любезностью собеседник, непременно к Вам. Быть по сему! За минуту до заката солнца мы достигли хана, и напились там уже готового чаю. Затем, в тишине, при луне, но не в прохладе, подвигались скоренько вперед и вперед. Я по-прежнему коноводил, а нередко и отставал, вступая в разговоры то с тем, то с другим из свиты. У источника Апостолов не останавливались. Поднявшись на высоты Вифанские, зазываемы были колоколом Спиридоновым в его обитель[281] но сказано было ехать «прямо» и новая Калипсо[282] осталась в стороне. Еле-

[275] Хроме Мария Ивановна. См. выше.

[276] Аркадий (Конюхов) — русский инок, подвизавшийся на Горе Искушения, в греческом монастыре, восстановленном на месте древней Лавры преподобного Харитона Исповедника в 1875 году.

[277] Симеон — отшельник, живший в Иорданской пустыне, близ монастыря святого Иоанна Предтечи.

[278] Имеется в виду «Иерихонская Московия». См. выше.

[279] Императрица Мария Александровна (1824—1880) — супруга императора Александра II.

[280] Гора Искушения, с которой связывается воспоминание о 40-дневном посте Спасителя.

[281] Имеется в виду греческий православный монастырь во имя праведного Лазаря и сестер его, Марфы и Марии, построенный в 1879 году архимандритом Спиридоном, впоследствии (в 1891—1897 гг.) Патриархом Антиохийским.

[282] Древнегреческая нимфа из поэмы Гомера «Одиссея», семь лет продержавшая Одиссея в «гостях» на своем острове. Здесь — иронически, в смысле неуместного, навязчивого гостеприимства.

Рис. 4. Храм во имя св. Марии Магдалины. Св. Земля. Иерусалим

онская Московия[283] приветствовала стоконный караван наш веселыми огнями с высот своих. Наконец, к 10 часам мы были дома. Парфений встретил живым вопросом: будем служить? Ответ: «жалея нас (?), Великие Князья даровали нам завтра целодневный отдых, и сего ради отложили выезд свой до субботы». Чай и, разумеется, немедленный сон... Да! Пошли ему Господь Великую Княгиню православную![284]

Четверток, 28 м(ая)

Ну, да и спал же! Раза два-три просил себя о «прибавке». Наконец, не стало мочи лежать. Да кстати кто-то так неумолимо постучал в двери, что необходимо было воспрянуть. Стучавшего не оказалось в коридоре. Но на дворе уже усаживался в экипаж фрегатский командир Феодор Гирс. Вышел проститься с ним и вручил ему на память, по его желанию, Евангелие в масличных досках для жены его, сущей православной. Чай и чада. В консульстве раздача подарков великокняжеских. Осман, сияющий всеми радостями от пожалованных ему часов. Больной Якуб туда же глашается, и тоже получает часы золотые, после чего снова ложится в постель, преследуемый лихорадкою и своим неугомонным боком. Г. Степанов с коробкой, из которой вынимает и вручает мне 10 свитков с наполеонидами, яко же речено бысть в Вифлеемстей веси... Тоска умиления по сему случаю. Составление Путевых Записок тремя авторами. Приказание в 5 часов отправиться на Крестный путь. Обед. Приготовление подарков — Oeuf pour

[283] Отец Антонин все участки Русской Духовной Миссии называет «Московия»: Хевронская Московия, Иерихонская Московия (см. выше) и т. д. «Елеонская Московия» — территория, на которой расположен ныне Русский Елеонский монастырь, относящийся к юрисдикции Русской Православной Церкви за рубежом.

[284] Великий князь Константин Константинович женился 15 апреля 1884 года на Елизавете Маврикиевне (1865—1927), дочери герцога Морица Саксонского и герцогини Августы Саксен-Мейнингенской. Они воспитали в вере и благочестии восемь человек детей, один из которых (князь Олег) пал смертью храбрых в сентябре 1914 года, четверо (Георгий, Игорь, Иоанн и Константин) погибли в Алапаевской шахте 18 июля 1918 года вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной, дочь Татьяна (в иночестве Тамара) была игуменьей Русского Елеонского монастыря в Иерусалиме в 1951—1975 гг. Умерла на Успенье 1979 года, похоронена за Вознесенским собором Елеонского монастыря.

boeuf![285] Без Якуба, как без рук. В 4 часа звон большой к вечерне малой. От кафизм улизнули с о. Вениамином, которого я и отрекомендовал, яко храброго воина, Их Высочествам. Показал им мощехранильницу Миссии с частицами мощей Св. Великомученика Георгия. Вел. Князь Сергий просил при сем закрепить своею подписью поднесенное ему мною Евангелие, с каким-нибудь приличным стихом из Божественной книги. Я написал: «Будите мудри, яко змия и цели, яко голубие». Отличные люди, прочитав это, пришли в истинное умиление. О, да будет тако, по глаголу Господнему! Засим отправились, пешие, консульскими воротами по местности бывшей церкви Первомученика Стефана, к Дамасским воротам и городом до австрийского госпица, и прошли затем по Крестному пути все три поворота, пока вышли к Русскому Месту[286], которое тоже осмотрели. Обошли и весь пустырь бывшего Иоаннитского приюта с страшноглубокими систернами, наконец, еще раз обошли всю внутренность храма Воскресения. За Яффскими воротами Их Высочеств ожидала коляска, в которую и меня обязательно заставили сесть рядом с В. К. Константином. Любезно простились потом у консульского дома. У себя quasi-отдых. Регент, обиженный невниманием к его трудам раздавателей подарков. Vinum Mambre[287] в 14-й №. Чай. Дочитывание утрени. Выбор фотографий фирмы Willok для поднесения Высоким гостям. Правило. Умолил давече Их Высочества дозволить мне употребить их наполеоны на вывод второго этажа на Иерихонском приюте. Чуть ли не показалось Им это обидным.

Пятница, 29 мая

Поди же ты, не спится! Приготовление подарков всякого рода и вида. В половине десятого звон к обедне. Их Высочества изволили стоять в алтаре[288]. Пели мы им незатейливо. Вместо «Причастна» распевали Благовещенские стихиры. Провожали их из церкви со звоном. Нашел я их потом в больнице, где наш Никита Божиею милостию выздоравливает. Ходатайство перед полковником о милости певчим и всем нашим. Ожидание Высоких Визитаторов всем собором и все-таки они явились неожиданно, совсем ex abrupto. Посидели у меня тут на диване с ? часа, поговорили о вещах безразличных, и спешно отправились восвояси, не захотев видеть ничего более в доме нашем. Я проводил их за двери своего (!) заведения. После малого промежутка времени, г. Степанов принес часы для регента и еще тысячу франков для раздачи миссионерам нашим. За это я ему всучил целый платок изделий из черного и красного камня. Полный удовольствия, я велел отыскать Козубского. Вместо одного явилось четверо певчих, и учинили мне такую демонстрацию, что я не раз вышел из себя от их наглых нападок на меня за мое обидное невнимание к ним, совершенное бессердечие, лукавство, жестокость и пр. и пр. Порфирий раскрыл свою глотку как калитку, и раз 10 тыкал в меня своими 16-ю годами службы при мне, ничем не вознагражденной. Козубский, осмотрев часы, отказался от них наотрез, не желая поставить себя на одну

---

[285] Буквально: «яйцо за быка». Французская поговорка: «пытаться за пустяк получить что-либо значительное». Отец Антонин имеет в виду несоизмеримость своих подарков августейшим гостям с тем пожертвованием (в 10 тысяч франков), какое получил от них на нужды Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[286] Русское Место, или Александровское подворье — участок, приобретенный Русским правительством в 1859 году, близ храма Гроба Господня. Археологические раскопки на этом месте, проведенные отцом Антонином в 1883—1884 гг., выявили фрагменты древней городской стены и «Порог Судных Врат», через которые Господь прошел на Голгофу. Позже над раскопками была построена церковь во имя святого Александра Невского, освященная в 1896 году (ныне принадлежит Русской Првославной Церкви за рубежом).

[287] Мамврийское вино. Имеется в виду вино, полученное из виноградников на Русском Хевронском участке у Дуба Мамврийского.

[288] Речь идет об алтаре Троицкого собора — главного храма Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

доску с Османом, а потом назвал Якуба первым мошенником, по общему якобы тут признанию, и все-таки награжденным золотыми часами! Фу! Гадкие рожи! Потом Порфирий пристал как клей, требуя от меня заверения письменного для консула, что они — порядочные люди! Помешались мои сослуживцы. О пожалованных деньгах и слышать не хотят! Долго я не мог успокоиться от этой глупейшей сцены. Ненависть ко мне людей этих выступила в ослепляющей яркости. Вот тебе и гуманное — более сего — дружеское обращение с подчиненными. Рыжая рожа погрозила мне даже чем-то на завтрашний день. Очевидно, затевают сделать скандал завтра при Голгофском служении, на посрамление меня перед Вел. Князьями. Зная, что Их Высочества уже укладываются, я отнес им иконы Св. Троицы, иорданские трости и свои творения, по желанию Константина Константиновича. Увидав последние, и Сергий Александрович тоже пожелал их иметь в своей библиотеке. Отозвав последнего в сторону, я дерзнул молить его не давать мне креста с брильянтами, а лучше сделать по-прежнему блестящею всю нашу Миссию, и прежде всего добиться уничтожения царского декрета о закрытии Миссии и пр. и пр. С консулом и г. Степановым советовался насчет певческой истории. Последний велел предложить часы второму по регенте певчему, а если мужики произведут завтра скандал, то в тот же день их и духу не будет в Иерусалиме... Последнее решение я не замедлил передать пану Козубскому, встретив его на дворе. На что его ясневельможность отвечала, что найдет место себе на небе. Красная рожа в свою очередь отказалась от несчастных часов, считая это недозволенным себе после того, как его набольший отказался от них. В 5 ч. мы делали последнюю милую экскурсию с Вел. Князьями к «Царским Гробницам»[289] пешком. Грустью повеяло на меня при сем от мысли, что празднику нашему наступает конец. Дома чай, укладывание в крестики малейших частиц св. мощей Великомуч. Георгия, длившееся чуть не до полуночи. Затем еще следовали чтение вечерни и утрени и причастного правила. Лечь спать пришлось уже в 3 часа ночи.

Суббота, 30 мая

В 5 ч. отправился в храм. Певчие все были налицо. Служба прошла благополучно. «Милость мира» пето «сельское». Вместо «Причастна»: *Егда от древа Тя мертва.* Добрые Князья были в умилении. Я поднес им просфоры, и в день всеобщего поминовения усопших[290] пожелал, чтобы память сего дня утешила их в неотвратимые минуты смерти. Немедля возвратились все домой. Наем коляски до Яффы за 60 fr. Скорое приготовление в путь-дорогу. Якуб хочет как-нибудь доехать хотя до Колонии. Оттуда поеду далее с Османом. Стакан чаю. Чьи-то слезы. Никола запыхвшийся со словами: «Уже в церкви!». Бегу туда с платками в руках. О. Вениамин уже начал молебную литию. Церковь Крестовая[291] полна народа. Молитва с коленопреклонением. Царское многолетие. Поднесение Их Высочествам крестиков со св. мощами. «А Государю есть?» — спрашивают. Киваю головой в знак согласия. Шумно выходим все из дома Миссии. Вел. Князья садятся в экипаж. Их осыпают цветами. Раздается звонок, и 9 колясок уносятся одна за другой за церковные ворота заведений. Остается моя последняя, по милости Николы накрытая тентом. Уносимся и мы, раскланиваясь с публикой направо и налево. Торжественный, хотя и с подкладкою грусти, моментик. Нагоняем передних, и занимаем 7-е место между колесничниками. Летим славно. Передо мною торчат белые фигуры пашей с неузнаваемыми лицами. Великие Князья, конечно, впереди всех, без тента и даже без зонтиков, летят, не оборачиваясь. Колония. Патриарх приглашает в кофейню выпить чаю. Знать усаживается вокруг стола. Я с Шихашири[292]

---

289 Имеется в виду известный археологический памятник в Иерусалиме (на нынешней улице Саладина). Во времена архимандрита Антонина считалось, что это гробницы древних царей Иудеи.

290 Речь идет о Троицкой родительской субботе.

291 Имеется в виду домовая церковь Миссии во имя царицы-мученицы Александры.

292 Шихашири Михаил Осипович. См. выше.

служу за драгомана. Из СПБ получена уже телеграмма. Государь утверждает орденские награды Патриарху, пашам и др. Я один пью вместо чаю пиво. Все Высочества украшены красными ленточками нашего приготовления и крестиками с св. мощами. Трогательно. Едем дальше. Ветерок слабеет, и начинается духота, увеличивающаяся по мере спуска с гор. Под Сарисом малая остановка и лимонад, отлично кстати пришедшийся. Конец горам. Воздух раскаленный, в тени 32 Реомюра и 39 Цельсия. От жгучей струи ветерка защищаюсь ладонью. Никогда в Палестине я не испытывал такого африканского зноя. В Латрунской гостинице Говарда остановка. Приготовленный под палаткою стол переносится в дом. Закусываем. Мороженое и шампанское весьма, весьма кстати. Пишу «Великую просьбу о малом деле». Осматриваю древнюю гробницу с Coculi и привальными камнями, открытую у самого дома. Больной Якуб забыл о болезни и едет со всеми другими. Даже Жорж повар и тот прицепился к нам и тоже тащится не весть куда и зачем. Шихашири уверяет, что наши 3 наполеона прогонные заплатит сам Его Величество Султан Хамид-хан. Пеки. До Кебаба еще чувствовалась жгучесть воздуха, потом ее сменила простая духота. Защищаемся от солнца всем, чем можно. Ремли. Поворот вправо. Песок и пыль. Лидда. В церкви[293] я уже не застал Епифаниевой речи. Сходим к могиле[294]. Я пою: *Величаем тя* и пр. и говорю краткую ектению. Тут же в церкви Никола[295] (спасет его Бог!) с лимонадом. Кое-как выбираемся из пыльной селитвы. На месте памятного ночлега нашего 13 ноября разбиты палатки, готов уже чай, и ученики протестантской (и православной вместе — по Епифанию) школы поют (читай: ревут) канты, и один произносит Их Высочествам речь. Убогий карильон[296] пищит и скрипит тут же. Школа получает за свои труды 200 франков, и мы едем вперед прямою дорогою на Язур, у которого оставляет нас солнышко. В сумерках достигаем Яффы. На набережной владыка Иорданский еще плетет по тетрадке Их Высочествам нечто на прощание и садится с ними и консулом в лодку. Разыскивается Вел. Князьями «отец архимандрит» и усаживается рядом с ними, полный грустного чувства расставания. Маленькая зыбь. Французский «Aviso» всенепременно опять стоит на рейде. «Герцог Эдинбургский» уже дымит. Подплываем к нему и без труда на этот раз попадаем на трап. Фаланга офицеров раскланивается. В каюте капитанской и за нею на галерейке духота. Уловляю полковника и прошу окончательных приказаний, как поступить с 1000 франков, пожалованных Миссии, в виду вчерашней истории. Получаю полнейшую власть распяти их и пустити, тоже и с часами поступить совершенно, как мне угодно. «А мне до крайности угодно выпросить их себе на память», — отвечаю я. За сие заключаюсь в объятия собеседника, и становлюсь их собственником. На палубе и у трапа ищу Якуба с вещами. Матросики уже тянут якорную цепь. Оставаться больше нельзя. Подплывает, наконец, лодка с Марабути[297], Фотием[298] и Якубом. Хватаю вещи и спешу в каюту Их Высочеств. Передаю вещи, любуюсь великолепной картиной «Южной ночи» художника Куинджи, принадлежащей Вел. Князю Константину, с которым уклоняюсь в его каютку, передаю ему четки для матери[299] и перламутик для сестры[300] и вместе «Великую просьбу». Он подводит меня к своей божнице, где горит неугасимая лампадка, и еще раз просит молиться, чтоб ему досталась православная жена... Тронутый до глубины души его любезностью, я хватаю его за руки и говорю: «Какие вы —

[293] Церковь во имя святого великомученика Георгия в Лидде.

[294] Имеется в виду гробница (кенотаф) великомученика Георгия в крипте храма.

[295] Халеби Николай Егорович. См. выше.

[296] Набор колоколов.

[297] Марабути Николай Степанович. См. выше.

[298] Самури Фотий Яковлевич — драгоман русского вице-консула в Яффе.

[299] Великая княгиня Александра Иосифовна (1830—1911) — супруга великого князя Константина Николаевича, совершившая с ним в 1859 году паломничество в Иерусалим и Святую Землю.

[300] Очевидно, имеется в виду великая княгиня Вера Константиновна (1854—1912).

прекрасные люди!» В свою очередь тронутый, он отвечает мне задушевно: «Какой вы — милый батюшка!» Этим кончается мой визит ему. В большой каюте я благословляю большим крестом каждого из Высочеств, и — прощаюсь с ними. Еще потолокся минут 5 на палубе в ожидании консула, еще раз простился с капитаном и г. Степановым и оставил фрегат. Сидя в лодке со всеми своими, хотели было мы дождаться ухода фрегата, но узнав, что там все сели ужинать, и дело еще может затянуться, поплыли к берегу. Высадились в триумфальной арочке, от которой завтра и следа не останется, и разделились ови на десно, ови на шуе. Сии последние были мы. За Яффою подхватили коляску, и укатили в свою несравненную Московию Св. Тавифы[301]. Ужин. Чай и абсолютный отдых. Так кончился наш столько жданный, русско-палестинский, с Августейшими персонажами, праздник всерадостный.

Пятидесятница, 31 мая

В первый раз, конечно, в жизни я не только не служил, но и совсем не был в церкви в такой великий день. Спал до девяти часов в прохладе, невозмутимой тишине и покое духа. Место пребывания моего слало мне в душу что-то чарующее. Как будто возвратилась блаженная «троица» батуринских времен. Стоило выйти в сад и посмотреть на небо, чтобы увидеть в высоте еще раз три таинственные березы, столько меня занявшие и восхитившие вероятно 17 мая 1825 года, или годом ранее — 25 мая. Послал по широкому морю праздничный привет вчерашним гостям нашим, помолился на беседке, вдыхая густой свежий воздух, напитанный ароматом 500 садов. Как все и всюду хорошо! А ты зачем тут, непрошенная и неотвязная спутница — старость? Тут место одним Андреюшкам да Яшенькам, и много — Алешам 40-х годов. О! Каким стоном выгнать из сердца тугу жизненного отцветания! Старик возвратился из города от обедни роскошно одетый, поздравляет меня и делает, чтоб я остался тут хоть на неделю... «Останусь и на месяц, если вместо горшка будешь носить на плечах голову», — отвечаю я. И действительно остался бы, но... Христина с водовареньем и чаем. Приготовление к отсылке в Афины забытых книжек. Постановка рамки на запись великокняжескую 1872 г.[302] и жаление крепкое, что не повторился случай для нее в 1881 г. Что будешь делать? Неудачи Хевронская и Бетжальская отняли у меня «крылья дерзновения», да и никак не приходилось вчера ночью зазывать сюда Их Высочеств. Будем довольствоваться надеждою встретить здесь через 5 лет В. Князя Константина с его православною супругою. Строительные беседы. Чтение газет, еще сон от усталости глаз. Освобождение кипариса от гнетущего миндаля. Обед с ухою, какой не кушал сам Иафет Ноевич[303]. Экскурсия на все 5 холмов Тавифских. Пленительная картина! Сбор мозаики. Уже 5 часов, а консула нет. Весть, что он уже уехал. Ускоренные, по сему случаю, сборы в дорогу. На, и — Его П-во (Превосходительство) с Его Б-ием (Боголюбием) Александром II . Чай под орехом. Обход с юношей всего сада. Сумерки уже. Прощаемся и едем. Прохлада, луна и на сердце тишина. В Ремли закуска и чай. В Баб-эль-уади тоже чай. Им и закончился сей маятный май месяц. Когда бы еще другой такой выпал!

Комментарий *Н. Н. Лисового.*
Подготовка к печати *Р. Б. Бутовой, Г. В. Фролова, Н. Н. Лисового.*

---

301 «Московия святой Тавифы» — участок Русской Духовной Миссии в Яффе. См. выше.

302 Имеется в виду мемориальная запись великого князя Николая Николаевича Старшего, посетившего русский паломнический приют в Яффе в 1872 году, во время своей поездки по Святой Земле.

303 Отец Антонин имеет в виду предание, согласно которому Яффа (древняя Иоппия) была основана Иафетом, сыном Ноя, от чего и получила свое название. Ср.: «Нелегко было вообразить праотца Европы Иафета сидящим в пристани своего города и надсматривающим за построением первого мореходного судна по образцу памятного всему роду человеческому ковчега». (Архимандрит Антонин. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 1866. С. 6).

Р. Б. БУТОВА

СТЕПАН ИВАНОВИЧ ПОНОМАРЕВ

Степан Иванович Пономарев (1828—1913) — известный русский писатель-библиограф, автор около 700 разнообразнейших публикаций. Среди главных его работ отметим посмертное редактирование издания стихотворений Н. А. Некрасова (по воле сестры покойного, А. А. Буткевич), издание материалов для библиографий Н. М. Карамзина, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. Мицкевича, Н. И. Гнедича, А. С. Грибоедова. С. И. Пономарев участвовал также в составлении каталога Киевской Публичной библиотеки, Словаря русских писательниц и Материалов для Словаря псевдонимов.

Особое место в наследии С. И. Пономарева занимают труды его по библиографии русской церковно-исторической литературы. Им были составлены списки сочинений святителя Филарета (Дроздова), архиепископа Филарета (Гумилевского), митрополита Евгения (Болховитинова), предметный указатель к *Четьим-Минеям* святителя Димитрия Ростовского, указатели к *Киевским епархиальным ведомостям.*

В 1873—1874 годах Степан Иванович посетил Афон и Святую Землю, составил каталоги библиотеки Русского Свято-Пантелеимонова Афонского монастыря, консульской библиотеки и библиотеки Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Посещение Святых Мест подвигло его на создание фундаментального труда «Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах» (СПб., 1877). Кроме того, он занимался изданием и изучением трудов епископа Порфирия (Успенского) [Новые труды Преосвященного Порфирия (Успенского) // Записки Императорской Академии наук. 1878. Т. XXX. Кн. 2; Очерк истории Афона (по книгам Преосвященного Порфирия) // Церковно-богословский вестник. 1880. № 51, 52, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 67, 71, 72].

В Иерусалиме произошло его знакомство с начальником Русской Духовной Миссии, архимандритом Антонином (Капустиным), переросшее в теплые, дружеские отношения на много лет. [Подробнее об их дружбе см.: Дмитриевский А. А. Памяти библиографа и вдохновенного поэта Святой Земли С. И. Пономарева (По переписке его с отцом архимандритом Антонином и В. Н. Хитрово). Пг., 1915].

В связи с возрастающим интересом историков и широкой православной общественности к личности и наследию создателя «Русской Палестины», мы сочли целесообразным опубликовать в настоящем сборнике «Богословских трудов» работу С. И. Пономарева «Памяти отца архимандрита Антонина», в которой дано весьма необходимое для современных церковных исследователей полное библиографическое обозрение трудов Архимандрита и публикаций о нем. Статья была напечатана в год смерти архимандрита Антонина в *Трудах Киевской Духовной Академии* (1894. Т. 3. С. 636—652). Для подготовки публикации мы имели счастливый случай пользоваться отдельным оттиском статьи по экземпляру ГПИБ (шифр Б7 02/201), с дополнениями и исправлениями немалочисленных ошибок и опечаток, сделанными неизвестной (возможно, авторской) рукой.

Современники недаром называли С. И. Пономарева «певцом Святой Земли». Из года в год, начиная с 1875-го, он печатает в различных изданиях свои стихи «Из Палестинских впечатлений». Собранные вместе, они стали посильным приношением русского писателя-паломника земной родине Спасителя. Удивительный по глубине и фактологической насыщенности стихотворный некролог «Светлой памяти Василия Николаевича Хитрово», также принадлежащий перу С. И. Пономарева, печатается нами по первой публикации (*Черниговские епархиальные известия.* 1903. № 17; были и отдельные его оттиски).

С. И. ПОНОМАРЕВ

ПАМЯТИ ОТЦА АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА
(Род. 1817 г. Авг. 12; сконч. 1894 г. Марта 24)

Ничто так не знакомит нас с человеком, как его собственная речь, и в особенности речь предсмертная.

Архимандрит Антонин

Хронологический список сочинений и переводов его

Литературная деятельность отца архимандрита началась в 30-х годах, когда он еще был воспитанником Пермской, а потом Екатеринославской семинарий (в последней ректором был дядя его). Уже там он известен стал как поэт и, между прочим, написал в стихах «Седмицу Страстей Христовых», которая позднее была и напечатана: Но большая часть его стихотворений осталась в рукописи. (Любовь к стихам сохранил он до конца жизни и очень часто импровизировал их в дружеских письмах, иногда чрезвычайно шутливо и колко). Печатные произведения его начинаются с 1843 года, в Киеве, в журнале *Воскресное чтение*, где он участвовал статьями оригинальными и переводными, но указать их теперь могут разве одни сослуживцы его. Нам же известны произведения его только с 1850 года, список которых и предлагаем вниманию почитателей его памяти.

Мы не станем говорить здесь о значении его крупных сочинений по истории и археологии Востока — они хорошо известны тем, кому о них ведать надлежит; мы заметим только, что сами корреспонденции его с Востока являются весьма ценным источником для истории Церкви Афинской, Константинопольской и особенно Иерусалимской. В них наглядно изображаются и святыни края, и особенности тамошнего богослужения, и многие деятели, и местная природа, и быт наших поклонников, и пр. и пр. О своих корреспонденциях он мог бы сказать словами преподобного Афанасия Афонского: «Желаю, как живым голосом, так и настоящим писанием открыть всем свою мысль и свою заботу, которою волнуясь постоянно, в скорби чрезмерной провел все дни моей жизни». В этом смысле, корреспонденции его заслуживали бы собрания и издания в одной книге. Указание их и вообще хронологический список его сочинений необходимы и потому еще, что они мало кому известны: журнальная критика почему-то молча проходила даже мимо его важнейших сочинений (например, его «Заметок поклонника Св. Горы»), а небольшие статьи и корреспонденции подписаны то одними буквами, то разнообразными псевдонимами, например: А; А. А; А и Б; А. С. ; Ал. Введенский; О. Загороднин; Иерусалимский старожил; Камзолов; Один из поклонников; А. Орестов; А. Отшибихин; Папандони; П-ни; Поклонник; Посетитель Вифлеема; А. Солодянский; Sol.

Псевдонимы эти он сам открыл и указал нам в оттисках статей своих, в бытность нашу в Иерусалиме в 1873—1874 годах. К немалому сожалению, нам вовсе неизвестны корреспонденции его в Афинской печати, а они в свое время производили немалое впечатление в Иерусалиме и даже на Западе Европы. Вообще, литературная деятельность отца архимандрита Антонина была так сложна и так продол-

жительна, что для полного изображения ее потребуется еще немало трудов нескольких лиц. Мы даем, что можем, и в то же время сознаем, что труд наш, по *местным* обстоятельствам, далек от желанной полноты.

1850

1) Седмица Страстей Христовых. Стихи. Киев, 1850.

2) А. А. Круг подвижных праздников Церкви. Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие особенно чествуемые дни Постной и Цветной Триоди. Киев, 1850. Т. 1. (Рец.: Москвитянин. М., 1850. № 19. С. 107 // Отечественные Записки. СПб., 1850. Т. 74. Отд. 6. С. 41).

1853

3) Некролог архимандрита Феофана (Авсенева), начальника миссии нашей в Риме // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1853. Ч. 77. Отд. 7. С. 101—108.

1854

4) О христианских древностях в Греции // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854. Ч. 81. Отд. 2. С. 31, 143.

1859

5) О разрытиях внутри российско-посольской церкви в Афинах // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1859. Т. 2. Вып. 3. С. 129—145.

1860

6) Избрание Патриарха на Константинопольский престол (митрополита Кизического Иоакима) и патриаршее служение // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1860. № 50. С. 770—782. Отрывок: Патриаршее служение // Странник. СПб., 1861. Отд. IV. С. 26.

7) Заметки поклонника Святой Горы (1859) // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1860. Кн. 1; 1861. Кн. 2, 10, 11; 1862. Кн. 5, 6, 11; 1863. Кн. 1, 4, 5, 7. Отд. изд.: Киев, 1864. 402 с.

1861

8) А. А. Известие о присоединении к Православию мельхитов (или сирийцев) // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1861. № 13. С. 87—90; № 17. С. 443.

9) С Востока. (О Богословском училище на острове Холки) // Христианское чтение. СПб., 1861. Т. 2 (октябрь). С. 270. Отд. оттиск: СПб., 1861. 39 с.

1862

10) Принкипо. Письмо из Константинополя от 20 августа 1861 г. // Духовный вестник. Харьков, 1862. № 2. С. 195. Отд. оттиск: Харьков, 1861. 25 с.

11) О поездке в Тризину // Иллюстрированный листок. СПб., 1862.

12) Поездка в Вифинию // Христианское чтение. СПб., 1862. Т. 2. С. 660.

1863

13) Вифиния // Христианское чтение. СПб., 1863. Т. 1. С. 422; Т. 2. С. 67, 229, 493.

14) А. Б. О Влахернской иконе Покрова Пресвятыя Богородицы // Христианское чтение. СПб., 1863. Т. 3. С. 245.

15) Письмо от 26 марта 1869 г. к митрополиту Исидору (о рукописи Филонида / Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1887. Т. 5. Ч. 1. С. 422.

16) Письмо от 4 ноября 1863 г. к обер-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову (о Вселенском Патриархе Софронии) // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1887. Т. 5. Ч. 1. С. 492. (См.: Письма Митрополита Филарета, изданные архиеп. Саввой. СПб., 1888. Т. 2. С. 197).

17) Заметки XII—XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее, приписанные на греческом синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1863. Т. 5. С. 594—628.

18) Acta patriarchatus Constantinopolitani // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 963—966.

1864

19) Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. 402 с.

1865

20) Древние акты Константинопольского Патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю (1317—1396) // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1865. Т. 5, отд. 2. С. 445—473.

1866

21) А. А. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году // Душеполезное чтение. М., 1866. № 1—4. Отд. изд.: М., 1866. 113 с.

22) Посетитель Вифлеема. Праздник Рождества Христова в Вифлееме // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1866. № 9. С. 126; № 10. С. 141. Отд. оттиск: СПб., 1866. 16 с.

23) Латинское богослужение последней Недели Великого поста в Иерусалиме // Христианское чтение. СПб., 1866. С. 468.

24) Папандони. Посвящение латинского епископа в Иерусалиме // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1866. № 14. С. 262.

25) Папандони П. Г. Праздник 30 августа 1866 г. в Иерусалиме // Северная почта. СПб., 1866. № 209. Перепеч.: Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1866. № <не указан>. С. 662; Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1866. № 20. С. 208.

1867

26) Проповеднический круг подвижных праздников Церкви. М., 1867. 2 т.

27) 6-е января на Иордане // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1867. № 5. С. 205—235.

28) Миссионерские заметки из Святой Земли: Иерусалимский Патриархат; латино-греческий приход; латинская семинария; новые миссионерские станции; учебные и благотворительные заведения; воспитательный дом для бедных мальчиков; римско-католическое общество в Иерусалиме; австрийский поклоннический дом; церковь св. Анны; римско-католические греки и армяне; Греческая Православная Церковь; несоединенные армяне; копты, сирияне и абиссинцы в Иерусалиме; Россия при Гробе Искупителя; протестанты в Иерусалиме / Пер. с нем. // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1867. № 1. С. 33, 68, 87. Отд. оттиск: СПб., 1867. 42 с.

29) Известие о последовании божественного и священного умовения, по вновь изложенному чину, с некоторым пространнейшим толкованием / Пер. с греческой рукописи с примечаниями // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1867. № 5. С. 304—319.

30) Папандони. Пасха в Иерусалиме // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1867. № 12. С. 140—162.

31) П-ни. Патриаршее богослужение в Иерусалиме (по поводу 25 мая в Париже) // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1867. № 30. С. 519—528.

32) О молитве внутренней, внешней и церковной // Душеполезное чтение. М., 1867. № 5. С. 49—54.

33) Христианский плач об умерших // Душеполезное чтение. М., 1867. № 6. С. 107—121.

34) Христианская свобода // Душеполезное чтение. М. <год не указан>. № 6. С. 122—134.

1868

35) Аоон и Афон (возражение на книгу Н. А. Благовещенского об Аооне) // Душеполезное чтение. М., 1868. № 1—3. Отд. изд.: М., 1868. 42 с.

36) Из Иерусалима. Впечатление от кончины Митрополита Московского Филарета // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1868. № <не указан>. С. 123.

37) Преосвященный Мелетий, наместник Иерусалимского Патриархата. Некролог // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1868. № <не указан>. С. 124. Перепеч.: Странник. СПб., 1868. № 4. Отд. 4. С. 180—183.

38) О поездке в землю Филистимлянскую. Отрывок из письма А. А. к М. П. Погодину // Русский. СПб., 1868. 11 января. Л. 11.

39) А. и Б. 26-го января в Лавре Св. Саввы // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1868. Т. 2. С. 42. Отд. изд.: Киев, 1868. 94 с.

40) А. Солодянский. Письмо из Иерусалима от 21 марта: зима; поклонники; Преосвященный Александр, бывший Полтавский; постройки; абиссинский князь // Северная почта. СПб., 1868. № 72. С. 7.

41) Письмо из Иерусалима от 5 апреля: Пасха; археологические раскопки; обедня 17 апреля // Северная почта. СПб., 1868. № 94. Рец.: Воскресное чтение. XXXII. Кн. 1. С. 551 // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1869. № 5. С. 413. Отрывок: Солодянский А. Патриаршее священнослужение 17 апреля в Иерусалиме // Странник. СПб., 1868. № 5. С. 50.

42) А. А. Богословское училище близ Иерусалима // Духовная беседа. СПб., 1868. Т. 2. С. 161, 181, 234.

1869

43) Мучения Св. Домны // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1869. № 1. С. 120—133.

44) А. Орестов. От Босфора до Яффы // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1869. № 3—5. Отд. изд.: Киев, 1869. 84 с.

45) Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Синопский // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1869. № 6. С. 445—497.

46) А. С. Из Иерусалима (водосвятие в храме Воскресения) // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1869. № 5. С. 146—147. Отд. оттиск: Одесса, 1869. 8 с.

47) Поклонник. Письмо из Иерусалима от 27 июля: постройки; следствия вифлеемских беспорядков; служение двух Патриархов; воззвание Валерги; пропаганда протестантская; дворец царицы Елены // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1869. № 19. С. 645—655. Перепеч.: Нижегородские епархиальные ведомости. Нижний Новгород, 1869. № 22. Отд. оттиск: Нижний Новгород, 1869. 11 с.

48) А. Отшибихин. Дуб Мамврийский, письмо к редактору // Всемирная иллюстрация. СПб., 1869. № 42.

1870

49) А. А. Латинское предание на Востоке (из Триестской греческой газеты «Клио», о влиянии Франции и Италии в Палестине) // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1870. № 3.

50) Поклонник. Письмо из Иерусалима от 14 февраля: бездождие; крестный ход // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1870. № 6. Перепеч.: Киевские епархиальные ведомости. Киев, 1870. № 9. С. 303.

51) Один из поклонников. Из Иерусалима. Некролог монахини Магдалины Эберн, смотрительницы женского приюта в иерусалимских русских постройках. Надгробное слово // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1870. № 10. Отд. оттиск: Одесса, 1870. 8 с.

52) Наставления поклонникам Св. Гроба, по прочтении Великого канона // Духовная беседа. СПб., 1870. Т. 1. С. 217.

53) Приветствие поклонникам, после приобщения Святых Таин // Духовная беседа. СПб., 1870. Т. 1. С. 217.

54) Слово, произнесенное на Голгофе, в Великий Пяток, при обношении плащаницы // Духовная беседа. СПб., 1870. Т. 1. С. 229.

55) Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Ликии в Италию // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1870. № 5. С. 396—427.

1871

56) Наставление русским поклонникам в Иерусалиме, пред исповедью // Духовная беседа. СПб., 1871. Т. <не указан>. С. 209.

57) Приветствие поклонникам по причащении Святых Таин // Духовная беседа. СПб., 1871. Т. <не указан>. С. 215.

58) Слово на Голгофе, в Великий Пяток // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1871. № 4. С. 219—224.

59) Письмо из Иерусалима от 22 мая: минувшие святки Рождества Христова; патриаршее служение на Иордани; открытие патриаршей больницы; суббота Лазарева; Страстная седмица; Пасха; праздник Троицы; дуб Мамврийский // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1871. № 16. С. 320—330; Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1871. Т. 2. С. 189, 260.

60) Из записок синайского богомольца // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1871. № 2, 4, 8; 1872. № 5; 1873. № 3, 9. Отд. оттиски: Киев, 1871. 198 с.; 1872. 72 с.; 1873. 76 с.

1872

61) Слово на Голгофе // Духовная беседа. СПб., 1872. Т. <не указан>. С. 361.

1873

62) Еще о святителе Николае Мирликийском // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1873. № 12. С. 241—288.

1874

63) Древний канонарь синайской библиотеки // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1874. № 5. С. 189—216.; № 6. С. 458—497.

64) О древних христианских надписях в Афинах. СПб., 1874. 84 с.: 26 л. ил. Отзыв: Срезневский И. И. // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1874. Т. 28.

65) А. А. Нечто об Иерофее и Прокопии // Гражданин. СПб., 1874. № 31. С. 797.

66) Алексей Введенский. О русском паломничестве в Палестине // Гражданин. СПб., 1874. № 51.

1875

67) Слово на Голгофе // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1875. № 6. С. 818—822.

68) О. Загороднин. Выбор и посвящение нового Патриарха (Иерофея) в Иерусалиме // Церковная летопись духовной беседы. СПб., 1875. № 30, 31. Перепеч.: Странник. СПб., 1875. № 8. С. 98—113; Духовная беседа. СПб., 1875. № 45.

69) Доктор Сепп у самарян // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1875. № 10. С. 90—107.

70) Фараон, Моисей и Исход // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1875. № 11. С. 250—271; № 12. С. 456—472.

71) Интересы Русской Церкви и поклонников в Палестине (ответ на статью А. Д. Ушинского) // Церковный вестник. СПб., 1875. № 50.

72) Отчет о пожертвованиях в Иерусалимскую Миссию // Духовная беседа. СПб., 1875. В конце года.

1876

73) Наставления говеющим, по прочтении Великого канона в Иерусалиме // Духовная беседа. СПб., 1876. № 10. С. 289—301.

74) Слово на Голгофе // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1976. № 5. С. 410—417.

75) Письмо настоятеля Иерусалимской Миссии, по поводу статьи А. Ушинского // Церковный вестник. СПб., 1876. № 15. С. 3—6.

76) А. А. Из Иерусалима. Письмо в редакцию: состояние умов; не оправдавшиеся опасения; закрытие больницы и недостройка церкви (на Елеоне) и приюта (близ Иерихона) // Церковный вестник. СПб., 1876. № 32. С. 4.

77) Из Иерусалима: вопрос иерусалимский и Патриарх Кирилл; иерусалимские слухи о войне; бразильский император; артист Лазарев; пропаганда католическая и протестантская // Церковный вестник. СПб., 1876. № 51. С. 4—6.

1877

78) Св. преподобномученица Сосанна Палестинская // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1877. № 2. С. 380—405.

79) Еще по делу о Патриархе Иерусалимском Кирилле // Церковный вестник. СПб., 1877. № 3. С. 2—4. Ср.: Церковный вестник. СПб., 1877. № 22. С. 126.

80) А. Солодянский. Письмо из Иерусалима от 30 апреля // Церковный вестник. СПб., 1877. № 22.

81) А. Камзолов. Из Яффы // Гражданин. СПб., 1877. № 18. С. 447.

82) Sol. Греческая драма: Юлиан Отступник / Пер. критической статьи, примечания // Гражданин. СПб., 1877. № 41—44. С. 891—894.

83) Иерусалимский старожил. Из Иерусалима (по поводу газетных корреспонденций) // Церковный вестник. СПб., 1877. № 25. С. 11.

84) А. А. Кирилл II, бывший Иерусалимский Патриарх // Церковный вестник. СПб., 1877. № 38. С. 15—17.

85) А. Солодянский. Протестантская пропаганда в Палестине; окружное послание епископа Гоббата; Православие в Палестине // Церковный вестник. СПб., 1877. № 41. С. 3—8.

1878

86) Sol. Из Иерусалима. О восточном вопросе и филлинизме // Гражданин. СПб., 1878. № 16—17. С. 317.

87) Sol. По пути из Св. Земли (ожидаемая железная дорога к Иерусалиму; агитация папства; требование русского консула уничтожить Русскую Духовную Миссию) // Гражданин. СПб., 1878. № 23—25. С. 453—455.

88) О. Загороднин. Новые впечатления старого паломника // Гражданин. 1878. № 35—37. С. 635—638.

89) О том, как доктор Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1878. № 3.

1879

90) В Румелию. СПб., 1879. Т. 1. (Рец.: Дестунис Г. // Исторический вестник. СПб., 1880. № 8.; Сырку П. // Московские ведомости. М. , 1879. № 330.; Помяловский // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1880. № 6, 7 // Новое время. 1880. № 1482; Одесский вестник. № 3).

1880

91) Из Иерусалима. Зима; праздник Рождества Христова и Богоявления; молебствия // Церковный вестник. СПб., 1880. № 5.

1881

92) Отшибихин. Святоградские заметки // Церковный вестник. СПб., 1881. № 9.

1883

93) Слово на Голгофе: Совершишася! // Душеполезное чтение. М., 1882. № 6. С. 204—212. Отд. оттиск: М., 1883. 9 с.

94) А. Отзыв паломника-очевидца последних событий в Иерусалимской Патриархии // Русь. СПб., 1883. № 2. С. 61.; № 3. С. 56.

1884

95) Слово на Голгофе: Разбойник, распятый со Христом // Душеполезное чтение. М., 1884. № 6. С. 170—179. Отд. оттиск: М., 1884. 10 с.

96) Раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме // Палестинский Сборник. СПб., 1884. Вып. 7. С. 1—30, 31—35.

1885

97) Из Иерусалима. Впечатления поклонника. Письмо в редакцию // Церковный вестник. СПб., 1885. № 14. С. 238.

98) Слово на Голгофе. Уроки с Голгофы // Душеполезное чтение. М., 1885. № 5. С. 94—102. Отд. оттиск: М., 1885. 9 с.

1886

99) Надгробное слово при погребении И. Дм. Левитова // Русский паломник. СПб., 1886. № 19. С. 172.

100) Слово на Голгофе: Грех неведения // Душеполезное чтение. М., 1886. № 6. С. 206—213. Отд. оттиск: М., 1886. 8 с.

101) Из Румелии. СПб., 1886. Т. 2. 650+2 с.: XVIII л. ил.

1887

102) Слово на Голгофе: Неизвинительные укоризны // Душеполезное чтение. М., 1887. № 6. С. 129—134.

1888

103) Слово на Голгофе: Царство Божие // Душеполезное чтение. М., 1888. № 6. С. 202—208.

1889

104) Слово на Голгофе: Происхождение зла и врачество против него // Душеполезное чтение. М., 1889. № 6. С. 202—210.

1890

105) Слово на Голгофе: Понятие о спасении в Ветхозаветном и Новозаветном мире // Душеполезное чтение. М., 1890. № 6. С. 133—141.

1891

106) Слово на Голгофе: Страх пред Господом // Душеполезное чтение. М., 1891. № 6. С. 259—266.

1893

107) Слово на Голгофе на текст: «Иисус же, пущ глас велий, издше» // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1893. № 5. С. 3—14.

В рукописи

1) Каталог на греческом языке рукописей Синайской библиотеки, в монастыре на Синае.

2) Дневник его, 14 больших тетрадей, в 4-ю долю, имеющий несомненную важность для уяснения современной нам истории Церкви Афинской, Константинопольской, Иерусалимской и Русской.

3) В бумагах Преосвященного Порфирия (Успенского), находящихся в Императорской Академии наук, сохранилось десять писем архимандрита Антонина, от 1859—1863 гг., преимущественно из Константинополя, весьма интересных, по свидетельству П. Сырку: в них заключается весьма много данных по археологии, истории и литературе христианского Востока.

К архимандриту Антонину были адресованы (и напечатаны в Трудах Киевской Духовной Академии, 1867, № 10, 11) письма архимандрита Порфирия (Успенского) о пресловутом живописце Пан Селине.

Статьи о нем

Автобиографические воспоминания его рассеяны в его сочинениях: «Заметки поклонника Св. Горы» (1864), «Из записок Синайского богомольца» (1871—1873), «Поездка по Румелии» (1886) и в книге С. А. Венгерова: «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (СПб., 1889. Т. 1. С. 627—628).

I. В указании сторонних статей о нем мы прежде всего сгруппируем отзывы Митрополита Московского Филарета, рассеянные в издании Преосвященного Саввы: Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885—1887; и в письмах Митрополита к разным лицам.

1) 1853. По поводу письма иеромонаха Антонина о переводе катехизиса на греческий язык, с намеренным опущением. Т. 3. С. 489—492.
2) 1858. Отзыв митрополита Филарета в письмах его, изданных архиепископом Саввою: Тверь, 1888. Ч. 2. С. 67.
3) 1859. Замечания митрополита Филарета на письмо архимандрита Антонина: а) о разностях между Греческой и Русской Церквами: Собрание мнений и отзывов. СПб, 1887. Т. 4. С. 397—409, 419, 436, 482, 490; б) о сложении сана: Там же. С. 569—570.
4) Предложение митрополита Филарета перевести архимандрита Антонина (из Афин) в Константинополь: Там же. С. 490—491; Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по делам Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 72.
5) 1860. Предложение митрополита Филарета поручить архимандриту Антонину посредничество по греко-болгарскому делу: Там же. С. 207, 255, 274, 282, 316, 354.
6) 1861. Об особенностях письма архимандрита Антонина из Константинополя от 6 марта по болгарскому делу: Там же. С. 261—265, 300—303.
7) О сведениях из Константинополя, по письму архимандрита Антонина, где он сообщил отзыв Вселенского Патриарха Иоакима II о некоторых богослужебных порядках Русской Церкви: Там же. С. 307—309. Поручение архимандриту Антонину переговорить с Вселенским Патриархом по делам болга-

ро-униатского архиепископа Иосифа: Там же. С. 311, 327—331, 395. Он командируется в Иерусалим для обследования причин, вызвавших неустройство в тамошней нашей Духовной Миссии: Там же. С. 440—441.

8) По делу о болгарском архиепископе Иосифе: Собрание мнений и отзывов. Т. V. Ч. I. С. 201.

9) Письма митрополита Филарета к наместнику Лавры, архимандриту Антонину, изданные: СПб., 1884. Ч. IV. С. 290.

10) 1862. О браке французской католички: Собрание мнений и отзывов. Т. V. Ч. I. С. 225. О Синайской рукописи: Там же. С. 366, 368, 369.

11) Отзывы митрополита Филарета: Там же. С. 123, 126, 187, 190, 191, 200. Письма митрополита Филарета, изданные Преосвященным Саввой. Т. 2. С. 160. О священнике Агапии Гончаренко: Собрание мнений и отзывов. Т. V. Ч. I. С. 675.

12) Письмо митрополита Филарета к графу Д. А. Толстому, с мнением о донесении архимандрита Антонина по делу о неустройствах в Иерусалимской Духовной Миссии: Там же. С. 445—456, 465.

II. Об архимандрите Антонине как профессоре, в *Записке* Ив. И. Малышевского, в книге «Пятидесятилетний юбилей Киевской Духовной Академии». Киев, 1869. С. 99—100, 102.

NB. Здесь кстати спросить, отчего в книге о юбилее не напечатано приветствие отца Антонина на полувековой праздник родной ему Академии? Не может быть сомнения, что оно было прислано им, — хоть в роде письма к ректору, — отчего же оно не напечатано?!?!

III. О деятельности его в Иерусалиме упоминается вполне сочувственно у каждого паломника-писателя, посещавшего Палестину в период времени от 1866 до 1894 гг. Мы здесь напомним только немногие, наиболее авторитетные отзывы.

1) Олесницкий А. А. Актовая речь // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1875. № 11. С. 20—21.

2) Хитрово В. Н. Неделя в Палестине. СПб., 1879. С. 35, 48, 65.

3) En Terre Sainte. Souvenirs de voyage. SPb., 1884. P. 66, 67, 96,109, 290, 302.

4) Елисеев А. В. С русскими паломниками по Святой Земле. СПб., 1885. С. 107—108, 147—148, 200, 243—244, 255, 361.

5) Русский паломник. 1886. № 13. С. 97—101; 1887. № 35. С. 359; С. 404.

6) Коптев А. Воспоминания о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим. СПб., 1888. С. 89, 109, 129, 141—144, 174—176, 188—189, 230, 255.

7) Маркова Евгения. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 54, 220, 252, 272.

8) Василевский В. О сочинениях о. Антонина / Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 629—635.

9) Хитрово В. Н. Юбилей архимандрита Антонина // Странник. СПб., 1892. № 1. С. 181—188. См. также: СППО. СПб., 1891. Т. 2.

10) Русское празднество в Яффе // Церковные ведомости. СПб., 1893. № 10. С. 419.

11) Малышевский И. И. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин в его отношениях к Киевской Духовной Академии // Церковные ведомости. СПб., 1893. № 45. С. 1627—1630.

12) Некролог // Церковные ведомости. СПб., 1894. № 15. С. 507.

13) Терновский С. А. О последних днях жизни, кончине и погребении настоятеля Русской Духовной Миссии в Палестине архимандрита Антонина и над-

гробная речь над ним // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1894. № 5. Перепеч.: Церковные ведомости. СПб., 1894. № 21.
14) Фотий, архимандрит. Надгробное слово // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1894. № 6.
15) Хитрово В. Н. // Сообщения Православного Палестинского Общества. СПб., 1894. Т. 6. С. 299—311. Характеристика деятельности архимандрита Антонина.
16) Малышевский И. И. Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии за 1893—94 гг. // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1894. № 11. С. 450—454. Характеристика деятельности отца Антонина и отношение его к Киевской Духовной Академии.

IV. Были и строгие, и прямо враждебные статьи о нем, например: Ушинский А. Д. // Церковно-общественный вестник. СПб., 1876. № 17—18; и особенно в «Колоколе» Герцена. Появилась даже целая книга некоего Ю. Добрынина (псевдоним Афанасия Чернышева), о которой и вспомнить больно; укажем только рецензии на нее: // Вестник Европы. СПб., 1881. № 2; Отечественные Записки. СПб., 1881. № 2; Новое Время. СПб., 1881. № 3; фельетон А. С. Суворина. Но против всех нападок отец Антонин мог бы смело сказать: *Наши дела говорят гораздо громче, чем красноречивейшие языки.*

С. П.

Конотоп, 21 сентября 1894 г.

Статья напечатана в соответствии с правкой по экземпляру ГПИБ: Отд. оттиск (вырезанные и склеенные страницы), б.м. б.г. шифр Б7 02/201.

Список периодических изданий

1. Воскресное чтение — 41.
2. Всемирная иллюстрация — 48.
3. Гражданин — 65, 66, 81, 82, 86, 87, 88.
4. Духовная беседа — 27, 30, 42, 52, 53, 54, 56, 57, 61, 68, 72.
5. Духовный вестник — 10.
6. Душеполезное чтение — 21, 32, 33, 34, 35, 93, 95, 98, 100, 102, 103, 104, 105, 106.
7. Журнал Министерства народного просвещения — 3, 4, 90.
8. Записки Императорской Академии наук — 64.
9. Записки Одесского общества истории и древностей — 17, 18, 20.
10. Известия Императорского археологического общества — 5.
11. Иллюстрированный листок — 11.
12. Исторический вестник — 90.
13. Киевские епархиальные ведомости — 50.
14. Москвитянин — 2.
15. Московские ведомости — 90.
16. Нижегородские епархиальные ведомости — 47.
17. Новое время — 90.
18. Одесский вестник — 90.
19. Отечественные Записки — 2.
20. Палестинский Сборник — 96.
21. Руководство для сельских пастырей — 8.
22. Русский — 38.

23. Русский паломник — 99.
24. Русь — 94.
25. Северная почта — 25, 40, 41.
26. Странник — 6, 37, 41, 68.
27. Труды Киевской Духовной Академии — 7, 29, 39, 41, 43, 44, 45, 55, 58, 60, 62, 63, 67, 69, 70, 74, 78, 89, 107.
28. Херсонские епархиальные ведомости — 24, 25, 27, 30, 46, 47, 49, 50, 51, 59.
29. Христианское чтение — 9, 12, 13, 14, 23.
30. Церковная летопись духовной беседы — 6, 22, 25, 28, 31, 36, 37, 68.
31. Церковный вестник — 71, 75, 76, 77, 79, 80, 83, 84, 85, 91, 92, 97.

Подготовка к печати Р. Б. Бутовой

САБЛЕР В. К.
Обер-прокурор Святейшего Синода

ДОКЛАД В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

ВЕДОМСТВО
ПРАВОСЛАВНОГО
ИСПОВЕДАНИЯ

Хозяйственное Управление
при Святейшем Синоде

Отделение III В. К. САБЛЕР,
обер-прокурор
Святейшего Синода
Стол 2

С. -Петербург
4 января 1914 г.
№ 199
(В Гос. Думу)

О назначении из казны дополнительного пособия на содержание Иерусалимской Духовной Миссии по 36.000 руб. в год и о перечислении 27.000 руб. из кредита в 30.000 руб., ассигнуемого по § 13 ст. 2 сметы Св. Синода в пособие Императорскому Православному Палестинскому Обществу, в § 8 ст. 1 той же сметы на содержание названной Миссии

ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА

Учреждение Духовной Миссии во Св. Граде Иерусалиме в первой половине XIX века связано с политическими событиями того времени и является делом не только церковной, но и государственной политики. После победоносной войны с Турцией, закончившейся Адрианопольским миром в 1829 году, и особенно вследствие заключенного в 1833 году между Россией и Турцией Ункияр-Искелесского договора о взаимной поддержке друг друга на случай внешних осложнений, Россия заняла преобладающее влияние в Константинополе и перед нею открылась возможность достигнуть больших практических результатов в исконном её призвании защиты православных христиан на Востоке от угнетения завоевателей мусульман и влияний инославной пропаганды. Но эта возможность встретила затруднения в других политических обстоятельствах того времени. Почти одновременно с заключением Ункияр-Искелесского договора Россия, совместно с Англией, Австрией и Прусси-

ей, помогла Турецкому султану справиться с восставшим против него Египетским пашой Мегметом-Али. Сирия и Палестина, находившиеся до того несколько лет под властью Египта, вновь превратились в турецкие провинции. Оказанная услуга побудила султана открыть Европейским державам свободный доступ в пределы его владений и дать обещание облегчить положение там христиан, а также унормировать отношения христианских держав к святым местам в Палестине. По инициативе прусского короля Фридриха Вильгельма IV, на обсуждение Европейских кабинетов, в том числе и Русского, был предложен ряд мер, выработанных в Берлине, к тому, чтобы указанные общие обещания Турецкого султана в ближайшее время получили реальные формы. В числе этих мер, между прочим, требовалось, чтобы право собственности на святые места в Иерусалиме, Вифлееме и Назарете перешло коллективно к поименованным пяти Европейским державам. Такое решение этого вопроса не могло удовлетворить Русское правительство, тем более что оно, как сказано, пользовалось преобладающим влиянием в константинопольских политических кругах. Но, дабы не возбуждать зависти в своих английских, австрийских и прусских противниках, наше правительство предпочло действовать замаскированным путем, хотя положение православия в оттоманских владениях и, в частности, положение наших паломников в Палестине, требовало, казалось, более решительных действий. Из донесений наших дипломатических представителей на Востоке и из записки посетившего в 1838 году Святую Землю камергера А. Н. Муравьева выяснилось, что инославные общины, и ранее существовавшие в Палестине и имевшие прочную организацию и богатые средства, еще более усилились благодаря открывшемуся для сих держав свободному доступу в Палестину. Таким образом, для других держав, кроме России, была уже подготовлена достаточно благодарная почва для дальнейшего укрепления их влияния в Палестине. У России же никакого представительства на месте в Иерусалиме не было. «Наша великая нация, — писал Муравьев в помянутой записке, — очень плохо представлена в Святой Земле паломниками низкого происхождения, очень невежественными и иногда безнравственными. Служение происходит очень редко на славянском языке, без всякой торжественности и даже беспорядочно. Желательно однако, чтобы имя Христа славилось достойным образом в месте Его страдания православными христианами в соревновании с латинянами, которые отличаются в Иерусалиме торжественностью служб и тем внушают невольное к себе почтение. Легко найти достойного архимандрита, который возьмется за эту святую миссию, и присутствие его там будет очень полезно как в политическом, так и в религиозном отношении, потому что он мог бы иметь благотворное влияние на наших единоверцев и распространять среди них свет и нужные познания, оставаясь в сношениях с нашей миссией в Константинополе и нашими консулами».

Выяснив положение дела и признавая необходимым, для защиты православия в Святой Земле от инославной пропаганды, присутствие в Иерусалиме благонадежной образованной особы из российского духовенства — иеромонаха или архимандрита — Министерство иностранных дел полагало однако, что гласное отправление духовного лица в Иерусалим имело бы большие неудобства и что на первый случай надо ограничиться мерою, так сказать, испытательною — избрать кроткого, благоразумного и надежного иеромонаха или архимандрита и отправить его в Иерусалим в качестве поклонника Святого Гроба Господня. Таким первым «поклонником» Святого Гроба Господня был назначен 26 апреля 1843 года известный впоследствии востоковед, архимандрит Порфирий (Успенский), которому на его путешествие было выдано 1.500 руб. из сумм Министерства иностранных дел, ассигнуемых на азиатские дела. Хотя архимандриту Порфирию данной ему инструкцией не ставилась прямой задачей забота о наших паломниках и об улучшении их быта в Иерусалиме, а все его внимание направлялось на то, чтобы собрать сведения о состоянии Православной Церкви на Востоке и сообразить на месте, какие удобнее было бы при-

нять меры к поддержанию православия, однако, как образованный и наблюдательный пастырь, он не мог не обратить внимания и на печальное положение наших паломников в Иерусалиме. В своих обстоятельных отчетах в Министерство иностранных дел он высказал не мало горячих и веских замечаний в их защиту, настойчиво рекомендуя, в интересах паломников и Русской Церкви и государства, учредить в Иерусалиме постоянную Русскую Духовную Миссию. Мысль архимандрита Порфирия встретила сочувствие в Министерстве иностранных дел. По соглашению со Св. Синодом, Государственным Канцлером была представлена на Высочайшее благовоззрение всеподданнейшая записка об учреждении названной Миссии, на что и воспоследовало 11 февраля 1847 года Высочайшее соизволение.

Первым начальником ее был назначен 31 июля того же года помянутый архимандрит Порфирий; но и теперь архимандрит Порфирий отправлялся в Иерусалим на жительство «не в качестве игумена или настоятеля, а поклонника, снабженного дозволением и формальною рекомендациею от Русского духовного начальства». Вместе с ним решено было послать также в виде «поклонников, ему подчиненных и состоящих под его надзором 1—2 иеромонахов, 1 иеродиакона и 2 послушников».

Назначение Миссии в Иерусалим, согласно инструкции начальнику Миссии, «должно вести к достижению двоякой цели, которую Государь Император и Святейший Правительствующий Синод имеют в виду не только для Иерусалима, Константинополя, но и для всего Востока, а именно: 1) ободрять и облагораживать единоверное духовенство, укрепляя в нем чувства уважения, доверия и любви к Российской Церкви; 2) споспешествовать повсюду, где представится возможность, миру и доброму согласию с иноземными исповеданиями и народами, убеждая их на деле в том, что Российская Церковь, заботясь о непреложном сохранении своей первобытной чистоты и целости, не престает питать ко всему христианскому миру те возвышенные чувства любви, участия и веротерпимости, которыми издревле красуется история России». В частности, относительно забот Миссии о наших паломниках в инструкции замечено, что «иноки наши действуют на нравственность русских паломников при удобных случаях духовными назиданиями, советами, внушениями, а всего более примером собственного своего жития. Для сопутствия русским поклонникам в Назарет, Тивериаду и для надзора за ними во время пути архимандрит, по соглашению с патриархом и консулом, отпускает, в случае особливой нужды, кого-либо из старших при нем духовных лиц».

На содержание первой Иерусалимской Духовной Миссии было назначено по 7.000 руб. в год, по равной части из средств Государственного Казначейства по смете Министерства иностранных дел и из специальных средств Св. Синода. Из синодальных средств, кроме того, как при первом отправлении Миссии, так и во все последующее время, производились значительные расходы на снабжение Миссии ризницей, богослужебными и другими книгами и на путевое пособие ее членам. Первая Миссия отправилась к месту назначения 14 октября 1847 года.

Приступив к выполнению начертанной правительством программы, Иерусалимская Миссия с самого же начала вынуждена была расширить круг своей деятельности. Приниженное положение аборигенов страны — православных арабов, нравственно подавленных господствующим греческим духовенством, побудило начальника Миссии принять меры к возвышению народного самосознания арабов. С этой целью им были открыты как в Иерусалиме, так и в других местах школы для арабов и было отправлено 12 туземцев в греческую школу для подготовки из них образованных сельских пастырей для арабского народа. С другой стороны, тяжелые условия быта русских паломников в Иерусалиме побудили первого начальника Миссии к настойчивым ходатайствам пред нашим правительством об открытии русской больницы, взамен тесной греческой, о назначении к ней русского врача и духовника и об учреждении самостоятельного консульства в Иерусалиме, отдельного от Бейрутского генерального консульства, которому подчинен был Ие-

русалим, чтобы в его лице наши паломники имели близкого сильного защитника их интересов. Наконец, все члены Миссии с ревностию выполняли и научные задачи по изучению местных языков, условий местной церковной жизни, по переводу книг на арабский язык. Обстоятельные отчеты о трудах Миссии ежегодно представлялись в Св. Синод и Министерство иностранных дел.

Крымская война прервала в 1855 году плодотворную и разностороннюю деятельность первой Иерусалимской Духовной Миссии. Ее начальник и члены были отозваны в Россию. По окончании войны решено было восстановить Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме и вместе с тем дать ей более видное, чем прежде, положение. «Роль смиренных наблюдателей, — говорится во всеподданейшем докладе Государю Императору министра иностранных дел по вопросу о восстановлении Иерусалимской Миссии, — ныне уже невозможна для нашей миссии. Нам необходима представительность на Востоке, разумеется, не политическая, а церковная, в которой нам не могут отказать ни турки, ни имеющие своих патриархов и епископов во Св. Граде франки. Пока наше влияние было сильно, мы еще могли таить его, чтобы не возбудить зависти; а теперь, когда оно ослабело на Востоке, мы, напротив того, должны стараться хотя наружно выказать его, чтобы не упасть во мнении православного населения, которое еще верит нам по старой памяти». Главнейшая цель Миссии полагалась в примирении враждующих племен Востока и в поддержке арабов, чтобы их не завлекли в унию благодеяния латинов. С этой целью начальнику Миссии вменялось в обязанность иметь особое попечение об арабском духовенстве и населении и, в частности, «усовершенствовать училища Греческое и Арабские в Иерусалиме, иногда добрыми советами наместникам патриаршим, иногда денежными пособиями, ибо просвещение есть единственное средство против возрастающего влияния латинизма; устроить типографию Арабскую в Иерусалиме и печатать там богослужебные и догматические книги под руководством нашей миссии и основать богадельню». Независимо от сего, начальник Миссии должен был иметь нравственное наблюдение за прибывающими в Иерусалим русскими паломниками. Во главе Миссии, для большего авторитета, был поставлен епископ, а состав ее увеличен на 12 человек.

По Высочайше утвержденному 30 марта 1857 года штату Иерусалимской Духовной Миссии было назначено 14.650 руб., из коих, как и в первый раз, половина была отнесена на средства Государственного Казначейства по смете Министерства иностранных дел, а другая половина — на специальные средства Св. Синода. По определению Св. Синода от 23—30 сентября 1857 года за № 9856, следующие 7.325 руб. на содержание Миссии и половина расходов на путевое пособие Миссии — 4.627 руб. 96 коп., были отнесены на остаточный капитал из штатных сумм, на Западные епархии определенных, в виду недостаточности типографского капитала, из коего раньше производилось содержание Миссии по штату 1847 года.

Несмотря на скромные средства Миссии, начальник оной Преосвященный Кирилл все же находил возможным выдавать пособия на церкви в Дар-Псалине, в Каффарине, в Захле, в Джуб-Джените, в Селиме и других местах, на школы в Ирбине и Рашее и пр.; он же поддерживает постройку православной церкви в Суре, устраивает помещение для Селевкийского митрополита в Захле и школу в Триполи, берет на свое содержание учителя катехизиса в Бейрутской школе, приобретает участок земли в селении близ Бейрута с целью со временем устроить центральную Русско-арабскую школу, составлявшую насущную потребность края, ведет переговоры с патриархом и попечителями школ в Дамаске об устройстве, управлении и способах содержания тамошних школ и оказывает пособия Белемендскому и062 Седнайскому монастырям. В отношении русских паломников служение Преосвященного Кирилла ознаменовано заботами об устройстве госпиталя для таковых паломников, о постройке дома для Миссии. Кроме того, Преосвященный Кирилл нанимал в Иерусалиме на праздники Св. Пасхи для поклонников, нуждавшихся в особом по-

печении, два частных дома и вообще заботился об устранении неудобств, с какими встречались русские паломники, посещая Иерусалимские греческие монастыри.

Служением Преосвященного Кирилла во главе Иерусалимской Миссии (по 1863 г.) заканчивается период самостоятельной деятельности Миссии. В дальнейшем деятельность ее связывается с деятельностью Палестинского Комитета, Высочайше учрежденного в 1858 году; сменившей этот Комитет Палестинской Комиссией (Высочайше учрежденной в 1864 году) и, наконец, Императорского Палестинского Общества, совместившего в себе функции упомянутых Комитета и Комиссии. В период самостоятельного существования Иерусалимская Миссия была единственным в Палестине представительным органом нашего правительства — как духовного, так и гражданского. Выполняя высокий подвиг поддержания упадающего православия среди забитого и находящегося в неблагоприятных условиях быта населения туземцев- арабов и проникнутая духом Евангельской любви служения своим соотечественникам с целью улучшения их жизни в Иерусалиме, при исполнении крестоносного паломнического подвига, Иерусалимская Миссия несла на себе обязанности и духовного учреждения, и дипломатического представительства. С учреждением в 1858 году Палестинского Комитета (впоследствии Палестинской Комиссии) и с открытием в том же году Российского Императорского Консульства в Иерусалиме обязанности дипломатического представительства отпали от Иерусалимской Миссии. Должны были отойти и заботы о материальном устройстве паломников, что ставилось целью Палестинского Комитета, а потом и Палестинской Комиссии. Задачи Миссии были ограничены попечением об удовлетворении духовных нужд «наших подданных и тех православных всех народностей, которые обратились бы для сего к начальнику или членам миссии». Вместе с сим Миссии было поставлено в обязанность поддерживать дружественные сношения с местным духовенством, передавать по принадлежности присылаемые из России пожертвования и содействовать нашему консулу в Иерусалиме в тех случаях, когда они обратятся к посредству Миссии.

Но произведенное на бумаге разграничение сфер деятельности оказалось неосуществленным на деле. Палестинский Комитет, а за ним и Палестинская Комиссия слишком узко поняли свою задачу помогать русским паломникам, ограничив круг своей деятельности одним городом Иерусалимом, да и тут не прилагали особых забот к обеспечению паломников удобными помещениями, к устройству храмов и вообще ко всему тому, что касалось улучшения материального быта паломников. Между тем усилившийся с открытием в 1856 году Русского Общества пароходства и торговли наплыв паломников в Палестину и устремление их в другие священные места, кроме Иерусалима, как то: к Дубу Мамврийскому, в Иерихон и т. д., вынуждали Миссию выйти за пределы начертанной ей программы и, вместе с мерами духовного воздействия на паломников, делать для их материального обеспечения то, чего не делали Палестинские Комитет и Комиссия, т. е. устроять для них поклоннические приюты и, что особенно важно для русского религиозного самосознания, приобретать в собственность России священные места поклонения. Наряду с сим Миссия не оставляла и забот о духовном преуспеянии православных туземцев и ограждении их от влияния инославных миссионеров. В этом отношении незабвенной остается деятельность начальника Иерусалимской Миссии архимандрита Антонина. В 1868 году архимандрит Антонин купил Дуб Мамврийский с прилегающим к нему участком земли, на котором впоследствии был устроен паломнический приют. В 1870 году приобретен им же обширный участок земли на Елеонской горе, где теперь находится величественный храм Вознесения на Елеоне. Вскоре же по водворении в Иерусалиме архимандрит Антонин устроил на Бет-Джале — центре пребывания латинского патриарха и латинской семинарии — женскую школу. Им же был приобретен ценный участок в Горней и устроена школа с приютом, а затем здесь же возникли храм Казанской иконы Божией Матери и женская оби-

тель. Стараниями архимандрита Антонина были приобретены обширные участки и устроены паломнические приюты близ Иерихона, близ древней башни Закхея, в Яффе близ гробницы Тавифы. Все эти приобретения совершены архимандритом Антонином частью на собственные средства, частью же на собранные им пожертвования. Специальных средств на это у Миссии не имелось и штатная сумма, ей отпускавшаяся с 1857 года, оставалась неизменною.

Высочайшим повелением 8 мая 1882 года учреждено Православное Палестинское Общество, получившее в 1889 году наименование Императорского, с исключительно научной и благотворительной целями: собирать, разрабатывать и распространять сведения о святых местах на Востоке, оказывать пособие православным паломникам этих мест, учреждать школы, больницы и странноприимные дома, организовывать паломнические караваны, удешевлять путевые расходы и оказывать пособия местным жителям, церквам, монастырям и духовенству. По мере развития деятельности Палестинского Общества расширялся и круг деятельности Иерусалимской Миссии. Правда, на ее долю осталось одно церковно-религиозное воздействие на русских паломников и православных туземцев. Но, с одной стороны, Миссия не могла оставить в небрежении приобретенные в прежнее время участки, дорогие русскому народу по священным воспоминаниям. Приобретя эти участки, Миссия по необходимости должна была озаботиться приведением означенных участков в такой вид, чтобы сделать их доступными для богомольцев, — а для этого нужно было строить и храмы, и поклоннические приюты. Постройка же этих зданий требовала увеличения наличных сил Миссии для того, чтобы обслуживать сооружаемые ею храмы и приюты.

С другой стороны, параллельная деятельность Палестинского Общества по сооружению на его собственные средства русских храмов и странноприимных домов, школ и других учреждений в Святой Земле также увеличивала круг деятельности членов Миссии. Кроме постоянной службы в Троицком соборе на Русских постройках, оказалась существенная необходимость и в еженедельной службе в новосооруженном храме св. Марии Магдалины, в храме Вознесения на Елеонской горе и в храме в честь Казанской иконы Божией Матери в Горней. Испрошенное у Иерусалимского Патриарха Августейшим Председателем Общества, Великим Князем Сергием Александровичем, разрешение на еженедельную службу у Гроба Господня оставалось без исполнения, за невозможностью для членов Миссии уделить на это время, так как все они были заняты совершением богослужения в других церквах. Ощущался также недостаток и в духовном призрении наших паломников, по мере увеличения числа их и улучшения материального их быта. В устранение этих затруднений был выработан проект нового штата Духовной Миссии в Иерусалиме, каковой и был 27 января 1890 года Высочайше утвержден. По этому штату содержание Миссии определено в 30.000 руб. в год. На покрытие сего расхода были обращены 14.650 руб., отпускавшиеся по штату 1863 года на содержание Миссии, а недостающая до нового штатного ассигнования сумма отнесена на счет кружечного сбора в пользу палестинских поклонников, состоящего в распоряжении Палестинского Общества.

Засим в октябре 1895 года Августейший Председатель Императорского Православного Палестинского Общества представил бывшему обер-прокурору Св. Синода соображения о необходимости изменения и усиления штата Иерусалимской Духовной Миссии 1890 г. соответственно новым обязанностям, возложенным на Миссию, и предъявляемым к ней требованиям, причем был доставлен и проект нового штата Миссии. По этому проекту прибавлены должности 1 иеромонаха и 1 иеродиакона ввиду возложения на Миссию обязанностей совершать ежедневное богослужение в Горненском женском приюте и еженедельное — в Яффской церкви святого Апостола Петра и в церкви Русского дома в Иерусалиме, а также еженедельно встречать и провожать поклоннические караваны; увеличено в Миссии чис-

ло монахов для возложения на них обязанностей эконома, трапезаря, пекаря и т. п., оказавшихся необходимыми с введением в Миссии общей трапезы как неотъемлемой принадлежности каждого благоустроенного монашеского общежития, каковым должна быть Русская Духовная Миссия. Вызванное этим изменением штата Миссии увеличение ежегодного расхода на 2.500 руб. золотом названное Общество согласилось принять на свои средства.

По одобрении Св. Синодом помянутого проекта штата и представленных при нем некоторых правил для Миссии, касающихся совершения богослужения во вновь устроенных церквах и безмездного исправления членами Миссии треб у наших паломников, по всеподданнейшему докладу бывшего обер-прокурора Св. Синода, Высочайше утвержден 9 декабря 1895 года ныне действующий штат Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, по которому все содержание Миссии определено в 32.500 руб. золотом. На покрытие означенного расхода обращаются 7.325 руб. золотом или 10.987 руб. 50 коп. кредитными, ассигнуемые из Государственного Казначейства по § 8 ст. 1 сметы Св. Синода; 7.325 руб. золотом или 10.987 руб. 50 коп. (за округлением 11.000 руб.) кредитными, отпускавшиеся до 1908 года из типографского капитала, а с 1908 года, за ограниченностью сего капитала, отнесенные по Высочайше утвержденному 1 февраля 1908 года определению Св. Синода на поступающую в ведение Св. Синода часть доходов с Бессарабских имений заграничных установлений, а остальные 17.850 руб. золотом или 26.775 руб. кредитными — из средств Палестинского Общества. Но последняя сумма (26.775 руб.) в действительности отпускалась из средств сего Общества только до 1900 года, а с этого времени была принята на счет Государственного Казначейства при следующих обстоятельствах.

Августейший Председатель Палестинского Общества, Великий Князь Сергий Александрович, в рескрипте на имя бывшего министра финансов С. Ю. Витте от 7 февраля 1899 г., за № 88, указав на обременительность для Общества ежегодного расхода до 27.000 руб. на содержание Духовной Миссии в Иерусалиме и почтового расхода до 3.000 руб., просил о ежегодном возмещении Обществу сих расходов в сумме 30.000 руб. из средств Государственного Казначейства. Вследствие сего, Высочайше утвержденным 24 мая 1899 г. мнением Государственного Совета, по представлению обер-прокурора Св. Синода, разрешено было отпускать из Государственного Казначейства, начиная с 1900 года, по 30.000 руб. в пособие Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Эта сумма и ныне ассигнуется по § 13 ст. 2 финансовой сметы Св. Синода названному Обществу, которое, таким образом, фактически освобождено от расхода на содержание Иерусалимской Духовной Миссии.

На основании воспоследовавших 1 июля 1912 года закона и правил о порядке управления Бессарабскими имениями заграничных духовных установлений и распределения получаемых с сих имений доходов (Собр. Узак. и Расп. № 153 ст. 137), по каковым правилам (ст. 14) поступающая в специальные средства Св. Синода часть означенных доходов должна расходоваться на духовно-просветительные нужды только в пределах Бессарабской губернии, производившееся из сего источника пособие Иерусалимской Духовной Миссии по 11.000 руб. в год, в счет штатного ее содержания, с 1 января 1913 года прекращено. В виду сего Св. Синод, приняв во внимание, что с изданием означенного закона названная Миссия останется в 1913 году без необходимого ей ежегодного пособия в 11.000 руб. и что в распоряжении Св. Синода не имеется средств для возмещения сей суммы, в определении от 18—27 сентября 1912 года за № 7789 постановил: поручить Синодальному обер-прокурору, по выяснении настоящего положения и потребностей Иерусалимской Духовной Миссии, войти в законодательном порядке с ходатайством об ежегодном отпуске из Государственного Казначейства потребной суммы на содержание сей

Миссии в размере не меньшем сравнительно с производившимся ей пособием из доходов с Бессарабских имений заграничных духовных установлений.

В настоящее время задачи и круг деятельности Иерусалимской Духовной Миссии определены утвержденной определением Св. Синода от 20 мая 1902 года, за № 2234, инструкцией ее начальнику. По этой инструкции Иерусалимская Духовная Миссия, служа среди инославных и иноверных образцом благоустроенной православной иноческой обители, имеет своим существенным назначением удовлетворение духовных потребностей пребывающих там русских подданных и русских богомольцев. Соответственно с сим, не ограничиваясь отправлением богослужений и духовным назиданием богомольцев, Миссия прилагает особливое попечение к тому, чтобы благочестивые их желания, привлекшие их в Святую Землю, были удовлетворены с возможною полнотою. С этою целью Миссия сообщает богомольцам в устных беседах сведения и изъяснения о всех чествуемых христианами святых местах, оказывает содействие к посещению их в сопровождении опытного спутника, заботится о предоставлении богомольцам возможно частых случаев слышать на святых местах богослужение на славянском языке и отвращает от них все то, что может посеять в душе их какой-либо соблазн или ослабить воодушевляющие их благоговейные чувства. Постоянному попечению начальника Духовной Миссии вверяются все земельные участки, приобретенные бывшим начальником Миссии архимандритом Антонином, а также переданные Императорским Православным Палестинским Обществом в заведование Духовной Миссии: на Елеонской горе около церкви св. Марии Магдалины и в Иерихоне, так называемый отца Иоасафа. Он должен заботиться о благоустройстве этих участков. Начальник Духовной Миссии должен строго наблюдать, чтобы члены Миссии, состоящие при ней и служащие в оной, не взимали денежного или вещественного вознаграждения за исполнение для паломников духовных треб, а также каких-либо денежных или вещественных от них пожертвований под каким бы то ни было наименованием. На начальника Духовной Миссии возлагается наблюдение, по соглашению с Палестинским Обществом, за правильным, постоянным чтением Псалтири в церкви св. Александра Невского в Русском доме и за вечерними чтениями, устраиваемыми на Русском подворье ежегодно с 15 сентября по четверг шестой недели Великого поста.

В непосредственном подчинении начальника Духовной Миссии и его заведовании состоят подворья: а) на Елеонской горе, б) в Иерихоне, в) у Дуба Мамврийского, г) в Яффе. Богослужение в Миссии по Церковному Уставу должно совершаться в течение целого года в определенные заблаговременно часы: ежедневно в Троицком соборе на Русском подворье, еженедельно — в определенные заблаговременно дни: а) в церкви Спасителя на Елеонской горе, б) в церкви св. Марии Магдалины близ Гефсимании, в) в церкви св. Александра Невского в Русском доме, г) в церкви Казанской иконы Божией Матери в Горней, д) в церкви св. Апостола Петра в Яффе.

По доставленным начальником Иерусалимской Духовной Миссии сведениям, Миссия имеет 8 храмов, несколько молитвенных домов, где весьма часто совершаются богослужения, а в 5 храмах даже ежедневно, причем Миссия заботится об устройстве в своих храмах благолепных богослужений, чтений, проповедей, общего народного пения и т. п. Кроме богослужений в храмах и исполнения треб для паломников, духовные лица Миссии — иеромонахи — командируются для сопровождения русских паломнических караванов в Назарет, к Дубу Мамврийскому, на Иордан, а иногда и в другие святые места, ведут вечерние внебогослужебные собеседования с паломниками ежедневно с 15 сентября по 6-ю Неделю Великого поста, объезжают сирийские школы для исповеди русского учительского персонала школ Императорского Православного Палестинского Общества.

Миссии принадлежит 11 странноприимных домов или подворий, в которых поклонники находят во время своего пребывания в Святой Земле бесплатное помещение и получают даровое продовольствие. Эти подворья находятся в следующих местах: 1) в г. Яффе в миссийском Русском саду, где, кроме помещения, находится и Русский храм; 2) в самом Иерусалиме — помещение в самом здании Миссии для бесплатной остановки духовных лиц, приезжающих на поклонение святыням Иерусалима; 3) в Горнем Граде Иудовом, близ Иерусалима, при Горненской Русской женской общине; 4) на Елеонской горе — при Русской женской общине; 5) на участке Бет-Захария на полпути от Иерусалима к Дубу Мамврийскому; 6) у Дуба Мамврийского; 7) в Вифании на пути в Иерихон; 8) в Иерихоне; 9) на горе Кармил близ Кайфы; 10) в Кайфе, 11) в Тивериаде.

Кроме забот о русских паломниках, Миссия, согласно своим начальным заветам, уделяет время и средства и общей благотворительности, имея в Иерусалиме приют для детей-сирот православного вероисповедания, где в настоящее время содержится бесплатно 20 сирот, и богадельню для бедных русских престарелых женщин, и поддерживая устроенный городом Иерусалимом приют для прокаженных. Вместе с тем Миссия раздает ежегодно, особенно перед праздником Святой Пасхи, пособие паломникам, не имеющим средств возвратиться в Россию, и многим живущим в Иерусалиме престарелым лицам, предоставляя им помещение или в Горненской общине или на Елеоне в устроенной там даровой богадельне, а для некоторых нанимает квартиру в Иерусалиме.

Деятельность и владения Миссии за одно последнее десятилетие значительно расширились. Так, ею приобретены новые участки земли в Бет-Захарии, Вифании, Кайфе, на горе Кармил, в Назарете, в Магдале близ Тивериады и в других местах. На всех новых участках устроены помещения для паломников. Старые и новые участки приводятся в порядок и окружаются каменной оградой, что особенно необходимо для определения границ, возбуждающих иногда споры с соседями без точного ограждения их. На горе Елеон устроена новая Елеонская община, где содержатся до 180 сестер, и расширена Русская Горненская женская община, где содержится до 200 сестер и развивается довольно обширное хозяйство. Учреждение общежительных общин на Востоке представляется особенно важным делом, так как последние годы на Востоке нет ни одного местного православного упорядоченного монастыря, а в особенности женского, не имеется никакого понятия о монастырской дисциплине и русские обители являются рассадниками монастырей. Это сознается и Восточными иерархами, из коих некоторые присылают в Русскую Елеонскую общину девиц для обучения монастырской дисциплине, пению, живописи и рукоделию. В Иерусалиме устроен приют для детей. Прибавлены помещения для паломников на старых участках, а именно: в Яффе, на Елеоне, в Горнем граде Иудовом, у Дуба Мамврийского, в Иерихоне и в Тивериаде. У Дуба Мамврийского, приобретенного в собственность Миссии с участком земли бывшим ее начальником архимандритом Антонином, воздвигнут каменный храм на 2000 человек. Устроены также молитвенные дома на горе Кармил, в Бет-Захарии и на Елеоне.

Заботясь, согласно своей задаче, о русских паломниках в Святую Землю, Иерусалимская Духовная Миссия в то же время совершает важную культурную работу не только на пользу Русской Церкви, но и Русского государства, прокладывая своею деятельностию пути к дружественному расположению и уважению к нему среди ранее фанатически настроенного местного населения. Доказательством сему может служить приобретение Дуба Мамврийского и устройства при нем подворья и храма, в чем можно видеть настоящую победу христианства над мусульманским миром. Было время, когда ни один христианин не мог безопасно пройти по Хевронской стране, где находится Дуб Мамврийский, вследствие частых нападений со стороны фанатических местных жителей. С постройкою странноприимного дома для поклонников у Дуба Мамврийского открылась новая эра для Хевронских жителей.

Постоянно соприкасаясь с русскими поклонниками, мусульмане полюбили русский народ за его религиозность и стали с уважением относиться как к поклонникам, так и вообще ко всем русским: теперь у Дуба Мамврийского беспрепятственно совершаются на открытом воздухе торжественные богослужения с крестным ходом, с осенением народа крестом. Мусульмане также собираются к месту этих богослужений и не только не проявляют никакого фанатизма, но напротив, с интересом и умилением смотрят на русское православное богослужение. Этой же Миссии принадлежит и устройство первой Русской церкви в Галилее на Кармиле, где раньше не было ни одного православного храма. Здесь наша Миссия вошла в соприкосновение с католическим и протестантским миром и заложила прочный фундамент для борьбы с инославной пропагандой.

В виду указанного назначения Иерусалимской Духовной Миссии и плодотворной ее деятельности, имеющей не только церковное, но и государственное значение, поскольку она поддерживает влияние России в Святой Земле и удовлетворяет религиозным потребностям русских паломников к святым местам, названная Миссия вполне заслуживает денежной поддержки со стороны государства. Размер ежегодного ей вспомоществования определяется следующими данными. Так как ежегодно отпускавшиеся до 1913 года Иерусалимской Духовной Миссии из доходов с Бессарабских имений заграничных духовных установлений 11.000 руб. входили в счет суммы, определенной на ее содержание действующим ныне Высочайше утвержденным 9 декабря 1895 года штатом сей Миссии, то естественно, что эта сумма прежде всего и должна быть возмещена из средств Государственного Казначейства. Но ограничиться одним восполнением прекращенного пособия и оставить Иерусалимскую Духовную Миссию при настоящих средствах ее содержания представляется невозможным. По штату Иерусалимской Духовной Миссии определено на ее содержание, как сказано выше, по 32.500 руб. золотом или 48.750 руб. кредитными в год. Вся эта сумма сполна расходуется на указанные в штате, приведенном в справку в этом представлении, надобности только личного состава и другие ближайшие расходы самой Миссии; на содержание же состоящих в ведении Миссии духовно-просветительных и благотворительных учреждений, как то: женских обителей, богадельни, приюта, страннолриимных домов, а также на расходы по ограждению имеющихся у нее и приобретению новых участков земли со святыми местами на них, по штату Миссии совсем не положено особого кредита. Но почти за 20 лет, протекших со времени утверждения ныне действующего штата Иерусалимской Духовной Миссии, условия жизни так изменились, деятельность Миссии, с возрастающим ежегодно числом паломников и умножением Русских владений и различных учреждений в Святой Земле, так расширилась, что назначенных по сему штату средств недостает даже на удовлетворение предусмотренных сим штатом потребностей.

За одно последнее десятилетие предметы первой необходимости, а также строительные материалы и рабочие руки возросли в цене почти вдвое: так, например, мука один батман (7 русских фунтов) стоила 23 коп., теперь же стоит 46 коп.; масло оливковое стоило один батман 76 коп., теперь — 1 руб. 20 коп.; масло сезанное стоило один батман 40 коп., теперь 53 коп.; яйца сотня — 1 руб. 06 коп., теперь 2 руб. 20 коп.; рыба Иорданская один батман 69 коп., теперь 1 руб. 03 коп.; рыба Яффская один батман — 1 руб. 85 коп., теперь 2 руб. 48 коп.; дрова 1 кинтор (17 $^1/_2$ русских пудов) 2 руб. 06 коп., теперь 3 руб. 75 коп.; известь один кинтор — 2 руб. 06 коп., теперь 3 руб. 40 коп.; чернорабочий получал в день 42 коп., теперь получает 65 коп., мастер — 1 руб. 40 коп., теперь 2 руб. 40 коп. Население Иерусалима увеличивается, а потому и все продукты поднимаются в цене, а в последнее время, вследствие войны Турции с Балканскими государствами, жизнь делается еще дороже. По мере того как дорожает жизнь в Иерусалиме, расходы Миссии все

увеличиваются, а посему с каждым годом образуются дефициты, как это видно из ее отчетов.

При таких обстоятельствах штатных сумм Миссии ежегодно недостает на покрытие штатных же ее расходов, что подтверждается и экономическими отчетами Миссии. Так, на штатное содержание Миссии за последнее пятилетие:

	израсходовано	поступило	дефицит
1908 г.	50.258 р.	48.750 р.	1.508 р.
1909 г.	51.198 р.	48.750 р.	2.448 р.
1910 г.	51.382 р.	48.750 р.	2.632 р.
1911 г.	50.839 р.	48.750 р.	2.089 р.
1912 г.	57.357 р.	48.750 р.	8.607 р.
	261.034 р.	243.750 р.	17.284 р.

Итак, за одно последнее пятилетие по штатным суммам Миссии дефицит сделался постоянным, достигнув 17.284 руб., т. е. по 3.457 руб. (за округлением) в год. Кроме того, за Иерусалимской Духовной Миссией числится долг Императорскому Православному Палестинскому Обществу в 173.804 фр. 59 сант. или 65.601 руб. 23 коп., сделанный ею в 1895 году на ремонт церквей и дома Миссии в сумме 50.000 руб. с уплатою 1/2 % на погашение и 4 $^{1}/_{2}$ % роста в год. Уплата сего долга по 3.775 руб. в год прекратится 31 июля 1947 года.

Образование дефицитов по содержанию Миссии зависит, кроме дороговизны жизни, между прочим и от того, что, несмотря на указанный выше широкий круг деятельности Миссии и множество учреждений при ней, личный состав ее с 1895 года остается без изменения: начальник, 6 иеромонахов, протодиакон, 2 иеродиакона, 6 монахов, 11 послушников, регент, 8 певчих и драгоман. Понятно, что располагая столь незначительным личным составом, Миссия испытывает большие затруднения при исполнении своих прямых обязанностей в отношении к паломникам: совершать в храмах богослужение, особенное благолепие которого имелось в виду показать в Иерусалиме еще при первоначальном учреждении Миссии, отправлять требы у многочисленных паломников, сопутствовать им при посещении святых мест, вести для них религиозно-нравственные беседы и чтения и в то же время вести сложное хозяйство, обеспечивающее различные удобства тех же паломников. Поэтому Миссии приходится, особенно во время паломнического сезона, пользоваться услугами случайных русских духовных лиц, приезжающих в Иерусалим на поклонение святым местам, и иногда платить за этот труд, что также увеличивает расходы по штатным суммам. Все эти дефициты покрываются из так называемых общих нештатных доходов Иерусалимской Духовной Миссии, конечно, в ущерб нуждам тех учреждений и потребностей Миссии, по которым поступают эти доходы и на которые Миссия не получает от правительства никакого вспомоществования.

Нештатные общие суммы Миссии получаются из доброхотных пожертвований поклонников на разные нужды Миссии — на церкви, подворья и приюты — и из кружечного дохода, кошелькового сбора, от продажи свечей, просфор, книг, картин, икон и плодов с земельных участков. Поступление сих доходов зависит от числа паломников, приезжающих в Иерусалим, а также от энергии начальника Миссии, который сам вынужден изыскивать средства на общие нужды Миссии, и посему этот источник не имеет определенного постоянного размера. Эти общие нештатные суммы Миссии расходуются на содержание, постройку и ремонт помещений для паломников в Иерусалиме и других святых местах, на постройку храмов и молитвенных домов, на содержание богадельни и приюта, на приведение в порядок и ограждение старых и новых земельных участков и на приобретение новых

участков, на бесплатное пропитание паломников в миссийских подворьях и денежную милостыню бедным паломникам.

Кроме помянутых общих нештатных сумм Миссии, имеются специальные нештатные суммы двух женских общин: Горненской и Елеонской. Эти последние суммы получаются из таких же случайных источников, как и указанные выше общие нештатные суммы Миссии, с добавлением к ним выручки за рукодельные изделия сестер общин. Средства названных общин расходуются на содержание и продовольствие 380 сестер общин, на ремонт и содержание храмов и других помещений общин, на обработку земельных участков и другие хозяйственные расходы по этим общинам, а также на бесплатное пропитание паломников, посещающих эти общины.

Итак, если Иерусалимская Духовная Миссия сводит в настоящее время баланс своих постоянных доходов с расходами, то это достигается за счет собственных специальных ее средств. Но назначение определенной суммы, необходимой на содержание Миссии по штату 1895 г., и принятие всей этой суммы с 1900 г. на средства правительства, после обращения штатного пособия ей, отпускавшегося из средств Императорского Православного Палестинского Общества, на средства казны, ясно доказывают, что этими мерами имелось в виду, чтобы на производство главных своих расходов, указанных в ее штате, Миссия располагала определенными правительственными средствами. А так как по приведенным отчетным данным по штатным суммам Миссии, как указано выше, образуются ежегодно дефициты, и если бы не было нештатных сумм, то дефициты оставались бы непокрытыми и, постепенно возрастая, поставили бы Миссию в безвыходное материальное положение, то необходимо восполнить штатные средства необходимым пособием на штатные ее расходы сообразно изменившимся за 20 лет условиям жизни.

Принимая во внимание, что за 20 лет, протекшие со времени утверждения штата Иерусалимской Духовной Миссии, предметы первой необходимости, материалы и рабочие руки вздорожали почти вдвое, что штатных сумм Миссии ежегодно недостает на покрытие штатных расходов, что дефицит ее за последний отчетный 1912 год достиг до 8.607 руб., начальник Миссии архимандрит Леонид [Сенцов] полагает необходимым увеличить штатную сумму Миссии на 15.000 руб. в год. Кроме того, за неимением правительственного пособия на нештатные расходы Миссии, именно: на содержание состоящих в ее ведении подворий, странноприимных домов, женских общин, на пропитание паломников и денежную помощь неимущим из них, на необходимое ограждение и использование земельных участков старых и приобретение новых, на благоукрашение храмов и т. п., а также в виду того, что за все время существования Миссии эти расходы производились из нештатных сумм Миссии и оттуда же покрывались дефициты по штатным суммам, архимандрит Леонид находит справедливым назначить ежегодное правительственное пособие и на производство подобных нештатных расходов Миссии в размере 25.000 руб. в год. По сообщению архимандрита Леонида, в Иерусалиме ежегодно бывает не менее 8.000 паломников; каждый из них, посещая святые места, останавливается в миссийских подворьях: в Яффе, в Горнем, на Елеоне, в Бет-Захарии, у Дуба Мамврийского, в Вифании, в Иерихоне и в Тивериаде. В последних двух местах паломники проводят не менее двух дней. Миссия даром кормит паломников в этих приютах. Ежедневно каждый паломник стоит для Миссии не менее 25 коп., так что всего на 8.000 человек расходуется в каждом подворье 2.000 руб., а на 10 подворьях — 20.000 руб. в год, так как в Тивериаде и Иерихоне паломники живут два дня. Некоторые же из этих паломников бывают на подворьях не один раз. Детский приют на 20 человек с продовольствием, квартирой и одеждой обходится до 2.000 руб. в год, богадельня стоит не менее 1.000 руб. и раздача пособия бедным паломникам обходится до 2.000 руб. в год. Кроме того, необходим ремонт вышеуказанных подворий, рас-

ширение зала для чтений, вмещающего теперь 400 слушателей, тогда как желающих бывает до 3.000 человек, так что цифра в 25.000 руб. довольно умеренна.

Таким образом, по мнению начальника Иерусалимской Духовной Миссии архимандрита Леонида, кроме возмещения прекращенного пособия Миссии из доходов с Бессарабских имений заграничных духовных установлений в 11.000 руб., необходимо еще дополнительное ежегодное ассигнование в 40.000 руб., дабы Миссия имела возможность продолжать свою деятельность сообразно ее задачам и современным условиям жизни.

Признавая это вспомоществование Миссии необходимым и умеренным, центральное управление Св. Синода, однако, по бюджетным соображениям ограничивается испрошением дополнительного ежегодного ассигнования Миссии вместо 40.000 руб. лишь 25.000 руб., что с возмещением прекращенного пособия в 11.000 руб. составит новый кредит из казны на содержание Иерусалимской Духовной Миссии в 36.000 руб.

Вместе с сим начальник Иерусалимской Духовной Миссии ходатайствует о том, что причитающаяся из средств Императорского Православного Палестинского Общества по штату 1895 г. на содержание сей Миссии сумма в 17.850 руб. золотом или 26.775 руб. кредитными, а за округлением 27.000 руб., каковая сумма, как видно из вышеизложенного, ассигнуется по смете Св. Синода в числе пособия в 30.000 руб. названному Обществу из сумм Государственного Казначейства, отпускалась непосредственно Миссии из Хозяйственного Управления при Св. Синоде вместе с назначенным из казны по той же смете кредитом специально на содержание Миссии в 10.987 руб. 50 коп., в видах прекращения на будущее время случаев запаздывания отпуском денег на содержание Миссии при существующем порядке зависимости Миссии в денежном отношении от помянутого Общества, а также в целях упрощения отчетности в ассигнуемых на Миссию суммах, так как ныне Миссия должна представлять отчеты и в Св. Синод, и в Совет того же Общества.

Признавая указанный начальником Иерусалимской Духовной Миссии порядок перевода денег на Миссию более целесообразным как по указанным им соображениям, так и в бюджетном отношении, так как в настоящее время кредит на содержание в сущности одного и того же учреждения — Иерусалимской Миссии — заносится в смету Св. Синода по разным параграфам: по § 8 ст. 1 — на содержание Миссии, и по § 13 ст. 2 — в виде пособия Императорскому Православному Палестинскому Обществу, которое в действительности является передатчиком следующей из сего пособия суммы на содержание Миссии, Хозяйственное Управление при Св. Синоде вошло в сношение по сему предмету с Советом названного Общества.

Ввиду сего и приняв во внимание, что на основании журнального постановления Совета Общества от 21 августа 1895 г., за № 123, Духовной Миссии в Иерусалиме выдано из средств Общества в долгосрочную ссуду на 51 $^{3}/_{4}$ года 50.000 руб. золотом или 200.000 франков на ремонт и приведение в должный вид собора Святой Троицы, церкви св. Марии Магдалины и дома Миссии в Иерусалиме, с условием ежегодной выплаты Миссией Обществу 10.000 франков или 3.775 руб., включая в эту сумму 4 $^{1}/_{2}$% роста и 1/2% погашения, Совет Императорского Православного Палестинского Общества в отношении от 26 июля 1912 г. за № 906 уведомил, что к внесению в законодательном порядке представления о перечислении из 30.000 руб., ассигнованных из казны по смете Св. Синода в пособие Палестинскому Обществу, 27.000 руб. к кредиту на содержание Иерусалимской Духовной Миссии с тем, чтобы все штатное содержание Миссии отпускалось из Хозяйственного Управления при Св. Синоде, со стороны Совета Общества препятствий не встречается при том непременном условии, что Хозяйственное Управление будет само удерживать ежегодно для передачи Обществу 3.775 руб. в погашение долга Миссии Обществу.

Таким образом, на содержание Иерусалимской Духовной Миссии настоит неотложная необходимость в ассигновании 11.000 руб. кредитными в возмещение равной суммы, отпускавшейся в счет штатного ее содержания из доходов с Бессарабских имений заграничных духовных установлений, прекращенной ныне на основании закона 1 июля 1912 года; и 25.000 руб. кредитными в ежегодное пособие той же Миссии в дополнение к сумме, положенной по штату 1895 года. Итого 36.000 руб. кредитными, а с присоединением 27.000 руб., по перечислении их из пособия Палестинскому Обществу и 10.987 руб. 50 коп., ассигнуемых уже из казны на эту Миссию, весь кредит на содержание Иерусалимской Духовной Миссии определится в сумме 73.987 руб. 50 коп. или за округлением 73.988 руб. в год.

СПРАВКА

Высочайше утвержденный 9 декабря 1895 г. штат Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

Жалование	**Число лиц**	**Рубли золотом**	
		Одному	**Всем**
Начальник Духовной Миссии	1	—	4.000
Старший иеромонах	1	—	1.000
Иеромонахи	5	700	3.500
Протодиакон	1	—	600
Иеродиаконы	2	400	800
Монахи	6	300	1.800
Послушники	11	200	2.200
Регент	1	—	600
Певчие	8	300	2.400
Драгоман	1	—	900
	37	—	17.800
	Хозяйственные расходы		
Начальнику Духовной Миссии на разъезды и экстренные расходы	—	—	1.000
Почтовые и мелочные расходы	—	—	150
Содержание приюта духовных лиц	—	—	500
Наем прислуги светской	—	—	7500
Общая трапеза	—	—	6.800
Ремонт, отопление и освещение церквей и дома Миссии	—	—	5.500
			14.700
	37	—	32.500

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенных соображений, обер-прокурор Св. Синода полагал бы:

I. Отпускать из Государственного Казначейства ежегодное пособие на содержание Иерусалимской Духовной Миссии по *тридцати шести тысяч рублей*.

II. Вносить указанный в отд. I расход в сумме 36.000 руб. в смету ведомства Св. Синода, начиная с 1 января следующего за учреждением сего законопроекта года.

III. Из упомянутых в отд. I 36.000 руб., 11.000 руб., составляющие возмещение Иерусалимской Миссии отпускавшейся ей равной суммы из доходов с Бессарабских имений заграничных духовных установлений, отпускать со времени прекращения отпуска сей суммы, т. е. с 1 января 1913 г., а остальные 25.000 руб. — начиная с 1 января следующего за утверждением сего законопроекта года, с отнесением потребного расхода, до внесения кредита на сей предмет в смету Св. Синода, на ожидаемые остатки по сей смете, а при недостаточности оных, на ожидаемые остатки по общей государственной росписи.

IV. Перечислить 27.000 руб. из кредита в 30.000 руб., ассигнуемого по § 13 ст. 2 сметы Св. Синода в пособие Императорскому Православному Палестинскому Обществу, в § 8 ст. 1 той же сметы — на содержание Духовной Миссии в Иерусалиме.

О вышеизложенном обер-прокурор Св. Синода имеет честь представить на благоусмотрение Государственной Думы.

Подготовка текста к печати *Н. Н. Лисового.*

М. Я. ДЬЯКОНОВ

ОТЧЕТ
по ревизии денежного и материального хозяйства и по обозрению недвижимых имуществ, счетоводства и отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

4 ноября 1914 г.

Иерусалим

1. Иерусалимская Духовная Миссия, ее штат, ресурсы и существующие при ней учреждения

Высочайше учрежденная 11 февраля 1847 г. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме действует ныне на основании Высочайше утвержденного 9 декабря 1895 г. штата. По этому штату личный состав Миссии состоит из следующих лиц: начальник Миссии в сане архимандрита с окладом жалованья в 4.000 руб. золотом, 1 старший иеромонах с окладом в 1.000 руб., 5 иеромонахов — по 400 руб., 1 протодиакон — 600 руб., 2 иеродиакона по 400 руб., 6 монахов по 300 руб., 11 послушников по 200 руб., 1 регент — 600 руб., 8 певчих по 300 руб. и 1 драгоман с окладом в 900 руб.; всего 37 лиц с содержанием 17.800 руб. Кроме того, на хозяйственные расходы назначено 14.700 руб., в том числе ассигнования наиболее крупные — на «общую трапезу» 6.800 руб. и на ремонт, отопление и освещение церквей и дома — 5.500 руб.* А всего на содержание Миссии положено по штату 32.500 руб. золотом или 48.750 руб. кредитными, из 2 источников: 37.750 руб. (кредитными) из сумм Государственного Казначейства и 11.000 руб. из специальных средств Св. Синода.

При этом ассигнованная по штату сумма отпускается Миссии из двух учреждений: 21.975 руб. (в том числе и помянутые 11.000 руб.) из Хозяйственного Управления при Св. Синоде, а остальные 26.775 руб. — из Императорского Православного Палестинского Общества.

Сверх этого штатного ассигнования Иерусалимская Духовная Миссия имеет свои собственные доходы, так называемые общие нештатные суммы. Доходы эти образуются из получаемых Миссией доброхотных пожертвований русских поклонников в Палестине, из кружечного и кошелькового сбора, от продажи церковных свеч, просфор, книг и икон, проценты с Миссийских капиталов и поступлений от арендаторов земельных участков и домов Миссии. Нештатных сумм поступило: за 1911 г. — 26.145 руб. 50 коп., за 1912 г. — 30.225 руб. 26 коп., за 1913 г. — 23.301 руб. 59 коп., или средним числом в год — 26.557 руб. Следовательно, годовой размер доходов Иерусалимской Миссии свыше 75.000 руб.

При Иреусалимской Миссии состоят следующие отдельные учреждения: Горненская женская община, основанная в 1871 г. покойным начальником Миссии архимандритом Антонином, и Елеонская женская община, образованная в 1906 г. Обе они управляются на основании утвержденных Св. Синодом по определению

---

* Из означенных 5.500 руб. удерживается Палестинским Обществом на погашение долга Миссии ежегодно по 2.500 руб.

24 июля — 5 августа 1898 г. за № 2699 особых правил. Означенные общины содержатся на счет своих собственных средств, получаемых из таких же источников, как и указанные выше нештатные суммы Миссии, а также на счет выручаемых денег за рукодельные изделия сестер — воздухов и проч., за изготовление для паломников похоронных сорочек или саванов, за иконы и картины из собственных иконописных мастерских, а также за счет вкладов сестер за приобретаемые ими в общинах в пожизненное пользование домики, келлии и комнаты. Надо прибавить, что сестры общины нередко нанимаются в услужение в русские и иностранные семейства Иерусалима и других городов; кроме того, во всех подворьях Иерусалимской Миссии везде находятся в качестве служащих сестры этих общин, получающие вознаграждения за свои труды от паломников.

Число сестер в Горненской обители простирается до 200, в Елеонской — до 180 человек. Средства, поступающие в кассу общины, сравнительно незначительны. Так, доходы Горненской общины за 1911 г. составили до 9.763 руб., за 1912 г. — до 15.859 руб. и за 1913 г. — до 6.175 руб. По Елеонской общине за 1911 г. — 19.112 руб., за 1912 г. — 13.114 руб. и за 1913 г. — 12.334 руб.

Кроме того, в настоящее время Миссии принадлежат шесть храмов (в Иерусалиме — 3, в Яффском саду, на г. Кармил и у Дуба Маврийского — по одному), несколько молитвенных домов, где совершаются богослужения для поклонников, причем Миссия заботится об устройстве в своих храмах благолепных богослужений, чтений, проповедей, общего народного пения и т. п. Кроме богослужений в храмах и исполнения треб для паломников, духовные лица Миссии — иеромонахи — командируются для сопровождения русских паломнических караванов в Назарет, к Дубу Маврийскому, на Иордан, а иногда и в другие святые места, ведут вечерние внебогослужебные собеседования с паломниками ежедневно с 15 сентября по 6-ю Неделю Великого поста, объезжают сирийские школы для исповеди русского учительского персонала школ Императорского Православного Палестинского Общества. Миссии принадлежит 11 странноприимных домов или подворий, в которых поклонники находят во время своего пребывания в Святой Земле бесплатное помещение и получают даровое продовольствие. Эти подворья находятся на принадлежащих Миссии земельных участках в следующих местах: 1) в г. Яффе, в Миссийском русском саду, где, кроме помещения, находится и русский храм; 2) в самом Иерусалиме — помещение в самом здании Миссии для бесплатной остановки духовных лиц, приезжающих на поклонение святыням Иерусалима; 3) в Горнем Граде Иудовом, близ Иерусалима, при Горненской Русской женской общине; 4) на Елеонской горе, при Русской женской общине; 5) на участке Бет-Захария на полпути от Иерусалима к Дубу Маврийскому; 6) у Дуба Маврийского; 7) в Вифании на пути в Иерихон; 8) в Иерихоне; 9) на горе Кармил близ Кайфы; 10) в Кайфе и 11) в Тивериаде. Кроме того, Миссия владеет еще 19 земельными участками близ Иерусалима, в Галилее, Иудее и других местах Палестины. Не ограничиваясь заботами о русских паломниках, Миссия уделяет средства и общей благотворительности, имея в Иерусалиме приют для детей-сирот православного вероисповедания, где в настоящее время содержится бесплатно 20 сирот, богадельню для бедных русских престарелых женщин, и поддерживает устроенный городом Иерусалимом приют для прокаженных.

2. Инструкция Начальнику Миссии

Задачи и круг деятельности Иерусалимской Духовной Миссии определены утвержденной Св. Синодом 20 мая 1902 г. инструкциею ее начальнику. По этой инструкции Миссия в Иерусалиме, служа среди инославных и иноверных образцом благоустроенной православной иноческой обители, имеет своим существенным назначением удовлетворение духовных потребностей пребывающих там русских

подданных и русских богомольцев. Соответственно с сим, не ограничиваясь отправлением богослужений и духовным назиданием богомольцев, Духовная Миссия прилагает особливое попечение к тому, чтобы благочестивые их желания, привлекшие их в Святую Землю, были удовлетворены с возможною полнотою. С этой целью Миссия сообщает богомольцам в устных беседах сведения и изъяснения о всех чествуемых христианами святых местах, оказывает содействие к посещению их в сопровождении опытного спутника, заботится о предоставлении богомольцам возможно частых случаев слышать на святых местах богослужение на славянском языке и отвращает от них все, что может посеять в душе их какой-либо соблазн или ослабить воодушевляющие их благоговейные чувства (п. 1).

В отношении внутреннего порядка управления делами Миссии и ведения денежного и материального хозяйства и заведования ее недвижимыми имуществами инструкция устанавливает следующий порядок:

а) Во главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стоит Начальник оной, в сане архимандрита, назначаемый Св. Синодом, в ведении и непосредственном подчинении коего находится Миссия, а все сношения с Святейшим Синодом производить через Первенствующего Члена Св. Синода, входя к оному с донесениями и представлениями (п. 3).

б) Все члены Духовной Миссии, состоящие при ней и служащие в оной, обязаны относиться к Начальнику Духовной Миссии как к своему настоятелю и духовному отцу, исполняя беспрекословно и безропотно все его приказания, поручения, распоряжения и указания (п. 6).

в) Весь порядок жизни в стенах Духовной Миссии устанавливается по примеру благоустроенных русских обителей начальником оной, который есть не только ее начальник, заботящийся о духовном ее преуспеянии, но и хозяин-распорядитель, заведующий всею хозяйственною частью Миссии (п. 7).

г) Постоянному попечению Начальника Духовной Миссии вверяются все земельные участки, приобретенные покойным архимандритом Антонином, а также переданные Императорским Православным Палестинским Обществом в заведование Духовной Миссии: на Елеонской горе около церкви св. Марии Магдалины и в Иерихоне, так называемый участок Иоасафа. Он должен заботиться и о благоустройстве этих участков (п. 9).

д) Начальник Духовной Миссии должен строго наблюдать, чтобы члены Миссии, состоящие при ней и служащие в оной, не взимали денежного или вещественного вознаграждения за исполнение для паломников духовных треб, а также каких-либо денежных или вещественных от них пожертвований под каким бы то ни было наименованием (п. 10).

е) Пожертвования, как для Духовной Миссии, так и на известное употребление по воле жертвователей, могут быть принимаемы только лично начальником Духовной Миссии или опускаемы в установленные для сего, за печатью Духовной Миссии, кружки (п. 14).

ж) Начальник Духовной Миссии, по вступлении в управление Миссиею, должен представить в Святейший Синод подробную опись всего принятого имущества Миссии и ежегодно в конце года доносить об изменениях в сих описях, если таковые последуют (п. 15).

з) По прошествии каждого года начальник Духовной Миссии должен представлять Св. Синоду по управлению Миссиею отчет, в который должны входить сведения о составе Миссии и ее действиях, с указанием последствий деятельности Миссии; о числе русских поклонников, о пожертвованиях, присылаемых в Миссию как на ее нужды, так и на нужды местных христиан (п. 16).

и) Порядок денежного и материального счетоводства и отчетности производится на основании особых правил, выработанных Хозяйственным при Святейшем Синоде Управлением и утвержденных Синодальным Обер-Прокурором (п. 18).

3. Общее положение хозяйства Иерусалимской Духовной Миссии. Задолженность и размеры оной

Произведенная мною ревизия денежных оборотов, хозяйства и отчетности Иерусалимской Духовной Миссии, в связи с обозрением на месте приобретенных Миссией в разных местах Палестины земельных участков и произведенных на них церковных, жилых и хозяйственных строений, обнаружила два выдающихся факта: с одной стороны сильную, доходящую до размеров полного кризиса, денежную задолженность Духовной Миссии, а с другой — очень большое количество приобретенных земель и многочисленность произведенных ранее и ныне производимых работ по постройке на участках храмов, зданий и оград на очень значительную по своей стоимости сумму.

Денежные затруднения Миссии начались несколько лет тому назад. Так, в конце 1911 года, как это можно видеть из представления начальника Миссии от 9 февраля 1912 г. № 28, Миссия уже в 1911 году испытывала сильный недостаток в денежных средствах, вследствие чего, между прочим, был начат размен процентных бумаг, составляющих запасный капитал Миссии и Горненской женской общины. Последующие два с половиной года привели денежные дела Миссии в критическое положение.

В настоящее время, по фактически обследованным данным, общая задолженность Миссии слагается из следующих отдельных статей разного рода долгов. Прежде всего, имеются бо́льшие долги по векселям и по текущему счету в разных банках. Из прилагаемой при сем справки видно, что по текущему счету Императорского Оттоманского банка, Немецко-Палестинского банка, Лионского кредита и по счетам банкирского дома Валеро начальник Миссии к 1 июля текущего года был должен 66.417 фр. и 10 сант., что составит на русские деньги по нормальному курсу (франк = 37 $^1/_2$ к.) 24.906 руб. 41 коп. Кроме этих главных кредиторов есть много мелких, например, дисконтер Израэль и частные лица. Количество таких мелких кредиторов и сумму долгов им не было возможности установить за неимением в делах Миссии каких-либо документов. Это сравнительно мелкие суммы взяты под частные расписки начальника Миссии или даже просто по словесному договору. Никаких заявлений по такого рода долгам да и вообще по долговым обязательствам архимандрита Леонида Русскому Генеральному консулу в Иерусалиме, кроме двух лиц, не сделано. По мнению консула, архимандриту Леониду и банки, и поставщики, и учреждения, и другие кредиторы верили не столько как частному лицу, сколько как начальнику Миссии, и поэтому не делали заявлений, не желая ронять авторитета столь высокого учреждения. Кроме того, до последнего времени Архимандриту удавалось переписывать крупные свои долговые обязательства на новые сроки, делать, так сказать, конверсию своих долгов, причем векселя его, и так уже обремененные большими процентами, отсрочивались с причислением этих процентов к капитальной сумме; совершались также и новые займы на еще более обременительных условиях для покрытия старых. Насколько велики проценты, платимые архимандритом Леонидом, видно из того, что за ссуду для своей поездки в Петроград по делам службы в конце 1912 года, на что ему потребовалось около 2.000 руб., он должен был заплатить кредиторам 50%. Из приходо-расходных книг Миссии видно, что только одному банкиру Валеро было уплачено процентов: за 1911 год — 168 руб. 82 коп., за 1912 г. — 422 руб. 44 коп.; за 1913 и 1914 гг. — 861 руб. 47 коп. Можно думать, что не меньшие суммы процентов были уплачены или приписаны к капитальному долгу и другим кредиторам, но не попали в приходо-расходные книги.

Вследствие таковой задолженности Духовной Миссии кредит ее в банках, как это неоднократно указывал в своих представлениях и архимандрит Леонид, совершенно подорван. Миссия лишена кредита также и со стороны торговцев и поставщиков вследствие несвоевременного платежа денег за поставленные припасы и строительные материалы, так что в настоящее время Миссия принуждена покупать

нужные ей товары на наличные деньги, и только лавка Императорского Палестинского Общества до сих пор еще отпускала ей съестные припасы в кредит. Из дел Миссии видно, что выдача следуемых торговцам сумм нередко задерживалась на 1, на 2 года, иногда даже и более, так что некоторые счета за старое время и доныне не погашены. Общая сумма этих счетов к 1 августа 1914 года, как видно из прилагаемой ведомости, составляет 9.681 руб. 42 коп. Кроме того, в делах Св. Синода и Духовной Миссии имеется заявление Одесской фирмы Фесенко и Ко о том, что Духовная Миссия несколько лет уже остается должна свыше 3.000 руб. за купленные ею картины и литографированные священные изображения. Кроме таких неоплаченных счетов, при ревизии были предъявлены 173 счета разных лиц за 1906, 1908—1912 и за 1914 гг. всего на сумму 39.292 руб. 43 коп., по коим оплата была произведена поставщикам за счет сумм, позаимствованных у разных частных лиц; у кого именно, сведений не было дано. Эти суммы по приходо-расходным книгам не проведены. В числе их значатся 6.469 руб. 18 коп., уплаченные за вновь приобретенный керосиновый двигатель для черпания воды в Яффском саду, а остальные 32.823 руб. 25 коп. были израсходованы на оплату счетов по постройке нового храма на участке у Дуба Маврийского. Имеется также много мелких поставщиков, которым Миссия остается до сих пор должна. Так, задерживается выдача подрядчикам и рабочим на постройках следующих им сумм и заработанной платы. Такие задержки бывали и прежде, особенно же усилились в настоящее время. Во время моих поездок с начальником Миссии для осмотра земельных участков и возведенных на них строений пришлось быть свдителем предъявленных к архимандриту Леониду настоятельных требований и просьб об уплате следуемых им сумм, при чем некоторые рабочие, призываемые к явке по мобилизации в турецкие войска и поэтому очень нуждавшиеся в полном расчете, такового расчета не получили. Так, подрядчик по постройке в г. Кайфе «Романовского Подворья» — русский еврей Гуревич просил уплаты следуемых ему денег во время двукратного пребывания нашего в г. Кайфе. Засим приехал для сего в Иерусалим и лишь 7 августа ему было выдано в счет долга 400 руб. Рабочие по постройке храма у Дуба Маврийского явились утром 3 августа, на другой день нашего приезда, и сидели до 3 часов дня, добиваясь полной уплаты, но им была выдана только часть заработанных ими денег. Относительно таковых лиц выяснить сумму долга за произведенные работы не представилось возможным, так как о такого рода долгах никаких сведений в делах Миссии не имеется, ведется ли учет этих долгов лично начальником Миссии — не известно и вообще относительно таких своих обязательств архимандрит Леонид от определенного ответа уклонился.

По выдаче содержания личному составу Миссии также наблюдается постоянные и хронические задержки. Так, за 1914 год выдача жалованья большинству служащих не была произведена. Из сделанных членами Миссии и некоторыми из служащих в Духовной Миссии лиц собственноручных отметок видно, что за первое полугодие 1914 г. не было получено жалованье 12 лицами (в том числе и самим начальником Миссии), всего в сумме 7.497 руб. 50 коп., каковая сумма также должна входить в общий итог дефицита Миссии. Из числа низших служащих (монахов и послушников) и прислуги также некоторые не дополучили своего жалованья. Хотя заявлений об этом ни от кого из них не поступало, но имеются некоторые факты, что и этим маленьким людям жалованье платилось не всегда исправно, с задержками и только после многих просьб. Так, крестьянину Илье Филиппову, бывшему служителю Миссии, не было уплачено за 6 месяцев и 10 дней 256 руб. 38 коп. Относительно садовника в Назаретском саду Миссии сам о. Архимандрит заявил, что уже за несколько месяцев жалованье ему не было выдано, хотя сам садовник и заявил мне, что он все получил полностью и никаких претензий к Миссии не имеет. Некоторым послушникам при мне выдавались заслуженные ими деньги далеко не полностью и то после усердных просьб. Эти задержки в выдаче, как и другие недодачи, происходили, впрочем, не потому, что начальник Миссии не хотел выдать

следуемых служащим Миссии, подрядчикам и рабочим денег, а потому, что не мог этого сделать за полным истощением денежных средств.

Особенно тяжелое положение денежного хозяйства Иерусалимской Духовной Миссии, а также Горненской женской общины заключается в том, что они в настоящее время вовсе не имеют запасного капитала, наличность которого помогла бы выдержать кризис, так как процентные бумаги, принадлежавшие Миссии и Горненской обители и хранившиеся до 1914 г. в Хозяйственном Управлении, кроме билетов на вечные вклады, — проданы или заложены. Еще сравнительно не так давно, а именно, к 1 января 1911 г., названный запасный капитал, принадлежавший Духовной Миссии и Горненской обители, составлял в билетах разных наименований 71.510 руб. Между тем, к 7 августа с. г., как видно из акта о наличности денежных сумм Иерусалимской Духовной Миссии, предъявлено было таковых билетов к ревизии всего лишь на сумму 2.410 руб. Из остальных 69.100 руб. процентны бумаги на 39.400 руб. были проданы для уплаты долгов, на 21.700 руб. заложены в разные банки в качестве обеспечения по выданным оттуда ссудам и даже именные билеты Миссии на вечный вклад на сумму 5.500 руб. находятся на хранении у банкира Валеро, без сомнения, как гарантия по уплате начальником Миссии долга по выданным ему ссудам. Названные запасные капиталы образовались из остатков от доходных поступлений Миссии и общины за прежние годы, а также из сумм, назначенных и завещанных на вечное поминовение. До 1899 года эти капиталы хранились в самой Миссии, но в 1899 году бывший в то время начальник Духовной Миссии, архимандрит (ныне епископ) Александр, способ хранения этих капиталов изменил, а именно: в период с 1899 до 1903 гг. им было выслано в Хозяйственное Управление на хранение и управление 60.402 руб. 78 коп. билетами с тем, что Хозяйственное Управление будет высылать в Духовную Миссию следующие по процентным бумагам проценты; если же Миссия будет иметь основательную надобность употребить на расход какую-либо часть из хранящегося капитала, то для возвращения капитала ей вменялось в обязанность своевременно заявить об этом в Хозяйственное Управление. Засим эти капиталы возросли путем присылки новых остатков, а также чрез присоединение неотосланных в Иерусалим части процентов и пожертвований в пользу Миссии и Горней общины. Капитал этот стал требоваться Духовной Миссиею с 1911 года; в этом году по просьбе начальника Миссии было продано Хозяйственным Управлением на 10.000 руб. процентных бумаг, в следующем 1912 г. — на 14.000 руб., в 1913 г. — на 16.900 руб. и в феврале текущего года, на основании определения Св. Синода 18/26 ноября 1913 г. № 10839, после неоднократных ходатайств архимандрита Леонида, было выслано всего 28.710 руб., и в Хозяйственном Управлении в настоящее время числится принадлежащих Духовной Миссии 1.015 руб. 59 коп. и Горненской обители — 357 руб. 47 коп., всего 1.373 руб. 06 коп. Свои ходатайства о возврате в Миссию всего миссийского капитала, а также и капитала Горненской общины, начальник Миссии мотивировал как тем соображением, что Миссии необходимо иметь в своей кассе запасные деньги для экстренных выдач, так и тем, что в настоящее время в Иерусалиме много солидных банков, в которых капиталы Миссии могут быть хранимы с полною безопасностью.

Таким образом сумма долгов Духовной Миссии, слагающаяся из перечисленных долговых обязательств, составит в общем итоге свыше 124.034 руб.

4. Причины денежного кризиса в хозяйстве Иерусалимской Духовной Миссии

Архимандрит Леонид в неоднократных в течение последних пяти лет своих ходатайст вах о возврате запасного капитала Миссии и Горней общины и об исходатайствовании увеличения ассигнования на содержание Миссии, а также и в лич-

ных объяснениях, стесненное положение денежных дел ставит в зависимость от следующих обстоятельств:

1) Штатные суммы Миссии, отпускаемые на содержание ее по штату 1895 г., в настоящее время являются уже недостаточными, в виду увеличения за истекшее время стоимости жизненных припасов и материалов, вследствие чего по штатным суммам Миссии, начиная с 1904 г., ежегодно оказывался дефицит, возраставший с каждым годом все более и более и покрываемый до сего времени отчислениями из нештатных сумм; общий размер его за истекшие 10 лет выразился в сумме 27.456 рублей.

2) Вместе с тем штатное содержание за последние годы высылается весьма неопределенно в отношении сроков высылки и высылаемых сумм, тогда как ранее деньги всегда получались в определенные сроки. Вследствие сего Миссии приходится обращаться к кредитным операциям, т. е. делать займы в банках и у банкиров и задерживать уплату по счетам поставщикам и торговцам. Тягость этих долгов усугублялась еще и тем обстоятельством, что Миссия не имела у кредиторов достаточной гарантии, так как запасные капиталы Миссии и Горней общины, под залог которых можно было бы кредитоваться, до последнего времени находился в Хозяйственном Управлении при Св. Синоде. Поэтому, не имея таковой гарантии, Миссия при совершении долговых обязательств платила кредиторам проценты в увеличенном размере.

3) Поступление доходов в нештатные суммы в свою очередь за последние годы подверглось сильному сокращению вследствие почти непрекращавшихся военных действий во время Триполийской и двух Балканских войн, вследствие закрытия проливов и вызванного этими обстоятельствами торгово-промышленного кризиса в Палестине.

4) В частности, вследствие военного времени, в течение последних лет количество приезжающих в Палестину русских паломников было очень незначительно, а нередко паломников даже и совсем не было. Между тем доходы Миссии находятся в прямой зависимости от количества русских паломников.

5) Приведение в порядок ранее приобретенных земельных участков, сооружение и ремонт Миссийских храмов, зданий и паломнических приютов, а равно и приобретение новых земельных имуществ — все это требовало новых и значительных расходов из нештатных сумм Миссии.

6) Увеличились также расходы Миссии на прием и пропитание русских паломников в Миссийских подворьях, на содержание вновь открытых в Иерусалиме богадельни для престарелых и приюта для малолетних, на выдачу пособий на прокаженных и на раздачу милостыни неимущим паломникам. При рассмотрении означенных причин кризиса основными причинами могут быть признаны лишь обстоятельства, указанные в пунктах 5 и 6; что же касается прочих обстоятельств, указываемых начальником Миссии в качестве причин денежных затруднений Миссии, то при ближайшем рассмотрении эти обстоятельства сами по себе не могли сильно нарушить течение Миссийского хозяйства. Так, указываемый архимандритом Леонидом недостаток штатного ассигнования на содержание Миссии может быть признан имеющим значение лишь по отношению к хозяйственным расходам Миссии на общую трапезу и на содержание зданий, вследствие естественного повышения за последние годы цен на припасы и материалы. Но и по этим статьям, без всякого сомнения, Миссия могла бы проявить более хозяйственной заботливости о сокращении расходов; например, в 1914 г. из штатных сумм уплачено за вино, ликеры и шампанское 322 руб., тогда как Миссия имеет собственное хевронское вино. Израсходовано также на строительные работы по постройке храма у Дуба Мамврийского в том же году до 1.240 руб., каковой расход не может быть относим на штатные суммы Миссии. Относительно же ст. 1-й, по содержанию личного состава, — даже и начальник Миссии, признавая недостаточным количество лиц,

входящих ныне в состав Миссии, не возбуждал никакого вопроса об увеличении содержания их, а при личных объяснениях по этому вопросу считал получаемое иеромонахами жалованье даже несоответственно большим. Засим указания архимандрита Леонида на неопределенность размера и неточность высылаемых в Миссию штатных ассигнований имеет значение только в отношении 11.000 руб., назначенных на содержание Миссии из специальных средств Св. Синода. После того как, начиная с 1913 г., на основании закона 1 июля 1912 г., отпуск сей суммы из доходов с Бессарабских имений был преаращен, в высылке оной происходит некоторая задержка. За 1913 г. эта сумма была выдана в декабре 1912 г. заимообразно из страховых сумм лично архимандриту Леониду. Такая же сумма на текущий 1914 г. Хозяйственным Управлением еще не выслана. Что же касается ассигнования остальной более значительной части, отпускаемой из средств Государственного Казначейства, то ее назначение стоит в непосредственной зависимости от времени утверждения государственной росписи.

Надо прибавить, что при правильном хозяйстве и надлежащей предусмотрительности эти задержки в высылке казенного ассигнования не могли бы иметь решающего значения в расстройстве денежных дел Миссии. При этом то обстоятельство, что не были своевременно возвращены Миссии и Горненской общине их запасные капиталы, вследствие чего Миссии приходилось кредитоваться на тяжелых условиях в Иерусалимских банках и у частных лиц, не имело значения: самый факт кредитования говорит, что запасный капитал предназначался к расходованию Начальником Миссии уже заранее и запасным ресурсом не считался. Из дел Миссии видно, что этот капитал, немедленно по его возвращении в Миссию, по частям расходовался именно на уплату долгов и, между прочим, на уплату поставщикам и подрядчикам за произведенные постройки. Окончательно же возвращенный в 1914 г. остаток запасного капитала частью был разменен для таковые же уплаты, а частью был внесен в банки и банкирам в качестве гарантии по выданным ими ссудам.

Равным образом и приведение в порядок ранее приобретенных земельных участков, что, по объяснению архимандрита Леонида, требовало новых и значительных расходов из нештатных сумм, не могло вызвать значительных перерасходов. Ст. 9 Инструкции вменяет начальнику Миссии в обязанность иметь попечение о земельных участках, приобретенных покойным архимандритом Антонином. Поэтому неуклонное исполнение этой, 9-й статьи Инструкции ставило начальника Миссии в необходимость изыскать на поддержание этих участков соответствующие средства. Только одно из оставленных о. Антонином учреждение требовало значительных, сравнительно, средств — это Горненская женская община. Но она имела свой запасный капитал, и материальное положение ее за все последние годы не было особенно тревожным до тех пор, пока архимандрит Леонид не расширил этой Общины в отношении числа насельниц до 200 человек, причем, естественно, явились расходы на обстройку Общины, и на едва ли необходимые постройки нового храма, а также хозяйственных строений: маслобойного завода с прессами и кладовыми и пр. Елеонская община была образована уже при архимандрите Леониде. Что же касается других земельных участков, оставленных Миссии архимандритом Антонином (Яффский сад, Хевронский участок, Иерихонский сад и др., то эти участки давали некоторый доход с земли, засим на содержание оных шли приношения богомольцев-паломников, причем, конечно, здравая экономия требовала, чтобы при отсутствии этих паломников и подворья-приюты переставали бы действовать, а главнее всего на поддержание этих земельных имуществ и построек в распоряжении Миссии были проценты с запасного капитала, составленного начальником Миссии, предшественником архимандрита Леонида.

Таким образом, при рассмотрении изложенных причин оказавшегося в денежных делах Миссии и кризиса, нельзя не признать, что главною причиною, привед-

шею денежные дела Миссии, как изложено выше, к полному расстройству, надо считать несоответствующее Миссии, как учреждению духовному, направление ее деятельности за время управления делами Миссии архимандрита Леонида, а именно то обстоятельство, что архимандрит Леонид, оставив на втором плане главные цели и задачи, положенные в основу деятельности Миссии при ее учреждении и запечатленные в утвержденной Св. Синодом в 1902 г. Инструкции, не считаясь с теми материальными средствами, какими Миссия располагала и могла иметь в будущем, все свои силы и энергию направил на то, чтобы расширить и увеличить деятельность Миссии по организации и обслуживанию русского паломничества в Палестине с его материальной стороны, т. е. со стороны привлечения паломников на подворья и в приюты Миссии, причем приобретены были новые земельные участки по всей Палестине, устроены новые и расширены прежние храмы, а также дома для помещения паломников. Такое расширение деятельности Духовной Миссии вызвало среди деятелей Императорского Палестинского Общества, призванного к непосредственному обслуживанию материальной стороны русского паломничества в Палестину, даже подозрение, что архимандрит Леонид хочет взять в свои руки все паломническое движение в Палестине и низвести Общество в этом деле на второй план (донесение заведующего делами Палестинского Общества в Иерусалиме 11 декабря 1912 г.). Конечно, эти опасения Палестинского Общества едва ли основательны. Уже одно то соображение, что для осуществления таких планов потребовались бы архимандриту Леониду громадные средства, которыми Миссия не располагает и едва ли может располагать, делает эти планы неосуществимыми. В данном случае необходимо заметить, что Общество, расходуя, как видно из официальных сведений, на каждого паломника 20 руб., и получая с него 5 руб., остальные 15 руб. расходует из своих собственных средств: таким образом паломнические расходы принимаются на счет Палестинского Общества.

5. Деятельность архимандрита Леонида по приобретению земельных имуществ в Палестине

Духовная Миссия, за время управления делами оной архимандрита Леонида и в особенности в последние годы, развила чрезвычайно широкую деятельность по покупке земельных участков как вблизи Иерусалима, так и в других местах Святой Земли. Из прилагаемой при сем ведомости этих участков видно, что в 1903 г., т. е. в первый же год управления Миссией архимандрита Леонида, им был приобретен очень большой участок «Бет-Захария» на месте, где, предполагается, был город Левитов и находился дом св. Захарии. Затем были приобретены им: в 1909 г. место в Вифании; в 1910 г. большой сад в Назарете и участок вблизи Иерусалима «Катамон» невдалеке от дачи Иерусалимского Патриарха; в 1911 г. подворье в г. Кайфе и большой участок на горе Кармил, близ того же города, очень большой участок на берегу Тивериадского озера — «Магдальский сад», а также большой сад в Дженнине; в 1912 г. участок с цистерной, по дороге между Иерусалимом и Иерихоном в местности «Добрый Самарянин», около селения Горнее участок под названием «Камень Сидения»; в 1913 г. участок в Галилее по дороге между Назаретом и Тивериадой в местности «Любие», большой сад в Кане Галилейской, участок в сел. Руммание (Вади Суакри) в 8 верстах от Иерусалима по дороге к Лавре св. Саввы, и участок около Вифлеема, в местности, называемой «Поле Вооза» или «У пастушков». Всего было приобретено архимандритом Леонидом 130.000 кв. саж. Кроме того архимандрит Леонид до настоящего времени предпринимал усиленные хлопоты все о новых и новых приобретениях. Так, он возбудил дело относительно принятия в заведывание Миссии от афонских монахов так называемой «Лавры Св. Харитона», ведет дело об укреплении за Миссиею громадного участка близ Хеврона под названием «Хирбет-ен-Нассыр», некогда купленного покойным архимандритом Антони-

ном, но доселе не укрепленного за Миссиею, вследствие возникшего по этому имуществу дела о наследовании после архимандрита Антонина его племянников; начал переговоры относительно покупки какого-либо участка на р. Иордан, недалеко от предполагаемого места Крещения Господа Иисуса Христа, а также о покупке места на одном из склонов горы Фавор.

Даже настоящее стесненное положение денежных дел Духовной Миссии не останавливает архимандрита Леонида от дальнейших попыток к приобретению новых земельных участков. Так, при совместном со мною осмотре земельных приобретений Миссии в Галилее, между Назаретом и Тивериадским озером, архимандрит Леонид высказывал сильное желание приобрести еще два участка: один — в местности, носящей название «Камни христиан», которые, по преданию, находятся в долине чудесного насыщения Спасителем 5.000 человек, и другое — отроги «Горы Блаженств», где, как думают, Господь Иисус Христос произнес Нагорную проповедь. Архимандрит Леонид при этом высказывал намерение купить эти участки на счет тех сумм, которые будут ему выданы в случае удовлетворения его ходатайства о назначении Миссии пособия в 100.000 руб. Бывшему с нами спутнику, секретарю инспектора Галилейских школ Палестинского Общества Малем-Фарах-Султи, при посредстве которого о. архимандрит приобрел все свои участки в Галилее, им было сделано распоряжение справиться о цене означенных участков и об условиях их продажи.

Надо присовокупить, что в самом Иерусалиме были пожертвованы Духовной Миссии в 1913—1914 гг. два ценных дома: один в пользу Елеонской общины ее нынешнею начальницею монахинею Евпраксиею (Миловидовой), а другой в пользу русских поклонников в Иерусалиме госпожею Силаевою.

В своей ревностной деятельности по приобретению земельных имуществ в Палестине архимандрит Леонид ставит себе примером для подражания такую же деятельность покойного начальника Миссии, архимандрита Антонина, который приобрел для русской церкви в Палестине земельные имущества, соединенные с великими священными для христиан воспоминаниями, размером свыше 150.000 кв. саж., стоящие вместе с постройками, по произведенной в 1899 г. генеральным консульством оценке, до 860.000 руб. Эта сторона деятельности покойного архимандрита Антонина служила для архимандрита Леонида руководственным указанием в его стремлении к земельным приобретениям. Препятствием в этом отношении для архимандрита Леонида служило лишь то, что только что утвержденная Св. Синодом в 1902 г. пред вступлением в должность архимандрита Леонида Инструкция не давала оснований к приобретению новых земельных участков без разрешения Св. Синода. Но это препятствие было обойдено архимандритом Леонидом двумя путями. Во-первых, относительно приобретаемых им новых имуществ он доносил Св. Синоду, хотя уже и поздно, когда дело было окончено, а во-вторых, при этом всегда указывал, что все участки были приобретены им на «частные средства», в том предположении, что Св. Синод не мог бы поставить препятствия к приобретению земельных имуществ в Палестине на частные средства с тем, что эти имущества предполагаются к пожертвованию Иерусалимской Духовной Миссии, т. е. для Русской Православной Церкви. Действительно, из дел Миссии видно, что только один участок «Камень Сидения» в 1912 г. был куплен с уплатою за него из сумм Горненской общины 3.233 руб., остальные же участки были приобретены отчасти на счет частных пожертвований на эту цель, частью — на счет личных средств архимандрита Леонида и, наконец, на счет позаимствованных им денег. Причем все эти имущества укреплены турецкою властью на имя архимандрита Леонида, кроме указанных выше двух пожертвованных домов и четырех земельных участков, купленных на имя подставных лиц, с коих взяты соответствующие долговые обязательства. Тем не менее в своих представлениях в Св. Синод и в Хозяйственное Управление, а равно при личных объяснениях, архимандрит Леонид не скрывал

неопределенного положения приобретенных им участков, еще окончательно не устроенных, очевидно, в смысле полной оплаты: стоимости земли, расходов по укреплению и построек. Так, в своем ходатайстве о назначени единовременного пособия в 100.000 руб. для приведения в порядок земельных имуществ он пишет следующее:

«Хотя Миссия и не имеет денежных средств, но она обладает недвижимым богатством, состоящим из земельных участков, рассыпанных по всей Палестине, с возведенными на некоторых участках постройками. Не продавать же эти участки евреям или католикам, что было бы весьма печально (почему?), хотя покупатели и находятся. Эти участки представляют собою большое богатство. Но это богатство может или рушиться, или же год от году увеличиваться в ценности, если привести их в надлежащий вид, т. е. огородить каменною стеною, а также устраивать сторожки, чтобы не пропали плоды. Многие здания на участках не окончены или попорчены землетрясением. Самые участки надо обрабатывать, иначе они не принесут плодов, а на это надо средства. При единовременном пособии в 100.000 руб. Духовная Миссия привела бы земельные участки в благоустроенный вид, и они давали бы доход, при котором Миссия не нуждалась бы ни в каких пособиях, ни в прибавках. Впрочем, эти участки пока еще не приписаны к Духовной Миссии и ей еще не принадлежат, так как приобретены на частные средства, а не на средства Духовной Миссии. Ценность всех этих участков, не говоря уже о святости этих мест, в несколько раз превышает сто тысяч руб., составляющих единовременное пособие. Если Хозяйственное Управление не может выхлопотать эти 100.000 руб., то как оно отнесется к этим участкам, продавать ли их или нет?»

В личных своих объяснениях по этому вопросу архимандрит Леонид не дал достаточно определенных ответов, и поэтому нельзя установить твердо, все ли эти участки оплачены, не заложены ли некоторые из них, и нет ли вообще каких-либо на них долговых обязательств. Начальник Миссии при этом утверждал, что долгов, собственно, на земельных участках не имеется, он просит деньги лишь на устройство каменных оград и сторожек, на наем сторожей и на обсаживание их плодовыми растениями. Каких-либо записей или дел о покупке этих участков в Миссии мне не было предъявлено, хотя возможно, что такие записи самим начальником Миссии ведутся. В личных своих объяснениях архимандрит Леонид всегда высказывал, что, собственно говоря, приобретенные им участки составляют его личную собственность и, подобному тому, как сделал это покойный архимандрит Антонин с приобретенными им участками, он волен или «завакуфить» их, т. е. укрепить за Миссиею, или передать в пользование другим учреждениям и лицам, или, наконец, даже продать. Так, он говорил мне неоднократно, что будто бы за участок в Вифании с постройками Румынский митрополит предлагал ему 100.000 руб. Что касается ценности вообще всех участков, приобретенных архимандритом Леонидом, то относительно их стоимости при покупке сведений мне не было дано, несмотря на мои попытки выяснить эту стоимость. Но архимандрит Леонид представил особую ведомость, в которой, без указания размеров этих участков, поставил оценку их вместе с возведенными на них строениями. Общая стоимость по означенной оценке всех приобретенных архимандритом Леонидом участков составляет свыше 327.000 руб. Без сомнения, эта оценка преувеличена и, кроме того, представляет [собою] как бы продажную стоимость помянутых участков и строений. Так, дом Романовского подворья в Кайфе с землею оценен им в 70.000 руб.; по приблизительной оценке (по кубическому содержанию дома и стоимости земли) это имущество могло быть оценено не свыше 45.000 руб. Но данная в ведомости оценка, по объяснению архимандрита Леонида, сделана в такой сумме в виду того, что соседний владелец Миллер, у которого о. архимандрит приторговывает его дом, ценит свое имущество в 30.000 руб. Между тем дом Романовского подворья и земля, принадлежащая к нему, гораздо больших размеров. Таким образом оценка Романовского

подворья сделана приблизительно и в то же время на основании совершенно случайного обстоятельства. Впрочем, нет сомнения, что современные земельные имущества, приобретенные архимандритом Леонидом, сильно поднимутся в цене как вследствие того, что вообще стоимость культурных земель повышается повсюду, так и потому в особенности, что в Палестине в настоящее время наблюдается сильная земельная спекуляция. Скупка земель по повышенной цене ведется, главным образом, иностранцами, преимущественно немцами, а также евреями — как сионистами, так и просто спекулянтами; среди тех и других много русских евреев-переселенцев. С другой стороны, поспешная и внезапная ликвидация помянутых имуществ может вызвать большие убытки.

В заключение этого общего обзора всех земельных приобретений, сделанных архимандритом Леонидом, необходимо заметить также, что в некоторых случаях архимандрит Леонид приобретал земли в тех местах, где уже были раньше сделаны приобретения для Миссии покойным архимандритом Антонином. Так, архимандрит Леонид купил новый участок в дер. Аната, близ Иерусалима, участок «Камень Сидения» в Горнем, где у Миссии находится громадное имущество (Горненская женская община) участок около пещеры Румание, 3 участка в сел. Магдале, вблизи Тивериады. Куплены им участки земли в г. Кайфе и вблизи этого города на горе Кармил. Затем можно думать, что некоторые покупки сделаны архимандритом Леонидом заглазно. Так, заглазно куплен участок около Вифлеема — «Поле Вооза», каковой участок им был осмотрен впервые вместе со мною 6 августа. При покупках он нередко переплачивал, причем его увлечением к приобретению пользовались и продавцы, повышая цены, и посредники, чрез которых совершалась покупка. Много было переплачено денег в качестве бакшишей или взяток арабским и турецким властям, как то: мухтарам (старостам), кадиям (судьям), чиновникам Мутесарифа (губернатора) и прочим. Приобретение земельного участка у «Доброго Самарянина», по дороге к Иерихону, по словам самого архимандрита Леонида, было сделано лишь при ближайшем содействии секретаря при Иерусалимском губернаторе, Шар-Еффенди за очень приличное вознаграждение. Некоторые из этих выдач проведены даже по счетам Миссии.

При каждом приобретении в собственность Миссии земельных участков в Палестине, не говоря уже о их перепродаже с некоторою выгодою для Миссии, имеется в виду троякая цель: во-первых, как приобретение мест, имеющих первостепенную важность в отношении воспоминаемых священных событий Ветхого и особенно Нового Завета, соединенных с этими местами Палестины; во-вторых, как необходимых остановок или приютов для поклонников при посещении названных мест, а также при движении поклоннических караванов по Палестине; и наконец, в-третьих, как земельных участков с плодородною почвою и богатым орошением, годных для земледельческой, в частности, садовой культуры.

6. Земельные участки Миссии как места священных воспоминаний

При рассмотрении сделанных архимандритом Леонидом земельных приобретений с указанных сторон, в отношении первой, наиболее важной стороны, прежде всего надо заметить следующее. Вся Палестина, почти во всех ее местностях есть Земля Святая, и поэтому везде можно встретиться с теми или другими священными воспоминаниями, а так как невозможно приобрести все упоминаемые в Священном Писании или истории Святой Церкви места, то приходится входить в соображение большей или меньшей для нас, православных христиан, важности сих мест как именно святых. Сравнивая при этом приобретения, сделанные покойным архимандритом Антонином, с теми, которые сделал архимандрит Леонид, можно видеть, что приобретения первого в отношении священных воспоминаний представляют большую ценность, чем приобретения о. Леонида. Надо заметить, что

хотя места, где произошли самые главные события из земной жизни Господа Иисуса Христа, находятся с давнего времени во владении греков, а также католиков и армян, как например, Живоносный Гроб Господень, Святая Голгофа, Вифлеемская Пещера Рождества Христова и прочие, тем не менее и приобретения покойного архимандрита Антонина находятся на местах высокой важности священных. Таковы: Елеонская гора — место Вознесения Господня; Гефсиманский сад — вблизи места Успения Пресвятой Богородицы, места моления Спасителя и Его предания Иудою; селение Горнее — древний Град Иудов, где Пресвятая Богородица пребывала у Святой Елизаветы; Иерихонский сад — вблизи Иордана; Дуб Мамврийский — место явления Бога праотцу Аврааму в виде трех странников. Приобретения же архимандрита Леонида не имеют того священно-исторического, в отношении важности священных событий, значения, как перечисленные места священных воспоминаний. Затем, архимандрит Леонид в своих действиях по приобретению мест священных воспоминаний часто допускал тактические ошибки по отношению к Иерусалимской Патриархии и греческому духовенству. Деятели Палестинского Общества не без основания указывают на то, что некоторыми своими приобретениями он внес нежелательные осложнения в отношения с представителями местной Церкви. Таковы его приобретения в Вифании, где он возбудил против себя местный греческий монастырь; в Назарете, где митрополит Назаретский высказывает протест против какой бы то ни было постройки церковного характера на Миссийском участке; в Тивериаде, где соседние греческие монахи перебили даже все окна в Миссийском подворье, о чем сообщал мне сам архимандрит Леонид. Предпринятые им шаги к приобретению мест на горе Фаворе, по словам П. И. Ряжского, вызвали бурю негодования и сильнейшее противодействие со стороны греческого духовенства. Намерение его купить место на р. Иордан тормозится самим Патриархом Иерусалимским, который со своей стороны ничего не имеет против приобретений, сделанных Духовной Миссией с постройкою храмов: на г. Кармил, у Дуба Мамврийского, в Бет-Захарии и других местах, где нет совсем греческих церквей и монастырей и, таким образом, интересы греческого духовенства не затрагиваются. Нередко по поводу некоторых приобретений архимандрита Леонида в греческой церковной прессе и среди православных в Иерусалиме возникали суждения относительно неподлинности приобретенных им священных мест. Такие споры были возбуждены относительно земельных участков Бет-Захарии, Катамон и других. Без сомнения, эти споры производят среди верующих некоторый соблазн, а среди иноверных христиан, как свидетельствуют представители Палестинского Общества в Иерусалиме, дают повод к осуждению православных греков и русских.

7. Земельные участки Духовной Миссии как подворья и приюты для русских поклонников

Большинство принадлежащих Миссии земельных участков, приведенных в порядок, помимо их значения как мест священных воспоминаний, служат также в качестве приютов или пристанищ для русских поклонников в Палестине. Громадное большинство паломников не ограничивается поклонениям святыням Иерусалима и его окрестностей, а считает своим священным долгом посетить и другие, более отдаленные от Иерусалима, святые места Палестины, как то: Вифлеем, Дуб Мамврийский около Хеврона, Иордан, Назарет, Тивериадское озеро и прочее. Для этого Палестинским Обществом организуются особые паломнические караваны. Наиболее трудным путешествием считается посещение Назарета, с заходом на Тивериадское озеро и к горе Фавор. Между тем Палестинское Общество имеет свои подворья, кроме Иерусалима, только в Назарете и в Кайфе. Еще покойный архимандрит Антонин, признавая настоятельную нужду в устройстве для русских паломников приютов, положил основание к устройству таковых приютов у Дуба

Мамврийского, в Иерихоне, находящемся в 10 верстах от Иордана, в г. Тивериаде, а также в Яффе как месте высадки паломников с пароходов. Еще более необходимы приюты, как остановки паломников в пути, во время больших переходов в Назарет и на Иордан. Движение паломнических караванов в текущем году было очень оживленное: с 15 января по 18 мая было отправлено из Иерусалима 16 паломнических караванов, причем на Иордан отправлено 6 караванов — свыше 5.000 человек, в Вифлеем и к Дубу Мамврийскому также 6 караванов — до 3.000 человек, в Назарет и на Тивериадское озеро до 3.600 человек. Путь от Иерусалима до Назарета и обратно, с заходом к Тивериадскому озеру и на гору Фавор, занимает обычно более двух недель, причем паломники в Назарете остаются два дня; кроме того, полагаются ночлеги и дневки в г. Набулусе, в сел. Беркине, в г. Тивериаде, в сел. вблизи горы Фавор и в г. Рамалле. Путь из Иерусалима на Иордан и обратно совершается в 3-4 дня с остановкою для отдыха у хана (постоялого двора) в местности «Добрый Самарянин» и с ночлегом в Иерихоне. Путь к Дубу Мамврийскому, с заходом в Вифлеем и в Бет-Захарию, занимает также 3 дня, с остановкою в Бет-Захарии и ночлегом у Дуба Мамврийского. Для обслуживания паломнических караванов в их путешествиях, при остановках и ночлегах, Русская Духовная Миссия в настоящее время располагает следующими земельными участками и приютами. По дороге в Назарет на середине пути имеется участок около сел. Дженнин, около которого, как предполагают, Иисус Христос исцелил 10 прокаженных мужей. Вблизи этого селения находится большой участок Миссии, с обильным источником и с массою плодовых деревьев, а через участок проходит ветка железной дороги от г. Кайфы. Между Назаретом и Тивериадой в сел. Каны Галилейской также большой сад. В последнем городе, впрочем, находится и большой участок Палестинского Общества. Затем, по дороге вблизи горы Фавор, горы Блаженств и долины Насыщения в 1913 г. приобретен участок «Любие». В г. Тивериаде на развалинах старых городских стен, приобретенных еще покойным архимандритом Антонином, устроен большой дом, а в получасе от него громадный сад на трех смежных участках в селении Магдала с 3 пресными и 7 минеральными источниками. Из перечисленных участков обстроен и может служить не только местом отдыха, но и для ночлега только Тивериадское подворье. В остальных местах не устроено даже бараков.

По дороге на Иордан Духовная Миссия имеет в 6 верстах от Иерусалима, в Вифании, очень большой двухэтажный дом, который в настоящее время заканчивается постройкой. В виду близости к Иерусалиму это подворье в качестве приюта большого значения не имеет. Далее, на половине дороги к Иордану, около местности, носящей название «Добрый Самарянин» (сближение с притчею Спасителя), в 1912 г. куплен был участок и устроена цистерна для воды, но до сего времени участок не приведен в порядок: не окончена ограда и нет бараков. В Иерихоне имеется довольно поместительное подворье, состоящее из каменного двухэтажного дома, навеса для столовой и кухни с кипятильниками. По дороге к Вифлеему и Дубу Мамврийскому Миссия имеет вблизи Вифлеема, хотя значительно в сторону от дороги, участок «Поле Вооза», или «Пастушки», даже неогороженный. Имеются в самом Вифлееме два участка Палестинского Общества, но необстроенные. Затем, на половине дороги к Дубу Мамврийскому находится большой участок «Бет-Захария», о котором уже упомянуто ранее. Для паломников здесь имеется большой дом с 2 церквами, из коих одна устроена в вырытых, по распоряжению архимандрита Леонида, новых пещерах. Наконец, на большом участке у самого Дуба Мамврийского имеется довольно поместительное подворье — каменный двухэтажный дом.

Кроме перечисленных земельных участков-приютов, принадлежащих Духовной Миссии, имеются еще три участка с приютами, не входящих в общий план организуемых Палестинским Обществом паломнических караванов. Это Яффский сад, Романовское подворье в Кайфе и подворье на горе Кармил. В Яффском подворье

останавливается сравнительно небольшое число поклонников, так как большинство торопится попасть скорее в Иерусалим и сейчас же с пароходов отправляется на железную дорогу, и обратно с железной дороги — на пароходы.

Число паломников, останавливающихся в Романовском подворье в Кайфе, а равно посещающих участок на горе Кармил с построенной там церковью, совершенно ничтожно, и эти два последние подворья никакого значения в качестве участков-приютов в настоящее время не имеют.

Затем, остальные земельные участки, принадлежащие Духовной Миссии, кроме двух женских общин — Горненской и Елеонской, как приюты для поклонников в настоящее время не имеют значения и не предполагаются к обстройке в качестве подворьев и в будущем.

8. Расширение задач Духовной Миссии

Имея в своем заведовании многочисленные, раскинутые по всей Палестине подворья для паломников, Духовная Миссия выходит за пределы своих задач и в то же время несет крупные, а иногда и непосильные для себя расходы, входя при этом в нежелательные столкновения с Палестинским Обществом, учрежденным специально с целью обслуживания материальной стороны паломнического дела в Палестине. Помянутое несоответствие чисто хозяйственной стороны деятельности Духовной Миссии в деле заведования подворьями с духовными задачами, положенными в основу деятельности Миссии, было признаваемо с давнего времени. Еще в рескрипте в Бозе почившего Великого Князя Сергия Александровича на имя покойного обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева от 29 октября 1901 г. по вопросу об утверждении Св. Синодом новой (ныне действующей) Инструкции начальнику Миссии приведены были, между прочим, следующие соображения относительно духовной и материальной сторон [деятельности] Миссии.

«Материальные потребности русского паломничества удовлетворяются ныне Императорским Православным Палестинским Обществом. Может быть, эти обязанности могли быть, до известной степени, если бы не существовало Общество, возложены на Духовную Миссию, которая в таком случае приняла бы на себя те же заботы относительно паломничества, какие мы видим в большинстве благоустроенных русских монастырей; но раз Общество существует и удовлетворяет этим обязанностям, передачу их Духовной Миссии надо признать преждевременною.

<...> Великая заслуга покойного архимандрита Антонина в том, что он сделал то, что на него инструкцией не возлагалось и в ней не упоминалось.

<...> Наиболее важная сторона деятельности Духовной Миссии, могущая всецело наполнить всю ее деятельность, — удовлетворение духовных потребностей русских паломников, безпризорность коих в этом отношении превосходит все, что можно вообразить, и что Палестинское Общество, как светское общество, удовлетворить не может.

<...> Удовлетворение духовных нужд поклонников заключается не в одном даже вполне благоговейном совершении Богослужения и духовных треб, но во всем внутреннем строе Духовной Миссии, которая не одним словом и делом влияет на духовный мир поклонников, но всею своею внутреннею и внешнею обстановкою и жизнью. Такое выдающееся духовное влияние оказывает на русских поклонников по привычке благоустроенный монастырь, или, если по разным веским причинам невозможно переименовать Миссию в монастырь, — придание Миссии, как по внешнему, так и по внутреннему облику, характера наиболее благоустроенного монастыря... Это единственно важная, возможная и плодотворная деятельность Русской Духовной Миссии.

<...> Только при таком строе все три ныне действующие в Палестине деятели — Духовная Миссия, Консульство и Палестинское Общество, не перепутываясь свои-

ми обязанностями, могут идти не только согласно, но и взаимно помогая друг другу, к одной общей цели: Консульство — ведая политические дела, Духовная миссия — заботясь о духовных потребностях поклонников, а Палестинское Общество — удовлетворяя их материальным нуждам».

Эти соображения покойного Великого Князя, принятые во внимание Св. Синодом при выработке действующей Инструкции начальнику Миссии, имеют полную силу и значение и в настоящее время, т. к. Миссия опять отошла от своих прямых задач. Собственно говоря, и архимандрит Леонид вполне сознает всю трудность соединения в деятельности Миссии той и другой стороны — духовной и материальной. Прежде всего: «нет людей». Личный состав Миссии не был расчитан на полный объем деятельности. Если взять в сравнение не только большой, но даже средний русский монастырь с крупным хозяйством, то окажется, что не только число монашествующих в нем больше, чем в Миссии, но — главное — больше лиц, нарочито приставленных к разным монастырским делам, как например: казначей, эконом, благочинный, келарь, гостиник и прочее, а хозяйство по большей части здесь же, перед глазами настоятеля, собрано в одном месте, а не на пространстве целой губернии, как хозяйство Иерусалимской Духовной Миссии. Архимандрит Леонид неоднократно с некоторою горечью выражался, что он в своем лице совмещает все должности: он и казначей, и эконом, и благочинный, и смотритель. Нередко во время Богослужения или иноческого правила его отрывают от духовного делания разного рода хозяйственными делами и суетой. Но так как одному лицу физически невозможно выполнить несколько обязанностей разного рода, то архимандриту Леониду приходится возлагать заведование разного рода отраслями миссийского хозяйства иногда на лиц, не вполне надежных. В частности, ближайшее заведование земельными участками и особенно хозяйством миссийских подворьев возложено не всегда даже на послушников Миссии, а иногда и на лиц, не принадлежащих к составу Миссии. Всего более несоответственным является то обстоятельство, что некоторые миссийские подворья (например, в Кайфе и у Дуба Мамврийского) отданы в заведование женщин, и вообще допущен смешанный состав прислуживающих на подворьях из лиц обоего пола. Из моих личных наблюдений при посещении подворий Миссии я вынес впечатление, что почти везде, где я был, все паломническое дело вполне и всецело зависит от заведующих лиц. В этом отношении возможны и прямые злоупотребления, главным образом, в эксплуатации религиозного чувства паломников. О случаях такой эксплуатации со стороны невежественных, а может быть и не вполне честных заведующих подворьями, мне пришлось слышать в Иерусалиме от Генерального Консула и от других лиц.

9. Столкновения с Палестинским Обществом

Если в деле приобретения земельных участков, как мест священных воспоминаний, архимандрит Леонид встретил противодействие со стороны греческого духовенства, то в отношении этих участков, как паломнических приютов-подворий, ему пришлось столкнуться с Палестинским Обществом. Поводом к такому столкновению послужило приобретение архимандритом Леонидом земельных участков в Кайфе, Назарете и в Кане, где имеются земельные имущества и у Палестинского Общества. Особенное неудовольствие со стороны Общества возбудило устройство Миссией подворья в Кайфе, где у Общества имеется свое небольшое подворье. Здесь архимандрит Леонид несколько лет тому назад купил сначала маленький и неудобный участок у араба Хури и построил для своих приездов домик, а затем в скором времени прикупил еще несколько участков на улицу, которая выходит к железнодорожной станции и по которой проходит шоссейная дорога в Назарет. А несколько ниже, ближе к морю и станции, в том же направлении находится прекрасный сад и дом подворья, принадлежащего Палестинскому Обществу. В настоящее время на ку-

пленных и соединенных между собою участках Миссии, кроме упомянутого маленького домика, выстроен, под ближайшим наблюдением заведующей этим участком послушницы, а ныне монахини Горненской женской общины Сусанны, большой трехэтажный дом, получивший наименование Романовского подворья. Устройство этого подворья в Кайфе, по мнению представителя Палестинского Общества П. И. Ряжского, следует считать попыткою архимандрита Леонида выдворить Общество из Кайфы, которая имеет громадную будущность для паломнического дела как морской порт и начальный пункт будущей железной дороги в Иерусалим. Сверху указанного обстоятельства еще более возбудили неудовольствие Общества нетактичные действия помянутой монахини Сусанны. Это — личность весьма деятельная и энергичная, но ее действия по отношению к немногочисленным паломникам, посещающим Кайфу и отсюда направляющимся в Назарет, были в высшей степени некорректны. Она встречала их на берегу и вела в Миссийское подворье, причем неодобрительно отзывалась о Палестинском Обществе.

Управляющий подворьями Палестинского Общества П. И. Ряжский по поводу приобретений Духовной Миссии за последние годы высказывает следующие соображения: архимандрит Леонид купил огромный участок в Дженнине, вблизи шоссейной дороги и железнодорожной станции. Это приобретение важно для паломников как место для ночлега и отдыха при их путешествии из Иерусалима в Назарет. Между тем, до настоящего времени такой ночлег назаретский паломнический караван имеет в соседнем селении Буркин, причем паломники находятся в очень тяжелых условиях, располагаясь за деньги по хатам и избушкам у арабов. Поэтому Общество просило у архимандрита Леонида на принадлежащем ему участке в Дженнине устроить для паломников бараки. Но этих бараков до сих пор не устроено, архимандрит Леонид охладел к этому делу, и паломники по прежнему страдают от Буркинских ночлегов. П. И. Ряжский полагает, что такое охлаждение находит объяснение в том, что предполагаемое ранее направление новой Назаретской железной дороги на Дженнин было изменено, и Дженнин не будет узловою станциею, а достопримечательностей и святынь в Дженнине нет.

«Здесь, очевидно, — прибавляет П. И. Ряжский, — что действительные реальные интересы наших паломников принесены в жертву соображениям, вытекающим из идеи широкого захвата тех пунктов паломнического пути, которые уже заняты хотя бы нашим (т. е. Палестинским) Обществом, и из идеи материальных выгод Миссии. Миссия спешит прежде всего прочно устроиться там, где уже обосновались греки или наше Общество, а в тех местах, где таких соседей нет, она не спешит с устройством паломнических приютов, несмотря на нужду в них».

Заведующий подворьями Палестинского Общества к сказанному прибавляет, что «он всячески поддерживает Миссийские учреждения и авторитет Иерусалимской Духовной Миссии, но постройку Кайфского подворья считает делом некорректным».

Таким образом, по отношению к архимандриту Леониду представителем Палестинского Общества высказывается тяжелое подозрение в намерении взять паломническое движение в свои руки, а это подозрение, к сожалению, имеет некоторые довольно высокие основания в действиях начальника Миссии, хотя можно думать, что архимандрит Леонид руководится в этом деле соображениями совсем не материального, а, конечно, идейного свойства. К этому надо присовокупить, что действительно, кроме Дженнина, еще на двух участках Миссии, а именно: на участке «Любие» между Назаретом и Тивериадою и на участке у «Доброго Самарянина» на иерихонской дороге — пока ничего не сделано для ночлега и отдыха паломников. Особенно потребно устройство бараков на последнем участке, так как паломники, измученные долгою и трудною дорогою на Иордан и обратно, страдают от недостатка воды и ночлега. За воду в местном ха (постоялом дворе) они платят по 4 коп. за стакан.

10. Расходы Миссии, сопряженные с обслуживанием паломнических приютов

Нет сомнения, что столь обширная деятельность Духовной Миссии по паломническому делу требует очень больших расходов на постройку зданий, на содержание паломнических приютов и на пропитание поклонников. Если земельные участки приобретены на «частные средства», то поименованные расходы производятся из нештатных сумм Миссии, каковое назначение этих сумм указано и в заготовленном Хозяйственным Управлением представлении в Государственную Думу о назначении из казны дополнительного пособия на содержание Иерусалимской Духовной Миссии, от 4 января 1914 г. за № 199, причем в частности испрашиваемое пособие имеет в виду и усиление нештатных сумм Миссии именно на означенные нужды по паломническому делу. А насколько значительны эти расходы, видно из представленных архимандритом Леонидом расчетов о стоимости содержания названных приютов, причем общая сумма дополнительного ежегодного ассигнования на этот предмет исчислена им в размере 25.000 руб. Из сделанных мною при обозрении приходо-расходных книг Миссии вычислений оказалось, что за последние три года только на строительные надобности при постройках и на ремонт подворьев ежегодно уплачивалось в среднем итоге свыше 10.000 руб., на содержание приютов и на прокормление паломников: в Бет-Захарии — ежегодно свыше 1.300 руб., у Дуба Мамврийского — свыше 1.500 руб., в Иерихоне — свыше 1.800 руб., а в Яффском саду — свыше даже 4.200 руб. При этом здесь имеются в виду только сполна оплаченные расходы, но много имеется неоплаченных счетов, за неимением денег, а также расходов, по коим счета не были представлены.

Главная причина таких больших расходов та, что платы с паломников, по существующему в Миссии порядку, за помещение и стол взимать не положено, а каждый из них жертвует в пользу приютов столько, сколько пожелает. Такой платы в тех подворьях, которые составляют так называемые вакуфные участки, за помещение в них паломников Миссия даже не имеет права и взыскивать, так как эти вакуфы именно учреждены покойным архимандритом Антонином в пользу бедных русских паломников. За пропитание не взимается определенной платы, как мне было сообщено, в соответствии с [правилами] русских монастырей. По своему внутреннему устройству приюты в настоящем их виде не могут обслужить всей массы паломников (нередко до 2.000 чел.), т. к. они для этого малопоместительны, притом обстановка общих паломнических помещений рассчитана на самых неприхотливых людей и, конечно, не может идти ни в какое сравнение с подворьями Палестинского Общества. Так, например, нары сделаны неудовлетворительно и размещены ярусами один над другим, что представляется антисанитарным и опасным в отношении пожара. Но и нары не везде устроены, а в большом ходу еще циновки, предоставляемые паломникам как подстилка для спанья на полу. Помещения в отдельных комнатах для более чистой или требовательной части паломников по своему внешнему виду приближаются к русским монастырским гостиницам средней руки.

11. Земельные участки Духовной Миссии как доходные статьи миссийского хозяйства

Многие из больших земельных участков, принадлежащих Миссии, по своему положению могут быть эксплуатированы в качестве доходных статей миссийского хозяйства как путем сдачи их в аренду, так и хозяйственным способом, т. к. эти участки при благодатном палестинском климате имеют плодородную почву. К таким участкам, кроме уже издавна эксплуатируемого Яффского сада, из старых приобретений Миссии принадлежат: Иерихонский участок и Хевронский участок у

Дуба Мамврийского. Из новых приобретений архимандрита Леонида — участки: Бет-Захария, Назаретский сад, в Дженнине, в Кане Галилейской и в Магдале на Тивериадском озере. Все эти участки вполне пригодны к самой высокой садовой культуре, конечно, при условии обильного искусственного орошения, т. к. в Палестине в течение 7 месяцев, с апреля до ноября, совсем не бывает дождей. Из упомянутых участков только на двух — на Хевронском и в Бет-Захарии — орошение производится из особо устроенных больших цистерн запасаемой в зимнее время дождевою водою, на остальных участках имеются собственные обильные водою источники, каковое обстоятельство делает эти участки в культурном отношении особенно ценными. Из плодовых деревьев на участках с успехом разводятся апельсины, лимоны, миндаль, маслины, финиковые пальмы, виноград и другие менее ценные растения. В Иерихоне и в Магдале, вследствие очень глубокого, ниже уровня моря, географического положения Тивериадского озера и долины реки Иордан, климат совершенно тропический, и поэтому здесь могут вызревать уже тропические плоды, как например, бананы, ананасы и прочие.

В настоящее время правильно эксплуатируется лишь Яффский сад, сдаваемый в аренду местному арабу за 2.500 руб. в год. В остальных участках, эксплуатируемых до сего времени хозяйственным способом, положено еще только начало правильной садовой культуре, т. е. сделаны и делаются насаждения плодовых деревьев, устраивается орошение, участки ограждаются надежными каменными стенами, строятся сторожки и другие необходимые хозяйственные сооружения. На Хевронском участке устроены уже с давнего времени приспособления к выделке и хранению Хевронского вина, которое славится своими достоинствами. В Бет-Захарии с текущего года сад сдан в аренду одному русскому поселенцу. Но как при сдаче садов в арендное содержание, так и при обработке их хозяйственным способом необходимы большие единовременные затраты денег для насаждения и устройства садов, а также и постоянные ежегодные расходы. Так, Яффский сад, хотя и сдается в аренду, но Миссиею устроен на ее счет глубокий колодец для добывания воды, поставлен новый сильный насос и двигатель, и все это потребовало единовременного расхода свыше 9.000 руб. Кроме того Миссия содержит садовника, нанимает рабочих для поливки сада, покупает удобрения ежегодно не менее как на 350 руб. и охраняет сад от хищений. Между прочим, нужда в орошении настолько велика, что достаточно в течение недели оставить сад без поливки, чтобы он окончательно погиб. Так, на участке в Бет-Захарии, вследствие неопытности нового арендатора и возникших между ним и заведующим подворьем, монахом Лаврентием, пререканий и некоторой враждебности, часть сада была недостаточно орошена, и поэтому летом засохло до 700 миндальных деревьев. Кроме того, культурные участки Миссии несут на себе большие налоги и подати в пользу турецкой казны. Необходимо заметить также, что недостаток вполне честных и преданных интересам Миссии заведующих, интеллигентных и понимающих дело, своекорыстие их и полная невозможность для начальника Миссии на всех земельных участках самому наблюдать за ведением хозяйства и производством расходов, не только сводит к нулю садовую культуру участков, но и причиняет даже ущерб денежным средствам Миссии, так что в сущности в настоящее время плодовые сады Миссии нельзя рассматривать как доходные предприятия Миссийского хозяйства. Хотя по отчетности Миссии и введена особая статья «доходы с имений», но эти доходы незначительны, за последние три года они составили: в 1911 году — 2.936 руб., в 1912 г. — 2.883 руб. и в 1913 г. — 3.341 руб., в том числе помянутые 2.500 руб. аренды по Яффскому саду. Для того чтобы возвысить доходность земельных участков, Миссия — при ведении садовой культуры хозяйственным способом — прежде всего должна произвести единовременные, весьма значительные, расходы для устройства и приведения в порядок земель, с устройством правильного орошения и хозяйственных построек, а затем делать ежегодные большие ассигнования на операцион-

ные расходы по садовому хозяйству, с установлением надлежащего управления участками, действительного надзора, правильного счетоводства, а также организациею выгодного сбыта продуктов садоводства. Сдача земельных участков в аренду по хорошим ценам при настоящем положении миссийских садов едва ли достижима вследствие того же неустройства их, тяжелого положения вообще садоводства в Палестине и в виду засилия скупщиков и арендаторов плодовых садов.

12. Строительная деятельность начальника Миссии, архимандрита Леонида

За время управления Иерусалимскою Духовною Миссиею архимандрита Леонида было произведено очень большое количество разного рода построек, из коих значительная часть осталась до сих пор незаконченными. В числе этих построек наиболее капитальными надо признать построенные или продолжающиеся постройкою новые миссийские храмы в разных местах Палестины. Собственно, из таковых храмов освящен лишь один небольшой храм на горе Кармил, затем из производимых церковных построек большой храм у Дуба Мамврийского на 2.000 чел., уже совсем почти готов и мог бы быть освящен в текущем году, если бы не было Европейской войны. Окончены, но не освящены небольшая церковь в Бет-Захарии и новая трапезная церковь в Елеонской общине; приступлено к постройке нового верхнего храма в той же Общине и возведены стены до сводов нового храма в Горненской общине. Построены часовни в Елеонской общине и в Иерихонском приюте, приступлено к устройству молитвенного дома в Тивериадском приюте. Из других построек возведены и закончены: в Елеонской общине гостиница, или приют для паломников, в виду увеличения Обшины — 5 больших корпусов для монашествующих, богадельня, дом игумении Евпраксии, расширен дом для приезда начальника Миссии и возведено несколько новых хозяйственных строений. В Горненской общине возведены, в виду увеличения количества монашествующих, 24 домика-келлии для жительства сестер Обители; построены новая гостиница для паломников, трапезная, маслобойня, пчельник, рукодельная; вновь устроено и расширено 8 цистерн для воды, а также сделаны другие хозяйственные постройки. В Яффском саду, кроме упомянутой переделки колодца, выстроены два дома для монашестующих и расширена гостиница-приют для паломников, и кроме того, отремонтирована и отделана церковь. В Хевроне произведена пристройка к приюту для паломников, причем устроено новое помещение для начальника Миссии. В Бет-Джале выстроен новый домик для помещения послушниц. В Бет-Захарии устроено большое подворье для паломников; некоторые из старых пещер переделаны в большие цистерны для воды и устроены новые цистерны. Выкопаны новые пещеры и в одной из них устроен молитвенный дом. В Византии построен большой двухэтажный дом для паломников и цистерны для воды. В Кайфе возведен большой дом Романовского подворья. На горе Кармил выстроены домик для начальника Миссии, помещение для монашествующих и небольшая гостиница для паломников. В Тивериаде построен большой дом для паломников. Кроме того, на всех участках в большинстве выстроены высокие, сделанные на известковом растворе, ограды. Все перечисленные постройки потребовали очень значительных расходов, причем большая часть этих расходов за последние три года до сих пор остается в числе долговых обязательств Духовной Миссии и ее Начальника. Из приходо-расходных книг и счетов Миссии и обеих женских Общин видно, что только за последние три года было представлено к оплате по произведенным постройкам счетов на 92.496 руб., из них уплачено лишь 55.773 руб., а остальные 34.723 руб. не уплачены. Но еще большая часть расходов остается неоплаченною вследствие непредставления счетов, а также в виду того, что работы еще не закончены. Выяснить сумму стоимости всех произведенных до настоящего времени

строительных работ не представилось возможным, т. к. ни смет, ни планов, ни других документов по постройке храмов и зданий мне предъявлено не было. Но что вообще эта сумма должна быть очень велика, можно судить по тому, что по произведенной мною, при участии строителя итальянца, оценке одного храма у Дуба Мамврийского, этот храм в окончательном виде будет стоить 112.500 руб., не считая утвари; по оценке же, сделанной в Духовной Миссии, стоимость его составляет 120.000 руб., в счете каковой суммы до настоящего времени выполнено работ не менее как на 100.000 руб.

Вообще в своей строительной деятельности архимандрит Леонид обнаружил не менее энергии, чем и в деле приобретения земельных участков, и если бы у него были какие-либо свободные суммы, то он приступил бы, как он не раз высказывался, к постройкам в самом Иерусалиме. Так, он до сих пор не оставил мысли выстроить на Яффской улице, на усадьбе Миссии, доходный дом. О выдаче ему ссуды на эту постройку в сумме 120.000 руб. из доходов с Бессарабских имений он ходатайствовал еще в 1907 г., но, по сношении с Министерством иностранных дел, это ходатайство было отклонено.

При производстве строительных работ на земельных участках Миссии архимандритом Леонидом предварительного разрешения Св. Синода не испрашивалось. Планы, фасады, эскизы и сметы не были представлены на утверждение ни в Св. Синод, ни местным турецким властям. Наконец, составление смет и планов, а равно и сами работы производились без участия архитектора. Так, излюбленным строителем в Горненской женской общине является местный араб Джириес Илиас, построивший все жилые и хозяйственные здания в этой Общине, и ныне он же строит новый большой храм. Кайфское подворье строил русский еврей Гуревич. Храм у Дуба Мамврийского строил итальянец Бергамаско. Все эти строители никакого технического образования не получили и ценза для производства построек не имеют. Но архимандрит Леонид это обстоятельство не признает существенным, в виду того, что он сам, как окончивший Императорское Техническое Училище в Москве, имеет и достаточный ценз, и достаточную опытность в производстве строительных работ. Русский Генеральный Консул в Иерусалиме, со своей стороны, выражал мне протест по поводу действий архимандрита Леонида при возведении церковных построек и по покупке земельных участков в том отношении, что в обоих этих случаях начальник Миссии никаких предварительных сношений с ним не делает, хотя утвержденная Св. Синодом в 1902 г. Инструкция начальнику Миссии в ст. 2 предусматривает, что «в сношениях с Императорским русским консулом, являющимся официальным представителем Русского Правительства в Иерусалиме и органом всех сношений с местною светскою властью, Миссия соблюдает должное единодушие и христианское согласие». Затем, определением Св. Синода от 19 декабря 1911 г., начальнику Миссии, между прочим, указано: «во избежание возможных недоразумений с турецкою администрациею, строго сообразоваться с местными законами, привлекая к участию в делах Миссии, требующих сношений с означенною администрациею, консульскую власть, благожелательное содействие которой может быть только полезным для начинаний Миссии и способствовать их успеху».

В отступление от указанных законоположений архимандрит Леонид, по заявлению Генерального Консула, начинает и производит все свои постройки без сношения с ним и не считаясь с местными законами, почему нередко турецкая власть в Иерусалиме делает Генеральному Консулу соответствующие заявления с протестами против таковых, по мнению турецкого начальства, самовольных поступков начальника Миссии. Действительно, начиная с 1899 г., при устройстве земельных участков, оставленных покойным архимандритом Антонином в пользу Миссии, бывший тогда Генеральный Консул Д. С. Яковлев в донесениях своих обер-прокурору Св. Синода о ходе этих дел упоминал, что он должен давать пред турецкими властями в

Иерусалиме обязательства, что без разрешения турецкого правительства на участках, купленных консулом, им, консулом, не будет устроено ни церкви, ни школы, ни больницы, ни кладбища. Но турецкие законы, как известно, до сих пор в этом отношении остались неизменными. Поэтому заявление Генерального Консула имеет известное значение с формальной стороны, как основанное на требовании местных законов, тем более что в дальнейшем движении этих дел ему приходится улаживать возникающие трения и недоразумения с турецкою властью.

Но архимандрит Леонид по этому вопросу дал такое объяснение. При покупке земельных участков он не имеет никакой надобности в содействии консульской власти, т. к. таковые участки приобретаются частным порядком и на частные средства. Что же касается производимых им построек, то участие здесь консульской власти надо признать даже не всегда удобным. Дело в том, что в виду положительного требования турецких законов относительно возведения новых церковных построек, и в связи с тем, что в некоторых случаях и греческая церковная власть противодействует или тормозит дело по постройке русских храмов, архимандрит Леонид в деле построения миссийских храмов должен прибегать к некоторому обходу помянутых законов. Например, постройка нового храма на участке у Дуба Мамврийского велась так. На месте будущего храма сначала был заложен и выстроен дом, якобы для приезда и проживания в нем начальника Миссии, а затем одна из стен дома была разобрана, он был расширен и достраивался уже как храм, причем, хотя турецкая власть и возбудила об этой постриоке дело, но оно несколько лет пролежало без движения, пока храм не был окончен. Таким же порядком была построена церковь на горе Кармил, о чем архимандрит Леонид своевременно доносил и Св. Синоду. Здесь сначала для паломников была устроена столовая, и только через несколько лет (в 1912 г.) она была перестроена в церковь. Однако, в последнем случае Иерусалимский Патриарх, выражая свое удовольствие по поводу постройки этого храма, особенно в виду того, что поблизости не было ни одного греческого храма, согласился приступить к освящению лишь при условии испрошения, через Императорского посла в Константинополе, султанского фирмана, причем со стороны Патриарха архимандритом Леонидом была усмотрена некоторая косность. Подобным же образом архимандрит Леонид думает устроить церкви из молитвенных домов в Бет-Захарии, в Тивериаде и других местах. Генеральный консул по поводу таких предприятий начальника Миссии объяснял, что и греческое духовенство, и турецкая власть прекрасно понимают все те обходы закона, которые допускает начальник Миссии, и что если протест турецкой власти не заходит слишком далеко и архимандрит Леонид успевает окончить свои церковные постройки, то это зависит как от высокого престижа Русского государства, так и особенно от того, что он, консул, предпринимает в таких случаях со своей стороны известные меры и оказывает некоторое давление на местное турецкое начальство.

При производстве построек архимандрит Леонид не считался с наличностью в Миссии денежных средств, необходимых для исполнения строительных работ. Производились очень значительные постройки в нескольких местах одновременно. Так, в настоящее время производятся крупные работыпо постройке трех больших храмов в Горненской и Елеонской общинах и у Дуба Мамврийского и большого дома для подворья в Византии, не говоря уже о сооружении на многих участках других мелких зданий, как то: цистерн, оград и прочих. Лишь недавно закончена постройка большого Кайфского подворья и храма на горе Кармил. Некоторые сооружения, возводимые ныне, не вызываются существенною необходимостью. Так, два новых храма в Елеонской и Горненской общинах могли бы быть отложены постройкою до более благоприятного времени в виду того, что, с одной стороны, существующие старые храмы еще в достаточной степени удовлетворяют своему назначению по своим размерам; а с другой стороны, названные Общины не только не имеют достаточных средств для постройки новых храмов, но даже нуждаются в

необходимых для их существования жизненных припасах. О том, что Горненская женская община страдает от безденежья, не имеет даже средств для продовольствия, так что сестрам приходится голодать, начальник Миссии доносил Хозяйственному Управлению еще в отношении от 20 апреля 1913 г. А между тем постройка нового храма в то же время продолжалась.

В объяснение сего можно с некоторою вероятностью полагать, что все помянутые постройки были предприняты и начаты архимандритом Леонидом в сравнительно благоприятное время и в надежде на поступление больших сборов на эти постройки от русских паломников, и особенно в соображении о привлечении крупных пожертвований от усердных и благочестивых жертвователей из России. Для этого Духовной Миссиею и Елеонскою женскою общиною рассылались особые письма и приглашения к пожертвованию, причем к письмам Елеонской общины прилагалась и особая такса за поминовение. Надо сказать, что имеющиеся в моем распоряжении образцы таких писем от Миссии дозволены Духовной цензурой, а сборы путем воззваний о пожертвованиях на построение храмов у Дуба Мамврийского и в Тивериаде разрешены Св. Синодом. Что касается воззваний Елеонской общины, то в своем объяснительном рапорте Св. Синоду, по возбужденному Иерусалимским Патриархом вопросу о рассылке Иерусалимскою Духовною Миссиею воззваний, архимандрит Леонид доносит, между прочим, что начальница Елеонской общины иногда посылает письма, но только своим личным знакомым и что пожертвования в пользу этой общины Духовной Миссии известны. Однако таковых пожертвований для окончания начатых построек оказалось недостаточно, и храмы на Елеонской горе и в Горненской общине доселе стоят неоконченными; по постройке же храма у Дуба Мамврийского образовался значительный долг.

В заключение надо присовокупить, что место постройки храма в Горненской общине на верху большой горы с длинным подъемом, представляя хороший вид издали, является неудобным по трудности восхождения, особенно для престарелых сестер общины.

13. Права Духовной Миссии на владение недвижимыми имуществами, находящимися в ее управлении, и документы на это владение

При обозрении документов Духовной Миссии на владение состоящими в ее заведовании и управлении недвижимыми имуществами, т. е. земельными участками с находящимися на оных строениями и плодовыми деревьями, оказалось, что документы эти, как акты на владение недвижимыми имуществами, являются весьма разнообразными, соответственно тому, какими правами пользуется Миссия в отношении к этим имуществам. Одни из этих имуществ составляют земли и здания, укрепленные за Императорским Российским правительством, другие представляют собою «вакуфы», третьи принесены от имени наследников покойного архимандрита Антонина в дар в Бозе почившему Великому Князю Сергию Александровичу, четвертые составляют частную собственность начальника Миссии архимандрита Леонида и, наконец, пятые куплены на имя разных частных лиц, но приняты в залог архимандритом Леонидом.

1) За Российским правительством укреплена земля, на которой построены все храмы и здания Миссии на Русских постройках, находящиеся в общем владении Императорского Русского Генерального Консульства и Православного Палестинского Общества. Кроме того, собственностью Русского Правительства по султанскому «ираде» признан земельный участок, на котором построена церковь во имя св. Марии Магдалины; участок этот приобретен на средства в Бозе почившего Государя Императора Александра III и Его Августейших братьев, а с 1889 г. вместе с церковью по Высочайшему повелению был приписан к Русской Духовной Миссии на тех же основаниях, как и все прочие Русские церкви в Палестине.

2) «Вакуфных» участков в заведовании Духовной Миссии числится восемь. Из них земельные имущества с храмами и другими постройками на Елеонской горе, в сел. Горнем, в Силоаме, Яффский сад, участок у Дуба Мамврийского и в Иерихоне завещаны Духовной Миссии с обращением в вакуфы еще покойным архимандритом Антонином, а два дома в Иерусалиме, пожертвованные монахиней Евпраксией и госпожею Силаевой, сделаны вакуфами при настоящем начальнике Миссии, архимандрите Леониде.

Вакуф — особая и исключительная форма владения церковным имуществом в мусульманских странах. Все турецкие земли с древнего времени делятся на два разряда: мюльк (частные владения) и ерази-мирие (казенные). Под названием «мюльк» разумеются земли местных жителей, сдавшихся когда-то без боя победителям-туркам. Из этих земель турецкие подданные стали делать вакуфы, т. е. завещанные или преклоненные на вечное время в неприкосновенную собственность в пользу храмов и благотворительных учреждений недвижимые имущества, ставя при таких завещаниях известные условия. Эта же форма владения с некоторого времени была предоставлена и иностранцам в целях благотворительности. На основании положения о вакуфах семь недвижимых имуществ Духовной Миссии обращены в пользу русских православных поклонников в Палестине, а одно — дом монахини Евпраксии — в пользу Елеонской церкви. Имущества, завещанные в пользу русских православных поклонников, в том случае, если не останется в Палестине ни одного православного русского поклонника, обращаются в пользу православных поклонников других наций, затем в пользу вообще христианских поклонников, а когда и этих не будет, то в пользу бедных мусульман — жителей Палестины. При учреждении вакуфа по закону назначается особый распорядитель вакуфа (мютевалий). По вакуфным владениям Русской Миссии распорядителем считается первенствующий член Св. Синода, Митрополит Петроградский; от него зависит назначение для заведования имуществами на месте особого доверенного (векиля). Хотя таким доверенным является обыкновенно начальник Миссии, но назначение доверенным именно начальника Миссии не обязательно. Таким образом, вакуфные владения Миссии в действительности должны считаться собственностью вообще православных паломников, т. е. владельцем их является лицо собирательное. Ни Духовная Миссия, ни Св. Синод не являются собственниками этих имуществ; даже и право их распоряжения ограниченное: вакуфы нельзя ни отчуждать, ни продавать, ни закладывать, ни обращать на какую-либо другую цель, кроме указанной. Равно и при учреждении вакуфа требуется, чтобы на имуществе не лежало никаких долговых, арендных или других каких обязательств, но в отношении обложения налогами, каковых в Турции очень много, вакуфы находятся в сравнительно лучших условиях, т. к. от некоторых из них освобождаются.

3) Земельные имущества, принесенные наследниками покойного архимандрита Антонина в дар в Бозе почившему Великому Князю Сергию Александровичу, находятся лишь в заведовании Духовной Миссии, право же собственности на них в настоящее время по закону принадлежит наследникам Великого Князя. Таких имуществ в распоряжении Миссии имеется 6: два участка на склонах Елеонской горы под названием «место Калистрата» и «пещеры пророков»; участок в дер. Аната в 5 верстах к северо-востоку от Иерусалима; участок около пещер Румание в 8 верстах к юго-востоку; участок в дер. Силоам, вблизи Иерусалима; и участок Рась-Она, по соседству с дер. Бет-Джала, в 20 верстах от Иерусалима.

4) К земельным владениям Миссии относятся и те, кои приобретены архимандритом Леонидом на частные средства. Все эти участки, на основании документов, выданных турецкими властями на право владения ими, составляют частную его собственность. Таких земельных участков 12. Документы на право владения ими, а равно зданиями и плодовыми деревьями на них, составляют купчию крепости («кушаны»), которые хранятся у архимандрита Леонида. Эти участки, как свою

личную собственность, он юридически имеет право сдавать от своего имени в аренду, продать, заложить, завещать и передать в качестве дара, кому ему заблагорассудится. С другой стороны, эти имущества, как частная собственность русского подданного, могут быть подвергнуты конфискации или секвестру со стороны турецкого правительства, и кроме того, несут все налоги, какие полагаются для частных владений.

5) Четыре земельных участка: в сел. Дженнине, в дер. Аната, Катамон, «Поле Вооза» — куплены архимандритом Леонидом на имя подставных лиц. Поэтому право владения ими является для Духовной Миссии уже совершенно сомнительным и обращение их в собственность ее потребует больших расходов и хлопот, т. к. они должны предварительно перейти в собственность архимандрита Леонида и только после сего могут быть им переданы Миссии. Таким образом, земельные участки, приобретенные архимандритом Леонидом на его имя или на имя подставных лиц, до сего времени не сделаны ни вакуфными, ни укреплены за Русским правительством. Никаких объяснений причины замедления в деле надлежащего укрепления приобретенных им имуществ архимандрит Леонид не дал, хотя по участку «Бет-Захария», купленному, как доносил Св. Синоду архимандрит Леонид, «для вверенной ему Иерусалимской Духовной Миссии», уже истек ныне десятилетний срок. Начальник Миссии на мой вопрос о причинах таковой задержки, упомянул лишь о том, что такие же частные приобретения архимандрита Антонина были обращены в вакуфы на основании его завещания, уже после его смерти.

При рассмотрении вопроса, какой способ укрепления за Духовной Миссиею ее недвижимостей надо считать более удобным, вакуфы или укрепление имуществ за Русским правительством, надо иметь в виду, что последний способ предоставляет Св. Синоду большой простор в отношении распоряжения самими имуществами, тогда как в распоряжении имуществами, укрепленными на вакуфном праве, русская Церковная власть ограничена условиями, положенными в основание вакуфа, и невозможностью изменить эти условия. С другой стороны, укрепление за Русским правительством требует долгого времени и сношений с высшею правительственною турецкою властью: необходимо султанское ирадэ (указ).

В заключение необходимо упомянуть об очень большом имуществе, оставшемся после покойного архимандрита Антонина. Это имущество представляет до сего времени спорный участок, носящий название «Хирбет-ен-Насыр», размером свыше 62.000 кв. саж., непосредственно примыкающий в вакуфному участку Миссии у Дуба Мамврийского. Уже тотчас после смерти архимандрита Антонина консульская власть приняла меры к укреплению этого участка за Миссиею, но до сего времени это имущество еще не приведено в порядок и Миссии не принадлежит. Такая медленность в производстве этого дела прекрасно изображает, сколько трудности и денежных потерь сопряжено с покупкою для Миссии земельных участков при посредстве частных лиц. Участок этот был приобретен покойным архимандритом Антонином на имя местного жителя Ибрагима Хаммури, но последний также умер, и после его смерти имущество это перешло в собственность его наследников. После долгого и трудного процесса Генеральный Консул добился того, что турецкий суд признал права собственности на это имущество за наследниками архимандрита Антонина, двумя братьями Капустиными, которые от наследования в этом участке отказались, но один из них несколько лет тому назад умер, и до сих пор этот земельный участок еще не сделан вакуфным. Между тем, соседние жители, родственники Хаммури, до сих пор считают участок своею собственностью и стараются его захватить, причем возникают споры и шум; в день осмотра нами участка у Дуба Мамврийского местный араб, приставленный в качестве сторожа к участку Хирбет-эн-Насыр, принес архимандриту Леониду жалобу на то, что он, как сторож сего участка, неоднократно подвергался со стороны соседей-захватчиков побоям.

14. Хозяйство Духовной Миссии

По штату Миссии на хозяйственные расходы назначено 14.700 руб., в том числе на общую трапезу отпускается ежегодно 6.800 руб. зол. (10.200 руб. кред.). Но этой суммы недостаточно и дефициты по этой статье покрываются из нештатных сумм, и сверх сего несколько счетов по общей трапезе до сих пор остались неоплаченными за прежние годы. За 1912 год было произведено таких расходов (кредитными) 14.018 руб., за 1913 г. — 14.544 руб. и осталось неоплаченных счетов за 1912—1914 гг. в общей сложности на 3.874 руб. Из общего числа 37 человек, составляющих штат Миссии, и 13 человек прислуги — всего 50 человек, в действительности пользуются общею трапезою лишь 44 человека. Таким образом, ежегодно расходуется на каждого из столующихся, считая и прислугу, свыше 300 руб., каковой размер нельзя не признать довольно значительным. Следует при этом отметить слишком большой расход на покупку вин, ликеров и шампанского. За 1913 г. за такие напитки было уплачено 708 руб. и кроме того в числе неоплаченных счетов за спиртные напитки следует к уплате 844 руб., между тем Духовная Миссия имеет собственное виноделие на участке у Дуба Мамврийского.

На наем светской прислуги, против ассигнованных 1.125 руб., перерасходовано было в 1912 г. — 915 руб., в 1913 г. — 1.050 руб. По ст. содержание и ремонт зданий от ассигнования в 4.500 руб. получились сбережения, а именно: за 1912 г. — 2.310 руб., за 1913 г. — 634 руб. Но часть хозяйственных расходов, особенно по содержанию чистоты в принадлежащих Миссии храмах, производилась за счет нештатных сумм. При этом надо заметить, что из означенных штатных сумм оплачивались хозяйственные расходы и по содержанию прислуги, главным образом, по зданию Духовной Миссии.

15. Счетоводство и отчетность по Иерусалимской Духовной Миссии

В отношении счетоводства и отчетности по суммам Иерусалимской Духовной Миссии Инструкциею начальнику Миссии установлено, что «порядок денежного и материлаьного счетоводства и отчетности производится на основании особых правил, выработанных Хозяйственным Управлением при Св. Синоде и утвержденных Синодальным Обер-Прокурором» (ст. 18).

В виду сего в Хозяйственном Управлении были рассмотрены представленные бывшим начальником Миссии, архимандритом Александром, проекты составленных Миссиею 4-х форм приходо-расходных книг: для штатных сумм Миссии; для нештатных сумм Миссии; для записи пожертвований, поступивших в Миссию; и приходо-расходная книга для Горненской женской общины. По докладу о сем от 24 марта 1904 г. за № 10249 обер-проркурор Св. Синода утвердил упомянутые формы с тем, чтобы составляемые по этим формам отчеты, по истечении каждого года, были доставляемы в Контроль при Св. Синоде, а в Хозяйственное Управление были доставлены, вместо ежемесячных, полугодичные ведомости о приходе и расходе денежных сумм Миссии. Что же касается ведения двух приходо-расходных книг: движимого и недвижимого имущества Миссии, то в виду доставленной уже в Св. Синод подробной описи тех имуществ, было разрешено начальнику Миссии периодически доносить Св. Синоду лишь об изменениях в сих описях, если таковые последуют. Означенные приходо-расходные книги по Духовной Миссии ведутся исправно с 1904 г. Сверх того, по распоряжению начальника Миссии, по Елеонской женской общине со времени ее учреждения также ведутся приходо-расходыне книги, но по иной форме, чем установленные по Миссии и Горненской общине. При этом надо отметить, что ведущиеся по Елеонской общине книги по своей форме гораздо проще и удобнее, чем книги Миссии и Горненской общины, о чем

заявил мне также и начальник Миссии. Существенный недостаток этих приходо-расходных книг тот, что это не кассовые книги, в которых по порядку времени должны быть заносимы приходные и расходные статьи, а книги расчетные или бухгалтерские; кассовой же, собственно, книги Миссиею не ведется. В книгах Миссии по штатным суммам, сообразно сметным подразделениям, открыты отдельные счета: личного состава, общей трапезы, хозяйственных расходов и прочее, причем разноска в них приходных и расходных статей делается совершенно произвольно и в зависимости лишь от имеющихся расходов. В конце года счета балансируются, при этом для сбалансирования, чтобы избежать минусов, производятся по счетам передвижения остатков и дефицитов из одной статьи в другую, или даже из штатных сумм в нештатные и наоборот. Также ведется и книга нештатных сумм с подразделениями на счета: а) процентные бумаги и доходы по ним, б) пожертвования, в) кружечный доход, г) доход с имений и прочее, по приходу, расходу и остатку. При этом замечается следующее: например, действительный доход с имений составляет лишь 3.000 руб., а расходы по имениям всегда значительно превышают эту сумму, поэтому для сбалансирования этого счета на приход заносятся наличные деньги, вырученные за проданные процентные бумаги, или чаще всего на приход по счету перечисляются остатки по другим статьям. Таким образом, чтобы разобраться по книгам, сколько действительно поступило, израсходовано и какие по каждому счету оказались остатки или дефициты, эти собственно оборотные статьи необходимо выделить. Но в составляемых согласно этим книгам и представляемых в Хозяйственное Управление отчетных ведомостях названные оборотные статьи не выделяются, и поэтому означенные ведомости не дают точных сведений о действительных оборотах сумм ни по штатным, ни по общим суммам Миссии. Кроме того, вследствие отсутствия кассовой книги по Миссии и Горненской общине, является невозможным определить наличность денежных сумм Миссии и Общины на известное число, а также нельзя вывести остатка на первое число каждого месяца и к концу года.

Порядок разноски расходных статей по счетам книг совершенно произвольный. Например, жалованье прислуг и сторожам показано расходом по книге штатных сумм в статьях 2,5,6; по книге нештатных сумм — в статьях 1 и 6. Точно также разбросаны по всем статьям безо всякого порядка выдачи квартирных денег служащим и особенно статьи по уплате денег за провизию и материалы для хозяйства Миссии. Таким образом, и в качестве бухгалтерских записей эти книги не выполняют своего назначения. Это зависит главным образом от непрактичной формы ведения книг, по которой счета открыты согласно приходной номенклатуры, а расходы показываются не по предмету их назначения, а случайно и произвольно относятся к той или другой приходной статье, отчего совершенно однородные расходы показываются в разных статьях.

В отступление от установленного вышеупомянутым докладом порядка, отчеты Духовной Миссии, в виде полугодовых ведомостей, составленных по общим итогам книг, представлялись до сих пор в Хозяйственное Управление и там оставались. В Контроле никакой отчетности не доставлялось вследствие того, что Миссия, которой отношением Хозяйственного Управления, от 7 апреля 1904 г. за № 10865, было предписано представлять отчеты, которые от нее требуются, кроме представляемых в Хозяйственное Управление ведомостей, а Контроль не был своевременно уведомлен Управлением о том, что по распоряжению обер-прокурора Св. Синода отчеты Миссии с 1904 г. подлежат ревизии Контроля.

Обширное и многообразное хозяйство Духовной Миссии требует соответственного счетоводства по всем родам деятельности Миссии, и особенно по многочисленным постройкам, по хозяйственным расходам миссийских подворьев и земельных участков. Но для организации таковой отчетности необходимо было бы увеличить штат Миссии. При настоящих же условиях ведение более подробной отчетности не

достигало бы цели. Даже ведение отчетности и по установленным ныне формам надо признать бесполезным, т. к. эта отчетность, отнимая много времени на разноску статей по счетам книг, подсчитывание и балансирование этих счетов, все-таки не может дать правильной картины действительного состояния денежных ресурсов, наличности сумм и капиталов и выяснить, имеет ли Миссия по своему хозяйству остаток или дефицит и в какой сумме. Между тем, ведение и такой несовершенной, но сложной отчетности требует особого и большого труда, возложенного на драгомана Миссии за особое вознаграждение, так как ведение отчетности по Миссии к прямым его обязанностям не относится.

Вообще вопрос о том, кому должны быть поручены по Миссии казначейские и секретарские обязанности, ясно и определенно не решен. По действующему штату для Миссии особых должностей казначея и делопроизводителя не положено. Согласно утвержденной Св. Синодом Инструкции, начальник Миссии есть хозяин-распорядитель, заведующий всею хозяйственною частью Миссии (ст. 7), на него же возложен и прием пожертвований (ст. 14). В докладе Хозяйстенного Управления от 24 марта 1904 г. также не указано, на кого должно быть возложено ведение приходо-расходных книг и составление отчетов. Но начальник Миссии фактически не может совмещать в своем лице также и должность казначея и бухгалтера. Поэтому архимандрит Леонид, оставив за собою главное руководство по денежному хозяйству, исполнительные действия по получению денег и по более мелким выдачам возложил на послушника Сильверстова, а ведение книг — на драгомана Халеби.

16. Храмы, состоящие в ведении Иерусалимской Духовной Миссии; современное их положение, внешний и внутренний порядок, ризницы и церковная утварь

При фактическом осмотре храмов Духовной Миссии в Иерусалиме и помещения самой Миссии, оказалось следующее:

1) Соборный храм во имя Святой Живоначальной Троицы построен в центре Русских построек в Иерусалиме в 1864 г., по образцу древних Афонских церквей, из крепкого штучного камня, связанного железными скобами, с заливкою их свинцом. Общая длина церкви 20 саж., ширина 12,5 саж., вышина с крестом на большом куполе 14 саж. при кубическом содержании — до 2.000 куб. саж. Собор, имея площадь пола 250 кв. саж. и поместив хоры в западной части, может вместить свыше 3.000 богомольцев, а по нужде и более 4.000. Но так как число русских паломников в Палестине ныне достигает свыше 8.000 человек, то во время Страстной седмицы и праздника Святой Пасхи, когда в Иерусалим наблюдается самый большой наплыв богомольцев, Троицкий собор является в настоящее время недостаточно поместительным и значительное число паломников во время богослужения должно оставаться у входа в собор и даже около его наружных стен, а в соборе наблюдается в этих случаях большая теснота. Внутри собор нуждается в капитальном ремонте, т. к. на сводах, потолке, стенах его сплошная копоть, многочисленные трещины и следы сырости. Такое состояние собора зависит от того, что капитальный ремонт его производился более 12 лет тому назад, а главное, вследствие указанного громадного скопления богомольцев-паломников, причем в соборе стоит туман от испарений и копоти свеч. Между тем, по своей изящности и соразмерности архитектуры, по красоте алтаря, иконостаса и живописи, собор производит очень хорошее впечатление. Снаружи он имеет пять куполов и две колокольные башни, с четырех сторон сделаны весьма красивые фронтоны. Внутри собора возвышается от пола на 6 ступеней солея с 2 клиросами. Иконостас дубовый, резной без позолоты в два яруса. В иконостасе 41 икона прекрасной живописи, чеканной работы без риз. Особенно красивы Царские двери, бронзовые,

позолоченные, — дар Императорского Дома, ценностью свыше 5.000 руб. Кроме местных икон в иконостасе, на стенах и столбах и прекрасной стенной живописи, по стенам помещено большое количество пожертвованных икон в рамах самой разнообразной формы; некоторые из икон не совсем благолепной живописи. Ризница собора помещается под алтарем и частью в церкви, в подвальном, но достаточно светлом и сухом помещении. Помещение ризницы два года назад значительно расширено посредством пробивки стен в подвальном этаже собора. Необходимость такого расширения ризницы была вызвана весьма значительным увеличением числа ризничных и утварных вещей при архимандрите Леониде. Из данной мне справки видно, что им приобретено было таких вещей на 8.100 руб. Но при этом за многие вещи деньги не уплачены: так, не уплачено Московским торговым фирмам за парчу и другой материал для риз, а Горненской и Елеонской общинам — за шитье. По объяснению архимандрита Леонида, поставщики материалов охотно ждут такой уплаты. При этом начальник Миссии в случае, если кто- либо из паломников или лиц, находящихся в России, пожелает сделать пожертвование в пользу Миссии, то он, архимандрит Леонид, предлагает таким лицам внести свои деньги в уплату долга Миссии за изготовленные ризы. Необходимо отметить, что в своем стремлении сделать отправляемые в Троицком соборе богослужения по возможности великолепными, архимандрит Леонид кроме великолепных пасхальных риз (17 комп.) приобрел в ризницу множество облачений иерейских и диаконских. Для великих праздников им заведены 12 комплектов новых облачений, в каждом комплекте по 12 иерейских, 8 диаконских и по одному облачению для самого архимандрита разнообразных цветов, рисунков и материалов. Например, кроме черных и фиолетовых, есть еще облачения цвета «вороньего крыла» и т. п. Особенною роскошью отличаются облачения для отца архимандрита: эти ризы сшиты из особенно богатой материи. На многих из них, кроме обыкновенной вышивки, вышиты иконы Святой Троицы, Св. Архангелов, Голгофы, Воскресения Христова, Снятия со Креста. Одних митр, с крестами на них, записанных в опись, — 15; кроме того, 14 митр, из них очень много весьма ценных, поднесенных или подаренных архимандриту Леониду, составляют его личную собственность. Также очень велико количество священных сосудов, приобретенных покупкою или пожертвованных. Некоторые из них очень художественной работы, а три святых потира, назначенные для причащения паломников, еще и весьма велики по своим размерам. Столь же ценны и многочисленны и другие вещи в Троицком соборе. Церковной и ризничной описи не ведется. При мне сосчитаны и записаны были вещи с натуры.

2) В здании Миссии находится первоначальная церковь во имя св. великомученицы Александры, построенная одновременно с самым зданием, внутри четырехугольника миссийских корпусов. Первое время она, по требованию турецкой власти, была ниже стен Миссии, дабы не было видно креста, а впоследствии поднята и покрыта куполом. В настоящее время она служит трапезной церковью, в то же время она имеет прямой выход к русской больнице и служит для отпевания скончавшихся русских паломников. Размеры церкви, имеющей форму креста, очень не велики, западная часть для трапезы отделена завесою. Иконостас черный с резьбою и позолотой. Шесть местных больших икон в нижнем ряду иконостаса — художественной чеканной работы, вверху малые иконы, очень много других икон хорошего письма и стенная живопись удовлетворительного достоинства. Церковь нуждается в капитальном ремонте вследствие закопченности стен и потолка и следов сырости. Ризница в церкви — отдельная от Троицкого собора и небогатая. Имеется особый звон в три колокола.

3) Церковь св. равноапостольной Марии Магдалины находится на склоне Елеонской горы вне стен Иерусалима, близ сел. Гефсимании. Уже издали эта церковь, выстроенная в русском стиле с 5 золочеными главами и небольшой шатровой коло-

кольней, красиво расположенная на склоне горы, производит чарующее впечатление на душу русского человека, перенося его мысль и чувства к далекой, всегда милой родине. Храм этот построен на средства в Бозе почившего Государя Императора Александра III и Его Августейших братьев в память о в Бозе почившей Императрицы Марии Александровны, которая питала особое почитание к святым местам Иерусалима. Церковь эта строилась 3,5 года и была освящена 1 октября 1899 г. в присутствии Их Императорских Высочеств: [ныне] в Бозе почившего Великого князя Сергия Александровича, Великой княгини Елизаветы Феодоровны и Великого князя Павла Александровича. Внутренность храма очень красива и по своему выдержанному стилю вполне соответствует внешнему виду. Особенное внимание обращает на себя изящный резной темно-коричневого цвета иконостас с образами, рисованными русским художником Верещагиным, и его же замечательной работы запрестольный образ: святые жены-мироносицы у погребальной пещеры Воскресшего Господа. На верхней части алтарной апсиды очень большая стенопись, изображающая св. Марию Магдалину, явившуюся к римскому императору Тиверию с проповедью. Вид с церковной паперти на Иерусалим в высшей степени живописный: ни с какого другого окрестного места так красиво не видна вся панорама Иерусалима, как отсюда. К церкви принадлежит небольшой домик на том же участке, выстроенный в память в Бозе почивших Великого князя Константина Николаевича и Великой княгини Александры Георгиевны.

Церковь эта, заслуживающая, в виду всего вышеизложенного, особого внимания начальника Миссии, в настоящее время представляет вид некоторой запущенности. Стены и колонны на паперти сплошь исчерчены надписями фамилий многочисленных посетителей. Ценные резные двери в церковь облупились от дождя и жары. На стенах кое-где заметны следы сырости и трещины по окраске.

На мой вопрос, почему не приняты меры к поддержанию сего достопамятного и величественного храма в должном порядке, архимандрит Леонид ответил, что состояние средств Миссии не дает возможности содержать этот храм в полном порядке, но что Миссия делает все, что возможно, тем более, что доходы храма крайне малы и Миссия несет расходы по совершению богослужения, по содержанию земельного участка, по найму сторожа и прочих. Между тем, из данной мне из канцелярии Палестинского Общества справки, которое обратило особое внимание на состояние сего храма, видно, что при передаче этого храма в заведование Духовной Миссии, покойный архимандрит Антонин признавал необходимым назначение 5.000 руб. золотом в год на ремонт храма, отопление его, содержание причта и сторожей. В Бозе почивший Государь Император Александр III признал это ассигнование желательным и затем, по всеподданнейшему докладу обер-прокурора Св. Синода о назначении источника на отпуск означенных 5.000 руб., изволил признать справедливым отнести этот расход на счет сумм Палестинского Общества. С 1890 года означенные 5.000 руб. ассигнованы Обществом в дополнение к 10.350 руб., отпускавшимся из сумм Общества на содержание Миссии по действовавшему тогда штату. Согласно Высочайшего утв. 9 декабря 1895 г. ныне действующему штату, Палестинское Общество вносит на содержание Миссии 27.132 руб. в год, в каковую сумму, по его соображению, входят и вышеуказанные 5.000 руб. Независимо от сего Обществом в 1900 г. был произведен в церкви св. Марии Магдалины капитальный ремонт, между прочим, позолочены купола, исправлена крыша, устроена вентиляция и подновлена стенная живопись, на что израсходовано 11.617 руб. 38 коп.

В 1902 г. до сведения в Бозе почившего Великого князя Сергия Александровича дошли крайне неутешительные известия о месте при церкви св. Марии Магдалины, которое, по рассказам очевидцев, совершенно запущено. «Если по каким-либо причинам, — между прочим, писал начальнику Миссии генерал от Кавалерии М. П. Степанов, — Ваше Высокопреподобие затрудняетесь иметь попечение

об этом месте, то не откажите высказаться по сему с полной откровенностью, и Великий Князь согласится изъять его из Вашего заведования, желая и требуя лишь, чтобы это дорогое для Царской Семьи место было всегда в образцовом порядке и чтобы тот, на чьем заведовании оно будет находиться, относился к нему с любовью и особенным вниманием». На это письмо бывший в то время начальник Миссии архимандрит Александр, письмом от 5 декабря 1902 г., ответил генералу М. П. Степанову, что, соответственно имеющимся средствам, Миссия постоянно заботится о Гефсиманском участке и впредь нисколько не затрудняется иметь о нем попечение. Только дело в том, что Миссия не в силах привести это место «в образцовый порядок», вполне соответствующий своему названию «Царский участок». Для этого требуется произвести такой большой денежный расход, который, при всем желании, Миссии оказывается вовсе не по ее средствам. Надо иметь в виду, что в то время, т. е. через 2 года после капитального ремонта храма в 1900 г., едва ли требовался большой денежный расход и [едва ли] недостаточно было назначенных по Высочайшему повелению на ежегодные расходы 5.000 руб. Представляется однако непонятным, каким образом это специальное ассигнование на определенную цель, при утверждении в 1895 г. новых штатов, не было особо выделено по расходам Миссии по прямому предмету своего назначения, а, так сказать, как бы пропало из виду в числе других расходов Миссии, причем на хозяйственные, собственно, расходы по всем храмам и зданиям по смете Миссии назначено всего 5.500 руб. золотом. Необходимо было помянутые 5.000 руб. полностью назначить в расход, согласно всеподданнейшему докладу по Палестинскому Обществу за 1889 год, «на ремонт храма, отопление его, содержание причта и сторожей», с распределением всей суммы на эти потребности по особой смете. Вместе с тем, имея в виду, что помянутые 5.000 руб. входят в общие ресурсы Миссии, надо признать справедливым, чтобы в настоящее время на содержание церкви св. Марии Магдалины и участка уделялись достаточные суммы из нештатных доходов Миссии. Предметы ризницы и утварные принадлежности церкви св. Марии Магдалины довольно многочисленны и ценны, но большая часть их хранится в ризнице Свято-Троицкого собора, в виду лучшей сохранности этих вещей, из коих многие пожертвованы Августейшими Особами.

4) Церковь во имя Божией Матери, Казанской Ее иконы, в Горненской общине — небольшая одноэтажная, с одной главою и с остроконечной небольшой колокольнею. Иконостас двухъярусный с иконами хорошего письма. Церковь построена покойным архимандритом Антонином. Утварь и ризница церкви не богаты и не обильны. Церковь содержится в порядке, но признана в настоящее время малопоместительною в период паломнического движения.

5) Значительно больше церковь Вознесения Господня в Елеонской общине, построенная архимандритом Антонином на месте существовавшей здесь древней церкви. В ней покоится и прах почившего храмоздателя. Рядом с церковью, но особой постройкой, высится колокольня церкви в 20 саж. вышины — самое высокое здание в Иерусалиме и около него. Церковь выстроена в древнегреческом стиле, двухэтажная и сравнительно темная. Содержится в чистоте и порядке, но признана малопоместительною, в виду большого количества посещающих Елеонскую общину богомольцев. Иконостас вызолоченный с 17 иконами. Ризница и церковная утварь в достаточном количестве и вполне исправная.

6) Церковь во имя св. Апостола Петра, с приделом праведной Тавифы в Яффском подворье, очень красивой архитектуры и весьма поместительная, с внутренними хорами, сооружена архимандритом Антонином на месте дома св. Тавифы. Богомольцев-паломников в церкви бывает немного, и то лишь на обратном пути, в ожидании пароходов. Очень высокая колокольня церкви видна далеко с моря, а равным образом и с поезда железной дороги. Внутри церковь богато украшена стенописью из событий жизни Апостола Петра. Иконостас многоярус-

ный, очень хороший. Церковная утварь и ризница в достаточном количестве, довольно скромная.

7) Храм св. Пророка Илии на горе Кармил, близ г. Кайфы — очень небольшой, в форме греческого креста и греческой архитектуры, но для крайне малочисленных паломников и немногочисленных местных православных жителей-арабов вполне достаточный. Иконостас небольшой одноярусный, но хороший. Ризница и утварь небольшие. Вещи взяты, главным образом, из Троицкого собора в Иерусалиме, а отчасти пожертвованы.

8) Храм Святой Троицы у Дуба Мамврийского с двумя приделами, из коих правый — во имя святителя Алексия, Митрополита Московского, а левый — во имя святителя Николая Чудотворца, расчитан на 2.000 богомольцев. Храм великолепный, построен в форме восьмиконечного креста с пятью куполами и высокой колокольнею. Иконостас мраморный и все три престола также из полированного мрамора. Иконы в иконостасе, а равным образом и по бокам — почти все ветхозаветных праведников и священных событий Ветхого Завета — особенною правильностью письма не отличаются. Стенной росписи нет. Храм совершенно готов к освящению. Ризницы пока еще нет, но утварь церковная имеется в изобилии. Пожертвовано по несколько комплектов священных сосудов, подсвечников и хоругвей. Имеется несколько паникадил и люстр.

17. Здание Духовной Миссии; помещения и келлии для монашествующих

Иерусалимская Духовная Миссия помещается в очень обширном здании, специально для нее построенном на Русских постройках, рядом одновременно и со зданиями консульства, русской больницы и старых подворий Палестинского Общества. Здание Миссии построено в форме квадрата в два этажа с садиками посреди корпуса и дворами. В здании, кроме упомянутой выше церкви во имя св. великомученицы царицы Александры, во втором этаже расположено обширное помещение для начальника Миссии, приют для паломников — духовных лиц, которые во время пребывания в Иерусалиме обязаны жить в здании Миссии. Рядом с помещением начальника Миссии отведены 2 комнаты для Канцелярии и Архива. В нижнем этаже помещаются келлии монашествующих, драгоманская, приемная для посетителей, помещения для певчих, прислуги и сторожей, кладовые, просфорная, кухня, пекарня и другие хозяйственные службы.

Все помещения Миссии очень высокие, светлые и обширные, не исключая и келлий. Здание содержится в достаточном порядке, хотя, при обширности его, чистота соблюдается не везде. Однако дурного запаха не наблюдается, вследствие того, что архимандритом Леонидом совершенно переделана канализация, с постановкою более широких труб и с устройством новых ватерклозетов. Здание нуждается в основательном малярном ремонте. Казенная мебель и обстановка в помещении начальника Миссии и во многих других келлиях также значительно обветшали.

18. Музей и библиотека Миссии

Миссия имеет музей древних вещей, частью оставшихся еще от покойного архимандрита Антонина, а частью поступивших при архимандрите Леониде. Большинство этих вещей найдено при раскопках в Иерусалиме и других местах Палестины, во время производства построек, а часть пожертвована разными лицами. Музей помещается в двух комнатах и размещен плохо. Кроме него есть еще маленькие собрания Палестинских древностей в Елеонской общине, в Иерихонском, Хевронском и Тивериадском приютах. Все эти древности требуют разборки,

описания и надлежащего размещения в одном нарочитом музее. Библиотека Миссии очень большая по количеству названий и томов, состоит из книг Священного Писания, творений Святых Отец и церковных писателей на греческом, латинском, еврейском, арабском, русском, французском, английском и других языках. Имеется много сочинений русских духовных писателей, а также несколько рукописей. Кроме духовных книг есть много сочинений светского содержания, например, русских классиков и писателей XIX столетия, отчасти в изданиях журнала «Нива». Библиотека основана покойным архимандритом Антонином, причем наибольшее количество книг составляли собственную библиотеку покойного. После его смерти его рукописи и дневники, по объяснению архимандрита Леонида, были взяты из библиотеки в Палестинское Общество, а самое помещение библиотеки долгое время было опечатано консульскою печатью. Затем она была разобрана профессором Поповым, а ныне приводится в порядок заведующим ею, иеромонахом Сергием. Но часть книг еще не разобрана, а присланные для этой библиотеки в последнее время в качестве пожертвований книги даже еще не распакованы, за неимением шкафов, и лежат в квартире начальника Миссии.

19. Заключение

Произведенное мною обозрение хозяйственной деятельности Иерусалимской Духовной Миссии, в связи с ревизией книг и документов и фактическим осмотром храмов, зданий, построек и земельных участков, приводит к следующему заключению.

1. Денежное хозяйство Духовной Миссии в настоящее время находится в очень затруднительном положении, граничащем с полным кризисом. Наличных денег не имеется, процентные бумаги запасного капитала, возвращенные из Хозяйственного Управления, почти все проданы или заложены, имеются большие долги банкам, поставщикам и частным лицам как на Миссии, так и на начальнике ее, жалованье служащим Миссии за 1914 год еще не выдавалось, подрядчикам и рабочим значительная часть заработной платы задержана, вклады и пожертвования израсходованы на нужды паломнических приютов и на постройки.

2. Общий итог задолженности Миссии, на основании имеющихся в Миссии документов и счетов, исчисляется в сумме 124.034 руб. Но обнаруженное при ревизии дел Миссии денежных книг и счетов отсутствие очень многих документальных данных о расходах, произведенных начальником Миссии по приобретению участков, укрепленных на его имя, и по постройкам, возведенным на этих участках, дают основание полагать, что указанный размер долга (124.034 руб.) далеко не выражает собою всей суммы задолженности Миссии и ее начальника. Сведения же, данные по этому вопросу архимандритом Леонидом, слишком общи, не всегда точны и при этом несколько преувеличены в сторону увеличения стоимости приобретенных участков и произведенных им построек.

3. Главною причиною такового расстройства денежных дел и хозяйства Миссии является отклонение Духовной Миссии от положенных в основу ее деятельности задач по удовлетворению духовных потребностей русских паломников в противоположную сторону — в обслуживание материальных нужд паломнического дела. В частности, при этом уклонении в материальную сторону служения паломническому делу начальник Миссии расширил круг хозяйственных забот, сравнительно с установленным Святейшим Синодом ограничением этих забот лишь попечением о земельных участках, приобретенных покойным архимандритом Антонином, а также о переданных в заведование Миссии Императорским Палестинским Обществом.

4. Стремясь к расширению объема деятельности Иерусалимской Духовной Миссии в деле ее служению русскому паломничеству, архимандрит Леонид за

последние годы развил весьма широкую деятельность по покупке земельных участков и по постройкам храмов и зданий, причем некоторые из этих покупок и построек следует признать излишними, невыгодными и ненадежными в отношении прав владения на них.

5. В своей деятельности по приобретению участков и по сооружению церквей и подворьев архимандрит Леонид, во-первых, вызвал противодействие этой деятельности и возбудил протест со стороны Иерусалимской Патриархии и греческого духовенства по приобретению некоторых из этих участков, имеющих значение как места священных воспоминаний. Во-вторых, вошел в нежелательные отношения с Императорским Православным Палестинским Обществом в деле приобретения участков и постройки на иных [из них] подворьев для паломников в тех местностях, где уже ранее обосновалось названное Общество, вызвав этими действиями среди деятелей Общества подозрение, что Духовная Миссия руководится в этом случае идеею широкого захвата всего паломнического движения. Наконец, в-третьих, архимандрит Леонид, в отступление от предписанного ему Св. Синодом должного единодушия и христианского согласия в делах Миссии, требовавших сношений с турецкою администрациею, уклонялся от необходимого содействия консульской власти, вследствие чего вообще его взаимные отношения с Генеральным Консулом в Иерусалиме являются не вполне дружественными.

6. Полное израсходование принадлежащего Духовной Миссии запасного капитала, главным образом на сооружение храмов и зданий для паломнических приютов, поставило хозяйство Миссии в очень тяжелое положение. Израсходование такового же капитала, принадлежащего Горненской общине, которая содержится исключительно на свои средства, надо считать угрожающим дальнейшему существованию самой общины.

7. Израсходовав помянутый запасный капитал и очень значительные суммы из нештатных средств Миссии и полученные пожертвования, так называемые «частные средства», на приобретение земельных участков, сооружение храмов и зданий и на изготовление новой большой ризницы, архимандрит Леонид не проявил должной хозяйственной заботливости относительно находящихся в Иерусалиме храмов Миссии, и за время своего управления Миссиею ни разу не произвел капитального ремонта этих храмов, вследствие чего они находятся ныне не в надлежащем порядке. В частности, архимандрит Леонид не принял должных мер к тому, чтобы находящийся в заведовании Миссии величественный и достопамятный храм св. Марии Магдалины и участок при оном находились всегда в самом лучшем состоянии, к чему он обязывался как тем значением, которое имеет этот храм, так и тем, что на его содержание Миссии особо ассигнована довольно значительная сумма.

8. Неукрепление за Духовною Миссиею до последнего времени хотя бы некоторых более ценных земельных приобретений архимандрита Леонида на вакуфном праве или на имя Русского правительства может причинить большой убыток для Духовной Миссии и даже сделать бесцельными все те значительные денежные расходы, которые были связаны с покупкою земельных участков и с постройкою на них храмов и зданий.

9. В своих действиях по приобретению участков, и особливо по сооружению храмов и по постройкам капитальных зданий, архимандрит Леонид допускал произвол, так как делал означенные приобретения и производил постройки без испрошения предварительно разрешения Св. Синода, без представления на рассмотрение Хозяйственного Управления смет, проектов и эскизов на проектируемые постройки, а по окончании их не представлял отчетности по оным. Вообще не представлял никаких денежных отчетов в Контроль при Святейшем Синоде, не доставлял периодических сведений о происходивших переменах в имуществе Мис-

сии, причем и в самой Миссии никаких записей о нем не велось, а равно не велось церковных описей. Ведение отчетных книг по Миссии оказалось неудовлетворительно.

10. Принятие каких-либо мер по отношению к обнаруженным при ревизии хозяйства Духовной Миссии неправильным действиям начальника Миссии, к предотвращению оказавшихся упущений, к приведению в порядок денежных дел Миссии, к погашению ее долгов, к надлежащему укреплению за Миссиею недвижимых имуществ и проч. возможно лишь по окончании войны с Турцией. Означенные меры должны быть приняты в зависимости от того политического положения, в каком окажется Палестина, а также в зависимости от того, какая участь постигнет Духовную Миссию, состоящие при ней учреждения и принадлежащие ей недвижимые земельные имущества, храмы и другие здания.

Приложения

1. СПИСОК
земельных участков, принадлежащих Русской Духовной Миссии, завакуфленных покойным о. архимандритом Антонином 10/22 сентября 1889 года (96 Мухарем 1307 г. геджры)

1. Яффский сад, участок под названием «Дарбатин Дабита» близ Яффы, в 20 минутах пути от города. Этот участок состоит из фруктового апельсинового сада, где находится храм во имя св. Апостола Петра и праведной Тавифы, и 7 каменных домиков, из коих 3 служат приютом для паломников. Каменная ограда на извести вокруг всего участка: 33,750,87.

2. Участок на вершине Елеонской горы, находящейся в 3/4 часа пути от Иерусалима, в 30 шагах от мечети, заключающий в себя место Вознесения Христова, и рядом с арабской мусульманской деревнею Ел-Тур.

На этом участке находятся: 1) храм во имя Вознесения Господня, приют для паломников и 12 корпусов для послушниц Елеонской Русской женской общины, основанной в 1904 году, во главе с монахинею Евпраксиею.

Каменная ограда на извести вокруг всего участка: 53,748,50.

3. Участок в деревне Силоам, в 1/2 часа езды от Иерусалима, состоящий из двух пещер, высеченных в скале, из коих большая пещера называется «Мегарет уз Зуннах» (пещера с поясом или с карнизом) и представляет из себя домик в одну комнату, высеченную целиком в скале, а другая пещера, меньших размеров, ничего особенного из себя не представляет.

Каменная ограда на извести вокруг всего участка: 684,08.

4. Участок в деревне по имени «Горняя» (Мусульманское название Айн-Карем), в одном часе езды от Иерусалима.

На этом участке находятся: 1) храм во имя Казанской Божией Матери, 2) два приюта для паломников, посещающих Горнюю, 3) несколько десятков домиков, где живут послушницы, известные под названием сестер Горненской Русской женской общины, основанной покойным о. архимандритом Антонином, 4) новый большой строящийся храм.

Каменная ограда на извести вокруг всего участка: 222,591,37.

5) Участок Сибта с Мамврийским Дубом близ г. Хеврона (по-арабски Ель-Халиль), в 5 часах пути от Иерусалима. На этом участке находится большой приют для остановки паломников, посещающих Мамврийский Дуб. Выстроен большой каменный храм, готовый к освящению.

Каменная ограда на извести вокруг всего участка: 70,321,41.

6) Участок близ г. Иерихона (по-арабски Ериха), в 6 час. пути от Иерусалима. Означенный участок состоит из фруктового сада. Здесь выстроен обширный приют

для отдыха паломников, посещающих Иордан и Мертвое море. Недавно выстроена часовня (молитвенный дом). Вокруг всего участка — каменная на извести ограда: 15.127,63.

(Подписал) Архимандрит Леонид

2. СПИСОК
земельных участков, принадлежащих Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, купленных покойным о. архимандритом Антонином, но не завакуфленных после его смерти

А.

№№ п/п	Приписаны в дар в Бозе почивающему Великому Князю Сергию Александровичу наследниками покойного архимандрита Антонина	Размер в квадратных метрах
1	Участок под именем «Кермь Уль-Газаль» (место Каллистрата) на склоне Елеонской горы. Каменная на извести ограда вокруг всего участка. Временный владенный акт	2803
2	Участок под названием «Кермь-Уль-Хароб» Пешера Пророков (Кабур-Уль-Энбия) на склоне Елеонской горы. Каменная на извести ограда вокруг всего участка. Временный владенный акт	1503,88
3	Участок у подошвы Елеонской горы против Гефсиманского сада, где находится церковь во имя св. Марии Магдалины. Каменная на извести ограда вокруг всего участка. Перев. на имя Русского правительства в 1896 г.	118,30
4	Участок «Бейт-Ель-Хароб» при входе в деревню Аната, в 1 часе пути к северо-востоку от Иерусалима. Каменная на извести ограда вокруг всего участка. Временный влад. акт	645
5	Участок «Уара-Ед-Дуббак» с 2 пещерами, из коих большая называется Румание, или Дейрь Яссиние, находится к юго-востоку от Иерусалима в той части Кедронской долины, которая называется «долина Суахре» в 1 $^1/_2$ часа езды от Иерусалима. Каменная ограда на сухой кладке. Временный влад. акт	2493,51
6	Участок «Хакурет-Ель-Баядер» или Уллие в деревне Силоам, в ущелье Кедронского потока. Каменная ограда на извести вокруг участка. Временный влад. акт.	
7	Участок «Рас-Она» на верхушке Горы Рас-Оны, соседней с деревнею Бет-Джалой. Каменная ограда на сухой кладке. Временный влад. акт	9509,95

Б.

№№ п/п	Имущество, оставшееся после смерти архимандрита Антонина без всяких документов на владение ими	Размер в квадратных метрах
А)	Участок со сводами в г. Тивериаде, где стоял старый дом для приюта паломников. Кушан на имя архимандрита Леонида	773,91

(Подписал) Архимандрит Леонид

3. УЧАСТКИ,
приобретенные на имя о. архимандрита Леонида

№№ п/п	Где	Размер в кв. м.	Оценка руб. коп
1	Бет-Захария, на полпути к Хеврону с подворьем		50.000
2	В Вифании — участок и большой дом. Ограда на извести		40.000
3	Участок на дороге в Иерихон, цистерна и ограда		7.000
4	В Бейт Сауре (Пастушки) за Вифлеемом		4.000
5	В Анате (древний Анафоф) участок: комната и ограда на извести		3.500
6	«Камень Сидения» — место близ Горненской общины. Ограда*		5.100
7	Около пещеры Румание		8.000
8	Катамон близ Иерусалима		10.000
9	В г. Кайфе. Подворье — ограда, большой дом		70.000
10	На горе Кармил близ Кайфы. Церковь и постройки		55.000
11	В Тивериаде. Подворье. Ограда		18.000
12	Магдала, близ Тивериады. 2 участка с источником. Ограда		30.000
13	Любиэ, у горы Фавор. Ограда		3.500
14	В г. Назарете — участок и ограда		12.000
15	В Дженнине — между Наблусом и Назаретом. Ограда		7.000
16	В Кане Галилейской		4.000
	Всего на сумму		327.100

7 августа 1914 г. Иерусалим

(Подписал) Архимандрит Леонид

4. ВАКУФЫ
М. В. Миловидовой и И. Г. Силаевой

1	Дом Марии Васильевны Миловидовой в пользу Елеонской русской церкви	40.000
2	Дом Ирины Григорьевны Силаевой завакуфлен в пользу бедных русских поклонников, живущих в Иерусалиме	20.000
		60.000 руб.

7 августа 1914 г. Иерусалим

(Подписал) Архимандрит Леонид

* За этот участок уплачено из сумм Горненской общины 3.232 руб. 72 коп. в 1913 г.

Богословские труды

Сборник 36

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме:
новые документы и материалы

Издательство Московской Патриархии.
119435, Москва, ул. Погодинская, 20.
ЛР № 030587 от 29.12.98.
Подписано в печать 14.08.2001.
Объем 19 печ. л. Формат 70х100/16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Зак. 1915
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры